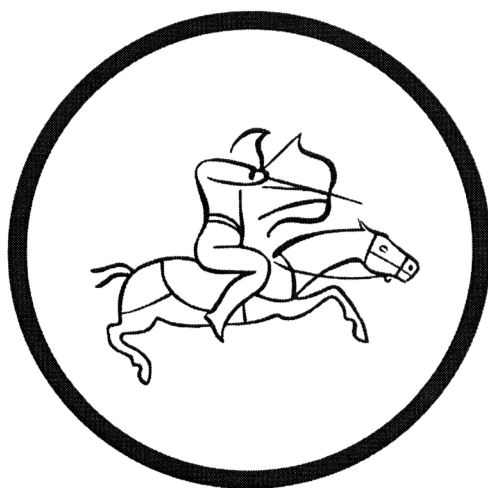

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Институт археологии РАН
Министерство культуры Республики Татарстан
Елабужский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 8

**У ИСТОКОВ АРХЕОЛОГИИ
ВОЛГО-КАМЬЯ
(к 150-летию открытия
Ананьинского могильника)**

Елабуга – 2009

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 8

Ответственные редакторы и составители:

кандидат исторических наук **С.В.Кузьминых** (Москва)
кандидат исторических наук **А.А.Чижевский** (Казань)
Генеральный директор Елабужского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника, Заслуженный работник
культуры РФ и РТ **Г.Р.Руденко** (Елабуга)

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, **Хузин Фаяз Шарипович** (Казань) – сопредседатель, **Артемьева Надежда Григорьевна** (Владивосток), **Афанасьев Геннадий Евгеньевич** (Москва), **Байпаков Карл Молдахметович** (Алматы, Казахстан), **Белорыбкин Геннадий Николаевич** (Пенза), **Боталов Сергей Геннадьевич** (Челябинск), **Волков Игорь Викторович** (Москва), **Гмыря Людмила Борисовна** (Махачкала), **Евглевский Александр Викторович** (Донецк, Украина), **Кляшторный Сергей Григорьевич** (С.-Петербург), **Кызласов Игорь Леонидович** (Москва), **Мухамадиев Азгар Гатауллович** (Казань), **Мыц Виктор Леонидович** (Симферополь, Украина), **Нарожный Евгений Иванович** (Армавир), **Овсянников Владимир Владиславович** (Уфа), **Руденко Константин Александрович** (Казань), **Савинов Дмитрий Глебович** (С.-Петербург), **Табалдиев Кубатбек Шакиевич** (Бишкек, Киргизия), **Татауров Сергей Филиппович** (Омск), **Тихонов Сергей Семенович** (Омск), **Тишкин Алексей Алексеевич** (Барнаул), **Фодор Иштван** (Будапешт, Венгрия), **Худяков Юлий Сергеевич** (Новосибирск).

У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 8. – Елабуга, 2009. – 276 с.

Восьмая книга из серии «Археология евразийских степей» объединяет статьи участников Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию открытия Ананьинского могильника. В сборнике представлены итоги изучения ананьинского мира и его окружения за прошедшие полтора столетия, приведены публикации новых археологических памятников. Проблемы изучения звериного стиля раннего железного века лесной и степной зоны составляют отдельный блок статей. Ряд публикаций знакомит читателей с естественнонаучными и экспериментальными методами исследований материалов раннего железного века.

Книга рассчитана на археологов, историков и людей, интересующихся древней историей Волго-Камья.

ISBN 978-5-91607-031

© Институт истории АН РТ, 2009
© Институт археологии РАН, 2009
© Елабужский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, 2009

Ананьинский могильник. Этюд И.И.Шишкина. 1868 г.

Ананьинский могильник. Фото 2008 г.

Предисловие

В 2008 г. исполнилось 150 лет с начала первых археологических раскопок Ананьинского могильника. Открытие этого памятника стало одной из важнейших вех в истории отечественной археологии. Раскопки П.В. Алабина и И.В. Шишкина в Ананьине положили начало процессу научного археологического изучения северо-востока Европейской части России.

К юбилею этого события была приурочена Международная научно-практическая конференция, организованная Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ, Институтом археологии РАН и Елабужским государственным музеем-заповедником. Она проходила 8–12 сентября 2008 г. в Елабуге на родине первооткрывателя этого некрополя Ивана Васильевича Шишкина, в городе нерасторжимо связанном с историей исследования Ананьинского могильника. В работе конференции приняли участие 38 ученых из России, Украины, Финляндии и Германии, а также историки и краеведы из Елабуги, Казани и Набережных Челнов.

Всего было заслушано 34 доклада, посвященных наиболее актуальным проблемам археологии ананьинского мира и в целом раннего железного века Восточной Европы и Западной Сибири. Участники конференции имели возможность познакомиться с музеями, историческими и архитектурными памятниками заповедной части старой Елабуги и оценить уникальный опыт по сохранению ее историко-культурного наследия, накопленный в последние годы Елабужским государственным музеем-заповедником при поддержке города, района и республики. Экскурсионный выезд по археологическим памятникам Елабуги и ее окрестностей пролегал по маршруту Чортово городище – Луговской археологический микрорайон – Ананьинская дюна.

По итогам работы конференции принята резолюция, которая приведена в конце настоящего издания. Одним из ее пунктов является желание скорейшей публикации материалов конференции.

В данном сборнике представлена большая часть заслушанных докладов. Статьи тематически разделены на четыре блока. Первый из них посвящен истории изучения самого Ананьинского могильника. С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский наметили основные вехи в истории изучения некрополя, показали судьбу его коллекций, дали характеристику находок и погребаль-

ного обряда. Кристиан Карпелан и Пирьё Уйно в очерке о коллекции предметов из Ананьинского могильника в собрании Музейного ведомства Финляндии обращаются к истории формирования данного собрания, дают оценку его научной значимости. О.М. Мельникова представила неизвестные ранее архивные материалы (письма и отчеты), характеризующие вклад сарапульских краеведов в изучение Ананьинского могильника, методику их работы и судьбу собранных ими коллекций.

Во второй раздел вошли работы, связанные с изучением ананьинского мира и его окружением. В статье С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского представлено современное состояние ананьинской проблемы, показаны истоки формирования ананьинского культурного комплекса и его многокомпонентный характер, уточнена хронология памятников АКЮ, намечены последующие исторические судьбы населения ананьинской области. В.А. Иванов путем сравнительного типологического анализа керамики также приходит к выводу о многокомпонентности керамических комплексов ананьинского мира. В статье В.С. Патрушева, ряд положений которой не разделяется редакторами и составителями сборника, дается общая характеристика раннеананьинских могильников Волго-Камья, их хронология и этническая принадлежность. Е.М. Черных подводит итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища – базового поселенческого памятника Удмуртского Прикамья. Выделены основные периоды его функционирования, определена хронология объектов и периодов в целом, подробно характеризуются остатки материальной культуры. Полевым исследованиям на городище Ермаша посвящена статья В.П. Мокрушина, который публикует комплексы конца ананьинской – начала гляденовской эпох. М.Г. Косменко обратился к северо-западному ареалу ананьинского мира (Карелия, Фенноскандия), сделав упор на характеристику археологических культур Северной Европы с ананьинскими элементами. Автор пришел к важным выводам о гибридном характере данных культур и разном происхождении их культурных компонентов. М.Г. Гусаков и Г.К. Патрик рассмотрели немногочисленные случаи находок на городищах раннего железного века лесной полосы Восточной Европы погребений человека. Анализируя эти данные, они пришли к новому пониманию природы городи-

ща и его функции в жизни человека того времени. Статья *Л.Н. Коряковой, С.Е. Пантелеевой, А.А. Ковригина и С.В. Шарановой* знакомит читателя с результатами многолетних раскопок зауральского Павлинова городища. На основании изучения соотношения основных культурных типов авторы пришли к заключению о проживании здесь представителей близких, родственных в культурном отношении кланов. *Л.Т. Яблонский* подвел итоги исследования «царского» Филипповского курганного могильника, богатство находок которого и необычный погребальный обряд открыли новую страницу в истории изучения «савромато»-сарматских памятников Южного Урала.

Третий блок статей связан с естественнонаучными и экспериментальными методами исследований. *О.В. Бакин* характеризует ландшафт юга Вятско-Камского междуречья и реконструирует динамику природных условий в голоцене. В статье *А.Г. Петренко* обращается внимание на то, что даже незначительные изменения природной среды оказывали влияние на хозяйственную деятельность человека, причем они отражались в социумах неодинаково и были связаны либо с миграциями, либо с адаптацией местного населения к изменившимся природным условиям. *И.Р. Газимзянов* обратился к анализу палеоантропологических материалов Волго-Камья позднего бронзового и раннего железного веков. В итоге он пришел к заключению, что имеющиеся коллекции отражают сложный и неоднородный антропологический состав населения региона на протяжении всего исследуемого времени. В статье *Н.Н. Тереховой и Л.С. Розановой* рассматриваются истоки производственных традиций кузнечных изделий у населения ананьинского мира, отстаивается гипотеза о наследовании ананьинскими мастерами кавказских кузнечных традиций и передаче навыков металлообработки путем миграции мастеров с Кавказа. *О.А. Лопатина* обратилась к проблеме происхождения «текстильных» отпечатков на керамике дьяковской культуры и наметила те технологические операции, в результате которых они образовались.

В четвертый – заключительный – раздел сборника вошли статьи, посвященные звериному стилю раннего железного века. *К.И. Корепанов и М.Ф. Обыденнов*, обозрев искусство ананьинской культурно-исторической области,

предприняли попытку выделения в нем художественных стилей и уже на этой основе реконструировали культово-мифологический комплекс эпохи раннего железа. *Ю.П. Чемякин и С.В. Кузьминых* обратились к исследованию культовых птицевидных изображений раннего железного века Северной Евразии. Проанализировав значительный круг находок, они пришли к выводу о том, что данный образ появляется в металлопластике Волго-Камья, Урала и Западной Сибири практически одновременно и связан в своих истоках с иткульской и культурами ананьинского мира. *Ю.Б. Полидович*, изучив широкий круг рукоятей с изображениями хищников, предположил, что ананьинский «звериный» стиль, несмотря на все своеобразие, является локальным вариантом скифского «звериного» стиля и сочетает в себе скифские и местные элементы. *А.Р. Канторович* рассматривает сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском искусстве, его развитие и пути формирования в среде «савроматской» и кара-абызской культур. *Г.Н. Вольная* (Керцева) обратилась к обсуждению параллелей в зооморфном искусстве ананьинской культурно-исторической области и кобанской культуры – теме, давно привлекающей внимание исследователей. Автором приведена сводка находок, свидетельствующих о связях населения Кавказа и Волго-Камья в первой половине I тыс. до н.э.

Таково краткое содержание настоящего сборника, который подводит определенный итог состояния ананьинской проблематики – со всеми достижениями и недостатками – на рубеже XX и XXI веков. Редакторы-составители надеются, что он вызовет пристальный интерес у широкого круга специалистов: археологов, этнологов, историков отечественной науки, представителей смежных естественнонаучных дисциплин. Мы также выражаем надежду, что обсуждение затронутых в сборнике проблем продолжится в рамках других научных форумов и в печати. Хотелось бы особо обратиться к молодому поколению исследователей и напомнить слова Михаила Георгиевича Худякова, который в начале века ушедшего писал о перспективах изучения ананьинской культуры: «... Перед будущими исследователями Волжско-Камского края лежит широкое поле, обещающее богатую жатву открытий». Слова эти справедливы и актуальны и в наши дни.

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

I. АНАНЬИНСКИЙ МОГИЛЬНИК: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИОГРАФИИ

С.В.Кузьминых, А.А.Чижевский

Ананьинский могильник: основные вехи исследований, коллекции и характер памятника

Ананьинский могильник – эпонимный и первый исследованный памятник ананьинской культурно-исторической области раннего железного века. В 2008 г. минуло 150 лет со дня его первых раскопок.

Основные вехи исследований. Находки из Ананьинского могильника впервые обратили на себя внимание священника Елабужской Покровской церкви Михаила Ардашева в 1849 г. (Худяков, 1923. С. 93), из ученых – известного русского историка, уроженца Елабуги К.И. Невоструева (1850-е гг.). В 1856 и 1857 гг. Невоструев и городской голова Елабуги И.В. Шишкин (рис. 1) – отец великого русского художника И.И. Шишкина – пытались выхлопотать в Удельном ведомстве Вятской губернии разрешение на раскопки могильника, но ведомство, управлявшее имуществом и землями, приписанными к царской фамилии, отказало в их прошении, оставив за собой право проведения раскопок на «казённых» государевых землях (Жаравин, 2004. С. 15) и поручив провести летом 1857 г. пробные раскопки памятника управляющему Удельной конторой г. Елабуги, вырывшему на дыню бессистемно и безрезультатно яму аршинами в четыре (Васильев, 2002. С. 446).

Первые раскопки Ананьинского могильника с научной целью провел в июне 1858 г. при содействии И.В. Шишкина П.В. Алабин (рис. 2), в то время помощник управляющего Вятской удельной конторой. Для работ на могильнике были согнаны крестьяне (около 100 человек) «с трех окрестных деревень: Ананьиной, Мальцевой и Поспеловой». В один день было вскрыто 47 погребений, включая коллективные по 2-3 человека; зафиксированы трупоположение, трупосождение, частичные захоронения, в том числе черепов. Конечно, ни Алабин, ни Шишкин не были специалистами-археологами, но по замечанию К.И. Невоструева, «запасшись руководствами по курганной части, тщательно и осторожно вели дело с «Фундуклеем в ру-

ках», все наблюдали, записывали и соображали» (1871. С. 77). По свидетельству современников, Алабин ходил по раскопу с корзиной, «находки обирал и запись вел» (цит. по: Васильев, 2002. С. 446).

Уже в сентябре того года П.В. Алабин написал отчет о раскопках могильника, в котором описал и определил время находок (добулгарский период) и предположил, что памятник оставлен скифами. Спустя год отчет был опубликован в «Вятских губернских ведомостях», а еще через год – в «Вестнике Императорского Русского Географического общества» (Алабин, 1859; 1860). Относительно методики раскопок Алабина и Шишкина, а также качества публикации первых раскопок Ананьинского могильника часто звучала и звучит до сих пор уничижительная оценка. Но следует иметь в виду, что «в ходе работ П.В. Алабин вел дневник раскопок, делал записи, составлял опись находок по мере их выявления. Однако при этом не было сделано рисунков, чертежей и карт, но их в то время не делал никто. Методика полевых работ, использовавшаяся на могильнике, соответствовала тем требованиям, которые рекомендовалось применять при раскопках археологических памятников» (Сенникова, 1998. С. 81). Публикация Алабина привлекла к себе внимание в научных кругах России. Именно с этого времени в отечественной и европейской историографии началось обсуждение проблемы Ананьинского могильника, которая только в начале XX в. станет проблемой ананьинской культуры в целом¹.

¹ См. полнее о начальном этапе истории изучения Ананьинского могильника и библиографии работ о памятнике в: (Tallgren, 1919. P. 34–35; Худяков, 1923; Збруева, 1937. С. 95–98; Археологическая карта... 1981. № 793; Штадлер, 1992; Васильев, 1992. С. 446–448), а также в статье К. Карпелана и П. Уйно в настоящем сборнике.

Во второй половине XIX – начале XX в. Ананьинский могильник подвергался многочисленным и бессистемным раскопкам. Приведем ниже составленный Ст.А. Васильевым (2002. С. 446), дополненный и скорректированный нами перечень посещений, обследований и раскопок, последовавших за исследованиями П.В. Алабина и И.В. Шишкина в 1858 г.

1. 1860–1870-е гг. – И.И. Шишкин, посещение. Сделал эскиз пейзажа могильника и пожертвовал его через Г.Н. Потанина Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. После образования Государственного музея изобразительных искусств РТ пейзаж оказался в его собрании. В настоящее время экспонируется в музее семьи Шишкиных в Елабуге.

2. 1865 г. – П.И. Лерх, небольшие раскопки, сборы и покупки.

3. 1870 г. – К.И. Невоструев, раскопки, сборы и покупки, в том числе приобретена у крестьян д. Ананьино каменная плита с изображением фигуры ананьинского воина, украшающая ныне экспозицию Государственного Исторического музея.

4. 1872 г. – Й.Р. Аспелин, раскопки и покупки (см. подробнее ниже в статье К. Карпелана и П. Уйно).

5. 1870-е гг. – Н.Ф. Высоцкий, Н.А. Толмачев, Н.М. Малиев, осмотр, частичные раскопки, покупки.

6. 1878 г. – Й.Р. Аспелин, посещение и покупки в дни IV Всероссийского Археологического съезда в Казани.

7. 1879 г. – П.Д. Шестаков, небольшие раскопки, покупки и сборы.

8. 1880 г. – П.П. Пасынков, небольшие раскопки и покупки.

9. 1880–1881 гг. – А.Н. Родаков, небольшие раскопки, сборы (до 40 различных предметов).

10. 1881 г. – М.В. Малахов осмотрел могильник 1 июня, сделал 3 фотоснимка с трех сторон. Местонахождение фотографий неизвестно.

11. 1881 г. – П.А. Пономарев, Н.П. Лихачев, Н.П. Загоскин, Н.М. Малиев, раскопки, покупки, сборы. Верхний слой дюны снят и тщательно просеян. На глубине 4-5 аршин обнаружено нетронутое погребение в каменном склепе из плит с 10 костяками и богатым сопроводительным инвентарем (около 350 предметов).

12. 1887–1888 гг. – А.А. Спицын, обследование.

13. 1891 г. – Ф.Д. Нефедов, раскопки. Вскрыл не менее 6 нетронутых погребений.

14. 1894 г. – Ф.Д. Нефедов, раскопки. Добыто несколько новых находок.

15. 1894 г. – П.А. Пономарев, А.Ф. Лихачев, Н.М. Малиев, раскопки. Площадь могильника была прорезана траншеями по направлению с севера на юг.

16. 1897 г. – И.А. Износков, покупки и сборы.

17. 1897 г. – Ф.Д. Нефедов, раскопки и сборы.

18. 1897 г. – барон Ж. де Буйе, осмотр и покупки.

19. Конец XIX в. – В.А. Толмачев, А.А. Штукенберг, Е.К. Тевяшев, покупки и сборы.

20. 1909 г. – А.М. Тальгрэн, обследование, сборы и покупки.

21. 1910-е гг. – М. Стрёмберг-Комарова, покупки.

22. 1930 г. – А.В. Збруева и Н.Ф. Калинин, обследование и раскопки. Вскрыто одно нетронутое мужское погребение. Выявлена степень поврежденности памятника прежними раскопками.

23. 1943 г. – П.П. Ефименко, разведочная траншея. Прошла по перекопанным участкам дюны.

24. 1989 г. – К.И. Корепанов, раскопки поселения эпохи поздней бронзы.

В конце XIX в. Ф.Д. Нефедов констатировал: *«Печальный вид представляет в настоящее время этот памятник: по всей дюне лежат бугры черной земли, ямы, всюду рассеяны черепки, человеческие кости, камни...»*. Причем, как отмечал М.Г. Худяков (1923. С. 94), *«археологи, производившие раскопки Ананьинского могильника, считали каждый свои работы за окончательные, но действительность не оправдывала их убеждения, и новые раскопки открывали еще не тронутые погребения»*. Архивная полевая документация раскопок XIX в. (чертежи, планы) не сохранилась, а в основном попросту не велась; известны, правда, описания вскрытых могил (Алабин, 1860; Eichwald, 1860; Aspelin, 1875. S. 114, 115; Пономарев, 1882; Нефедов, 1899). Изображения вещей полнее представлены в работах финских археологов Й.Р. Аспелина (Aspelin, 1877) и А.М. Тальгрена (Tallgren, 1919) (рис. 3). Среди российских исследователей лишь К.И. Невоструев (1871) и Ф.Д. Нефедов (1899) сопроводили свои публикации рисунками погребального инвентаря.

Среди старых – дореволюционных – раскопок наиболее тщательно в методическом отношении признаны исследования П.А. Пономарева (1882). Не случайно они привлекли пристальное внимание А.М. Тальгрена (1913; 1919), М.Г. Худякова (1923) и А.В. Збруевой (1937; 1952) при характеристике погребального обряда и инвентаря Ананьинского могильника и культуры в целом. К сожалению, полевая документация раскопок Пономарева большей частью оказалась утраченной при пожаре в его доме в Суконной слободе (Худяков, 1920). Методиче-

ски грамотные и документированные раскопки Ананьинского могильника провели в 1930 г. А.В. Збруева и Н.Ф. Калинин, но, к сожалению, к этому времени нетронутых раскопами и грабительскими ямами участков дюны практически не сохранилось; удалось выявить только одно не потревоженное перекопами погребение (Збруева, 1937. С. 100–104). Разведочная траншея П.П. Ефименко в 1943 г. прошла по уже перекопанному участку дюны (Збруева, 1952. С. 197). Последние раскопки в юго-западной части дюны предпринял К.И. Корепанов (1991), исследовавший в 1989 г. не потревоженные перекопами участки культурного слоя поселения позднего бронзового века с керамикой балымско-карташихинского типа, перекрытые толщей наносного речного песка мощность до 1 м.

Судьба коллекций. Вещи из Ананьинского могильника оказались во многих российских и зарубежных музеях. Ряд из них, особенно изделия в зверином стиле и каменные стела и плита с изображениями человеческих фигур, являются хрестоматийными: их изображения «перекочевывают» из публикации в публикацию, от Й.Р. Аспелина (Aspelin, 1877. Fig. 402–500) до современных. Но это лишь малая толика ананьинского собрания древностей, которое, по данным А.М. Тальгрена (явно неполным), насчитывает около 1500 предметов (Tallgren, 1919. P. 35).

Крупнейшие собрания вещей из Ананьинского могильника сосредоточены в Музейном ведомстве Финляндии (МВФ) (Tallgren, 1928. S. 142, 145) – раскопки, покупки и сборы Й.Р. Аспелина (колл. № 1400: 1–637), покупки и сборы А.М. Тальгрена (колл. № 5381: 1–137), покупки М. Стрёмберг-Комаровой (колл. № 7201: 1–18 и 7261: 1–38), Национальном музее Республики Татарстан (Ефимова, 1956. С. 12–21; 1980. С. 11–12) – раскопки и сборы П.Д. Шестакова 1879 г. (колл. № 5353 или ОА–14: 1–24, 274–292) и П.А. Пономарева 1881 г. (колл. № 5347 или ОА–6), покупки и сборы П.П. Пасынкова 1880 г. (колл. № 5348 или ОА–7: 1–55), покупки и сборы конца XIX в. В.А. Толмачева (колл. № 5398 или ОА–8), Н.П. Лихачева и П.А. Пономарева (колл. № 5353 или ОА–14: 41, 74–80, 84–86, 231, 236, 238–240, 271), А.А. Штукенберга (колл. № 5353 или ОА–14: 25–40) и др.), раскопки А.В. Збруевой и Н.Ф. Калинина 1930 г., п. 101 (колл. № 7762: 1–3), Государственном Историческом музее – раскопки и сборы П.В. Алабина 1858 г. (колл. № 16981), покупки и сборы И.А. Износкова 1897 г. (колл. №№ 36495, 39050 и др.), А.Н. Родакова 1881 г. (колл. № 54746), музее антропологии МГУ – раскопки и сборы Ф.Д. Нефедова 1891 и 1894 гг. (колл. № 135) и А.В. Збруевой 1930 г. (колл. № 134), Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого

– раскопки П.В. Алабина (колл. № 1093), покупки и сборы М.В. Малахова (колл. № 1300-I) и др.), Государственном Эрмитаже – покупки и сборы Е.К. Тевяшева (колл. № 1748) и др.

Древности Ананьинской дюны. Комплекс археологических памятников расположен в 3 км к востоку от бывшей д. Ананьино Елабужского р-на Республики Татарстан (рис. 4) (ныне – дачное поселение, см. рис. на с.3 настоящего сборника) на песчаном останце дюнной гряды длиной около 200 м и высотой около 4 м, который вытянут вдоль края поймы левого берега р. Тойма, правого притока Камы, в направлении северо-запад – юго-восток. Современное русло Тоймы проходит в настоящее время далеко к югу (см. о физико-географическом положении Ананьинского могильника в древности в статье О.В. Бакина в настоящем сборнике).

Согласно современным представлениям (Археологическая карта..., 1981. № 793; Кузьминых, 2005а; 2005б; Чижевский, 2008), на Ананьинской дюне располагался комплекс разновременных археологических памятников. В ее юго-западной части выявлен культурный слой мощностью до 70 см с керамикой эпох неолита (волго-камская культура) и поздней бронзы (приказанская культура, по А.Х.Халикову, с керамикой атабаевского, луговского или сусканского типов) и немногочисленными раздробленными костями животных (Археологическая карта..., 1981. № 794). Материалы позднебронзового Ананьинского поселения 15/14–13/12 вв. до н.э. достаточно представительны и идентичны таким близлежащим памятникам этого региона, как Гулюковское 3 и Каентубинское островное. Полнее всего они опубликованы А.В.Збруевой (1937. С. 104–108; 1952. С. 193–198). Возможна связь с Ананьинским поселением ряда каменных и бронзовых орудий: кельтов – одно- и двуушкового дербеденевского типа и с лобным ушком, втульчатых тесел, ножей (Збруева, 1952. Табл. 36, 17–21), рыболовных крючков и шильев, хотя нельзя исключить и того, что они выданы при покупке за находки с известного памятника.

Следующий хронологический горизонт древностей Ананьинской дюны эпохи поздней бронзы связан с существованием могильника 12/11–9/8 вв. до н.э. (маклашеевская культура). Погребальные комплексы этого времени раскопками не выявлены, но об их наличии можно предполагать по массовым находкам небольших бронзовых ножей с выделенным узким подпрямоугольным черенком и украшений (бляшки с «глухим» ушком), не характерных в таком сочетании для поселенческих древностей, но широко представленных в маклашеевских могильниках (Маклашеевский 3, Полянский 1, 2, Новомордовский 2,

5, 8, Соколовский 10, Измерский 7, Девичий Городок 4, Березовогривский 1-2, Мурзиха 2 и др.). Причем эти материалы выявлены в разных собраниях: и Музейного ведомства Финляндии, и Государственного Исторического музея, и Национального музея Республики Татарстан, что исключает случайность их набора. Продолжением могильника финала бронзового века являлся некрополь постмаклашеевской культуры начала эпохи раннего железа (9/8–7/6 вв. до н.э.), который также не выявлен раскопками и реконструируется по находкам вещей предскифского и раннескифского облика (бронзовые, биметаллические и железные кинжалы, наконечники стрел, детали конской упряжи, кельты с овальным устьем втулки и др.)².

Однако основная часть захоронений на Ананьинской дюне, включая документированные комплексы из раскопок П.В. Алабина, П.А. Пономарева, Ф.Д. Нефедова и А.В. Збруевой, связана с ананьинской культурой шнуrowой керамики (7/6–4 вв. до н.э.). Погребальный обряд и инвентарь захоронений данной культуры в Ананьинском могильнике имеет ряд общепананьинских и специфических черт (Чижевский, 2008. С. 62–70). Среди последних – каменные ящики и деревянные гробницы, кремация погребенных, кельты с шестигранным устьем втулки специфических камско-вятских типов (прежде всего КАН–98, 104, 106, 108; Кузьминых, 1983. Рис. 48), чеканы и втоки (Кузьминых, 1983. Табл. 56, 4, 7, 13, 18, 19, 23), обилие металлических изделий в скифо-сибирском зверином стиле (Васильев, 2004), сосуды со сложными шнуrowыми узорами (Збруева, 1952. Табл. 14, 6, 9, 10; Халиков, 1977. Рис. 91, 1, 2, 4). Помимо обычных грунтовых захоронений, известны шесть погребений, которые рассматриваются как подкурганые. Они совершены внутри трех каменных колец диаметром 16–25 м. Поверх могил сохранились следы жертвенных кострищ и поминальных тризн. Затем пространство внутри колец было забутовано, вероятно, дерном, а по периметру обложено каменной крепидой. Своеобразна также группа захоронений одних черепов и костяк человека с отрубленной головой. Антропологический тип умерших – своеобразные «низколицые монголоиды» с некоторой примесью европеоидных черт.

С Ананьинским могильником связаны каменные стела и плита с изображениями человеческих фигур, экспонируемые в Государственном

Историческом музее. На стеле подпрямоугольной формы с округлым верхом (1,53×0,3 м) выгравирован воин в скифском костюме – острокопечном головном уборе, узком кафтане с поясом, штанах и мягких сапогах. При воине имелось оружие и украшения – боевой топор, кинжал-акинак, стрелы, шейная гривна. Изображение на плите более схематичное и меньше по размерам. Мужчина одет в узкий костюм (кафтан с поясом, штаны, сапоги), украшенный аппликацией или вышивкой на груди, локтях, коленях и концах рукавов. Большинство исследователей относят стелу и плиту к ананьинской эпохе³.

В собраниях Ананьинского могильника из Музейного ведомства Финляндии, Музея антропологии МГУ и Национального музея Республики Татарстан хранится достаточно большая серия украшений пьяноборских (не азелинских и не мазунинских!) типов, которые, вероятнее всего, не имеют к этому памятнику непосредственного отношения. Мы предполагаем, что дело даже не в путанице коллекций Ананьинского и Пьяноборского могильников в музейных собраниях⁴. Более вероятной представляется ситуация, когда скупщики древностей конца XIX в. выдали находки из разрушаемых или грабительно вскрытых погребений в Пьяном Боре или в других могильниках пьяноборской культуры за вещи, найденные в Ананьинском могильнике. Резон в том один: последние – в силу сложившейся на рынке древностей конъюнктуры – стоили существенно дороже, нежели находки из пока что малоизвестных памятников. Вероятно, таким же образом в коллекции Ананьинского могильника оказались медные абашевские топоры (Збруева, 1952. Табл. 36: 16) и болгарские вещи.

Открытие Ананьинского могильника стало важной вехой в истории русской археологии. С этого момента берет свое начало не только ананьинская археология, но и в целом первобытная археология на северо-востоке Европы. Принципиально важно, что первые же раскопки памятника вызвали пристальный интерес не только в научной среде России, но и Европы. В то же время это имело и свою обратную сторону: Ананьинская дюна стала притяжением не только профессиональных археологов, но прежде всего «любителей» и «копателей» (в основном крестьян д. Ананьино). В ито-

² Значительная часть орудий и оружия из разрушенных постмаклашеевских комплексов наиболее полно опубликована одним из авторов (Кузьминых, 1983).

³ Предположение В.Н. Маркова о том, что стела является поздней подделкой с использованием болгарского надгробия (1994. С. 91) не подтверждено специальными исследованиями.

⁴ Известно, что раскопки Пьяноборского и Муновского могильника и сборы вещей производили в 1881 и 1894 гг. П.А. Пономарев и Ф.Д. Нефедов (Археологическая карта..., 1981. №№ 836, 837), исследовавшие в те же годы Ананьинский могильник.

ге до наших дней дошло ограниченное количество комплексов. В музейные собрания попали главным образом сборы и покупки, которые опубликованы весьма выборочно.

Одной из самых насущных задач изучения Ананьинского могильника являются не проекты, связанные с масштабными раскопками памятника, а прежде всего – выявление, обработка и публикация известных погребальных комплексов и всего корпуса вещей, происходящих из сборов и покупок. Только в этом случае Ананьинский могильник явится полноценным археологическим и историческим источником и, уверенны, откроет новые перспективы как в исследовании самого памятника, так и ананьинской археологии в целом.

Литература

- Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. 1859. №№ 27–30.
- Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВРГО. 1860. Ч. XXIX. Кн. 6. С. 87–120.
- Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. М., 1981.
- Васильев Ст.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Рукопись дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Васильев Ст.А.* Ананьинский звериный стиль. Истоки. Основные компоненты и развитие // АВ. 2004. №11. С. 275–297.
- [*Ефимова А.М.*] Каталог археологических коллекций [Государственного музея ТАССР]. Вып. I. Эпоха железа: ананьинская и пьяноборская культуры. Казань, 1956.
- [*Ефимова А.М.*] Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа, Волжская Болгария, золотоордынские города, Казанское ханство, коллекции XVI–XVII вв. Казань, 1980.
- Жаравин В.С.* Петр Алабин – почетный гражданин города Вятки // Самарский край в истории России. Вып. 2. Самара, 2004. С. 10–68.
- Збруева А.В.* Ананьинский могильник // СА. 1937. Т. II. С. 95–111.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. №30.
- Корепанов К.И.* Работы экспедиции Елабужского пединститута // АО Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 55.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В.* Ананьинская культура (ананьинская культурно-историческая область) // БРЭ. 2005а. Т. 1. С. 668–669.
- Кузьминых С.В.* Ананьинский могильник // БРЭ. 2005б. Т. 1. С. 669.
- Малахов М.В.* Поездка члена-сотрудника М.В.Малахова на Урал // Отчет Русского географического общества за 1881 год. СПб., 1882. С. 35–38.
- Малахов М.В.* К антропологии Вятского края // Известия Русского географического общества. СПб., 1882. Т. 18. Вып. 4. С. 199–228.
- Марков В.Н.* Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 88–93.
- Московский О.В.* Грани таланта: К 180-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара, 2004.
- Невострюев К.И.* Ананьинский могильник (Вятской губернии близ Елабуги) // Труды I АС. М., 1871. Т. II. С. 75–112.
- Нефедов Ф.Д.* Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. 1899. Т. III. С. 42–74.
- Пономарев П.А.* Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 4. С. 405–438.
- Сенникова Л.А.* Археологические исследования П.В. Алабина в Вятской губернии. Археологическое собрание Вятского публичного музея // П.В. Алабин, Вятка, музей (Алабинские чтения). Киров, 1998.
- Формозов А.А.* Уральский археолог М.В.Малахов // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 70–80.
- Худяков М.Г.* Петр Алексеевич Пономарев (1847–1919) [Некролог] // ИОАИЭ. 1920. Т. XXX, вып. 3. С. 245–260.
- Худяков М.Г.* Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. Казань, 1923. С. 72–126.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): АКД. М., 2002.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008.
- Штадлер (Денисова) Т.В.* История изучения погребальных памятников ананьинской культуры в Удмуртском Прикамье (середина XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 66–72.
- Aspelin J.R.* Suomalais-ugrilaisen muinaistutkimon alkeita. Helsinki, 1875.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du nord Finno-ougrien. Vol. II. Helsinki, 1877.

Eichwald Ed. von. Ueber die Sauegthierfauna der neuern Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Mollasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // Bulletin de la Société Imperiale des naturalistes de Moscou. Moscou, 1860. T. XXXIII. S. 458–479.

Tallgren A.M. P.A.Ponomarewin löydöt Ananjinon kalmistossa v. 1881 [Раскопки П.А.Пономарева на Ананьинском могильнике в 1881 г.] // SM. 1913. Т. XX. P. 37–46.

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. Т. 31:1.

Tallgren A.M. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // ESA. 1928. Т. III. S. 141–164.

Рис.1. И.В.Шишкин

Рис.2. П.В.Алабин

Рис.3. А.М.Тальгрэн в рабочем кабинете в Национальном музее Финляндии. Фото: МВФ

Рис.4. Деревня Ананьино.
Фото А.М.Тальгрена.
1909 г. Фото: МВФ

*Кристиан Карпелан, Пирьё Уйно***Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника
близ Елабуги в Национальном Музее Финляндии**

В Булгарской хронике за 1584 г. сообщается, что [*знаменитый завоеватель*] Аксак Тимур, также известный как Тимурленг (1336-1405), который взял и разрушил Чертово городище на территории современной Елабуги (Suddum), посетил кладбище недалеко от городища, около устья р. Туйма (= Тойма) при ее впадении в Каму, Хронист Хисам Эддин ибн Шараф Эддин предположил, что это было кладбище последователей пророка Мухаммеда. Однако с 1856 г., в результате плодотворного сотрудничества московского профессора К.И. Невоструева и купца из Елабуги И.В. Шишкина, археологам в этой местности стал известен Ананьинский могильник позднего бронзового или раннего железного века, расположенный близ одноименной деревни (Невоструев, 1871, с. 595-596; Шестаков, 1884, с. 147-148).

Согласно имеющимся источникам, могильник исследовался десять раз между 1858 и 1930 гг., преимущественно небольшими раскопами. К 1919 г. общее число раскопанных захоронений достигло 70, и еще одно погребение было вскрыто в 1930 г. Кроме того, бесконтрольные грабительские раскопки производили местные крестьяне, которые извлекли сотни вещей, впоследствии проданных приезжим археологам и другим посетителям (Tallgren, 1919, p. 8, 31; Збруева, 1937).

В 1919 г. было подсчитано, что музейные коллекции содержали, в общем, около 1500 вещей из Ананьинского могильника. Из них ок. 150 предметов хранились в Санкт Петербурге, ок. 140 – в Москве, ок. 280 – в Казани, и ок. 100 – в других музеях России. Любопытно, что более половины всех находок, 827 номеров согласно каталогу, хранились в Национальном Музее Финляндии, г. Хельсинки (Tallgren, 1919, p. 32-34; Збруева, 1937, с. 96). Не была учтена лишь небольшая коллекция предметов, купленных одним французским археологом в д. Ананьино и увезенных во Францию (de Baye, 1897).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть и объяснить эту внешне запутанную ситуацию, а также оценить научную значимость материалов из Ананьинского могильника, хранящихся в Финляндии.

Приобретение этой коллекции для Финляндии связано с деятельностью Йохана Рейнгольда

Аспелина и Арне Микаэля Тальгрена, которые были важными фигурами в плане изучения Ананьинского могильника и связанной с ним культуры. Оба археолога – Аспелин в 1878 г., Тальгрэн в 1923 г. – были назначены на должность профессоров Университета г. Хельсинки. Помимо прочего, изучение Ананьина обоими исследователями расценивалось как несомненное проявление компетентности и высокой квалификации.

И.Р. Аспелин родился в 1842 г. в финляндской провинции Остроботния и в 1862 г. поступил в Университет г. Хельсинки. Сначала он увлекся историей, но в 1868 г. осознал, что его жизненным призванием является археология. В своих ранних работах он касался этнографии урало-алтайских народов, а в 1868 г. получил ряд книг русских авторов, где имелись сведения о древностях финно-угров, «которые ранее не привлекались финскими учеными». Аспелину стало ясно, что его исследовательская задача состоит в том, чтобы осветить древности финно-угорских народов. Конечно, его воодушевили результаты работ Матиаса Александра Кастрена, точнее, этнографические и археологические материалы, собранные им в европейской России и Сибири, равно как и взгляды этого выдающегося исследователя, касающиеся истории языков финно-угорской семьи и урало-алтайской языковой общности (Salminen, 2003a; Tallgren, 1937a).

В 1871-1874 гг. Аспелин несколько раз посетил Россию и прожил там, в общей сложности, более двух лет. Он изучал археологические коллекции в музеях, литературу в библиотеках и завязал отношения с научными учреждениями и коллегами в Санкт Петербурге, Москве, Казани и Перми. Он также посещал археологические памятники и на некоторых из них произвел небольшие раскопки. Однако наиболее важным объектом исследования для него стал Ананьинский могильник. Аспелин дважды побывал там по пути в Пермь и обратно в конце лета 1872 г. (Aspelin, 1875, s. 113-115; Salminen, 2003a, s. 54; Tallgren, 1937a, s. 94.)

Почему Аспелин считал Ананьинский могильник столь ценным для своих археологических исследований?

Он пришел к мысли, что Алтайско-Уральский бронзовый век, (так он предпочитал его называть), существовал в Западной Сибири и, кроме того, в восточной части европейской России. Аспелин полагал, что эта культурная общность представляла собой археологический эквивалент популяции финно-угров и пришел к выводу, согласно которому носители этой культурной общности покинули Сибирь непосредственно после появления у них железодельного производства. Следовательно, восточнее Урала невозможно отыскать преемников культуры Алтайско-Уральского бронзового века. В то же время, западнее Урала именно Ананьинский могильник мог представлять собой логическое звено между Алтайско-Уральским бронзовым веком и теми древностями, которые он рассматривал как культуру Финского железного века в Восточной Европе. Для Аспелина это был ключевой вопрос, касающийся объяснения распространения на запад культуры Финского железного века, которая достигла, по крайней мере, стран Балтии и Финляндии. Именно поэтому Аспелин рассматривал Ананьино как важнейший археологический аргумент [для своей теории] (Aspelin, 1875).

К 1872 г. уже были опубликованы некоторые сведения и находки из Ананьинского могильника, освещающие коллекции вещей в музеях. П.В. Алабин, провинциальный чиновник из Вятки, в 1858 г. произвел первые раскопки могильника и вскоре опубликовал отчет о своих наблюдениях и находках в периодическом издании Императорского Русского Географического Общества (Алабин, 1860). Эйхвальд (Eichwald, 1860, s. 458-479) суммировал и комментировал результаты раскопок Алабина. В 1865 г. П.И. Лерх, посланный Императорской Археологической Комиссией из Санкт Петербурга, также произвел раскопки могильника и купил ряд вещей у местных крестьян (Лерх, 1866; Lerch, 1875). Эта коллекция сохранилась, но Лерх ее не публиковал. Наконец, в 1870 г. в Ананьино прибыл К.И. Невоструев, который осмотрел могильник и купил у крестьян большую серию предметов. Он сделал подробное описание могильника, включившее всю доступную информацию, и впервые опубликовал рисунки вещей (Невоструев, 1871). Находки Невоструева были переданы в Московское Императорское Археологическое Общество.

Когда Аспелин приехал в 1872 г. в Ананьино, он, конечно, был знаком с упомянутыми источниками. Авторы данной статьи неожиданно обнаружили в библиотеке Музейного Ведомства Финляндии в Хельсинки его небольшую записную книжку с переводом на шведский язык ста-

тьи Алабина (1860). Он был знаком с мнением Эйхвальда о наличии связи между Ананьинским могильником и захоронениями на Алтае, а также с определением петербургскими исследователями черепов из Ананьино как финских. Эти аспекты были ему наиболее интересны. В своей докторской диссертации, озаглавленной «Основы финно-угорской археологии», Аспелин (Aspelin, 1875) кратко описал свою деятельность и сопутствующие условия в Ананьино. Поскольку мы полагаем, что это описание содержит ценную неопубликованную информацию о деталях раскопок, дополняющих общую картину, то будет уместным представить здесь перевод этого отрывка.

Аспелин писал: «Я прибыл на место летом 1872 г. Поверхность могильника представляла собой черную почву, смешанную с углем и мелкими частицами обожженных костей. Невозможно было различить заметные следы прошлых исследований, кроме тележной колеи вдоль засыпанной траншеи Алабина. Поскольку план могильника отсутствовал, то крестьяне были единственным источником сведений о расположении мест прежних раскопок. Заложив пустой раскоп вблизи пункта, где «петербургский господин» (т.е. Лерх) раскопал траншею, расположенную ближе к южному склону могильника, чем траншея Алабина, я передвинулся западнее, в место, где нашел более или менее полный скелет, лежащий ногами к югу и головой к северу на глубине полутора четвертей. (Значение меры «четверть» не вполне ясно. Возможно, Аспелин имел в виду четверть аршина или «четвертку» – 17,78 см, либо использовал шведскую четверть – 14,8 см. – Прим. авторов статьи). Около него не было вещей. Так как кроме этого скелета, во втором слое, смешанном с углем, выявился другой скелет, то его кости были дочерна обожжены и ломались, но не на мелкие белые кусочки, как в погребениях финских каменных курганов. Кажется, он тоже лежал ногами на юг и головой на север. В этом слое встречались довольно крупные угли. Справа и слева от этого кремнированного тела были заметны остатки других сожженных тел. Слой, в котором находился обожженный костяк, был не толще полчетверти. Ниже него залегал белый погребенный скелет, голова которого находилась под грудью верхнего скелета, а тело вытянуто в том же направлении, что и предыдущие. Ноги находились настолько близко к краю обрыва, что мелкие кости, вероятно, скатились вниз и поэтому не могли быть найдены. Примерно в трех четвертях правее больших берцовых костей лежали кости от черепа лошади; у левой берцовой кости найден сломанный

костяной наконечник стрелы, который, возможно, относился к упомянутому кремнированному скелету, поскольку был обожжен. Правая рука лежала на рукояти длинного железного кинжала, лезвие которого было направлено от правого бока к левой бедренной кости. Правее хорошо сохранившегося черепа найдены черепки посуды, а на полчетверти выше его темени лежал просверленный клык кабана. Левее этого скелета находился другой скелет меньших размеров с остатками железного ножа на берцовых костях. На этом этапе я на пару часов прервал работу, чтобы продолжить ее после доставки в деревню последнего, хорошо сохранившегося скелета и вещей, но по возвращении я нашел вскрытые кости разбросанными в беспорядке на поверхности могильника, также усеянной костями, а пункт, который я столь тщательно раскопал, был перекопан лопатой. На этом окончилось мое исследование могильника. Опасаясь напрасных трудов и предполагая, что Лерх знал расположение мест предшествующих раскопок, я прекратил работы, которые могли только увеличить беспорядок. Я купил большое количество вещей у крестьян, но поскольку знал, что в деревне есть гораздо больше предметов, с владельцами которых я не смог встретиться, то обещал еще раз приехать в деревню на обратном пути из Перми. Так я и сделал, однако тем временем крестьяне перекопали весь могильник, чтобы найти вещи и продать мне. Вся южная часть могильника выглядела как громадная куча мусора, изрытая ямами, но работы производились и на восточной стороне его северной части. Впрочем, северная часть могильника, где была насыпана куча земли, возможно, в результате раскопок траншеи Алабина, все еще сохранила ценность для исследования, хотя внутренний порядок в могильнике как целом объекте был большей частью навсегда разрушен» (Aspelin, 1975, s. 114–115). (Перевод [с финского на английский] авторов статьи).

Дополняя это описание, Аспелин представил ряд других интересных и важных деталей, касающихся более ранних полевых работ на могильнике. По всей видимости, он опрашивал местное население и, вероятно, Шишкина, чтобы собрать подробные сведения о раскопках, сделанных Алабиным, Лерхом и Невоструевым. Например, Аспелин (Aspelin, 1875, s. 109) сообщает, что «Алабин нанял 40 землекопов, пригласил Шишкина в качестве помощника, назначил десятниками нескольких «надежных людей» и провел раскопки в течение одного дня, так что была вскрыта траншея длиной 28 сажень при ширине и глубине 3 аршина, вытянутая через весь могильник с запада на восток». В метри-

ческих мерах траншея была 59,75 м длиной и ок. 2,7 м шириной и глубиной. Надо полагать, это была очень большая работа, чтобы сделать ее за один день, и поэтому Аспелин допускал, что тщательность раскопок и наблюдений могли потерпеть урон. Впрочем, он счел удовлетворительным опубликованный отчет о раскопках Алабина.

Об этих деталях Алабин (1860, с. 90) сообщает лишь то, что он нанял достаточное число рабочих, несколько надежных десятников и начал раскопки. Невоструев (1871, с. 598) получил сведения от Шишкина и был первым автором, который упоминает размеры траншеи, позднее повторенные другими археологами. Вместе с тем, П.А. Пономарев (1892, с. 409), кажется, был первым русским археологом, который обратил внимание на другие подробности раскопок Алабина, которые упоминал Аспелин. Пономареву удалось побеседовать с человеком, который участвовал в раскопках Алабина 22 года назад и подтвердил сведения Аспелина. Он также заключил, что все 46 погребений, описанных Алабиным, были раскопаны за 10–12 часов, так что это, конечно, внушает опасения, касающиеся наблюдений Алабина и, следовательно, его отчета. Позднее Спицын (1893, с. 26) охарактеризовал Алабина как «импровизированного археолога», но, несмотря на это, остался доволен статьей Алабина, как и Аспелин.

Аспелин писал, что не располагал планом могильника во время пребывания в Ананьино. Впрочем, он также сообщил, что, кроме коллекции Невоструева, в музее Московского Археологического Общества сохранился план могильника (Aspelin, 1875, s. 108 и примечание 1). Нет оснований сомневаться в утверждении Аспелина, несмотря на то, что мы не нашли сведений такого рода в доступной российской литературе. Если план не был утерян, то вероятно, что он все еще находится среди сохранившихся документов Археологического Общества. Если он утрачен, то единственным является план, сделанный в 1930 г. и опубликованный А.В. Збруевой (1937, рис. 2). По всей видимости, в ее экспедиции был также составлен единственный опубликованный (и сохранившийся?) план раскопанного ананьинского захоронения.

Далее Аспелин сообщает, что в 1856 г. Шишкин послал Невоструеву «вид местности» вместе с 7 металлическими предметами, но трудно установить, был это план могильника или пейзаж. Впрочем, вид могильника был написан известным пейзажистом И.И. Шишкиным и хранится в музее г. Казани (сейчас он экспонируется в музее Шишкина в Елабуге, см. рис. на с.3 настоящего сборника). Тальгрэн воспроизвел

этот пейзаж, а также сделанный самим Аспелином рисунок местности в своей книге об ананьинских древностях. Кроме того, Таллгрэн в 1909 г. сделал фотоснимки могильника, а Збруева фотографировала его в 1930 г. (Tallgren, 1919, figs. 2, 3, 4; Збруева, 1937, рис. 1.).

Несмотря на неудачные раскопки Аспелина в Ананьино, сделанные им находки (5 экз. согласно каталогу) хранятся среди коллекций Национального Музея в Хельсинки. Вещи, которые Аспелин купил у крестьян, составляют 632 единицы хранения. В результате переписки Управления губернатора Финляндии и Российской Императорской Археологической Комиссии, последние предметы были присоединены к материалам, полученным Аспелином и коллекциям Университета г. Хельсинки. В коллекции из Ананьино Аспелин видел зародыш будущего Финно-Угорского музея (Salminen, 2003a, s. 56). В результате реорганизации, связанной с созданием Национального Музея Финляндии, туда были перемещены все археологические материалы, хранившиеся в Университете. Идея Финно-Угорского музея была забыта.

Бесспорно, эта коллекция играла центральную роль, когда Аспелин работал во время подготовки своей докторской диссертации над изучением Ананьинского могильника и общности, к которой он относится. Вызывает сожаление, что его диссертация (Aspelin, 1875) не была переведена на французский язык, скажем для того, чтобы получить широкое признание и статус международного исследования в большей степени, чем несколько статей – переработанных докладов, прочитанных им на международных археологических конгрессах (Aspelin, 1876; 1877b; 1877c) и дополняющих статью об Ананьино, включенную во второй том его фундаментального двуязычного пятитомного Атласа древностей северных финно-угров (Aspelin, 1877a).

В 1878 г. Аспелин был назначен профессором археологии Университета г. Хельсинки. В прошлом году (1877 г.) он принял участие в IV Российском археологическом съезде в Казани. Там он не упустил случай третий и последний раз побывать на Ананьинском могильнике. Однако его доклад на Съезде касался в первую очередь не Ананьино, а сравнительно-типологического метода в археологии (Aspelin, 1877c; Аспелин, 1884). Кроме того, он опубликовал каталог с комментариями, касающийся выставки археологических коллекций в Университете. Кажется, было выставлено около 80 вещей из Ананьинского могильника (Aspelin, 1878). Он также продолжил редактирование и публикацию Атласа, который был завершен в 1884 г. Аспе-

лин служил профессором Университета до 1885 г., когда он был назначен Государственным археологом, т.е. главой Археологического Бюро (позднее переименованного в Государственную Археологическую Комиссию), которое осуществляло надзор и охрану древних памятников в стране. В том же году он был избран президентом Финского Общества Древностей.

С конца 1870 гг. практические интересы Аспелина в археологии были ориентированы на восток, в степи верховий Енисея, где он возглавил три финские экспедиции в 1887-1889 гг. (Salminen, 2003a, s. 76–90; 202). В то же время, идеи и работы Аспелина о комплексе Ананьинского могильника цитировались и комментировались несколькими российскими авторами с конца 1870 гг, например, П.Д. Шестаковым (1880; 1884) и Пономаревым (1882), работавшими в Казани, а также Спицыным (1893) из Санкт Петербурга. В общем, Аспелин был часто цитируемым автором между 1875 и 1900 гг. Даже позднее Збруева (1937; 1952) в обзоре истории изучения [*ананьинской культуры*] упомянула работу Аспелина и сослалась на его наблюдения.

В 1905 г. молодой финский археолог А.М.Таллгрэн, родившийся в 1885 г. в Маариа близ г. Турку, проявил интерес к бронзовому веку в России и Сибири. Это означает, что он занял позицию ученика и последователя Аспелина. Начиная с 1908 г., он совершил семь продолжительных поездок в различные области этой огромной территории, последняя из которых состоялась в 1935 г. (Kivikoski, 1954; Salminen, 2003a). Во время второй поездки в 1909 г. Таллгрэн побывал в Ананьино, где собрал находки на поверхности могильника и купил вещи у крестьян (материал хранится в Национальном Музее в Хельсинки); он также сфотографировал вид могильника и сделал заметки о тогдашних условиях. Кроме того, он посетил несколько других археологических памятников. Он произвел небольшие раскопки на [*городнице*] Сорочьи Горы на нижней Каме, на котором представлена ананьинская культура (Tallgren, 1910; 1919, s. 62–65). Конечно, он изучал также археологические материалы Ананьинского могильника и других памятников этой культуры в музеях Казани, Москвы, Санкт Петербурга и ряда небольших городов.

Докторская диссертация Таллгрэна, опубликованная [*на немецком языке*] в 1911 г. в виде первого тома обширного труда «Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России», еще не касалась ананьинского периода (Tallgren, 1911). Второй том, «Ананьинская эпоха в восточной России» [*на французском языке*], изданный через 8 лет, включил содержательную монографию об ананьинском периоде (Tallgren,

1919). Эта наиболее важная работа Тальгрена оставалась на десятилетия образцовым трудом об ананьинской культуре на международном уровне. Збруева (1952) часто ссылалась на работу Тальгрена в своей книге о населении Прикамья в ананьинском периоде, опубликованной в 1952 г. в России. Однако первопроходец Аспелин не видел книги Тальгрена – он умер в 1915 г. в возрасте 72 лет.

Как уже говорилось, коллекция из Ананьинского могильника, полученная Аспелином, содержит 637 предметов, в т.ч. вещей из его раскопок (NM 1400: 1-637). Кроме того, Тальгрэн в 1909 г. добавил 137 предметов (NM 5381: 1-137, включая вещи из его сборов), а также в 1917 г. 53 предмета (NM 7201: 1–18; NM 7261: 1–35), посланные двумя партиями жительницей Елабуги, финской уроженкой М. Стремберг-Комаровой. Таким образом, коллекция, купленная у крестьян д. Ананьино и хранящаяся в Национальном Музее в Хельсинки, составляет 827 номеров по каталогу. Впрочем, очевидно, что коллекция содержит ряд предметов, не относящихся к этому могильнику, а также несколько подделок.

Бесспорно, коллекция была неоценимым источником для Тальгрена, когда он изучал ананьинские древности. Во время этой работы он написал и опубликовал несколько предварительных этюдов, например, «*Die bronzecelte vom sog. Ananino-typus*» и «*P.A. Ponomarewin löydöt Ananjinon kalmistossa v. 1881*» (Tallgren, 1912 и 1913, соответственно). В первой статье, на базе коллекции Заусайлова в Национальном Музее в Хельсинки (Tallgren, 1916), построен типологический ряд, который начинается со шведских кельтов меларского типа и ведет к развитию кельтов ананьинского типа. Он должен был демонстрировать связи между Скандинавией и Средним Поволжьем, откуда ананьинские кельты распространились на Каму. Как известно, более поздние работы полностью изменили эту картину (Халиков, 1962; 1977; Кузьминых, 1983; Meinander, 1985; Патрушев, Халиков, 1982). Во второй статье Тальгрэн описывает и комментирует опубликованные материалы раскопок Пономарева (1882) в Ананьино.

Что касается интерпретации находок из Ананьинского могильника и культуры в целом, то Тальгрэн придерживался взглядов, отличающихся от точки зрения Аспелина. Если Аспелин разработал сценарий сибирского происхождения предполагаемой финно-угорской популяции бронзового века, которая принесла ананьинскую культуру, то Тальгрэн не нашел генетической связи между ананьинской и какой-либо из сибирских культур. Он считал, что наиболее важные источники влияния на формирование ана-

ньинской культуры следовало бы искать в области Кавказа, а также в скифском мире причерноморских степей. Сценарий Аспелина был признан ошибочным уже около 1890 г., когда выяснилось, что язык надписей на каменных стелах в сибирской степи был тюркским, а не финно-угорским, как ожидал Аспелин (Salminen, 2003a: 100, 105). Тем не менее, и Аспелин, и Тальгрэн делали вывод, что ананьинская культура сложилась на местной основе.

Аспелин (Aspelin, 1875, s. 125) датировал ананьинский период преимущественно в рамках 5-3 веков до н.э., основываясь на археологических и исторических данных (наконечники стрел треугольного сечения и сведения Геродота о массагетах). Тальгрэн (Tallgren, 1919, p. 182) также привел археологические основания для датировки начала ананьинского периода ок. 600 г. до н.э. Позднее он передвинул его начало к 700 г. до н.э. (см. Salminen, 2003a, s. 165, table 6).

В 1923 г. Тальгрэн был назначен профессором археологии в Университете г. Хельсинки. Его последняя специальная статья об Ананьино, написанная для «*Ebert Reallexikon*», т. I, была опубликована в 1924 г., а тремя годами позднее, в IX томе этой энциклопедии, опубликована общая статья о бронзовом веке в восточной России (Tallgren, 1924; 1927). В дальнейшем его интерес преимущественно был сосредоточен, с одной стороны, на редактировании ежегодника «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» (Vol. I–XII, 1926–1938), а с другой – на изучении бронзового века южной России и Кавказа (несколько статей в «*Eurasia..*» и др.). Впрочем, в т. XI «*Eurasia..*» он вкратце охарактеризовал влияние ананьинской культуры на культуру северной части Европы от Урала до Фенноскандии (Tallgren, 1937b).

К концу 1930 гг. здоровье Тальгрена ухудшилось. Развитие политической ситуации в Европе приводило Тальгрена в депрессивное состояние. Он чувствовал, что начало войны было коллективным духовным крушением Европы, хотя и выражал энтузиазм по поводу единения своих соотечественников. К концу 1944 г. Тальгрэн был сломлен духовно и физически и умер в 1945 г. в возрасте 60 лет (Kivikoski, 1954, s. 118–120).

Еще с 1870 гг. российские археологи были осведомлены о наличии большой коллекции предметов из Ананьинского могильника, хранящейся в Университете и, позднее, в Национальном Музее в г. Хельсинки. Некоторые из них ссылались на отдельные опубликованные вещи. Однако авторы настоящей статьи не располагают сведениями о посещении Финляндии российскими археологами до Второй мировой войны с целью изучения коллекции из Ананьинского могильника или каких-либо других коллекций

с археологическими материалами из России, хранящихся в Национальном Музее, например, коллекции Заусайлова (Tallgren, 1916). После войны, в 1950 и 1960 гг., некоторые советские археологи посетили Финляндию. В середине 1970-х гг. по соглашению между Советским Союзом и Финляндией возник регулярный обмен поездками археологов. Это облегчило для российских археологов посещение Финляндии, и среди них А.Х. Халиков и С.В. Кузьминых изучали ананьинские коллекции. В своих исследованиях ананьинской культуры оба археолога ссылались на материалы, хранящиеся в Финляндии.

В этой связи возникает вопрос о значимости коллекции из Ананьино и других археологических коллекций из России, полученных в Финляндии до 1917 г. В 1916 г. Тальгрэн сравнил значимость находок каменного и бронзового веков для русских, с одной стороны, и для финнов – с другой: «Для русских древности северной и центральной России являются, помимо своей научной ценности, большей частью памятниками аборигенной культуры в их стране. Для нас, финнов, они имеют дополнительную, этнографическую значимость: они представляют собой немногие сохранившиеся следы финских народов. Поэтому мы хотим получить именно эти остатки для нашего музея» (см. Salminen, 2003a, s. 142.).

В настоящее время взгляд Тальгрэна является устаревшим. Тимо Салминен в своей докторской диссертации 2003 г. рассмотрел историю изучения России и Сибири финскими археологами в период 1870-1935 гг. (Salminen, 2003a). Кроме изложения насыщенной фактами истории изучения, Салминен также высказывает необычную точку зрения. Он освещает эту историю под углом семиотического подхода и пытается рассмотреть ее в связи с идеологическими тенденциями в финском обществе. Семиотический подход представляет новое интересное направление в историографии и помогает понять различные концепции и процессы в истории науки. Естественно, Салминен оценивает значимость ананьинских древностей, но в этом кратком обзоре невозможно развернуто описать его подход. Книга Салминена написана на финском языке, однако он опубликовал три статьи на английском и одну на русском языке (Salminen, 2003b; 2006; 2007; Салминен, 2007).

Авторы благодарят М.Косменко за перевод рукописи статьи на русский язык и Департамент Археологии Музейного Ведомства Финляндии, который любезно разрешил авторам этой статьи сделать и опубликовать фотографии предметов из коллекций Ананьинского могильника.

Литература

Алабинъ П.[В.] Ананьинскій могильникъ // *Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*. XXIX. Санктпетербургъ, 1860. С. 87–120.

Аспелин I.P. О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ // *Труды IV Археологическаго Съезда въ Россіи, Казань, 1877. Томъ I (Вопросы частныя. I. Первобытныя древности)*. Казань, 1884. С. 5–18.

Збруева А.В. Ананьинский могильник (Résumé: Le cimetière d'Ananino) // *Советская археология*. 1937. Т. II. С. 95–111.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1952. № 30. М.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М., 1983.

Лерхъ П.И. Докладъ о дѣйствіяхъ. // *Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1865 г. XIV–XV*. Санктпетербургъ, 1865. (Авторы настоящей статьи не видели этой публикации и ссылались на нее согласно Аспелину и Тальгрэну).

Невострюев К.И. Ананьинскій могильникъ // *Труды Перваго Археологическаго Съезда въ Москвѣ 1869. Т. II. С. 595–632; табл. IV, XXII в сопровождающем Атласе: «Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ Перваго Археологическаго Съезда»*. М., 1871.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Пономаревъ П.[А.]. Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края. I. Ананьинскій могильникъ // *Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университете*. Т.Х-4. Казань, 1882. С. 405–438.

Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 1 (29). Новосибирск, 2007. С. 100–110.

Спицынъ А.А. Могильники и отдѣльныя находки предметовъ бронзоваго вѣка // *Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи*. I. М., 1893. С. 25–40.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края эпоху железа // *Труды Марийской археологической экспедиции*. Т. II. Йошкар-Ола, 1962. С. 26–91.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М., 1977.

Шестаковъ П.Д. Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ана-

ньиной въ 4 верстахъ отъ Елабуги // Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. II (1879). Казань, 1880. С. 128–134.

Шестаковъ П.Д. Попытка объясненія одного места изъ Булгарской летописи Хисамъ Эддина ибнъ шарафъ Эддина // Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. III (1880–1882). Казань, 1884.

Aspelin J.R. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita. Helsinki, 1875.

Aspelin J.R. Sur l'âge du bronze altaïco-ouralien // Congrès international d'anthropologie & d'archéologie préhistoriques. Compte rendu de la 7e session, Stockholm, 1874. T. I. Stockholm, 1876. P. 554–578.

Aspelin J.R. 1877a. Ananinon kalmisto / Néropole d'Ananino // Muinaisjäännöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. II. Rauta-aik. S. 105–119 // Antiquités du Nord finno-ougrien. II. L'âge du fer. Helsinki-Helsingfors, 1877. P. 105–119.

Aspelin J.R. 1877b. Chronologie de l'âge du bronze altaï-ouralien // Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu de la huitième session a Budapest 1876. T. I. Budapest, 1877. P. 677–686.

Aspelin J.R. 1877c. Vertailevasta muinaistutkinnosta (Sommaire. Explication des gravures: De l'archéologie comparative. Mémoire lu au congrès archéologique de Kasan en 1877. P. 131–6) // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja II. Helsinki, 1877. P. 137–154, 166. [См. Аспелин, 1884].

Aspelin J.R. Catalogue raisonné des antiquités du Nord finno-ougrien exposées par l'Université Alexandrine d'Helsingfors a l'exposition universelle de 1878. Helsingfors, 1878.

Baye, le baron J. de. La nécropole d'Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie) // Mémoires de la Société National des Antiquaires de France LVI (1895). 1897. P. 1–26.

Eichwald, Ed. von. Ueber die Sauegthierfauna der neuern Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Mollasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // Bulletin de la Société Imperiale des naturalistes de Moscou. 1860. XXXIII. S. 458–479.

Kivikoski E. A.M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Supplementary Volume. 1954. P. 77–121.

Lerch P.J. L'âge du bronze en Russie // Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu de la 4e session, Copenhague, 1869. 1875. P. 190–192.

Meinander C.F. Akozino, Achmylovo och mälaryxorna // Finskt Museum. 92. 1985. S. 15–34.

Salminen T. 2003a. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 (Summary: Lands of Conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology 1870–1935) // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 110. Helsinki, 2003.

Salminen T. 2003b. National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // Fennoscandia archaeologica. XX. 2003. P. 101–114.

Salminen T. Searching for the Finnish roots – archaeological cultures and ethnic groups in the works of Aspelin and Tallgren // Studia humaniora ouluensia. I. (People, Material Culture and Environment in the North). Proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference, University of Oulu, 18-23 August 2004, ed. by V.-P. Herva. Oulu, 2006. P. 26–32.

Salminen T. The Ural-Altaic Bronze Age as seen by J. R. Aspelin and A. M. Tallgren // Fennoscandia archaeologica. XXIV. 2007. P. 39–51.

Tallgren A.M. Sorotsji Gorin muinaislinna // Suomen Museo. 17. 1910. S. 49–56.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXV. Helsinki, 1911.

Tallgren A.M. Die bronzecelte vom sog. Ananino-typus. Berührungen zwischen den bronzekulturen Skandinaviens und des Wolga-Kamalandes // Finnisch-Ugrische Forschungen. XII. 1912. S. 76–85.

Tallgren A.M. P.A. Ponomarewin löydöt Ananjinon kalmistossa v. 1881 // Suomen Museo XX. 1913. S. 37–46.

Tallgren A.M. Collection Zausaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I // Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916.

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXI. Helsinki, 1919.

Tallgren A.M. Anan'ino // Reallexikon der Vorgeschichte. I (ed. by M. Ebert). 1924. S. 164–165, Taf. 36.

Tallgren A.M. Ostrussische Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. I (ed. by M. Ebert). Berlin, 1927. S. 316–318, Taf. 239, 240.

Tallgren A.M. 1937a. J. R. Aspelinin uran alkutaipaleelta // Kalevalaseuran vuosikirja. 17. 1937. S. 83–101.

Tallgren A.M. 1937b. The Arctic Bronze Age in Europe // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XI. Helsinki, 1937. P. 1–46.

И.Р. Аспелин в 1877 г. в возрасте 35 лет.
Фото: Нац. Ведомство Древностей

А.М. Тальгрэн в 1909 г. В возрасте 24 лет.
Фото: Нац. Ведомство Древностей

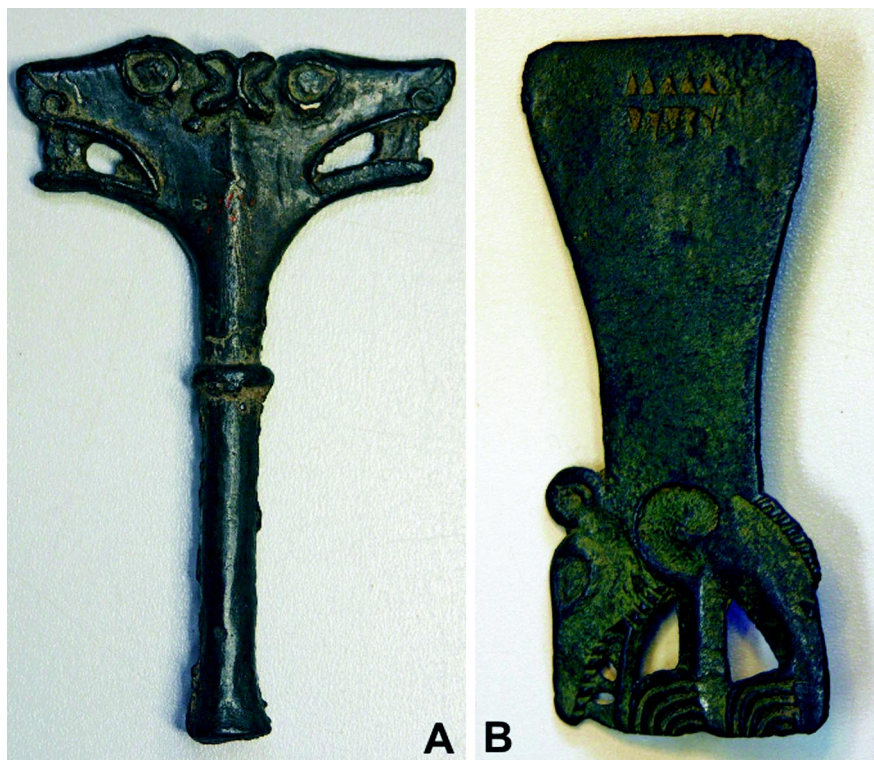

Вещи из раскопок И.Р. Аспелина на Ананьинском могильнике в 1872 г. Железный кинжал (Нац. Музей в Хельсинки, 1400: 476); просверленный клык кабана и обломок (NM 1400: 594); фрагменты костяного наконечника стрелы (NM 1400: 595, 596); цилиндрическая костяная бусина (NM 1400: 597). Фото К. Карпелана

Бронзовые кельты, купленные
И.Р. Аспелиным в д. Ананьино в
1872 г. (NM 1400: 1—16, 18,19).
Фото К. Карпелана

Бронзовые втульчатые наконечники стрел, купленные И.Р. Аспелиным в д. Ананьино в 1872 г.
(NM 1400: 22—29). Фото К. Карпелана

Бронзовые украшения звериного стиля, купленные И.Р. Аспелиным в д. Ананьино в 1872 г. и А.М. Тальгреном в 1909 г. А (NM 1400: 353); В (NM 5381: 65). Фото К. Карпелана

Бронзовая голова льва, купленная И.Р. Аспелиным в д. Ананьино в 1872 г. (NM 1400: 348). Фото К. Карпелана

Золотой предмет, купленный И.Р. Аспелиным в д. Ананьино в 1872 г. (NM 1400: 587). Фото К. Карпелана

Ананьинский могильник, вид с юга. Рисунок И.Р. Аспелина
(опубликован А.М. Тальгренем в 1919 г.)

Ананьинский могильник, вид с востока. Фото А.М. Тальгрена (опубликовано Тальгренем в 1919 г.)

Находки из сборов А.М. Тальгрена на поверхности Ананьинского могильника в 1909 г.
Обломки костей (NM 5381: 134); уголь (NM 5381: 135); фрагменты посуды (NM 5381: 136);
обожженная глина (NM 5381: 137). Фото К. Карпелана

О.М.Мельникова

Из истории дореволюционных коллекций ананьинских древностей (по материалам ЦГА УР)

Исследование Ананьинского могильника положило начало не только систематическому археологическому изучению региона, но и рождению всей прикамской археологии. Общеизвестно, что история изучения ананьинских древностей, осмысление их значимости, и, что весьма важно, формирование сообщества интересующихся ими людей и установление связей между ними восходит к середине 50-х гг. XIX в. Начало этому было положено любительским интересом к истории города Елабуги купца И.В.Шишкина.

Малодоступность для широкого читателя автобиографии «Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1876 году» извиняет пространную цитату, из которой становится понятным, почему именно он обратил внимание на Ананьинский могильник. И.В.Шишкин писал: «Давно меня занимала история нашего города Елабуги. При всяком случае я старался узнать из исторических документов или из предания. А между тем заочно познакомился с проживающим в Москве профессором Капитоном Ивановичем Невоструевым, для которого родина – наш город. И у него было желание узнать историю своей родины... Он узнал от наших торговцев, что и я имею желание и даже собираю сведения. Он обратился ко мне с просьбой, нет ли каких-нибудь древних курганов с надписями или каких-нибудь рукописей, также и курганов. По таковому случаю я более начал узнавать о подобных предметах... Поэтому я обратил внимание на местность за Ананьином, называемую могильником. Стал о нем расспрашивать жителей, которые доставили мне несколько металлических вещей. Я отослал их Невоструеву. Он показывал знающим людям, которые признали их очень древними. Поэтому я просил удельное начальство (которому принадлежит это место), чтобы мне позволили разрыть. Но при двукратной просьбе было отказано. Но напоследок прислали довольно знающего чиновника г[осподина] Алабина, который пригласил меня, и мы вместе отправились для разрытия могильника. Разрыли довольно много, и нашли очень много, не говоря о скелетах, а очень много медных или бронзовых вещей разных форм. Некоторые относились к оружию, некоторые к украшениям, а несколько

вещей железных; кинжалы или ножи совершенно ржавые. Всех вещей было найдено более ста штук, и все эти вещи увезены г[осподином] Алабиным. Сделано им подробное описание и представлено им же в Питер, в географическое общество, которое эти описания включило в свое издание. И мне один экземпляр был прислан. На могильнике нам желательно было отыскать камень с надписью, но его не оказалось. Грамотности и признака не было, а сказывали жители, что давно был на могильнике камень и будто с надписью, и был увезен Елабужским мещанином Красильниковым, который отозвался тем, что точно камень им был увезен с надписями и положен был в баню в печь. Тут весь и уничтожился. Не очень давно приезжал технолог Лерх, рассматривал могильник и частью копался и тоже нашел и еще несколько вещей и от жителей приобрел древний тип каменных орудий. Этими действиями все наши труды для истории Елабуги и ограничились, и что-то Невоструев замолчал, а я более ничего приобрести не мог, хотя и хлопотал о том предмете кроме приобретения древних разных вещей и отосланных в Питер или в Москву» (Шишкин, 2007. С. 56–58).

Тесная связь ананьинских находок с представлениями о древней истории региона еще более усилилась в последней четверти XIX – начале XX в., когда во многих российских провинциальных городах стали возникать научные общества и музеи. Так, в Вятской губернии 5 апреля 1909 г. был учрежден музей Сарапульского земства. В 1913 г. он был передан Обществу изучения Прикамского края (Мельникова, 2006. С. 38–44). Ставя перед музеем цель «популяризации знаний вообще, при посредстве изучения Прикамского края», его учредители выражали обеспокоенность тем, что «в настоящее время разного рода редкие предметы, имеющие ценность в смысле изучения местной жизни: археологические древности и другое – сосредотачиваются в частных руках, теряются безвозвратно, и чем дальше идет время, тем более теряется памятников старины и местного быта. С открытием музея этот недостаток будет устранен. Явится учреждение, в котором можно будет сосредоточить все эти предметы. В музее они будут классифицированы, приведе-

ны в систему, и со временем будет надежда достигнуть того, что благодаря собранным предметам удастся возможно полно представить жизнь местного края и его историю. При этом те предметы, которые теперь бесполезно хранятся в качестве единичных, хотя бы и редких экспонатов у частных лиц, будут сколлекционированы в музее и доступны для обозрения широким слоям публики, что, несомненно, окажет большую пользу к изучению края» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1.).

Обнаруженный мною в фондах ЦГА УР неизвестный прежде автограф А.А. Спицына содержит весьма ценные рекомендации относительно устройства музея и самого механизма пополнения его археологических коллекций¹: «Мне очень нравится мысль о местном Сарапульском музее. Вы понемногу можете собрать драгоценные материалы для изучения края в естественном, историческом и бытовом отношениях, музей должен натолкнуть на исследования многие молодые силы. Конечно, он должен иметь и образовательный материал в виде вещей, картин, фотографий, моделей. Самое главное, чтобы они были обозначены помещением, хранением и прислужгой, иначе если этого не будет, то лучше и не братья. Вот если бы [вы имели? – О.М.] здание. Тут должны быть собраны предметы быта, русского и инородческого. Должны тут альбомы видов городов, селений и хозяйства. Все это будет драгоценно – и потому-то эти вещи должны быть охранены, иначе не будет к музею доверия со стороны местного населения. **Что касается предметов древности, то они свободно приобретаются, если это случайные находки невыдающегося значения. Найдки особого рода по закону поступают в государственные большие музеи, где лучше сохранность и где есть возможность изучения** (выделено мной – О.М.). Они направляются в Императорскую Археологическую Комиссию, где их и распределяют по музеям. Раскопки можно вести только с разрешения Археологической Комиссии, которая следит лишь за тем, чтобы они были проведены опытными исследователями, сопровождались бы должным образом, а находки были припродены в обеспеченный охраной музей. Сама она претензий на находки не имеет. А с местными памятниками знакомит моя книга о вотяцких древностях, изданная Императорским Моск[овским] Археологическим Обществом», мое же описание могильников Оки

¹ Письмо адресовано одному секретарю Сарапульской уездной земской управы, одному из учредителей земского музея Н.М. Мусерскому.

и Камы. Через издательства я попытаюсь найти описание древнего края в более обстоятельной или хотя бы в более краткой форме. А как разыскивать памятники древности, сему учит прилагаемая при сем брошюра «Разведки». Низко кланяюсь Вам и К.М.² и желаю Вам доброго благополучия и здоровья. Преданный Вам А. Спицын. 21 апреля 1909 г.» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 20).

Приступая к формированию своей археологической коллекции и имея среди членов-учредителей немало лиц, интересовавшихся археологией, музей не мог не обратить внимание на ананьинские древности. Тем более что проводимые с 1910 г. от имени музея студентом Петербургского политехнического института Л.А. Беркутовыми первые самостоятельные раскопки музея так же касались изучения памятников ананьинской эпохи.

В процессе изучения фонда 349 «Музей Сарапульского земства» в ЦГА УР удалось обнаружить весьма интересные свидетельства относительно коллекций как самого Ананьинского могильника, так и ананьинских древностей, обнаруженных в пределах Сарапульского уезда Вятской губернии.

Так, 27 июля 1909 г. в письме на имя председателя Сарапульской уездной земской управы – одного из организаторов музея М.С. Тюнина – известный вятский родиновед, учредитель Кукарского образовательного общества в Вятской губернии А.С. Лебедев упоминает об известном факте приобретения финским археологом А.М. Тальгреном находок из Ананьинского могильника³. Он писал: «Вы меня простите, но я, как вятч, хотел Вас пожурить. Я в Казани Вам говорил, что необходимо с самого начала весны следить за Ананьинским могильником, чтобы вещи из него не попадали к случайно копающимся людям или кому бы то ни было. Вы хотели напомнить Вашему знакомому, живущему в Елабуге, чтобы он побывал там и собрал у крестьян, что еще найдено. Но Вы забыли. На съезде⁴ я видел очень интересные оттуда вещи у Тальгрена (финский ученый), который в июне приобрел их у крестьян. Коллекция у него очень интересная и куплена и оплачена за 60 штук всего за 7 рублей. Мне страшно жалко было этих вещей, и жаль, что они не попали к Вам в музей.

² Личность установить пока не удалось.

³ Впоследствии они были опубликованы Тальгреном в Хельсинки (Tallgren, 1919).

⁴ Речь идет об областном историко-археологическом съезде в Костроме, состоявшемся в июне 1909 г., на котором, будучи студентом Петербургского университета, присутствовал А.С.Лебедев.

Мне кажется, необходимо сейчас же Вам позаботиться быть там, чтобы уже в следующий раз уже не упускать такую драгоценность» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 22).

К сожалению, музей был ограничен в средствах для приобретения находок, в том числе и из Ананьинского могильника. Озабоченность этим нашла отражение в протоколах заседаний Совета музея. 20 апреля 1912 г. М.С. Тюнин с некоторой долей сожаления сообщает: «На Ананьинский могильник около г. Елабуги, по словам А.С. Лебедева, ежегодно приезжает финский ученый Тальгрэн и скупает все интересное, что местные крестьяне находят на могильнике. С течением времени находок становится все меньше и меньше. Сарапульскому музею, обслуживающему Прикамский край, небезынтересно, конечно, было бы командировать кого-либо на этот могильник. И если окажется возможным, затратить хотя бы до 15 рублей на приобретение старинных интересных предметов...» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 30).

В итоге, учитывая значимость ананьинских находок, было принято важное решение – выйти на антикварный рынок для приобретения древностей из Ананьинского могильника. Совет музея решил: «уполномочить изъязвившего побывать на этом могильнике купить все интересное для музея, не ограничивая его размером средств, а также списаться с Гельсингфорским музеем, не найдет ли он возможным прислать в музей снимки с предметов Ананьинского могильника в обмен на снимки Сарапульского музея» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 30.). В более поздних материалах ЦГА УР сохранилась информация о том, что М.С. Тюниным было «потрачено на приобретение предметов с Ананьевского⁵ могильника и развалин древнего Болгара 5 руб 20 коп.» (Там же. Л. 34).

Размах антикварного рынка в Прикамье был весьма внушителен. Так, в протоколе Совета музея от 31 июля 1912 г. читаем: «У полковника Сергея Федоровича Михайлова в Елабуге есть коллекция старинных вещей, главным образом, оружия, в числе которой находятся вещи с могильника. Эту коллекцию он согласился продать за 2500 руб. Интересно было бы приобрести в музей какие-либо вещи с Ананьевского могильника. Совет определил: просить полковника Михайлова сообщить музею список предметов с Ананьевского могильника, имеющихся в его коллекции, для ознакомления и не пожелает ли

он продать вещи с Ананьевского могильника и за какую цену» (Там же)⁶.

Состязание за обладание ананьинскими находками имело для Сарапульского музея и весьма важные позитивные последствия. Во-первых, произошло личное знакомство сотрудников музея с А.М. Тальгреном, который побывал в музее в 1915 г. и ознакомился с его коллекциями. В мае 1916 г. Общество изучения Прикамского края письменно уведомило финского археолога о том, что он «избран единогласно в члены-сотрудники названного общества» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 5). Наладился обмен научными публикациями: А.М. Тальгрэн прислал в музей семь своих печатных трудов (ЦГА УР. Ф.349. Оп. 2. Ед.хр.13. Л.3).

Кроме того, финский ученый подготовил для «Известий Общества изучения Прикамского края» рукопись статьи «Два железных меча в Сарапульском музее» (Тальгрэн, 1917. С. 20–24). Том «Известий» собирался в условиях мировой войны, что привело к целому ряду проблем с его публикацией. В письме к А.М. Тальгрэну 26 июля 1916 г. М.С. Тюнин пишет: «Многоуважаемый Михаил Маркович! Наш деятельный сотрудник Федор Васильевич Стрельцов⁷ находится теперь в общественной военной организации – Земгоре, и поэтому письмо Ваше на его имя попало ко мне. Вы интересуетесь, когда будет издан первый номер нашего журнала «Известий Общества» – II или V выпуск, если считать ранее вышедшие выпуски «Известий земского музея». Могу вам с удовольствием сообщить, что по моему настоянию «Известия» уже печатаются, напечатан первый лист, набирают уже Вашу статью. Главным образом в половине августа, вероятно, будет напечатан весь выпуск и останется только сброшюровать и напечатать библиографию. Письмо Ваше от 21.08.1916 г. с вставками для Вашей статьи нами получено, и вставки эти были сделаны. Для корректуры Вам послать оттиск мы, к сожалению, не можем, пришлось бы держать набор недели 3 в нашей типографии. Думаю, что мы сумеем

⁵ В документах музея Сарапульского земства Ананьинский могильник нередко именуется Ананьевским.

⁶ Интересно, что ценность приобретаемых музеем находок имела либо стоимостное выражение, либо выражение в массе. Так, по поводу приобретения пьяноборских вещей в протоколах Совета музея сообщалось: «Поездка была совершена совместно с М.С. Тюниным, Л.А. Беркутовым, Ф.В. Стрельцовым в с. Пьяный Бор на Каме, где помимо собственных находок, состоящих преимущественно из черепков глиняной посуды, им удалось приобрести у крестьян с Пьяноборского могильника около 3 фунтов вещей» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 37).

⁷ Ф.В.Стрельцов – один из учредителей Сарапульского земского музея, врач по профессии.

прокорректировать удовлетворительно – у нас редактором инспектор реального училища М.Н. Скворцов. Полученные от Вас клише для таблицы рисунков, вероятно, придется отправить в Москву, где у нас печатались таблицы для прошлых выпусков. Очень извиняемся, если мы с большим опозданием уведомляем вас о получении статьи. Секретаря Стрельцова взяли на войну, и мне приходится работать почти одному. Искренне преданный Вам Тюнин» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 192).

Ананьинские древности явились для исследований Сарапульского музея значимыми и для формирования научного понятийного аппарата местной археологии. Практически во всей сохранившейся переписке Л.А. Беркутова и М.С. Тюнина только ананьинские материалы строго именуется понятием «археологическая культура»: в них идет речь о находках ананьинской культуры, городищах ананьинской культуры. Нередко упоминание в качестве синонима понятия «костеносные городища». В то же время другие памятники соотносились с весьма аморфным явлением «чуждой культуры» или чуждыми древностями. Именно благодаря соотносению целого ряда раскопанных памятников с ананьинской культурой в исследованиях музея удалось констатировать, «что они представляют собой еще больший научный интерес тем, что позволяют историю указанных памятников отодвинуть на много веков назад по сравнению с тем временем, к которым относилась эта городища наука, основываясь на имевшихся в ее распоряжении довольно скудных данных» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 16).

К сожалению, современные исследователи не всегда обнаруживают коллекции из дореволюционных раскопок в тех учреждениях, которые их проводили. Так, исследователь ананьинских древностей Е.М. Черных отмечает, что многие ананьинские находки, полученные в результате археологических изысканий Сарапульского земского музея, в его фондах обнаружить не удалось. Изучение архивных материалов позволяет пролить свет на эту ситуацию.

В одном из петербургских писем 1910 г. Л.А. Беркутова М.С. Тюнину читаем: «Многоуважаемый Михаил Семенович! Простите, что долго не писал Вам, не было времени, то работаешь, то хвораешь. Вы опасаетесь за судьбу божков, так это напрасно. Божки – собственно куклы Ананьинской культуры, первые в находках, возвратятся в Сарапул, но в каком виде – не могу сказать, пожалуй, в копиях, конечно, искусно выполненных, но я посоветую Вам обратить внимание на карандашные знаки, нарисованные мною на основании кукол, и сразу уз-

нать, что это не подделка, а оригинал⁸. Отчет о раскопках получился неважный, ибо во время составления отчета болела голова. Ответа на удовлетворительность Отчета от Александра Андреевича [Спицына] не получил и думаю, что он попросит добавочных сведений о раскопках (этого я не боюсь – у меня сохранились точные записи о нивелировках грунта и поверхности площади раскопок и характере черепков). Вам приготовил уже 1,5 листа – по времени писать кончить – сколько наберется всего – не знаю пока. Раскопанное городище принадлежит к костеносным городищам, но не все в целом, так как после этой культуры здесь есть еще и другая. Спицын полагает, что городище это болгарское, к которым причисляет и Нырғындынское. Спицын предполагал (раньше), что в группе городищ близ Чеганды должно быть хотя бы одно костеносное и даже определял место, на которое указывал. Это то место, которое я описываю под названием «Поляна». Городища, открытые нынче – «Каменный лог» и «Подкаменный» не определены. Меч, принесенный в дар Сарапульскому музею – сарматский, и надо полагать, что близ Чеганды, будет найден сарматский могильник, а может быть и «скифский». Кольцо с надписью УВАШЕЛЕЙ⁹ Спицын не знает куда причислить. Вместе с вещами с городища Вам придется формочка ананьинской культуры, найденная Флавиодном Африкановичем¹⁰ и изломанная куколка, найденная П[орфирием] П[авловичем] Б[еркутовым]¹¹ и уже внесена в Ваш Каталог. (Сбоку приписано «с Усть-Нечкинского городища» – О.М.). Вместе с вещами придет опись, составленная мною (копия). (С боку записано (железные обломки) – О.М.). Я пришлю Вам полную опись найденных вещей (оригинал в Комиссии)¹². Когда, которого числа пошлю Вам материал, я не знаю, но это будет зависеть от моего финансового положения, которое сравнительно неважно» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 145, 145об).

В другом письме, в январе 1911, Л.А. Беркутов сообщает: «Многоуважаемый Михаил Семенович! Прошу извинить меня, что долго не писал: было много дела, потом инфлюенция, а затем опять много дела и т.д. Я был у Спицына, он сказал, что вещи, которые были направлены

⁸ Дан рисунок с этим знаком.

⁹ Так в тексте письма.

¹⁰ Личность установить пока не удалось.

¹¹ П.П. Беркутов – член-учредитель Сарапульского земского музея. Сбоку приписано «с Усть-Нечкинского городища».

¹² Речь идет об Императорской Археологической комиссии.

в Сарапульский музей, все еще не отосланы, и поэтому посоветовал мне их взять перед вака- том¹³ – на что я согласился, думаю, что эта комбинация самая выгодная, ибо я отличу подделку и возьму подлинники» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 105).

Т.е. из писем следует, что коллекции были отосланы в Петербург. Вполне возможно, что «находки невыдающегося значения»¹⁴ были увезены Л.А. Беркутовым в Петербург для написания Отчета по итогам раскопок в ИАК, поскольку он являлся студентом Петербургского политехнического института и проводил раскопки в Сарапульском уезде во время каникул. В том же письме А.А. Спицына упоминается, что выдающиеся находки Императорская Археологическая комиссия распределяет по музеям. По указу 1889 г. ИАК следила за распределением найденных древностей. Очевидно, с них делались слепки, и копии отправлялись в местные музеи. Во всяком случае, современным археологам следует иметь четкое представление о том, какова была судьба дореволюционных коллекций, исходя из более детального изучения нормативных документов, определявших деятельность ИАК.

Изучение архивных фондов, непосредственно не связанных с научными материалами дореволюционных раскопок, представляет большой интерес не только для социальной истории археологии. Делопроизводство научных обществ, музеев и библиотек при них, частная переписка по-прежнему являются чрезвычайно важными источниками для истории формирования научных коллекций, их изучения и научного осмысления.

Литература

ЦГА УР. Ф. 349. Музей Сарапульского земства.

Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д.Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск, 2006.

Тальгрэн А.М. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия Общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917.

Шишкин И.В. Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1876 году. Елабуга, 2007.

Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. Т. 31:1.

¹³ Вакат – страница, свободная от текста.

¹⁴ См. выше письмо А.А. Спицына.

II. АНАНЬИНСКИЙ МИР И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы

1. Предыстория ананьинской проблемы

Год 1858 является, безусловно, знаковым в истории российской археологии. Раскопки П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным Ананьинского могильника и последующая оперативная публикация Алабина (1860) оказали заметное влияние на исследовательские поиски второй половины XIX – начала XX в., положив начало изучения ананьинской культуры – одной из ярчайших культур раннего железного века лесной полосы Северной Евразии. Это событие во многом изменило отношение к древностям в региональной просвещенной среде и среди крестьян. Именно с этого времени в Вятской, Казанской и Пермской губерниях активизируется, с одной стороны, бум «бугрования» (стимулированный не только скупщиками древностей, но и политической Императорской Археологической комиссией), а с другой – складывается интерес к научному коллекционированию, прежде всего в губернских центрах – Вятке, Казани и Перми.

Спустя 20 лет после открытия Ананьинского могильника, в Казани прошел IV Всероссийский Археологический съезд, а следом было учреждено Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. И в обсуждении на съезде, и в деятельности ОАИЭ Ананьинский могильник оставался в центре внимания ученых. Тогда же – и прежде всего благодаря раскопкам П.А. Пономарева и А.А. Спицына – внимание столичных археологических учреждений и зародившихся региональных научных обществ было привлечено к вятским и камским городищам, которые по находкам на них многочисленных костей получили название «костеносных». Так было положено начало изучению древностей, в дальнейшем объединенных в рамках ананьинской культуры.

Поначалу могильники ананьинского типа (а вслед за Ананьинским в последующие десятилетия были открыты Котловский, Рёлка, Кара-

кулинский, Зуевский) и синхронные им «костеносные» городища рассматривались как разнотипные и даже разновременные явления. Но уже в 1880–90-е годы П.А. Пономарев, Д.Н. Анучин и наиболее убедительно А.А. Спицын (1893. С. 36–40) указывали на сходство материальной культуры могильников ананьинского типа и «костеносных» городищ. С этого времени гипотеза о культурном единстве данных групп памятников стала обретать все больше и больше сторонников.

Спицынскую мысль о существовании единой культуры, объединяющей могильники ананьинского типа и «костеносные» городища, поддержал и аргументировал в начале XX в. А.М. Таллгрэн (Tallgren, 1919), который предложил назвать культуру «ананьинской» по эпонимному памятнику. Несколько позднее, но независимо от финского исследователя к тождеству ананьинской и «костеносной» культур пришел молодой российский исследователь М.Г. Худяков – автор первого в отечественной науке очерка ананьинской культуры (1922; 1923). Таким образом, с 1920-х годов термин «ананьинская культура» прочно вошел в лексикон российской и европейской археологии.

В 1930-е годы в советской археологии – и прежде всего в работах М.Г. Худякова (1933; 1935) и А.В. Шмидта (1934) – как дань псевдомарксистской фразеологии, утвердившейся тогда в ГАИМК вместе с «яфетической теорией» академика Н.Я. Марра, чаще будет использоваться термин «ананьинская эпоха». Но в те же годы А.В. Збруева, обратившаяся к изучению камско-вятских «костеносных» городищ (1934) Ананьинского (1936) и Луговского могильников (1947), сохранила термин «ананьинская культура» в своих работах. Именно благодаря ее исследованиям, в основном довоенным (Збруева, 1952), получила свое завершенное оформление концепция ананьинской культуры как культуры «костеносных» городищ, шнуровой круглодонной

керамики с раковинной или растительной примесью, кельтов с овальной и шестигранной втулкой, одиночных погребений, ориентированных ногами к реке. Данная обобщенная характеристика ананьинской культуры оказалась жизнеспособной и используется до настоящего времени.

В то же время дискуссия на IV Уральском археологическом совещании в Перми в 1964 г. выявила различные подходы к происхождению и выделению локальных вариантов ананьинской культуры, но сам стереотип культуры (а соответственно и культурное единство ананьинского мира) не подверглись ревизии. Збруевское понимание ананьинской культуры существенно расширил в 1960–80-е годы А.Х. Халиков (1962; 1977), обосновавший ее преемственность с культурами эпохи поздней бронзы Волго-Камья.

В те же годы – в связи с появлением новых материалов, характеризующих ананьинскую культуру разных регионов Волго-Камья, – формируются новые подходы к пониманию ананьинской проблемы, которые заключались в осознании ананьинской культуры как явления, имеющего многокомпонентный характер. Для более точного выражения нового понимания ананьинских древностей В.Ф. Генинг предложил ввести термин «ананьинская культурно-историческая общность», которая рассматривалась им как общность родственных в этническом плане культур (Генинг, Совцова, 1967); для предшествующих культур эпохи финальной бронзы им было предложено название «предананьинская культурно-историческая общность».

Процесс переосмысления традиционного збруевского и халиковского видения предананьинской и ананьинской проблематики стал набирать силу в 1970–80-е гг. Один из авторов настоящей статьи (Кузьминых, 1977; 1983) выдвинул гипотезу о сосуществовании в конце II – начале I тыс. до н.э. в Среднем Поволжье двух групп населения: маклашеевской/ананьинской и «текстильной»/акозинской (Кузьминых, 1977; 1983), которая в дальнейшем получила поддержку и развитие в работах В.Н. Маркова (см. библиографию в: 2007), Б.С. Соловьева (1995; 2000), А.А. Чижевского (2002; 2008) и в то же время вызвала резкую критику со стороны В.С. Патрушева (1984; см. также статью в настоящем сборнике), который объединил их в рамках единой ахмыловской культуры.

Кроме того, в эти же годы В.А. Иванов обосновал различные генетические истоки древностей курмантау и «шнуровых» в нижнем течении Белой (1976; 1977; 1982). Первые явились, по его мнению, продолжением маклашеевской линии развития на Белой, а вторые появились

здесь в уже сложившемся виде, вероятнее всего, из районов Среднего Прикамья. Л.И. Ашихмина, исследуя генезис ананьинской культуры в Удмуртском Прикамье, напротив, отстаивала местные истоки «шнурового» ананьина. Тогда же Н.Л. Членова (1981) выдвинула идею, а фактически вынесла на обсуждение давнюю гипотезу П.П. Ефименко (1948) о миграции части предананьинского населения Приуралья из Западной Сибири, которая противопоставлялась гипотезе А.Х. Халикова (1969; 1977) о местных истоках приказанской культуры и ее продолжения – культуры ананьинской.

Свое дальнейшее развитие в 1980-е годы ананьинская проблема нашла в трудах В.А. Иванова (1983; 1991) и В.Н. Маркова (1988; 2007). Ими было показано культурно-типологическое и генетическое различие памятников волго-камского (постмаклашеевского) и прикамско-приуральского (шнурового и гребенчато-шнурового) ананьина. Оба исследователя высказались в поддержку гипотезы о миграции североприуральских групп населения по Вятке, Ветлуге и через верховья Камы в южные районы ананьинского ареала. При этом В.Н. Марков, проводя анализ керамики раннего железного века Волго-Камья, поддержал гипотезу В.Ф. Генинга и С.В. Кузьминых о многокомпонентном характере населения ананьинской общности. В ее ареале Марков выделил четыре группы памятников, каждая из которых характеризовалась специфическим керамическим комплексом: «текстильным», постмаклашеевским, сложношнуровым и гребенчато-шнуровым. Вторым шагом, к сожалению, не получившим тогда продолжения, стал поставленный Марковым вопрос о невозможности объединения памятников Волго-Камья и Северного Приуралья в рамках единой ананьинской культуры или общности.

В 1990-е годы В.Н. Марков в рамках исследования генезиса ананьинских древностей обратил к переосмыслению материалов приказанской культуры. В итоге он пришел к убеждению об обособленном характере ее маклашеевского этапа, не являющегося прямым продолжением предшествующих этапов приказанской культуры, и обосновал необходимость выделения самостоятельной маклашеевской культуры (Марков, 1996. С. 10–12). Таким образом, получила поддержку ранее высказанная гипотеза В.Ф. Генинга и С.В. Кузьминых о выделении предананьинской (маклашеевской) культурно-исторической общности. В настоящее время подобный взгляд на маклашеевские древности находит все большее число сторонников, а термины маклашеевская культура и маклашеевская

культурно-историческая общность употребляются как синонимы предананьинской культурно-исторической общности.

На рубеже XX и XXI веков произошло переосмысление термина «ананьинская культурно-историческая общность». Один из авторов предложил объединить древности Волго-Камья и северо-востока Европы в рамках ананьинской культурно-исторической области (Кузьминых, 2000б. С. 107, 108; 2006. С. 228–230). Понятие «общность» предполагает более тесные этнокультурные связи, нежели «область». Ананьинский мир есть все основания рассматривать как общую колыбель предков прибалтийских и поволжских финнов и пермских народов. Активные миграционные процессы в начале эпохи раннего железа определили подвижные территориальные рамки АКИО в пределах лесной зоны Волго-Камья и северо-востока Европы в различные хронологические периоды.

В начале XXI в. другой из авторов настоящей статьи, обратившись к изучению погребального обряда населения ананьинской области и в развитие взглядов В.Н. Маркова, В.А. Иванова и С.В. Кузьминых, выделил четыре археологические культуры в составе АКИО: акозинскую, или культуру текстильной керамики РЖВ Среднего Поволжья и Нижней Оки, ананьинскую культуру сложношнуровой керамики, ананьинскую культуру гребенчато-шнуровой керамики и постмаклашеевскую (Чижевский, 2002; 2008).

2. Предананьинская проблема

Одной из ключевых проблем изучения ананьинского мира является давно обсуждаемая дилемма: связан ли генезис АКИО с развитием культур финала бронзового века Волго-Камья или же корни АКИО следует искать на соседних территориях. Решение проблемы происхождения культур ананьинского мира во многом затруднено запутанной ситуацией, сложившейся в проблематике эпохи поздней бронзы Волго-Камья. Доминировавшее до 1990-х годов представление А.Х.Халикова (1969; 1980) о развитии в регионе единой приказанской культуры в последние десятилетия неоднократно подвергалась критике (см. труды В.П. Денисова, Л.И. Ашихминой, Н.Л. Членовой, И.Б. Васильева, М.Ф. Обыденнова, В.А. Иванова, Е.П. Казакова, В.С. Патрушева, В.Н. Маркова, Б.С. Соловьева, Ю.И. Колева, а также авторов настоящей статьи; см. обзор работ: Кузьминых, 1999а; 1999б; 2001; Чижевский, 2007а). В итоге халиковская концепция ананьинского культурогенеза, базировавшаяся только на фундаменте приказанской культуры, настолько

обросла противоречиями, что перестала использоваться в исследовательском процессе.

Безусловно, необходима перестройка данной концепции. Однако начинать ее следует с переосмысления базовых памятников приказанской культуры, которые легли в основу ее периодизации, и сопоставления их с опорными памятниками луговской, межовской, сусканской и других культур. Пока что наблюдается стремление «откусить» от приказанского «пирога» тот или иной лакомый кусочек. И если выделение памятников маклашеевского этапа в самостоятельную культуру или общность сделано вполне обосновано, то в отношении переосмысления памятников предшествующих этапов приказанской культуры предстоит сначала большая источниковедческая работа (Кузьминых, 2001. С. 19, 20; Чижевский, 2007б).

С отказом от концепции приказанской культуры перед исследователями встает три блока проблем, каждый из которых может изучаться как самостоятельно, так и в связке друг с другом.

Первый блок связан с займищенским этапом. А.Х. Халиков (1980. С. 52; 1987. С. 144) и А.Д. Пряхин (1980. С. 27), возможно, вполне справедливо, рассматривали памятники этого круга как отражение процесса взаимодействия средневожской группировки абашевской культуры с местной поздневолоховской. Но почему число этих памятников столь мало, почему они сосредоточены на небольшом отрезке казанского течения Волги? Эти вопросы, равно как и хронология, происхождение и последующие судьбы носителей займищенской керамики, безусловно, нуждаются в дальнейшем исследовании. Необходимо уточнить само понятие «займищенский этап или период», уяснить, является ли он самостоятельной археологической культурой, особым типом памятников или же локальным вариантом одной из уже выделенных культур начала II тыс. до н.э.

Второй блок проблем связан с обсуждением балымско-карташихинских, атабаевских, луговских, черкаскульских и сусканских древностей. В середине II тыс. до н.э. происходит «андронизация» культурных образований (как бы они ни назывались) северной лесостепи и юга лесной зоны Волго-Камья (Кузьминых, 1999а; 2001). Аналогичные процессы охватывают, как известно, обширные пространства к востоку от Урала. Характер и динамика формирования «андроноидных» культур, безусловно, определялись импульсами культур андроновского и срубного мира, но конкретные механизмы и этапы взаимодействия степных и лесостепных групп населения требуют специального изучения.

Третий блок проблем – во многом ключевой при обращении к ананьинскому культурогенезу. В финале бронзового века в Волго-Камье складывается маклашеевская культура (Марков, 1996) или предананьинская (маклашеевская) культурно-историческая общность (Генинг, Соцова, 1967. Рис. 2; Кузьминых, 1977; 1983. С. 6) (Рис. 1). В.Н. Марков, вслед за Н.Л.Членовой, (1981) считал возможным выводить происхождение маклашеевской культуры от ирменской (в ее розановском варианте). Нами отстаивается альтернативная точка зрения о формировании маклашеевской культуры на основе взаимодействия пришлой культуры «текстильной» керамики и местных памятников атабаевского круга (имея в виду также луговские, сусканские и им подобные).

Не вдаваясь в полемику о характере межовской культуры, отметим, что наиболее ярко «андроноидные» черты в постандрононовский период проявляются в атабаевской керамике (Рис.2; 3, 1-6, 8). Она занимает устойчивую среднюю позицию между андрононовской (федоровской) и маклашеевской. Сходство ее по элементам орнамента (ямки, резные линии и гребенчатый штамп) и мотивам декора (группировка ямок по три, горизонтальный двойной зигзаг, ромбы и решетка) с сусканско-луговской керамикой, с одной стороны, и маклашеевской, с другой, очевидно. В оппозиции луговская/атабаевская и атабаевская/маклашеевская керамика более близок к атабаевской посуде все же маклашеевский керамический комплекс. Отличия проявляются в оформлении днища: плоскодонные и с уплощенным дном в «атабаеве» и круглодонные в «маклашеевке», а также в форме венчика – характерный валик со срезом или воротничок в «атабаеве» и безворотничковая в своей основе керамика в «маклашеевке». Впрочем, наличие многочисленных переходных форм на памятниках атабаевского круга нивелирует эти отличия. К примеру, сосуды из Балымского могильника (Рис.3, 5, 6) и Гулюковского III поселения (рис.3, 3) наряду с атабаевской орнаментацией имели округлую форму днища, а плоскодонные сосуды Рождественского I (Рис.3, 2, 4) могильника, Ерзовского, Гулюковского III (Рис.3, 1) и других поселений украшены в маклашеевской орнаментальной манере. Сближает данные керамические комплексы и наличие многочисленных воротничковых сосудов маклашеевского времени.

По всей вероятности, керамика памятников атабаевского круга демонстрирует начальный этап сложения маклашеевской культуры, который, судя по комплексам Балымского могиль-

ника, можно датировать в пределах XIV/XIII вв. до н.э. (Рис.3, 7, 9-12).

Последующий этап развития маклашеевской культуры связан с миграцией носителей культуры «текстильной» керамики (с характерной для нее круглодонной керамикой) (рис.4), взаимодействие которых с раннемаклашеевскими – атабаевскими – группами населения стало своеобразным катализатором для формирования известного нам стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической, реже блоковидной горловиной, орнаментированной ямками, оттисками гребенчатого штампа и резными линиями (Рис.5; 6, 1, 8, 12).

Необходимо отметить, что процесс взаимодействия носителей «текстильной» и атабаевской керамики шел в Волго-Камском регионе по-разному. Наибольшему воздействию подверглось атабаевское население Марийско-Чувашского Поволжья, приустьевых районов Камы и прилегающих участков Волги. Значительно меньшее влияние оно испытало в Нижнем и Среднем Прикамье, а также на Вятке и Белой. Это выразилось в сохранении здесь архаичных атабаевских черт в декоре, следствием чего стало выделение быргындинской (Ашихмина, 1985), малмыжской и отчасти курмантаусской культур¹. Наличие подобных отличий в маклашеевском керамическом комплексе позволяет рассматривать данное этнокультурное образование как многокомпонентное, но имеющее, по всей вероятности, единую атабаевско-«текстильную» основу.

Хронология основного массива памятников маклашеевской культуры определяется вещевыми комплексами могильников (Маклашеевский 3, Полянский 2, Ново-Мордовский 5, Мурзихинский 2 и др.) (Рис.6, 2-7, 9-11, 13, 14), но прежде всего данными радиуглеродного анализа в пределах XII/XI – 1 пол. IX вв. до н.э. (Чижевский, 2001. С. 30–36).

Взаимодействие «текстильного» и местного – уже постмаклашеевского – миров продолжилось и в раннем железном веке. На территории Среднего Поволжья этот процесс привел к образованию аказинской культуры с преобладанием «текстильного» этнокультурного компонента. В Нижнем Прикамье он выразился в формировании постмаклашеевской культуры, в которой возобладали местная этнокультурная традиция.

¹ Впрочем, В.А. Иванов доказал, что курмантаусская культура – явление более позднее, связанное уже с ранним железным веком (1976; 1977; 1982).

3. Ананьинская культурно-историческая область и постмаклашеевская культура – стержневая культура АКИО

Выше уже отмечалось, что понятия «культурно-историческая» или «археологическая общность», которые вполне правомерно использовались для культур эпохи финальной бронзы, не могут в полной мере быть применимы для культур эпохи раннего железа, объединенных в рамках ананьинского мира. По своему культурному облику, происхождению и, вероятно, этнической принадлежности культуры, входящие в состав ананьинского межплеменного объединения, были различны: постмаклашеевская культура явилась прямым продолжением волго-камской маклашеевской (включая ранние памятники ерзовского и курмантаусского типов); симбиозом «текстильных» и маклашеевских древностей стала аозинская культура, в которой доминировал пришлый – западный – этнокультурный компонент; ананьинская культура шнуровой керамики сложилась на основе культур эпохи поздней бронзы Среднего и Верхнего Прикамья и имеет весьма своеобразный, отличный от постмаклашеевского культурный комплекс; истоки ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики восходят к лебязской культуре в бассейнах рек Печоры и Вычегды (Марков, 2007). Все это заставляет нас рассматривать данные культуры в рамках ананьинской культурно-исторической области, которая является объединением археологических культур, не связанных общностью происхождения (Кузьминых, 2000а. С. 108; 2000б. с. 108; Кузьминых, Чижевский, 2007. С. 5) (Рис.7).

Ареал АКИО определяется главным образом по распространению постмаклашеевской, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики, особенностям погребального обряда, характерным предметам вооружения (прежде всего, кельтов с овальным и шестигранным устьем втулки) и украшений. Ананьинский мир – это не только постмаклашеевская культура, но и культуры лесной и отчасти лесостепной зон севера и северо-востока Европы, которые испытали влияние постмаклашеевской культуры, восприняли формы «ананьинского» и степного вооружения, конской упряжи и украшений, переработанных в постмаклашеевской среде. Как мир ранних кочевников объединяет скифская «триада» (оружие, упряжь, звериный стиль), так и культуры ананьинского мира объединяют общие стереотипы вооружения – кельты и наконечники копий, а также включение в местные керамические комплексы характерной постмаклашеевской посуды (Рис.8, 9).

Носители аозинской культуры, характерными признаками которой являлись «текстильная» керамика и аозинско-меларские кельты, находясь на стыке двух миров – «текстильного» и ананьинского, заимствовали «ананьинский» обряд погребения умерших в землю, а также некоторые категории предметов вооружения и украшений. На основании этого аозинская культура также рассматривается нами в рамках ананьинского мира (Кузьминых, Чижевский, 2007. С. 5).

Миграционный характер формирования культур ананьинского мира был обусловлен, судя по палинологическим данным (Алешинская, Спиридонова, 2000), палеоклиматическими изменениями в бореальной зоне Северной Евразии в конце II – начале I тыс. до н.э. Эти процессы определили подвижные территориальные рамки АКИО в различные хронологические периоды. Повышенная активность постмаклашеевских групп населения в начале I тыс. до н.э. сменилась миграцией на юг и запад культур гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики во второй четверти I тыс. до н.э. Миграционные потоки были привязаны к речным системам Ветлуги, Вятки, Камы, Вычегды и Двины.

Наиболее полно в ананьинской археологии изучена постмаклашеевская культура. Работами В.Н. Маркова и авторов этих строк были сформулированы основные критерии выделения данной культуры: 1) в керамическом комплексе это горшки, украшенные ямками и вдавлениями в различных сочетаниях (только на поздних этапах появляются разреженные оттиски шнура); орнамент в основном по шейке (Рис.8) (Марков, 2007. С. 29); 2) характерный тип орудий и оружия – бронзовые и медные кельты с овальным устьем втулки (Рис.9, 12, 28) (Кузьминых, 1983; Марков, 2007); 3) в погребальном обряде и инвентаре могильников – это наличие погребений с подчиненными костяками, присутствие костяных лоцил, кельтов с овальной втулкой, терочников и антропо-зооморфных бронзовых фигурок (Рис.9, 12, 31), наличие на ряде некрополей стел (Рис.9, 32) (Чижевский, 2002; 2008); антропологический тип погребенных в основном европеоидный (см. статью И.Р. Газимзянова в настоящем сборнике).

Этим критериям отвечают памятники Усть-Камья и р. Белой, здесь они имеют наиболее чистый, не смешанный облик. Памятники Среднего Прикамья – наряду с включениями постмаклашеевского компонента – оставлены в основном носителями ананьинской культуры шнуровой керамики. Некоторые поселения и могильники Чувашско-Марийского Поволжья сочетают в себе традиции разных культур: постмакла-

шеевской, аозинской и гребенчато-шнуровой. В Старшем Ахмыловском и Аозинском могильниках постмаклашеевские погребения располагаются отдельно от аозинских (с меларскими кельтами) и гребенчато-шнуровых (с шестигранными кельтами).

4. Вуаль АКИО – культуры аозинская, шнуровой керамики и гребенчато-шнуровой керамики

4.1. Аозинская культура является одной из своеобразных культур АКИО², выделена в 1970-е годы (Кузьминых, 1977; 1983. С. 157). Как уже отмечалось, под влиянием постмаклашеевской культуры у носителей пограничной с ананьинским миром культуры «текстильной» керамики появляется обряд погребения в землю, который, помимо Средневолжского региона, проник и на Нижнюю Оку (Младший Волосовский могильник) (Кузьминых, Чижевский, 2006). Более того, длительное проживание на одной территории обусловило наибольшую близость аозинского погребального обряда с постмаклашеевским по сравнению с остальными культурами АКИО (Чижевский, 2008. С. 33 – 43).

Аозинская культура обладает рядом характерных признаков, выделяющих ее из остальных культур АКИО: 1) керамический комплекс представлен сосудами, большая часть которых орнаментирована характерными «текстильными» отпечатками (Рис.10); 2) наличие особого, отличного от ананьинских, очага металлообработки; его основным маркером являются кельты меларского или аозинско-меларского типа (Рис.11, 7, 10) (Кузьминых, 1983. С. 167–170; 1993); 3) особенностью погребального обряда является расположение погребений группами, а не рядами, как в остальных культурах АКИО; присутствует также характерный набор погребального инвентаря, не встречающийся или же известный лишь изредка в некрополях других культур АКИО – это меларские кельты, железные пещни, топоры и секиры, однолезвийные кинжалы, железные и биметаллические булавки (Рис.11) (Чижевский, 2002; 2009).

Сочетание всех трех групп признаков характерно для памятников Чувашско-Марийского Поволжья и Нижней Оки – основного ареала культуры. В небольшом количестве керамика с «текстильными» отпечатками, а также кельты меларского типа встречены в Усть-Камье и прилегающих волжских районах. Погребения с меларскими кельтами реконструируются здесь в

Ново-Мордовском I, Семеновском VI, Танеевском и других могильниках.

Исследование аозинской культуры осложнено тем, что памятники ее юго-восточного фланга располагались чересполосно на одной территории с постмаклашеевскими и ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики (Марков, 1994. С. 65, 68, 69). В большинстве памятников Средневолжского региона мы наблюдаем активное и причудливое сочетание черт всех этих культур – настолько далеко зашли здесь процессы культурогенеза, начавшиеся еще в позднебронзовую эпоху с миграцией носителей культуры «текстильной» керамики. Не удивительно, что из пяти исследованных могильников лишь в Убеевском (в его раскопанной части) выявлен исключительно аозинский комплекс погребального инвентаря; в Младшем Волосовском, Старшем Ахмыловском, Аозинском и Козьмодемьянском содержались погребения трех культур АКИО: аозинской, гребенчато-шнуровой керамики и постмаклашеевской, но на погребальном поле они группируются отдельно друг от друга.

Аозинская культура является частью огромного «текстильного» мира центра и северо-запада Европейской России, Восточной Прибалтики и Финляндии времени РЖВ. При этом значительнейшую часть памятников культуры «текстильной» керамики центра Русской равнины и более северных территорий, которые синхронизируются по вещевым комплексам и радиоуглеродным датам со средневолжскими аозинскими, традиционно относят к бронзовому веку. Критерием перехода к эпохе раннего железа является в них дьяковский «след». Однако присутствие здесь таких памятников – пусть и единичных – как Младший Волосовский могильник, который никак нельзя отнести к дьяковской или городецкой культурам, свидетельствует о существовании в ареале культуры «текстильной» керамики позднего пласта догородищенских памятников и ранних городищ на Нижней Оке и в Костромской низине (иногда с находками кельтов меларского типа и литейных форм для их отливки, а также «текстильной» керамики со шнуровыми отпечатками), синхронных со средневолжскими аозинскими и постмаклашеевскими. Но от последних их отличает одна важнейшая черта, а именно: для них не характерна погребальная обрядность, связанная с помещением трупа в землю. Именно эта часть «текстильного» мира явится в дальнейшем базой для формирования дьяковской, городецкой, позднекарагопольской и других культур РЖВ (Кузьминых, 2006; Гусаков, Кузьминых, 2008).

² Используется также термин «аозинско-ахмыловская культура» (Кузьминых, 2006. С. 230).

4.2. Ананьинская культура шнуровой керамики, ее поселенческие и погребальные памятники дали изначальное представление о классической ананьинской культуре. Именно ее материалы легли в основу современных взглядов о первой фазе раннего железного века Волго-Камья. Отталкиваясь от них, А.М. Тальгрэн, М.Г. Худяков и, наконец, А.В. Збруева и А.Х. Халиков построили концепцию ананьинской культуры, доминировавшую в отечественной историографии в 20–80-е годы прошлого столетия.

Ананьинская культура шнуровой керамики (АКШК) обладает следующими характерными чертами:

1. Наиболее яркой чертой материальной культуры АКШК является керамика, украшенная исключительно оттисками шнура (Рис.12). Шнуровая орнаментация в виде двух-трехрядного шнура образует узоры из волнообразных, наклонных и перекрещивающихся линий, треугольников, ромбов и лесенок, нанесенных в основном на шейку и плечико. Сосуды имеют форму широких чаш и горшков (Рис.12, 10-13) (Марков, 1988. С. 72).

2. Другой чертой, определяющей культурную обособленность АКШК в рамках АКИО, являются кельты с шестигранным сечением устья втулки (Рис.13, 31) (Кузьминых, 1983. Рис. 46, б, табл. 9), которые фиксируются в основном в ареале памятников с керамикой со сложношнуровой орнаментацией (Марков, 1994. С. 70). Единичные экземпляры шестигранных кельтов встречены в ареале постмаклашевской культуры, отражая проникновение на эту территорию таежных ананьинских групп населения. Более многочисленны они в средневожских могильниках (Старшем Ахмыловском, Аозинском и Козьмодемьянском), тяготеющих к устью Ветлуги, но образуют здесь особые, отличные от камских типы (КАН– 90), характерные для ветлужского варианта культуры с гребенчато-шнуровой керамикой.

3. В погребальном обряде АКШК также присутствуют характерные черты, резко отделяющие ее от остальных культур ананьинского мира – это наличие на некрополях каменных ящиков и деревянных гробниц; устройство каменные крепид над погребальными сооружениями; использование кроме ингумации также кремации погребенных; наличие в погребальном инвентаре кельтов с шестигранным втулкой, чеканов, сосудов со сложношнуровой орнаментацией (Рис.13) (Чижевский, 2002; 2008). С этой культурной средой связано появление в Прикамье специфического низкого монголоидного антропологического типа, хорошо известного по

материалам Луговского могильника (см. статью И.Р. Газимзянова в настоящем сборнике).

Основной территорией АКШК являются районы Нижней и Средней Камы от Елабуги до Перми, а также Нижней Белой. Здесь эта культура проявляется наиболее полно. Встречены отдельные погребения и керамика АКШК и в приустьевой части Камы.

4.3. Ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики. В конце 1970-х годов один из авторов при изучении металлического инвентаря АКИО обратил внимание на значительное своеобразие кельтов с шестигранным втулкой, распространенных в бассейнах Вятки и Ветлуги (Кузьминых, 1977; 1983. С. 77, 78, 177). В 1980-е годы вопрос о коренном отличии керамического комплекса данной группы ананьинских памятников поставил В.Н. Марков (1988). В настоящее время мы рассматриваем группу памятников, сочетающих керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией и кельтами типа КАН-90, как особую культуру гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) в составе АКИО (Рис.14; 15). Таким образом, АКГШК характеризуется следующими специфическими чертами: 1) керамика поселений и могильников представлена круглодонными сосудами чашевидной и горшковидной формы, сочетающей гребенчатую и шнуровую технику орнамента (Рис.14) (Марков, 1988. С. 66–67); 2) наличие в инвентаре могильников кельтов типа КАН-90 ((Рис.15, 11, 19) для ветлужского варианта культуры) и охры (Кузьминых, 1983; Чижевский, 2002; 2008); 3) использование – наряду с захоронением в землю – иных форм погребальных обрядов, в частности, «домов мертвых» (Старший Ахмыловский могильник).

Местом сложения АКШК была, вероятно, территории Европейского Северо-Востока, откуда к рубежу VII–VI вв. носители данной культуры распространяются в верховья Камы, на Вятку и Ветлугу с выходом в приустьевых районах этих рек на Волгу и Каму, где они вступили во взаимодействие с другими культурами АКИО.

5. Проблемы хронологии и периодизации АКИО (три этапа волго-камского ананьина)

В последние десятилетия произошли некоторые изменения в нашем понимании хронологии и периодизации ананьинского мира. Они обусловлены как расширением источниковой базы, так и пересмотром датировок степных культур раннего железного века.

Нижнюю границу первого этапа АКЮ определяют материалы ряда погребений постмаклашеевской культуры Измерского VII (п. 10) и Мурзихинского II (п. 97) могильников (Казаков, 1994; Чижевский, 2002. С. 33).

Кобанские аналогии периода Кобан III бронзового псаля из п. 10 Измерского VII могильника дают достаточно широкую дату в пределах 2 пол. X – нач. VII вв. до н.э. (Козенкова, 1996. Рис. 36, 36), однако В.Р. Эрлих уточнил датировку псаля, сужая время его бытования до конца IX – 2 пол. VIII в. до н.э. (1994. С. 65, 66). Для комплекса вещей из п. 97 Мурзихинского II могильника существует радиоуглеродная дата (2830 ± 40 лет; анализ выполнен лабораторией ГИН). Наличие в данных погребениях типичного для ананьинской эпохи инвентаря – кельта типа КАН-28 и наконечника копья типа КД-28 дает возможность утверждать, что формирование диагностирующего комплекса вещей раннеананьинского времени – бронзовых кельтов с овальным сечением втулки и треугольной, трапециевидной и арковидной фасками и прорезных наконечников копий – происходит уже на первом этапе существования АКЮ, в 1 пол. IX – VIII в. до н.э. Наличие в позднемаклашеевском погребении 199 Мурзихинского II могильника железного шила позволяет предположить, что и распространение железных орудий и оружия относится к финалу маклашеевской КЮ – началу первого этапа АКЮ.

Второй этап развития АКЮ (кон. VIII – 1 пол. VII в. до н.э.) связан с распространением кавказских импортов в Волго-Камье, когда на Северном Кавказе и в степной зоне Восточной Европы после киммерийских и скифских походов в Переднюю Азию формируются памятники «предскифского» времени, известные по погребениям новочеркасской и черногооровской групп. Характерные для них бронзовые, биметаллические и железные изделия в массе появляются в постмаклашеевских и акозинских могильниках, причем наряду с импортными изделиями появляются и их местные подражания. Наиболее яркой особенностью этой эпохи являются постмаклашеевские (ананьинские) стелы Ново-Мордовского I, Мурзихинского II и других могильников.

Третий этап развития памятников ананьинского времени в Волго-Камье (2 пол. VII – V вв. до н.э.) характеризуется усилением влияния евразийских культур «скифо-сибирского» мира и началом функционирования второй фазы ананьинского очага металлургии. На этом этапе «скифский» вектор связей постепенно меняется на савроматский и сакский, а для таежного Прикамья, кроме того, на иткульский.

6. Исторические судьбы населения АКЮ³

Наличие в Волго-Камье многочисленных изделий кавказского и степного (скифо-сибирского) облика позволяют органично рассматривать историю населения АКЮ на фоне обще-евразийского исторического процесса. Развитая цветная и черная металлургия и металлообработка, своеобразные формы орудий, оружия и украшений, оригинальный звериный стиль, сложнейший погребальный обряд, обширный ареал культур ананьинского мира, их стержневая роль в этно- и культурогенетических процессах эпохи раннего железа на Европейском Севере и Северо-Востоке – все это ставит ананьинскую культурно-историческую область вровень с такими колоссами древности, как культуры скифо-сибирского мира, кобанская, гальштатская, латенская и др.

Начальные фазы РЖВ в Волго-Камье и на севере и северо-востоке Европы характеризуются распространением весьма контрастных экологических, хозяйственных и социальных доминант. В северной лесостепи и на юге лесной зоны у населения акозинской и постмаклашеевской культур утвердился по-настоящему комплексный характер производящей экономики. Это высокотехнологичные и передовые для своего времени бронзолитейное дело и железообработка, животноводство и земледелие (впрочем, роль последнего в производстве пищи – при ограниченных прямых свидетельствах земледелия – явно преувеличивается). Железообработка постмаклашеевской и акозинской культур сложилась при явном кавказском импульсе.

В южнотаежном и таежном Прикамье, на Вятке, Ветлуге и Белой главенствующая роль в хозяйственной деятельности по-прежнему принадлежит придомному животноводству. Здесь нет прямых свидетельств земледелия. Явно заметней становится роль пушной охоты. На фоне доминирующей цветной металлургии и металлообработки наблюдается достаточно вялое развитие железообработки. Количество и ассортимент железных изделий на порядок уступают, к примеру, постмаклашеевскому производству. В цветной металлообработке, несмотря на ее видимый расцвет, происходит заметный регресс технологии – возврат к широкому использованию «чистой» меди. Резко уменьшается доля изделий, изготовленных из оловянных, оловянно-мышьяковых и других сплавов, характерных для постмаклашеевского и акозинского

³ См. подробнее: (Кузьминых, 2000б; 2006; Чижевский, 2008).

очагов металлообработки. Сама техника литья в восточных ананьинских очагах, связанных с культурами шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики, как и в иткульском на Урале, становится более грубой, как бы «варваризированной». С позднебронзовой эпохи сохраняются типы изделий (втульчатые тесла, наконечники копий и кельты), причем медные и бронзовые кельты отливаются в самусьско-кижировской традиции, которая укоренилась в РЖВ в большинстве таежных культур Северной Евразии.

Гребенчато-шнуровая и шнуровая культуры АКИО (равно как и иткульская культура Урала с ее опорой на собственные источники меди) демонстрируют нам феномен «запоздалого» бронзового века. В еще большей степени эта характеристика присуща культурам темнохвойной тайги северных широт – от Карелии до полярного Урала, являющихся периферией ананьинского мира. Основу хозяйства здесь составляют охота и рыболовство. Это обусловило мобильность и подвижный характер сравнительно малочисленных коллективов. Этому были подчинены все остальные виды жизнедеятельности. Железные орудия появляются здесь, вероятно, не ранее середины I тыс. до н.э., причем на западе в формах, характерных для культур Восточной Балтики и Волго-Камья. Обработка меди и бронзы фиксируется, но в весьма ограниченных масштабах. В формах изделий отчетливо улавливаются ананьинские стереотипы. На севере достаточно долго сохраняются и широко используются кремневые, кварцитовые и сланцевые орудия.

В постананьинскую эпоху (III/II вв. до н.э. – IV/V вв. н.э.) процессы культурогенеза в Волго-Камье и на севере и северо-востоке Европы развивались в русле дифференциации и перегруппировки сложившихся в предшествующую эпоху этнокультурных образований (Рис. 16). В результате этих процессов в лесной полосе Восточной Европы произошел разрыв прежнего единого культурного пространства от Камы и Печоры на востоке до Финляндии и Карелии на западе. Многими исследователями (и нами в том числе) ананьинская культурно-историческая область (в широком понимании этого термина) рассматривается как колыбель предков прибалтийских и поволжских финнов и пермских народов. В постананьинскую эпоху восточные импульсы теряют былую роль катализатора культурных и этнических процессов в северо-западных областях Европейской России, как то было в рамках АКИО.

Происходит размежевание в развитии культур Волго-Камья (худяковская, чегандинская,

осинская, кара-абызская, гафурийско-убаларская, гляденовская) и крайнего Северо-Востока Европы (пиджская, джудждыгская), с одной стороны, и Волго-Окского междуречья (дьяковская, городецкая), Верхневолжья, Заонежья, Белозерья, Карелии и Финляндии (позднекаргопольская, позднебеломорская, лууконсаари-кудома, с керамикой «арктического» типа или кьельмо) – с другой. В пьяноборскую и последующие эпохи на севере и северо-западе Восточной Европы и в Финляндии все еще сохраняется мода на изготовление украшений в стиле, характерном для прикамских культур, но связано ли это с этнокультурными отношениями или торговлей, еще предстоит выяснить.

Этнокультурные образования Прикамья (за исключение гафурийско-убаларской культуры) и Европейского Северо-Востока образуют ареал предковых культур пермских народов, объединенных в пьяноборскую культурно-историческую область. Развитие камских культур пошло по пути концентрации племенных групп на крупнейших водных артериях в местах с наиболее обширными пойменно-луговыми угодьями. Освоение малых рек и водораздельных пространств происходит в Прикамье только в мазунинское время, когда важную роль в системе жизнеобеспечения стало играть подсечно-огневое земледелие. В конце эпохи наметился сдвиг камских групп населения на запад. Племена азелинской культуры, которые отождествляются с прапермянами, дисперсными группами осваивают Вятско-Ветлужское междуречье.

Северные группы прапермян связаны с культурами гляденовской общности Верхнего Прикамья и северо-востока Европы, которые сформировались на базе шнурового и гребенчато-шнурового ананьина и при участии зауральских импульсов. В Северном Приуралье сохраняется дисперсное расселение гляденовских групп, унаследовавших от своих предков охотничье-рыболовецкий уклад хозяйства.

Завершая, отметим, что ананьинская проблематика является во многом ключевой в археологии конца II – начала I тыс. до н.э. Северной Евразии. От успеха в ее разработке зависит дальнейшее изучение сложнейших этно- и культурогенетических процессов, протекавших в финале бронзового и раннем железном веках в Волго-Камье и на севере и северо-востоке Европы.

Литература

Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вестник географического общества. 1860. № 6.

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны европейской

России (по палинологическим данным) // ТАС. 2000. Вып. 4–I.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры Среднего Прикамья / Доклад на VI МКФУ // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР, вып. 119. Сыктывкар, 1985.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. 1967. № 148.

Гусаков М.Г., Кузьминых С.В. К вопросу о роли носителей «сетчатой» и «штрихованной» керамики в формировании культур лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222.

Ефименко П.П. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья // Археология. 1948. Т. II (на укр. яз., резюме на рус. яз.).

Збруева А.В. Пижемское городище // ИГАИМК. 1934. Вып. 106.

Збруева А.В. Ананьинский могильник // СА. 1937. Т. II.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Збруева А.В. Луговской могильник // ТИЭ. Нов. серия. 1947. Т. II.

Иванов В.А. Памятники типа курмантау и сложение ананьинской общности на территории Башкирии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Иванов В.А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Иванов В.А. Рец.: А.Х. Халиков. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977 // СА. 1983. № 2.

Иванов В.А. Существовала ли финно-угорская общность в Приуралье в эпоху раннего железа? // Семинар «Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи»: ТД. Ижевск, 1991.

Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): АКД. М., 1977.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1993. Вып. 3.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах эпохи бронзы Среднего Поволжья (в

связи с работами 70–90-х гг.) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999а.

Кузьминых С.В. А.Х.Халиков как исследователь эпохи раннего металла Волго-Камья // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999б.

Кузьминых С.В. К проблеме поисков финно-угорской прародины // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: МНК «75 лет со дня рождения В.Ф.Генинга». Ижевск, 2000а.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: МНК «75 лет со дня рождения В.Ф.Генинга». Ижевск, 2000б.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.

Кузьминых С.В. Финал бронзового и ранний железный век севера Европейской России // II Северный Археологический Конгресс: Доклады. Екатеринбург, 2006.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнока. Уфа, 2006.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. О Владимире Николаевиче Маркове и его книге // В.Н. Марков. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности): АКД. Л., 1988.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Тез. Научной конференции. Казань, 1996.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007 (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 4).

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998.

Патрушев В.С. Марийский край в VIII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.

Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Соловьев Б.С. О появлении «текстильной» керамики в Среднем Поволжье // АЭМК. 1995. Вып. 24.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // ТМАЭ. 2000. Т. VI.

Спицын А.А. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятского края // МАВГР. 1893. Т. 1.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. 1962. Т. II.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. В 1-24.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987.

Худяков М.Г. Рец.: А.М.Тальгрэн. L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. 1919. Т. 31:1 // КМВ. 1922. №1.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань, 1923.

Худяков М.Г. Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / МГАИМК. 1933. Вып. 2.

Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области: (Введение в историю народа мари) // ИГАИМК. 1935. Вып. 141.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): АКД. М., 2002.

Чижевский А.А. Эпоха финальной бронзы на территории Нижнего Прикамья, современное состояние проблемы // Человек в мире культуры: исследования, прогнозы. М., 2007а.

Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007б.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008 (Серия «Археология евразийских степей»). Вып. 5).

Шмидт А.В. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества // ИГАИМК. 1934. Вып. 106.

Tallgren A.M. L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. Т. 31:1.

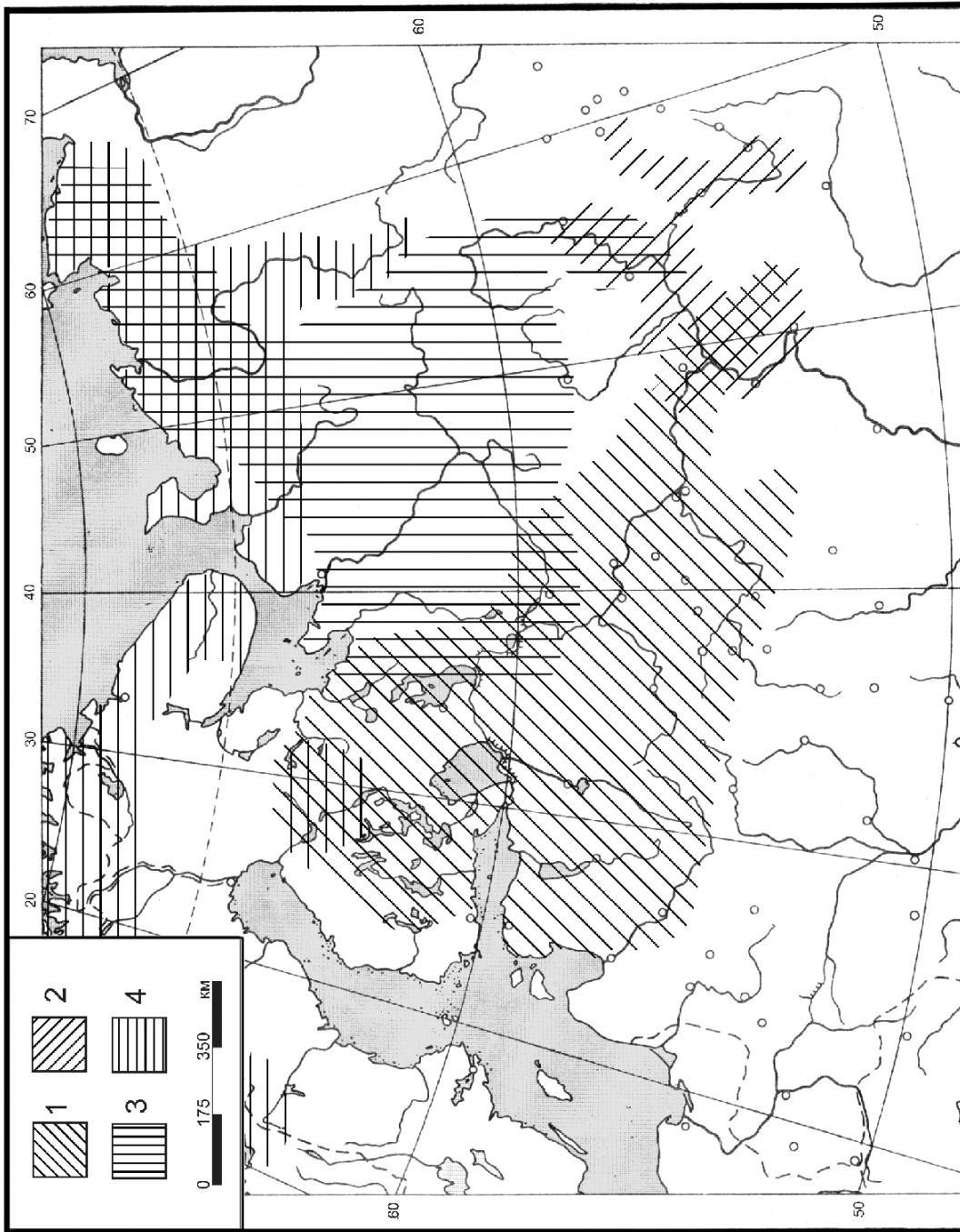

Рис.1. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в финале бронзового века: 1. культурно-историческая область «текстильной» керамики; 2. преананьинская (макшешевская) культурно-историческая область и межовская культура; 3. ареал постэнеолитических культур с гребенчатой керамикой (лебяжская, атаманюрская, позднекаргопольская и позднебеломорская на раннем этапе и др.); 4. ареал культур циркумполярной зоны с «вафельной» керамикой (культура асбестовой керамики, коршаковская и др.)

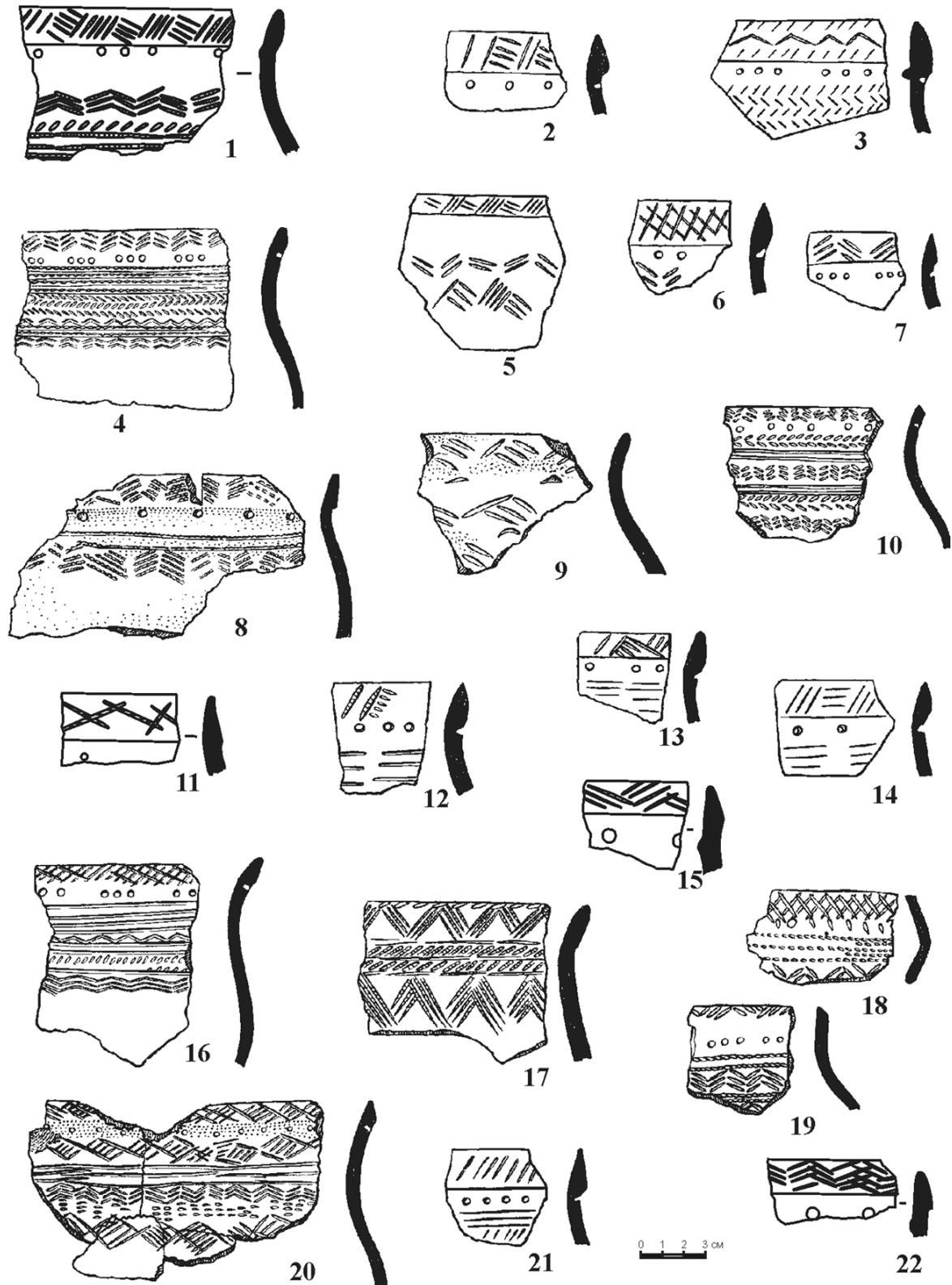

Рис.2. Маклашевская культура. Атабаевский этап. Поселенческая керамика. 1. Гулюковская III стоянка; 2. Старо-Янзигитовская стоянка; 3. Старо-Янзигитовская стоянка; 4. Луговская II стоянка; 5. Старо-Кабановская III стоянка; 6. Старо-Янзигитовская стоянка; 7. Старо-Кабановская III стоянка; 8. Гулькинская стоянка; 9. Гулькинская стоянка; 10. Луговская II стоянка; 11. Гулюковская III стоянка; 12. Старо-Янзигитовская стоянка; 13. Старо-Янзигитовская стоянка; 14. Старо-Кабановская III стоянка; 15. Гулюковская III стоянка; 16. Луговская II стоянка; 17. Гулькинская стоянка; 18. Гулькинская стоянка; 19. Луговская II стоянка; 20. Луговская II стоянка; 21. Старо-Кобановская III стоянка; 22. Гулюковская III стоянка

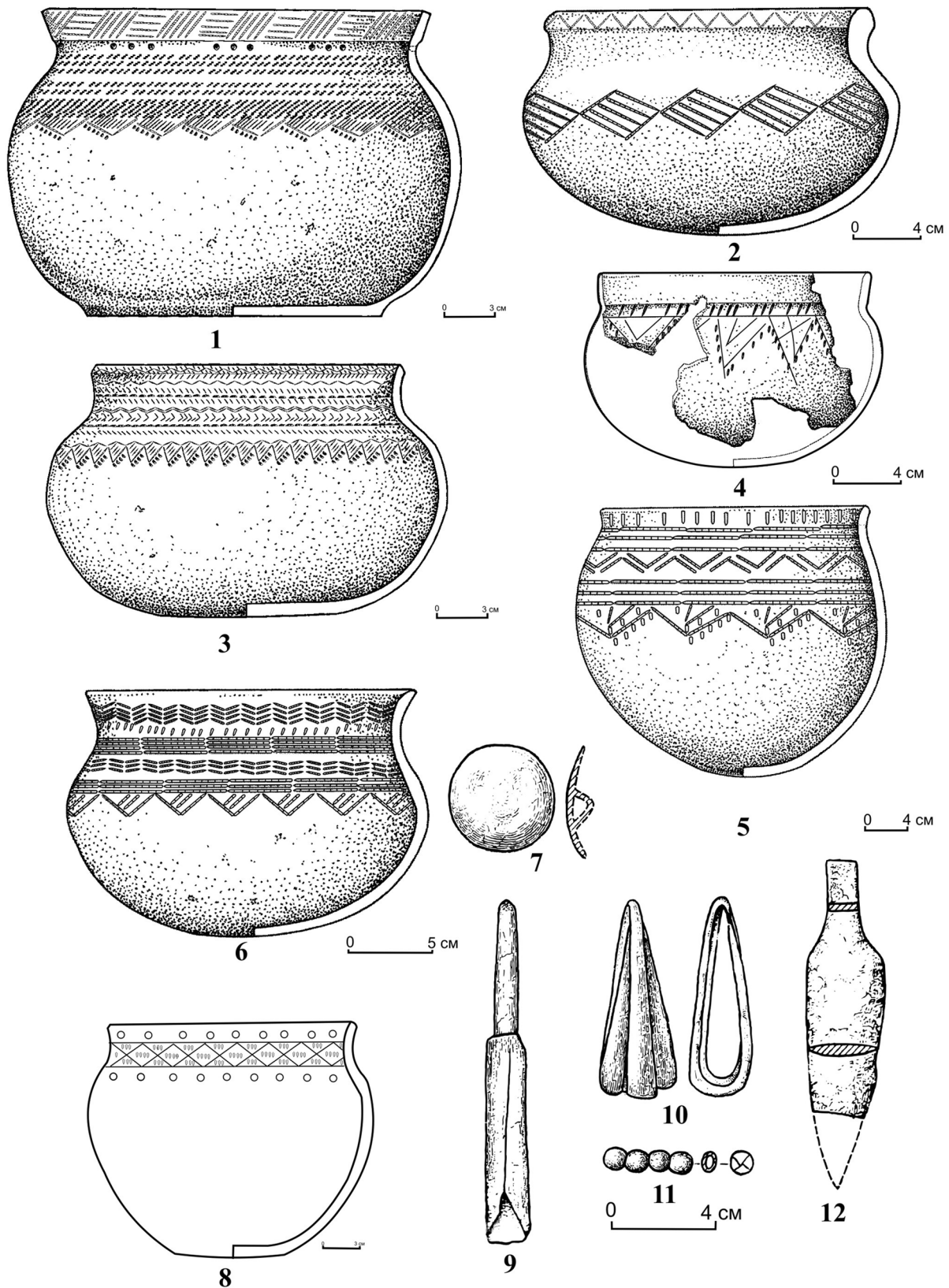

Рис.3. Маклашеевская культура. Атабаевский этап. Целые формы керамики и погребальный инвентарь. 1. Гулюковская III стоянка; 2. Рождественский I могильник, погр.1; 3. Гулюковская III стоянка; 4. Рождественский I могильник, погр.2; 5. Больше-Отарская (Балымская) стоянка I; 6. Больше-Отарская (Балымская) стоянка I, погр.1; 7. Больше-Отарская (Балымская) стоянка I, погр.1; 8. Атабаевская I стоянка; 9-12. Больше-Отарская (Балымская) стоянка I, погр.1

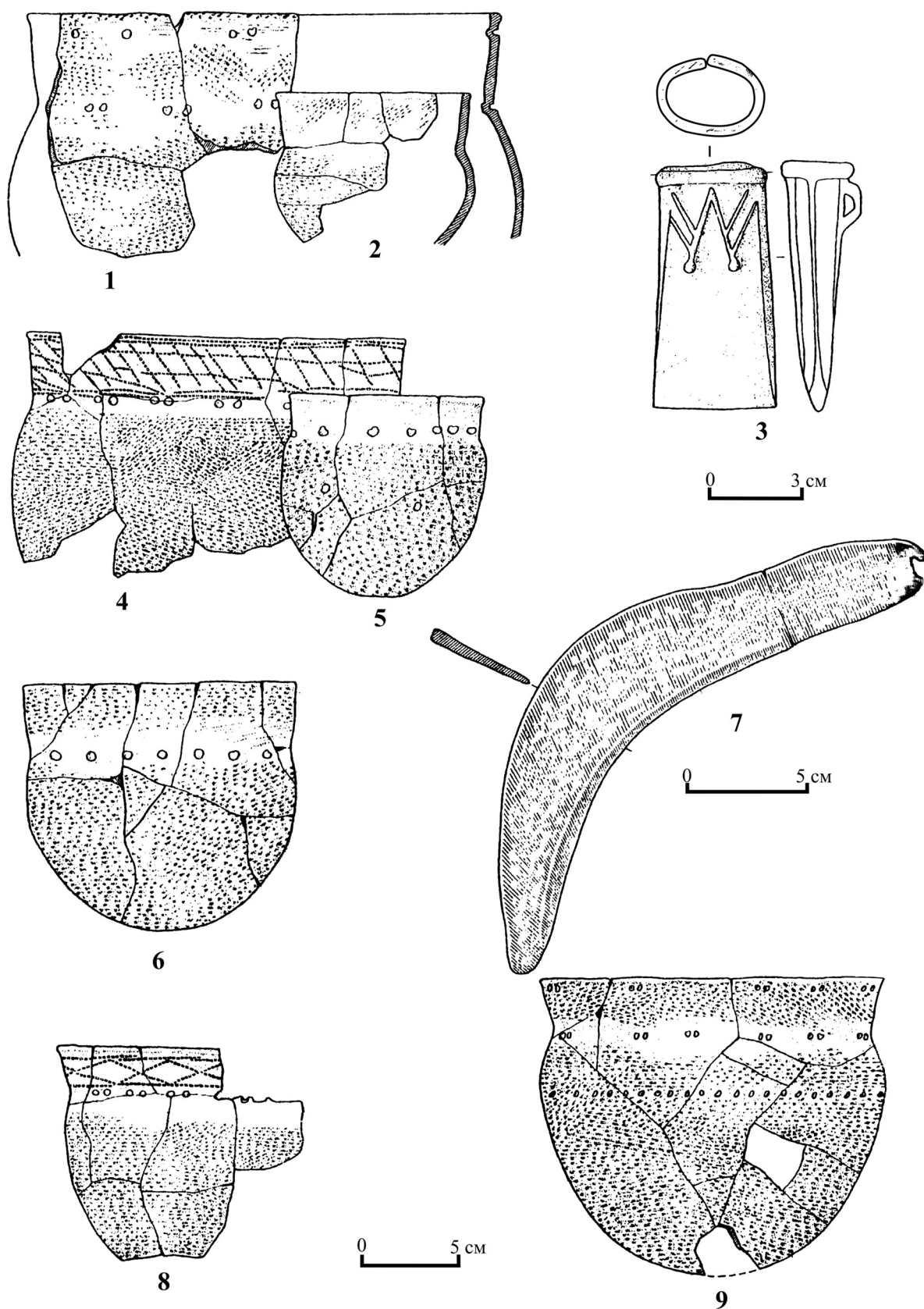

Рис.4. Текстильная керамика Марийского Поволжья и металлический инвентарь. 1-2. поселение Ясачное III; 3. находка из д. Паратмары; 4-6. поселение Ясачное III; 7. находка из экспозиции Горномарийского музея; 8-9. поселение Ясачное III

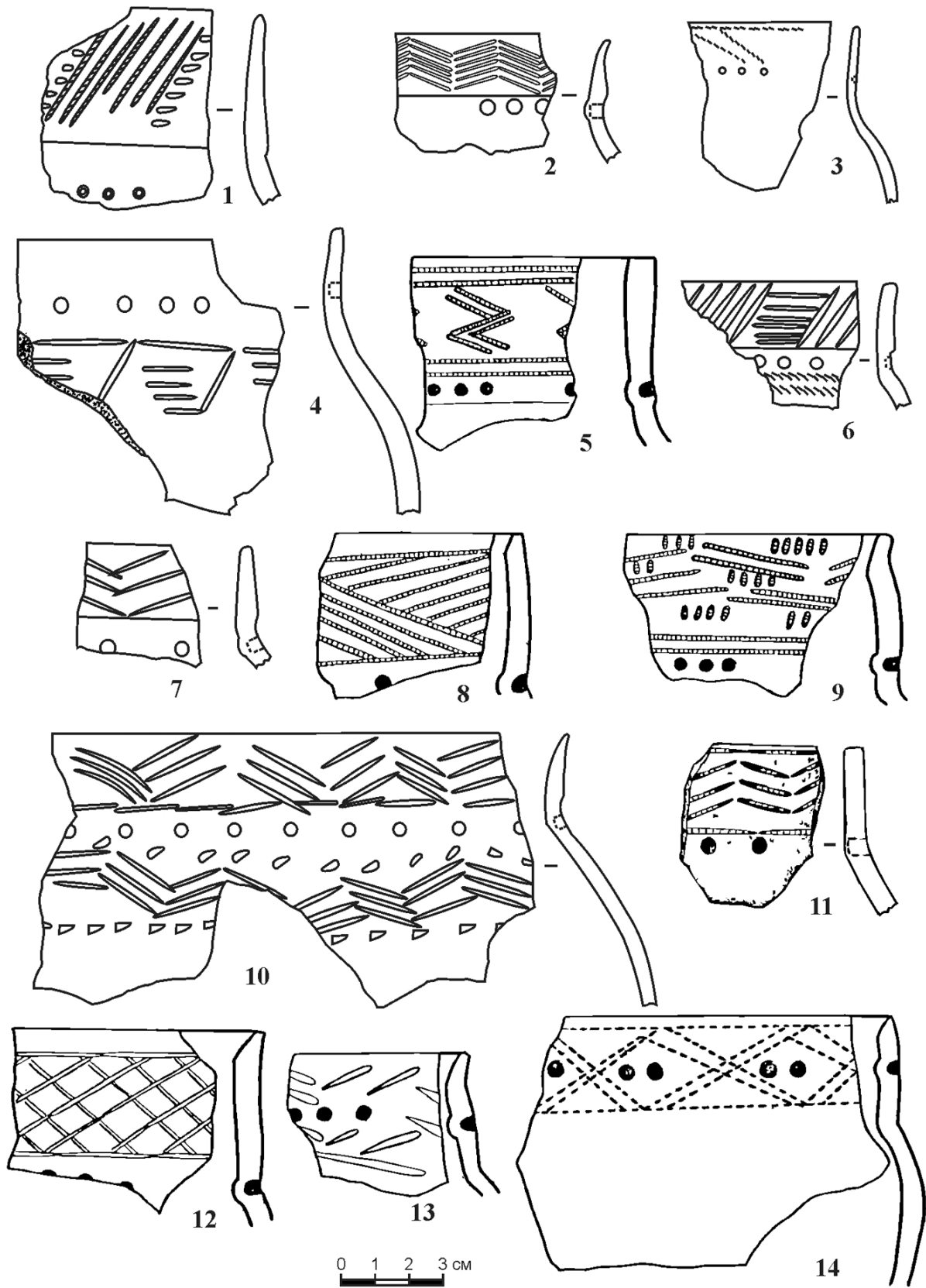

Рис.5. Маклашевская культура. Маклашевский этап. Поселенческая керамика. 1-4. Гулюковская III стоянка; 5. городище Черепашье; 6-7. Гулюковская III стоянка; 8. поселение «Курган»; 9. городище Черепашье; 10. Гулюковская III стоянка; 11. поселение Ивановский Бор X; 12-14. поселение Курган

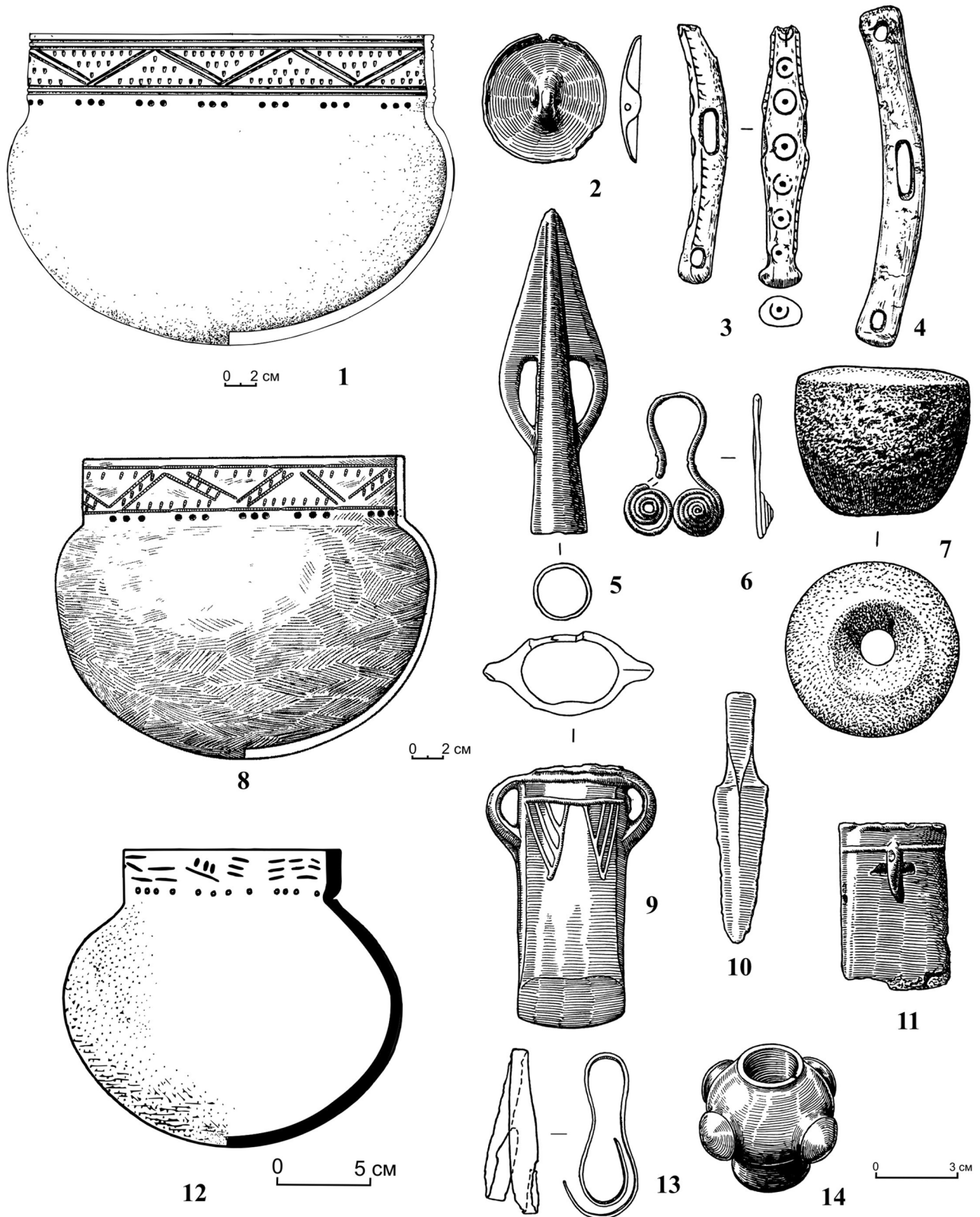

Рис.6. Маклашевская культура. Маклашевский этап. Погребальная керамика и инвентарь из могильников и поселений. 1. Ивановский Бор X; 2. Мурзихинский II могильник, погр.228; 3-4. Мурзихинский II могильник погр.173; 5. Мурзихинский II могильник, погр.227; 6. Мурзихинский II могильник, погр.171; 7. Мурзихинский II могильник, погр.228; 8. Ивановский Бор X; 9. находка, Каентубинская островная стоянка; 10. Мурзихинский II могильник, погр.183, костяк IV; 11. Мурзихинский II могильник, погр.228; 12. Кумысский могильник, погр.4; 13. Мурзихинский II могильник, погр.166; 14. Малополянское поселение

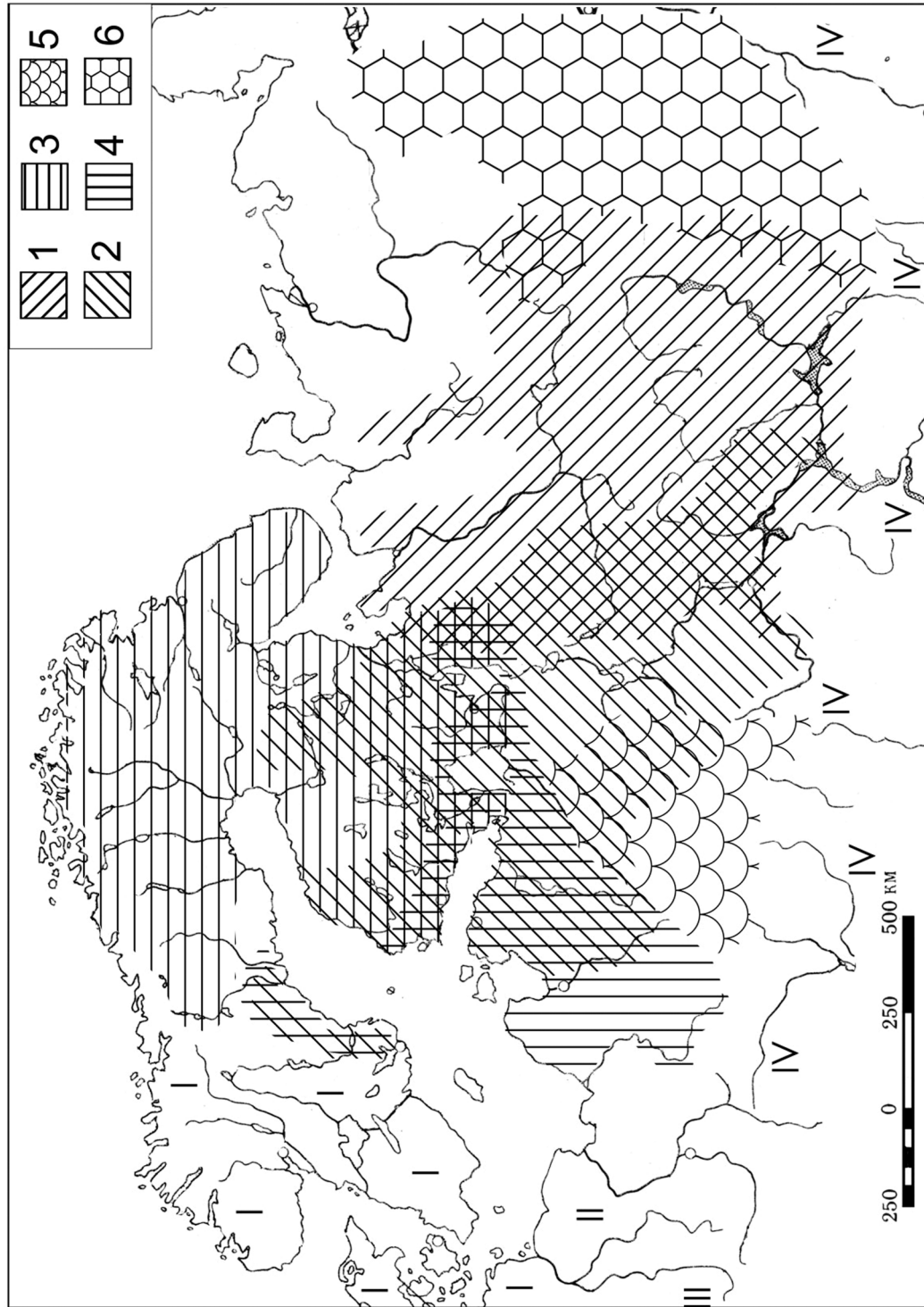

Рис.7. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в начале раннего железного века: 1. ананьинская культурно-историческая область; 2. культурно-историческая область «текстильной» керамики; 3. культура асбестовой керамики; 4. культура штрихованной керамики; 5. днепро-двинская и верхнеокская культуры; 6. культуры с «крестовой» керамикой и иткульская; I. ранние германцы; II. лужицкая культура; III. гальштатская общность; IV. лесостепные и степные культуры «скифского» круга

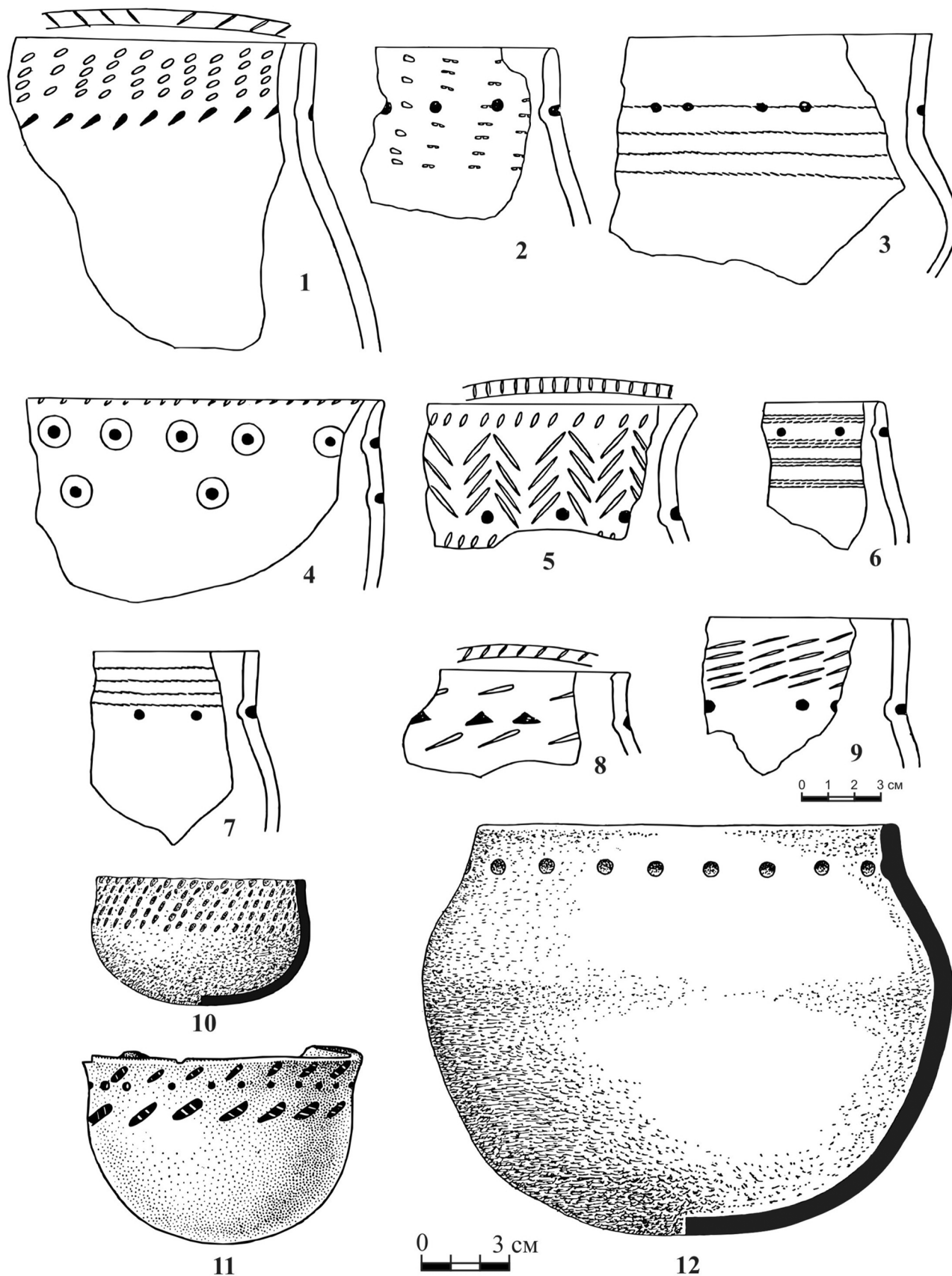

Рис.8. Поселенческая и погребальная керамика постмаклашеевской культуры. 1-2. городище Сорочьи Горы; 3. Казанский кремль; 4. городище Сорочьи Горы; 5. Казанский кремль; 6. городище Сорочьи Горы; 7. городище Троицко-Урайское; 8. городище Сорочьи Горы; 9. Именьковское поселение; 10. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.1; 11. Луговой могильник, погр.5; 12. Мурзихинский II могильник, погр.93

Рис.9. Погребальный инвентарь и стела постмаклашевской культуры. 1. Старший Ахмыловский могильник, погр.383; 2. Мурзихинский II могильник, погр.174; 3. Мурзихинский II могильник, погр.176; 4. Мурзихинский II могильник, погр.186; 5. Мурзихинский II могильник, находка; 6. Мурзихинский II могильник, погр.186; 7. Мурзихинский II могильник, погр.211; 8. Мурзихинский II могильник, погр.153; 9. Мурзихинский II могильник, погр.143; 10. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.39; 11. Мурзихинский II могильник, погр.210; 12. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.10; 13. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.5; 14. Мурзихинский II могильник, погр.140; 15. Таш-Елгинский могильник, погр.13; 16. Таш-Елгинский могильник, погр.19; 17. Мурзихинский II могильник, погр.153; 18. Старший Ахмыловский могильник, погр.383; 19. Мурзихинский II могильник, погр.176; 20. Мурзихинский II могильник, погр.186; 21. Мурзихинский II могильник, находка; 22. Тетюшский могильник, погр.28; 23. Мурзихинский I (IV) могильник, жертв. компл.№13; 24. Старший Ахмыловский могильник, погр.295; 25. Старший Ахмыловский могильник, погр.305; 26. Мурзихинский II могильник, погр.210; 27. Старший Ахмыловский могильник, погр.46; 28. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.10; 29. Мурзихинский I (IV) могильник, находка; 30. Мурзихинский I (IV) могильник, находка; 31. Тетюшский могильник, межмогильное пространство; 32. Новомордовский I могильник, стела №4

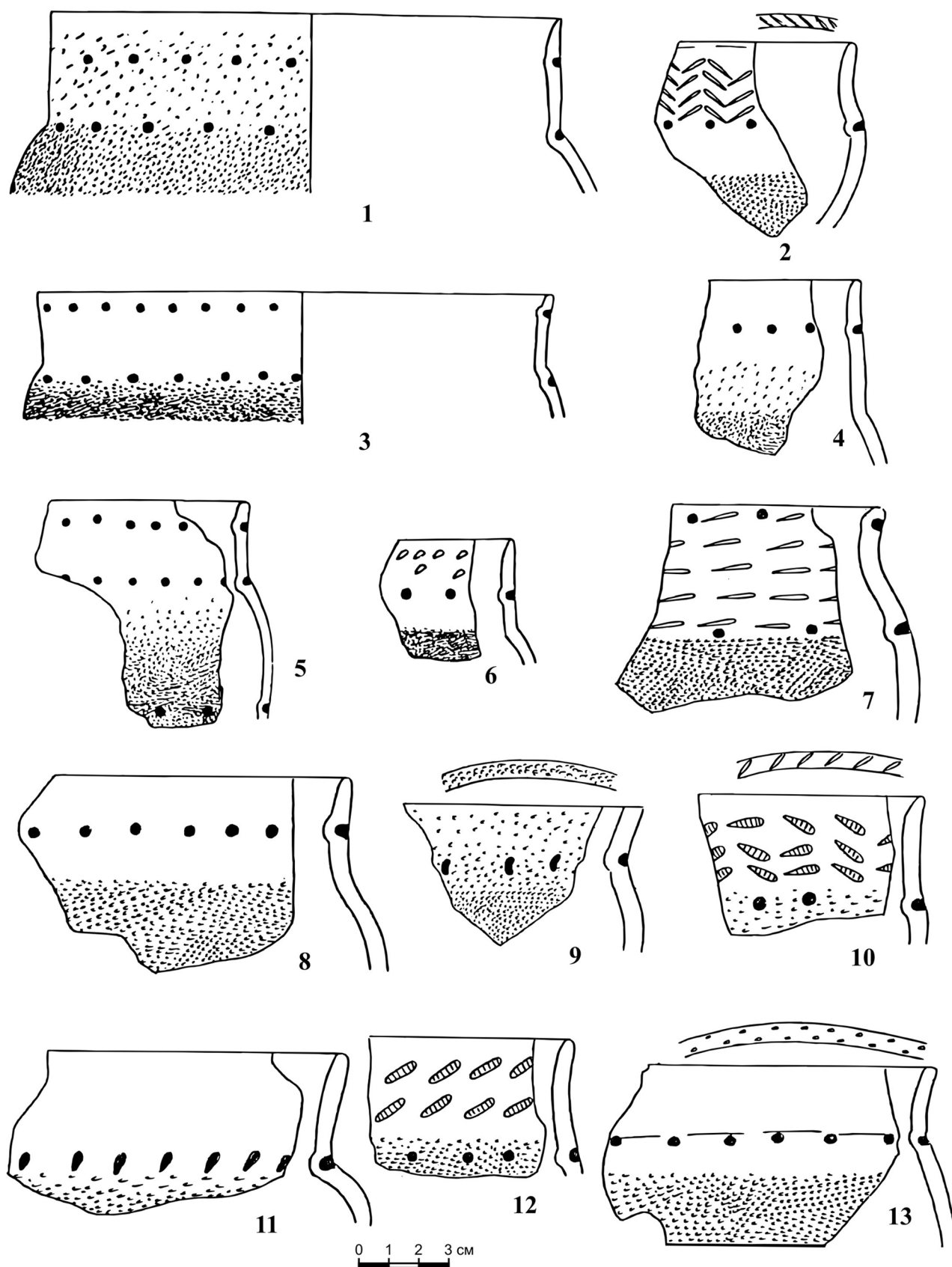

Рис.10. Поселенческая керамика азовинской культуры. 1. Маклашеевское II городище; 2. городище Казанка I; 3. поселение Зольное; 4-6. Маклашеевское II городище; 7-13. городище Казанка II

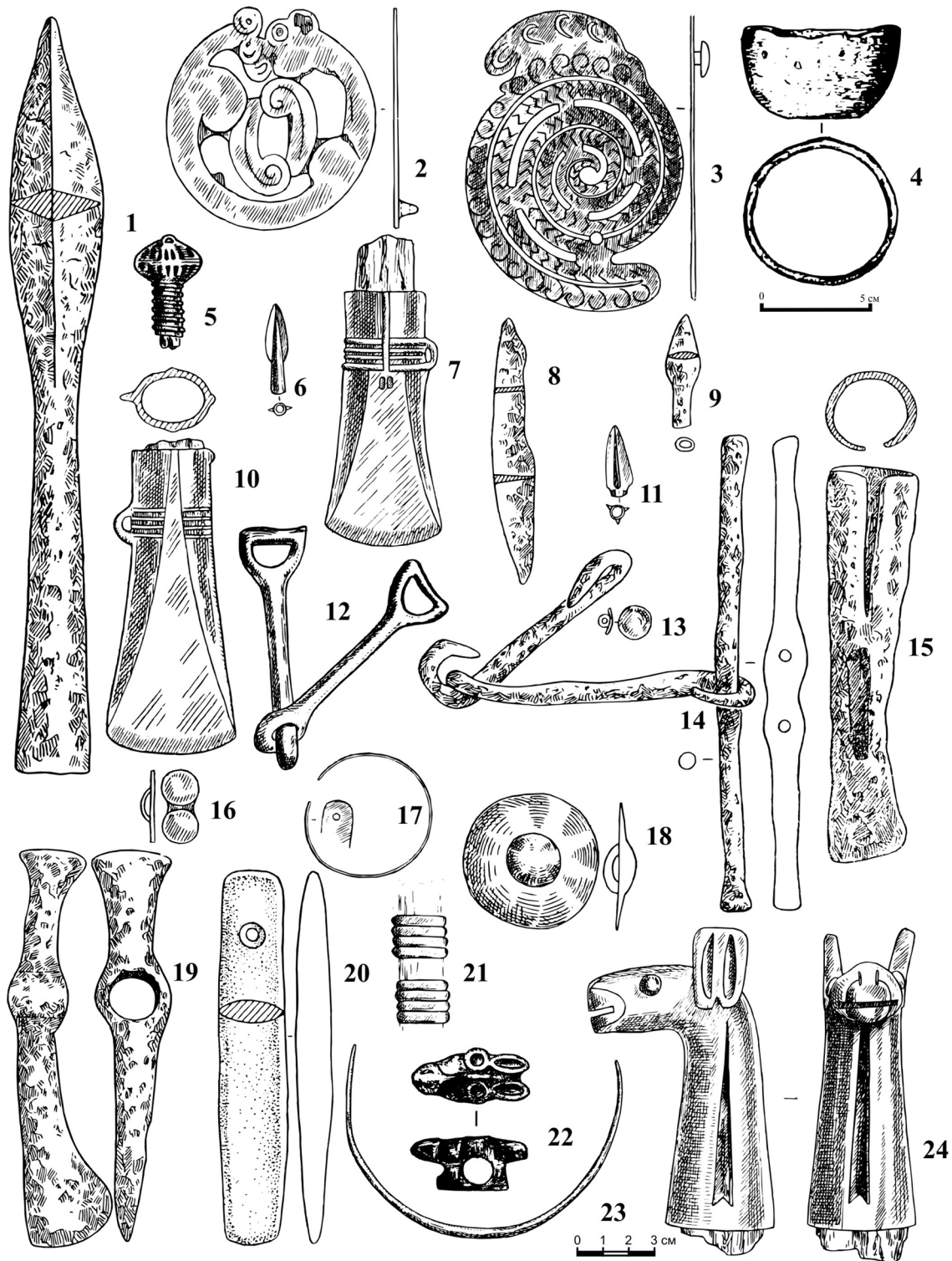

Рис.11. Погребальный инвентарь акозинской культуры. 1. Старший Ахмыловский могильник, погр.447; 2. Старший Ахмыловский могильник, погр.926; 3. Старший Ахмыловский могильник, погр.704; 4. Убеевский могильник, погр.6; 5. Старший Ахмыловский могильник, погр.524; 6. Старший Ахмыловский могильник, погр.704; 7. Старший Ахмыловский могильник, погр.775; 8-9. Старший Ахмыловский могильник, погр.1002; 10. Старший Ахмыловский могильник, погр.441; 11. Старший Ахмыловский могильник, погр.704; 12. Старший Ахмыловский могильник, погр.524; 13. Старший Ахмыловский могильник, погр.441; 14-16. Старший Ахмыловский могильник, погр.1002; 17. Старший Ахмыловский могильник, погр.743; 18. Старший Ахмыловский могильник, погр.441; 19. Старший Ахмыловский могильник, погр.704; 20. Старший Ахмыловский могильник, погр.441; 21. Старший Ахмыловский могильник, погр. 704; 22. Убеевский могильник, погр.2; 23. Старший Ахмыловский могильник, погр.743; 24. Старший Ахмыловский могильник, погр.925

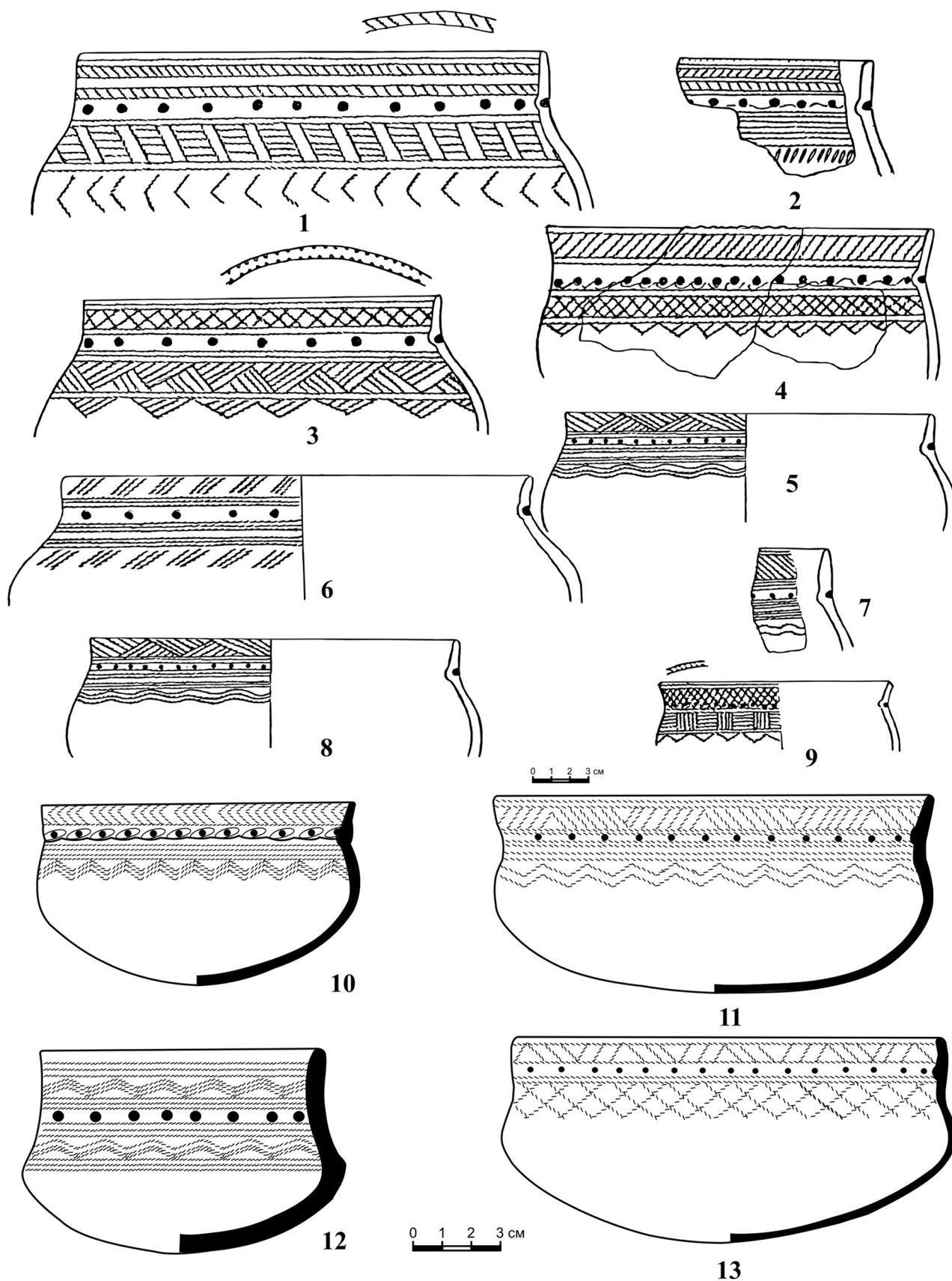

Рис.12. Погребальная и поселенческая керамика ананьинской культуры шнуровой керамики. 1-4. Зуево-Ключевское городище; 5. Икское I поселение; 6. городище Каменный Лог; 7. Икское I поселение; 8. городище Каменный Лог; 9. Икское I поселение; 10. Першинский могильник, погр.175; 11. Першинский могильник, погр.63-64; 12. Ананьинский могильник, погр.Е, F, G; 13. Першинский могильник, погр.128

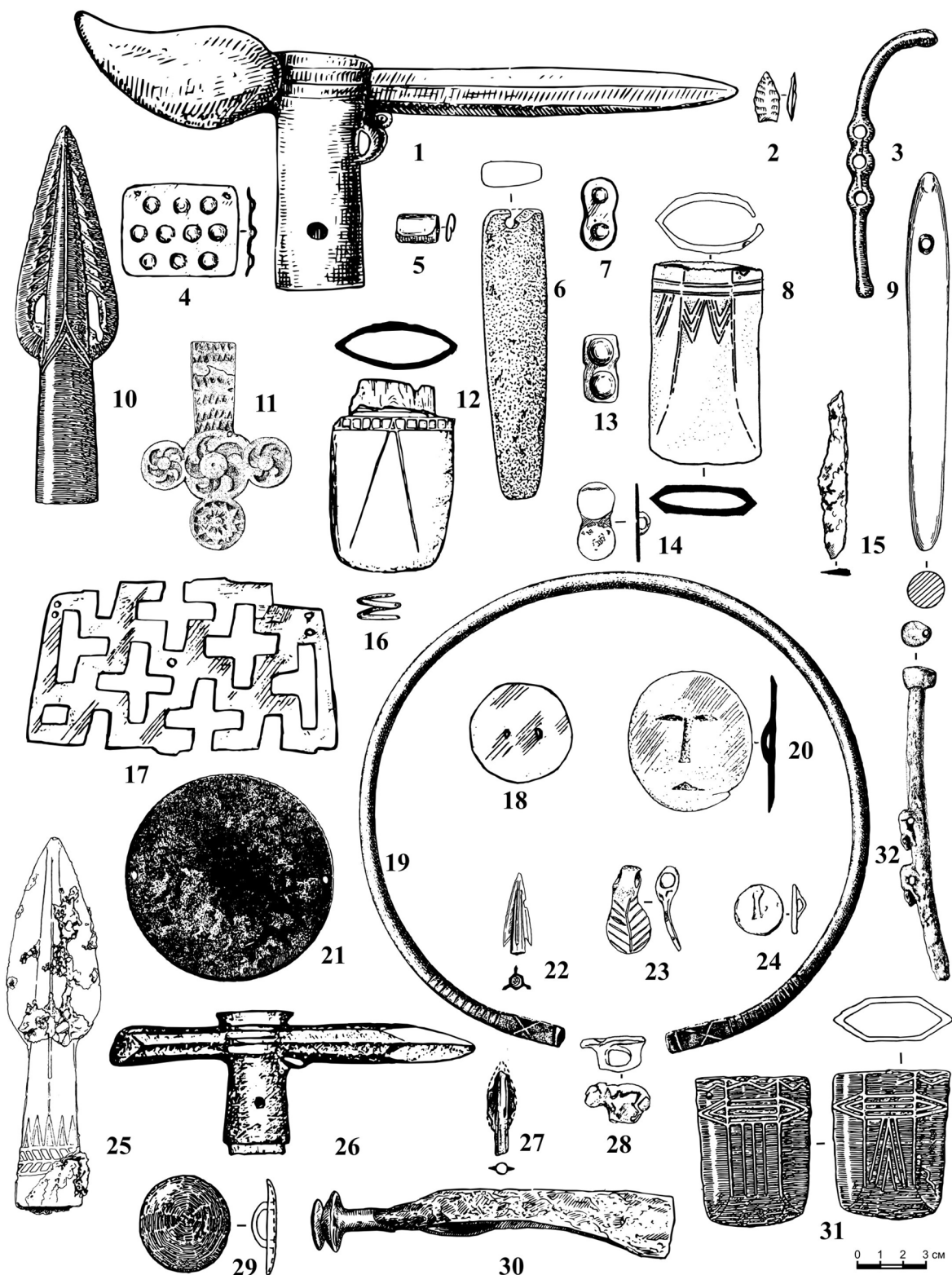

Рис.13. Погребальный инвентарь ананьинской культуры шнуровой керамики. 1. Релка могильник, погр.2; 2. Першинский могильник, погр.108; 3. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.7; 4. Першинский могильник, погр.63-64; 5. Першинский могильник, погр.108; 7. Першинский могильник, погр.63-64; 8. Мензелинский могильник, п.м.; 9. Мензелинский могильник, п.м.; 10. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.7; 11. Зуевский могильник, погр.94; 12. Першинский могильник, погр.63-64; 13. Першинский могильник, погр.153; 14. Мензелинский могильник, п.м.; 15. Мензелинский могильник, погр.1; 16. Першинский могильник, погр.170; 17. Першинский могильник, погр.128; 18. Першинский могильник, погр.63-64; 19. Зуевский могильник, погр.27; 20. Першинский могильник, погр.63-64; 21. Зуевский могильник, погр.29; 22. Мензелинский могильник, погр.1; 23-24. Мензелинский могильник, п.м.; 25. Мензелинский могильник, погр.1; 26. Першинский могильник, погр.63-64; 27. Першинский могильник, погр.7; 28. Мензелинский могильник, п.м.; 29. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.7; 30. Зуевский могильник, погр.30; 31. Мурзихинский I (IV) могильник, погр.7; 32. Зуевский могильник, погр.168

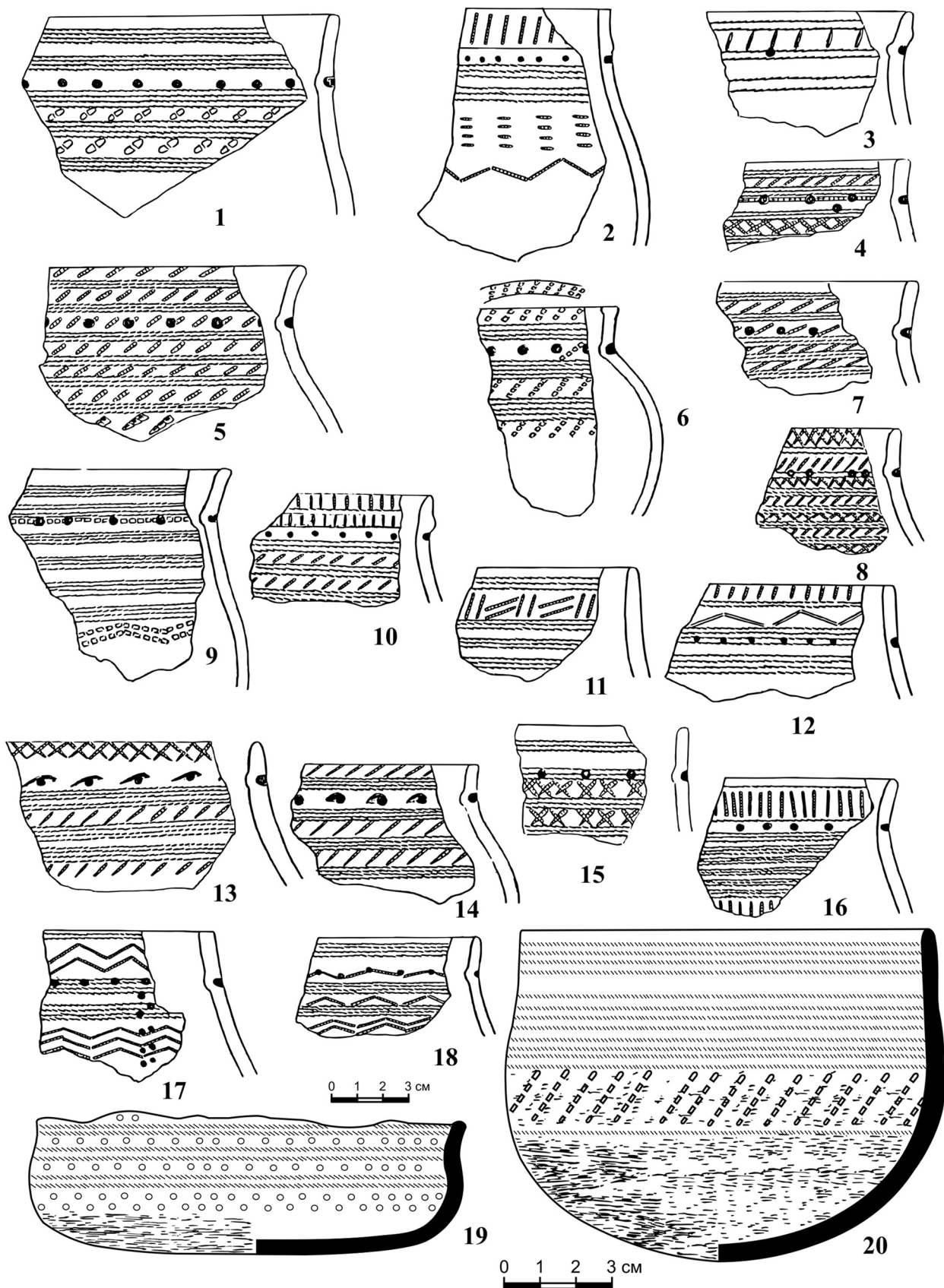

Рис.14. Поселенческая и погребальная керамика ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики. 1. городище Сухой Берсут; 2. Русенихинское городище; 3-5. городище Сухой Берсут; 6. Ардинское городище; 7-9. городище Ройский шихан; 10-12. Русенихинское городище; 13-14. городище Ройский Шихан; 15. городище Сухой Берсут; 16-18. Богородское городище; 19. Старший Ахмыловский могильник, кв. И/7, Раскоп 1966 г.; 20. Старший ахмыловский могильник, погр.188

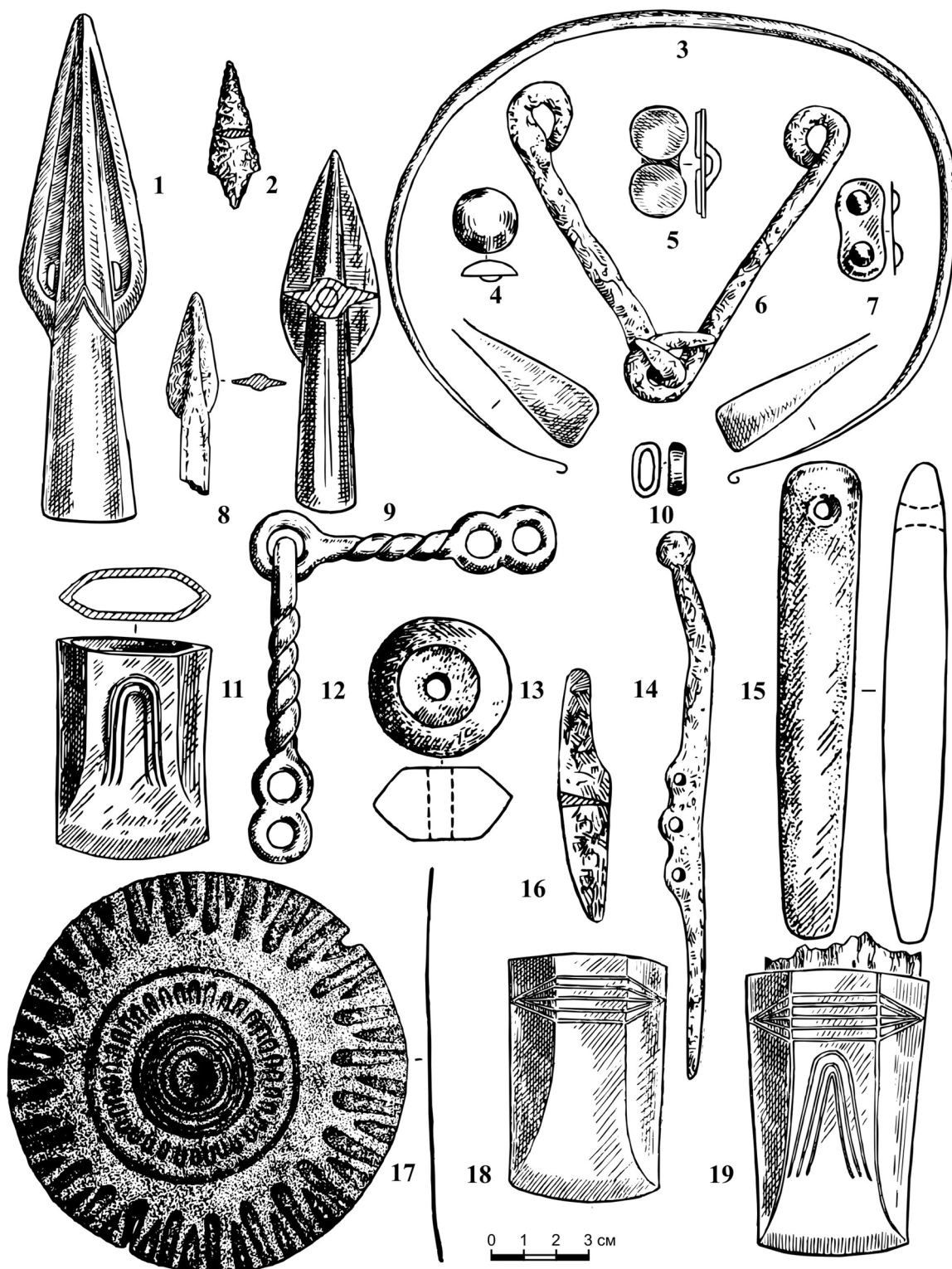

Рис.15. Инвентарь погребений ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики. 1. Старший Ахмыловский могильник, погр.360; 2. Старший Ахмыловский могильник, погр. 206; 3. Старший Ахмыловский могильник, погр.70; 4. Старший Ахмыловский могильник, погр.509; 5. Старший Ахмыловский могильник, погр.94; 6. Старший Ахмыловский могильник, погр.110; 7. Старший Ахмыловский могильник, погр.188; 8. Старший Ахмыловский могильник, погр.110; 9. Старший Ахмыловский могильник, погр.780; 10. Старший Ахмыловский могильник, погр.206; 11. Старший Ахмыловский могильник, погр.509; 12. Старший Ахмыловский могильник, погр.509; 13. Старший Ахмыловский могильник, погр.216; 14. Старший Ахмыловский могильник, погр.110; 15. Старший Ахмыловский могильник, погр.206; 16. Старший Ахмыловский могильник, погр.474; 17. Козьмодемьянский могильник, погр.49; 18. Старший Ахмыловский могильник, погр.94; 19. Старший Ахмыловский могильник, погр.360

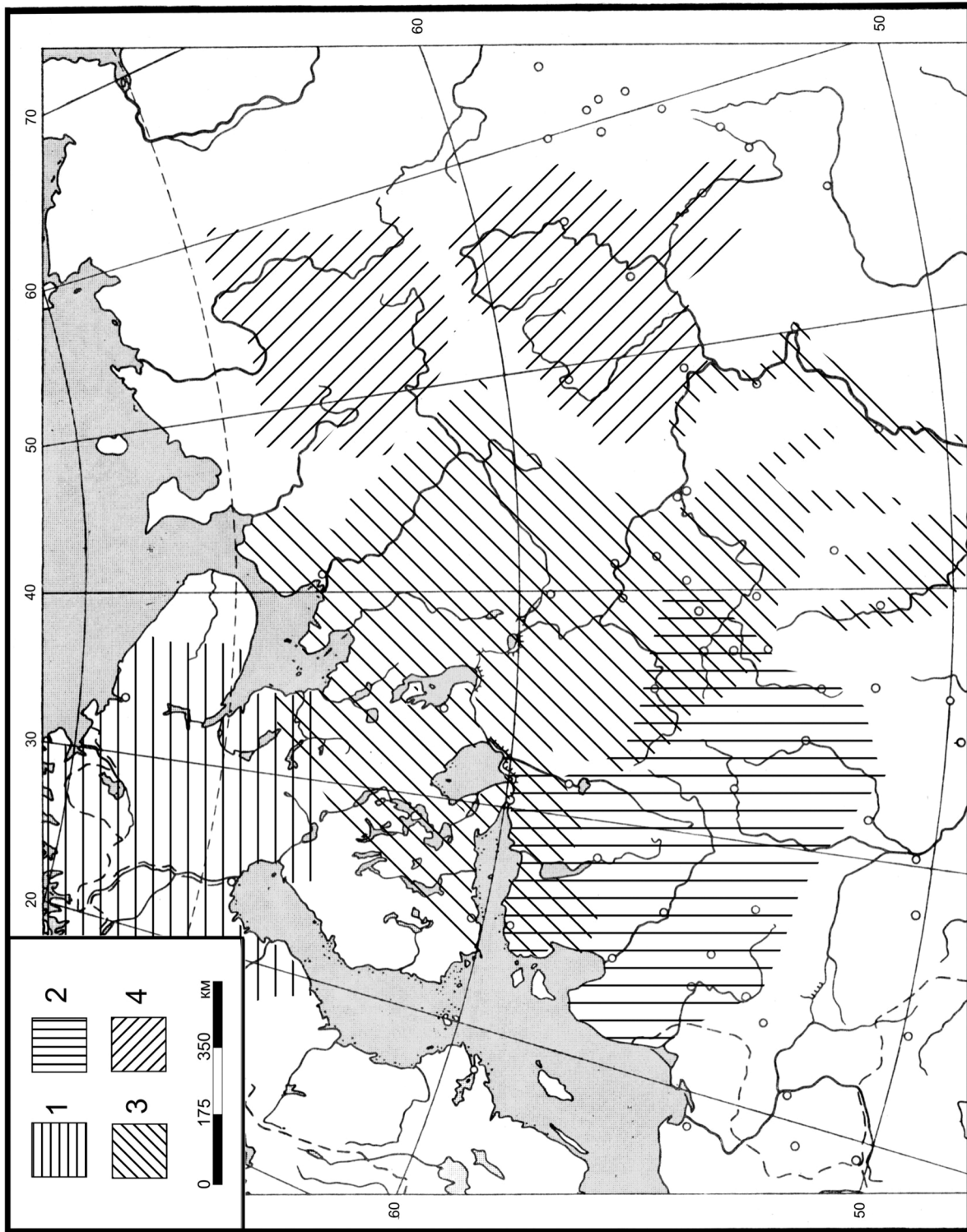

Рис.16. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в конце раннего железного века: 1. культура с керамикой «арктического» типа (по М. Г.Косменко); 2. ареал протобалтских культур (верхнеокская, днепродвинская, юхновская, милотрадская, штрихованной керамики и др.); 3. ареал предковых культур поволжско-финских и западно-финских народов (городецкая, дьяковская, асваская, позднекаргопольская, лууконсаари и др.); 4. ареал предковых культур пермских народов (пьяноборская и гляденовская общности)

Сравнительно-типологическая характеристика керамики локальных вариантов ананьинской историко-культурной общности Прикамья и Приуралья

Традиционно морфологический анализ локальных вариантов ананьинской культурно-исторической общности (КИО) Прикамья и Приуралья осуществляется через призму керамического материала с поселений. Обусловлено это тем, что для большинства из выделенных вариантов не известны могильники, а те, что известны, не опубликованы надлежащим образом. По имеющимся археологическим данным, ананьинская КИО в Волго-Камье занимала довольно обширную территорию Прикамья, от устья Вишеры до устья Камы, включая низовья рек Белой и Вятки, Среднее Поволжье от устья Камы до устья Ветлуги и среднее и нижнее течение Ветлуги. На этой территории разными исследователями в разные годы выделялось различное количество вариантов ананьинской культуры. В свое время А.В.Збруева известные ей ананьинские памятники разделила на пять групп: нижекамскую, бельскую, вятскую, верхнекамско-чусовскую и ветлужскую (Збруева, 1952, с.163). Позже А.Х.Халиков предложил свою номенклатуру территориальных групп (культурных вариантов) раннеананьинской общности Волго-Камья. Таких вариантов исследователь выделил девять: западновожский (Волга I), средневожский (Волга II), I нижекамский (Кама I), 2 нижекамский (Кама II), вятский (Вятка), бельский (Белая I), среднекамский (Кама III), верхнекамский (Кама IV), ветлужский (Ветлуга) (Халиков, 1977, с.6). По результатам сравнительно-типологического анализа керамики поселений раннеананьинского времени Волго-Камья автором этих строк было высказано предположение о возможности разделения ананьинской общности региона на две культуры – собственно ананьинскую («классическую») и ахмыловскую (Иванов, 1983). Свое дальнейшее развитие и окончательное оформление это предположение получило в работах В.С.Патрушева, который объединил западновожский и средневожский варианты (по А.Х.Халикову) в одну ахмыловскую культуру и дал ее морфологическую характеристику (Патрушев, 1984; 1992, Гл.6,7).

Несмотря на критическое отношение ряда исследователей к самой идее выделения ахмыловской культуры (С.В.Кузьминых), различия

между средневожским и «классическим» прикамским ананьино нельзя не признать реальными. Поэтому Р.Д.Голдина памятники «средневожского» (ахмыловской культуры) и ветлужского ананьино исключила из числа ананьинских локальных вариантов, имеющих отношение к формированию древних удмуртов, сконцентрировав свое внимание на верхнекамском, среднекамском, нижекамском, бельском и вятском. Правда, в отличие от А.Х.Халикова, выделявшего два нижекамских варианта (1 и 2 нижекамские или Кама I и Кама II), Р.Д.Голдина с этногенезом удмуртов связывает только ананьинские памятники варианта Кама II, расположенные между устьями Белой и Вятки (Голдина, 1999, с.171) (рис. 1).

Само по себе выделение локальных вариантов говорит о том, что ананьинская КИО не представляла собой этнокультурного монолита и состояла из субэтнических (этнографических) групп, различия между которыми могли быть обусловлены и их различными генетическими корнями. Поскольку оперировать мы можем в основном керамическим материалом, то наиболее объективные результаты нам может дать сравнительно-статистический анализ керамики локальных вариантов ананьинской КИО по программе, в свое время разработанной В.Ф.Генингом (Генинг, 1973).

Прежде всего, необходимо дать суммарную характеристику керамики каждого из выделенных вариантов, имея, конечно, в виду, что полученные результаты будут адекватны только объему имеющихся для каждого варианта выборок.

Керамика раннеананьинского **нижекамского I варианта (Кама I)** представлена коллекцией городища Гремячий ключ и поселения Курган (в общей сложности 791 сосуд, что позволяет установить нижний порог представительности не ниже 0,5%) (О порог представительности см.: Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с.64). Это сосуды с вертикальными (52,5%) или отогнутыми наружу шейками (40,3%). Сосуды с закрытыми шейками имеются, но в очень незначительном количестве (2,8%). Преобладают сосуды низкогогорлые (39,6%) или среднегорлые (45,6%), высокогорлых сосудов

очень мало (10,4%). Сосуды слабопрофилированные: преобладают со слабовыпуклыми (57%) или средневypуклыми плечиками (39,6%). Орнамент располагается преимущественно по шейке (91,3%), но есть немного сосудов, ориентированных по шейке и плечикам (8,7%). Преобладает орнамент в виде пояска круглых ямок по шейке (38,5%), затем – орнамент в виде овальных или каплевидных вдавлений (25,9%), ямочно-шнуровой (21,3%) и ямочно-гребенчатый орнамент (13,3%) (Марков, 1987) (рис. 2).

Раннеананьинская керамика **нижекамского варианта II (Кама 2)** наиболее полно и детально представлена в материалах городища Каменный Лог, обработанных Л.И.Ашихминой. Сосуды раннего горизонта – 83 экз.¹ – низкогорлые (41,3%) или среднегорлые (56,5%), в основном с вертикальными (73,9%), слегка (17,4%) или сильно отогнутыми наружу (8,7%) шейками, главным образом, со средневypуклыми (61,3%) или сильновыпуклыми (29%) плечиками. Сосуды со слабовыпуклыми плечиками также встречаются, но значительно реже (9,7%). Орнамент располагается в основном по шейке и плечикам (83,1%) и состоит из парных или тройных горизонтальных оттисков шнура (31,5% и 41,1% соответственно), парных волнистых оттисков шнура (6,7%), косых коротких шнуровых оттисков (4,6%)². (Ашихмина, 1977, табл.3,10,11). Все они обязательно сочетаются с пояском круглых ямок по шейке.

По указателям угла наклона шейки (ФГ) и угла наклона плечика (ФЖ) Л.И.Ашихмина керамику городища Каменный Лог разделила на семь типов и выявила тенденцию их развития во времени его существования. По данным исследовательницы, в третьем (раннеананьинском) слое городища повышенную тенденцию обнаруживают сосуды двух типов: со слегка отогнутой наружу шейкой и сильновыпуклым плечиком (III тип) и с сильно отогнутой шейкой и средневypуклым плечиком (тип V). Близкий к норме показатель обнаруживают сосуды со слегка отогнутой шейкой и средневypуклым плечиком (тип II) (Ашихмина, 1977, табл.8). Именно эти типы и следует считать характерными для нижекамского раннеананьинского керамического комплекса.

Наиболее полное представление о материале раннеананьинских поселений **нижебель-**

¹ Что по законам математической статистики означает нижний порог значимости не менее 5%.

² Имеются и другие элементы орнамента – многорядные оттиски шнура, волнистые, чередующиеся с горизонтальными, строенные косые оттиски различных наклонов, решетка и др., но они по частоте встречаемости не являются для рассматриваемой выборки представительными.

ского варианта (Белая) дает коллекция Бирского поселения, где раннеананьинские сосуды составляют 42% всей собранной керамики (90 сосудов) (Васильев, Горбунов, 1975, табл. 1, рис. 3). Сосуды все круглодонные, венчики также закруглены, в тесте примесь толченой раковины. Бросается в глаза некоторое увеличение ассортимента керамических форм по сравнению с памятниками предшествующего периода. Прежде всего, это также горшки трех типов, из которых преобладают (65% всей керамики) сосуды с отогнутыми шейками (ФГ больше 0); затем идут горшки закрытые (ФГ меньше 0), 17,5% и 7,5% составляют горшки с прямыми (вертикальными) шейками. Горшки широкогорлые (ФВ = 0,8–1), преобладают (54,5%) сосуды со средней высотой горловины (БФ = 1,6–2), остальные – низкогорлые. Профилированность сосудов очень слабая. Преобладают (47%) горшки с очень слабо выпуклыми плечиками (ФЖ не превышает 0,25), 42,5% сосудов имеют слегка выраженный профиль (ФЖ = 0,3–0,6), а оставшиеся 10,5% – достаточно профилированные. Кроме горшков, среди раннеананьинской керамики Бирского поселения выделяются еще широкие чаши с отогнутым венчиком и прямыми стенками (7,5%) и глубокие миски (2,5%).

Зона расположения орнамента не отличается разнообразием: 75% всех сосудов орнаментированы по шейке и 25% – по шейке и плечикам. Орнамент состоит из обязательного пояска круглых ямок по основанию шейки, а также из горизонтальных шнуровых оттисков (37%), выполненных шнуром же косой сетки (28,7%), заштрихованных треугольников (14,5%), парных косых оттисков (10,8%) и двойного горизонтального зигзага (9%) (рис. 2).

По формам и сюжетам орнаментации керамика Бирского поселения, равно как и других раннеананьинских памятников бассейна р. Белой (поселения Новобиктовское, Андреевское, Тартышевское I), полностью идентична керамике раннеананьинских поселений Прикамья, таких как Каракулинская стоянка (Генинг, Стоянов, 1961, рис. 7, 5–8), поселение Еловское (Шокшурев, 1972, рис. 4).

Представление об ананьинской керамике **вятского варианта (Вятка)** дает нам материал Аргыжского городища, обработанный Е.М.Черных, В.В.Ванчиковым и В.А.Шаталовым, и Белоглазовского городища в обработке В.Н.Маркова. Раннеананьинская керамика Аргыжского городища (РА – по номенклатуре исследователей) представлена 386 сосудами³, сре-

³ Что дает нам нижний порог значимости не менее 1%.

ди которых по профилировке шейки выделяются сосуды двух типов: с прямой (вертикальной) шейкой – 44,6% и шейкой, отогнутой наружу – 42%. Остальные 13,4% – это, очевидно, непрофилированные или слабопрофилированные чашки небольших размеров, которые найдены «в небольшом количестве». (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с.29).

По результатам корреляции указателей ФГ и ФЖ исследователи делят раннеананьинскую керамику на четыре типа: 1 – с короткой вертикальной шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (20,8%); 2 – с высокой вертикальной шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (23,8%); 3 – с короткой отогнутой наружу шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (14,6%); 4 – с высокой, отогнутой наружу шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (27,4%) (Там же, с.29). То есть различаются раннеананьинские сосуды Аргыжского городища по степени профилировки шейки и ее высоте.

Орнаментированы практически все сосуды, орнамент расположен по шейке (31%) или шейке и плечу (59,4%). В своем исследовании Е.М.Черных, В.В.Ванчиков и В.А.Шаталов по наружному оформлению горловины раннеананьинских сосудов разделили их на «гладкую» и валиковую и, соответственно, мотивы орнаментации рассматривали по этим культурно-типологическим группам (КТГ)⁴. В итоге ими были выделены 12 технико-орнаментальных групп, четыре из которых (ямочно-гребенчато-шнуровая, ямочно-гребенчатая, ямочная и ямочно-шнуровая) определены как массовые (Там же, с.28-30; табл.8). Мы объединили абсолютные количественные показатели выделенных КТГ и получили совершенно такие же результаты, согласно которым в раннеананьинской керамике Аргыжского городища абсолютно преобладают (35,5%) сосуды, украшенные пояском ямок, в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура и оттисками гребенчатого штампа в виде косых отрезков, «сетки», горизонтальной «ёлочки» или парного зигзага. Затем по частоте встречаемости следуют сосуды, украшенные пояском ямок в сочетании с разнообразными оттисками гребенчатого штампа (26,6%), просто рядом ямок по шейке (15%) и ямками в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура (9,1%). Все остальные орнаментальные композиции встречаются с большим «отрывом» от перечисленных (частота встречаемости от 0,2% до 3%).

Раннеананьинский керамический комплекс Белоглазовского городища составляют 206 со-

судов⁵, по степени отгиба шейки разделяющиеся на два типа: с вертикальным или слабо отогнутым горлом (65,1%) и сильно отогнутым горлом (34,9%). По указателям высоты шейки каждый из типов делится на три группы: с низким, средним и высоким горлом. Абсолютно преобладают – 59,2% – сосуды низкогогорлые, затем по частоте встречаемости следуют сосуды с горловиной средней высоты (35,5%) и реже всего встречаются высокогорлые сосуды (5,3%) (Марков, 1988, с.93; табл.1). То есть, если сравнивать по данному показателю керамику Белоглазовского и Аргыжского городищ, то последняя отличается преобладанием сосудов с высокой горловиной.

Орнамент на сосудах располагается по шейке и плечу (77,7%) реже – только по шейке (20,8%) и состоит из тех же элементов, что и на керамике Аргыжского городища, а именно – из пояса ямок в сочетании с оттисками гребенчатого штампа (36,9%), ямок в сочетании с горизонтальными оттисками шнура и разнообразными оттисками зубчатого штампа (20,4%), просто пояса круглых ямок (19,5%) и пояса ямок в сочетании с оттисками многорядного шнура (9,8%). Все другие элементы орнамента – просто оттиски шнура, ямки в сочетании с фигурными вдавлениями – хотя и встречаются, но не являются представительными (Там же, табл. V).

На основании результатов сравнительного анализа керамики Белоглазовского и Аргыжского городищ В.Н.Марков пришел к выводу об их хронологической близости (сосуществовании) (Там же, с.96), с чем невозможно не согласиться. Следовательно, на основании данных по двум рассмотренным комплексам мы можем дать суммарную характеристику раннеананьинской керамики вятского варианта (в общей сложности – 539 сосудов, что означает нижний порог значимости = 0,7%), которая выражается в следующих морфологических признаках: сосуды с вертикальными (56,7%) или отогнутыми наружу (43,2%) шейками, в основном низкогогорлые (47,8%) или высокогорлые (38,6%), хотя имеются и сосуды с шейкой средней высоты (13,5%); орнамент расположен по верхней части сосудов: по шейке и плечикам (70,6%) или только по шейке (29,4%) и состоит из пояса круглых ямок в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура и различных оттисков гребенчатого штампа (33,2%), пояса ямок и оттисков гребенчатого штампа в виде косых отрезков, зигзагов, горизонтальной «ёлочки», сетки (32,3%), просто пояса круглых ямок (17,7%), пояса ямок в сочетании с горизонтальными

⁴ Номенклатура названных исследователей.

⁵ Нижний порог представительности = 2%.

оттисками многорядного шнура (10%). Все остальные виды орнамента, как, например, только оттиски шнура (2,1%) или только оттиски гребенчатого штампа (0,7%), или ямки в сочетании с оттисками гребенчатого штампа (1,1%) хотя и являются представительными, но не могут считаться определяющими для рассматриваемой выборки (рис. 2).

Наиболее выразительную коллекцию раннеананьинской керамики **среднекамского варианта (Кама 3)** дает нам Заюрчимское VI поселение, исследованное В.П.Денисовым (Денисов, 1968). В обработку были взяты фрагменты 73 сосудов, содержащие информацию о метрических параметрах, форме, степени и характере орнаментации сосудов. Это дает нам нижний порог представительности = 5%. Сосуды в основном низкогорлые (91,8%), хотя встречаются и среднегорлые (8,2%). Преобладают с вертикальной шейкой (50,7%), но имеются с закрытыми шейками (26%) и шейками, отогнутыми наружу (23,3%). Среди последних слабопрофилированные и среднепрофилированные сосуды представлены поровну (соответственно, 11% и 12,3%). Орнамент располагается по верхней части сосудов – по шейке (38,3%) или шейке и плечикам (49,3%). Значительно реже встречаются сосуды, орнаментированные по венчику и шейке (6,8%) и по венчику, шейке и плечикам (5,6%).

По данным В.П.Денисова (обработано 316 сосудов), преобладает ямочно-шнуровой орна-

мент (поясок ямок в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура (57,9%), ямочно-шнуровой в сочетании с оттисками гребенчатого штампа в виде горизонтальных линий, зигзагов, сетки (13,4%), ямочно-шнуровой и линейный (ряды шнура чередуются с горизонтальными прочерченными линиями) (9,2%), ямочно-шнуровой в сочетании с отпечатками отступающей лопаточки (8,3%). Все остальные сочетания орнаментальных мотивов (косая сетка, заштрихованные треугольники, косые оттиски гребенчатого штампа, зигзаги в сочетании с косыми оттисками и т.п.) хотя и встречаются, но в очень незначительном количестве (Денисов, 1968, табл.1).

По 18-ти альтернативным морфологическим признакам (табл.1) устанавливаем коэффициенты формально-типологического сходства (С2) керамики рассматриваемых локальных вариантов (табл.2).

При критерии значимости = 0,9 обнаруживается, что выраженную типологическую близость обнаруживают между собой керамика нижекамского I варианта (Кама 1) с керамикой вятского и бельского вариантов. Последняя, в свою очередь, также обнаруживает типологическую близость с керамикой нижекамского II (Кама 2) и среднекамского (Кама 3) вариантов. То есть керамические комплексы, в которых преобладает «классическая» ямочно-шнуровая орнаментация – Кама 1, Кама 2, Кама 3 и Белая – образуют

Таблица 1

Морфологические признаки раннеананьинской керамики Прикамья (в %%)

№	Содержание признака	Локальные варианты				
		Кама 1	Кама 2	Кама 3	Вятский	Бельский
1	Шейка вертикальная	52,5	73,9	50,7	56,7	7,5
2	Шейка отогнутая	40,3	26,1	23,3	43,2	65
3	Шейка закрытая	2,8	–	26	–	17,5
4	Сосуды низкогорлые	39,6	41,3	91,8	47,8	45,5
5	среднегорлые	45,6	56,5	8,2	13,5	54,5
6	высокогорлые	10,4	–	–	38,6	–
7	Плечики слабовыпуклые	57	9,7	46,5	X	89,5
8	Средневыпуклые	39,6	61,3	21,9	–	10,5
9	Сильновыпуклые	–	29	5,4	–	–
10	Орнаментирован венчик+шейка	–	–	6,8	–	–
11	Венчик+шейка+плечики	–	–	5,6	–	–
12	шейка	91,3	–	38,3	29,4	75
13	Шейка+плечики	8,7	83,1	49,3	70,6	25
14	Орнамент ямочный	38,5	9,6	–	17,7	–
15	Ямочно-шнуровой	21,3	90,4	57,9	10	100
16	Ямочно-гребенчатый	13,3	–	–	32,3	–
17	Ямочно-гребенчато-шнуровой	–	–	13,4	33,2	–
18	Вдавления	25,9	–	–	–	–

Таблица 2

**Коэффициенты степени формально-типологического сходства
раннеананьинской керамики Прикамья**

	Кама 1	Кама 2	Кама 3	Вятка	Белая
Кама 1	–	0,58	0,48	0,72	0,71
Кама 2		–	0,46	0,46	0,64
Кама 3			–	0,53	0,71
Вятка				–	0,55
Белая					–

Таблица 3

Норма распределения и тенденция признаков раннеананьинской керамики Прикамья

№	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака				
			Кама 1	Кама 2	Кама 3	Вятский	Бельский
1	Шейка вертикальная	48,2	1,08	1,5	1,05	1,17	0,15
2	Шейка отогнутая	39,6	1,01	0,65	0,58	1,09	1,64
3	Шейка закрытая	9,26	0,3	–	2,8	–	1,88
4	Сосуды низкогорлые	53,2	0,74	0,77	1,72	0,89	0,85
5	среднегорлые	35,6	1,28	1,58	0,23	0,38	1,53
6	высокогорлые	9,8	1,2	–	–	4,28	–
7	Плечики слабовыпуклые	40,5	1,4	0,23	1,14	X	2,2
8	Средневыпуклые	26,6	1,49	2,3	0,82	–	0,39
9	Сильновыпуклые	6,8	–	4,26	0,79	–	–
10	Орнаментирован венчик+шейка	1,36	–	–	5	–	–
11	Венчик+шейка+плечики	1,12	–	–	5	–	–
12	шейка	46,8	1,95	–	0,81	0,62	1,6
13	Шейка+плечики	47,3	0,18	1,75	1,04	1,49	0,52
14	Орнамент ямочный	13,1	2,93	0,73	–	1,35	–
15	Ямочно–шнуровой	55,9	0,38	1,61	1,03	0,17	1,78
16	Ямочно–гребенчатый	9,1	1,46	–	–	3,54	–
17	Ямочно–гребенчато– шнуровой	9,32	–	–	1,43	3,56	–
18	Вдавления	5,18	5	–	–	–	–

типологический блок, связующим звеном которого выступают бельские комплексы.

Для группировки выделенных локальных вариантов раннеананьинской керамики по характерным морфологическим признакам устанавливаем норму распределения и тенденцию этих признаков (о норме и тенденции признаков см.: Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 84-87) (табл.3).

Из приведенной таблицы видно, что *признаки всеобщие*, то есть в равной степени характерные для всех сравниваемых комплексов, среди них отсутствуют. Зато присутствуют *признаки локальные*, то есть характерные для нескольких групп памятников, и *признаки частные*, присущие только одному из рассматри-

ваемых комплексов⁶. К ним относятся: сосуды с прямыми (вертикальными) шейками, преобладающие в керамических комплексах Камы и Вятки, но значительно реже встречающиеся на Белой. Сосуды с отогнутыми наружу шейками объединяют нижнекамский I, вятский и бельский варианты, а сосуды закрытые – среднекамский и бельский. И так далее. Но особенно показательны такие признаки, как зона орнаментации (сосуды нижнекамского I и бельского вариантов орнаментированы в основном по шейке, а сосуды нижнекамского II, среднекамского и вятского вариантов – по шейке и плечикам) и характер орнаментики (ямочный и ямочно-гре-

⁶ В таблице выделены полужирным шрифтом.

бенчатый орнаменты – общий признак для сосудов нижнекамского I и вятского вариантов, а ямочно-шнуровой – для нижнекамского II, среднекамского и бельского вариантов, ямочно-гребенчато-шнуровой – для среднекамского и вятского вариантов).

Итак, результаты сравнительно-статистического анализа керамики локальных вариантов ананьинской КИО вполне определенно подтверждают становящийся теперь уже очевидным вывод В.Н.Маркова об отсутствии в Волго-Камье единой «ананьинской общности» (Марков, 2007, с.62). И в дальнейшем, на мой взгляд, применительно к рассматриваемым материалам и территории вернее и конструктивнее будет говорить как об этнокультурном ареале (ЭКА). По определению Д.Г.Савинова, основным признаком и содержанием ЭКА является территория, на которой сложилась определенная этнокультурная общность. Составляющие такой общности могут быть представлены «археологическими памятниками, различающимися по деталям погребального обряда, приемам орнаментации керамики и другим наиболее традиционным этнокультурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА» (Савинов, 1984, с.48). ЭКА ананьинского времени в Волго-Камье состоял, таким образом, из, как минимум, трех «ананьинских» культур (этнокультурных образований или групп): аозинско-ахмыловской на Средней Волге, вятско-ветлужской (керамика с гребенчато-шнуровой орнаментацией) и прикамской (керамика со сложношнуровой орнаментацией). Каждая из них имела свои генетические корни. Согласно существующим точкам зрения, аозинско-ахмыловские памятники генетически восходят к средневожским культурам с т.н. «сетчатой керамикой» (Патрушев, 1984, с.177; Кузьминых, 2000, с.108); происхождение вятско-ветлужского «ананьина» В.Н.Марков связывал с миграцией сюда части северно-приуральского населения – потомков носителей лебяжской культуры (Марков, 2007, с.56 и сл.). Появление в регионе и генезис «классической шнуровой» керамики до сих пор не получили убедительного объяснения. Но этот компонент ананьинского ЭКА существует, по мнению В.Н.Маркова, как результат проникновения в Среднее Прикамье нового населения (Марков, 2007, с.56). Выявление исходной территории этого населения – основная задача исследований на ближайшую перспективу.

Литература

Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.

Васильев И.Б., Горбунов В.С. Бирское поселение // СА. 1975, №3.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии – ВАУ, вып.1. Свердловск, 1961.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973, №1.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Труды Камской Археологической экспедиции. Вып.IV. Уч. зап. ПГУ, №191. Пермь, 1968.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М.-Л., 1952.

Иванов В.А. Рец.: А.Х.Халиков. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977 // СА. 1983. №2.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000.

Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып.13. Йошкар-Ола, 1987.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху. Казань, 2007.

Патрушев В.С. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984.

Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. – начало II тыс.н.э.). Йошкар-Ола, 1992.

Савинов Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М., 2002.

Шокишев Г.А. Еловское II селище // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып.1. М., 1972.

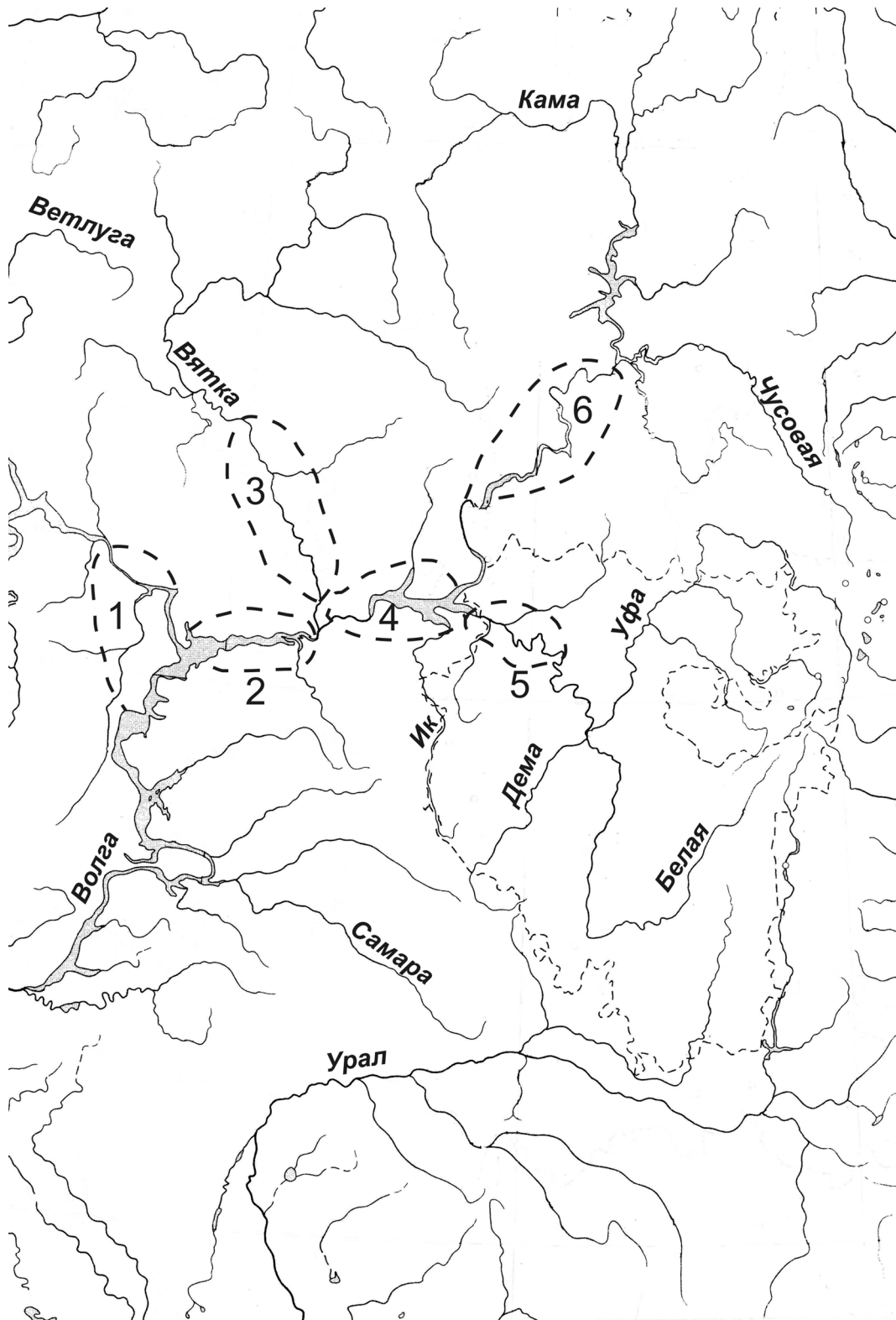
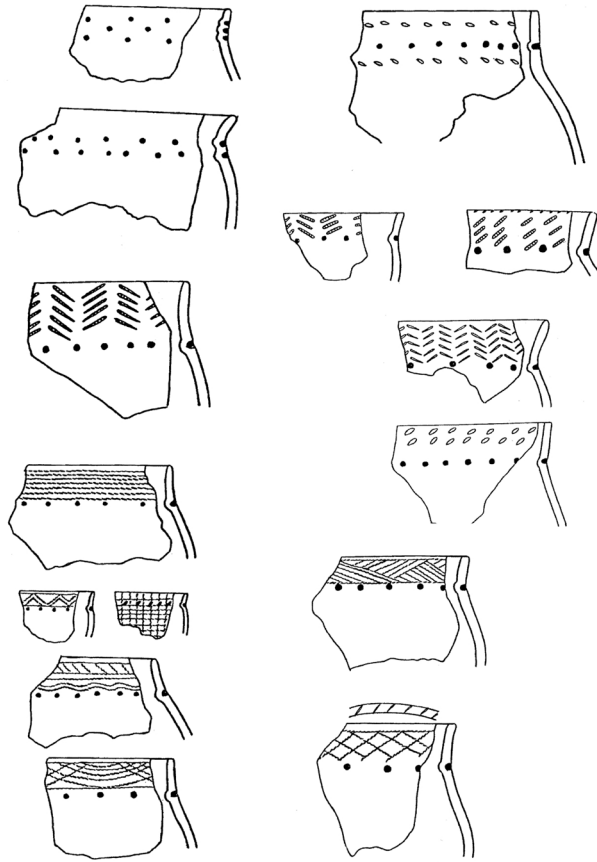
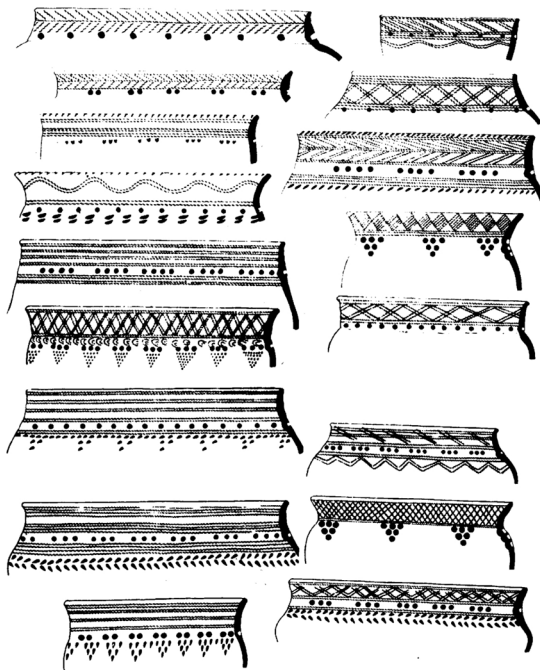

Рис.1. Карта локальных вариантов ананьинской культурно-исторической общности (по А.Х.Халикову). 1 – средневожский (Волга 2); 2 – нижекамский I (Кама 1); 3 – вятский (Вятка); 4 – нижекамский II (Кама 2); 5 – нижебельский (Белая); 6 – среднекамский (Кама 3)

Кама 1

Кама 2; Белая

Вятка

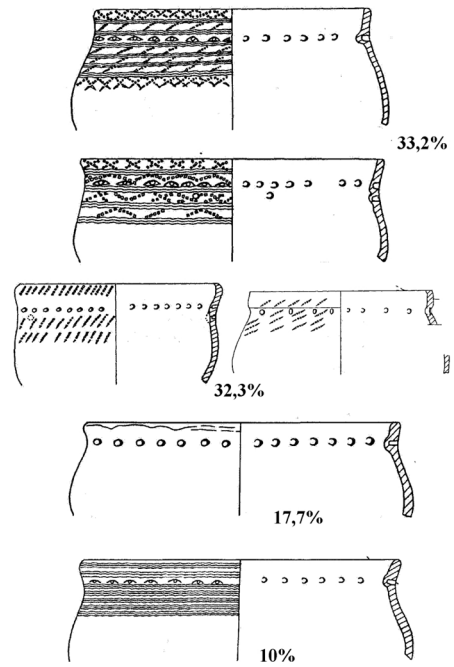

Рис.2. Типы керамики локальных вариантов ананьинской общности Прикамья

В.С.Патрушев

Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени

Результаты исследований могильников Волго-Камья имеют огромное значение в реконструкции картины развития древнего финно-угорского населения обширного региона. В настоящее время насчитывается 25 могильников раннеананьинского времени с общим числом погребений более 2000. Ведущим по количеству погребений является Старший Ахмыловский могильник, до конца раскопок располагавшийся на живописном берегу Ахмыловского озера на восточной окраине д. Ахмылово Горномарийского района Республики Марий Эл (рис. 1–3). Всего на памятнике вскрыто 953 погребения (в их число включены также обозначенные как камеры погребения без номеров), 13 сложных погребальных сооружений – домов мертвых, 3 вещевых комплекса (Патрушев, 1984. Табл. I), а также получен огромный материал (почти пять тысяч изделий), среди них оригинальные биметаллические кинжалы (рис. 4). Характеристика погребального обряда и вещевых комплексов нашла отражение в монографических исследованиях А.Х. Халикова (1977), В.С. Патрушева (1971; 1984а; 1986; 1989; 1992; 1994; Patrushev, 2000), в совместной работе указанных выше авторов (1982), С.В. Кузьминых (1983), а также в серии статей автора (Патрушев, 1975; 1977; 1982а; 1982в; 1984б; 1985; 1987а; 1987б; 1996; Patrushev, 2004).

На Акозинском могильнике, расположенном на правом берегу Волги близ д. Акозино Горномарийского района Республики Марий Эл, А.Х. Халиковым и В.С. Патрушевым вскрыто 110 погребений (Халиков, 1962. С. 65–91; Патрушев, 1982б. Рис. 1, 3, с. 19–56). В последующие годы исследовались Убеевский (Каховский, 1982) и Козьмодемьянский (Большов, 1988) могильники в Марийско-Чувашском Поволжье. По целому ряду черт погребального обряда и вещевым комплексам к указанным могильникам близок Младший Волосовский могильник на Нижней Оке близ Мурوما, известный еще с дореволюционных времен (Городцов, 1914).

Ниже, в казанском течении Волги, при впадении в нее небольшой речки Морквашки располагался Пустоморквашинский могильник (рис. 5). Первые раскопки здесь проведены в 1927 г. В.Ф. Смолиным. В 1975, 1976 и 1979 гг. они были возобновлены В.С. Патрушевым и А.Х. Халиковым. Всего на памятнике вскрыто 94 погребения

(Збруева, 1952. С. 307–319; Халиков, 1977; Патрушев, 1990).

Другой могильник в Татарстане – Тетюшский – исследовался в 1969–1970 гг. Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой (Халиков, 1977; Халикова, Казаков, 1970) и в 1980 г. Е.П. Казаковым и В.С. Патрушевым (1980). Всего выявлено 107 погребений раннеананьинского времени, но памятник включает в себя также захоронения азелинской и раннебулгарской культур и раннемусульманские (нумерация погребений общая).

Новые значительные материалы получены на Мурзихинских могильниках в устье Камы. Здесь располагается 8 почти полностью разрушенных могильников (Новомордовские и др.) (Халиков, 1977. С. 75–84). Все они датируются рубежом VIII/VII–VI вв. до н.э. и объединяются устойчивыми своеобразными чертами материальной культуры.

Культура населения, представленного на волжских могильниках, оформилась в результате ассимиляции приказанско-ананьинских племен западными племенами с «текстильной» (ниточно-рябчатой) керамикой. Основные черты этого населения особенно ярко проявились в сочетании акозинско-меларских и ананьинских типов кельтов, в оформлении на последних своеобразной орнаментации, а также в особом этнографическом облике этого населения – в наличии женских многосоставных налобных венчиков, височных колец, булавок, особых форм спиральных височных подвесок, гривен, блях, поясных наборов и т.д. Своеобразие черт погребального обряда и значительные особенности вещевых комплексов могильников и поселений позволили выделить ахмыловскую культуру (Патрушев, 1984а).

Целый ряд ананьинских могильников располагается по нижнему течению Камы выше устья Вятки. К VII–VI вв. до н.э. относятся 10 погребений Ананьинского могильника (Пономарев, 1892. С. 405–438). Значительно больше погребений вскрыто на Луговском могильнике (Збруева, 1942; 1960. С. 72–87, табл. 8). Указанные памятники находились на правом берегу Камы близ Елабуги. Ниже по течению Камы, близ устья реки, расположены Гулькинский (5 погребений; Збруева, 1954), I Мурзихинский (Халиков, 1977. С. 84), Ташкермень, Под-

горно-Байларский (3 погребения) могильники (Там же. С. 87). На Средней Каме, в Янаульском районе Республики Башкортостан, Н.А. Мажитов (1968) и А.Х. Пшеничнюк (1969; 1970) исследовали Таш-Елгинский могильник, давший 25 погребений. На правом притоке Камы – реке Полуденной – О.Н. Бадер вскрыл 4 погребения на Скородумском могильнике (1960).

В последние годы А.А. Чижевский исследовал II Мурзихинский могильник, давший 208 погребений (2008). Интерес представляют захоронения раннеананьинского времени, выявленные С.Н. Коренюком в Верхнем Прикамье; в частности, им в 1983 и 1987 гг. на Оханском могильнике вскрыто 59 погребений, а в 1988 – 1990 гг. на Першинском могильнике – 176 погребений и 3 сооружения (цит. по: Чижевский, 2008. С. 124).

Камские могильники входят в выделенные А.Х. Халиковым (1977. Рис. 5) варианты ананьинской культуры. Основные признаки прикамских ананьинских памятников отмечены А.В. Збруевой (1952) и А.Х. Халиковым (1962. С. 114, 115): господство бронзовых наконечников копий с прорезями на перьях, плоских втульчатых кельтов, дуговидных ножей, овальных в сечении пряслиц, одинарных налобных украшений, ожерелий из одинаковых элементов, некоторых форм гривен и т.д. А.Х. Халиков (1962. С. 115, 116) по материалам раскопок Акозинского могильника 1960-х гг. выделил основные особенности волжских могильников.

Погребальный инвентарь захоронений конца VIII–VI вв. до н.э. из могильников Волго-Камья довольно подробно охарактеризован в работах ряда исследователей. Классификацию кельтов и всех групп элементов костюма представил автор (Патрушев, 1975; 1977; 1984а). Наиболее полную классификацию орудий труда и оружия раннеананьинского времени из Волго-Камья дал А.Х. Халиков (1977). Классификация орудий из цветного металла по принципу конечного типологического разряда, разработанного Е.Н. Черных (1970), опубликована С.В. Кузьминых (1983).

В ходе работы автором обобщены все категории находок и классифицированы все доступные материалы раннеананьинского времени. Автором использованы два принципа археологической классификации: традиционный типологический метод при выделении наиболее существенных признаков и принцип конечного типологического разряда по Е.Н. Черных для выделения деталей.

По функциональному назначению вещей выделены следующие категории: орудия труда и оружие, конская сбруя, украшения, бытовые

предметы. Автором проведена датировка основных категорий вещевых комплексов. Наиболее массовый и в силу этого наиболее достоверный материал для датировки погребальных комплексов дают комплексы Старшего Ахмыловского могильника. Значимые положительные связи, полученные по методу исследований взаимовстречаемости вещей разных категорий и типов в отдельных погребальных комплексах, позволили получить математически обоснованные даты для широкого круга вещей. Данный метод, разработанный Г.А. Федоровым-Давыдовым (1965), позволяет также выделить хронологически одновременные группы находок и последовательную смену таких групп за время функционирования могильника. Поскольку одинаковые формы вещей встречены как на Старшем Ахмыловском, так и на других волжских и камских могильниках, обоснованные даты предметов могут стать эталонными для широкого круга памятников.

Наиболее многочисленными из числа бронзовых предметов являются кельты двух типов, характеризующие две группы населения: финноязычной общности на широкой территории от Скандинавии до устья Камы принадлежали акозинско-меларские кельты, предкам финно-пермских народов Прикамья – ананьинские кельты с линзовидной или шестигранной втулкой. Богато представлено и вооружение: кинжалы биметаллические и железные, боевые топоры, наконечники копий и стрел. Но наиболее многочисленны украшения костюмов. Среди них много привозных предметов с зооморфными изображениями, изделий с соляными знаками.

Совокупность признаков для носителей акозинско-меларских и ананьинских кельтов позволяет считать их лишь этнографическими различиями отдельных родовых групп единого населения. О единстве данного населения свидетельствует сопоставление акозинско-меларских и ананьинских кельтов со всеми другими группами находок (последние в одинаковой мере встречены в могилах с обеими группами кельтов), а также факты совместного нахождения на поселениях и даже в одних жилищах Ардинского и Малахайского городищ ананьинской и «текстильной» (ниточно-рябчатой) керамики (Архипов, Патрушев, 1982; Патрушев, 1983).

Датировка отдельных типов и разновидностей предметов по датам стадий развития могильника не противоречит относительной хронологии комплексов погребений (Патрушев, 1984а. Табл. XIII) и позволяют уточнить датировку аналогичных находок на других территориях (Патрушев, 1984а. Рис. 53; Patrushev, 2004). Большие возможности для уточнения дат ком-

плексов погребений кроются в тех случаях, когда они стратиграфически увязываются со сложными погребальными конструкциями в виде домов мертвых (Халиков, 1977. С. 91, 92). Исследователи могильника неоднократно указывали на непосредственную связь таких сооружений и расположенных внутри них погребений (Патрушев, Халиков, 1982. С. 46).

Итогом использования метода взаимовстречаемости, кроме выделения одновременных групп предметов по стадиям, стало установление значимых положительных связей (или критерия сопряженности) между основными категориями и типами находок волжских могильников.

Сравнительные процентные показатели элементов погребального обряда волжских и камских могильников раннеананьинского времени, за небольшим колебанием, довольно близки (Патрушев, 1984а. Табл. XV).

Взаимовстречаемость элементов погребального обряда с основными группами находок дает представление о соотношении двух важнейших этнических показателей. Во всех типах обряда в одинаковой мере представлены как камские, так и волжские формы находок. Особенно показательно близкое соотношение кельтов аозинско-меларского типа и ананьинского типа, височных спиралей и колец, представляющих отдельные группы волжского и камского населения. Отметим только одну особенность: в коллективных захоронениях довольно много ананьинских кельтов (28) и незначительно число аозинско-меларских (8). Владельцы последних на Старшем Ахмыловском могильнике занимают особое положение: обычно сопровождаются набором оружия. А коллективные захоронения с такими изделиями во всех случаях парные, в то время как ананьинские кельты преимущественно встречены в могилах с числом костяков до тринадцати. Таким образом, различное количество кельтов тех и других форм в коллективных погребениях, скорее всего, не этнический признак, а социальный. В пользу этого говорит примерно равное нахождение с обеими группами кельтов височных спиралей и колец, представляющих этнографический облик представителей разных родов.

Особо отметим находки обеих групп кельтов в частичных погребениях (60). Сами по себе частичные погребения составляют своеобразие волжских памятников, т.к. единичные такие погребения на камских могильниках представляли собой захоронения только голов особо выдающихся людей (мужчин). А на Волге обычны и женские частичные погребения. При этом в погребениях обнаружен только волжский тип ви-

сочных украшений – кольца (4), налобные венчики (9). Однако в них встречены как аозинско-меларские (2), так и ананьинские (7) кельты. Последних значительно больше представлено в вещевых погребениях (32 случая), когда только набор вещей (а иногда только кельт) помещали в небольшую округлую яму. Парадоксально, что сами вещевые погребения, как и комплексы вещей отдельно от погребенного, характерны только для волжских памятников, но именно в них значительно больше камских форм кельтов. Получается, что волжские владельцы ананьинских кельтов не только восприняли новую идеологию в виде жертвенных приношений вещей умершим (4), но и выполняли новый для них обряд с особым рвением. Однако в вещевых погребениях представлены и аозинско-меларские кельты (19), и височные кольца (9). Височных спиралей, наоборот, меньше (5). Значительно больше по сравнению с железными (5) бронзовых наконечников копий камских форм (12).

Как одна из своеобразных черт Старшего Ахмыловского могильника в археологической литературе отмечалась «не речная» ориентация значительного числа могил и костяков. Поэтому сопоставление ориентации костяков и основных групп находок имеет важное значение как показатель соотношения этнических черт. Преобладает ориентация костяков головой в западном (З, ЗСЗ, ЗЮЗ) или восточном (В, ВСВ, ВЮВ) направлениях (Там же. Табл. XV). Таким образом, это волжская черта обряда. Вместе такие могилы составляют 42%. Мы вправе были бы ожидать в них такое же процентное соотношение находок волжских форм. Однако, наоборот, в них представлены 24 волжские (аозинско-меларские) формы кельтов и больше камских, ананьинских форм (33). Отметим, что в виду разного общего количества тех и других кельтов их процентное соотношение почти равное (аозинско-меларских кельтов при костяках с широтной ориентацией 21,1 %, ананьинских – 20,5 %). Также в могилах с широтной ориентацией меньше волжских форм височных украшений (колец – 16) и больше камских спиральных подвесок (23). Но если учесть, что 5 таких изделий имеют характерные только для Поволжья спиральные завершения концов, то их сочетание также весьма близкое между собой.

Таким образом, с характерной волжской чертой погребального обряда в одинаковой мере связаны как волжские, так и камские формы изделий. Напомним, что именно кельты и специфические височные украшения являются важнейшим этническим признаком волжского и камского населения.

Северную (С, ССЗ, ССВ) и южную (Ю, ЮЮЗ, ЮЮВ) ориентацию заметно предпочитали владельцы ананьинских кельтов. Если акозинско-меларских кельтов с такой ориентацией костяков встречено всего 13,6%, то ананьинских кельтов обнаружено 66,4%. Получается любопытная картина: владельцы ананьинских кельтов легче и быстрее воспринимали первоначально чуждую им не речную ориентацию, чем владельцы акозинско-меларских кельтов – противоположные идеологические представления. Поскольку кельты в основном характеризуют мужские погребения, то воины в сопровождении акозинско-меларских кельтов выглядят более консервативными во взглядах. Но интересно отметить, что волжских форм височных колец (32) и камских спиральных подвесок (32) с меридиональной ориентацией равное количество. Довольно много в таких могилах характерных волжских форм женских украшений – налобных венчиков (33), булавок, составных нагрудных украшений и т.д. Данный факт в какой-то мере можно объяснить характером брачных отношений в первобытном обществе. При господстве эндогамно-экзогамных браков женщины из родов, в которых изготавливали «текстильную» керамику, переходили в роды с ананьинской традицией гончарства и легче воспринимали чуждые идеологические представления.

Интерес представляет ориентация черепов в частичных погребениях. Судя по находкам кельтов и бронзовых наконечников копий в мужских погребениях, этот обряд в большей мере использовался среди населения с камскими формами изделий. Однако женские налобные венчики особых форм, отождествляемые с девичьими захоронениями, сопровождавшие их волжские формы височных колец, составные нагрудные украшения и др. (Там же. Табл. XV) могут говорить об интересном факте. Как уже отмечалось, частичные женские погребения характерны только для волжских памятников. А поскольку, судя по находкам, эти погребения в основном девичьи, то получается, что незамужние девушки сохранили все характерные волжские формы украшений и погребены также по волжскому обычаю.

Особый интерес представляют сложные дома мертвых, характерные для волжских могильников. Однако в могилах, как внутри самих таких конструкций, так и в примыкающих к ним, представлены не только волжские, а в большей мере камские формы находок: 10 акозинско-меларских и 21 ананьинский кельт, 7 железных и 21 бронзовый наконечник копья, 2 кольца и 12 спиральных височных украшений, а также почти все другие формы находок. Казалось бы,

факт трудно объяснимый: по волжскому погребальному обычаю погребено больше людей с камскими формами изделий, нежели с волжскими. В какой-то мере, что касается женских погребений, это объясняется характером брачных отношений. С другой стороны, в домах мертвых заключена идея коллективных захоронений, а именно такие погребения, как уже говорилось, наиболее часто содержали камские формы находок. Таким образом, идея коллективных захоронений людей из рода с камскими формами орудий нашла благодатную почву в идее сооружения волжанами домов мертвых. При этом сами волжане чаще предпочитали сооружать камеры-склепы для одиночных или реже парных захоронений. Так, акозинско-меларских кельтов в таких камерах-склепах 13, т.е. больше, чем в могилах, связанных с домами мертвых. Ананьинских кельтов в индивидуальных склепах всего 7, т.е. значительно меньше, чем в домах мертвых. В камерах также найдено 5 железных наконечников копий (но нет ни одного бронзового), 3 височных кольца и 2 спирали. Однако в них нет чисто женских украшений – налобных венчиков, ожерелий, составных нагрудных украшений, браслетов, перстней, булавок. В то же время в них представлены все виды оружия. Таким образом, камеры-склепы выступают как социальный признак в условиях господства отношений военной демократии: погребения выдающихся воинов сопровождаются более пышным обрядом.

Другие погребальные конструкции также отражают какие-то особые идеологические представления. Так, столбики на дне могилы в одних случаях предполагают наличие внутренних конструкций в могиле (когда их несколько), в других, возможно, шестов с изображением птиц (Там же. С. 148). Могилы с такими конструкциями в одинаковой мере содержат все основные группы находок, но в большей мере акозинско-меларские кельты (11, ананьинских – 2), налобные венчики и др., т.е. волжские формы вещей.

В целом сопоставление элементов погребального обряда с основными группами находок ярко показывает культурное равновесие камских и волжских форм находок. Иными словами, камские и волжские формы находок составляют единый культурный комплекс населения ахмыловской культуры. Поэтому выделение камских и волжских форм весьма условно, и они отражают лишь составные компоненты восточных и западных племен, на базе которых формируется единый этнос волжских финнов на обширной территории Поволжья от устья Камы на юге до Приочья на севере (Патрушев, 1982а. Рис. 3). О единстве данного населения свиде-

тельствует сопоставление аозинско-меларских и ананьинских кельтов со всеми другими группами находок (последние в одинаковой мере встречены в могилах с обеими группами кельтов). Аозинско-меларские и ананьинские кельты на всех волжских могильниках встречены с одними и теми же категориями изделий. Но в силу массовости в этом отношении наиболее показательна ситуация на материале Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984а. Табл. XVII). Различия настолько незначительны, что они ни в коем случае не могут нарушить картину «культурного равновесия». С ананьинскими кельтами меньше встречено оружия (43,1% от общего числа погребений с кельтами), предметов конской узды (4,9%) и больше – орудий труда (82,5%), бытовых предметов (30,3%); аозинско-меларские кельты почти в два раза чаще, чем ананьинские, сопровождаются оружием (59,8%), предметами конской узды (14%) и резе орудиями труда (70,2%), бытовыми предметами (14,5%). Несколько больше различий в их сочетаниях с группами украшений. Например, височные спирали с аозинско-меларскими кельтами найдены только в 8 случаях (6,7%), а с ананьинским – в 21 случае (13,4%), височные кольца, соответственно, в 3 (2,5%) и 12 случаях (7,5%), составные налобные венчики – в 4 (3,3%) и 20 случаях (12,7%). Но примечателен сам факт их нахождения со всеми категориями украшений, так как украшения как элементы костюма характеризуют этнографический облик представленного на могильнике населения. Любопытно отметить, что 5 кельтов аозинско-меларского типа найдены с ананьинскими кельтами в закрытых комплексах (п. 930 и дом мертвых № 10), или один из кельтов найден в засыпи погребения (п. 29, 130, 667). Кроме того, известны смешанные формы самих кельтов (Там же. Рис. 36, 11, 16, 39). Данные кельты сопровождалась также бронзовыми наконечниками копий (п. 29, 408, 421, 450, 816, «дом мертвых» № 10).

Отметим также факты совместного нахождения на поселениях и даже в одних жилищах Ардинского и Малахайского городищ ананьинской и «текстильной» (ниточно-рябчатой) керамики (Архипов, Патрушев, 1982; Патрушев, 1983).

Сравнение количества находок по материалу с разными группами кельтов показывает некоторую архаичность черт материальной культуры тех групп населения, для которых характерны ананьинские кельты: у них меньше железных предметов и больше костяных, каменных и глиняных изделий (Патрушев, 1984а. Табл. XVII). Например, в погребениях с ананьинскими кельтами обнаружено 19 сосудов (12,1%), а

с аозинско-меларскими – только 2 (1,6%). Однако при некотором изменении форм изделий во времени единообразные изменения наблюдаются в сопровождающих комплексах как аозинско-меларских, так и ананьинских кельтов. Это относится к замене бронзовых наконечников копий железными, распространению новых форм височных украшений и шейных гривен. Такое единообразное изменение вещевых комплексов могильника служит еще одним доказательством культурного единства памятников ахмыловского типа, что исключает характер эпизодического поступления изделий со стороны.

Однако отметим явные различия в наборе погребального инвентаря камского и волжского населения. В частности, 37,8% предметов вооружения и орудий труда из погребений Старшего Ахмыловского могильника сходны с прикамскими, а 8,4% имеют волжско-камские формы. Ахмыловские формы составляют 53,8%. Но необходимо иметь в виду, что 93 ананьинских кельта имеют чисто волжские («ахмыловские») узоры. Вместе с ними ахмыловских форм вещей 69,5%. Но если учесть явно привозные формы стрел, кинжалов, тесел, железных топоров и кельтов (что составляет 8,1% ахмыловских форм вещей), то процент ахмыловских форм составит 45,7. Однако следует оговориться, что и в Прикамье среди чисто камских форм есть привозные предметы. Направление культурных связей также является важным показателем особенностей населения двух регионов (Там же. Рис. 53).

Интерес представляет сопоставление украшений, поскольку они характеризуют этнографический облик населения.

Из характерных для Старшего Ахмылова форм женских налобных венчиков в Прикамье встречены лишь единичные украшения первого типа с круглыми бляшками или не характерными для ахмыловцев накладками с тройными выпуклинами (Збруева, 1952. С. 79, 80). В Прикамье наиболее характерны одинарные налобные украшения в виде полосы листовой бронзы или круглой бляшки (Там же. С. 79, табл. II, 17, VI, 13, XV, 6). Близких им женских украшений в Ахмылове всего три (п. 384, 558, 884) (Патрушев, 1984а. Рис. 19, 12, 13, 18). Четыре украшения по принципу ношения и аналогии с мужскими ананьинскими накладками можно отнести к числу волжско-камских (Патрушев, 1984а. Рис. 19, 14, 16, 17, 19; Збруева, 1952. С. 76, табл. II, 8, 15), а бусинку и навитую на кожу спираль (Патрушев, 1984а. Рис. 19, 11, 20) – к числу ахмыловских.

Височные украшения, как уже отмечалось, подразделяются на две большие группы – спирали и кольца. Последние характерны только для

волжского населения. Два подобных изделия из Луговского и Ананьинского могильников определены как наколки (Збруева, 1952. С. 84, табл. IV, 16). Данный факт весьма примечателен. Как и в случае использования частей кавказских поясов в качестве налобных украшений ахмыловцев, он свидетельствует об эпизодическом поступлении подобных изделий в Прикамье и о разном этнографическом облике населения. Иную картину можно видеть при ношении височных спиралей: изделия с простыми концами были популярны также в Прикамье (Там же. С. 76, табл. II, 10, V, 1). Однако украшения со спиральными завершениями концов (18) характерны только для волжских памятников. Следует отметить также одну этнографическую особенность: в Прикамье височные спирали встречены лишь в мужских синхронных погребениях (Там же. С. 76), у ахмыловцев их носили как мужчины, так и женщины со времени появления данного типа украшений.

Использование прикамских гривен, как и височных украшений, несколько отличается от использования ахмыловских. Во-первых, они в Прикамье появляются несколько позже (Там же. С. 76). Во-вторых, они там в ранний период встречены только в мужских погребениях (Там же. С. 76, 77), где женщины, в отличие от волжанок, не носили гривен.

В целом сходные формы ахмыловских и камских украшений прослеживаются лишь у 15,6% находок из погребений. Незначительное проявление сходства при преобладании ахмыловских элементов показывает 13,3% находок. Наиболее высокий процент (71,1) дают ахмыловские украшения, не встреченные в Прикамье. Особый этнографический облик населению Марийского края придают налобные венчики, височные кольца и особые формы спиралей, составные нагрудные украшения, булавки, а также своеобразные элементы мужских поясов, ожерелий и отличные от прикамских формы большинства блях, браслетов, гривен.

Особого внимания требует сравнительная характеристика форм сосудов Старшего Ахмыловского могильника и ананьинских памятников Прикамья (Патрушев, 1984а. Рис. 65, I, II). Только пятнадцать сосудов Старшего Ахмылова по форме и в определенной степени по орнаментации аналогичны прикамским. Остальные сосуды из погребений Старшего Ахмылова не имеют аналогий среди изделий ананьинского Прикамья. Это посуда баночной формы с уплощенным или слабоокруглым дном (Там же. Рис. 31, I, 4, 5, 32, 7), плоскодонный горшковидный сосудик (Там же. Рис. 33, 7), очень широкая низкая чаша (Там же. Рис. 31, 9) или чашевидные

сосудики с уплощенным дном и открытым или закрытым горлом.

Таким образом, все группы находок из погребений Старшего Ахмылова имеют как черты, характерные как для Прикамья, так и специфические, волжские элементы. В целом 26,1% изделий аналогичны предметам из ананьинского Прикамья, однако при этом необходимо учитывать небольшое число прикамских погребений. Частичное сходство или единичные параллели с прикамскими изделиями имеют 11% находок. Наиболее многочисленны находки в закрытых комплексах предметов волжских форм (62,9%). Все формы предметов одинаково располагаются на всей площади могильника, в одинаковой мере встречены со всеми элементами погребального обряда.

Выводы автора подтверждают результаты вычислений коэффициентов сходства и критерия Стьюдента для могильников Волго-Камья. Расчетные значения критерия Стьюдента по сумме признаков (при табличном значении 2,09) показывают близость между собой волжских могильников, их группировку на графе сходства. Наиболее сильные связи (расчетные значения от 0,12 до 0,94) прослеживаются между Старшим Ахмыловским, Акозинским, Пустоморквашинским и Тетюшским могильниками, которые особо группируются на графе сходства. В особую группу с сильными связями выделяются Пустоморквашинский, Тетюшский и Луговской могильники, хотя по расчетным значениям связи первых двух с Луговским меньше, чем между волжскими могильниками. Менее сильными оказались связи между отдаленными территориально Младшим Волосовским и Ананьинским могильниками. Однако следует обратить внимание на отсутствие информации по многим признакам в материалах раскопок этих памятников из-за отсутствия полевых отчетов, а все показатели в группах «неопределенные» также входят в сумму признаков.

Результаты статистической обработки материалов раскопок могильников Волго-Камья говорят о сохранении определенных традиционных связей волжского населения с отдельными группами прикамского населения. И это вполне закономерно, поскольку прикамское население составило один из компонентов ахмыловской культуры. Этому не противоречит и наличие на волжских поселениях VII–VI вв. до н. э. наряду с «текстильной» керамикой значительной группы ананьинской посуды. Вместе с тем, судя по результатам выделения стадий развития Старшего Ахмыловского могильника, этнокультурные признаки камского населения на последней стадии значительно уменьшаются.

В последнее время повышается интерес к вопросу об этнической принадлежности той или иной группы населения, представленного на могильниках Волго-Камья начала эпохи раннего железа. Однако нередко не подтвержденные исследованиями материалов суждения. В частности, С.В. Кузьминых в своих работах без привлечения материалов и каких-либо доказательств утверждает о существовании в Марийском крае «акозинской культуры» эпохи раннего железа как особой группы населения с «текстильной» керамикой. Впервые эта точка зрения была высказана им в кандидатской диссертации (Кузьминых, 1977). Эту мысль, не проверив материалами, подхватывают другие исследователи (Марков, 1985; 1994; 1997; Соловьев, 1995 и др.). Однако изучение автором такой керамики из 240 памятников Европейской России с использованием широкого круга статистических методов (Патрушев, 1989; 1992а; 1992б) явно доказывают, что никакой «акозинской культуры» «текстильной» керамики в Марийском Поволжье не существует. Результаты статистической обработки комплексов такой керамики из памятников от Татарстана и Республики Марий Эл, всего Поволжья, северных регионов вплоть до Вологодской области и Республики Карелия показывают, что все варианты ниточно-рябчатых отпечатков, как и узоры, формы сосудов, венчиков и т.д., распространены на всей указанной территории (Патрушев, 1989. Табл. 4, 5; Patrushev, 1992б). К тому же такая керамика генетически тесно связана с комплексами «текстильной» керамики эпохи бронзы (Патрушев, 1989. Табл. 1–3, 6, прилож. 1–3, рис. 23–26), и «акозинскую культуру» никак нельзя оторвать от предыдущей эпохи, расширив ее хронологические рамки до появления такой посуды (XVIII в. до н.э.). Соответственно, это только подмена новым термином уже известной культуры «текстильной» керамики. К тому же термин «акозинская культура» для характеристики особой группы населения с «текстильной» керамикой вряд ли применим, т.к. на Акозинском могильнике не обнаружено ни одного фрагмента такой керамики.

Весьма свободную трактовку находят в работах С.В. Кузьминых и материалы раскопок могильников. Со ссылкой только на результаты спектрального анализа двух групп кельтов, а также на их «картографию» на плане Старшего Ахмыловского могильника он делает вывод об использовании одного и того же могильника представителями двух разных археологических культур, т.е. в этническом отношении совершенно разными группами населения (Кузьминых,

1977). В монографическом исследовании о результатах спектрального анализа цветного металла из памятников Волго-Камья исследователь вновь в качестве доказательства о существовании двух культур ссылается на «картографирование кельтов Старшего Ахмыловского могильника» на плане памятника (Кузьминых, 1983. Рис. 85). И это же доказательство использует для критики моих взглядов в рецензии на мою книгу «Финно-угры России» (Кузьминых, Напольских, 1994. С. 148, 149). Здесь же С.В. Кузьминых неоправданно отождествляет понятия «ахмыловская культура» и «культура текстильной керамики» и приписывает мне совершенно иную трактовку ахмыловской культуры («ахмыловский суперэтнос»).

Точка зрения автора об этнической принадлежности волжского населения VII–VI вв. до н.э. наиболее подробно освещена в пяти монографиях, ряде статей и кратко сводится к тому, что на основе населения с «текстильной» (ниточно-рябчатой, псевдосетчатой) керамикой при участии племен приказанской и ананьинской культур формируется новый этнос ахмыловского облика (Патрушев, 1984а; 1986; 1989; Patrushev, 1992б; 2000).

Заслуживают внимания работы В.Н. Маркова, в которых он обосновывает мысль о разном этническом составе населения ананьинской общности. Для нас особый интерес представляет его точка зрения о присутствии на волжских могильниках ряда компонентов: кельты ананьинского типа с линзовидной и овальной в сечении втулкой характеризуют племена постмаклешеевского облика; ананьинские кельты с шестигранной втулкой являются своеобразным этническим показателем населения, изготавливавшего сложношнуровую «классическую ананьинскую» и гребенчато-шнуровую керамику (Марков, 1984. С. 10; 1985. С. 38–51; 199. С. 72–77; 1994. С. 69, 70; 1997; 2007). Но, к сожалению, в ряде его работ есть приписанная мне точка зрения о «чрезвычайно сложной картине культурогенетического процесса», т.е. об истоках ахмыловской культуры – носителях «волоховской, балановской, чирковско-сейминской, турбинской, абашевской, позддняковской, срубной, приказанской и псевдосетчатой керамики» (Марков, 1997. С. 66; 2007. С. 13), хотя мною в монографии специально дана оговорка, что сопоставление их культурных признаков ни в коем случае не означает их равного участия в этногенезе волжского населения и что автором отмечены лишь все имеющиеся параллели с элементами культур эпохи бронзы, что означает возможное их восприятие, в том числе опосре-

дованно (Патрушев, 1984а. С. 202). В.Н. Марков (2007. С. 13) приходит к неожиданному выводу: «Такая богатая родословная «ахмыловцев», по мнению Патрушева, обеспечила значительное своеобразие их памятников». Все мои доказательства с использованием статистических методов о своеобразии материальной культуры волжского населения, а также об общих чертах волжского и прикамского населения, остались вне поля зрения Маркова. Мною, согласно инструментарию исследований для статистической обработки материалов Старшего Ахмылова, проводилось только сопоставление признаков со всеми предыдущими культурами в связи с обширными задачами установления общей картины развития культур начала эпохи железа в Европейской России, а также сопоставление с синхронными и последующими культурами по всем признакам погребального обряда, инвентаря погребений, в том числе и керамики (Патрушев, 1982а. С. 65–89; см. также в данной работе: «Приложение к Инструментарии исследований: сопоставление культурных признаков Старшего Ахмыловского могильника и могильников синхронных, предыдущих и последующих культур», 43 с.). Во всех моих работах признается только точка зрения о формировании ахмыловской культуры на основе населения с «текстильной» (псевдосетчатой, ниточно-рябчатой) керамикой при участии приказанско-ананьинских племен.

Начало формирования населения ахмыловского облика, согласно новым радиоуглеродным датам памятников Марийского края с «текстильной» керамикой, относится к XIV–XII вв. до н.э., когда начинается смешение племен с ниточно-рябчатой керамикой с приказанцами в Татарско-Марийском Поволжье. Здесь возникают благоприятные условия для сложения отношений на уровне начальных этапов ассимиляции – адаптации и аккумуляции; ранний этап – кокшайский – по смешанным комплексам керамики 4 Кокшайского и Сосновогривских поселений по времени совпадает с атабаевским и маклашеевским этапами приказанской культуры, по А.Х. Халикову (1969). Особо отметим, что на этом этапе ахмыловская культура ограничивается памятниками «текстильной» керамики, где присутствуют приказанские элементы, т.е. в эпоху бронзы кокшайский этап этой культуры ограничивается территорией от устья Камы на юге до Марийско-Чувашского Поволжья.

В начале эпохи железа ареал подобных смешанных комплексов расширяется на северо-запад, включая бассейн Оки до города Муром и севернее до Костромского Поволжья. На Мин-

ском городище в материалах раскопок автора и ряде других поселений здесь прослежены смешанные черты населения с «текстильной» керамикой и прикамских племен. В этот период можно говорить об инфильтрации новых восточных групп населения в Поволжье. В начале эпохи железа население с ниточно-рябчатой керамикой становится господствующим, а к середине I тыс. до н.э. оно ассимилировало, очевидно, пришлые группы камского населения. В период опустения в середине I тыс. до н.э. Татарско-Марийского Поволжья ахмыловцы передвигаются на север вплоть до Вологодской области, как показали материалы раскопок автора на поселении Вёкса 1 (Патрушев, 1991). Возможно, часть ахмыловцев вместе с основной массой прикамского населения продвинулась до Карелии и составила определенный компонент позднекаргопольской культуры.

С конца VI–V вв. до н.э. начинается третий этап развития ахмыловцев. Их следы через многие века проявляются в памятниках типа Чурачикского, затем Безводнинского (Краснов, 1980) могильников. На Младшем Ахмыловском могильнике V–VII вв. н.э. также можно видеть ахмыловские черты, претерпевшие значительные изменения за тысячу с лишним лет.

Литература

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // АЭМК. 1982. Вып. 6.

Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1960. Т. XII, вып. 1.

Большов С.В. Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола, 1988.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древности. Т. XXIV. М., 1914.

Збруева А.В. Луговской могильник // ТИЭ. Нов. серия. 1947. Т. II.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Збруева А.В. Гулькинский могильник // МИА. 1954. № 42.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. № 80.

Казаков Е.П., Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Тетюшского могильника // Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Марийского университета в 1980 г. Йошкар-Ола, 1980 // АИА. Р-1, № 8321.

Каховский В.Ф. Убеевский могильник // ТЧувНИИ. 1982. Вып. 9.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М., 1980.

Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): АКД. М., 1977.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С., Напольских В. Рец.: Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992 // ФУ. 1994. № 1.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1967 г. Уфа, 1968 // АИА. Р-1, № 3496.

Марков В.Н. Керамика городища Сорочьи горы // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // АЭМК. 1985. Вып. 9.

Марков В.Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // ФУ. 1997. № 2.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007 (Археология евразийских степей. Вып. 4).

Патрушев В.С. Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1971.

Патрушев В.С. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья // СА. 1975. № 3.

Патрушев В.С. Ананьинские зооморфные изображения Марийского края // АЭМК. 1977. Вып. 2.

Патрушев В.С. Исходные данные к статистической обработке материалов могильников конца VIII–VI вв. до н.э. в Волго-Камье // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982а.

Патрушев В.С. Исследования Акозинского могильника в 1971–1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982б.

Патрушев В.С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982в. № 2.

Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Малахайского городища в 1982 году. Йошкар-Ола, 1983 // АИА. Р-1, № 9424.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984а.

Патрушев В.С. Булавки Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников // КСИА. 1984б. Вып. 178.

Патрушев В.С. Шейные гривны из Волго-Камья // СА. 1985. № 2.

Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1986.

Патрушев В.С. Из прошлого нашей столицы. Археологические очерки о Йошкар-Оле и Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987а.

Патрушев В.С. К вопросу о культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров. Йошкар-Ола, 1987б.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989.

Патрушев В.С. Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые исследования по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола, 1990.

Патрушев В.С. Раскопки поселения Влкса 1 в Вологодской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. – начало II тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1992а.

Патрушев В.С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тысячелетие до н.э. Йошкар-Ола, 1994.

Патрушев В.С. Древняя одежда финноязычных народов России // Historia Fenno-Ugrica. T. 1:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae. Oulu, 1996.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Пономарев П.А. Ананьинский могильник // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 4.

Пишеничнюк А.Х. Отчет о полевых исследованиях в 1968 г. Уфа, 1969 // АИА. Р-1, № 3749.

Соловьев Б.С. О появлении «текстильной» керамики в Среднем Поволжье // АЭМК. 1995. Вып. 24.

Федоров-Давыдов Г.А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. 1965. № 3.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. 1962. Т. II.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халикова Е.А., Казаков Е.П. Тетюшский могильник // АО-1969. М., 1970.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008 (Археология евразийских степей. Вып. 5).

Patrushev V. Textile-impressed pottery in Russia // FA. T. IX. Helsinki, 1992.

Patrushev V. The Early history of the Finno-Ugric Peoples of European Russia // *Studia archaeologica Fenno-Ugrica*. T. I. Oulu, 2000.

Patrushev V. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region // *Dating and Chronology. The 12th Finnish-Russian archaeological symposium. «Fenno-Ugri et slavi 2002»* // *Museoviraston Arkeologian osaston julkaisu*, 10. Helsinki, 2004.

Рис.1. Вид с самолета на Ст. Ахмыловский могильник. 1969 г. Фото автора

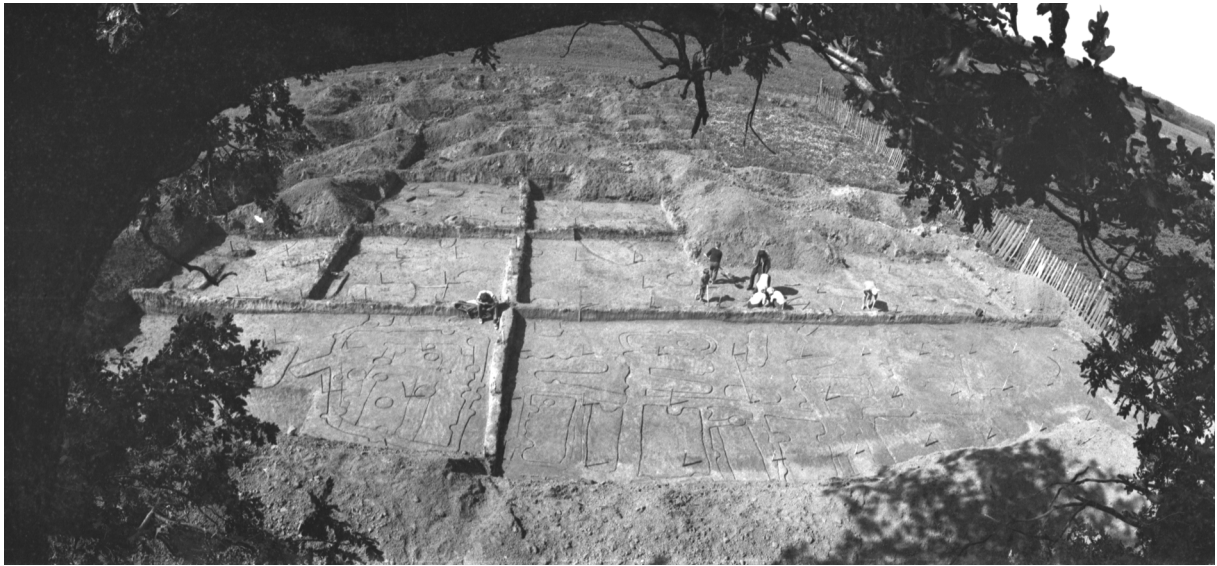

Рис.2. Общий вид раскопа Ст. Ахмыловского могильника 1974 г. Фото автора

Рис.3. Вид на «дом мертвых» второго типа Ст. Ахмыловского могильника. 1974 г. Фото автора

Рис.4. Бронзовые рукояти биметаллических кинжалов Ст. Ахмыловского (1, 3, 4) и Аозинского (2) могильников: 1 – п. 226а, 2 – п. 98, 3 – п. 704, 4 – п. 55

Рис.5. Вид на расчищенное погребение Пустоморквашинского могильника. 1979 г. Фото автора

Е.М. Черных

Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье

Открытие новых памятников ананьинского времени на северо-востоке Европы и продолжающееся изучение в Волго-Камье уже известных привели к значительному прорыву в источниковедении АКИО. Но они обусловили и качественно новое понимание генезиса и развития культуры (Кузьминых, 2006; Марков, 2007). По-новому переосмысливаются вопросы культурно-хронологической атрибуции компонентов культуры и ее отдельных памятников. Но при этом по-прежнему остро ощущается неполнота публикаций материалов раскопок реперных памятников АКИО, отсутствие общего типологического анализа характерных элементов культуры, разносторонней верификации принципов датирования памятников (Кузьминых, 2006).

В данной работе мне бы хотелось познакомиться специалистов с результатами более чем 10-летних раскопок Зуевключевского I городища, расположенного в пределах удмуртского течения р. Камы. Памятник известен достаточно давно, материалы нашли частичное освещение в научной литературе (Генинг, Ашихмина, 1984; Ашихмина, 1985; Ашихмина, Генинг, 1986; Голдина, 1999; Черных, 2004; Черных, Колобова, 2006; Черных, Цыгвинцева, 2006). Вместе с тем, характер проводившихся исследований, объем полученной информации (свыше сотни жилых и хозяйственных объектов, около 20000 фрагментов керамики, около 1000 предметов из цветного и черного металла, глины, кости и камня) позволяют сформулировать ряд выводов, важных не только для понимания данного отдельного памятника, но и для более широких территориально-хронологических явлений в Прикамье в I тыс. до н.э.

В «поле зрения» ученых-археологов городище попало в конце 60-х годов XX в. в связи со строительством Нижнекамского водохранилища. В 1970–72, 1975 гг. раскопки здесь проводились Уральской археологической экспедицией под руководством Р.Д. Голдиной, В.Ф. Генинга, Л.И. Ашихминой. Изученная площадь составила около 5000 м². Тогда же были определены особенности памятника, представляющего собой многослойный, сложно стратифицированный объект, включавший остатки стоянки луговской культуры позднего бронзового века, 52 разно-

временных захоронения, поселение раннего этапа ананьинской культуры, городище VI в. до н.э. – VI в. н.э., отдельные ямы середины II тыс. н.э. Керамические коллекции позднего бронзового и раннего железного веков в силу своей представительности и стратиграфической приуроченности послужили основой для выделения Л.И. Ашихминой двух стадий бытования раннеананьинской керамики – зуевключевской (VIII–VII вв. до н.э.) и каракулинской (VII–VI вв. до н.э.) (1985а. С. 11). Правомерность данной схемы была подвергнута критике в работах В.А. Иванова и В.Н. Маркова, предложивших омолодить керамику, украшенную сложноруровыми узорами, синхронизировав ее с могильниками типа Ананьинского и Зуевского (Иванов, 1982. С. 74–76; Марков, 2007. С. 54).

Не меньше споров вызывает и проблема перехода от ананьинской культуры к пьяноборской (чегандинской) в Нижнем Прикамье. Некоторые исследователи склонны усматривать хронологическую лауну между ними, апеллируя к неполноте и размытости погребальных комплексов III, II, I вв. до н.э. (Агеев, 1992. С. 104). Материалы долговременных поселений Прикамья с их выразительными культурными напластованиями при этом практически не используются.

Указанные моменты, наряду с субъективными причинами, повлекшими в 1980–1990-е гг. катастрофические разрушения древних поселений в зоне подтопления водохранилища, побудили нас вновь вернуться к исследованиям на Зуевключевском I городище. Акценты на новом этапе изучения памятника перенесены на комплексный характер исследований. Так, в течение 1998–2000 гг. при поддержке РГНФ и ФЦП «Интеграция» на городище был реализован междисциплинарный проект, в рамках которого апробировалось геофизическое «просвечивание», исследовались механические, химические свойства культурного слоя городища, использовались различные методики его разборки и фиксации артефактов (Сводный отчет..., 2000; 2001), получена колонка дат ¹⁴C*.

* Радиоуглеродные даты были получены в Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН под руководством Г.И. Зайцевой, которой я выражаю глубокую признательность.

Одновременно в радиусе 1,5 км от городища обследованы и изучены более 10 памятников раннего железного века, часть которых (городище и 3 селища) были раскопаны. Такой подход имеет принципиальное значение для понимания городищенского слоя, его формирования на протяжении всего периода функционирования поселения, а также позволяет ставить и решать вопросы, связанные с характером освоения целого археологического микрорайона (Карпушкина, Черных, 2007), системой хозяйствования и социальной структурой его населения.

Городище расположено на склоне южной экспозиции третьей надпойменной террасы правого берега р. Камы, между двумя крутосклонными логами глубиной 20–25 м. Они отчленяют мыс от коренного склона, обособляя стратегически выгодный участок для поселения площадью около 30 тыс. м². Раскопами на сегодняшний день изучено около 8000 м² (рис. 1). Для морфологии культурного слоя поселения присуща крайне высокая пестрота литологического состава. Почвы на территории памятника супесчаные, дерново-карбонатные, богатые гумусом, содержанием фосфора и калия, а также катионами железа, меди, марганца (Черных и др., 2002. С. 81–83). Толщина слоя на площадке заметно варьирует, что объясняется как высокой «энергией» рельефа, так и сложной исторической топографией самого памятника. Наибольшей мощности слой достигал у юго-восточного склона (2 м), наименьшая наблюдалась в центральной части площадки, примыкающей к валу (0,2–0,3 м). Такую же мощность имел слой поселения, примыкавшего к городищенскому валу с напольной стороны (Зуевключевское II селище).

Городище принадлежит к самому характерному для Прикамья типу мысовых одноплощадочных, но с некоторыми специфическими элементами фортификационного устройства. Со стороны поля городище прикрывалось валом дуговидной формы: северный его конец, ныне уничтоженный боковой эрозией, упирался в край оврага, по которому протекает ручей Гремячий; противоположный был изогнут к вершине южного лога и продолжался с постепенным понижением вдоль его склона на 60 м. Общая длина вала, по всей видимости, превышала 200 м. Кроме того, от северного конца вала, под углом к нему, отходил еще один вал высотой не более 0,5 м, отчленявший небольшую площадку подтреугольной формы шириной в основании около 60 м. Но остатки распаханного культурного слоя обнаружены и за пределами этого вала. Между двумя сохранившимися валами раскопками изучены ров с внешней стороны основного вала и на расстоянии 12 м к западу канава шириной 2–

3 м и глубиной 0,75 м, шедшая параллельно рву.

Конструкция основного вала исследована несколькими разрезами, выполненными Р.Д. Голдиной (1970 г.), И.Ю. Пастушенко (1992 г.) и автором (2002 г.). Стратиграфия напластований вала достаточно сложна и отражает поэтапный характер создания системы фортификаций (рис. 2, I, II). Разрезы вала показывают, что он перестраивался не менее 3–4 раз. Каждая последующая подсыпка фиксировала не просто его рост, но восстановление и обновление конструкций. В конечном итоге высота вала составляла 2,4–3,5 м, ширина – 8–15 м. С внутренней стороны склон вала был более пологий, снаружи – крутой, вплотную примыкавший к краю рва. Первоначальная ширина рва составляла около 4 м, глубина – 2 м. В таком виде ров сохранялся в ананьинское время, а в пьяноборскую эпоху он почти полностью «заплыл». Очевидно, ров не был простой канавой, на что косвенно указывают уступы в его стенке со стороны вала (рис. 2, III), а также следы бревен и столбовых ямок диаметром 10–20 см, располагавшихся у его внешней стенки. На дне рва обнаружены куски глиняной обмазки и плитки песчаника.

Первоначальный – самый ранний – вал был насыпан на древнюю поверхность, мощность погребенной почвы при этом составляла около 25 см. Ширина вала составляла 6–7 м. С внутренней стороны, спустя какое-то время, его укрепили деревянной стеной, от которой сохранились обугленные березовые бревна диаметром до 0,18 м. В разных разрезах отмечено от 4 до 6 рядов бревен-лежней. Образцы угля, взятые на анализ ¹⁴C, дали две близких даты (табл. 1). Их калибровка позволяет относить время строительства деревянной стены к концу V – первой половине IV в. до н.э.

Характер расположения бревен в завале позволяет говорить о стене, точнее о двух стенах, рубленых в виде заплота. Два ряда столбовых ям диаметром 10–19 см фиксировались в основании стены. Ряды располагались вдоль оси вала, расстояние между ними составляло 1 м. Сама стена сохранилась на высоту 0,4 м, а общая ширина бревенчатого завала составляла 2,25 м. Стена сгорела, но по каким-то причинам ее остатки не были удалены. Они оказались затянуты тонким слоем дерна, поверх которого вновь был насыпан слой песка – «ядро» второго вала. Склоны этого нового вала сильно прокалены как с внутренней, так и с внешней сторон.

Основной слой ананьинского городища – «зольно-пепельный» – начал формироваться, судя по его стратиграфической позиции, еще до начала строительства деревянной стены и про-

Таблица 1.

Список радиоуглеродных дат Зуевключевского I городища

№п/п образца	№ лаб.	дата ВР	калибров. дата		материал	объект
			1б	2б		
1	Ле-7013	2420±160	780-390	900-100	кость	захоронение из слоя 3
2	Ле-6493	2245±25	390-350	400-350	дерево, уголь	вал
3	Ле-6494	2280±30	400-360	410-350	дерево, уголь	вал
4	Ле-6740	1790±120	80-110	50-550	уголь	яма 33
5	Ле-6495	6120±35	5210-5000	5210-4940	почва с углем	ст. яма №666

должал накапливаться во время функционирования укреплений второго периода (рис. 2, I). Следы еще одного, более раннего настила выявлены в основании вала, под слоем погребенной почвы. Ширина настила достигала 2,1 м, основу его составляли тонкие плахи толщиной не более 8 см. Дату этой – самой ранней – стены определить не удалось. Как показывает вещевой и керамический комплекс, она могла быть выстроена как в самом начале железного века, так и в более раннее время – в финале эпохи бронзы.

К концу ананьинского периода вал оказался полностью заполнен городищенским слоем. Очередной пожар, уничтоживший поселок (об этом свидетельствует характерный цвет «кровли» зольно-пепельных слоев), по всей видимости, привел к недолговременному забрасыванию укреплений – свидетельством тому третья прослойка погребенной почвы толщиной 6–8 см.

Третий период модернизации вала связан уже с пьяноборской эпохой, когда его вновь досыпали песком и укрепили путем прокаливанию только внешнего склона. Спустя какое-то время гребень вала пришлось вновь наращивать. Для подсыпки на сей раз использовали культурный слой, внутренний склон вала укрепляли плотно утрамбованным слоем песка, подвергнутому очередному прокаливанию.

Самыми ранними объектами на площадке городища, по-видимому, являлись остатки стоянки и могильника эпохи бронзы. Слой Зуевключевской стоянки – светло-серая или светло-коричневая супесь с включениями древесных угольков – выявлен вдоль северного склона мыса, где изучены два жилых комплекса луговской культуры (рис. 3, I; 4). Исследователи стоянки подчеркивали ее кратковременность, неоднородность керамического материала, полученного из заполнения жилищных котлованов (Генинг, Ашихмина, 1984. С. 127, 134), одномоментную гибель поселка от пожара (Голдина, 1999. С. 153). Радиоуглеродная дата стоянки 3210±150 ВР (БашГИ-57) методом аналогий

была сужена до XIV–XIII вв. (Генинг, Ашихмина, 1984. С. 136, 137). К бронзовому веку, по-видимому, относится и часть погребений Зуевключевского могильника (№№ 1–23, 51, 52; рис. 5). Большинство могил имели в плане прямоугольную форму (0,9–2,4×0,4–0,9×0,2–0,5 м). Антропологические остатки обнаружены только в 4 могилах, но характер трупоположения установлен для трех случаев – в погребении 1 умерший был уложен вытянуто на спине, в погребениях 22 и 51 – на правом боку с согнутыми в коленях ногами (рис. 5, II–IV). Погребения размещались, по-видимому, тремя дисперсными группами в южной и юго-восточной зонах площадки будущего городища. В 18 погребениях не сохранилось вообще никаких вещей, в остальных – собраны кремневые скребки, отщепы, наконечники стрел, фрагменты сосуда, украшенного мелкозубчатым гребенчатым штампом, тигель и медный двулезвийный нож с ромбической пяткой черенка. Невыразительность наборов инвентаря не позволила исследователям придти к единству мнений относительно культурной атрибуции данного некрополя (Генинг, 1975. С. 220; Халиков, 1987. С. 136; Денисов и др., 1988. С. 56, 57).

Наиболее яркие, выразительные и многочисленные артефакты получены из слоев раннего железного века, прежде всего, периода функционирования укрепленного поселения (рис. 4, II, III). Представление о стратиграфии городища раннего железного века можно получить из профиля, снятого на раскопе XVIII в северной части площадки (рис. 6). В свите культурных слоев городища довольно четко выделяются два горизонта (верхний и нижний). В северной части городища формирование их шло без какого-либо разрыва, а вот на южных участках еще раскопками В.Ф. Генинга была выявлена прослойка светлого «стерильного» песка мощностью 0,2–0,3 м. Любопытно, что аналогичная ситуация была отмечена на Дьяковом городище, где исследователи пришли к заключению об искусственном происхождении данного слоя, появление

которого носило какой-то «санитарно-ритуальный смысл» (Кренке, 2004. С. 176, 177). На Зуевоключевском I городище светлый песок без находок перекрывал слой позднего периода АКИО и, что особенно важно для понимания его происхождения, именно в той части поселения, где были изучены многочисленные культовые объекты, обусловленные религиозной деятельностью поздних ананьинцев.

Нижний горизонт культурного слоя городища, как уже говорилось выше, связан с ананьинской эпохой. Он составлен рыхлыми, скрытослоистыми по текстуре, супесчаными слоями, насыщенными золой и пеплом различных оттенков от светло-серого до темно-бурого (слой № 3), с включениями древесных угольков и обломков обожженной глины. Слой имеет толщину в среднем 0,2–0,3 м и залегает в интервале глубин 20–60 см. «Зольно-пепельные» слои, в свою очередь, лежат на гумусовом горизонте, мощностью 6–10 см, представляющем собой темно-серую с бурым оттенком мелкокомковатую супесь (слой № 6) с многочисленными древесными угольками и обломками керамики из вышележащего слоя. Это «погребенная почва», сформировавшаяся на светло-сером песке мелко- и среднезернистой структуры. Замечено, что данный слой сформировался не повсеместно, а отдельными линзами. На ряде участков погребенная почва выглядела иначе, как тонкая (до 5 см) прослойка пылеватой бесструктурной темно-серой супеси, имевшей скрыто-горизонтальную слоистость, с крайне неровной подошвой и заметным переходом кровли (слой № 16). В этом слое находки не встречаются. Вероятнее всего, освоение территории городища происходило неравномерно, в разные временные интервалы и с различной интенсивностью. Наиболее ранним является участок площадью около 1000 м², в северной части площадки (раскопы X, XIV), где в гумусовом слое и углистой прослойке, перекрывавшей его и котлованы жилищ эпохи поздней бронзы, изучены остатки трех раннеананьинских сооружений (рис. 7), а также отдельных ям и очагов (Ашихмина, Генинг, 1986. С. 54–57). Еще несколько ям и очагов, приуроченных к погребенной почве, были изучены локально вблизи северной оконечности вала (Черных, 2006. С. 24. Рис. 98, 99) и на южных участках мысовой площадки (Черных, 2005. С. 35. Рис. 154). Это позволяет считать, что границы раннеананьинского поселка не ограничивались северной зоной городища. Дата этого первоначального ананьинского поселения была предложена Л.И. Ашихминой в пределах VIII–VII вв. до н.э. на основании сравнительной типологии керамики среднекамских поселений переходного вре-

мени от бронзы к раннему железному веку (1985. С. 62; 1985а. С. 11).

В слое № 6 и в ранних сооружениях найдена керамика, изготовленная в разных культурных традициях. Первую группу составляют горшковидные сосуды с вертикальной горловиной и выпуклым туловом, украшенные по шейке оттисками мелкогребенчатого штампа, или вдавлениями вытянуто-приостренной формы, напоминающими резные линии (рис. 8, 5, 9, 11), всегда сопровождаемыми пояском глубоких ямок с «жемчужинами» на внутренней стороне. Вторую группу составляют горшки или чаши, орнаментированные пышными шнуровыми узорами (рис. 8, 3) из горизонтальных линий, решетки, ромбов и глубоких же ямочных вдавлений, оставивших на внутренней поверхности горла «жемчужины». Обе описанных группы керамики хорошо известны по материалам территориально близкой к Зуевым Ключам Быргындинской стоянки (Ашихмина, Генинг, 1977), Бирскому (Васильев, Горбунов, 1975) поселению и ряду нижнекамских городищ (основной слой Гремячего Ключа, Сорочьи Горы). Время бытования ананьинской (постмаклашеевской) посуды (группа 1) определяется VIII–VI вв. (Марков, 2007. С. 52). Керамику, украшенную сложношнуровыми узорами (группа 2), исследователи склонны считать более поздней, появившейся на Белой и Нижней Каме не ранее VI в. до н.э., о чем уже говорилось выше. Безоговорочно согласиться с этим утверждением мешают условия залегания сложношнуровой керамики в зуевоключевских жилищах совместно с быргындинской (постмаклашеевской) (Ашихмина, 1975. С. 3, 4, рис. 9, 20). Обращает на себя внимание и то, что аналогичная ситуация прослеживается в Прикамье повсеместно на тех памятниках, где встречены обе группы посуды (поселения Зуевоключевское II, Усть-Нечкинское, Партизанское II, Дербешкинское). Сложношнуровые узоры характерны здесь не только для слабопрофилированных горшковидных сосудов, но и для посуды, имеющей типично маклашеевскую форму (раздутое тулово, цилиндрическое горло с изломом при переходе к плечу, иногда с валиком в средней части).

Датирующих находок в слое погребенной почвы практически нет. Исключение составляет кремневый наконечник стрелы листовидной формы с усеченным основанием, обработанный двусторонней ретушью (рис. 8, 4). Близкие аналогии ему известны в погребальных комплексах Маклашеевского могильника (Збруева, 1952. Табл. I, 5), на Луговской II и Быргындинской стоянках (Халиков, 1980. Табл. 36, 7; Ашихмина, Генинг, 1977. Рис. 12, 14). Правда, в коллек-

ции 1970-х годов* имеются беспаспортные находки, дата которых может быть определена с известной осторожностью раннеананьинским периодом. Это бронзовая серьга с заходящими друг за друга концами (рис. 8, 2), типологически близкая подобным изделиям из маклашеевских и раннеананьинских могильников Среднего Поволжья и Усть-Камья (Халиков, 1980. С. 101, рис. 174, 175), роговой предмет с круглым сквозным отверстием и двумя высверлинами на концах (рис. 8, 6), напоминающий псалии из раннекочевнических наборов VIII–VII вв. до н.э. (Медведская, 2005. Рис. 2), а также круглая бляшка с гофрированной поверхностью (рис. 8, 1), близкие аналогии которой известны в Старшем Ахмыловском могильнике (Патрушев, 1984. Рис. 12, 18; 16). Попытку продатировать «почву» с помощью радиоуглеродного метода следует признать неудачной. Полученная по ^{14}C дата (Ле-6495) оказалась близкой к неолитическому времени, что, очевидно, может отражать средний возраст всей органики слоя, накапливавшегося длительное время. Поэтому, определяя возраст раннеананьинского слоя Зуевкочевского I городища, приходится по-прежнему отталкиваться от датировок вышележащих зольно-пепельных слоев.

Эти слои встречены повсеместно, определены как переходные, своего рода «горизонт вымывания» (Сводный..., 2000. С. 18, 19). Они составляли основу нижнего горизонта культурного слоя городища, вмещавшего многочисленные остатки жилых, хозяйственных и культовых объектов, а также весьма представительные серии вещей и керамики, хорошо коррелируемые с радиоуглеродной датировкой. Последняя документирована, помимо уже описанных образцов древесины из оборонительной стены, датами, полученными по костям длинных конечностей человека, захоронение которого изучено в верхней части зольного слоя (табл. 1). Эта дата соответствует интервалу 2420 ± 160 лет от наших дней. На ее основе получены две калиброванные даты – 780 BC–390 BC (одна сигма, вероятность 68%) и 900 BC–100 BC (две сигмы, вероятность 95%).

Следы построек в слое фиксировались по характерным подсыпкам полов и слою разрушения в виде темной супеси плотной текстуры с галькой (слой № 11) или темно-серовато-бурой с многочисленными обломками обожженной глины, костей и строительного камня (слой № 21), сопровождаемых мощными очаговыми линзами (рис. 6). При этом зачастую жилища

устраивались на одном и том же месте. Наибольшей интенсивностью и плотностью застройки отличалась северо-западная часть площадки городища. Планиграфический анализ и наблюдения за стратиграфией строительных остатков позволили вычленивать внутри позднеананьинского слоя два последовательных горизонта. К нижнему горизонту отнесены сооружения и находки, лежавшие на глубине 40–60 см от современной поверхности, к верхнему – на глубине 25–45 см. Предварительно удалось наметить три строительных яруса, один – для нижнего горизонта и два (2 и 3-й яруса) для верхнего (рис. 9), в рамках которых можно обозначить отдельные случаи перестроек жилищ.

Относительная хронология построек устанавливается по фактам их взаимного перекрытия, особенностям планировки, керамическим и вещевым наборам. В нижнем горизонте зольного слоя застройка может быть охарактеризована как разреженная, изученные дома вписывались в ряды, идущие с СЗ на ЮВ. Можно выделить не менее трех рядов (в северной части городища). Расстояние между рядами 15–18 м. В пределах одного ряда постройки ставились без определенного порядка, иногда под прямым углом, так что торцевая стена одного была обращена к длинной стене другого (постройки V и Па, IX и XXVI). В ряде жилых сооружений северо-западного сектора городища были выявлены материалы, связанные с косторезным производством и металлообработкой.

Характер застройки городища в верхнем горизонте ананьинского слоя, отличается заметным усложнением архитектурно-пространственной среды. В сферу повседневной деятельности вовлекаются центральные участки площадки, активнее застраивается южный сектор укрепленной территории. Второй строительный ярус верхнего горизонта ананьинского слоя образован сооружениями, большая часть которых ориентирована торцами стен с СВ на ЮЗ. В северо-западном секторе городища в размещении ряда построек наблюдается кучевой (гнездовой) характер. Дома №№ II, XII, XIV, XVII, XXIV, XXV и XXIX располагались как бы полукругом, на расстоянии 4–6 м друг от друга. В центральном и южном секторах площадки установить тип застройки вообще не представляется возможным. Здесь размещались одиночные жилые строения.

Дома верхнего (3-го) строительного яруса верхнего горизонта размещались рядами, вытянутыми по линии СВ-ЮЗ (рис. 9), довольно плотно друг к другу (на расстоянии 1–4 м). Визуально определяется 5–6 рядов такой застройки, где дома ориентированы торцовыми стенками СЗ-

* В настоящее время передана на хранение в Национальный музей УР им. К. Герда.

ЮВ. В северной части городища выделены четыре ряда, в юго-восточной – еще два. Расстояние между рядами сократилось до 8–14 м. Характерная черта верхнего горизонта ананьинского слоя – появление многочисленных жертвенников. Намеренно оформленные площадки с выкладками из костей диких и домашних животных (главным образом, медведь, лошадь) зафиксированы на разных участках городища, как в жилых постройках, так и вне их.

В южной части городища формируется святилище с центральным культовым зданием, в центре поселения размещался обширный производственный комплекс, предназначенный для обработки металлов. Следует особо подчеркнуть, что религиозная и производственная практика поздних ананьинцев отличались значительным многообразием. Среди культовых артефактов, в частности, можно назвать захоронения младенцев в домах (4 случая), многочисленные площадки-жертвенники (Черных, 2001. С. 148), антропоморфную глиняную скульптуру (более 40 экз.; рис. 10, 7).

Зольные слои, наиболее насыщенные остатками жизнедеятельности, могут быть датированы традиционно археологическим методом по значительной серии вещей. Среди них: медные втульчатые наконечники стрел, трехлопастные, трехгранные (типы С-34, С-40, С-50, по классификации С.В. Кузьминых (1983); рис. 10, 1, 2) железные ножи с «горбатой» спинкой (рис. 10, 11, 12), бронзовые бляшки (рис. 10, 8), подвески (рис. 10, 10), перстень (рис. 10, 6), глиняные и каменные пряслица с геометрическими и растительными орнаментами (рис. 10, 3), резные рукояти (рис. 10, 4, 5), лопатки-тупики (рис. 9, 15) из кости и рога с зооморфными мотивами, железный стержневидный двудырчатый псалий (рис. 10, 18). Время бытования данного весьма выразительного комплекса укладывается главным образом в рамки V–III вв. до н.э., что подтверждается и керамическими формами, типичными для каменноложской и ныргындинской стадий (рис. 11–13), охарактеризованных Л.И. Ашихминой (1985а. С. 10, 11). Верхняя граница ананьинского слоя определяется медной S-овидной (или восьмерковидной) серьгой (рис. 10, 9), хорошо известной по погребальным комплексам Уфимского могильника (Збруева, 1952. С. 80; Овсянников, Яминов, 2003. С. 22), а также из курганов Среднего Дона IV в. до н.э. (Савченко, 2005. С. 457). Украшение было втиснуто в подсыпку пола жилища XIII, перекрытого глиняной вымосткой более поздней пьяноборской постройки.

Спорной остается хронологическая позиция небольшого могильника (22 погребения), занимавшего восточную окраину мыса. Остатки

некрополя выявлены в виде двух локализованных групп (рис. 3, II; 14, I, II). Могильные ямы фиксировались, судя по полевым отчетам 1972 г., сразу под слоем пахоты, в слое № 11. Небольшая глубина ям (15–25 см) объясняет сильную разрушенность антропологических остатков. Костяки сохранились в 15 случаях, что позволяет установить позицию погребенных, уложенных в большинстве случаев (12 раз) вытянуто на спине, головой на З, или СЗ, ногами к реке (рис. 14, III, IV). Это типичная черта ананьинского погребального обряда (Збруева, 1952. С. 115; Халиков, 1977. С. 97; Коренюк, 2000. С. 69; Чижевский, 2002. С. 20). Невыразительный погребальный инвентарь был выявлен в 8 могилах. Это сосуды, бронзовый трехлопастной наконечник стрелы, обломки медных изделий неопределенной формы. Судя по планиграфии и стратиграфии городища, захоронения правильнее было бы датировать ранее V в. Такой вывод следует из более ранней в свите позднеананьинских слоев стратиграфической позиции слоя № 11, а также из соображений санитарно-гигиенических. В V–IV вв. жилыми и хозяйственными объектами поселка был занят уже весь мыс (рис. 3, III), и устройство кладбища рядом с ними было бы нецелесообразным. К тому же на рубеже VI–V в. уже функционировал Зуевский могильник в 1,5 км к северу от городища; связь между этими двумя памятниками мне представляется наиболее вероятной.

Отложения верхнего, пьяноборского, слоя городища представлены слоем № 2 – темносерой крупнозернистой супесью с включениями угольков, золы и кусочков обожженной глины, сохранившимся локально в северной и южной частях площадки, а также слоем разрушения – пахотой, толщина которой составляет 20–25 см. Лучше всего слой № 2 сохранился в северной части городища, где в нем выявлены остатки жилых, хозяйственных и производственных сооружений раннепьяноборского (чегандинского) периода.

По вещевому инвентарю и керамике пьяноборский период городищенского слоя был датирован II в. до н.э. – V в. н.э. Среди наиболее ранних – овально-рамчатая застужка с неподвижным крючком (рис. 15, 1), датируемая по южным аналогиям II–I вв. до н.э., многовитковые железные перстни (рис. 15, 5, 7), полихромная бусина I–III вв. н.э. (рис. 15, 6), накладка караабызского типа (рис. 15, 12) с асимметричным изображением головок баранов (грифонов?). Для данного комплекса имеется и радиоуглеродная дата, полученная по образцу угля из производственной ямы № 33, – 1790±BP (табл. 1).

Достаточно представительна серия вещей мазунинского типа III–V вв. Это, прежде всего, фибулы – бабочковидная и бантиковидная (рис. 15, 13, 14), кольцевая сьюльгама с загнутыми в трубицу концами, железная ложечковидная подвеска (рис. 15, 10), характерные для мазунинских костюмных наборов IV–V вв. н.э. (Останина, 1997. С. 103–109). Позднюю дату городищенского слоя определяют полая литая подвеска-уточка (рис. 15, 2) и подвеска-бубенчик (рис. 15, 4) на перевитом стержне, что с очевидностью указывает на продолжение жизни на городище по меньшей мере до VI–VII вв. н.э.

В силу разрушенности верхнего слоя информации о структурной организации поселения значительно меньше. Отмечены единичные жилые объекты (№ XV) с глиняными вымостками полов, а также отдельные ямы и очаги. Толщина глиняных полов составляла 5–12 см. По этим остаткам, очень фрагментированным, сооружения предстают как наземные, размерами 40–50 м², с очагами на глиняной же основе с каменной обкладкой и ямами в интерьере. С жилыми площадками связаны многочисленные находки фрагментов керамики и глиняных «хлебцев»-«лепешек» (рис. 15, 9). Посуда – слабопрофилированные короткошейные чаши и горшки, с невыразительной прямой или слабоотогнутой наружу, или вогнутой внутрь гладкой горловиной. В приемах украшения керамики абсолютно господствующими становятся ямочные вдавления круглой, ромбической, треугольной формы. По верхнему срезу горла отмечаются пальцевые зацепы или насечки (рис. 16).

В размещении объектов пьяноборского слоя на территории городища нетрудно заметить следование архитектурно-планировочным традициям позднеананьинского периода. Прослеживается и преемственность в функциональном зонировании поселения. Обратим внимание, что в пьяноборскую эпоху был в последний раз модернизирован вал – помимо укрепления его склонов, на вершине была устроена стена в виде частокола (рис. 2, II). Но, тем не менее, в сферу деятельности обитателей городища втягивается территория, прилегающая к валу с напольной стороны, – Зуевключевское II селище, куда была вынесена часть производственных объектов, связанных с металлообработкой.

Последний период в функционировании памятника связан с серединой – второй половиной II тыс. н.э. Слои этого времени сохранились в ряде ям, изученных достаточно компактной группой в южной части площадки, что позволяет связывать их с русской усадьбой, владельцы которой оставили после себя весьма информативные артефакты – коса, проушные топоры, замки и ключи, ножи,

удила. Авторы раскопок В.Ф. Генинг и Л.И. Ашихмина датировали комплекс XVI–XVII вв. Л.Д. Макаров не исключает возможность более ранней датировки (2001. С. 32).

В северо-восточной зоне площадки городища (рис. 3, IV) выявлены 5 захоронений этого же времени (погр. 31, 41, 43–45), в неглубоких прямоугольных ямах, ориентированных на ЮЗ-СВ. Рядом с костяками, в двух могилах были найдены бронзовые (перстень, подвески) и железные вещи. Н.И. Шутова отнесла могильник к числу позднеудмуртских XVII–XVIII вв. (1992. С. 255), Л.Д. Макаров атрибутировал как русское кладбище XIV–XVI вв. (2003. С. 193).

В заключение мне бы хотелось добавить одну существенную для опыта исследования многослойного городища деталь, а именно: сотрудничество в рамках комплексного проекта с учеными, представляющими естественные науки. Апробация геофизических методов для изучения планировки городища оказалась вполне перспективной (Журбин, 2004. С. 88–92). Исследование слоя неразрушающим методом, дополненное изучением его химических, геоморфологических характеристик, археозоологическим и палинологическим анализом, оказалось весьма плодотворным, и этот опыт, безусловно, следует продолжить.

Литература

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской АССР. Ижевск, 1976 // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 30.
- Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье: Препринт. Сыктывкар, 1985а.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
- Васильев И.Б., Горбунов В.С. Бирское поселение // СА. 1975. № 3.
- Генинг В.Ф. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Древнейшие памятники истории Евразии. М., 1975.
- Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И. Зуево-Ключевская стоянка // Археолого-этнографические

аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск, 2004.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Карпушкина О.А., Черных Е.М. Новые данные о системе расселения в Удмуртском Прикамье на рубеже новой эры // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П.Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК. М., 2000 (ТГИМ. Вып. 122).

Кренке Н.А. Дьяково городище: методы исследований (по материалам раскопок 1981–1987 гг.) // Восточная Европа в средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004.

Кузьминых С.В. Metallургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С.В. Финал бронзового и ранний железный век севера Европейской России // II Северный Археологический конгресс: Доклады. Ханты-Мансийск, 2006.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007.

Медведская И.Н. Сялк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.

Савченко Е.Н. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.

Сводный отчет по проекту №СО146 «Естественно-научные методы в археологии: комплексный подход к исследованию многослойных памятников Прикамья». Ижевск, 2000 // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 377.

Сводный отчет по проекту №СО146 «Естественно-научные методы в археологии: комплексный подход к исследованию многослойных памятников Прикамья». Ижевск, 2001 // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 378.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. В1-24.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987.

Черных Е.М. Культурные комплексы Зуевоключевского I городища в Среднем Прикамье // XV Уральское археологическое совещание: ТД МНК. Оренбург, 2001.

Черных Е.М. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск, 2004.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР (Зуевоключевское I городище). Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 435.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Зуевоключевского I городища в Каракулинском районе УР летом 2005 г. Ижевск, 2006 // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 455.

Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев А.В. Использование междисциплинарного подхода к изучению многослойных археологических памятников в Удмуртском Прикамье: предварительные итоги исследования // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

Черных Е.М., Колобова Т.А. Глиняные фигурки Зуево-Ключевского городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. 2006. № 4.

Черных Е.М., Цыгвинцева Т.А. Каменные диски с Зуевоключевского I городища // Юж-

ный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ана-

ньинская культурно-исторические области): АКД. М., 2002.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. Ижевск, 1992.

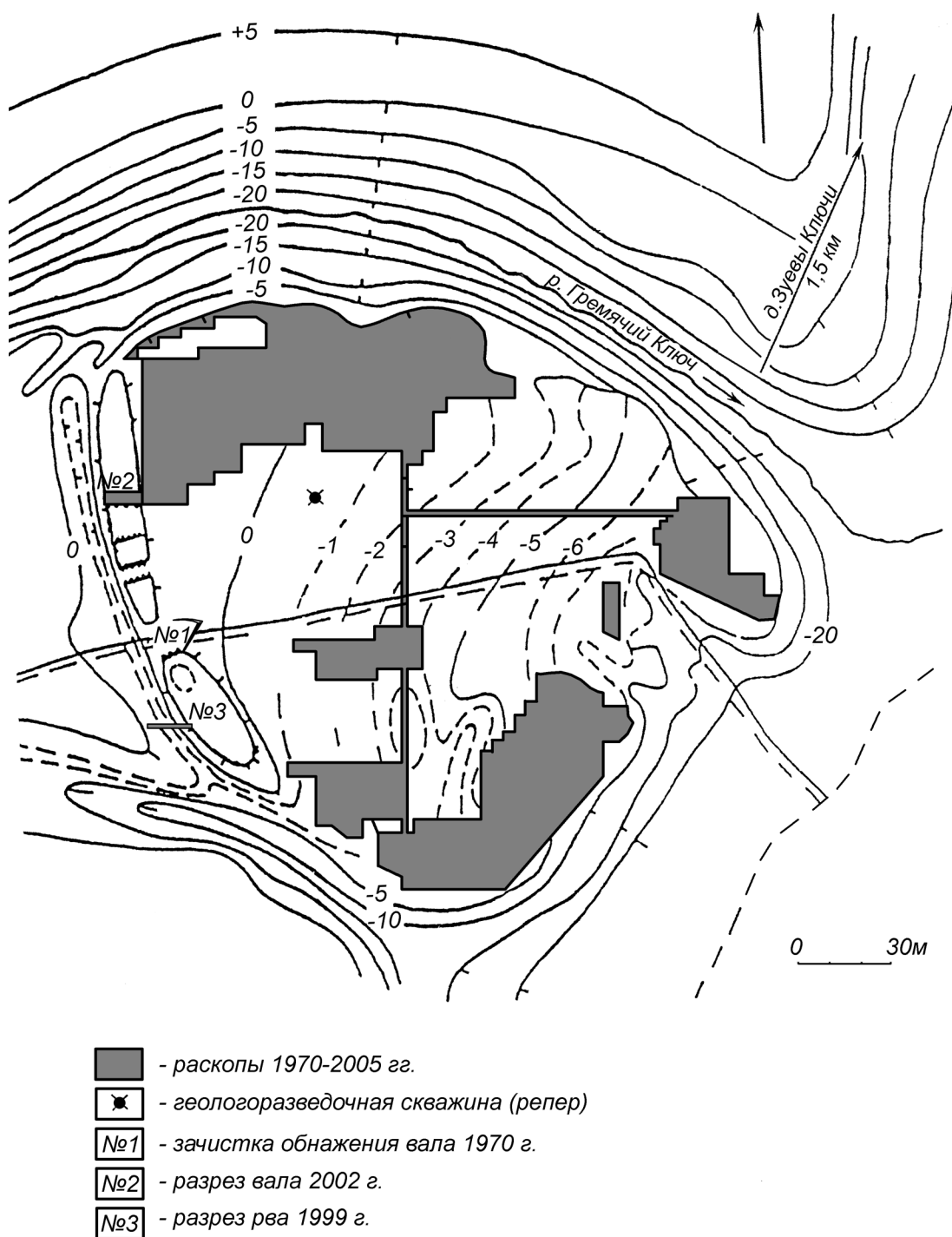

Рис.1. Зуевоключевское I городище. Топографический план (в основе – инструментальная съемка В.Ф. Генинга 1971 г.)

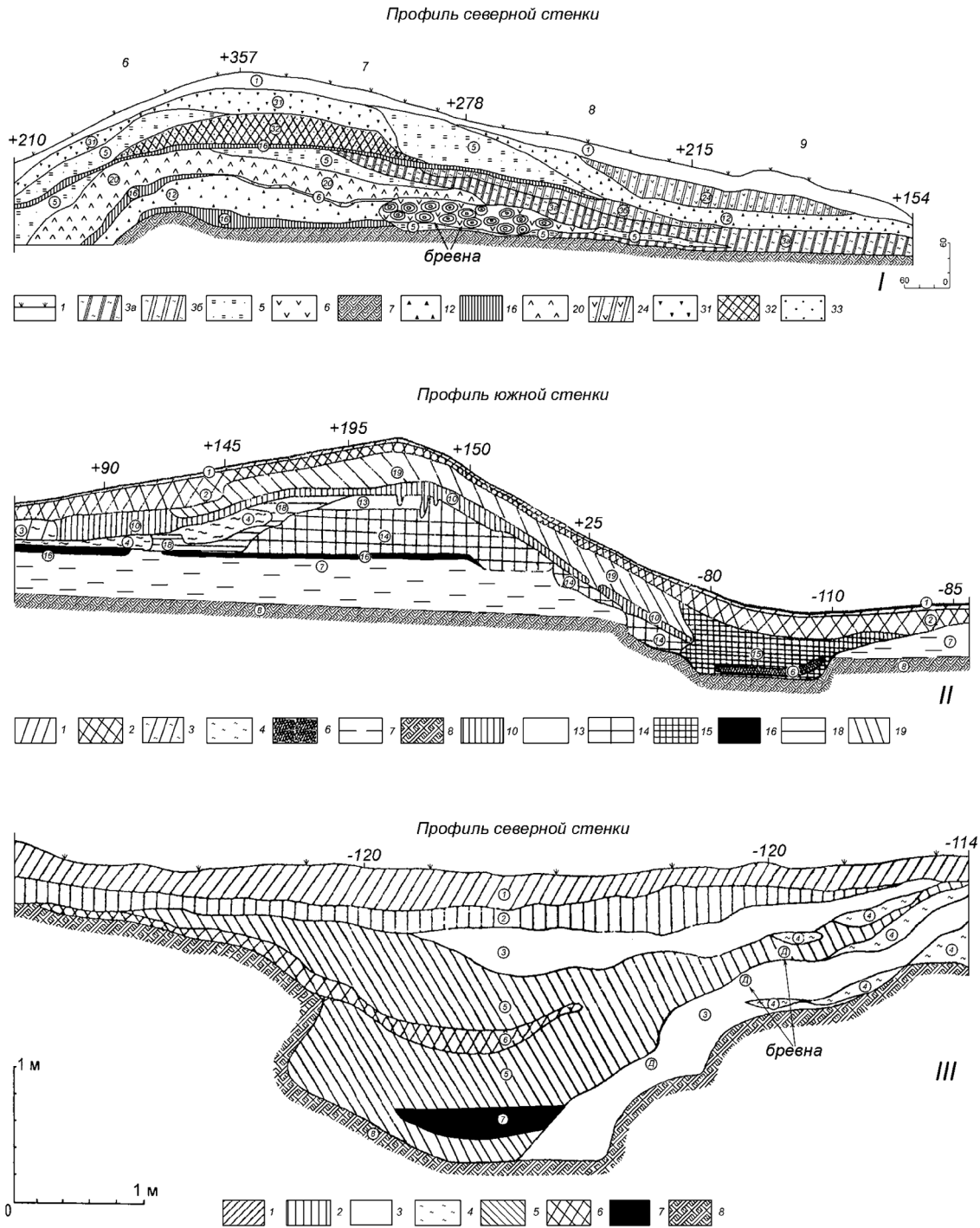

Рис.2. Зуевключевское I городище. Разрезы вала и рва: I – в раскопе 2002 г. (1 – дерн, пахота; 3а, 3б – рыхлый зольно-пепельный слой темно-серого и оранжевого цветов; 5 – прокаленный песок; ба – уголь; 7 – светлый песок, подстилающий слой; 12 – светло-серая супесь, рыхлая, с кусочками глиняной обмазки; 16 – погребенная почва; 20 – светлый песок без находок; 24 – темно-коричневая супесь с углем, золой и глиняной обмазкой; 31 – темно-коричневый гумусированный слой с галькой; 32 – песок серого цвета; 33 – темная мелкокомковатая супесь с меловыми включениями); II – зачистка обнажения вала 1970 г. (1 – дерн; 2 – гумусированная супесь; 3 – зольно-пепельный слой; 4 – зола; 6 – уголь; 7 – серый песок, подстилающий слой; 8 – ярко-оранжевая глина; 10 – темно-серый галечниковый слой; 13 – глина; 14 – пестроцвет со значительной примесью песка; 15 – пестроцвет со значительной примесью гумуса; 16 – погребенная почва; 18 – галечник светло-серого цвета; 19 – пестроцвет со значительной примесью глины); III – в раскопе 1999 г. (1 – дерн, пахота; 2 – светло-серая супесь с находками обмазки и керамики; 3 – красновато-коричневая супесь с находками обмазки и керамики; 4 – серая золистая супесь; 5 – темно-серая гумусированная супесь, культурный слой Зуевключевского II поселения; 6 – погребенная почва; 7 – углистый слой; 8 – светло-коричневый песок, подстилающий слой)

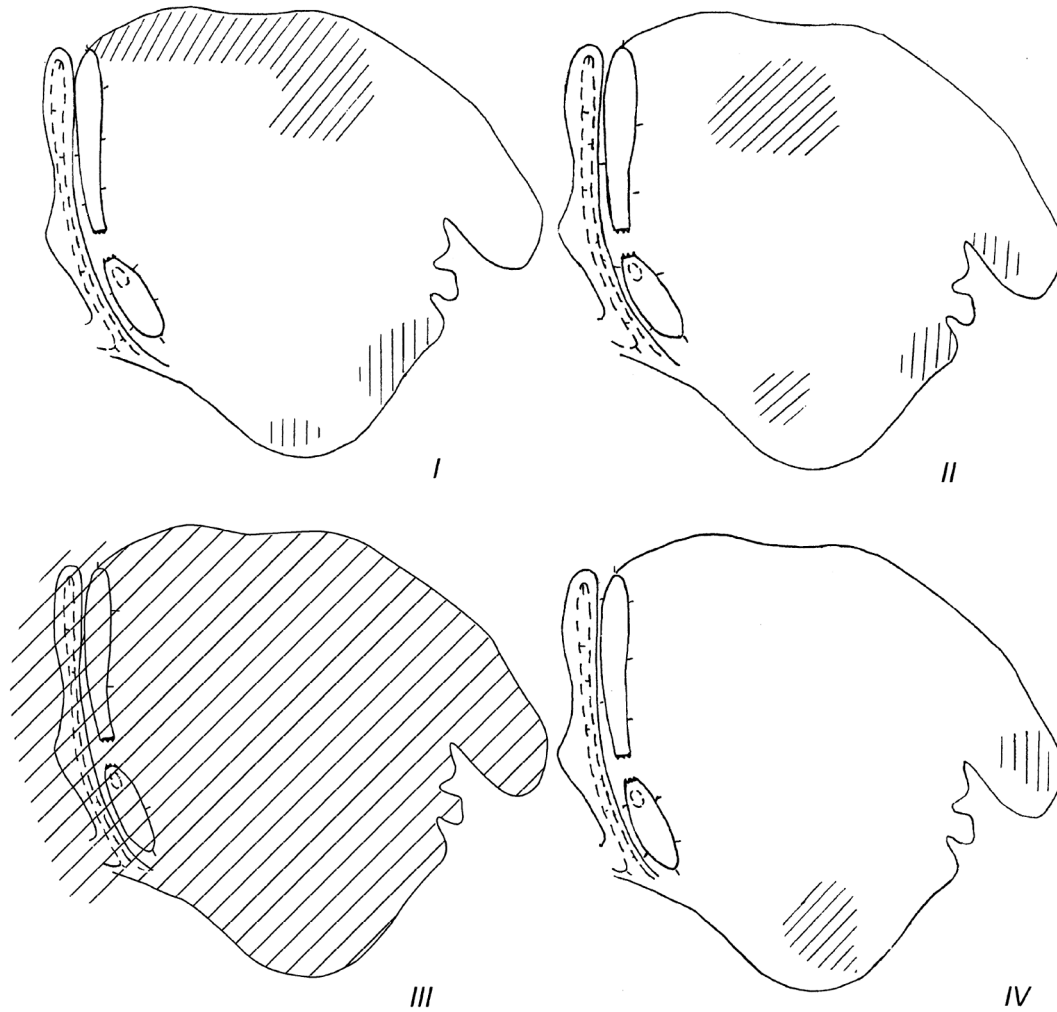

Рис.3. Зуевключевское I городище. Схема распространения поселенческого слоя и могильников на площадке городища: I – эпоха бронзы; II – раннеананьинское время; III – городищенские слои; V – III вв. до н.э.

1 - поселение
2 - могильник

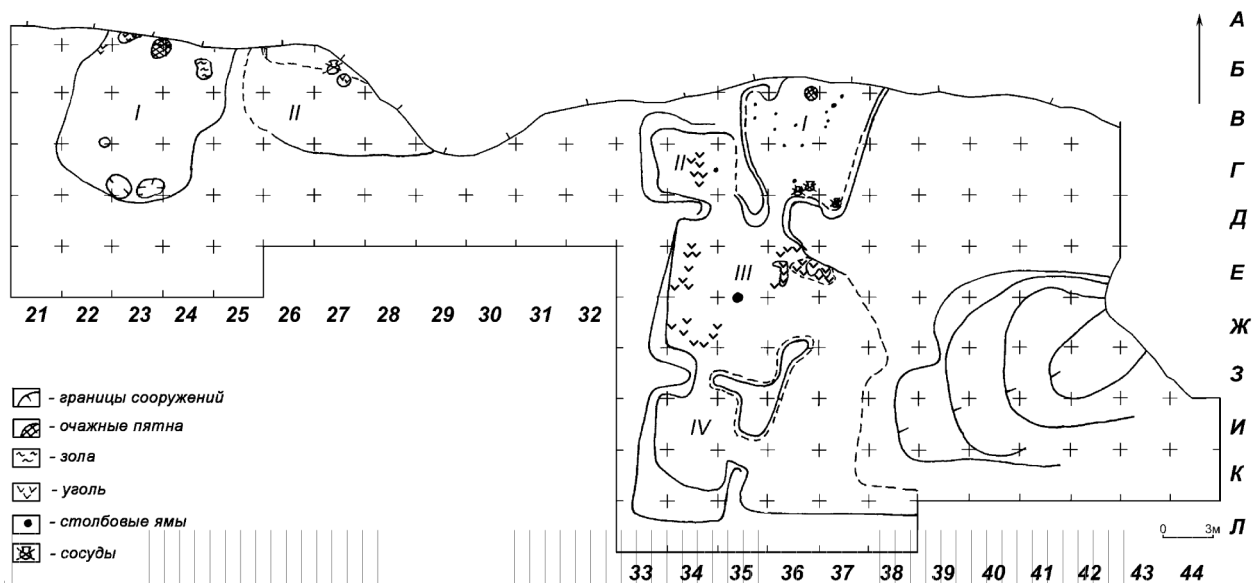

Рис.4. План остатков Зуевключевской стоянки позднего бронзового века (по В.Ф. Генингу и Л.И. Ашихминой)

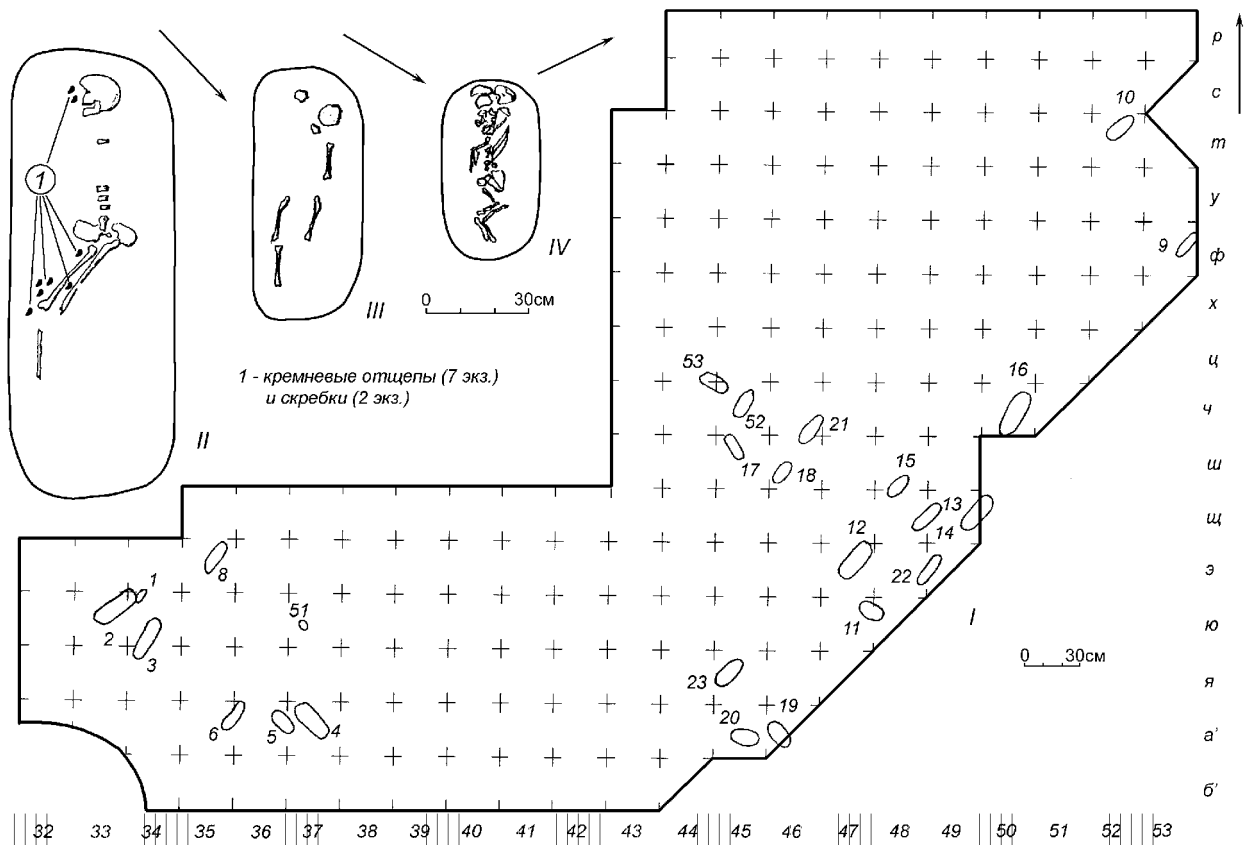

Рис.5. Зуевоключевской могильник эпохи бронзы (по В.Ф. Генингу): I – план; II – погр. 22; III – погр. 1; IV – погр. 51

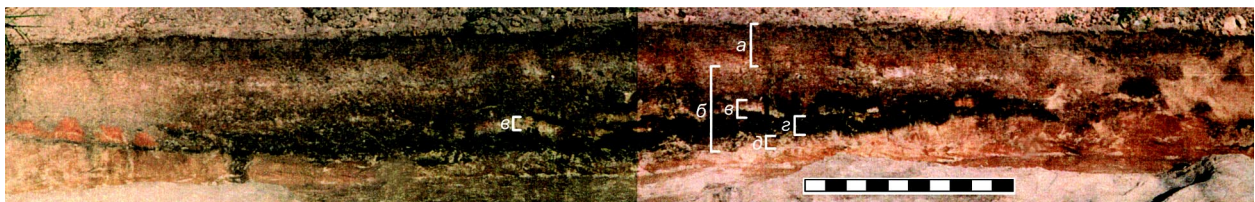

Рис.6. Зуевоключевское I городище. Стратиграфический разрез в северной части городища. Западный борт раскопа XVIII 1999 г.: а – верхний горизонт слоя с остатками глинобитного пола чегандинского жилища XV в основании; б – нижний горизонт культурного слоя; в – очажные прослойки (№№ 5, 5а) в жилище XIII; г – углистый слой (№ 6а) в основании жилища XIII; д – погребенная почва (№ 16)

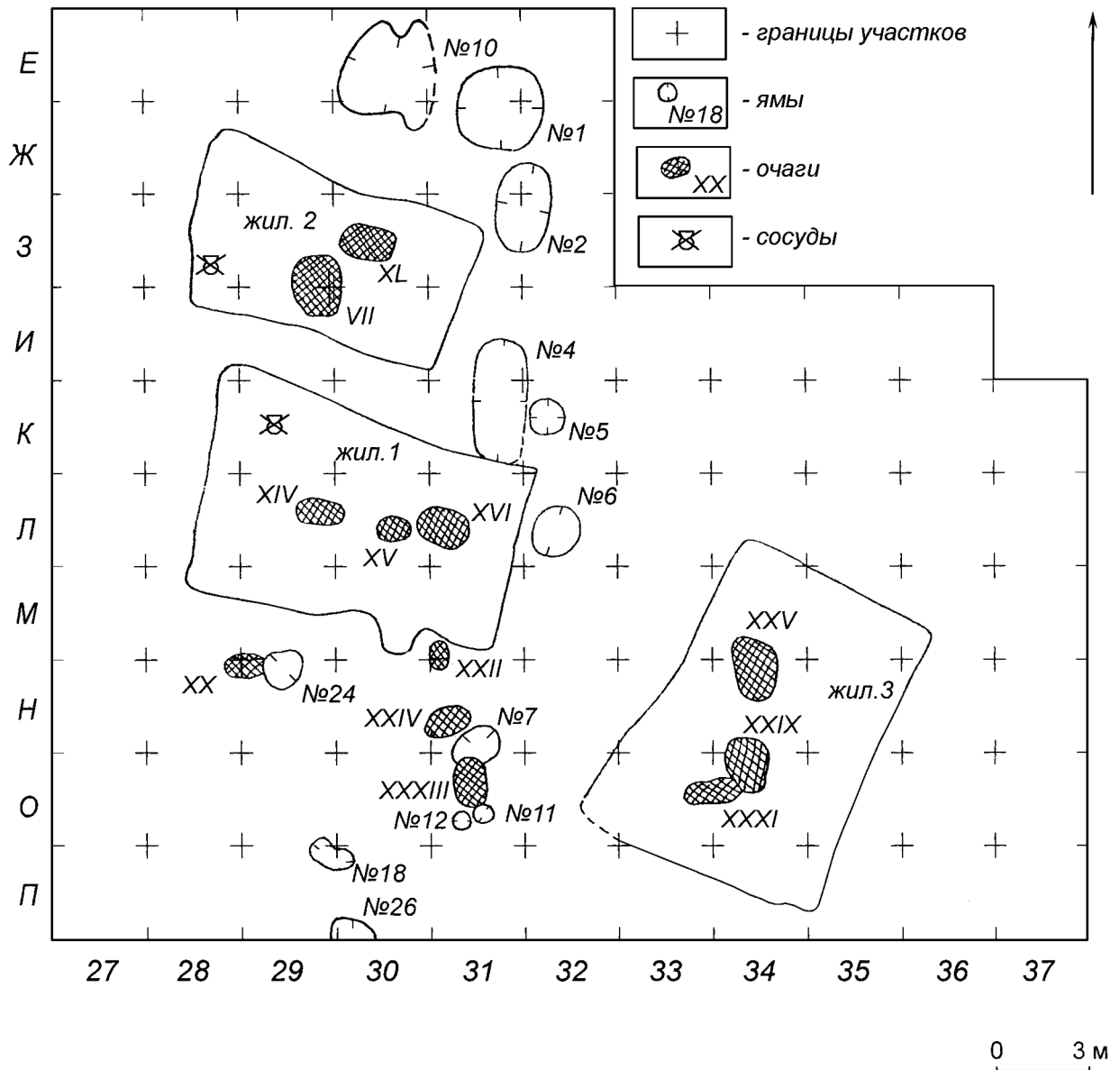

Рис.7. Зуевключевское I городище. План раннеананьинского поселения (по Л.И. Ашихминой)

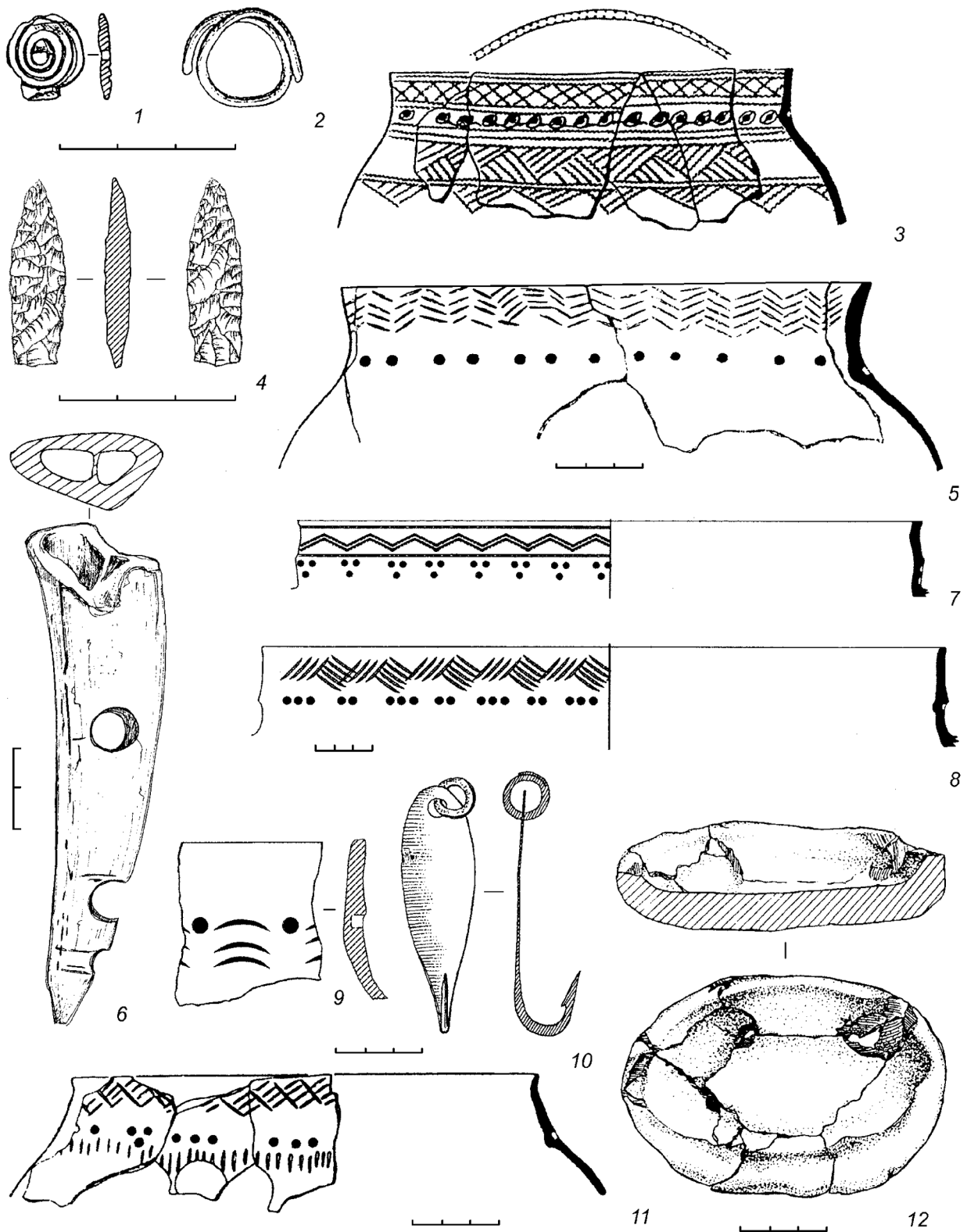

Рис.8. Зуевключевское I городище. Керамика и вещевой инвентарь стоянки (7, 8, 12) из погребенной почвы (3–5, 9, 11) и депаспортизированные находки раннеананьинского времени (1, 2, 6, 10)

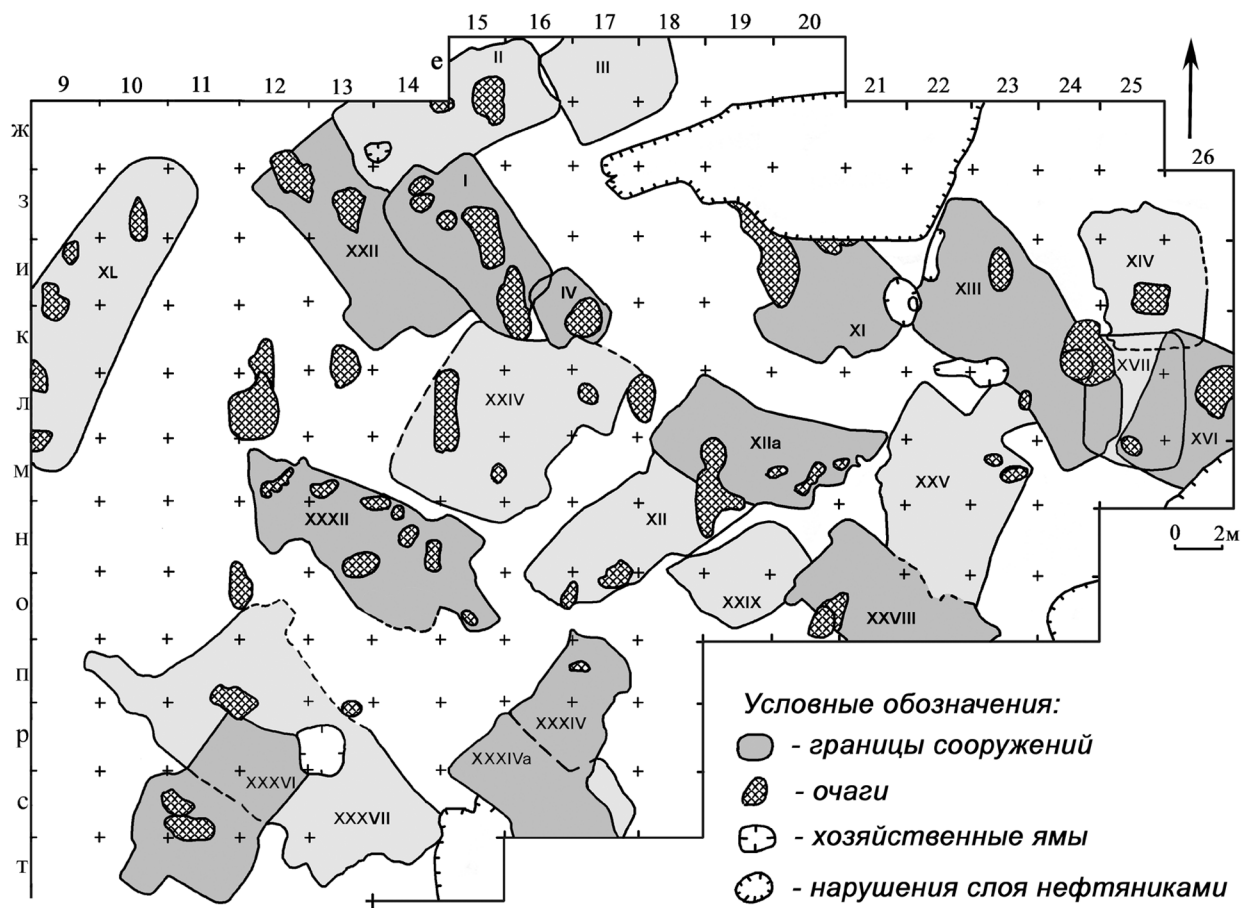

Рис.9. Зувовключевское I городище. План верхнего горизонта ананьинского слоя в северо-западной части городища (фрагмент раскопа)

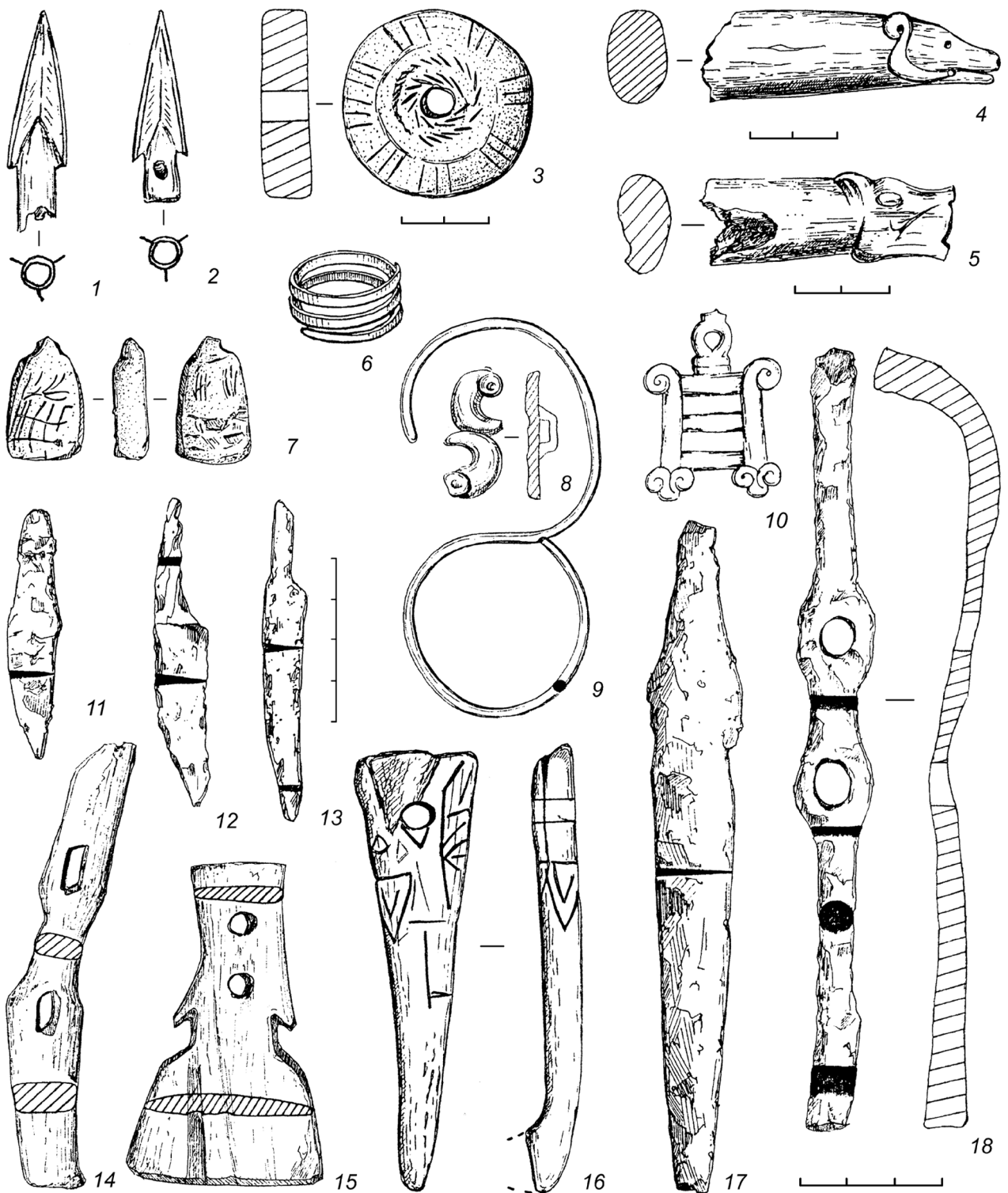

Рис.10. Зуевключевское I городище. Вещевой инвентарь из ананьинского слоя: 1, 2, 6, 8-10 – бронза, медь; 3, 7 – глина; 4, 5, 14-16 – кость; остальное – железо

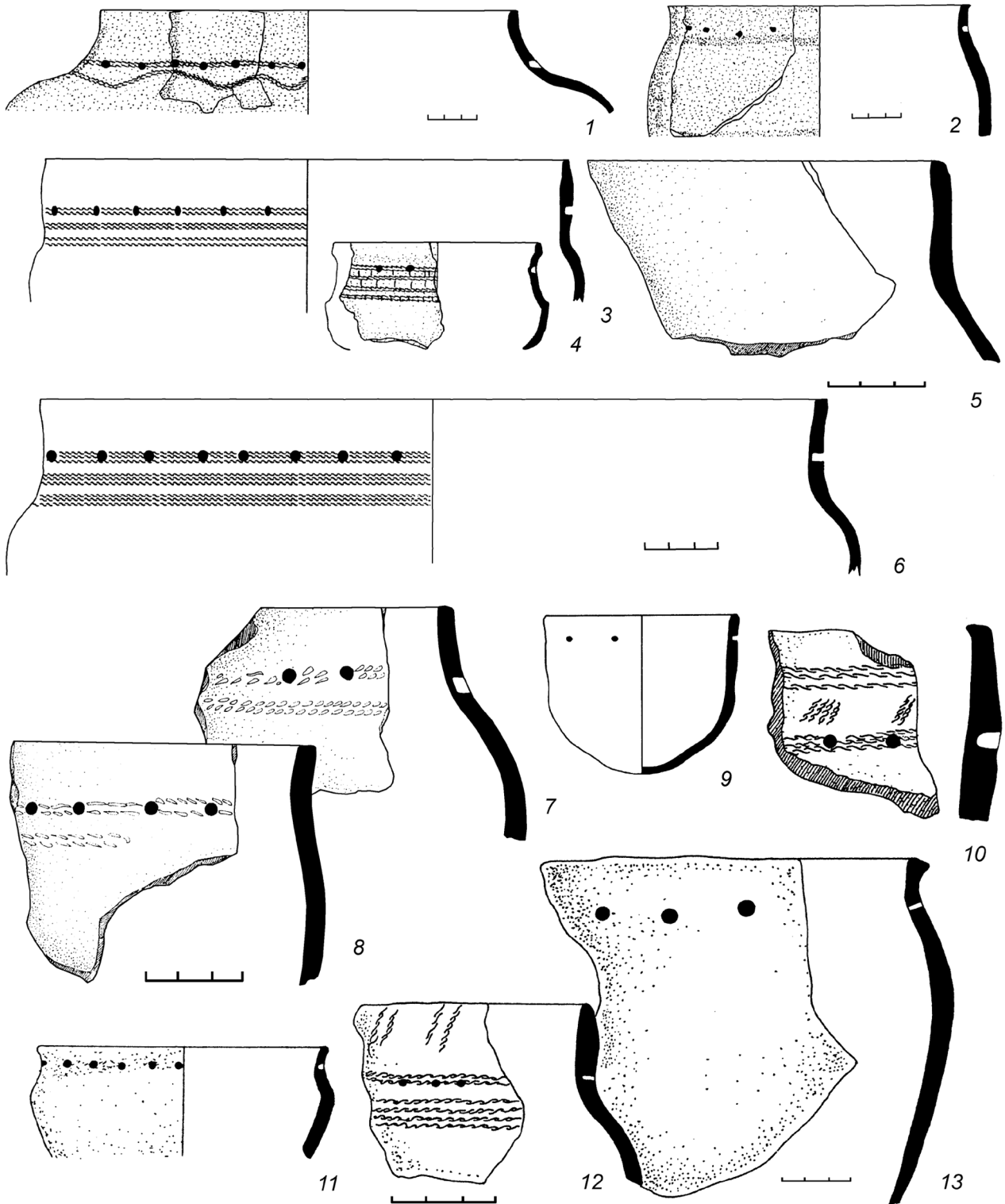

Рис.11. Зуевключевское I городище. Керамика из сооружений нижнего горизонта ананьинского слоя: 1 – V; 2 – XXX; 3, 5–9 – XXIII; 4, 6, 12 – VII; 10 – XVIII; 11 – X; 13 – IX

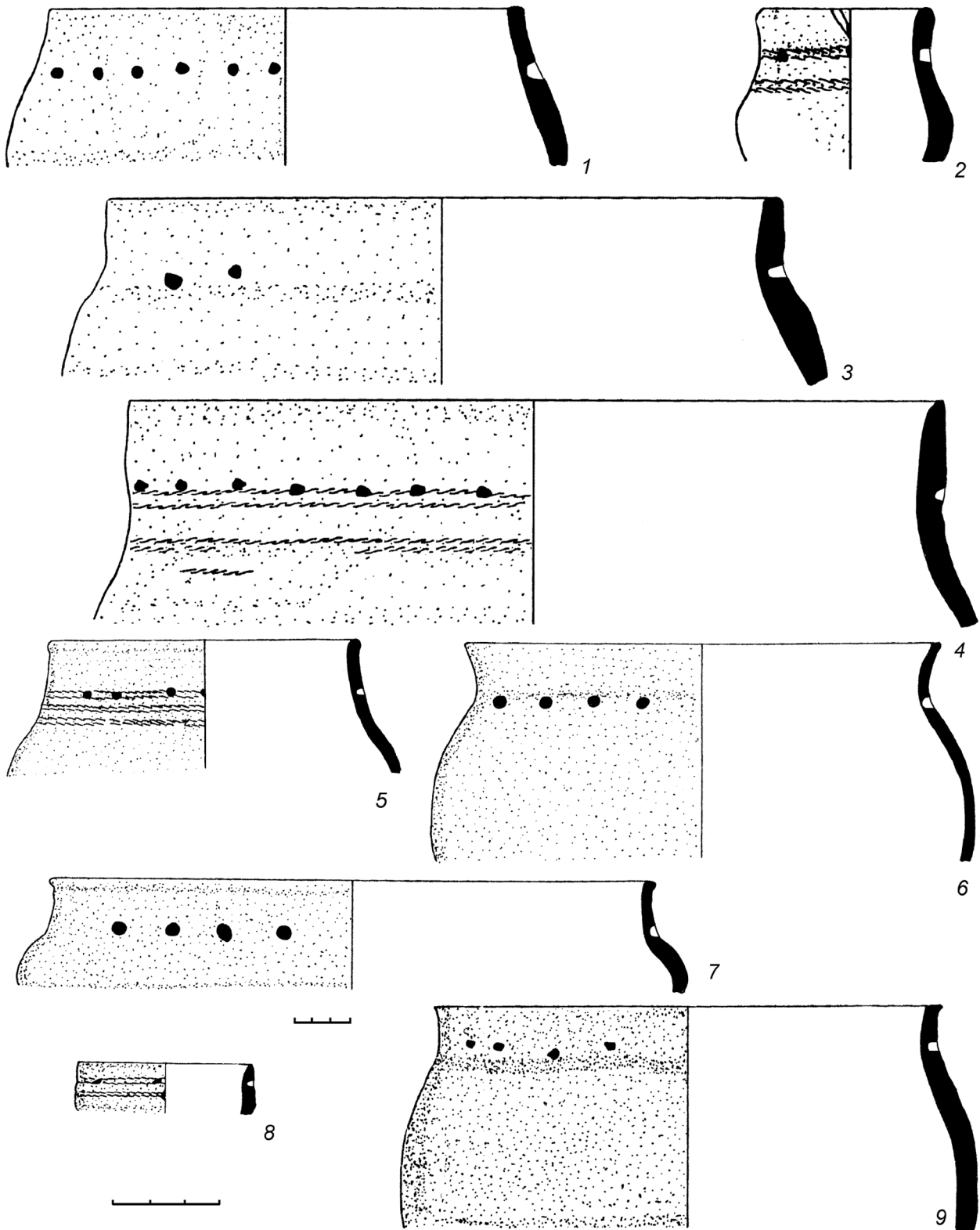

Рис.12. Зуевключевское I городище. Керамика из ананьинских жилищ нижнего яруса верхнего горизонта: 1-4 – XXXVII; 5 – XIV; 6, 7 – XVII; 8, 9 – XXX

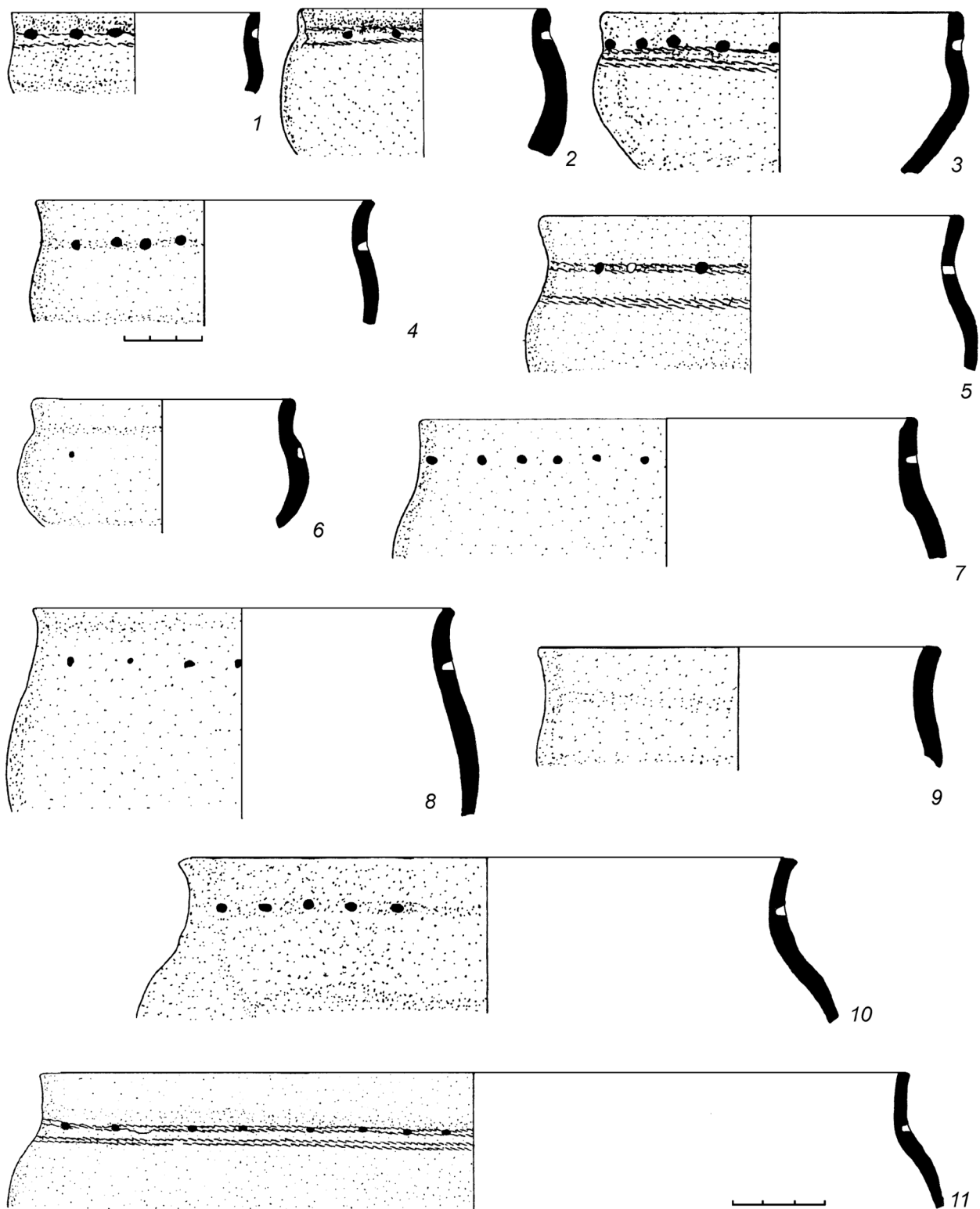

Рис.13. Зуевключевское I городище. Керамика из ананьинских сооружений верхнего яруса: 1, 3, 9, 10 – XXXI; 2 – XXXIV; 4-8 – XIII; 11 – XX

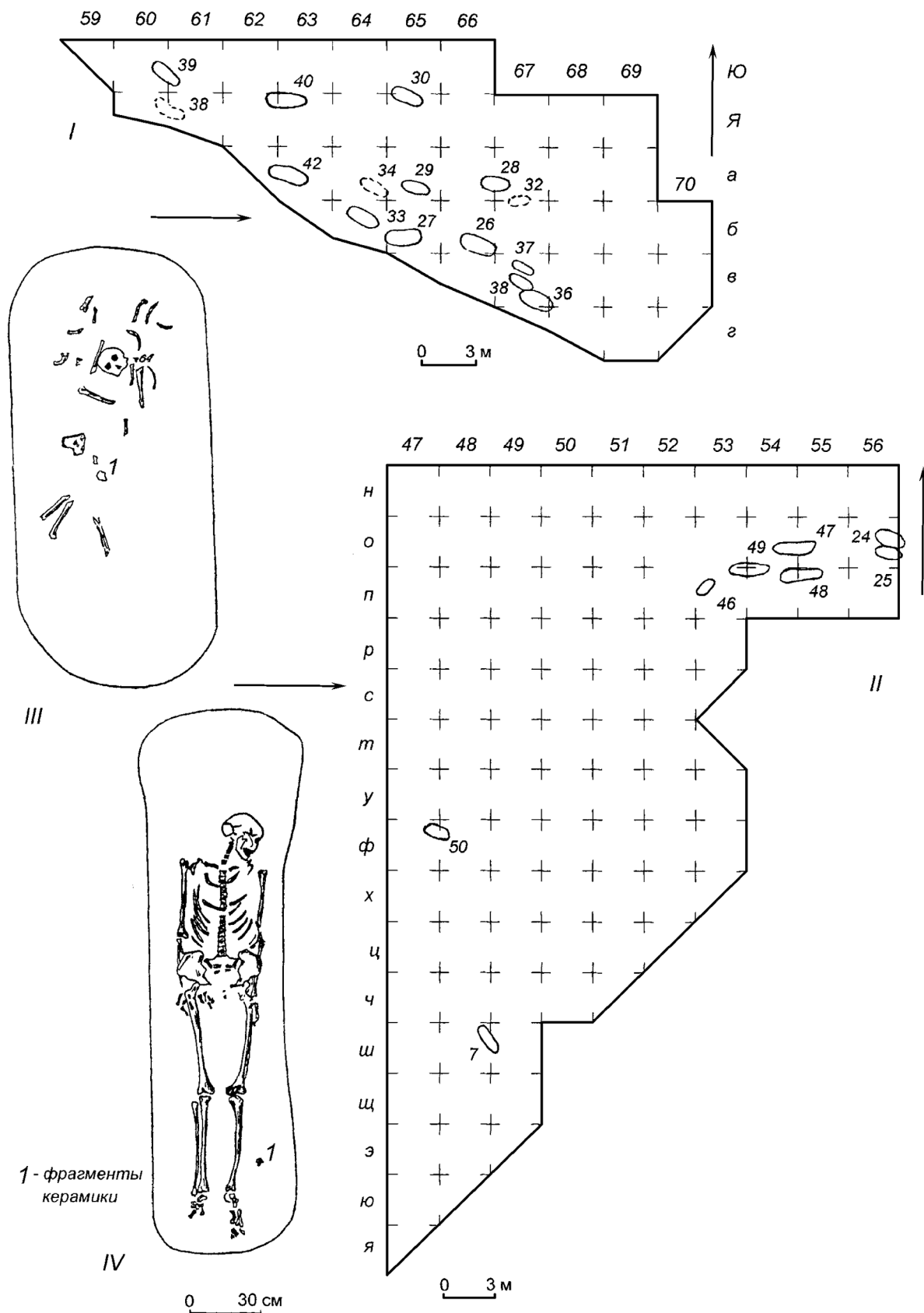

Рис.14. Погребения раннего железного века на площадке городища: I – план раскопа XI; II – план раскопов VIII, IX, XIII; III – погр. 27; IV – погр. 48

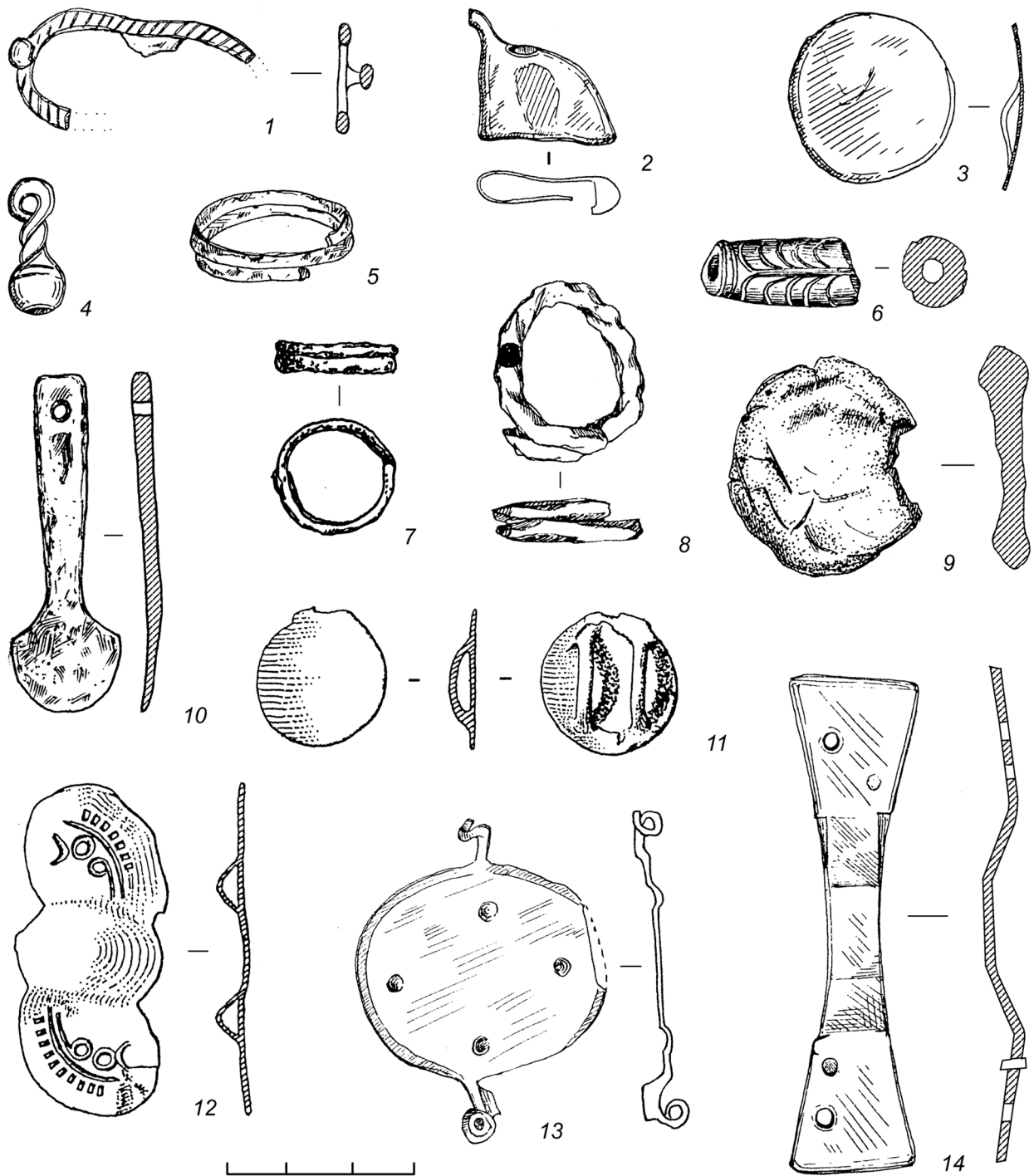

Рис.15. Зувовключевское I городище. Вещевой инвентарь пьяноборской эпохи: 1-4, 11-14 – медь, бронза; 5, 7, 8, 10 – железо; 6 – стекло; 9 – глина

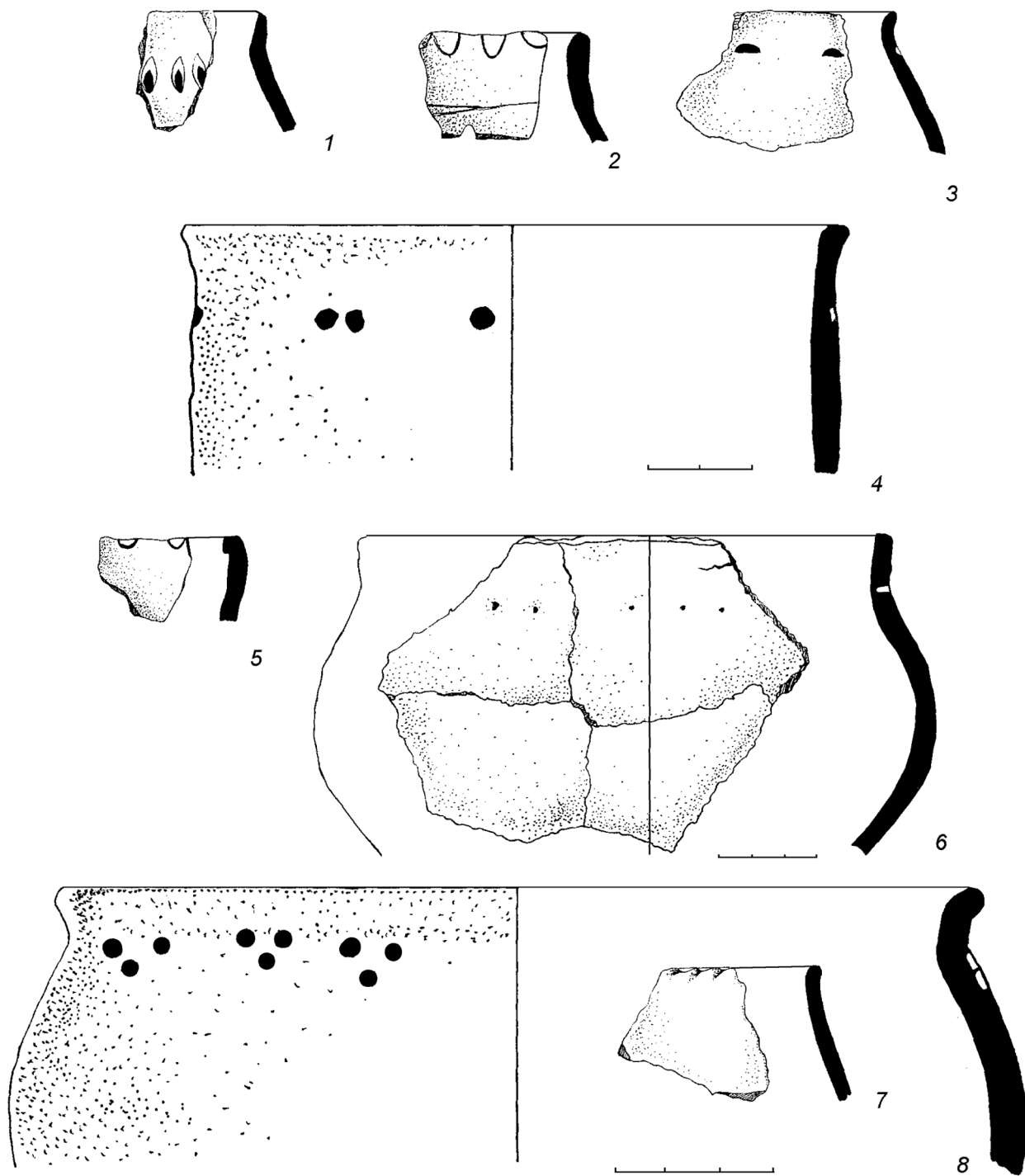

Рис.16. Зувовключевское I городище. Чегандинско-мазунинская керамика

В.П. Мокрушин

Изучение городища Ермаши на территории г. Перми

В 2002 г. Камской археологической экспедиции осуществлялись неотложные аварийно-спасательные изыскания на территории г. Перми (1599 м²). Работы производились в 2 км к северо-востоку от пос. Осенцы на коренном правом берегу р. Пыж, левого притока р. Верхняя Мулянка, где более 10 лет тому назад автором, при участии А.Н. Лепихина, было выявлено городище Ермаши. Треугольную в плане (150×100 м) площадку памятника, через которую проложена целая сеть промышленных подземных коммуникаций, ограничивают с двух сторон резкие естественные понижения рельефа, в настоящий момент частично засыпанные в процессе хозяйственной деятельности. Вся окружающая местность кардинально преобразована, а оборонительные сооружения уничтожены и ныне никак не фиксируются. На конце мысовидного выступа, занятого в древности укрепленным поселением, в самом высоком пункте во всей округе (более 38 м над рекой) установлена триангуляционная вышка. В 12–15 м к северу от нее протянулась полоса строительного отвода шириной до 24 м, где уже был частично снят растительный слой, сгруженный к югу, в вал 3-метровой высоты.

Первоначально предстояло убрать темно-бурый наброс, образовавшийся в результате работы техники на всех южных секторах раскопа и вмещавший помимо галек древние культурные остатки (в основном раннего железного века), попавшие сюда из интенсивно гумусированной однородной довольно плотной пахоты, изобиловавшей археологическими материалами. Разборка переотложенных наслоений, а также тщательный осмотр места разрушений дали значительное количество изделий.

Наиболее интересны медные предметы: 3 круглые выпуклые бляшки с ушками из широкой плоской полосы, а также витая конусовидная височная подвеска, очень сильно окислившаяся и, к сожалению, без петельки. Отметим также трехлопастные наконечники стрел с небольшими боковыми отверстиями: крупный, базовый, с хорошо выраженными шипами; и мелкий, с выступающей втулкой. Штампованная уздечная накладка с парой прямоугольных прорезей в центре, круглое в сечении литое овальное кольцо и накладка из тонкой пластины, несомненно, датируются уже XVII–XIX вв. (Рис. 1, 3).

Железные вещи частью относятся к периоду русской колонизации (обломок серпа, накладка от двери), частью – к более раннему времени. Среди последних – штырек и два ножа. Один из них маленький, целый, с горбатой спинкой, другой – крупный, с отломанным клинком. У первого черешок узкий, с округлым утолщением на конце, у второго широкий пластинчатый, расширяющийся к лезвию (Рис. 1, 4, 5).

Помимо серебряной копейки XVII в., следует упомянуть 2 круглые стеклянные бусины: уплощенную с торцов (6×8 мм) и синюю, с глазками такого же цвета в белой окантовке.

В числе предметов из кости доминируют небольшие наконечники стрел (целые и обломки), обычно со слабо выраженными короткими черешками, в том числе один миниатюрный, возможно, игрушечный (Рис. 1, 1). Привлекает внимание крупный крючок из коровьей лопатки (от второго уцелел лишь мелкий обломок). Он, вероятнее всего, применялся не для рыболовства, как предполагала А.В. Збруева, а для подвешивания к поясу колчана. Треугольная задняя пластина изделия с двумя крупными отверстиями, судя по всему, прочно крепилась к кожаному ремню. Интересны также амулеты из фаланг животных (медведь?), мелкие и крупные, с дырочками для подвешивания; просверленные с торца путовые кости жеребят (Рис. 1, 6); боковые зубцы острог; дротик с округло-ромбическим пером, незаметно переходящим в длинный трапециевидный в сечении черешок, обломанный на конце; штампы из копыта теленка и из рассеченного вдоль ребра (Рис. 2, 4); двудырчатые псалии: изогнутая, вырезанная из ребра животного или с изображением головы медведя на конце; накладки на лук – в виде лодочки и подпрямоугольная, с подрезанными противолежащими углами; ромбический по форме насад гарпуна; втулка, орнаментированная по краю горизонтальной елочкой; расколовшаяся вдоль рукоять со сверлиной; суставы животных, фрагмент лощила (?) и орудие из широкого плоского ребра, все со сквозными отверстиями.

Имеются предметы из рога. Помимо массивного обрубка отметим пряжку в форме высокой трапеции, имевшую две узкие овальные прорези для ремней. Особенно интересно орудие, представляющее собой круглую, рассеченную пополам муфту высотой 33 мм, несущую

по периметру нерегулярную зубчатую нарезку. Ее внешний диаметр 39, а внутренний – 18 мм. От изделия под углом 70–80 градусов к его вертикальной оси отходит заостренный на конце, овальный в сечении прямой кленовидный отросток длиной 56 мм.

Из глины произведены литейная форма (?), сохранившаяся в виде небольшого фрагмента; пряслица; прямоугольник с обломанными концами, скругленными ребрами и примесью дресвы в тесте; льячка-ложечка с носиком для слива расплавленного металла. Из того же материала вылеплены культовые фигурки. Две из них напоминают колбаски или фаллосы, а одна – цилиндр со слегка утолщенным основанием и несложным узором, составленным из ряда мелких круглых ямочек и неглубокой прочерченной полосы под ними. Но наибольший интерес вызывают антропоморфные статуэтки (большая и две маленькие) с отбитыми руками, в длинном халате, закрывающем ноги, с деталями одежды, не всегда нам понятными. У первой показаны прямоугольный фартук и ожерелье (либо гривна) на шее. Имеется шлемовидная голова (Рис. 1, 2). У второй она отсутствует, зато есть защитная рубаха с нашитыми на грудь круглыми пластинами (?) и пояс со свисающими кожаными ремешками. Третья статуэтка имеет дуговидные налесты на груди и спине, а от четвертой уцелел лишь осколок, украшенной миниатюрными кружковыми оттисками, парой прочерченных линий и поясом вертикальных нарезок между ними.

В составе коллекции есть также орудия из кварцито-песчаника. Для двух из них, судя по всему, постарались подобрать фрагменты галек необходимой формы, образовавшиеся естественным путем. Их употребляли после минимальной подправки рабочих кромок. Оба предмета изготовлены из тонких краевых отщепов, покрытых довольно сильной патиной. У тесла (39×65 мм) имелся характерный сужающийся обушок. Его слегка скошенное лезвие было чуть выпуклым, а у крупного (63×76 мм) подтрапецевидного в плане скребла оно оказалось прямым.

Имеются еще 2 почти одинаковых долота длиной 60 и 62 мм (Рис. 1, 7, 8). Их округлые, немного скошенные режущие кромки не превышали в ширину 30, а противоположные концы – 20 мм. Первое орудие сделано из случайного скола; его рубящий край пришлось лишь слегка подретушировать с одной стороны. В качестве заготовки для второго использовали шлифованное тесло из серого кремнистого сланца, видимо, сломавшееся и впоследствии тщательно оббитое, чтобы придать ему нужные очертания.

Из плоской овально-удлиненной заготовки (12×60×106 мм) сделано двухконечное рубящее орудие, узкие (2–3 см) лезвия которого оказались подретушированными с обеих сторон.

Кроме мелкого отщепа из голубого кремня, отметим предметы из валунного камня и массивных галек: подпрямоугольную терочную плиту, расколотую пополам, терочник и дисковидный предмет со сбитым краем. Из мягкого серого камня выточено пряслице, украшенное по краю неаккуратно прочерченной многолучевой звездой.

На восточном склоне городища, где визуально хорошо просматривался обширный провал диаметром не менее 5 и глубиной более 0,5 м исследована шахтная штольня. Ее функционирование, несомненно, связано с поставками руды для Егосихинского и Мотовилихинского медеплавильных заводов, существовавших на территории современного краевого центра во 2–3-й четверти XVIII в. Об этом свидетельствует присутствие по всему заполнению обломков деревянной посуды и осколков стекла, а также находки костяной рукояти вилки (?) со сквозным продольным отверстием, изготовленные из железа кованый гвоздь (обломок) и пряжка от конской упряжи с квадратным приемником и подвижным язычком (Рис. 2, 8, 13). В штольне постоянно попадались предметы из разрушенных наслоений раннего железного века: грубая миниатюрная глиняная чашечка, тигель, каменный овальный шарик (Рис. 2, 3). Засвидетельствована тут и целая серия костяных вещей, в том числе наконечники стрел, не просверленная фаланга стопы медведя (?), удлиненный осколок с порезами, небольшой обрубок рога, а также крючок для горита с тремя отверстиями на крупной пластине (Рис. 2, 1, 10, 14, 15, 20).

Возможно, более ранний возраст имеет орудие из мелкозернистого кварцито-песчаника. Подобранный с поверхности естественный фрагмент гальки необходимой формы после минимальной подправки рабочих кромок превратили в короткий (до 55 мм) клин со скошенным обушком. У него не совсем ровное лезвие шириной чуть менее 45 мм, прямое и закругленное, сформированное крупными сколами.

На уч. XCIX–CIV/124–129 выявлен ритуально-жертвенный комплекс, включавший аморфные вытянутые западины №№ 1–2 размерами соответственно 74×107 и 87×152 см. Южнее располагались два овальных вкопа: один с уплощенным дном, впущенным в материк всего на 11 см, а второй, врезанный в подстил на 26 см, с лежавшей на боку целой миниатюрной чашечкой.

Особого внимания заслуживает овальная культовая яма. Ее поперечный размер достигал вверху 167 см, уменьшаясь до 140 см у плоско-го, понижающегося к северу дна. Стенки были крутыми, иногда с небольшими уступами. Верхнюю часть заполнения составляла неоднородная мягкая почва до гл. 35 (-56) см, имевшая коричневатую-серую окраску и изобиловавшая темными пятнами. Среди находок в этой почве, помимо вкраплений жженой глиняной крошки, встречены отдельные фрагменты керамики как гончарной, деревенской, так и лепной – раннего железного века. На удалении 10–35 см от стенок прослеживались слабо выраженные буроватые полосы шириной 5–15 см.

Глубже, под тонкой (1–2 см) прослойкой почти черного цвета, четко выраженной в южной части ямы, слой изобиловал крупными желтоватыми золистыми линзами. В его основании помимо большого валуна, 5–10 штук целых и колотых галек, а также нескольких крупных костей животных, включая челюсть овцы (?), отмечено некоторое число обломков лепной посуды I тыс. до н.э. Здесь же обнаружены глиняное плоско-выпуклое пряслице, орнаментированное двумя концентрическими окружностями, а также костяные изделия: короткая толстая игла с отверстием на конце и подвеска, отделанная весьма тщательно и украшенная изображением медвежьей морды.

Ниже найдены двудырчатые псалии из фаланг животных: две миниатюрные, с грубо показанными головами таежного хищника, а одна более крупная, с аккуратно вырезанной головой медведя на верхнем конце изделия. Они уже связаны с плотным оранжевым суглинком, вмещавшим отдельные углистые вкрапления с добавкой гумусных пятен. Это было, очевидно, перекрытие ямы, рухнувшее вниз и засыпавшее скопление костей животных, в основном целых, покоившихся в горизонтальном положении.

Выделяется три обособленные выкладки остеологических остатков, из них восточная (лопатка, сустав, позвонок, фрагмент трубчатой кости и челюсти) располагалась с небольшим отрывом и чуть выше, чем две оставшиеся, помещавшиеся, видимо, в небольшой боковой нише. Это северо-западная выкладка (ребра, фаланги, пястные и трубчатые кости, суставы, зубы, позвонки, лопатки); все кости тесно уложены, иногда с небольшими пустотами между ними, незаполненными землей. Эта выкладка, возможно, находилась в прямоугольном туесе размером 26×40 см и высотой 15–20 см. Два позвонка были проткнуты ребрами, прошедшими через мозговой канал. Юго-западная выкладка, смыкавшаяся с северо-западной, вклю-

чала череп тельца, тазовую кость, но в основном позвонки и челюсти. Последние почти все оказались сломанными пополам, причем восемь из них были просверлены. Передние зубы отсутствовали.

Рядом, после выравнивания поверхности, выявились очертания очага 7. Первоначально оконтурилась подпрямоугольная (224×116 см), маломощная (2–3 см) гравийная подсыпка, а под ней аморфное (79×128 см) довольно толстое (до 17 см) пятно прокала, западный край которого расщеплен темной трещиной, вмещавшей мелкие, растрескавшиеся от высокой температуры галечки. По соседству размещались грушевидная (33×47 см) в плане ямка с резко сужающимся дном и круглый в плане (30 см), чашевидный в разрезе вкоп, впущенные в грунт всего на 7–9 см.

В процессе разборки рыхлых непотревоженных культурных напластований раннего железного века, вмещавших прослойки рассыпчатого пепла, пятна темной почвы, белесые или желтоватые включения, исследованы остатки примитивных отопительных устройств, вероятно, напоминавших чужалы, хорошо известные по этнографическим описаниям. Обязательной составной частью их конструкции являлся материковый прокол в виде пятна алого, кирпично-красного, розоватого оттенков. Почти всегда, сверху его прикрывала подсыпка из мелких (величиной с горошину) галечек, растрескавшихся от огня и перемешанных с черной почвой. Рядом или вокруг обычно фиксировалась бесформенная, маломощная (1–6 см), грязно-коричневая, оранжевая, рыжеватая, либо желтоватая вымостка, сложенная сырым, довольно плотным пластичным материковым суглинком, вмещавшим гумусные добавки. Расчищенные очаги образуют 12 хозяйственно-бытовых площадок, с которыми связаны также еще некоторые объекты.

На уч. CVI–CVIII/130–132 засвидетельствована сероватая, очень крупная аморфная почвенная линза, а к югу от нее почти черное подпрямоугольное (120×170 см) пятно. После повторной зачистки ниже выявился очаг 1, от которого сохранилась небольшая (30×40 см) аморфная в плане линза кальцинированных костей. Она не превышала в толщину 10 см и размещалась не совсем посередине крупной (90×220 см), сильно вытянутой галечниковой подсыпки. Под гравием оказалась неправильная в плане узкая (65×205 см) полоса прокала, однородного, довольно сильно опесчаненного, вмещавшего кое-где углистые вкрапления и в толщину не превышавшего 10 см. Немного восточнее располагались два овальных (40×60 и 45×55 см) чашевидных вкопа (№№ 1, 2), углубленных в материк на

20 см. В их заполнении отмечены угольки, неполные развалы 1–2 сосудов, а также кости животных, включая фалангу тельца и псалий с головой медведя.

На уч. CVI–CVIII/124–129 обнаружена изогнутая глинистая вымостка, шириной не более 25 см, засвидетельствованная в составе очага 2, уходящего в стенку раскопа. Она протянулась почти на 1 м и была прикрыта сверху тонкой (1–2 см) подтрапециевидной (не менее 105×130 см) гравийной подсыпкой, в середине и по краям которой выявлено несколько небольших (от 20 до 50 см в поперечнике) вытянутых зольных пятен. После удаления остатков кострища на поверхности материка оконтурились два прокала: один неправильный в плане (40×75 см), а второй в виде слегка изогнутой тоненькой полоски шириной до 10 и длиной чуть более 35 см. Рядом оказалось несколько беловатых пепельных линз: одна сильно вытянутая (более 260 см в поперечнике), а две другие овальные (60×85 и 70×90 см). Южнее, примерно в одну линию, вытянулись три ямки с округлыми днищами, впущенными в материк, соответственно на 9–12 см.

В стороне засвидетельствованы еще четыре ямки, примыкавшие к сильно разрушенному строительной техникой очагу 3. С его конструкцией связана тонкая (1–2 см), подпрямоугольная в плане гравийная подсыпка (40×70 см). Галечки вперемешку с черной землей заполняли и вертикальную трещину на глубину до 35 см, которая, вероятно, образовалась при неоднократных резких перепадах температуры и разделила в продольном направлении на две неравные части пятно маломощного (до 2 см), сильно опесчаненного подпрямоугольного (65×102 см) прокала, имевшего длинный (36×55 см) отросток.

На уч. CIV–CVIII/121–124 фиксировались глинистая вымостка и западный край большого, довольно толстого (до 9 см) зольника. По соседству размещались три ямки, впущенные в материк на 5–14 см, вытянутые с севера на юг, примерно в одну линию. На месте очага 4 первоначально обозначилась бледно-желтая золистая линза, изобиловавшая комочками обожженной глины и тянувшаяся в восточном направлении в виде неровного широкого (35×54 см) языка. Через 2–3 см после вторичной зачистки она посветлела и приобрела овальные очертания (68×102 см). Вокруг располагалась аморфная в плане глинистая вымостка, габаритами не менее 210×260 см и толщиной около 10 см. Она со всех сторон охватывала (а кое-где и перекрывала) вытянутую, кольцевидную (110×160 см) в плане тонкую (3–4 см) гравийную подсыпку, имевшую с восточной стороны неаккуратный

подтрапециевидный (44×55 см) выступ.

На западном краю глиняной вымостки найдены костяное острие и обломки сосуда. С фрагментами керамики соседствовала тонкая вытянутая (53×79 см) бледно-желтая пепельная линза. Вплотную к ней примыкала такая же по толщине мягкая темно-коричневая сажистая прослойка, не имевшая четких очертаний и уходящая в северную стенку раскопа. Со всех сторон к очагу 4 подходил обширный желтый зольник, мощностью кое-где свыше 20 см. В нем, а также в верхах нижележащей серой погребенной почвы отмечено некоторое количество находок. В их числе квадратный в сечении железный стержень, конец которого раскован и превращен в треугольную пластину, а также осколок неорнаментированной глиняной чашечки с короткой шейкой. Но доминировали здесь костяные изделия: обломок кочедыка из грифельной кости лошади, со сверлиной; сустав животного со сбитыми боками и выдолбленным посередине округлым сквозным отверстием; фрагмент амулета из просверленной пустотелой птичьей косточки; лоцило из ребра лошади или коровы с намеченной у верхнего края сверлиной; часть тонкой, тщательно обработанной втулки неясного назначения; застежка из тонкого круглого в сечении стержня со слабо выраженным перехватом посередине; пулевидный наконечник стрелы со смещенным острием и уплощенным коротким черешком.

Южнее располагалась прямоугольная (64×126 см) в плане яма 1, выстланная темной почвой с обильными глинистыми добавками.

На уч. CV–CVIII/118–120 размещалась южная половина обширной выемки, большей частью оставшейся за пределами раскопа. Ее пологое дно, перекрытое однородной, неперемешанной серой погребенной почвой, выстилала сажистая прослойка из крупных, сливавшихся между собой пятен. Сверху выемку заполнял довольно плотный коричневатый суглинистый нанос, толщиной до 12 см, состоявший из отдельных округло-овальных пятен и двух обширных аморфных языков, вмещавших вкрапления мелкой гальки и жженой глиняной крошки. Под наносом обнаружены скопления кварцитовых галек, в большинстве покрасневших и растрескавшихся от огня. В древнем культурном слое, на разных его горизонтах, из стенок раскопа выступали не одинаковые по составу, величине и форме глинистые вымостки с крупными пятнами грязновато-желтоватого песка и комочками обожженной глины.

К очагу 5 принадлежит глинистая вымостка П-образных очертаний (2,2×2,6 м), сориентированная основанием на юг и содержащая не-

большие скопления галек. С трех сторон вымостка охватывала белесую рыхлую овальную (70×117 см) тонкую пепельную линзу, вмещающую полосу прокала, обильные вкрапления жженой глиняной крошки, а также добавку мелкого, раскрошившегося от воздействия огня гравия. Последний (смешавшись с белесыми золистыми пятнами и глинистыми вкраплениями) образует подпрямоугольную (137×220 см), довольно мощную (до 7 см) подсыпку, выявившуюся сразу после удаления глинистой вымостки и пепельной линзы. Гравийные добавки присутствовали и в ниже лежащей, тонкой (1–2 см) сильно вытянутой (48×116 см) линзе белесого пепла. Внизу отмечено не очень толстое (до 6 см) пятно прокала, насыщенное жженой глиняной крошкой. К нему примыкали с юга еще с две глинистые вымостки с мелкими пятнами прокала и остатками какой-то конструкции, включавшие несколько ровных темных полос.

Возле очага 5 обнаружен изогнутый плоский роговый псалий с приостренным концом и боковыми пазами. В основании культурного слоя на контакте с неперемешанной серой погребенной почвой, примерно в одном месте, найдены осколок глиняного пряслица, на одной стороне которого нанесен узор из перекрещивающихся насечек. Есть также несколько костяных предметов. Среди них тонкая лопаточка с граффити на одной стороне и наконечники стрел – все целые, с трехгранным пером и слабо выраженными, преимущественно уплощенными черешками. В стороне отмечены целая фаланга стопы медведя (?) с пятью тонкими симметрично размещенными сверлинами; сустав животного с торцевым не сквозным отверстием; обломок двудырчатого псалия.

Неподалеку фиксировался еще один овальный (55×126 см) прокал толщиной до 12 см, вероятнее всего, относившийся к полностью разрушенному очагу 6, с остатками которого, по видимому, связаны многочисленные находки. Помимо куска разбитого кварцито-песчаника и отдельно лежащих галек отметим мелкий фрагмент неопределимого медного изделия и поржавевшую железную проволочку, изогнутую наподобие скобки. Имеются также глиняные предметы: прямоугольник с выемкой, а также две фигурки – яйцевидной формы и в виде столбика. Из кости изготовлены кончик тонкого острия и четыре наконечника стрелы.

В пределах производственно-хозяйственного комплекса засвидетельствованы плоскодонные вкопы (25×26, глубиной 28×33 и 27 см), имевшие относительно крутые стенки и темное, достаточно рыхлое заполнение. В первом из них обнаружена молоточковидная костяная застеж-

ка, украшенная с одного бока параллельными нарезками.

На уч. ХСVII–ХСIX/118–123 выявлены западины №№ 3 и 4 с находками остеологических остатков, принадлежавших домашним животным. Первая из них неправильно-грушевидной формы (67×86 см) с неровным, чашевидным дном, впущенным в материк на 11 см, а вторая – сильно вытянутая (84×186 см), с наклонными стенками и уплощенным дном, врезанным в грунт на 17 см. Восточнее, под скоплением фрагментов керамики, засвидетельствован очаг 8, сохранившийся в виде овального (119×148 см) в плане прокала мощностью до 15 см. Южнее располагались еще три вкопа, разных форм и размеров.

На уч. CIV–CV/112–117 засвидетельствованы контуры двух супесчаных линз, толщиной 2–3 см. С юга к ним вплотную примыкал очаг 9, по периметру которого прослеживались остатки глинистой вымостки в виде небольших однородных пятен, иногда с добавкой мелкого гравия. Они окружали со всех сторон тонкую (до 3 см) вытянуто-кольцевидную (1,7×2 м) гравийную подсыпку, разомкнутую с юго-восточной стороны. Последняя охватывает овальное (61×88 см) скопление беловато-сероватого пепла, толщиной 2–3 см, с добавкой галечек и угольков. В самом низу дугой залегала довольно мощная (до 8 см) полоса (0,7×2,3 м) прокала, вмещающая вкрапления жженой глиняной крошки. В культурных отложениях вокруг отмечено несколько костяных предметов: крючок для горита с цельной треугольной пластиной и четыремя сверлинами на ней для закрепления на поясе; небольшой функционально не понятный прямоугольный предмет с таким же по форме отверстием, смещенным вбок; целый мелкий наконечник стрелы с треугольным пером и слабо выраженным ромбическим в сечении черешком; сустав животного со сквозным отверстием посередине.

В северную стенку раскопа уходил очаг 10. Тут, на площадке протяженностью свыше 3,7 м под обширной (не менее 1,5 м в поперечнике) гравийной подсыпкой толщиной до 7 см, выявились разрозненные фрагменты достаточно толстой (до 6 см) глинистой вымостки. Последняя изобиловала комочками беловатой породы и перекрывала весьма толстый (до 17 см) овальный (более 2,5 м в поперечнике) желтый зольник, вмещавший мягкую темно-коричневую сажистую прослойку (2–3 см). В основании засвидетельствованы вытянутый (не менее 24×62 см) прокал, толщиной до 9 см, а над ним еще одна небольшая гравийная подсыпка. В верхах не-перемешанной серой погребенной почвы обнаружено кремневое долотовидное орудие.

На уч. ХСVII–СII/112–117, где размещался очаг 11, выявилась толстая (до 10 см) подпрямоугольная в плане (1,3×1,4 м) гравийная подсыпка. В ее основании прослежены два мало-мощных (до 2 см) прокала: посередине подтрапцевидный (68×88 см), а с западного края вытянутый (21×47 см). С юга и севера размещались почти одинаковые подпрямоугольные в плане (26×40 и 29×42 см) вкопы 32 и 33. Своими длинными осями они ориентированы перпендикулярно друг другу; имеют чашевидные днища, врезанные в материк на 12–13 см; в их заполнении – крупные обломки древней пористой посуды, а в нижней части, кроме того, костяные предметы: целый кочедык из грифельной кости лошади; два небольших наконечника стрелы с треугольным в сечении пером; двудырчатый псалий из фаланги медведя (?) с изображением его головы на одном из концов.

Вкоп 34, впущенный в материковую толщу на 24 см, фиксировался близ восточного края очага 11 округлых очертаний (диаметр 44 см). Еще дальше размещалась западина 5, сильно вытянутая, аморфных очертаний (2,9×6,1 м), с находками мелкого гравия. Выявленная южнее яма 2 с уплощенным дном врезана в грунт на глубину до 24 см. Трапцевидная в плане (80×96×149 см), она вмещает крупные куски керамики, распределенные в неоднородном мягком заполнении. В стороне располагались круглые, диаметром 31, 24, 41, 35, 17 см, ямки, вытянутые примерно в одну линию.

На уч. СIII–CV/106–111 при разборке остатков темно-серого плотного древнего культурного слоя обнаружено несколько целых костяных изделий, в том числе: гарпун с черешком треугольной формы и небольшой наконечник стрелы с 3-гранным в сечении пером, а также часть расколовшейся пополам и вдоль глиняной культовой фигурки. Здесь же, при зачистке поверхности плотной темно-серой предматериковой почвы, частично срезанной бульдозером, выявлены круглые (диаметром 0,39 и 1 м) в плане вкопы 38 и 39. Первый из них выстлан однородным коричневатым мягким песком без находок. У второго довольно сильно наклоненные стенки, среди находок – фрагменты древней пористой керамики. На уплощенном днище вкопа, врезанном в грунт на глубину до 15 см, выявлены кости животных. Их прикрывал однородный плотный серый суглинок, в котором залежали осколки галек, костяные небольшой наконечник стрелы с квадратным в сечении пером и плоским черешком и ложило из широкого ребра животного с выемкой на конце.

Неподалеку фиксировался язык (не менее 0,6×1,9 м) беловато-сероватого пепла, ухидив-

ший за пределы вскрытой площади и вмещавший обломок выпукло-вогнутой накладки с отверстием, выточенной из трубчатой кости. Рядом, в темном непотревоженном древнем культурном горизонте, изобиловавшим угольками и вмещавшем отдельные мягкие белесые пепельные линзы, выявлены изделия из кости: сустав и фаланга со сквозными отверстиями по центру; застежка с пазом посередине; три небольших наконечника стрел. Среди прочих предметов найдены два пряслица из мягкого сланца: маленькая половинка из белой породы и крупный целый экземпляр серого цвета. В самом низу расчищен край обширного, довольно толстого (до 15 см) желтоватого зольника. После его удаления выявилась южная кромка прокала (до 76 см в поперечнике), связанная с очагом 12. К нему примыкают: с юга круглая (25 см) ямка, углубленная в грунт на 3 см, а с востока – вкоп 40, впущенный в материк на 37 см.

На уч. ХСIX–СII/108–111 по одной прямой, в направлении север-юг, размещены обособленное овальное (34×49 см) пятно прокала мощностью до 6 см и круглые в плане вкопы №№ 43–45 с уплощенным дном и довольно рыхлым заполнением. Два крайних – небольшие (52 см), с сероватым заполнением. В первом встречена только мелкая галька. В последнем отмечены крупные обломки посуды и целая льячка-ложечка овальной формы. В большом (74 см) центральном вкопе расчищено овальное чашевидное углубление, в котором найден ладьевидный плоскодонный тигель.

На уч. ХСVII–ХСVIII/103–107 найдено изделие, один конец которого ровно обрезан, а второй имеет крупный клювовидный выступ. Оно обнаружено при расчистке очага 13, включавшего довольно мощную (до 6 см) сильно вытянутую в меридиональном направлении (более 3,6 м) глинистую вымостку, в середине которой располагалось овальное (35×54 см) тонкое (не более 5 см) пятно прокала. Ниже, под слоем неоднородного сероватого оттенка, выявились еще два аналогичных пятна прокала (71×91 см) и (48×54 см). Их разделяла тонкая (2–4 см) гравийная подсыпка, имевшая в плане вид неправильного многоугольника (1,8×1,7 м). Рядом, при разборке древних культурных наслоений, обнаружены глиняные артефакты: небольшая льячка-ложечка овально-вытянутой формы, два пряслица, а также пара костяных наконечников стрел (Рис. 2, 9, 17). Последний из них оказался весьма крупным, с трехгранным в сечении пером и слабо выраженным черешком.

Неподалеку отмечены половинка крупной глиняной льячки-ложечки овально-вытянутой формы и оселок из продолговатой овальной в

сечении гальки, имеющей сверху небольшое сквозное отверстие для подвешивания к поясу (Рис. 2, 7, 19). Оба предмета залежали в сером рыхлом древнем культурном слое, в основании которого расчищены остатки очага 14. Первоначально обозначилась сильно вытянутая (1,4×3,8 м) суглинистая вымостка, вмещающая отдельные маленькие камешки и беловатые известковые вкрапления. Она охватывала с юга, запада и востока тонкую (до 5 см) рыхлую белесую пепельную линзу грушевидной формы (138×142 см). Чуть глубже выявились частично срезанные бульдозером две маломощные (до 3 см) гравийные подсыпки: овальная (90×110 см) и подтреугольная (40×83 см) в плане. Еще ниже обнаружены три изолированных пятна прокалов.

После удаления гравийной подсыпки, пепельной линзы и суглинистой вымостки оконтурился почти круглый (43×49 см) сверху вкоп 46, заполненный грязно-коричневым суглинком. На его уплощенном дне, впущенным в материк на 12 см и высланном мягкой черной почвой с мелкими (2–3 см), растрескавшимися от огня галечками, обнаружена створка раковины-перловицы. Здесь же найдены кости животных (включая ребро), а также изготовленные из них предметы. Среди них: лежавший плашмя прекрасный костяной гребень с обломленным зубом и изображением сверху двух идущих в разные стороны медведей, обнюхивающих тропу (Рис. 2, 22); крючок от горита, наоборот, был поставлен вертикально; его рабочий конец обломан, а большая задняя пластина снабжена лишь одним крупным отверстием для прикрепления к поясу.

На уч. СШ–СВ/100–102 обнаружен мощный (до 31 см) слой выкида сырой пластичной грязно-коричневой глины, распространявшийся кое-где к югу в виде отдельных языков. Очевидно, это грунт из штольни XVIII в., использовавшийся для выравнивания поверхности. В нем присутствовали угли, отдельные галечки, жженая глиняная крошка, разноцветные пепельные линзы весьма размытых очертаний. Сразу под набросом обозначилось несколько объектов, с которыми связаны культурные остатки конца I тыс. до н.э., в основном костяные предметы, включая острие, 10 наконечников стрел (Рис. 2, 11, 18) и манок из тоненькой пустотелой птичьей косточки, обрезанной с обоих концов. Отметим, кроме того, крупный немного изогнутый боковой зуб от остроги, с парой больших тупых шипов и двумя сквозными отверстиями; иглу без ушка, изготовленную, вероятно, из тонкой длинной реберной кости большой рыбы; половинку гребня, украшенного поясками резного зигзага и изображением медведя; очень тонкую (1–2 мм), вытянутую с одной стороны пластинку с

парой неодинаковых по размеру круглых отверстий. Среди изделий из других материалов: два осколка глиняной культовой фигурки; фрагмент маленького железного ножа с горбатой спинкой (Рис. 2, 12); медная витая, сильно окислившаяся конусовидная подвеска с обломанным ушком для закрепления в волосах. Имеются также два пряслица из мягкого серого сланца, из них целый предмет орнаментирован по краю тремя прочерченными концентрическими окружностями, соединяющимися с центром радиусами-лучами.

Зафиксированный здесь же очаг 16 включал две тонких (не более 4 см) гравийных подсыпки: грушевидную в плане (61×84 см) и меридионально вытянутую, с находкой костяного наконечника стрелы (Рис. 2, 5). На поверхности материка проявился прокол толщиной до 7 см, сильно удлиненный в северном направлении, почти правильных очертаний (49×122 см) с небольшим боковым отростком. К противоположному концу гравийной подсыпки вплотную примыкал овальный (79×124 см) в плане вкоп 51. Мелкий гравий выстилал его сверху на глубину до 9 см в виде четырех тонких (1–2 см) прослоек (одна из которых вмещала большой кусок бересты). Между ними размещались столь же маломощные линзы оранжевой глины. Она же прикрывала и края тарелковидного в разрезе вкопа 51, впущенного в грунт на 24 см и заполненного темно-серой рыхлой однородной почвой, в которой присутствовали немногочисленные находки костей и изделий из них, включая три наконечника стрелы (Рис. 2, 2, 16, 21).

Восточнее размещался очаг 18 с сильно вытянутой, довольно толстой (до 7 см) аморфной глинистой вымосткой, шириной не менее 1 м. Под ней обозначилось круглое (56 см) пятно прокала с максимальной толщиной 9 см и с узким 24-сантиметровым отростком. Рядом, в верхней части неперемешанной серой погребенной почвы, найдены просверленная с торца путовая кость жеребенка и овально-уплощенная кварцитовая галька, один конец которой превращен с помощью двусторонней обивки в криволинейное лезвие. Рядом размещалась грушевидная (1,5×1,9 м) в плане сдвоенная яма 7, несимметричная в разрезе, с крутым западным и пологим восточным бортами. В ее темно-сером заполнении обнаружен костяной манок.

На уч. ХСІХ–С/99–102 в I тыс. до н.э. склон подвергся выравниванию, что привело к образованию пологой ступеньки высотой до 17 см и протяженностью не менее 2,7 м. На ее поверхности располагалось обширное (1,2×2 м) скопление костей животных и фрагментов пористых ломких сосудов. Вплотную с востока к нему

примыкал сильно поврежденный очаг 15 с очень нечеткой, аморфной в плане (2×3,6 м) тонкой (1–2 см) гравийной подсыпкой. Сразу под ней, на поверхности материкового суглинка, выявилось округлое (95×135 см) мощное (до 27 см) пятно прокала.

Выше накапливались мягкие коричневатые неоднородные древние культурные отложения, вмещавшие белесые и желтоватые пепельные линзы и прослойку серой сыпучей золы толщиной 2–4 см. Здесь, помимо обрубка лосиного рога со следами обработки, присутствовало несколько костяных предметов, в том числе два небольших наконечника стрелы, круглый в сечении гарпун с упором и обломанным жалом, а также боковой зуб остроги – длинный и прямой, с пятью крупными зазубринами.

Очаг 17 почти полностью был разрушен. Он выявляется лишь по наличию вытянутого (74×153 см) прокала, западный край которого прикрывала гравийная полоса (38×118 см). Рядом с ним, в рыхлых культурных наслоениях, найдена половинка пряслица из мягкого серого камня.

Добытые материалы дают ясное всестороннее представление о жизни и быте населения южно-таежного Прикамья самого конца I тыс. до н.э. Для нашего региона вещевые комплексы этого времени до сих пор четко не выделялись. Ранее, при характеристике древностей данной эпохи, Ю.А. Поляков (1999. № 1. С. 4–5) и В.Ф. Генинг (1988. С. 196, табл. 25) привлекли невыразительные малочисленные коллекции Култаевского I и Турбинского селищ, датировавшиеся в широких пределах II в. до н.э. – III в. н.э. По составу инвентаря исследованный нами памятник сближается с двумя расположенными неподалеку городищами – Галкинским и Алтен-тау. Судя по новейшим раскопкам, во многом идентичные культурные остатки представлены и в нижнем слое Гляденовского костыща.

Литература

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.

Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. Казань, 1999. № 1.

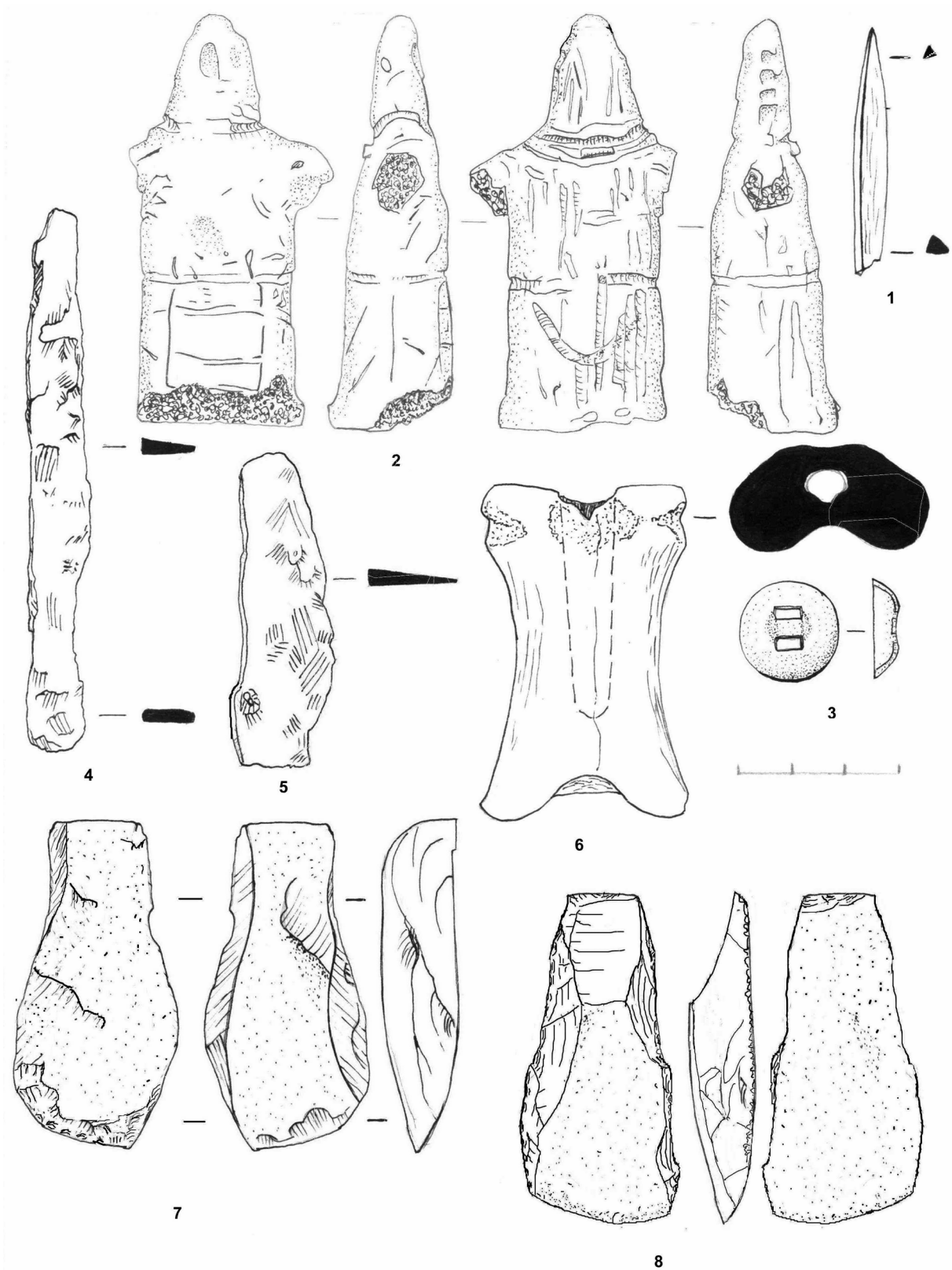

Рис.1. Городище Ермаша. Подъемный материал: 1 – наконечник стрелы; 2 – антропоморфная статуэтка; 3 – штампованная уздечная накладка; 4, 5 – ножи; 6 – просверленная с торца путовая кость жеребенка; 7, 8 – долота; 1, 6 – кость; 2 – глина; 3 – медь; 4, 5 – железо; 7, 8 – камень

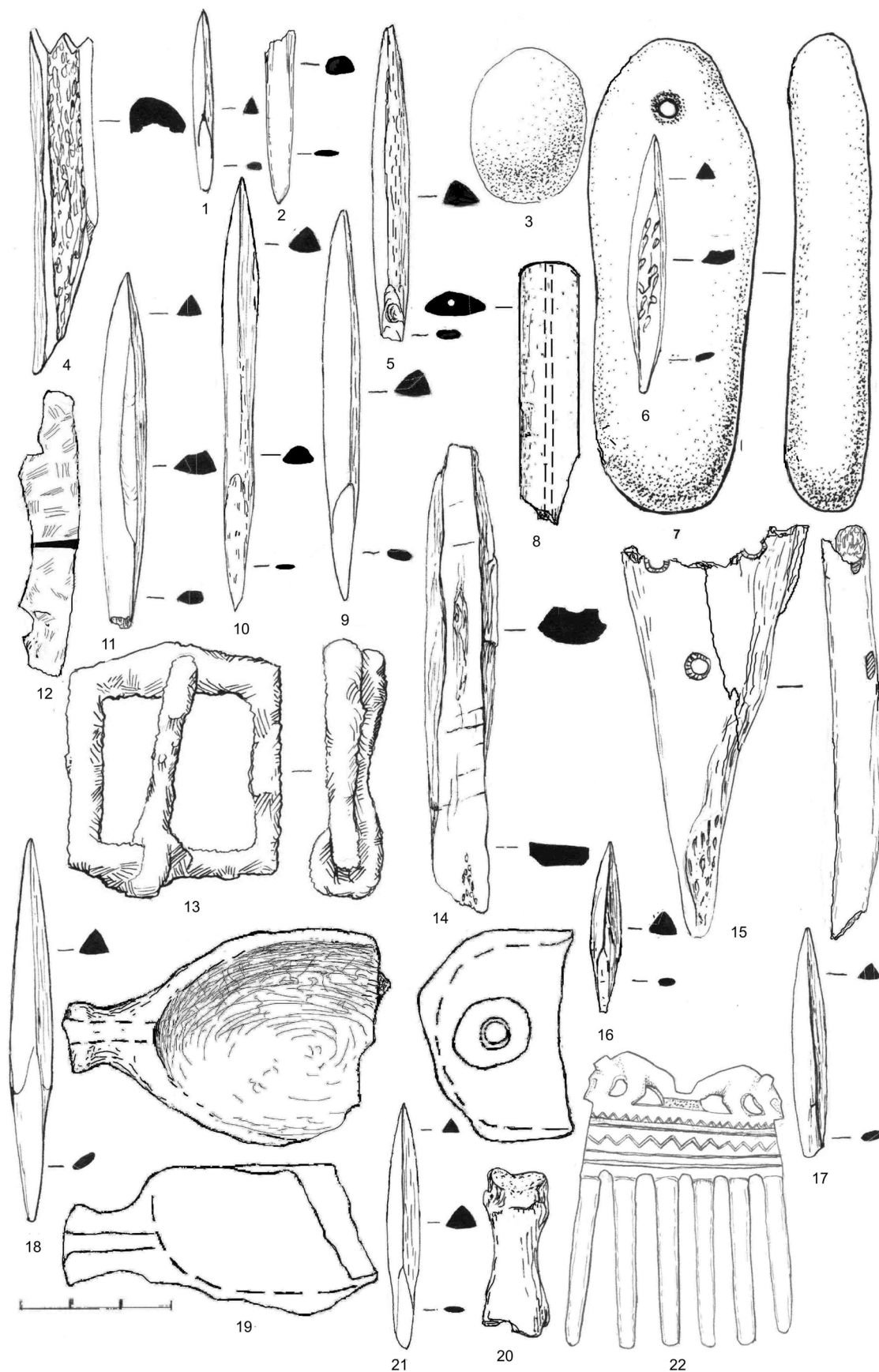

Рис.2. Городище Ермаша. Вещевой инвентарь из раскопок памятника: 1, 2, 5, 6, 9–11, 16–18, 21 – наконечники стрелы; 3 – овалный шарик; 4 – штамп; 7 – оселок; 8 – рукоять вилки (?); 12 – обломок ножа; 13 – пряжка от конской упряжи; 14 – осколок с порезами; 15 – крючок горита; 19 – льячка-ложечка; 20 – фаланга стопы медведя (?); 22 – гребень; 1, 2, 4–6, 8–11, 14–18, 20–22 – кость; 3, 7 – камень; 19 – глина; 12, 13 – железо

М.Г.Косменко

Древности железного века с ананьинскими элементами в Карелии*

Ананьинский культурный ареал можно формально определить как область распространения в лесной зоне Северной Европы металлических изделий и керамики, типичных для собственно ананьинской культуры раннего железного века Прикамья. В западной части ареала этот культурно-хронологический пласт древностей формировался в течение гораздо более длительного времени, чем ананьинская культура, и датируется в Карелии между 2600–2500 и 1400–1300 л.н. по вещам камско-уральских типов и C₁₄ (Косменко, 2003). Поэтому название «ананьинский» можно рассматривать как условное, но отражающее генезис общего инородного компонента в гибридных культурах западных областей этой провинции. Это единственный пласт древностей Карелии, который содержит четко выраженный комплекс элементов культуры восточного происхождения.

Вопросы методики исследования. Находки ананьинских бронзовых кельтов и литейных форм давно известны в восточной Скандинавии, Финляндии и западной Карелии. В 1930-е гг. эти изделия рассматривал А.М. Тальгрэн (Tallgren, 1934, 1937) и заключил, что в Фенноскандии они относятся к 400–200 лет до н.э., отражают торговые связи и колониальную экспансию восточных «викингов бронзового века». Однако в дальнейшем здесь были исследованы поселения, содержащие керамику ананьинского облика и бронзовые изделия камско-уральских типов более позднего времени. В 1950–1990-е гг. зарубежные археологи продолжили изучение этих древностей в Фенноскандии (Åurärää, 1951; Baudou, 1960, 1989; Meinander, 1954, 1969, 1985; Lundholm, 1970; Bakka, 1976; Huurre, 1981; Carpelan, 1974; Карпелан, 1979; Hulthen, 1991; Bolin, 1999 etc.). Пласт культуры с ананьинскими элементами в северо-западной России привлекал внимание российских археологов (Фосс, 1952; Ошибкина, 1966; Халиков, 1977; Савватеев, 1977; Панкрушев, 1980; Кузьминых, 1983,

2001; Косменко, 1992, 1993, 2006; Манюхин, 1996, 2002 и др.). Все исследователи признают наличие ананьинских элементов в Фенноскандии и соседних областях России, но понимают его по-разному. Спектр интерпретаций колеблется между объяснением происхождения этих элементов как отражения ананьинского влияния на культуру местных популяций либо миграции населения из восточных или юго-восточных областей лесной зоны.

Объяснения зависят от взглядов археологов, но всегда соотносятся с результатами описательного анализа материальной культуры. Поэтому важно отыскать методику наиболее адекватного описания процесса сложения культуры с элементами камско-уральского происхождения в западной части ареала на территории Карелии, затрагивая и соседние области. Это был сложный процесс. Для его анализа недостаточны средства культурно-исторического подхода, который определяется как «эмпирическая выборочная сортировка, описание и классификация материальных остатков, создающая в пространственно-временных рамках искусственные комплексы, которые обычно называют “культурами” и часто определяют как продукты отдельных древних социальных общностей» (Jones, 1997. P. 5). В России считали, что вариант подхода, базирующийся на идее Г. Чайлда об археологической культуре как устойчивой комбинации «диагностических» типов вещей (Childe, 1956. Pp. 121–123), «наилучшим образом приближается к реальной, действительной группировке объектов» (Федоров-Давыдов, 1987. С. 190). С позиций данного подхода разные элементы культуры, в сущности, равны по своему содержанию, отражая нормативные этнические/социальные традиции.

Жесткая критика ключевых установок культурно-исторического подхода, который ныне оценивается как устаревший, изложена в зарубежной археологии и этнологии в 1960–1990-е гг. (Binford, 1965; Clarke, 1968; Renfrew, 1972; Trigger, 1989; Hodder, 1991; Jones, 1997 и др.). Ревизии подверглась умозрительная идея нормативности традиций в материальной культуре, на основании которой совмещают археологические культуры и этнические общности. Крити-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 21 «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ковали произвольный характер археологической классификации, которая основана на интуиции и скрытых допущениях, маскирует различия и создает иллюзию внутренней однородности искусственно разграниченных культурных единиц (Binford, 1965. P. 205; Clarke, 1968. P. 37). Выказывались суждения о том, что «нет таких общностей, как “культуры”»; есть просто случайные соотношения различных изменений, вызванные разными факторами» (Shennan, 1989. P. 13). В результате «идея ограниченной, монолитной культурной и этнической общности является современным классификаторским мифом, спроецированным на всю человеческую историю», который «скрывает картину неоднородных, открытых культурных и этнических систем» (Jones, 1997. Pp. 104, 131). Выделение культур перестало рассматриваться как адекватное представление данных и конечный пункт формального исследования. Приоритет получило изучение адаптивных явлений и символики материальной культуры.

В России представление об идентичности этносов и их культуры разделяли далеко не все исследователи (например, Шнирельман, 1982; Клейн, 1988), но методическая база культурно-исторического подхода мало изменилась. Это типологическая классификация археологических материалов и последующее разграничение культурных подразделений различных рангов с изображением на картах мозаики их ареалов, направлений миграций в виде черных стрел и т.п. Остался разрыв между формой изложения материалов и их объяснениями, которые представляют собой скрытые проекции исторических, этнографических, умозрительных моделей, а не итог детального анализа собственных данных. Отсюда дефицит аналитических разработок, которые в такой схеме не являются необходимым звеном. Сходные проблемы методики исследования актуальны и для древностей ананьинского ареала.

Между тем, регулярности в материальной культуре Карелии отражают разные явления и не сводятся к этническим нормам (Косменко, 2006). Предпосылки для более адекватной, многомерной техники формального анализа есть в «процессуальной» археологии, хотя ней, как и в «постпроцессуальном» направлении, уже появились шаблоны, применение которых искажает конкретную картину культуры. Вслед за Л. Бинфордом (Binford, 1965. Pp. 206–209), элементы культуры можно схематически разделить на три группы: 1) элементы в «традиционной», неадаптивной сфере культуры, изменения которых определяли внутренние факторы; 2) элементы, отражающие разные формы взаимодействия с соседними и

субстратными культурами, т.е. культурную адаптацию и 3) элементы приспособления культуры к местной природной среде. Это общая установка для разработки конкретных аналитических процедур, но ее превращение в шаблон чревато упрощением описания и искажением интерпретации материальной культуры.

Дело в том, что группы резко не разграничены, а причинные зависимости тесно переплетаются. Заимствованные элементы порой превращаются в традиционные и выступают как укоренившиеся инновации. Различные формы и детали приспособления к природной среде могут перениматься другими сообществами или быть ориентированными на внешние связи, например, охота – на товарную меховую торговлю, т.е. квалифицироваться как явления, опосредованные культурной адаптацией. Важную роль в их опознании приобретает количественный анализ, который позволяет выявить состав компонентов разного происхождения и изменчивость признаков в пространстве и времени, короче, проследить динамику процессов формирования культуры в различных ее сферах. Культурно-историческая классификация в такой методике является условной и полностью не отвергается, но корректируются ее техника и конкретные контуры. Формы экологического и культурного приспособления иногда совпадают с изменениями в неадаптивной сфере. В таких случаях конкретные формы адаптации могут служить дополнительными формальными критериями разграничения условных культурных типов. На основе сравнения результатов анализа в этих сферах можно описывать конкретные процессы сложения культуры в пределах крупных ареалов и более узких территорий.

Локальные культуры с ананьинскими элементами. Западные границы ареалов древностей бронзового века с сетчатой керамикой и ананьинского пласта железного века в Фенноскандии близко совпадают (Косменко, 2006. Рис. 1, 2). Но облик древностей железного века более разнообразен, и в пределах их ареала условно выделены четыре локальные «культуры». Позднекаргопольская культура охватывает восточную часть бассейна Онежского озера (Косменко, 1993) и южную часть бассейна р. Онега (Манюхин, 1996). Культура лууконсаари распространена в западной Карелии южнее озер Куйто (Косменко, 1993) и в Финляндии к югу от озера-речной системы Оулу (Meinander, 1969). Позднебеломорская культура ограничена приморскими районами южной и, видимо, восточной части бассейна Белого моря, но ее восточный предел пока неясен (Косменко, 1993). Культура с «арктической» керамикой (Meinander,

1969), по другой классификации «типов», вернее хронологических групп Ловозеро и Кьельмо (Jørgensen and Olsen, 1988), есть в северной Карелии и Финляндии, на Кольском полуострове и почти во всей Скандинавии. Критериями разграничения культур выбраны локальные особенности стилистических черт глиняной посуды. Между культурами нет резких границ, а наблюдаются переходные зоны, где сочетаются признаки граничащих типов. Эти подразделения условны и рассматриваются как пространственные фазы процесса сложения культурного ареала с ананьинскими элементами в северо-западной России и восточной Фенноскандии.

Поселения и сооружения. Ананьинский пласт древностей представлен в Карелии более чем 130 поселениями и местонахождениями (рис. 1). Могильники не обнаружены. Геотопографическое размещение поселений прямо отражает приспособление населения к местной природной среде. Количество материалов железного века в Карелии заметно уменьшается в западном и северном направлениях. Они концентрируются в бассейне Онежского озера и южном Беломорье. Известны 55 поселений позднекаргопольской культуры в восточной части онежского бассейна, на которых в сумме выделены минимум 1010 сосудов; 37 пунктов (320 сосудов) культуры лууконсаари на западе онежского, отчасти беломорского бассейнов, 36 пунктов (202 сосуда) позднебеломорской культуры в южном Беломорье и 7 пунктов (10 сосудов) «арктической» культуры в северо-западной части бассейна Белого моря.

Нужно заметить, что поселения этого времени малочисленны на берегах крупных водоемов, кроме скопления из 26 пунктов в устье р. Выг на Белом море. Они обычно находятся в устьях или истоках рек на средних, таких как Водлозеро (37 пунктов) и Сямозеро (15), и малых озерах в проточных озерно-речных системах. Озерные острова и берега рек заселялись крайне редко. Поселения располагаются на берегах водоемов группами, реже поодиночке, на низких песчаных террасах и склонах водно-ледниковых форм рельефа. Такое расположение является долговременной адаптивной особенностью расселения в Карелии охотников-рыболовов от эпохи мезолита до раннего средневековья. Поэтому комплексы железного века, как правило, представлены на памятниках многократного заселения и без особого труда выделяются типологическим методом, кроме каменного инвентаря и некоторых деталей, связанных с производством и обработкой металлов (Косменко, 1992. С. 6–11).

Планировка поселений и жилища косвенно отражают адаптированный к местным условиям образ жизни населения. Культурный слой обычно вытянут полосой вдоль берега водоемов. На поселениях нет следов упорядоченной планировки и стационарных полуземляночных или наземных жилищ. Выявлены беспорядочно расположенные очаги, вокруг которых концентрировались культурные остатки. Несомненно, здесь были наземные жилища легкой конструкции, но контуры их оснований обычно не сохраняются в песчаном грунте. Такие пункты периодически заселялись на протяжении железного века.

Население эпохи железа вело подвижный образ жизни с сезонной сменой мест обитания, свойственный и предшествующей культуре бронзового века с сетчатой керамикой. Прямые и косвенные признаки земледелия и животноводства отсутствуют на поселениях обоих периодов. Речь может идти о специфической форме адаптации охотничье-рыболовецкого хозяйства и соответствующем образе жизни, в отличие от таковых в период позднего неолита-энеолита, когда существовали стационарные зимние поселения с жилищами-полуземлянками.

Керамика. *Функциональные и стилистические черты.* Комплекс четко выраженных неадаптивных черт имеет глиняная посуда. О технике ее изготовления известно немного, но крупные сосуды изготавливались путем кольцевого налепа. Глиняные ленты в сосудах железного и бронзового веков соединены не встык, как в посуде позднего энеолита, а путем частичного наложения верхней ленты на внутреннюю поверхность нижней ленты с последующим выравниванием стенки сосуда. Поверхность сосудов гладкая или со следами беспорядочной штриховки подручными средствами.

Количественные пропорции и функциональные различия форм посуды железного века (рис. 2) точно не устанавливаются. Судя по выборкам из 15–20% сосудов в локальных культурах, в западном направлении уменьшается количество круглодонной профилированной посуды (ок. 90% в ЮВ, 50% в ЮЗ, 97% в СВ, нет данных по СЗ Карелии), которую сменяют непрофилированные сосуды с плоским или уплощенным дном.

В формах, деталях оформления и декоре сосудов сочетаются признаки ананьинской посуды Прикамья и субстратной, главным образом сетчатой керамики (рис. 2, 3). Соответственно, выделены два разнородных компонента сложного состава: инородный «восточный» и субстратный «западный» (Косменко, 1993. С. 88–191). Однако в южном Беломорье субстратный компонент большей частью представлен посудой, орнаментика которой находит параллели в

северо-восточных культурах бронзового века наподобие лебяжской, а в ранних комплексах южной Карелии есть небольшое количество керамики, похожей на посуду приказанской культуры Среднего Поволжья.

Пространственные изменения стилистических признаков в керамике железного века шли по пути разрушения первоначального облика обоих компонентов в результате структурного и технического упрощения. Количество элементов восточного происхождения уменьшается, вплоть до полного исчезновения, к западной, особенно северо-западной границе ареала. Эти изменения четко прослеживаются в орнаменте. Ананьинскими шнуровыми узорами украшено 22,2% посуды в южном Беломорье, 9% в ЮВ, 1,6% в ЮЗ Карелии, а в северной Фенноскандии их нет. Наоборот, число сосудов со сложными гребенчатыми и прочерченными узорами, прототипы которых есть главным образом в субстратной сетчатой керамике, увеличивается в направлении распространения культуры (в ЮВ Карелии 29,2% сосудов с узорами «восточного» и 29% «западного» типов, в ЮЗ – 25,7 и 32,5%, в СВ – 33,6 и 41,1%, а в СЗ – 10 и 90%). Нет четкой корреляции между типами узоров и формами посуды, которая классифицирована по форме дна и профилировке (рис. 2). Впрочем, сложными орнаментами, близкими прототипам обеих групп, чаще украшены профилированные сосуды, а непрофилированная, особенно плоскодонная посуда обычно декорирована простыми узорами (рис. 3: группы III–IV), происхождение которых опознается не всегда точно.

Сложные орнаменты обоих типов в западной части ананьинского ареала сохранили структуру прототипов, но их основные мотивы часто упрощены и трансформированы, а обрамление узоров стало беднее. Естественно, наиболее разнообразный набор узоров содержит позднекаргопольская посуда (рис. 3). Выделены четыре местные технические модификации «восточных» шнуровых орнаментов (рис. 3: группа I) – зубчатые аналоги шнуровых поясков (I:1), пояса протраченного зубчатого или гладкого штампа (I:2), каннелюры (I:3), иногда только группы обрамляющих элементов в шахматном порядке (I:4). Количество модификаций I:2,3 редко I:4 заметно возрастает по направлению к западной границе ананьинского ареала (3% в ЮВ, 38% в ЮЗ, 14,5% в СВ, 80% в СЗ Карелии). В группе узоров «западного» типа (рис. 3: группа II) гребенчатые штампы (II:1,3,4) отчасти заменены прочерченной техникой (II:2), которая заметно преобладает на периферии ананьинской провинции, особенно в северной Фенноскандии.

Такие детали оформления сосудов, как ананьинские «воротнички» и валики, есть на востоке Карелии в позднекаргопольской (4,3 и 5,2 %) и позднебеломорской культурах (4 и 5%) и чаще всего встречаются на ананьинских котловидных сосудах со шнуровыми узорами. В керамике лууконсаари западной Карелии их гораздо меньше (1,8 и 1,2%), но они также характерны для сосудов с модифицированными узорами «восточного» типа. В керамике «арктического» типа северной Карелии они отсутствуют, но валики изредка встречаются в северной Финляндии (Huurte, 1981) и Швеции (Hulthen, 1991).

Хронологические изменения облика посуды в локальных культурах аналогичны пространственным, но происходили более плавно (Косменко, 1993. С. 132–133). На поселении раннего этапа позднекаргопольской культуры Сомбома I на Водлозере (235 сосудов) соотношение посуды с узорами сложной структуры «восточного» и «западного» типов составляет 31,5: 40%, шнуровых узоров – 11,5%, с протраченным штампом – 8,5%, каннелюрами – 6,5% и много орнаментированных венчиков (34%). Есть узоры, представляющие восточные культуры бронзового века типа приказанской (гребенчатая решетка, косые фигуры под венчиком, 6,5%). Мало сосудов с примесью асбеста и органики (1,2%). Преобладание расчлененных на узкие зоны шнуровых орнаментов, воротнички и валики на сосудах, находка нагрудной бронзовой бляхи дают основание синхронизировать этот комплекс со средним и поздним этапами ананьинской культуры и отнести его к середине – второй половине I тыс. до н.э. (ср.: Вечтомов, 1967; Ашихмина, 1985).

В поздней фазе культуры на Илексе V (202 сосуда) соотношение сложных орнаментов «восточного» и «западного» типов составляет 40,7: 17,3%, шнуровых узоров – 9,6%, с протраченным штампом – 11,4%, каннелюрами – 12,4%, а орнаментированных венчиков лишь 12,3%. Нет узоров в виде гребенчатой решетки. Число сосудов с асбестом, слюдой и органикой увеличилось до 3%. Илекса V датируется в интервале между рубежом н.э. – VI в. н.э. по прикамским бронзовым вещам пьяноборского и харинского времени. Сходные изменения наблюдаются в культуре лууконсаари на Сямозере (Косменко, 1993. С. 170–171), но степень экологической адаптации здесь выше. Так, на поселении Лахта II (вторая пол. I тыс. до н.э.) насчитывается 13,3% сосудов с асбестом, слюдой и органикой, тогда как на Кудоме XI (рубеж эр – VI н.э.) их уже 53,6%.

Адаптивные признаки. В керамике железного века Карелии нет примеси ракушек, как в ананьинской посуде. На востоке края преобла-

дает посуда с примесью песка и дресвы, а на западе доминируют примеси местных минералов – асбеста, слюды и заменяющей их органики, редко талька. Тенденция использования местных минералов нарастает параллельно изменениям в неадаптивной сфере культуры. Количество такой посуды увеличивается к западной и северо-западной границе ананьинского ареала (3% в ЮВ, 38% в ЮЗ, 14,5% в СВ, 80% в СЗ Карелии). Нужно заметить, что примесь асбеста является долговременной адаптивной особенностью посуды Фенноскандии от эпохи неолита до Средневековья, но ее ареал изменяется во времени (Carpelan, 1978). В Карелии она широко применялась в керамике позднего энеолита (Витенкова, 1996), отсутствует в сетчатой посуде бронзового века и вновь появилась в керамике железного века примерно в прежних территориальных границах, но в меньшем количестве.

Каменный инвентарь. Использование местных пород камня – кварца и сланца – относится в Карелии к долговременным признакам экологической адаптации от мезолита до железного века. Кремень залегает в девятиной свите карбоновых отложений на территории Архангельской и Вологодской областей (Кривцов, 1959), поэтому его употребление вне пределов этой зоны является признаком культурной адаптации.

Количество кремневых орудий и отходов служит одним из показателей взаимодействия населения Карелии и этих областей. На востоке Карелии всегда преобладали изделия из кремня, поэтому здесь трудно выявить различия в его использовании. Но в западной Карелии, по сравнению с культурой бронзового века, количество импортного кремня в железном веке заметно уменьшилось за счет местных пород – кварца и сланца, т.е. экологическое приспособление населения к местному сырью в это время стало более высоким. Можно сравнить показатели в комплексах поселений бронзового и железного веков из небольших районов, удаленных от месторождений кремня. Так, в бассейне озер Куйто на северо-западе Карелии поселение Елменкоски с сетчатой керамикой содержит 36,6% кремневых, 63,6% кварцевых, 1,3% сланцевых орудий и 9,7: 90,3: 0% отходов, тогда как Кенто IV с керамикой лууконсаари содержит 9,7: 76,8: 1,6% орудий и 6,1: 93,9: 0% отходов из этих пород камня (Косменко, 1993). В юго-западной Карелии на поселении бронзового века Пичево III соотношение кремня, кварца и сланца составляет 73,5: 11,8: 14,7% орудий и 69: 17,8: 13,2% отходов, а в комплексе лууконсаари на поселении Пичево они изменяются в пользу местных пород (46,1: 34,6: 13,4% орудий и 24,5:

57: 18,6% отходов: Косменко, 1992). В железном веке резко сократилось количество и ассортимент каменных изделий, в общем ограниченный скребками, наконечниками стрел и нестандартными сланцевыми рубяще-долбящими орудиями (рис. 4, 11–19).

Металлообработка. Местная самородная медь из месторождения на Онежском озере не использовалась в железном веке, и обработка цветного металла в этом периоде относится к явлениям культурной адаптации населения Карелии. Все изделия этого времени сделаны из импортной бронзы камско-уральского происхождения, судя по результатам спектрального анализа, проведенного в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Косменко, 1993. Табл. 13).

Вместе с ананьинской посудой на востоке Фенноскандии появилась традиция отливки бронзовых кельтов ананьинского типа, а в стиле их декора возникли оригинальные черты. В западной Карелии найдены две литейные формы из сланца (рис. 4, 5) и талька (рис. 4, 6). Большинство кельтов и литейных форм найдены на западной периферии ареала гибридных культур с ананьинскими элементами в Фенноскандии (Tallgren, 1937; Meinander, 1954, 1969; Baudou, 1960; Bakka, 1976; Huurre, 1981), что, видимо, связано с необходимостью налаживать местное производство из-за нехватки импортных изделий (Косменко, 1993. С. 129). Кроме того, на поселениях онежского бассейна есть обломки глиняных форм для отливки бронзового прута (рис. 4, 8–10), сосудов и тиглей для плавки цветного металла (рис. 4, 7), известных в культурах железного века от Урала до Балтики.

Однако сложные виды бронзовых изделий здесь не производились, судя по отсутствию литейных форм. Преобладают камско-уральские типы импортных литых украшений и деталей поясного набора, количество которых уменьшается в западном направлении. Большею частью они найдены в восточной (рис. 5, 1, 4, 6–13), реже в западной части онежского бассейна (рис. 5, 2, 3, 5) и свидетельствуют о длительных контактах населения Карелии и восточных областей лесной зоны европейской России в интервале от среднеананьинского до пьяноборского и харинского времени Прикамья, т.е. примерно с середины I тыс. до н.э. и до VI–VII вв. н.э.

Взаимодействие культур Карелии и Верхнего Поволжья в железном веке почти не выражено. Лишь на южной периферии позднекаргопольской культуры, в ее онежско-каргопольском и белозерском локальных вариантах есть элементы орнамента и костяные вещи, известные на дьяковских городищах (Косменко, 1993. С. 136; Манюхин, 2002. Рис. 25, 26).

К явлениям экологической адаптации относится производство железа из озерной руды, которое возникло в Карелии во второй половине I тыс. до н.э., если судить по наиболее ранним радиоуглеродным датам железоделательных горнов (Kosmenko and Manjuhin, 1999). Вероятно, внедрение этой инновации связано с восточными традициями, но в Карелии и Финляндии возникла местная форма горнов многократного использования в виде обмазанных глиной небольших ящиков из каменных плит. Они известны на западе Карелии в ареале лууконсаари (4 экз., Кудома XI, Пелдожское I) и ее контактной зоне с позднебеломорской культурой (Тунгуда XII). В восточной Карелии выявлены только следы производства железа в оригинальных горнах однократного использования, вероятнее всего, из полых отрезков стволов деревьев, в которые загружали руду и уголь (4 экз., Илекса V, Муромское VII, Пичево). На поселениях железного века с горнами и железными шлаками нет специализированных пунктов кузнечного ремесла и набора соответствующих инструментов. Слабо выражен ассортимент изделий местного производства, ограниченный ножами (рис. 4, 4) и шильями. Фиксируются контакты с Прибалтикой. Это железные кельты восточнобалтийских типов, место изготовления которых точно не установлено (рис. 4, 1–3).

Генезис и территориально-культурное членение древностей ананьинского пласта в Карелии. Анализ неадаптивных элементов свидетельствует о гибридном характере культуры железного века в Карелии и разном происхождении культурных компонентов. Основным критерием специфики локальных культур южной Карелии является возникновение местных упрощенных модификаций ананьинских шнуровых орнаментов. Дополнительной чертой локальной специфики является постепенное распространение древней субстратной технологии добавления в глину посуды местных минералов – асбеста, слюды и заменяющей их органики. Различия форм прямой экологической адаптации в локальных культурах четко не выражены.

Для позднекаргопольской культуры характерно сочетание шнуровых узоров и их местных модификаций. Здесь отчетливо прослеживаются связи с восточными регионами, судя по числу бронзовых украшений камско-уральских типов. В посуде лууконсаари почти нет шнуровых узоров, преобладают упрощенные орнаменты восточного типа и много сосудов с примесями асбеста и слюды. Керамика «арктической» культуры в западной части бассейна Белого моря имеет максимум субстратных черт в декоре и технологии изготовления посуды, а восточный компонент

почти не выражен. Преобладают упрощенные орнаменты «западного» типа из прочерченных поясков и зигзагов, а в глине сосудов обычны примеси асбеста, слюды, талька. Происхождение восточного компонента в этих культурах связывается с территорией Среднего Поволжья, а субстратный компонент имеет сложный состав и главным образом восходит к культуре сетчатой керамики (Косменко, 1993).

Генезис позднебеломорской культуры южного Беломорья не имеет прямого отношения к этим культурам, потому что посуды с исходными шнуровыми узорами здесь 22%, т.е. гораздо больше, чем в бассейне Онежского озера (до 9%), где преобладают местные модификации этих орнаментов. В Беломорье крайне слабо представлен субстратный компонент, связанный с сетчатой керамикой, а сложные гребенчатые узоры гораздо ближе орнаментике посуды восточных культур бронзового века типа лебяжской. Кроме того, позднебеломорские комплексы в устье Выга суммарно содержат ок. 14% посуды «арктического» типа, что свидетельствует о преобладающих контактах с северными, а не южными областями Фенноскандии. Поэтому нет оснований считать культуру южного Беломорья ответвлением южнокарельских культур и наоборот. Вероятно, ее происхождение связано с восточной частью бассейна Белого моря, где есть поселения наподобие Красной Горы, содержащей ананьинскую керамику с шнуровыми узорами, воротничками и валиками (Фосс, 1952. С. 130–137; сборы Г. Халльстрема в 1910 г.; хран.: Statens Historiska Museer, Стокгольм, Швеция).

Проблемы интерпретации древностей западных областей ананьинского ареала. Социально-экономическое и историко-культурное содержание процессов формирования культур смешанного происхождения всегда является проблемной областью археологического анализа. Достаточно вспомнить проблемы, связанные с романизацией культуры населения Западной Европы в ходе римских завоеваний или взаимоотношения культур славян и местных финно-угорских популяций Восточной Европы. Похожая ситуация сложилась и в ананьинском ареале. Конечно, без специальных аналитических разработок трудно дать надежное объяснение процесса интеграции разнородных культур в железном веке Карелии. Но его отличия, например, от миграционной модели сложения культуры бронзового века (Косменко, 2006. С. 196–204) вполне очевидны. Это наличие комплекса субстратных черт и быстрая трансформация чужеродных неадаптивных признаков. Основной чертой процесса распространения ананьинской культуры на запад было смешение с субстратными культурами.

Заметим, что структурное и техническое упрощение орнамента в направлении распространения культуры свойственно и другим инородным типам посуды Карелии, например, накольчато-гребенчатой посуде раннего неолита сперрингс-сяр I и сетчатой керамике, т.е. такая модель изменений декора чужеродной посуды носит более общий характер. Однако неясно, почему техника и структура декора упрощаются именно в этом направлении. Обычное для культурно-исторического подхода представление о внутреннем дрейфе культурных норм по мере постепенной утраты общности традиций (Косменко, 2006. С. 200) все же не раскрывает конкретные причины и механизм упрощения в местном природном и культурном контексте. Роль субстратных популяций в подобных процессах трудно оценить, но в данном случае их участие не исключается, если учесть параллельное распространение древней технологии изготовления посуды с примесями местных минералов.

Сохранение компонентов в неадаптивной сфере культуры с ананьинскими элементами на востоке Фенноскандии позволяет говорить скорее о симбиозе разнородных традиций, чем об их слиянии. Интеграция ананьинской и местных культур наблюдается на широкой территории в лесной зоне европейской России. Так, на ананьинских поселениях (Ишмуратова, 1965) и в Старшем Ахмыловском могильнике в Среднем Поволжье тоже сосуществуют собственно ананьинские и западные элементы (Кузьминых, 1983). К сожалению, отсутствие антропологических материалов не позволяет говорить о составе популяции железного века в Карелии. Доводами в пользу инфильтрации, а не массового переселения ананьинцев в северо-западные области лесной зоны служат последовательное уменьшение доли восточного компонента, сохранение субстратных черт в погребальном обряде, хозяйстве и образе жизни, сравнительно высокая степень экологической адаптации, наконец, отсутствие восточной, пермской топонимии (Косменко, 2006. С. 218). Образ жизни и, видимо, социальная организация населения здесь заметно не изменились по сравнению с бронзовым веком.

В западной части ананьинского ареала есть и признаки передвижений групп населения. В этой связи вновь упомянем различия между материалами южного Беломорья и бассейна Онежского озера, которые отражают их разное происхождение. Менее значительны различия между обликом позднекаргепопольской культуры юго-восточного побережья Онежского озера и ее северного, водлозерского варианта. Они состоят, помимо прочего, в почти полном отсутствии на онежской посуде модифицированных

орнаментов восточного типа. Это сближает ее с керамикой поселений Каргополья. Такие явления можно рассматривать как следствие перемещений групп населения из бассейна р. Онеги на запад (Косменко, 1993. С. 136; Манюхин, 1996. С. 238). В общем, распространение культуры с ананьинскими элементами шло двумя путями – из Среднего Поволжья в восточную Фенноскандию, а также вдоль северной части лесной зоны на запад, ослабевая к западной и северной границам ареала гибридных культур.

Весьма сомнительно, что причинами столь широкого распространения культуры с ананьинскими элементами в лесной зоне были случайные обстоятельства, например, давление степных кочевников вследствие скифо-персидского конфликта 514 г. до н.э. (Халиков, 1977. С. 258). Основным стимулом освоения северных территорий вряд ли была только потребность в пищевых ресурсах, тем более их товарное производство, не говоря уже о земледелии и животноводстве. Вероятнее всего, речь может идти о товарной добыче мехов ценных пушных зверей и постепенном сложении промысловой охотничьей специализации хозяйства (Косменко, 1993. С. 139, 140). Тогда становятся более понятными подвижный образ жизни населения, отсутствие признаков освоения в железном веке ресурсов крупных водоемов и следов земледельческо-животноводческого хозяйства в Карелии, отсутствие в Волго-Камье видимых эквивалентов обмена металлических изделий, наконец, специализация на пушной охоте населения южной Карелии в раннем Средневековье, переориентированная на балтийско-волжский торговый путь.

Различная экологическая и культурная адаптация стали важными факторами разобщения саамов и соседних финноязычных популяций (Косменко, 2006. С. 219). Тенденции формирования экономики и культуры железного века в Карелии во многом обусловлены спецификой приспособления южных саамов к местной природной и окружающей хозяйственно-культурной среде, в отличие от Прикамья, Поволжья и ряда восточнобалтийских областей, где практиковались земледелие и животноводство. Разумеется, речь не идет о четко материализованных следах и границах этнических общностей. Когда во второй половине I тыс. н.э. в Белозерье появились могильники с трупосожжениями (Башенькин, 1986), произошло размежевание культур лесной зоны северо-западной России и бассейна Волги. Его можно принять как условный индикатор хозяйственно-культурного разграничения саамов и волжских финнов, который в целом совпадает с южной границей саамской топонимии (Saarikivi, 2006. Karte 2). Восточная

граница ареала саамских топонимов проходит восточнее Северной Двины (Ibid.), но культура железного века здесь слабо изучена. На юго-западе, в районе Финского залива, обособились балтийские финны, которые многое переняли у германо- и славяноязычных соседей бассейна Балтики. Хозяйственно-культурное обособление саамов юго-восточной Фенноскандии лишь усилилось в конце I – начале II тыс. н.э., когда уральская ориентация связей сменилась на балтийско-волжскую. Этому способствовали ранняя специализация местного населения на пушном промысле и подвижный образ жизни, которые препятствовали внедрению земледелия, животноводства и ремесел.

Финал железного века. На протяжении эпохи железа в Карелии нет следов внедрения новых инородных культурных типов, и лишь во второй половине I тыс. н.э. произошла перестройка культурной карты. В X в. здесь фиксируются две группы поселений с охотничье-рыболовецким хозяйством (Косменко, 1996). Одна из них распространилась в южной части бассейна Онежского озера. Ее отличает лепная посуда, близкая керамике из синхронных курганов юго-восточного Приладожья. Большую часть Карелии заняла культура поселений без керамики, известная в северной Фенноскандии. Совпадение расположения крупных поселений железного века и бескерамических памятников, сходство каменных железоделательных горнов дают основания предполагать преемственность их культуры. В то же время, в обеих группах доминируют элементы хозяйственно-культурного приспособления к конкретной исторической ситуации. Речь идет о переориентации меховой торговли местного населения на балтийско-волжский путь в X–XI вв., которая отразилась в обилии импортных металлических и иных вещей на поселениях охотников-рыболовов южной Карелии.

Литература

Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // МАЕСВ. 1985. Вып. 10.

Башенькин А.Н. Юго-Западное Белозерье во второй половине I – начале II тысячелетия н.э.: АКД. Л., 1986.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры // УЗПУ. 1967. № 148.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Ишмуратова Г.Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1.

Карпелан К. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.

Косменко М.Г. Эпоха средневековья. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 4.

Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего Средневековья в Карелии // Проблемы изучения этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье). Петрозаводск, 2006.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2001.

Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Манюхин И.С. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения). Петрозаводск, 2002.

Ошибкина С.В. Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла: АКД. М., 1966.

Панкрушев Г.А. Происхождение карел (по археологическим данным) // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Ч. 2. Л., 1977.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху // МИА. 1952. № 29.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Шнирельман В.А. Специфика этнической структуры у охотников, собирателей, рыболовов // Расы и народы. Вып. 12. М., 1982.

Åuråpää A. Kulturförhalländena i Finland före finnarnas invandring // SMYA. 1951. T. 52.

Bakka E. Arktisk og nordisk i bronseeldern i Nordskandinavia // Det Kgl. Norske Videnskabers Selskab Museet. Miscellanea. 1976. № 25.

Baudou E. Die regionale und chronologische Einteilung der jüngeren Bronzezeit im nordischen Kreis // Acta Universitatis Stockholmensis. 1960. № 1.

Baudou E. Gränser och center-periferi-forhållanden i Norrlands bronsålder // Jysk Arkeologisk Selskab Skrifter. 1989. T. XXIV.

Bolin H. Crossroads of culture. Aspects of the cultural and social settings in northern Sweden during the last two millennia BC // FA XVI. 1999.

Binford L.R. Archaeological Systematics and the Study of Cultural Process // American Antiquity. 1965. № 31 (2).

Carpelan C. Om den östliga metallkulturen i Finland – kronologi och ursprung (autoreferat) // KUMU, 1973/1974. Jysk Arkeologisk Selskab, 1974.

Carpelan C. Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // FM. 1978.

Childe V.G. Piecing together the past. The interpretation of archaeological data. London, 1956.

Clarke D.L. Analytical Archaeology. London, 1968.

Hodder I. Reading the Past. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge, 1991.

Hulthen B. On ceramic ware in Northern Scandinavia during the Neolithic, Bronze and Early Iron Age // Archaeology and Environment. № 8. Umeå, 1991.

Huurte M. Suomussalmen varhaista metallikautta // SM. 1981.

Jones S. The archaeology of Ethnicity.

Constructing identities in the past and present. London and New-York, 1997.

Jørgensen R. and Olsen B. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100 f.Kr. – 100 e.Kr. // Tromsø Museums Rapports. № 13. Tromsø, 1988.

Kosmenko M.G. and Manjuhin I.S. Ancient iron production in Karelia // FA XVI. 1999.

Lundholm K. En Ananinogjutform från Torne-dalen // Fornvännen. 1970. № 1.

Meinander C.F. Die Bronzezeit in Finnland // SMYA. 1954. T. 54.

Meinander C.F. Dåvits. FM. 1969.

Meinander C.F. Akozino, Akhmylovo och mälaryxorna // FM. 1985.

Renfrew A.C. The Emergence of Civilisation. London, 1972.

Saarikivi J. Über das saamische Substratnamengut in Nordrussland und Finnland // Substrata Uralica. Tartu, 2006.

Shennan S. Introduction // Archaeological Approaches to Cultural Identity. London, 1989.

Tallgren A.M. Eräitä epäselviä muinaislöytöyää // SM. 1934.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. T. XI.

Trigger B.G. A history of archaeological thought. Cambridge, 1989.

Рис.1. Поселения железного века в Карелии. а – крупные поселения, б – поселения среднего размера, в – кратковременные поселения и местонахождения, г – скопления

I. Позднекаргопольская культура. 1–4: Муромское III–V, VII; 5: Усть Водла II; 6–7: Подпорожье I, IV; 8: Кашино; 9–10: Водла XVII–XVIII; 11: Челмужская Коса I; 12: Войнаволок XXXIV; 13–14: Сомбома I–II; 15–16: Малая Пога I–II; 17–18: Пога I–II; 19: Бостилово II; 20: Кевасалма; 21: Куганаволок; 22: Путилово; 23: Охтомостров II; 24–26: Охтома I–III; 27–30: Келка I–IV; 31: Келкозеро; 32–34: Илекса III–V; 35–36: Шеттима I– II; 37–40: Нижняя Колонжа I–III; 41: мест. Ниж. Колонжа; 42: Илекса II; 43: Илекса VII; 44: Иламоостров; 45: Коскосалма; 46: Тонда I; 47–48: Сухая Водла I–II; 49: Водла I; 50–55: Водла II, III–VI, XII

II. Культура лууконсаари. 56: Киньярви VII; 57–58: Пичево, Пичево III; 59: Томица; 60: Святозеро VIII; 61: Черанга III; 62: Вятчельское II; 63: Мертвый остров; 64: Сопоха III; 65–66: Сяся I–II; 67–68: Малая Суна I, IX; 69–70: Чуйнаволок I–II; 71–75: Лахта I–III, VII, IX; 76–79: Кудома VIII–XI; 80–82: Хижозеро I, III, VIII, 83: Маслозеро III; 84: Коргуба; 85–89: Калмозеро II–III, VI, X, XII; 90: Бабыя губа; 91: Энонсу; 92: Кенто IV

III. Позднебеломорская культура. 93–95: Сумозеро XV, XVI–XVII, XLII; 96: Ендогуба II; 97–101: Бесовы Следки I–III, IIIa; Бесовы Следки («святителище»); 102–104: Ерпи́н Пудас I–II, IV; 105–107: Выгостровская ГЭС; мест. в русле р. Выг; Шойрукшин остров; 108–109: Залавруга II, IV; 110–114: Золотец I, VIII–X; XVI; 115: Усть-Уда; 116–122: Горелый Мост II–VIII; 123–126: Тунгуда I–III, XII; 127: Березово IV–VI; 128: Бохта II.

IV. «Арктическая» культура. 129: Елменкоски; 130: Кемь I; 131: Пяозерская; 132: Софьянга I; 133–134: Усть-Понча I–II; 135: Тумча

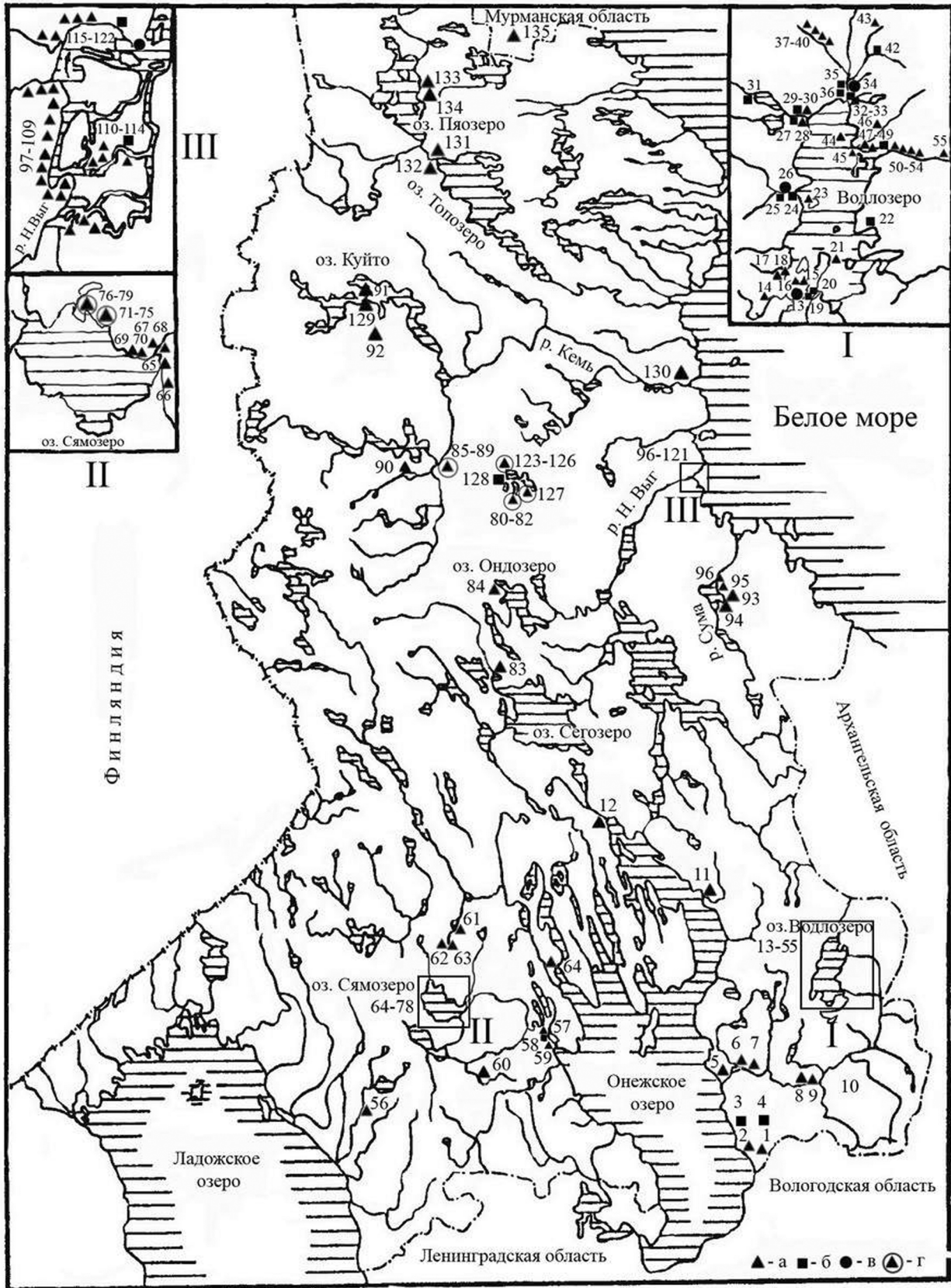

Рис.1

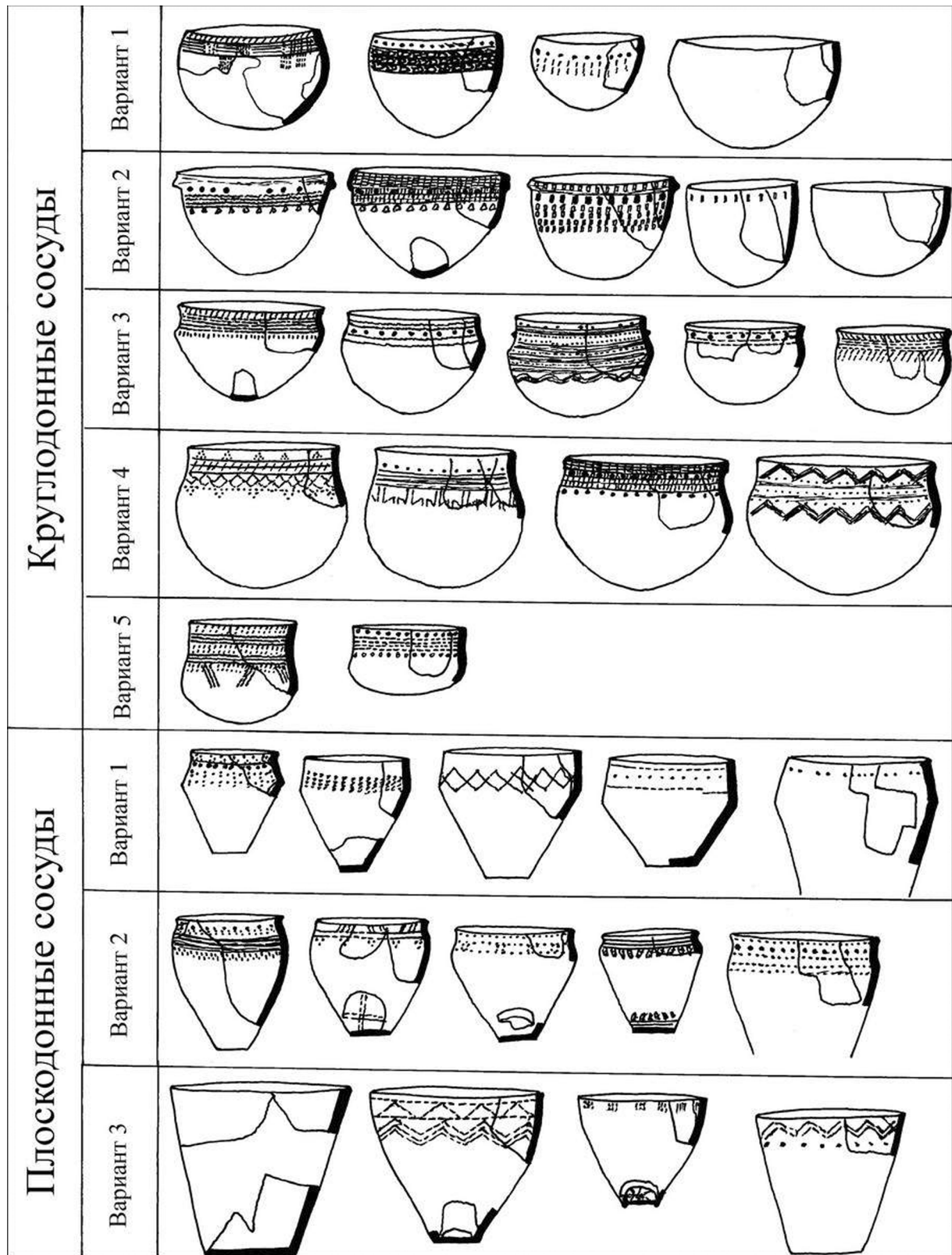

Рис.2. Формы глиняной посуды железного века

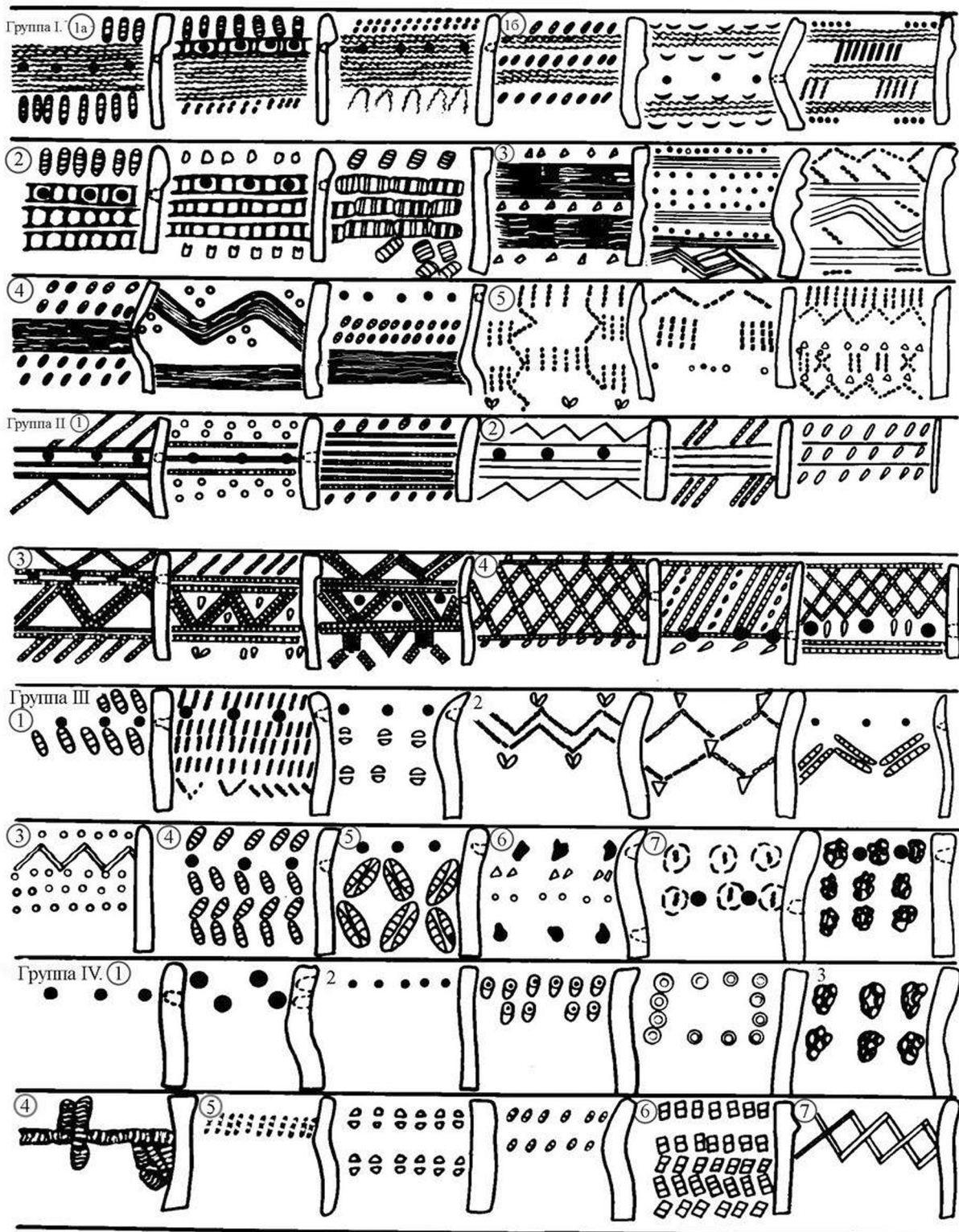

Рис.3. Классификация орнаментов керамики позднекаргопольской культуры

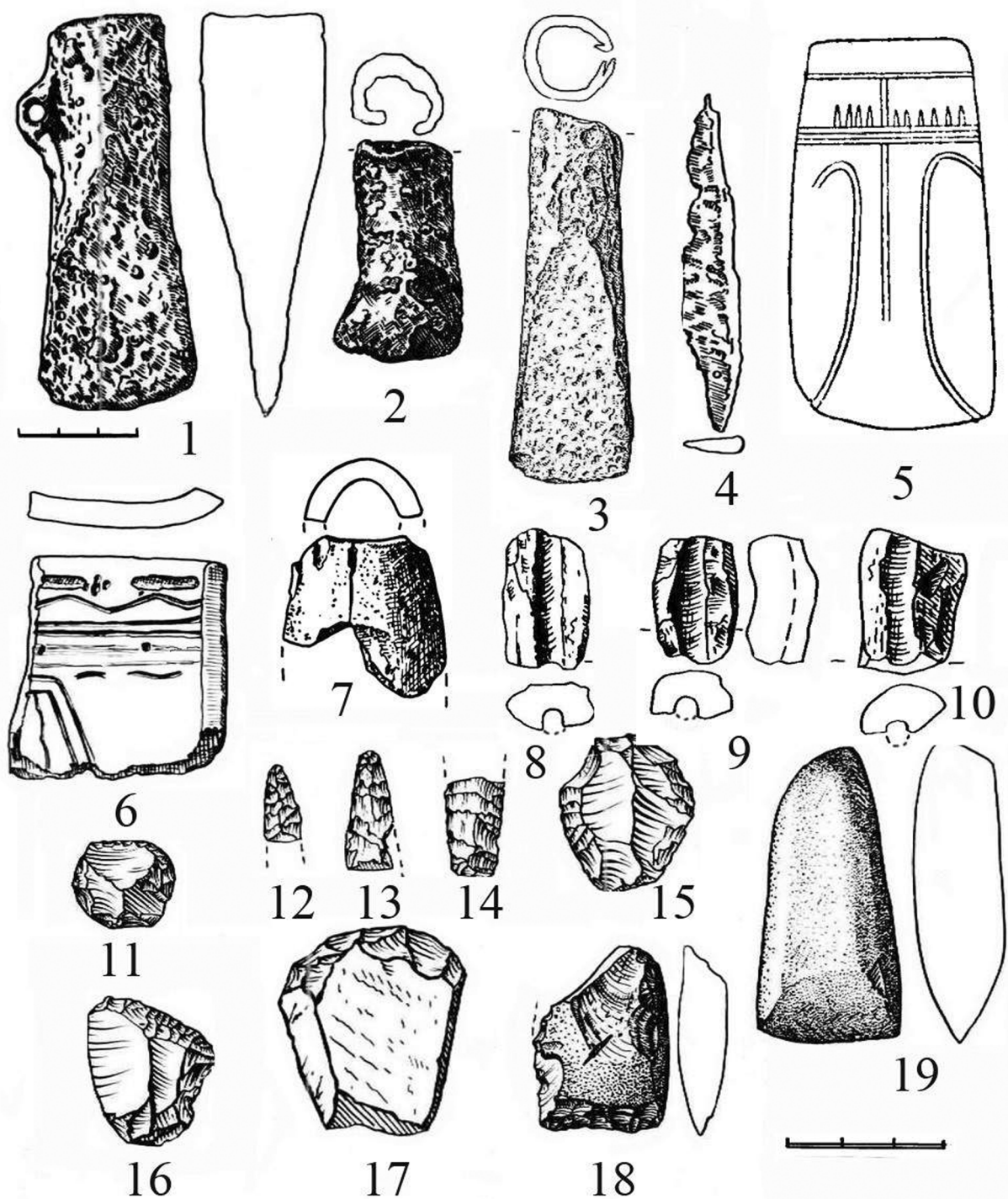

Рис.4. Различные изделия с поселений железного века. 1, 2, 10: Кудомы XI; 3: Бохта II; 4: Муромское VII; 5: Бабыя Губа; 6: Лахта I; 6: Илекса V; 7: Шеттима I; 8, 9: Сомбома I; 11–19: Пичево. 1–4: железо; 5, 18, 19: сланец; 6: тальк; 7–10: глина; 11–16: кремь; 17: кварц

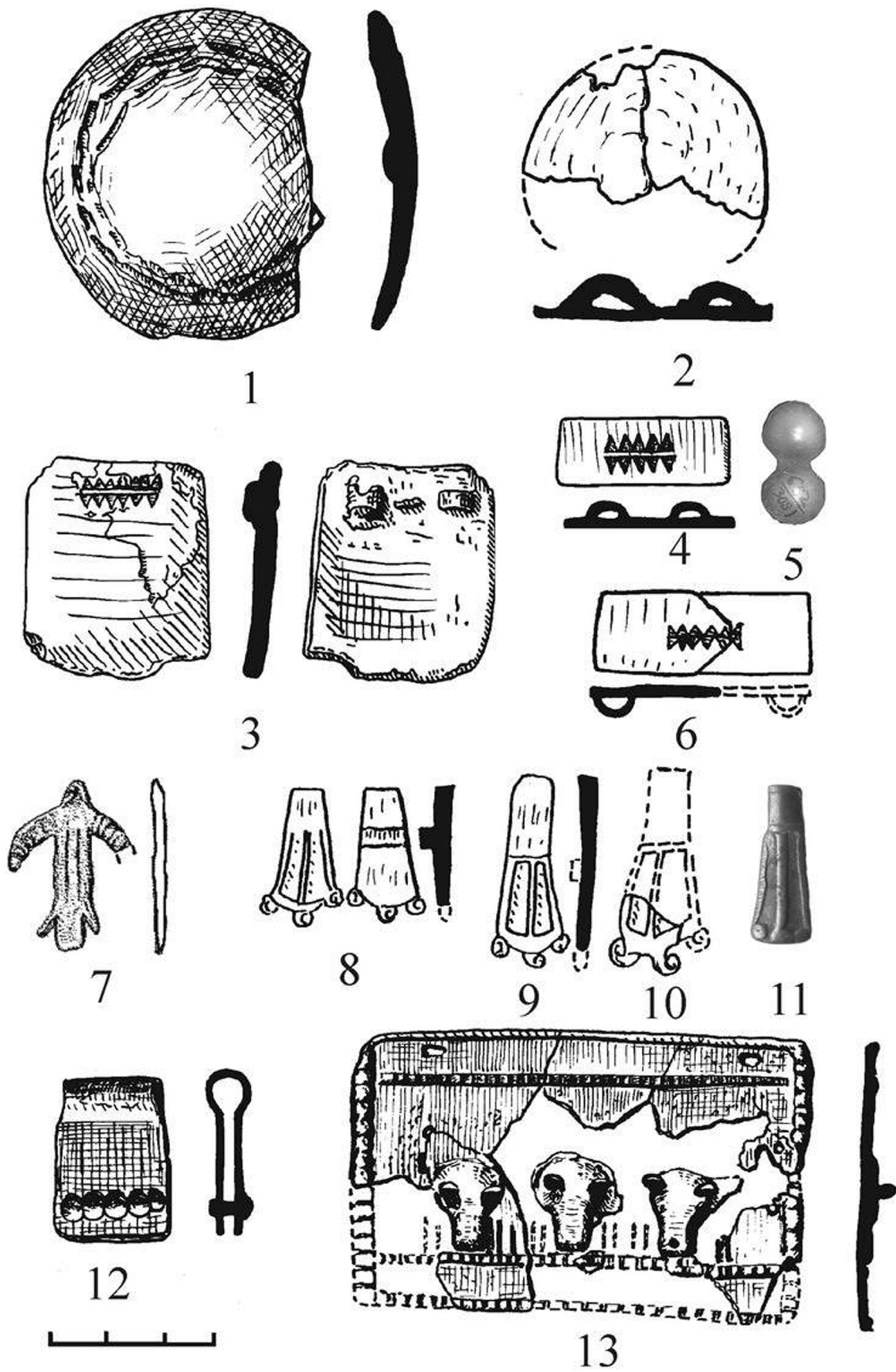

Рис.5. Камско-уральские бронзовые изделия железного века в Карелии. 1, 11: Сомбома I; 2, 3: Кудома XI; 4, 12: Илекса V; 5: Лахта I; 6: Шеттима I; 7: Сумозеро XV; 8–10, 13: Илекса III

М.Г.Гусаков, Г.К.Патрик

Погребения на городищах лесной полосы раннего железного века (по материалам дьяковской, милоградской и юхновской культур)

Проблема понимания подлинной природы городища и его функции в жизни древнего человека до сих пор актуальна. С давних пор, еще с эпохи первых знакомств с памятниками России в XVIII–XIX вв., наибольшую популярность приобрела идея, что городище – это остатки древнего «городка»; эту версию отстаивали К.Ф. Калайдович и Д.Я. Самоквасов (Формозов, 1988). Была и альтернативная версия, что городище – это святилище, или языческое капище, ее выдвигали З.Д. Ходаковский и А.А. Спицын (Формозов, 1988). Данные версии возникли до археологических раскопок на городищах. Ныне ситуация изменилась, и мы можем на материалах многих раскопок составить вполне компетентное мнение.

Начнем с первого представления, что **городище – древнее укрепление** (Рис. 1-8).

Впервые такую версию выдвинул Д.Я. Самоквасов (1873, 1878), его работа стала отправной точкой, далее эту идею развивали А.В. Арциховский (1934), Б.А. Рыбаков (1953), В.В. Седов (1960) и др. Идея рассматривать городище как укрепленный пункт коллективной обороны страдает, как нам представляется, рядом изъянов (Рис. 7-8). Во-первых, нет источника воды на площадке городища, внутри его ограды, что лишает защитников возможности одновременно сопротивляться. Во-вторых, малые размеры городища. В случае нападения городище должно вместить не только людей ближайшей округи, но и скот, что практически лишает защитников маневра внутри городища (Краснов, 1971). В-третьих, многие городища Литвы, Белоруссии устраивались на дюнах, где песчаный грунт лишает прочной основы все несущие конструкции. В-четвертых, зачем делать защитные сооружения в местах и так достаточно защищенных самой природой, например, на речных мысах. Крутые склоны, высота подъема практически исключают «успешность» атаки городища в этих местах. На многих городищах площадки имеют слабый наклон. Конечно, его можно выровнять, но он создает определенные трудности в освоении всего пространства городища. В-пятых, основной строительный материал городищ – дерево, тростник и солома.

Именно эти материалы делают городище удобной мишенью: достаточно одной горящей стрелы, чтобы вся оборонительная система загорелась, а из-за отсутствия воды все попытки сбить пламя обречены на неудачу.

Еще одна техническая деталь – на многих городищах уровень площадки был много выше, чем гребень вала. Следовательно, вал не мог прикрывать защитников от стрел противника, даже если на нем воздвигнуть боевую площадку (парапет). Если посмотреть на план любого городища, то удивляет огромное количество столбовых ям и их плотность, «яблоку негде упасть». Спрашивается – где двор, где помещения для жилья, где хозяйственные постройки и где линия обороны? Ответа нет.

Мы представили всего лишь небольшую часть возражений против идеи городища-убежища. На наш взгляд, наиболее эффективным способом обороны – и об этом неоднократно говорят письменные источники – было бегство в лес со всем домашним скарбом и скотом (Гусаков, 1991). В период галльской войны Цезарь обнаруживал множество больших и малых галльских укреплений, но галлы редко вступали в открытое противостояние с римлянами, хотя они имели настоящие крепости из камня, как, например, каменная крепость Алезия, во всех других случаях галлы предпочитали уходить от столкновений (Цезарь, 1948).

Приведем еще один исторический пример. Речь идет о прусских городищах. До приходов на землю Балтии «тевтонов» у пруссов были городища. Некоторые они использовали как святилища, так же как и их соседи на территориях Белоруссии и Центральной России. Городища пруссов мало чем отличались от таких же городищ восточных балтов в эпоху ЖВ (Кулаков, 1990а, 1990б). В 1230 г. в Восточную Пруссию пришли «тевтоны» и с молниеносной быстротой начали «захватывать» эти укрепления. Пруссы свои городища стали дополнительно укреплять, но все было напрасно. Городища брали штурмом за 1–2 дня (Кулаков, 1990, 1994; Петр из Дуйсбурга, 1997).

В период монголо-татарского нашествия в 13 в., казалось бы, все городища должны были

быть разрушены и сожжены в силу их приспособленности к обороне. Однако ничего подобного нет. Все городища просто перестают использоваться, причем, по многим наблюдениям, процесс заустения городищ происходит еще раньше, в V в. н.э., другие городища использовались как лесные святилища вплоть до позднего средневековья (Смирнов, 1991).

Несколько слов о постройках жилищ на городищах. Раскопки и дальнейший анализ жилых сооружений на городищах, как правило, вызывает определенные трудности, и их интерпретация часто носит сомнительный характер. В археологической практике мы имеем дело только с малой частью жилища, а именно с ее напольной частью. Все, что было выше, нам недоступно, мы можем только предполагать и строить различные предположения. Например, вызывают сомнения т.н. «длинные дома», где очаги так сооружены, что при нагреве стены моментально превратятся в «банное помещение», где можно находиться не более 10 минут.

Дома столбовой конструкции как жилые сооружения недолговечны и к зимним условиям средней полосы явно не приспособлены. Надо сказать, что интерпретация жилых построек – самое «узкое место» всех исследований по городищам. Анализ контуров «древних домов» по чертежам, полученным в результате раскопок, – род археологического искусства. У одних это выглядит убедительно, у других мы только считаем ошибки. Особенно это хорошо заметно, когда в археологических работах представляют раскопанные жилища и нам дают понять, как строится жилище по пунктирным контурам. Но мы не знаем случая, когда проведенные линии не вызывали бы сомнения у читателя.

Вторая версия – это **городище-святилище или ритуальное место** для свершения религиозно-магических действий (Рис. 6-7). В последние десятилетия прошлого века эту идею отстаивали и пропагандировали Б.А. Рыбаков и особенно И.П. Русанова и Б.А. Тимошук. В качестве примера использовались раскопки городищ на Буковине (Богит) и Западной Украине, проведенные Русановой и Тимошуком. В 1980-е годы было установлено, что круглые и небольшие по размеру городища имели небольшие круглые площадки, которые служили для счета времени и ведения календаря (Тимошук, 1989). Но эта версия всесторонней поддержки не получила. Мы не станем подробно останавливаться на этой теме: она достаточно разработана в трудах И.П. Русановой и Б.А. Тимошука (Рис. 6-7).

Есть еще одна версия, что **городище – древний некрополь**, только не грунтовой могильник, а погребальный комплекс, где погребения

располагаются в «домиках мертвых», по аналогии с погребальными комплексами северных народов Сибири. Идея рассматривать городище в качестве некрополя пришла не случайно. Впервые ее высказал П.Н. Третьяков, когда анализировал материалы из собственных раскопок городища Березняки (Третьяков, 1966). Эта идея не столь очевидна, как выше отмеченные, она нуждается в системе доказательств.

Во-первых, начнем с того, что впоследствии, после работ Третьякова, но уже в 1950–60-е гг., погребения в домиках мертвых были обнаружены на ряде городищ (Краснов, 1978). Во-вторых, нас удивило обстоятельство, что культуры с погребальным обрядом по типу кремации (поморская, подклешевая, вельбарская, пшеворская) обходятся без городищ, а их могильники располагаются на холмах или дюнах. Тогда как в милоградской, подгорцевской и юхновской культурах погребения располагаются непосредственно на городище. Так, погребения с кремацией были случайно обнаружены О.Н. Мельниковской в 1959–60-е гг. (Рис. 10). Скажем сразу, что это были первые раскопанные погребения с сожжением в практике советских археологов, обнаруженные на площадках городища не только в Белоруссии, но и в других местах. Серьезного опыта раскопок подобных памятников не было. При внимательном чтении отчетов и статей по данному вопросу мы пришли к выводу, что при раскопках были допущены досадные промахи. Автор раскопок сама достаточным опытом не обладала и училась «по ходу дела». Впрочем, и уровень археологии того, послевоенного, времени был весьма низок.

Чем вызвано это обстоятельство?

Проблема погребений на городищах, по-видимому, не имеет быстрых решений. Удивляет, что за 150 лет раскопок и разведок, проводившихся на сравнительно больших территориях Верхнего Поднепровья, Подмосковья, Подесенья, Поочья, Верхнего Поволжья не было найдено ничего похожего на погребальные памятники эпохи раннего железного века (далее РЖВ). Важно, что наряду с «дьяковцами» не имеют погребений памятники культуры штрихованной керамики (ШКК), днепродвинской (ДДК), верхнеокской (ВОК) и городецкой культур (ГК) (на ранней фазе). В результате очерчивается огромная территория, на которой полностью отсутствует погребальный обряд (следы погребального обряда) – почти вся широколиственная зона лесной полосы Восточной Европы. Не думаем, что это положение в действительности таково. Правда, на периферии этой зоны в синхронных культурах – милоградской и юхновской – погребальные памятники есть. Но при внимательном ана-

лизе материалов этих культур появляется сомнение в принадлежности погребальных памятников к указанным культурам.

Что можно предположить в связи с этим положением? Идея о погребальном обряде, совершенном по типу лесных народов севера, выглядит вполне вероятной. И вот почему. Нам хорошо известно, что в процессе формирования ДК на начальном этапе принимали участие финно-угорские народы, которые не знали (?) погребений в земле. Возможно, что они передали свои навыки в погребальной практике обрядности «дьяковцам». Однако начиная с IV–III вв. до н.э. в пределы ДК начинают вторгаться «культурные традиции балтов». Балты знают погребальную обрядность и хоронят своих соплеменников по обряду сожжения (милоградцы)¹. Но вызывает удивление, что к рубежу эр, когда это влияние стало почти несомненным, данный процесс никоим образом не отразился в появлении погребений в аборигенной дьяковской среде. Нет курганов, нет грунтовых могильников, нет кладбищ (некрополей), обычно сопутствующих поселениям и селищам. Можно предположить, что у дьяковцев был обряд сожжения по типу индусского. Умершего сжигали на берегу реки и остатки праха сплавляли по реке. Однако этнография восточноевропейских народов ни в прошлом, ни в современном состоянии на сей счет не дает нам ни малейшего примера.

Погребения могли располагаться на площадках и склонах городища, во рву, в урнах, специальных хранилищах (ларцы, туеса и т.д.), которые мы при раскопках воспринимаем как бытовую посуду, но она разбита вдребезги. Ряд исследователей высказывали идею, что погребения могли устраивать в **валах** городища. В качестве примера приводятся городища с узкими площадками, на которых стоят три, а то и четыре вала, в то время как от самой площадки ничего не остается. Таковы городища Псковщины, Верхневолжья, Русского Севера и т.д. Есть примеры, когда погребения обнаруживались на валах, например, раскопки М.Е. Смирновой в Калининградской области.

Встает вопрос – зачем такое количество костров на городище? Печей? Только для того, чтобы обогревать некое пространство, что явно непрактично по причине возможности пожара. Возможно, при тщательном просеве земли нам будут попадаться мелкие фрагменты пережжен-

ных костей? Но судя по всему, этот вопрос далек от разрешения.

Но вернемся к идее городища – некрополя. Если городище – «вместилище усопших», то оно обязательно должно обваловываться, так же как если бы было приспособлено для обороны. Вал – это «священная граница» между миром живых и мертвых. На городище могли сжигать покойников. Не исключено, что для этих целей служили печи (очаги). На городищах всех лесных культур обнаружены фрагменты одинаковых по форме горшков баночной формы, чаще всего орнаментированных пальцевыми защипами по краю венчика и орнаментами по тулову. Эти сосуды могли использоваться в качестве урн, хранилищ праха. Урны с прахом могли выставлять в помещениях, которые вовсе не приспособлены к жилью, а представляют собой, скорее всего, колумбарии. Выше уже отмечалось, что дома столбовой конструкции вовсе не способствуют длительному проживанию в средней полосе Европейской России, выше 53° с.ш. Даже «полуземлянки» можно интерпретировать как помещения для покойников. Но они, скорее всего, являются не полуземлянками, а всего лишь остатками нижней части наземного сооружения. Как выглядело это сооружение? Думается, что это был обычный бревенчатый сруб, изба. Иначе этот сруб называется – «домик мертвых». Подобные дома были обнаружены в дьяковских памятниках при раскопках Ю.А. Краснова в Саввино-Сторожевском монастыре и П.Н. Третьякова в Березняках. Дом погребенного (домовина) должен стоять на столбах (стульях). Он не имеет права «осквернять землю», поэтому и должен «висеть» над землей (Рис. 9).

Идею «священной горы» могут вполне воплотить городище, курган, дюна, на которой часто располагается могильник – это все признаки одной идеи, Идеи Горнего Мира – Мира Неба. Только грунтовой бескурганной некрополь как бы нарушает эту идею, но если приглядеться, то и здесь мы обнаружим, что грунтовые могильники часто стоят на возвышенностях.

Несколько слов о похоронном обряде у дьяковцев, как мы его представляем. На городище сжигают, часть праха укладывают в урну, которая помещается в «длинный дом», или «домовину», где уже стоят «первопредки». При постоянных чистках городища через каждые 25 лет, естественно, что какая-то часть урн бесследно исчезает или затаптывается в грунт, а что-то остается функционировать дальше. В итоге мы имеем дело с городищем, которое для его насельников является не просто религиозным местом, а вместилищем **духов предков** и местом мистерий и **священнодействий**.

¹ Многие археологи считают, что юхновские племена относились к балтской языковой ветви. Однако были другие версии, например, Рыбаков и Мельниковская считали юхновцев прото-славянами. Юхновцы хоронили своих соплеменников по обряду труположения.

В условиях подсечного земледелия, когда родовая группа вынуждена перемещаться в пространстве через каждые 3–5 лет, могут возникнуть ситуации, когда группа далеко уходит от своего «святилища» или некрополя. Если кто-то умирает, то его тело могут сохранить, как это описано у Вульфстана (Матузова, 1979). Зимой это просто – в «леднике», летом тело можно сжечь, прах положить в урну и вернуть ее на «законное» место (родовое святилище), когда представится для этого возможность, но если прах не сохранился, то устраивают **кено-таф**. Заметим, что «пустых погребений» достаточно много в культурах РЖВ, например, в милоградской, зарубинецкой, черняховской.

У дьяковцев нет зафиксированных археологами погребений в земле. Однако мы знаем из этнографии, что у лесных народов есть погребения в «домиках мертвых», вознесенных над землей, в виде срубных домовин. Туда часто прячут от животных припасы. Что-то вроде избушки на «курьих ножках» (Рис. 9) (Гемуев, Сагалаев, 1986; Гурвич, 1977; Мазин, 1984). Возможно, это искомый ответ. Может быть, у дьяковцев были такие «избушки на курьих ножках», и стояли они на городищах. Таким образом, получается, что городище по всему периметру, внутри вала, было занято этими постройками. Домовины должны так стоять, что при этом они не задевали друг друга.

Еще одно замечание. При просмотре погребений в Прибалтике – так называемых могил, обложенных камнем и расположенных вокруг Финского залива – приходит в голову идея, что над каменными контурами могильных помещений сооружались деревянные перекрытия в виде деревянных срубов или каких-то «сараяв». Подобная гипотеза была высказана еще В.А. Лыugasом (1971). Каменные ограды были всего лишь фундаментами этих сооружений. Опять возникает ассоциация с «домиками мертвых», только они сделаны в смешанной строительной технике. Нижний уровень – каменная кладка по контуру сооружения, на ней монтировалось деревянное сооружение в виде «домика» или сруба, перекрытое крышей. К сожалению, такая конструкция археологически не может быть прослежена полностью, так как дерево с течением времени сгнивало и разрушалось. Встает вопрос – куда дели останки покойного после его сожжения? Ответ – снесли на городище в домик мертвых, прах в горшке-урне или в емкости из другого материала.

На многих городищах находили человеческие погребения. Приведем краткий список таких погребений, отмеченных в археологических отчетах:

1. Городцов В.А. Старшее Каширское городище. Раскопки 1932–33 гг. (Городцов, 1934). При раскопках были обнаружены человеческие зубы и обломки черепа. Но нет уверенности, что землю просеивали.

2. Кухаренко Ю.В. Городище Головно. «В одном месте, недалеко от построек, в толще культурного слоя найдены обломки обожженного человеческого черепа. Городище Бабка. «В толще культурного слоя на южном краю площадки, у самого вала, обнаружены остатки разрушенного погребения с трупосожжением» (Кухаренко, 1961. С. 35).

3. Третьяков П.Н. Городище Березняки. Раскопки 1939–40 гг. (Третьяков, 1941). На городище зафиксированы девять домов-полуземлянок, которые, по мнению автора раскопок, являлись «домами мертвых».

4. Третьяков П.Н. Городище Тушемля. «Отдельные кости человека происходят, вероятно, из разрушенного в древности погребения эпохи бронзы», какого погребения, где оно могло быть – автор не указывает (Третьяков, 1963. С. 70).

5. Розенфельдт Р.Л. Троицкое городище. Раскопки 1963 г. «Во рву встречаются сильно разрозненные остатки человеческих костяков. В раскопе 14, в донной части заполнения рва, был найден человеческий череп, хорошей сохранности. В раскопе 11 – кости людей. На раскопе 9, на площади городища, обнаружен костяк человека, зарытого в выброс из первоначального рва» (Розенфельдт, 1970. С. 139, 140).

6. Мельниковская О.Н. Раскопки 1954–1959 гг. Могильник милоградской культуры на городище Горошков расположен непосредственно за жилой частью городища, занимая площадку между наружным и внутренним валом и далее за пределами городища на плато. При раскопках мысовой части городища при вскрытии «длинного дома» на полу были найдены многочисленные остатки пережженных человеческих костей (Мельниковская, 1962).

7. Мельниковская О.Н. Городище Асаревичи. За валами городища, в раскопах и шурфах, в местах скопления керамики «иногда удавалось обнаружить следы ям с золистым заполнением и кальцинированными костями, в одном случае с зубами жертвенных животных, т.е. типичные погребения МК (Мельниковская, 1967. С. 13).

8. Мельниковская О.Н. Городище Мохов. «При раскопках 1961 г. на площади городища в непосредственной близости от жилища 1955–1956 гг. обнаружены аналогичные погребения погребениям Горошкову. На площадке за валом обнаружены три трупосожжения (Мельниковская, 1967. С. 13).

9. Мельниковская О.Н. Около городища Кудлаевка (юхновская культура) автор раскопала в поисках могильника около 3000 м². Ничего не было обнаружено, кроме весьма подозрительных ямок с трупосожжениями, но уверенности полной не было. Однако на самом городище обнаружено погребение ребенка. Яма была похожа на обычную хозяйственную яму. Очень все это напоминало автору раскопок такие же погребения на милоградских городищах (Мельниковская, 1970. С. 50–54).

10. Мельниковская О.Н. На городище Мезин в Черниговской области на уступе обнаружено трупоположение с булавкой и горшком, случайная находка. Там же позднее было обнаружено шесть погребений РЖВ (Мельниковская, 1970).

11. Розенфельдт Р.Л. Городище Алпатово. (АКР: Московская область. Т. 4. С. 102). В промоинах близ южного вала и на его поверхности найдены человеческие кости. На основании пусть и небольшой выборки и наблюдений можно предположить, что городище могло использоваться как некрополь и как святилище.

12. Бадер О.Н. «Около с. Троицкое в 10 км около г. Зубцова Тверской губернии, на Лихачевском городище обнаружены 2 погребения фатьяновской культуры» (Бадер, 1937).

13. Рыбаков Б.А. При раскопках на Благовещенском городище под Вщижом обнаружил 14 погребений с западной ориентировкой без вещей (АКР..., 1993. С. 83).

14. Пузикова А.И. Марицкое городище (юхновская культура), Курская область, раскопки 1973–74 гг. На площадке городища было обнаружены десять погребений, совершенных по обряду трупоположения. Погребения безынвентарные. Однако датировать их удалось по косвенным находкам. Дата: 1-й период – VI–V вв. до н.э.; 2-й период – IV–III вв. до н.э. Надо заметить, что в этом месте нет курганов той же культуры (Пузикова, 1981).

15. Краснов Ю.А. «Домик мертвых», зафиксированный на Савино-Сторожевском городище под Звенигородом (Краснов, 1978).

16. Смирнова М.Е. Городище Логиново, Калининградская область. На валу обнаружены костные останки пожилого человека в погребальной яме. Автор раскопок приняла данное погребение как погребение «жреца» (Смирнова, устное сообщение).

Есть еще одна проблема, которая, вызывает ряд вопросов и возражений. Речь идет о погребениях на городищах милоградской и юхновской культур. Давно утвердилось мнение, что эти культуры по своему материально-культурному облику мало отличаются от лесных культур. Их

отличия выражены в том, что у них есть погребальные памятники.

Начнем с краткой характеристики погребальных памятников милоградской и юхновской культур.

По современным данным количество погребений, относящихся к МК, насчитывает едва ли 150 единиц (Мельниковская, 1967; Рассадин, 2005). Все погребения грунтовые, безкурганые, располагались за пределами городищ (за валами), правда, есть случаи, когда погребения располагались в пределах площадки городища (Мельниковская, 1967. С. 41–45). Все погребения совершены по обряду трупосожжения, незначительные остатки кремации помещены в круглые или овальные ямы, размеры которых колеблются от 0,5 до 1,2 м. Сопровождающий инвентарь незначителен. Всего один или несколько черепков, иногда от разных сосудов. В редких случаях – остатки бронзовых предметов, определить характер которых весьма затруднительно. Урновых погребений не зафиксировано ни разу. Были случаи, когда по краям ям или в само погребение ставились булыжные камни (Там же. С. 43). Редко попадаются в погребениях куски железной руды или красной охры. Подобные случаи были отмечены на грунтовых могильниках поморской культуры в Калининградской области (могильник Покровское) и на могильниках подгорцевской культуры на Украине (Там же)². Трупоположений в памятниках МК, подвергавшихся раскопкам, в Гомельской области, практически не обнаружено. На городище Горошково обнаружено два погребения с трупоположением на жилой части городища (Там же. С. 48). В западной части Полесья Ю.В. Кухаренко (1961а) раскопал несколько курганов у деревни Дубой, которые он отнес к милоградской культуре и датировал VI–V вв. до н.э.

Погребальных памятников ЮК известно много меньше, не более 50 погребений. А.И. Пузикова, проводившая раскопки на Марицком городище в Курской области, отмечала, что «...погребения были совершены по обряду трупоположения и представляли обычные ямы прямоугольной формы, выкопанные на глубину от 0,4 до 0,8 м размерами от 1,0 до 2,20 м, при ширине 0,7–0,9 м» (Пузикова, 1981). Покойники лежали на спине или в слегка скорченном положении.

² Материалы, добытые из памятников Белоруссии, называются памятниками милоградской культуры, по городищу Милограды, тогда как аналогичные памятники на Украине называются подгорцевскими, по памятнику Подгорцы. Поморский могильник у села Покровское Калининградской обл. раскапывался в 1975–76 гг. В.И. Кулаковым и в 1985, 1988 гг. М.Г. Гусаковым. В настоящее время готовится его публикация.

На городище обнаружены как одиночные, так и парные погребения. Были и детские погребения. Погребальный инвентарь незначителен. Исходя из топографии городищ, специальной локализации погребений не было, они располагались хаотично (Пузикова, 1981) и, по-видимому, были разновременные.

Во время раскопок автору на данной территории были известны только памятники милоградской культуры, на Киевщине в то же время В.Н. Даниленко открыл аналогичные памятники подгорцевской культуры. Естественно, что аналогии привлекались из ближайшей округи. Вполне естественно, что у автора раскопок никаких ассоциаций с памятниками того же времени в Польше не возникало. Поэтому открытые погребения были причислены к МК. Погребения МК очень похожи по своему устройству и содержанию на погребения лужицкой культуры, носители которой могли переселиться в финальной стадии существования в Полесье. Водный маршрут от Средней или Нижней Вислы до Нарева или Западного Буга, далее по Припяти в Днепр давно известен. По этому пути ходили все переселенцы из балтийского Поморья до Крыма и Дуная. Не исключено, что «поморцы», как и «лужичане», могли оставить свои погребения во время миграций по названному маршруту.

Геродот повествует, что накануне похода Дария племена «невров» переместились к «будинам». Расшифровке этого пассажа из Геродота посвящено много исследований, предложено много вариантов. Как ни странно, но все исследователи чаще всего исходили из археологических материалов. Конечно, в качестве неводов отечественные историки и археологи видели «милоградцев», о лужицкой культуре практически не вспоминали. По тем же следам археологов шли и лингвисты. На самом деле лужицкая культура далеко не однородна и восточный вариант ее наиболее вероятен как некая исходная точка для значительных миграционных потоков, и она доживает на этих землях до V–IV вв. до н.э. (Кухаренко, 1966). Высоцкая культура тоже весьма приемлема как культура, близкая лужицкой. В данный момент мы должны ориентироваться на тот факт, что в ближайшей округе, кроме восточных лужичан и поморской культуры, нигде нет погребений с сожжением. В ЮК (мы еще будем об этом говорить ниже) нет погребений с кремацией и труположением на ранней стадии. В культурах леса – ДК, ДДК, ШКК, ГК, ВОК – погребений вообще нет. Погребения с кремацией есть только на западе.

Юхновских погребений немного, все они – труположения. Подобный обряд распространен только у кочевников (скифов и сармат), и в

памятниках лесостепных культур т.н. «скифского круга» их еще называют культуры «скифоидного круга». Эти культуры расположены много южнее основной территории ЮК, на территории левобережной и правобережной Украины, в просторстве от Днестра до Днепра.

Уже упоминалось, что погребения «милоградцев и юхновцев» совершены за валом городища. Нигде ничего подобного нет. Погребения лужицкой, ясторфской и поморской культур, где культивировались погребения с кремацией, производились на грунтовых могильниках, которые, как правило, занимают небольшие соседние высоты, холмы или дюны. Но никогда погребения в этих культурах не устраивались на городищах. Мы не знаем таких примеров в материалах не только Польши, но и Восточной Германии. Нет таких погребений и в Литве, Латвии и Эстонии.

Итак, получается, что в культурах, явно относящихся к кругу лесных культур (МК и ЮК), однотипных по характеру поселений, вещевому материалу, экономическому укладу, есть погребения, но их мало, и они оставлены на городищах. Но что странно, на других городищах названных культур, где проводились масштабные раскопки, аналогичных случаев не наблюдалось. Получается, что это как бы случайная ситуация. В противном случае, на всех городищах за валами были бы обнаружены погребальные комплексы. Но этого нет. Не исключен вариант, что это погребения не МК и ЮК, а погребения «чужаков», мигрантов, которые еще не интегрировались с автохтонами и не встроились в мир этих культур, и продолжали хоронить умерших по своему старому обряду. Как это было принято «на родине» до их исхода.

Если бы мы имели дело с действительным погребальным обрядом аборигенов (милоградцев и юхновцев), мы вправе были бы ожидать наличие погребений на всех раскапываемых нами городищах. Спрашивается, почему у поморских племен, а они точно относятся к балтам, есть погребальный обряд в виде погребений с сожжениями, а у их «родственников» в культурах штрихованной керамики, днепродвинской и частично дяковской такого погребального обряда нет. Милоградская и юхновская культуры, по мнению ряда авторитетных исследователей, относятся к памятникам восточных балтов.

Странно и то, что погребения возникают на «жилых» городищах. Повторим, что многие археологи до сих пор убеждены, что на городищах живут, а в случае опасности их защищают. Предложим еще один эпизод из археологической практики: украинские археологи давно обратили внимание на одну особенность в погребаль-

ной обрядности зарубинецкой культуры (далее ЗК). Погребения ЗК (3–1 вв. до н.э.) совершались на тех же могильниках, где до них были похоронены покойники из культур «скифского времени» 6–5 вв. до н.э., т.е. временем более ранним, чем зарубинецкие (Кубишев, Скиба, 1989). На могильниках Пирогово, Корчеватое и других было обнаружено достаточное количество погребенных по обряду труположения. Вещевой инвентарь, как правило, в подобных погребениях отсутствовал. По ряду косвенных признаков было установлено, что эти погребения принадлежат раннескифской и подгорцевской (милоградской) культурам, т.е. VI–V вв. до н.э. (Максимов, 1972). До сего дня было принято считать, что эти погребения подгорцевской культуры датируются VI–V вв. до н.э. (Мельниковская, 1967. С. 48-51; Пузикова, 1981. С. 40). Заметим, что хронологические рамки совершения погребений совпадают с периодом после войны с Дарием.

Встает вопрос: кому принадлежат эти погребальные памятники? Анализируя археологические материалы, относящиеся к эпохе сложения скифских древностей в период VIII–VII вв. до н.э., вначале мы предположили, что эти погребения могут принадлежать «бежавшему» от войны населению. Дело в том, что накануне войны в лесостепной полосе и Среднем Поднепровье под скифским влиянием в VII–III вв. до н.э. сформировалась свита однородных земледельческих «скифоидных» культур (с запада на восток: западноподольская, побужская, среднеднепровская (правобережная), посульская, сейминская, ворсклинская). Они в значительной мере сохранили культурные традиции прошлых культур (белогрудовской, бондарихинской, белоозерской). Во всех названных культурах следует выделить два важных признака: первое – они все «городищенские», второе – устраивали городища и хоронили соплеменников как в курганах, так и в грунтовых могильниках. У них практиковались погребения с сожжением в урнах (и без них в ямах), так и труположение. Но позднее мы оставили эту версию.

Погребенные на городищах МГ могли быть «мигрантами», которые вытеснили «юхновцев» или «милоградцев», а те, в свою очередь, ушли севернее, в пределы соседних культур. Наиболее вероятными мигрантами, которые могли оставить погребения на городищах МК, были представители лужицкой культуры, ее ульвовекского варианта (восточного), у которых тоже были круглодонные горшки.

Встает вопрос: почему погребения производились на городищах? Мы предполагаем, что не все городища, а только некая часть – пока

трудно сказать, какая – могли использоваться в качестве некрополей. Мигранты могли использовать их по прямому назначению, только погребали своих соплеменников по старому, привычному для них обычаю, но впоследствии, интегрировавшись в местную среду, перешли к обряду аборигенов, в результате чего археологически их погребения перестали быть уловимы. Это, однако, всего лишь рабочая версия.

Еще одно замечание в заключение. Давно не секрет, что территории лесной зоны Восточной Европы в эпоху РЖВ в экономическом отношении входили в ареал подсечного земледелия и многоукладной экономики (земледелие, скотоводство, охоту и рыболовство). Подсека – экстенсивная форма земледелия и наиболее характерная ее черта, связанная с периодической сменой мест обитания. Это движение по кормовой базе в течение некоего времени, до полного истощения источника. Недаром подсеку называют «кочующее земледелие» (Кларк, 1953; Петров, 1968; Шмидт, 1989; Гусаков, 2001). А раз так, то можно предположить, что кочующее население переносит не только свой нехитрый скарб с места на место, но и своих покойников, «старших покойников», особо «отличившихся покойников», прародителей и т.д. Тем более что сожженный на костре прах, лежащий в урне (или другой таре), можно транспортировать куда угодно. Мы говорим об этом далеко не случайно. Дело в том, что одному из авторов, работавшему над темой «Погребальный обряд в Восточной Пруссии в эпоху Гальштата и Латена», пришлось анализировать материалы более четырех десятков могильников Германии, Польши, Белоруссии, Украины и Молдавии. Выявилось, что во всех могильниках очень велик процент т.н. «разрушенных» погребений. Они в большей части были разрушены еще в древности. Судя по всему, «старшие родственники» уносились мигрантами. Эта идея, безусловно, нуждается в более подробных доказательствах. Отметим лишь, что, согласно нашему традиционному представлению, погребение – это «закрытый комплекс», но в случае с погребениями с кремацией это представление вряд ли правомочно.

И последнее – многие городища в недалеком от нас времени использовались и продолжают использоваться как деревенские кладбища, а точнее как погосты, где стоит церковь и рядом с ней кладбище.

Литература

Археологическая карта России: Брянская область. М., 1993.

Археологическая карта России: Московская область. Части 1–4. М., 1994.

- Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1986.
- Археология украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986.
- Арциховский А.В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. 1934. № 11/12 (Переиздано в: Антология советской археологии. М. 1995, Т. II).
- Бадер О.Н. Лихачевский могильник // СА. 1937. № 2.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986.
- Городцов В.А. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. 1934. Вып. 85.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977.
- Гусаков М.Г. Об одном фрагменте сообщения Вульфстана «о похоронах древних пруссов»: (Некоторые заметки по поводу статьи В.Н. Топорова) // Балто-славянские исследования. М., 1997.
- Гусаков М.Г. К вопросу о роли подсечного земледелия в эпоху раннего железного века в лесной зоне Восточной Европы // 9-я научная конференция «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья»: ТД. Калуга, 2001.
- Кларк Г. Доисторическая Европа. М., 1953.
- Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.
- Краснов Ю.А. О дате Березняковского городища // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Кубішев А.І., Скиба Л.Е. Пирогівський могильник // Археологія. 1989. №2.
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. 1990а. Вып. Г1-9.
- Кулаков В.И. Поселенческая ситуация в Самбии II–XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990б.
- Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994.
- Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. 1961а. Вып. Д1-29.
- Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники Полесья. // САИ. 1961б. Вып. Е1-57.
- Льугас В. Раскопки каменного могильника Куревере на о. Сааремаа // АО–1970. М., 1971.
- Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.
- Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
- Мельниковская О.Н. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии // СА. 1962. № 1.
- Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М. 1967.
- Мельниковская О.Н. Первые сведения о погребальном обряде у племен южновосточной культуры // МИА. 1970. № 176.
- Никитина В.Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. 1965. № 1.
- Петр из Дуйсбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.
- Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Протт В.Я. Собрание трудов. В 3-х томах. М., 2000.
- Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н.э. М., 1981.
- Рассадин С.Е. Милоградская культура, ареал, хронология, этнос. Минск, 2005.
- Розенфельдт Р.Л. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie / МИА. 1970. № 156.
- Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
- Самоковасов Д.Я. Древние города России. СПб., 1873.
- Самоковасов Д.Я. Историческое значение городищ // Труды III АС. Т. 1. Киев, 1878.
- Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. 1960. № 92.
- Смирнов К.А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. 1991. № 4.
- Спицын А.А. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. 1903. Т. V. Вып. 1.
- Спицын А.А. Новые сведения о городищах Дьякова типа // ЗОРСА. 1905. Т. VII. Вып. 1.
- Тимошук Б.А. Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.
- Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1941. № 5.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
- Формозов А.А. Следопыты земли Московской. М., 1988.
- Шмидт Е.А. О земледелии в верховьях Днепра во второй половине I тысячелетия н.э. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.
- Цезарь К.Ю. Записки о галльской войне. М.; Л., 1948.

Рис.1. Городище у д. Смолино, Смоленская обл. Днепро-двинская культура

Рис.2. Городище у д. Кошевичи, Смоленская обл. Днепро-двинская культура

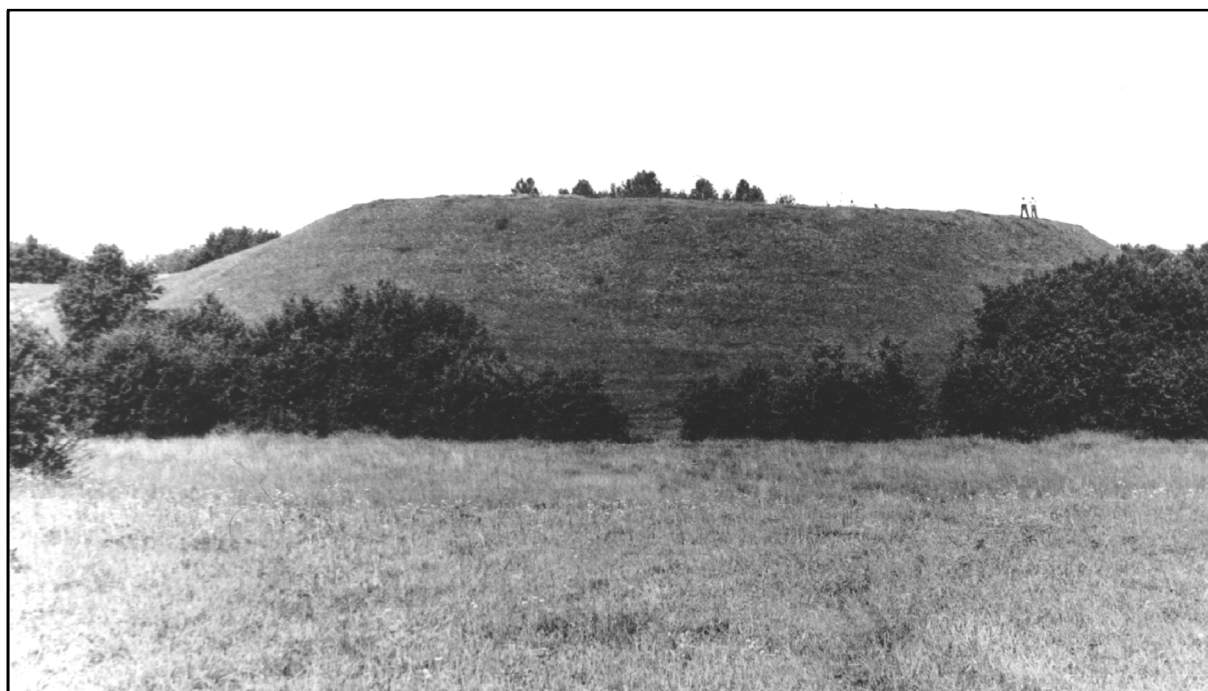

Рис.3. Городище у д. Самсонцы, Смоленская обл. Днепро-двинская культура

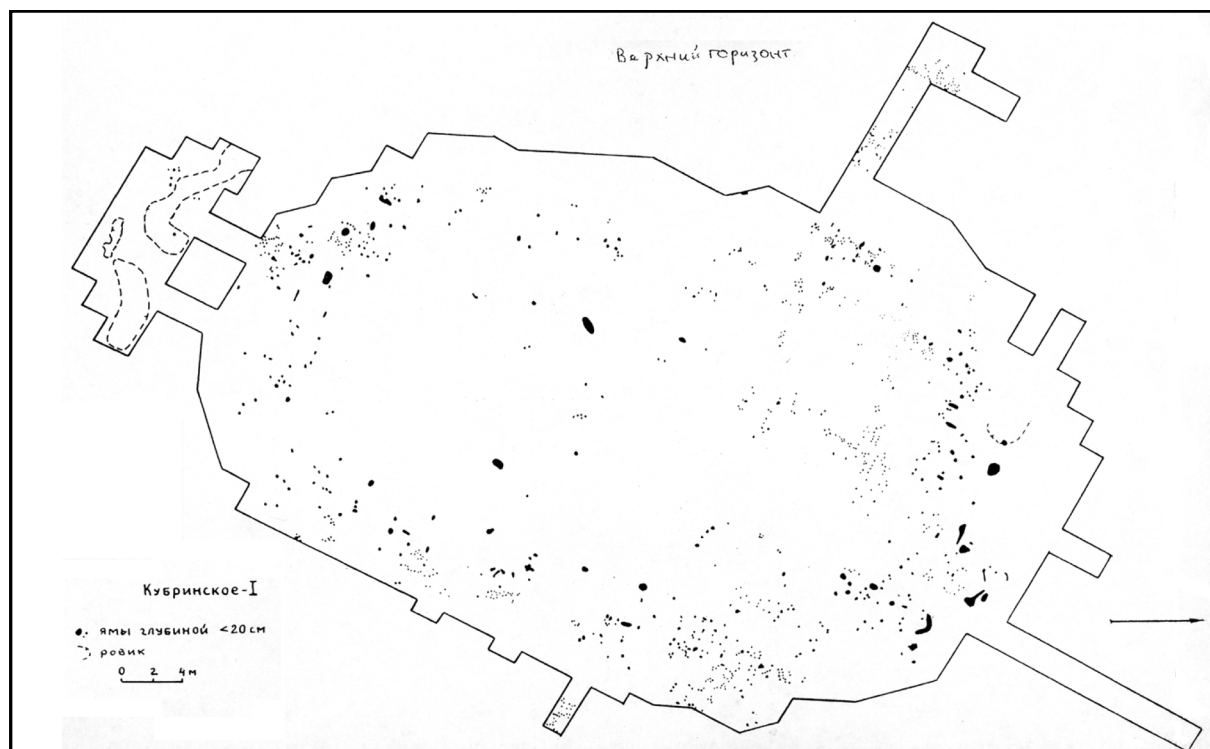

Рис.4. План городища Кубринское. Дьяковская культура

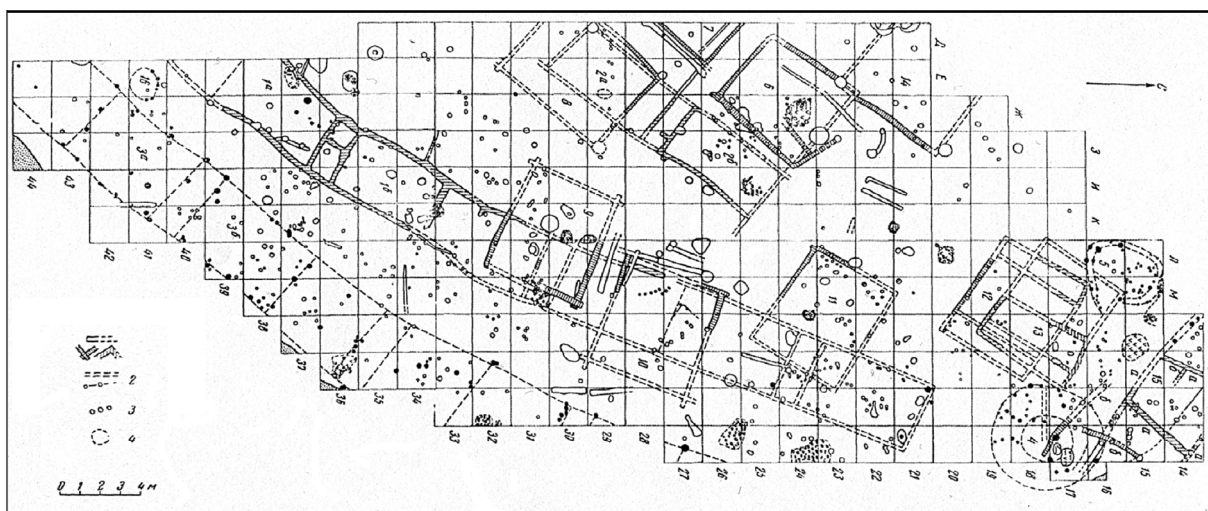
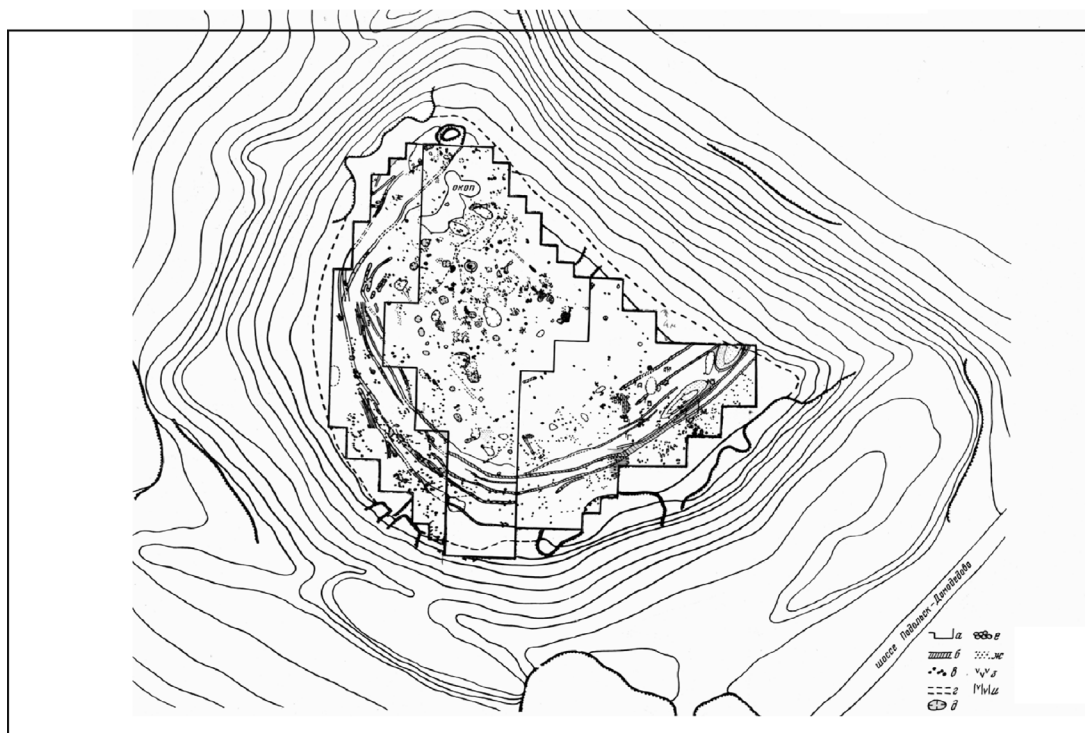

Рис.5. План Щербинского городища. Дьяковская культура

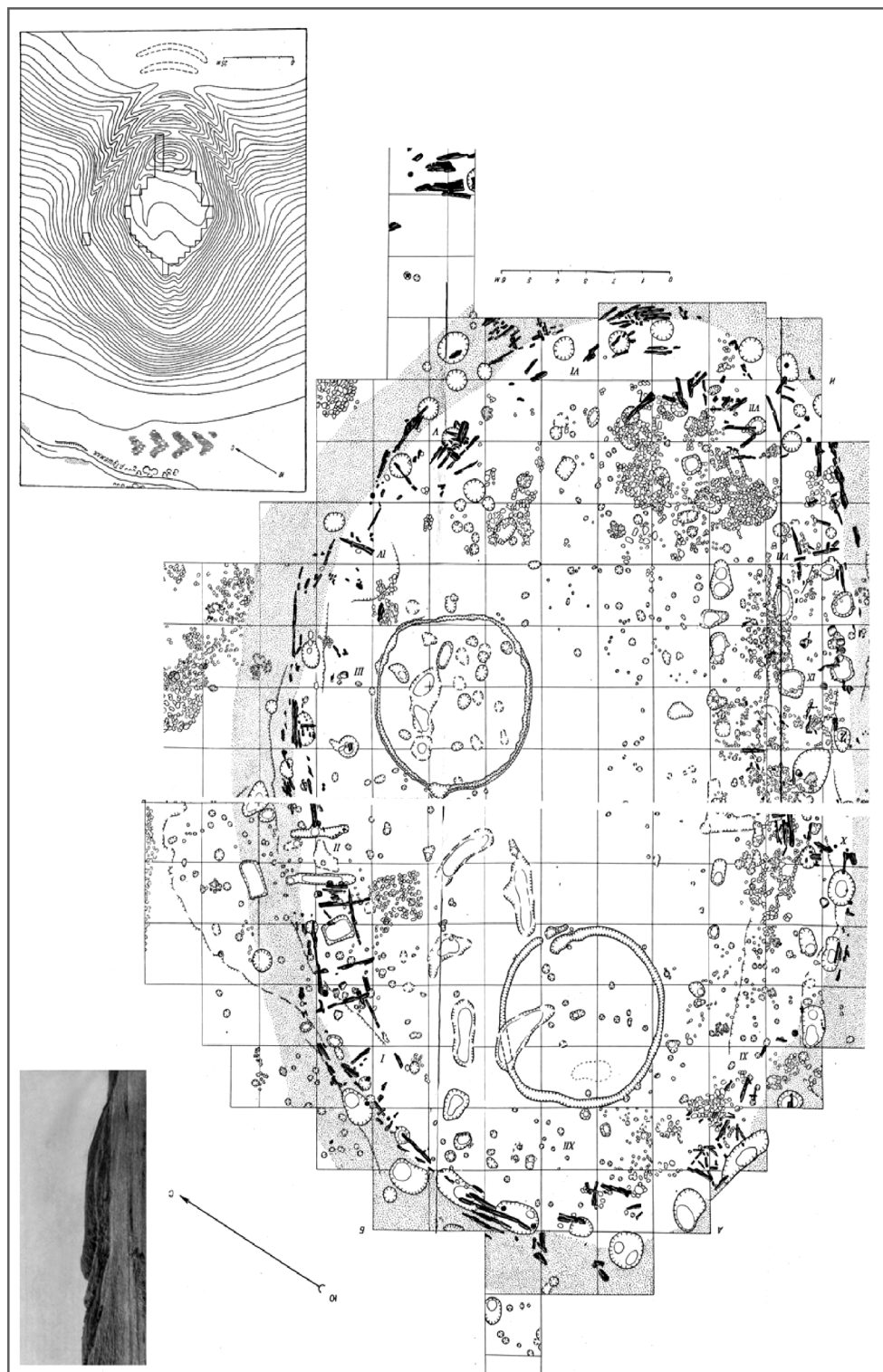

Рис.6. План городища Тушемля. Тушемлинская культура

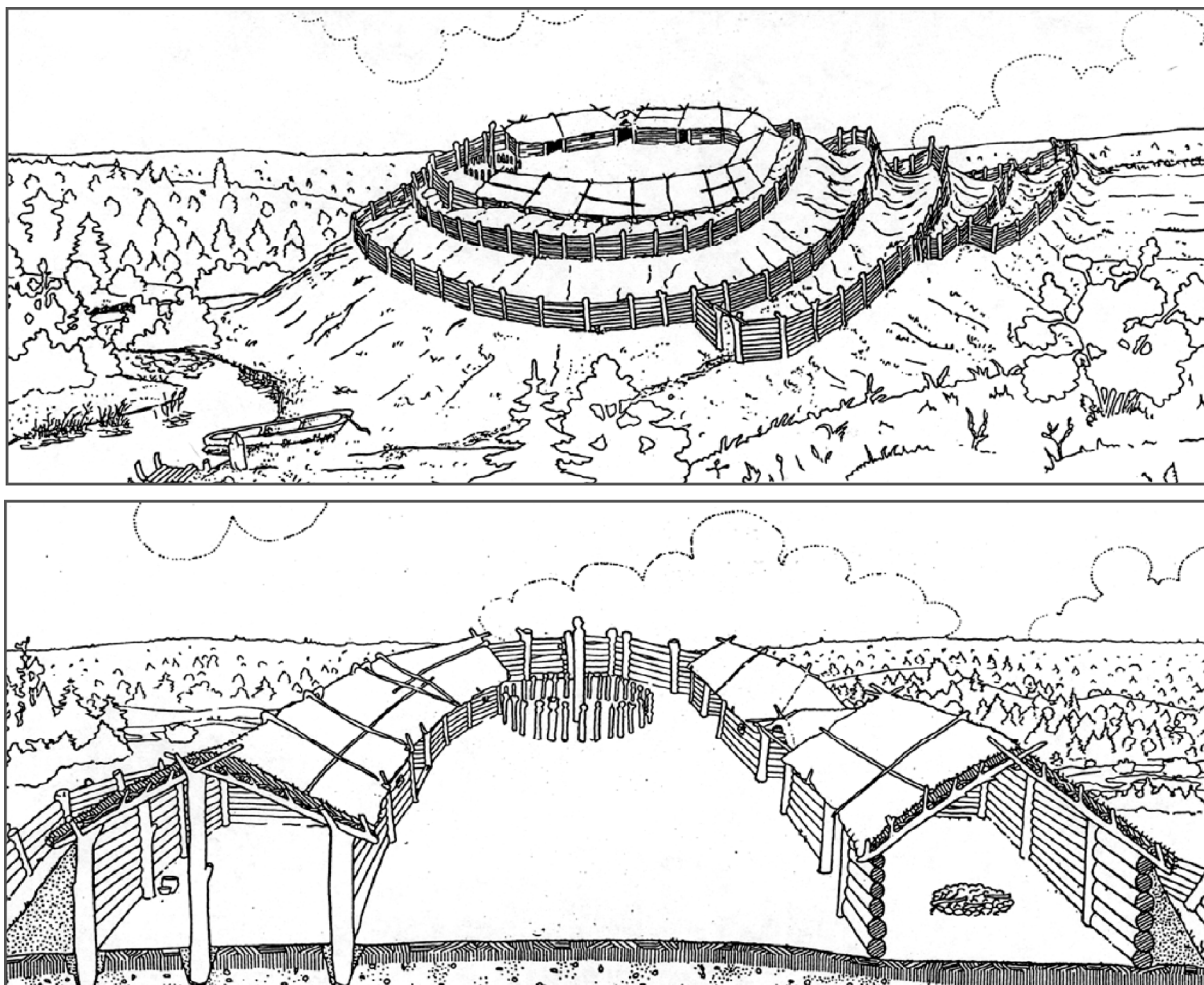

Рис.7. Реконструкция Тушемлинского городища

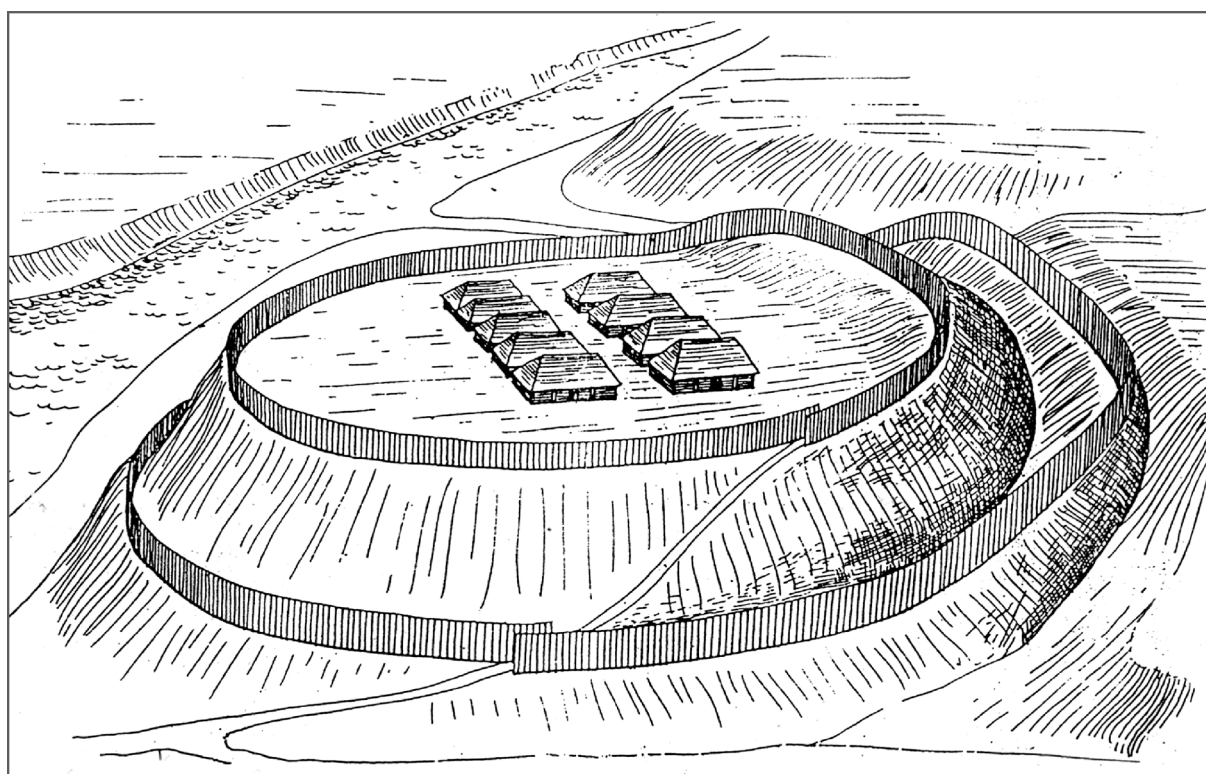
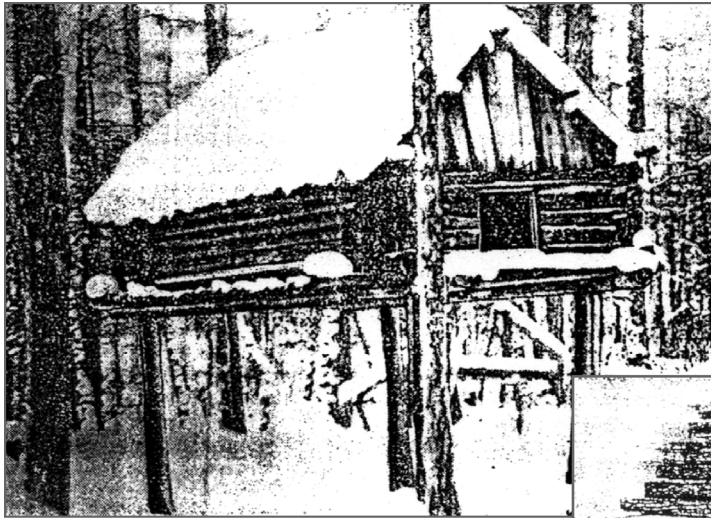
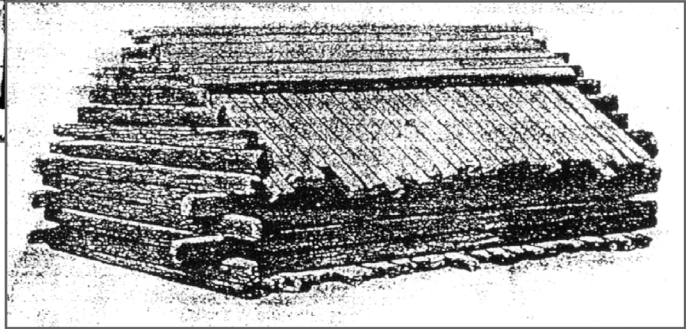

Рис.8. Реконструкция Троицкого городища

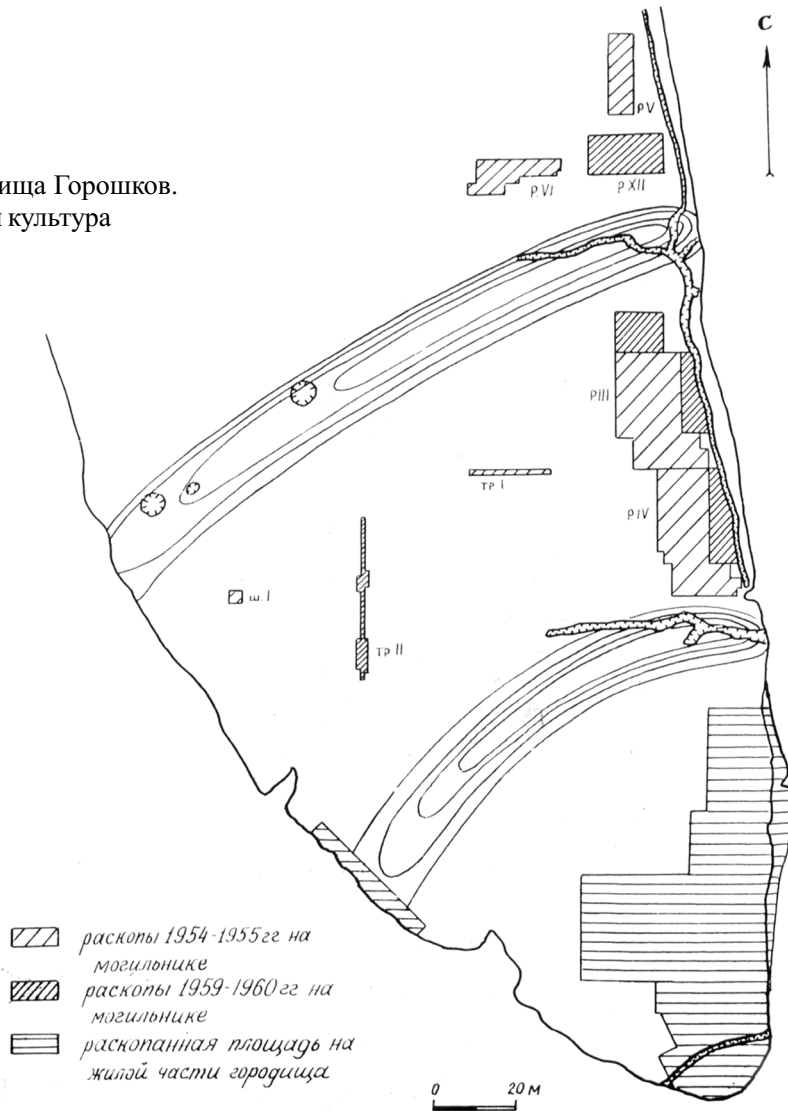
А

Рис.9. Домики мертвых.
А) Шаманский амбарчик.
Западный Урал.
Б) Макет погребальной
домовины из Виллингена

Б

Рис.10. План городища Горошков.
Милоградская культура

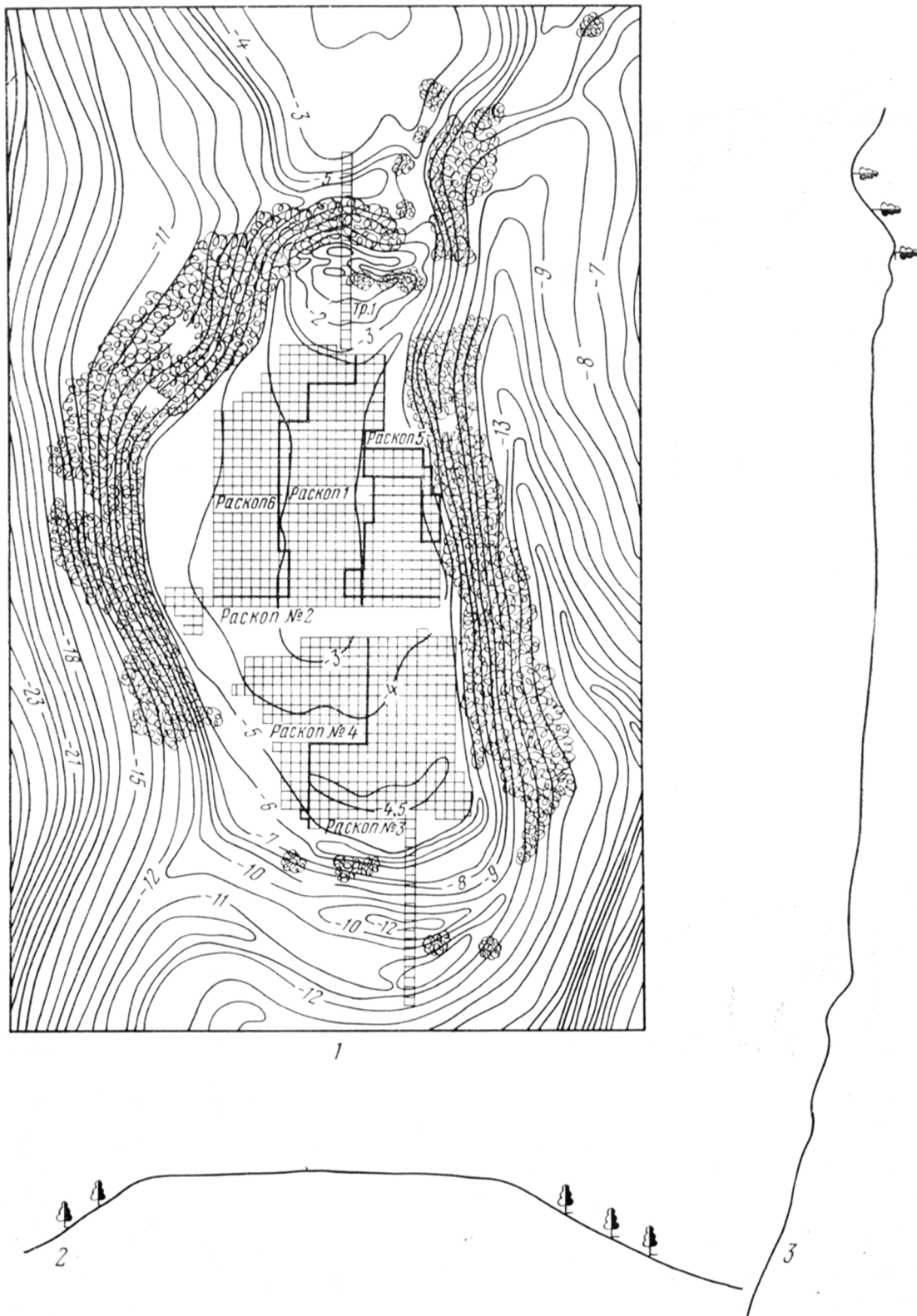

Рис.11. План городища Марицкое. Юхновская культура.

1 – топографический план; 2 – разрез по линии запад–восток; 3 – разрез по линии север–юг

Л.Н.Корякова, С.Е.Пантелеева, А.А.Ковригин, С.В.Шарапова**«История жизни» Павлинова городища**

Археология эпохи раннего железа зауральской лесостепи пестрит разнообразными типами керамики, маркирующими те или иные культурные образования, место которых во времени и пространстве определяется не без труда. Это объясняется сохранением представлений, восходящих к 1950–1960-м годам, когда преобладала тенденция к дискретному территориально-хронологическому разграничению археологических культур. В это время в научный оборот вошли такие культуры, как «каменогорская», «гамаюнская», «иткульская», «гороховская», «саргатская», «баитовская», и такие типы, как «воробьевский», «носиловский», «речкинский», «кашинский», «прыговский» и т.п. (Стоянов, 1969; Могильников, 1992). Со временем часть из них вышла из употребления, таксономический статус других изменился. Как оказалось, памятников, которые бы содержали какой-либо один тип, в зауральской лесостепи практически нет, что неизбежно обострило вопрос археологической таксономии.

С другой стороны, обнаружилось, что восприятие уже выделенных и признанных керамических (культурных) типов различными исследователями было далеко не однозначным. В результате типологическая принадлежность керамики вновь раскопанных памятников оказывалась далека от изначальных определений. В особенности это сказалось на таких типах как «прыговский» и «кашинский», которые в работах тюменских археологов без всякой аргументации были объединены в один тип (Матвеева и др., 2005). Наконец, проблема исторической интерпретации всей археологической систематики лесостепного Зауралья не только не прояснилась, но как-то незаметно «ушла в тень». В такой ситуации повысилась актуальность систематического, программного исследования поселений с целью выявления их внутренней структуры и по возможности точного определения хроностратиграфической позиции составных компонентов. Настоящая статья посвящена краткому изложению результатов такого исследования, проведенного на одном из памятников раннего железного века лесостепного Зауралья¹. Определение и характеристика типов

керамики, обнаруженных на памятнике, были сделаны в точном соответствии с изначальными дефинициями (Пантелеева, 2006).

Павлиново городище – объект многолетних раскопок Зауральской лесостепной археологической экспедиции – является одним из наиболее крупных и ярких поселений Среднего Приобь-обья. В эпоху раннего железного века этот регион входил в состав обширного ареала, занимаемого населением, оставившим памятники саргатской культурной общности. Многочисленные поселения и могильники открыты на лесостепных пространствах Зауралья и Западной Сибири от восточных предгорий Урала до Барабинской низменности. В археологии Западной Сибири раннего железного века очень мало примеров последовательного и целенаправленного исследования отдельного поселения как памятника бытовой культуры многих поколений. Кроме Павлинова городища, здесь можно упомянуть только Рафайловский археологический комплекс, находящийся примерно в 30 км ниже по течению р.Исети и исследуемый тюменскими археологами (рис. 1).

Павлиново городище расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Исеть в окрестностях д. Сопинина Шатровского р-на Курганской обл. Сооруженная на мысообразном выступе террасы крепостная площадка (свыше 3 тыс. м²) защищена двойной полукольцевой линией оборонительных сооружений, включающих вал и два рва. Визуально фиксируются два въезда на городище (главный и малый) и не менее девяти жилищных впадин. К северу и востоку от цитадели простирается обширное селище. Общая площадь поселения составляет около 100 тыс. м² (рис. 2). Археологические работы на памятнике велись с перерывами с 1982 по 2003 г. В целом за это время полностью или частично были исследованы 24 постройки, вскрытая площадь составила свыше 2600 м². Кроме того, в течение этого периода были раскопаны расположенный в восточной части селища одиночный курган и Сопининский могиль-

в коллективной монографии «Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине первого тыс. до н.э. (по материалам археологического комплекса Павлинова городища)», находящейся в настоящее время в печати.

¹ Полное изложение результатов исследования Павлиновского археологического комплекса содержится

ник, находящийся в 1 км к северо-западу от поселения. Все эти археологические объекты были объединены нами в Павлиновский археологический комплекс.

По-видимому, мысовидный участок террасы, на котором впоследствии возникло городище, в какой-то степени заселялся еще в эпоху бронзы. Об этом свидетельствуют многочисленные мелко фрагментированные обломки посуды алакульского облика, встреченные в культурном слое городища и юго-восточной части «посада». Однако образцы этой керамики находятся в переотложенном положении, а связанные с ними объекты не обнаружены, что говорит о кратковременности пребывания людей в данном месте. Долговременное поселение здесь возникло только в раннем железном веке. Керамика этой эпохи составляет основную часть коллекции артефактов, полученных в процессе исследования Павлинова городища. Помимо саргатской (45%, рис. 3) и гороховской (33%, рис. 4), представляющей самые многочисленные и культуроопределяющие типы для памятника, в слое и заполнении объектов были выявлены фрагменты кашинских (5,5%, рис. 5), воробьевских (4,1%), иткульских (1,8%), носиловских (0,1%), баитовских (1,3%) сосудов (рис. 6). Оставшиеся 9,4% включают керамику эпохи бронзы и средневековья, черепки среднеазиатской гончарной посуды и фрагменты, тип которых не удалось определить.

Анализ пространственного распределения керамики, проведенный в контексте других наблюдений, сделанных в ходе археологического исследования памятника (материалов стратиграфии, архитектурных особенностей выявленных объектов, данных радиоуглеродного датирования и т.д.) позволил выделить два основных хронологических периода в «жизни» Павлинова городища. Их широкие даты устанавливаются в пределах IV–III вв. до н.э. (первый) и рубежа III–II вв. до н.э. – I в. н.э. (второй). Необходимо отметить, что речь в данном случае идет именно об основных и до некоторой степени условных этапах, поскольку результаты всестороннего исследования материалов поселения дают более сложную картину и позволяют разделить каждый из горизонтов еще, как минимум, на два более узких интервала. В этом случае первый этап может включать два отрезка: IV и конец IV–III вв. до н.э. Среди объектов второго этапа также выделяются не менее двух групп: рубеж III–II – сер. I в. до н.э. и сер. I в. до н.э. – I в. н.э.

К первому строительному горизонту относится возведение оборонительной системы, имеющей в плане четко выраженную многоугольную конфигурацию, что считается одной из самых

ярких черт укрепленных поселений гороховской культуры, и 10 небольших по размерам сооружений, площадью от 6 до 32 м², с котлованом прямоугольной или неправильной формы. Большая часть построек расположена по периметру укрепленной площадки вдоль линии фортификаций – это сооружения 1, 2, 7, 11, 12, 13. С этим же периодом связаны выявленные в глубине площадки объекты 4, 6, 8, 10 (рис. 7). На посад им, скорее всего, хронологически соответствуют постройка П/9 и, возможно, жилище П/1. Котлованы построек этого периода зачастую не фиксировались в микрорельефе памятника, иногда были прорезаны более поздними строениями. Их впадины нередко перекрыты переотложенным, перемешанным с материковым суглинком грунтом или слоями с включениями золы, скоплений саргатской керамики, что свидетельствует о засыпке этих объектов при строительстве поздних построек или использовании их в качестве мусорных ям. Большинство жилищ раннего этапа имеют неглубокий, впущенный только до поверхности материка котлован небольшой площади. Форма в плане построек 2, 7, 12, 13 не устанавливается, сооружение 11, имеющее глубокий котлован, относится к разряду хозяйственно-бытовых. Отличительной чертой котлованов трех ранних сооружений (1, 6, 10) являются небольшие выступы, в том числе в постройках 1 и 6 с заключенными в них боковыми очагами, предполагающие установку несущих стен за пределами углубленной части сооружений. В жилище 1 зафиксирован, кроме того, редко встречающийся в саргатско-гороховском домостроительстве выход в виде короткого выступа, смещенный к одному из углов строения.

Характерной чертой построек этого хронологического горизонта является количественное преобладание в их котлованах (в том числе на полу) гороховской и другой «ранней» керамики – носилового, баитовского, воробьевского и иткульского типов.

При сравнении условий залегания саргатской и гороховской керамики на периферийных участках укрепленной площадки, где расположена основная часть построек первого хронологического периода, выяснилось, что самую нижнюю стратиграфическую позицию занимает гороховский тип, связанный с заполнением объектов, а саргатская керамика тяготеет к более высоким горизонтам и залегает компактнее. А в центральной части, где расположены жилища второго хронологического этапа, скопления и отдельные фрагменты гороховской, воробьевской, иткульской, носиловской и баитовской керамики в основном обнаружены в межжилищном пространстве, средние значения глубины их

залегания соответствуют уровню древней поверхности.

Изучение распределения керамики «ранней» группы в пределах фортификационной линии позволило сделать следующие наблюдения. Во-первых, фрагменты посуды гороховского, байтовского и воробьевского типов залегают в основании насыпи вала. Во-вторых, керамика воробьевского и гороховского типа связана с заполнением рва 1а, который является одним из наиболее ранних объектов. Он был исследован в северной части оборонительных сооружений, где располагался параллельно рву 1 и примыкал к нему с юга. Хронологическая позиция рва 1а хорошо подтверждается стратиграфически. Он был засыпан до сооружения рва 1, так как его заполнение перекрыто сползшей насыпью вала. Характерной деталью является то обстоятельство, что на дне объекта фиксировались только фрагменты воробьевской посуды. В-третьих, в слое участков, расположенных между рвами 1 и 2, основная масса находок представлена керамикой гороховского и воробьевского типов, которая занимает самую низкую стратиграфическую позицию.

Распределение керамики на территории посада в целом демонстрирует приблизительно ту же картину, что и стратиграфия и планиграфия: фрагменты гороховской, воробьевской, носиловской, байтовской и иткульской посуды так же, как и объекты, условно относимые к первому хронологическому горизонту, находятся здесь в явном меньшинстве и концентрируются только вблизи цитадели. Керамика «ранней» группы встречалась только в виде рассеянных фрагментов, которые в большинстве случаев были настолько мелкими и невыразительными, что выделить на их основе сосуды удалось только в нескольких случаях. Из этого следует, что территория, прилегающая к городищу, начала использоваться еще на первом этапе жизни поселения, но наиболее интенсивно она стала застраиваться только перед рубежом эр.

Тем не менее, анализ керамической коллекции показал, что хотя с объектами первого хронологического горизонта в основном связаны гороховская керамика и сосуды носилового, байтовского, воробьевского и иткульского типов, но в то же время в значительной степени фиксируется и саргатский компонент.

Приблизительно в конце III–II вв. до н.э. жизнь на городище прекращается, старые постройки разрушаются и на их месте образуются впадины.

Материалы, относящиеся к слоям и объектам, датирующимся IV–III вв. до н.э., позволяют сделать ряд выводов о направлении и ха-

рактере культурно-экономических взаимодействий обитателей Павлинова городища в этот период. В первую очередь, они свидетельствуют о тесных контактах саргатских и гороховских групп, являющихся культуuroобразующими компонентами поселения. Их взаимодействие нашло отражение не только в совместной встречаемости в объектах фрагментов сосудов этих типов, но и на особенностях керамического производства. Так, например, декор шеек саргатской посуды из ранних построек на городище находит параллели в орнаментации гороховской керамики, где горизонтальные пояски наклонных отрезков и горизонтальные «елочки» также являются основными орнаментальными мотивами. Гороховские черты также фиксируются технологически – в тесте некоторых саргатских сосудов содержится незначительная примесь талька. Позднее взаимопроникновение этих культурных традиций отразилось на архитектуре жилищ второго хронологического этапа, сочетающих в себе черты саргатского и гороховского домостроительства (рис. 8). Совместное нахождение саргатских и гороховских сосудов не только в жилищах, но и в погребениях под курганными насыпями свидетельствует о равноправном социальном положении представителей этих древних культур. Таким образом, материалы Павлинова городища отражают процесс активного освоения саргатским населением в IV–III вв. до н.э. территории обитания носителей гороховской культуры и их мирного сосуществования в течение 2–3 веков.

В IV–III вв. до н.э. в сферу межгрупповых взаимоотношений были включены также представители носилового, байтовского, воробьевской и иткульской культурных традиций, сосуществовавших в это время в Притоболье, о чем свидетельствуют многочисленные находки фрагментов керамики и сосудов этих типов, залегающие в определенном соотношении. С территории горно-лесного Зауралья, где проживал основной массив иткульского населения, поступали бронзовые изделия и тальковый сланец, использовавшийся в качестве отощителя при изготовлении керамики. Данные петрографического анализа гороховской керамики показали, что тальк имеет среднеуральское происхождение. Поскольку глинистая составляющая практически однотипна во всех фрагментах керамических изделий и весьма характерна для поверхностных горных пород места расположения Павлинова городища, можно говорить о том, что тальковый сланец специально привозился на поселение для производства посуды, изготавливаемой из местных глин. Это подтверждают многочисленные находки фрагментов тальково-

го сланца в культурном слое городища. Скорее всего, для перевозки товаров использовалась главная водная артерия этой части Притоболья – река Исеть.

Интересные наблюдения получены в результате изучения комплекса гороховской керамики Павлинова городища. Было установлено, что две трети орнаментированных гороховских сосудов украшены резным декором и представляют собой «классический» образец этого типа, а оставшаяся треть орнаментирована гребенчатым штампом. Сравнительный анализ показал, что гороховская керамика с резным и гребенчатым орнаментом существенно отличается как по морфологическим показателям, так и по декору, а в морфологии и орнаментации керамики с гребенчатым орнаментом прослеживается сходство с посудой воробьевского типа (Пантелеева, 2007). Существование двух орнаментальных традиций в рамках одного культурного комплекса, по-видимому, является следствием тесных контактов двух групп населения, скорее всего, имеющих брачно-родственный характер. Вероятно, часть обитателей Павлинова городища, генетически связанная с представителями воробьевской культурной традиции, продолжала изготавливать сосуды по традиционным канонам, которые, тем не менее, претерпели некоторую трансформацию под влиянием гончарных стереотипов населения гороховской культуры.

Таким образом, установлено, что в IV–III вв. до н.э. на поселении доминировала гороховская традиция при небольшом присутствии керамики исетской ассоциации (Корякова, 1991), а на рубеже III–II вв. до н.э. приоритет перешел к саргатским стереотипам и в керамике, и в архитектуре. Похоже, эта смена приоритетов сопровождалась небольшим перерывом в заселении укрепленной площадки, на которой произошли серьезные изменения и в планировке, и в застройке.

Стратиграфия городища – наиболее широко изученной раскопками части поселения – дает основания полагать, что собственно крепость на границе этих двух этапов некоторое время могла быть заброшена: постройки II–I вв. до н.э., насколько позволяет судить исследованное пространство, возведены в центре площадки, не мешая друг другу, но без учета расположения ранних объектов. О некотором перерыве свидетельствует и состояние фортификаций. Поздний ров на северо-восточном участке не полностью совпадает с первоначальным, чего следовало бы ожидать при обычных ремонтных работах, а проходит с некоторым смещением в наполняющую сторону, прорезая эскарпом толщу заполнения раннего рва. Было ли необитаемо на

рубеже III–II вв. до н.э. только городище, или покинули поселок все жители, сказать сложно: данных для окончательного заключения недостаточно. Возможны оба варианта, но несколько более предпочтительным на сегодняшний момент кажется первый. К такому выводу нас подводит возраст жилища П/7 в юго-восточной части «посада», оказавшийся несколько более древним, чем даты жилищ второго периода на городище. Своей датой жилище П/7 практически полностью перекрывает как раз тот отрезок времени, на который приходится запустение в крепости.

На втором этапе функционирования городища, после реконструкции фортификаций, застроена была в основном центральная и прилегающая к краю террасы часть укрепленной площадки (рис. 9). Старые котлованы были частью засыпаны при строительстве, а частью вместе с полузапавшими дренажными канавами использовались для выбрасывания мусора. Именно на этом этапе «жизни» Павлинова городища стала активно застраиваться неукрепленная часть памятника. А после того, как фортифицированный центр и сооружения на нем были оставлены, жизнедеятельность его обитателей переносится за линию оборонительных сооружений, и открытое поселение значительно увеличивается в размерах. Таким образом, второй строительный горизонт представляют постройки 3, 5, 9 на городище и большинство сооружений на посаде, имевшие хорошо выраженные впадины и гомогенное заполнение.

Объекты значительно различаются по площади жилых камер, образуя две условные размерные группы: 36,5–40 м² (9, П/2, П/7) и 110 м² и более (3, 5, П/3). Промежуточное положение занимает жилище П/4, имеющее две жилые камеры площадью более 60 и более 35 м² (общая площадь – приблизительно 100 м²). Жилища имели неглубокие прямоугольной формы широкие котлованы с несколькими выступами-пристройками. В тех случаях, когда это было возможным, зафиксировано, что длинными коридорами жилые камеры соединялись с наземными, хозяйственными сооружениями-тамбурами. В начале и конце переходов располагались парные, вытянутые перпендикулярно их оси канавы. В постройках зафиксированы центральные очажные конструкции в виде двух параллельных или П-образных канав, а в отдельных небольших и во всех крупных объектах – по несколько боковых открытых очагов. Жилища реконструируются в виде классических для зауральской лесостепи прямоугольных сооружений каркасно-столбовой конструкции, с вертикальными стенами, набранными в технике заплота, и четырехскатной крышей. В центре

жилища, вокруг основного очага, находились 4 высоких столба, связанных сверху квадратной рамой. Наклонное перекрытие опиралось по периметру на стены, а в середине – на центральную раму (она же – светодымовое отверстие), благодаря чему крыша приобретала форму усеченной пирамиды (рис. 8).

Описанные выше архитектурные решения в целом характерны в той или иной мере для раннего железного века Зауралья. Черты своеобразия описанным выше постройкам придает сочетание в них признаков саргатского и гороховского домостроительства. Одним из наиболее типичных показателей первого является размещение по периметру жилищ многочисленных выступов и пристроек различной конфигурации. Гороховские традиции обнаруживаются в объединении жилой и хозяйственной камер в единый комплекс на основе однорядовой коридорной связи с выходом через хозяйственное помещение. Не менее стандартны вытянутые парные ямы по краям входа. Жилищам гороховской культуры в гораздо большей степени присущи и такие характеристики, как значительная площадь (и связанная с ней многоочажность) и широкие пропорции котлованов, тогда как в саргатском домостроительстве увеличение полезной площади достигалось путем сооружения дополнительных камер.

Эти объекты характеризуются явным преобладанием в слое (прежде всего на полу) керамики саргатской культуры с примесью фрагментов гончарной красноглиняной и кашинской посуды.

Анализ распределения фрагментов керамики в слое укрепленной площадки показал, что посуда кашинского типа и фрагменты среднеазиатской гончарной керамики в основном обнаружены в нижнем заполнении и на полу построек 3, 5, 9.

В межжилищном пространстве на укрепленной площадке, в насыпи оборонительного вала, а также в слое расположенных между рвами 1 и 2 участков саргатская и кашинская керамика занимает самые высокие стратиграфические позиции, обладая при этом самым меньшим показателем дисперсии.

Характерно нахождение многочисленных фрагментов саргатской и кашинской посуды в нижнем заполнении и на дне обоих рвов (включая развал сосуда кашинского типа, обнаруженный в слое ила на дне рва 2). Данное наблюдение позволяет говорить о функционировании оборонительной системы вплоть до второго этапа «жизни» поселения, в рамках которого эти керамические традиции, наряду с другими культурными атрибутами, становятся доминирующими.

На территории посада в пределах раскопанных участков также преобладает саргатский тип. Керамика кашинского типа не встречается (за исключением постройки П/8, исследованной у края террасы на юго-востоке неукрепленной территории). Практически во всех вскрытых объектах были обнаружены фрагменты среднеазиатских гончарных сосудов. Наибольшее их количество, составляющее до 2,7% коллекции, было зафиксировано в культурном слое наиболее удаленных от городища участков, исследованных на западе и северо-востоке селища. Интересно отметить, что в северо-восточной части селища наблюдается полное отсутствие фрагментов гороховской посуды и керамики «ранней группы». Керамическая коллекция здесь представлена только саргатской и среднеазиатской посудой.

При этом радиоуглеродное датирование показывает, что группа объектов, относящихся ко второму хронологическому периоду, не вполне синхронна: сооружения, где наряду с саргатской зафиксирована и кашинская керамика, несколько старше тех, что содержат только саргатскую посуду. Так, дату построек, раскопанных на укрепленной площадке, можно считать установленной в пределах II – середины I в. до н.э. с большой вероятностью ограничения их возраста только верхней частью этого интервала. А постройка П/5, расположенная в центральной части селища, датируется пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Оценивая характер культурно-экономических взаимодействий обитателей Павлинова городища в этот период, необходимо отметить, что гороховские культурные стереотипы постепенно поглощаются и заменяются саргатскими. Кроме того, во II–I вв. до н.э. активизируются связи в северном направлении – с обитателями южнотаежной и подтаежной зоны Притоболья – носителями кашинской культурной традиции. Эти отношения носили, по-видимому, брачно-родственный характер, поскольку сосуды кашинского типа обнаружены не только на полу жилищ, относящихся ко второму хронологическому периоду, но и присутствуют в погребениях №№ 6 и 7 кургана I Сопининского могильника, связанного с городищем. На саргатской керамике этого периода появляются орнаменты, характерные для посуды кашинского типа: вертикальные столбцы прямых и наклонных отрезков, многорядный горизонтальный зигзаг. Но по какой-то причине представители кашинского населения не прижились на городище. На рубеже эр в постройках заключительного этапа «жизни» поселения фрагменты кашинской посуды уже не встречаются. Почему это произошло, труд-

но сказать. Ведь на памятниках, расположенных к западу (Прыговское городище) и к востоку (Рафайловское и Коловское городища), кашинская культурная традиция прочно закрепилась, трансформируясь со временем в прыговскую. Таким образом, на заключительном этапе «жизни» поселения единственными его обитателями остаются носители саргатской культурной традиции.

Примерно с конца II в. до н.э. западносибирская лесостепь включается в экономическую систему Великого шелкового пути, и жители Павлинова городища начинают принимать участие в межрегиональной торговле. Материалы поселения и Сопининского могильника включают артефакты импортного происхождения, а в культурном слое городища фиксируются единичные кости верблюда.

На связь с населением Средней Азии указывает ряд находок. В первую очередь, это фрагменты среднеазиатской гончарной керамики и изготовленные из них пряслица, встречающиеся как в жилищах на городище, относящихся ко второму этапу функционирования памятника, так и в более поздних постройках на «посаде». Среднеазиатская керамика также присутствовала в ряде погребений кургана 1 Сопининского могильника.

Интересна находка двух глиняных подвесок, изготовленных из обломков красноглиняных среднеазиатских сосудов. Одна происходит из культурного слоя цитадели Павлинова городища, а вторая – из погребения 7, кургана 1 Сопининского могильника. По сведениям Н.П. Матвеевой, аналогичные подвески, называемые также сурьматашами, встречены в ряде других памятников раннего железного века Притоболья (Матвеева, 1993. С. 113). Подобные изделия бытовали в Средней Азии с середины I тыс. до н.э. вплоть до нового времени. Сама традиция сурьмления бровей, чуждая населению лесостепи, была принесена из Ферганы (Литвинский, 1978), и, видимо, переродилась здесь в ношение палочек как подвесок (Матвеева, 1994. С. 126).

Импортные изделия также представлены коллекцией бус из Сопининского могильника. Подавляющее большинство бус изготовлено серийно из отрезков тянутых трубочек и палочек. Шесть образцов было проанализировано методом эмиссионно-спектрального анализа в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН. Полученные результаты показали, что все исследованные стекла были сварены с использованием золы растений пустынной зоны. В качестве красителей в этих стеклах использовались соединения марганца, железа, кобальта. По совокупности признаков сделано предположение,

что бусы происходят из мастерских внутренних районов Передней Азии².

В погребении 9 кургана 1 Сопининского могильника были обнаружены фрагменты клинка (возможно, меча) с остатками деревянных ножен, покрытых красным лаком, а также фрагмент рукояти прямоугольного сечения. Лаковые изделия, покрытые соком (смолой) лакового дерева ярко-красного или черного цвета, хорошо известны в саргатских погребениях. По мнению Л.И. Погодина, они, вероятнее всего, имеют китайское или восточно-туркестанское происхождение (Погодин, 1998. С. 38). Лаковые ножны и их фрагменты обнаружены в ряде могильников Прииртышья и Приишимья (Там же. Табл. 3). Самый ранний из этих памятников – Исаковский III – датируется концом III – началом I в. до н.э. (Погодин, Труфанов, 1991. С. 125, 126).

По-видимому, на рубеже эр на Среднюю Исеть проникают отдельные вещи из Прикамья, что документируется находкой бронзовой пряжки пьяноборского облика в грунтовом погребении Сопининского могильника. Круглые цельнолитые бронзовые поясные пряжки с выпуклым ободком и прорезями для ремня хорошо представлены в погребениях ранней стадии пьяноборской культуры Приуралья и датируются I в. до н.э. – I в. н.э. (Генинг, 1988. С. 40, рис. 4, 37, 38; Агеев, 1992. С. 41, 75, табл. 11, 28, 29).

Широкий спектр культурных взаимодействий свидетельствует о том, что Павлиново городище было крупным торгово-административным центром своего времени. Выявленные культурные взаимодействия, несомненно, являлись отражением общих этнокультурных процессов, происходивших на Средней Исети в раннем железном веке.

С учетом всего вышесказанного динамика развития поселенческого комплекса в целом реконструируется следующим образом. Заселение террасы относится к IV в. до н.э., и началось оно с мысовидного участка, где было отстроено городище. Около III в. до н.э. вокруг него началось формирование небольшого открытого поселка – «посада». Во второй половине – конце III в. до н.э. фортификации пришли в негодность, а сама площадка городища была заброшена людьми и пришла в запустение. При этом жизнь на прилегающем поселении, возможно, не прерывалась. Если исходить из тезиса о непрерывности заселения террасы, то можно даже допустить (не имея, впрочем, строгих доказательств), что жители городища, покинувшие ветхие строения в крепости, попросту отстроили себе новые дома на «посаде». Отсюда следует, что 1) открытый

² Анализ бус выполнен Н.П. Довгалюк.

поселок именно в это время начал особенно активно развиваться и 2) военно-политическая обстановка в регионе должна была позволять общине обходиться без укреплений. Во II в. до н.э. (вероятно, около середины или даже во второй половине столетия) площадка городища была вновь заселена, а фортификации на мысу заново отстроены, при этом была возведена более мощная двурядная система укреплений. Время второго (и окончательного) запустения крепости, судя по датировкам построек внутри нее, может быть отнесено приблизительно ко второй половине I в. до н.э. – рубежу эр. После этого жизнь на «посаде» продолжалась еще в I и, может быть, во II в. н.э. Рубеж III–II вв. до н.э. остается важной вехой в жизни городища, разделяющей, условно говоря, «гороховский» и «саргатский» периоды его истории. С выводами, полученными в результате исследования Павлинова городища, согласуются и материалы погребальных памятников: Сопининского могильника и кургана на посаде. Там выделено не менее трех групп захоронений, которые в той или иной степени могут быть соотнесены с периодами функционирования поселения.

Спустя несколько столетий, на рубеже раннего и позднего железного веков, это место вновь посетили люди. Об этом свидетельствуют небольшой прокол, обломки трех сосудов карымского облика и одного – бакальской культуры, обнаруженные в верхнем слое городища.

Таким образом, проведенное исследование во многом прояснило структуру Павлинова городища и показало хроностратиграфическое соотношение основных культурных типов. Поселение служило местом проживания представителей различных, но, без сомнения, близких культурных традиций, своеобразие которых проявлялось, прежде всего, в гончарстве. Можно допустить, что эти различия имели диалектный характер, отражавший принадлежность к различным кланам или племенам, между которыми существовали брачные связи.

Литература

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
- Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург, 1991.
- Литвинский Б.А.* Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск, 2005.
- Могильников В.А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1992.
- Пантелеева С.Е.* Хроно-стратиграфия Павлинова городища (по результатам анализа керамики): АКД. Екатеринбург, 2006.
- Пантелеева С.Е.* Керамика гороховского типа с резной и гребенчатой орнаментацией: проблема соотношения (по материалам Павлинова городища) // XVII Уральское археологическое совещание: МНК. Екатеринбург, 2007.
- Погодин Л.И.* Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.* Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.
- Стоянов В.Е.* Ранний железный век западносибирской лесостепи: Опыт классификации и периодизации: Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // АКА УрГУ. Ф. III. Д. 189.

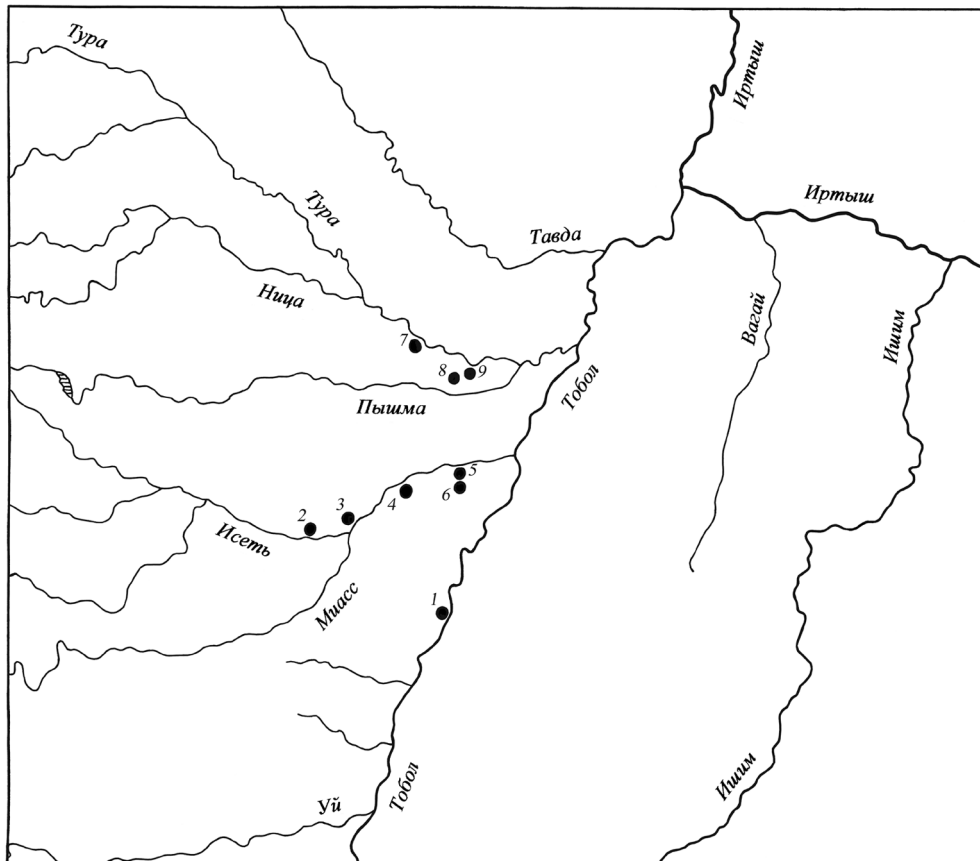

Рис.1. Месторасположение Павлиновского археологического комплекса среди городищ раннего железного века в Зауралье; 1 – Калачик; 2 – Прыговское; 3 – Павлиново; 4 – Рафайловское; 5 – Коловское; 6 – Байтовское; 7 – Старо-Лыбаевское; 8 – Увал 1-2; 9 – Красногорское; 10 – Мурзинское; 11 – Старый Погост

Рис.2. Аэрофотоснимок Павлинова городища

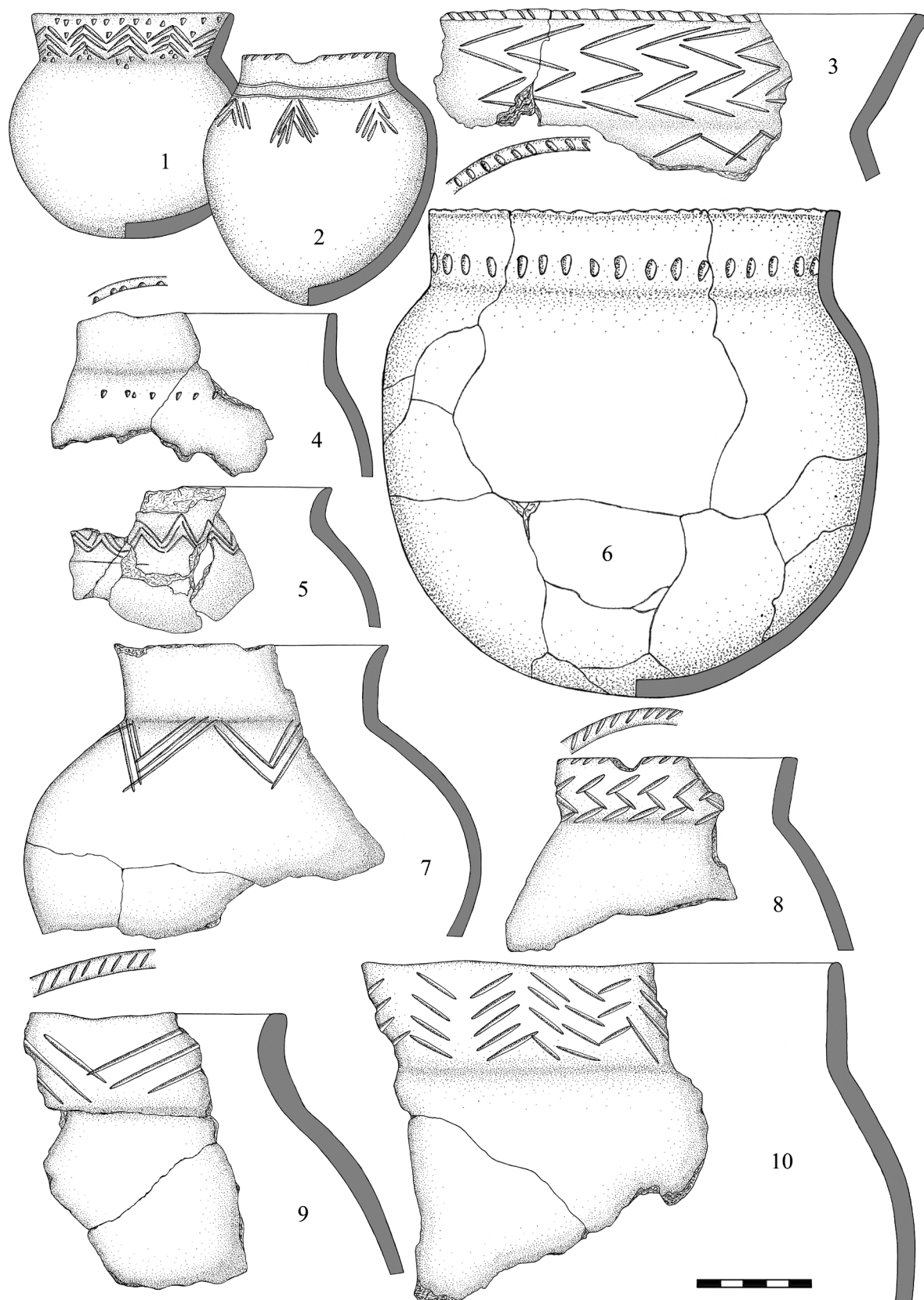

Рис.3. Керамика саргатского типа

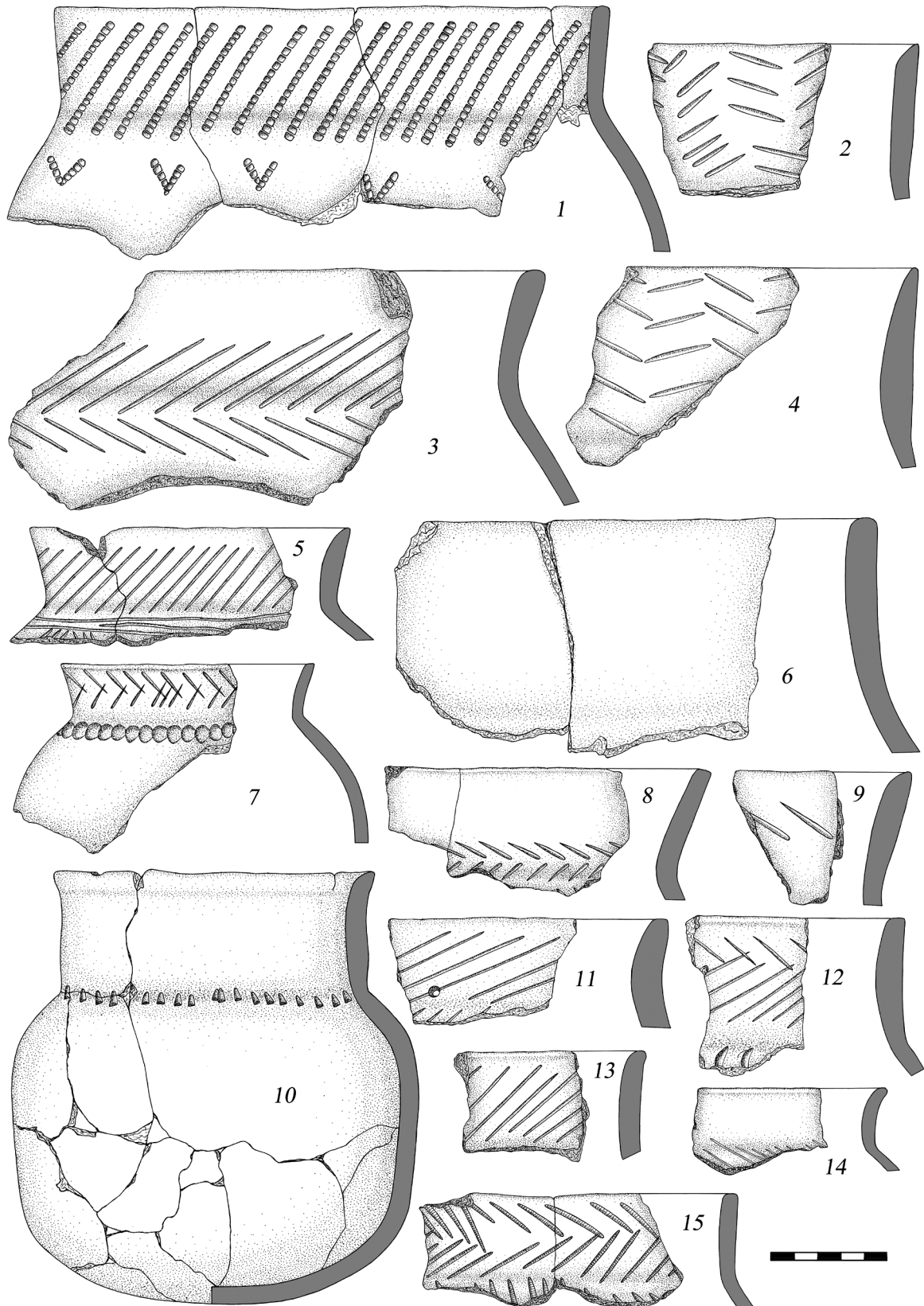

Рис.4. Керамика гороховского типа

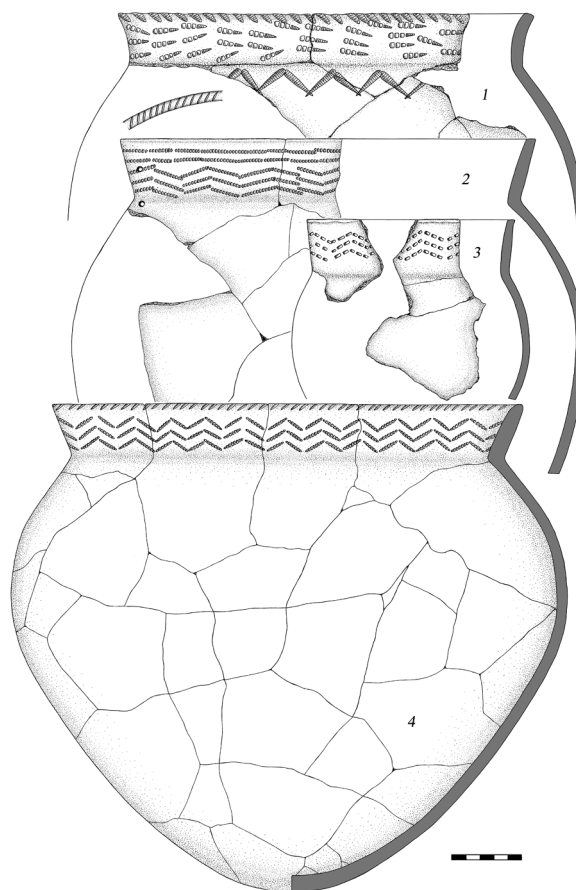

Рис.5. Керамика кашинского типа

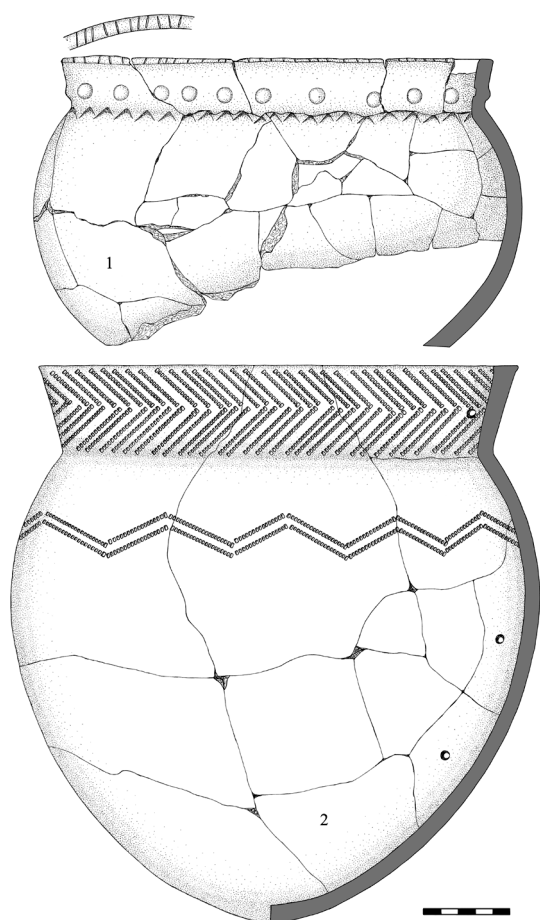
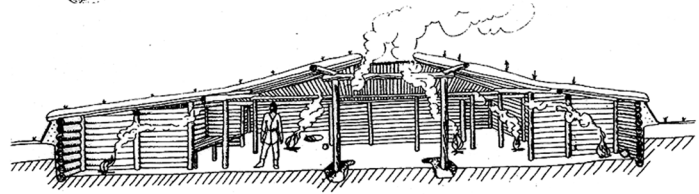
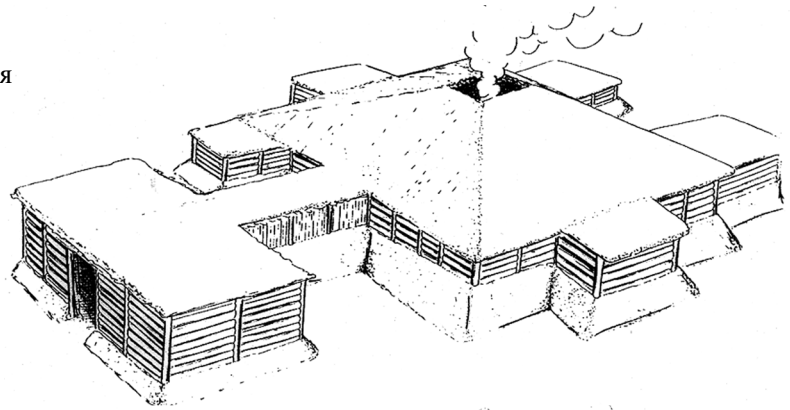

Рис.6. Керамика байтовского (1) и воробьевского (2) типов

Рис.7. План раскопанных объектов на укрепленной площадке

Рис.8. Графическая реконструкция постройки 5 (А.А. Ковригин)

0 2 m

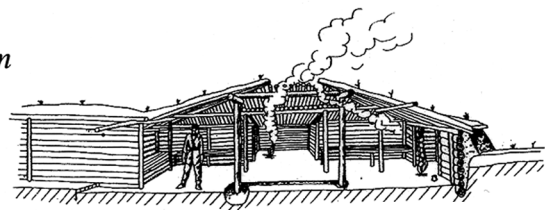
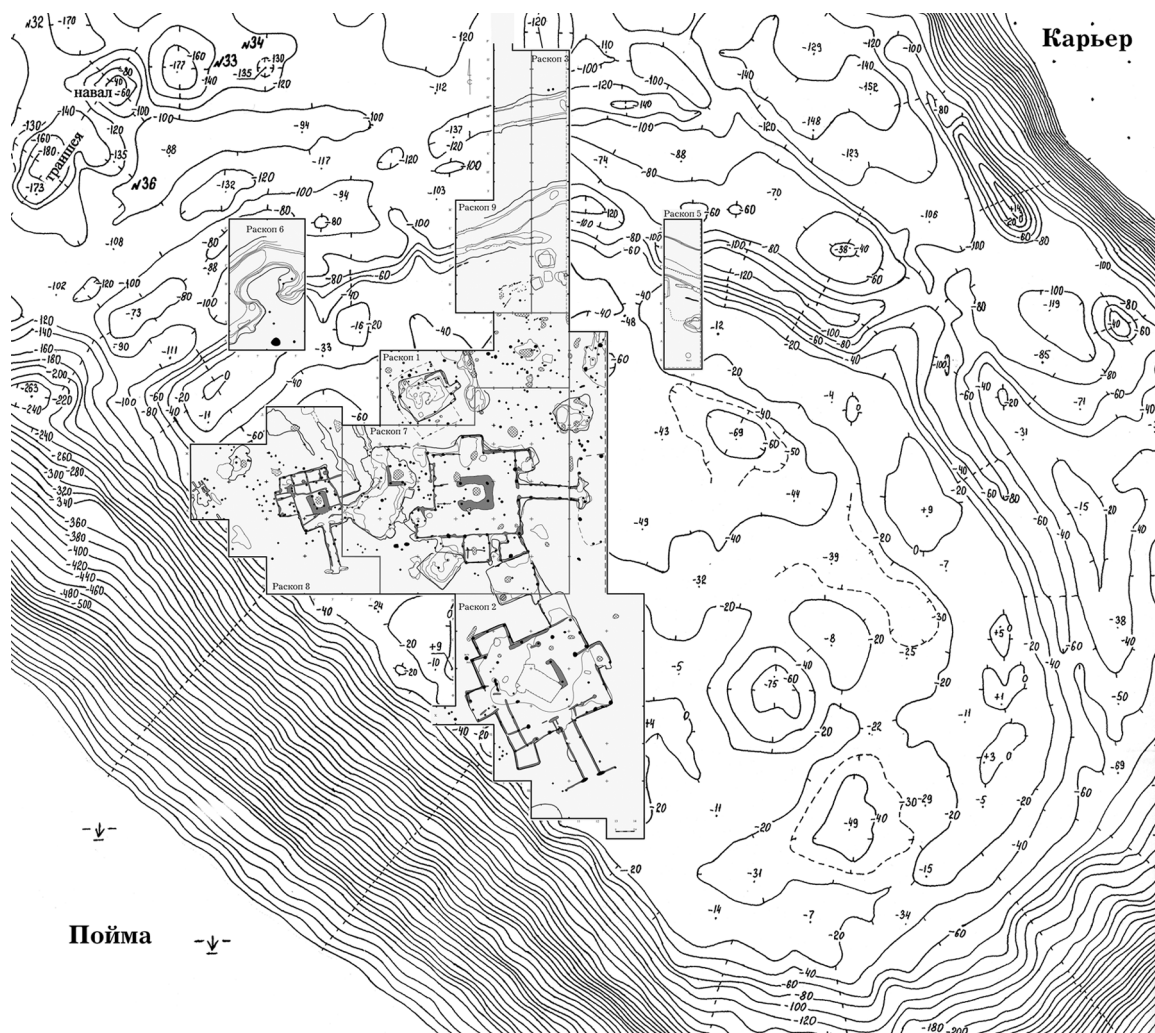

Рис.9. Сводный план раскопов на городище, наложенный на топографическую основу

Л.Т.Яблонский

Новые сенсационные находки в Филипповке (к дискуссионным вопросам о хронологии памятника, особенностях его погребального обряда и типологии)

1. Введение

Для научного поиска истоков раннесарматской культуры Южного Приуралья огромное значение имеют материалы 1-го Филипповского курганного могильника. Этот замечательный памятник расположен на возвышенном участке равнины Урало-Илекского водораздела (Илекский р-н Оренбургской области). Могильник насчитывал 29 курганов различной величины. Первое сообщение о памятнике относится к концу XIX в. Есаул Юдин, совершая поездку по служебным делам из Оренбурга в станицу Илекскую, собрал сведения у жителей левобережных уральских станиц о древних курганах. В результате ему стало известно о группе больших курганов у станицы Филипповской (Юдин, 1898; Мещеряков, 2008).

В 1986–1990 гг. на памятнике проводились археологические раскопки экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН, возглавляемой А.Х. Пшеничнюком. Результаты оказались впечатляющими: раскопано 17 курганов, включая «царский» (№1), который дал ставшую всемирно известной коллекцию находок, выполненных из драгоценных металлов, в том числе 26 фигур золотых оленей, находившихся в специальных тайниках (Пшеничнюк, 1989; 1999; 2001а; 2001б). После 1990 г. работы на могильнике прекратились. Их возобновила в 2004 г. Приуральская экспедиция Института археологии РАН под руководством Л.Т. Яблонского (зам. начальника – ст. преподаватель ОГПУ Д.В. Мещеряков). К настоящему времени экспедицией исследовано еще девять курганов, включая «царский», (№4) высотой более 8 м и диаметром свыше 80 м. Археологи с нетерпением ждут выхода в свет монографического издания, посвященного результатам первого этапа раскопок Филипповки. Настоящая статья основана на материалах только новейших раскопок памятника.

2. Новые данные об этнографических особенностях погребального обряда

Если характеризовать Филипповский могильник одним словом, то самым подходящим будет слово «уникальный». Два кургана в нем (они

располагались в центре памятника) достигали огромных размеров – около 80 м в диаметре и свыше 8 м в высоту. Они содержали сокровища, которые – с учетом размеров насыпей – позволяют по традиции, сложившейся в скифологии, называть их царскими. Да и остальные – «рядовые» – курганы содержали погребения с совсем не рядовыми находками. Не вызывает сомнений, что могильник оставлен привилегированной группой ранних кочевников Южного Приуралья. Именно это обстоятельство обусловило, очевидно, и некоторую специфику погребального обряда данной группы. Обращает на себя внимание, прежде всего, доля захоронений, совершенных в больших ямах с дромосами. Такие захоронения хорошо известны в степях Евразии позднеавроматского и раннесарматского времени (см. сводку данных: Яблонский, 1998), но обычно они единичны или немногочисленны. В Филипповке раскопок 2004–2007 гг. их 100% (девять в девяти курганах). Встречались такие погребения здесь и ранее.

Очень важно понять, что скрывается за уникальностью признаков погребального обряда Филипповки – этническое или же социальное своеобразие группы людей, оставивших могильник? И в зависимости от решения этого вопроса рассматривать другой: можно ли рассматривать Филипповку в качестве опорного памятника, относящегося к раннесарматской культуре Южного Приуралья, или же отводить ему (во всех проявлениях) особое место в общей системе культур ранних кочевников Евразии? Для ответа на эти вопросы нужно, в первую очередь, рассмотреть те признаки погребального обряда, которые редко встречаются в других синхронных могильниках региона.

2.1. Дом мертвых

В царском кургане 4 центральная гробница сделана в большой яме площадью около 84 м² и глубиной 2,5 м. От нее отходил коридорообразный наклонный вход-дромос с имитацией ряда столбов вдоль бортов¹. В центре ямы распола-

¹ Замечу, что в кургане 16 южная часть дромоса была дополнительно ограничена, очевидно, плетнем или его имитацией, от которого сохранились ряды ямок от вертикальных кольев.

гался глинобитный очаг-жертвенник, размерами 90×105 см. Углы очага располагались строго по сторонам света. На его поверхности действительно разводили огонь в ходе погребального ритуала². Напомним, что в одном из курганов урало-казахстанских степей квадратный очаг-жертвенник со стенками, ориентированными строго по сторонам света, был датирован сопутствующими находками в пределах VI–V вв. до н.э. (Гаврилюк, Таиров, 1993. С. 59, 60, рис. 2).

Вокруг очага в кургане 4 лежали подношения – вещи из золота, многоцветная стеклянная чашечка и др. Особое место занимает чудом сохранившийся деревянный кибит лука скифского типа со стрелами. Подношения у очага зафиксированы и в наземном коллективном захоронении кургана 15.

Погребенные в кургане 4 находились в деревянных гробах с крышками. Углы гробовин скреплены широкими парными бронзовыми скобами, прибитыми массивными бронзовыми гвоздями. Такие гробовины встречены в могильнике савромато-сарматской эпохи впервые. Любопытно, что некоторые из этих гробовин были аккуратно накрыты крышками, но оказались пустыми.

Камера кургана 4 была перекрыта слоями бревен, которые, по нашему мнению, лишь имитировали шатровую конструкцию. Таким образом, погребальная камера моделировала дом-полуполземлянку со стенами, входом, очагом, крышей и обитателями. Подпрямоугольные в плане полуполземлянки с длинными коридорообразными входами-дромосами известны в евразийских степях еще с эпохи поздней бронзы, например, в памятниках тазабагьябской культуры Южного Приаралья (Итина, 1977). В Зауралье традиционная планировка подпрямоугольных в плане помещений с длинными коридорообразными входами и центральными очагами сохраняется в саргатской культуре, но в виде наземных срубов (Korykova, Epimakhov, 2006. Fig. 8, 14, 15).

Все данные указывают на то, что сооружение каждого кургана в Филипповке занимало достаточно протяженный период времени, измеряющийся, по меньшей мере, годами. И весьма длительный период времени проходил между

сооружением центральных могильных ям и возведением насыпи. В этот период гробницы с перекрытиями оставались открытыми, и там могли совершаться какие-то ритуальные действия.

Можно предполагать, что филипповские сооружения несли двойную функцию – это не только места захоронения, но и своеобразные святилища, объекты поклонения и обрядово-ритуальных действий, проводившихся здесь на протяжении длительного периода уже после того, как захоронения в «дом мертвых» по тем или иным причинам прекращались.

2.2. Подземные ходы в гробницы

К числу таких ритуальных действий относилось и сооружение подземных ходов, которые вели из-за пределов насыпи к центральным гробницам. Такие подземные ходы были найдены и в раскопках А.Х. Пшеничнюка, и в наших. Напомним, что в кургане 1 в подземных коридорах найдены четыре бронзовых котла, железные гвозди. А.Х. Пшеничнюк предполагал, что эти ходы являются грабительскими лазами, сделанными вскоре после совершения захоронений. Так, в описании кургана 1 отмечается, что «через подземные ходы грабители пробирались вскоре после совершения захоронения, когда камера была еще поллой» (Пшеничнюк, 2001б. С. 28). Исследователь полагает, что грабители знали глубину погребальной камеры, а пожар в ней произошел именно во время ограбления.

Коридорообразные входы в могильные ямы, в которых находили скелеты лошадей, известны по раскопкам скифских курганов IV в. до н.э. Северного Причерноморья. Ю.В. Болтрик (2000. С. 129, рис. 1, 2) полагает, что эти коридоры сооружались одновременно с погребальными камерами. Курганы с подземными ходами исследовались также в Бешшатырском могильнике (V–IV вв. до н.э.) в Семиречье (Акишев, Кушаев, 1963. Рис. 49). К.А. Акишев предполагал, что эти ходы не связаны с ограблением, имеют ритуальный характер и являются конструктивной особенностью курганов (Там же. С. 62). Таким образом, назначение подкурганых ходов было вопросом дискуссионным.

Два подземных хода длиной 15 и 18 м при глубине 2,5–3 м зафиксированы, например, в кургане 13. На полу одного из этих подземных ходов найдены вещи, в том числе железный меч, а также череп человека в сочленении с нижней челюстью и первыми шейными позвонками. Эти находки позволили предположить, что ходы не были сделаны древним грабителям. Они имели иное – ритуальное назначение, составляя часть погребального обряда (Яблонский, Мещеряков, 2006). Эти предположения нашли подтвержде-

² Аналогичные очаги фиксировались также в погребальных камерах курганов 11, 13 и 15. Было установлено, что в кургане 11 на поверхности очага огонь разводили неоднократно. В кургане 15 глинобитный очаг и все погребенные вокруг него находились на поверхности погребенной почвы. Не исключено, что очаги были и в других курганах, но уничтожены при ограблении могил с помощью экскаватора (курганы 16, 25, 26, 28).

ние при раскопках кургана 28. Здесь на полу подземного хода, в его середине, обнаружено захоронение молодого воина в сопровождении железного меча, россыпи бронзовых наконечников стрел и костяной ложечки.

С целью ограбления современники погребенных могили, в принципе, легко воспользоваться дромосами. Но ни разу не зафиксировано случаев проникновения в погребальную камеру через дромос. С риском для жизни³ соплеменники умерших рыли длинные подземные ходы под возведенными уже насыпями, чтобы проникнуть в камеры, но не для того, чтобы взять оттуда что-нибудь, а, напротив, чтобы принести туда жертвенные предметы. Это могла быть человеческая голова, куски конины, железные меч и пластинчатый доспех (в кургане 28 такой доспех оставлен на пороге дромоса, у входа в погребальную камеру). Полагаю, что бронзовые котлы в кургане 1 тоже не забыты грабителями, как думает А.Х. Пшеничнюк, а составляли комплекс подношений мертвым со стороны их близких. Можно отметить в связи с этим, что крупные обломки бронзовых котлов мы находили в полах насыпей курганов 11 и 16. Массивная бронзовая жаровня была помещена на край погребальной камеры кургана 11. По-видимому, именно бронзовые котлы или их обломки служили излюбленными предметами ритуальных подношений.

Можно предположить, что для принесения подношений соплеменники принципиально не использовали дромос – дорогу только для мертвых, а прокладывали в погребальную камеру новые пути, специально предназначенные для проникновения туда и совершения обрядовых действий живыми.

2.3. Человеческие жертвоприношения

На костях юноши из подземного хода кургана 28 не обнаружены следы травм. Но это не значит, что мы должны исключить предположение о жертвенном предназначении погребенного – следы убийства далеко не всегда остаются на костях жертвы.

Надо сказать, что ранее в кургане 1 могильника Прохоровка 1 (IV–III вв. до н.э.) были исследованы два необычных захоронения, расположенные к северу от основной могильной ямы (№1). В отличие от остальных периферийных могил, длинные оси этих ям, как и центральной,

ориентированы строго меридианально. В могиле 6 пожилая женщина лежала лицом вниз так, что голова ее находилась на дне центральной части подбойной ниши, а стопы ног – выше ступеньки подбоя. Она как будто была сброшена в яму вниз головой. В могиле 7 погребенная (молодая женщина) лежала в полуразворот на живот, лицом вниз. Левая рука согнута в локте так, что прикрывала предплечьем голову. Прослежено, что позже входная яма была вскрыта узкой траншеей, в которую уложили три конских головы и одну коровью (Яблонский, Мещеряков, 2008). Не исключено, что оба описанных захоронения имеют жертвенный характер.

В центральном захоронении кургана 4 Филипповки скелет молодого мужчины лежал у очага вне гробовины без сопровождающих вещей. Его череп носил следы рассечения. Судя по стратиграфическим данным, скелет археологически синхронен остальным погребенным. Либо это убитый соратниками древний грабитель (не поделили золото), либо (скорее всего) – человеческая жертва, принесенная в ходе погребального ритуала еще до сооружения насыпи кургана.

В связи с этим предположением заметим, что в погребальной камере кургана 16 Филипповского могильника, в ее северной стенке, строго напротив входа-дромоса располагалась цилиндрическая ниша, открытая со стороны погребальной камеры. На дне ее расчищены кости задней части лошади, а поверх лошадиных костей – скелет мужчины, установленный в вертикальном положении на конский круп. Вероятнее всего, в данном случае мы также имеем дело со своеобразным жертвоприношением человека и животного.

2.4. Жертвоприношения животных

О том, что лошади в погребальном обряде Филипповки являлись объектом жертвоприношений, ярко свидетельствует ситуация в центральном погребении кургана 4, где у входа в дромос расчищены скелеты трех лошадей, которые лежали в ряд, мордами в сторону очага. Традиция жертвенного приношения кусков лошадиного мяса и конских голов прослеживается, в частности, в относительно более позднем могильнике у д. Прохоровка (Яблонский и др., 2004; Яблонский, Мещеряков, 2008).

2.5. Тризны

В иных случаях лошадей использовали как жертвенное мясо во время тризн, которые проходили у подножия курганов, на поверхности древнего горизонта, чаще всего у южного сектора насыпи. Во многих случаях отдельные кости на-

³ Материковые пласты в районе Филипповского могильника представлены рыхлыми супесчаными почвами, переслоенными плотными суглинками. Во время раскопок подземных ходов, которые мы вынуждены были из соображений безопасности вести открытым способом, стенки ходов часто обрушивались.

ходились в правильном анатомическом сочленении. Особый случай и в этом отношении представляет курган 4. Здесь, помимо отдельных скоплений костей, у южного подножия насыпи расчищено девять конских черепов, которые лежали в один ряд, челюстями в сторону насыпи.

Такие картины заставляют вспомнить о том, что античные авторы называли сарматов гипофагами, т.е. конеедами.

2.6. Предметные жертвоприношения

Жертвенные предметы находили в Филипповке не только у очагов, внутри погребальных камер и подземных ходов, рядом с бортами коллективных гробниц, но и в полах насыпей курганов, куда отдельные вещи или комплексы предметов были прикопаны. Так, крупные обломки бронзовых котлов найдены в полах насыпей курганов 11 и 16. В кургане 4 жертвенный комплекс, который включал несколько богато украшенных в зверином стиле уздечек и крупную хищную птицу (все объекты были предварительно завернуты в медвежью шкуру), был прикопан в южную полу насыпи. В южных полах насыпей курганов 2 и 29 также были найдены жертвенные комплексы, которые состояли из элементов конской упряжи.

3. Специфика труположений

В Филипповке уже прослеживается планировка погребений, которая станет обычной в памятниках раннесарматской (прохоровской) культуры. Вокруг центрального погребения располагались захоронения, распложенные у краев насыпи кургана. Такая ситуация, в частности, зафиксирована в курганах 15, 16, 4 и 29. Если центральные захоронения представляли собой «дома мертвых», то боковые были обычно индивидуальными. Их производили в широко-прямоугольных могильных ямах, часто с деревянными перекрытиями. В некоторых из них зафиксировано диагональное расположение скелетов – обычай, который непрерывно сохраняется в Волго-Уральском регионе в раннесарматскую эпоху и доживает здесь до среднесарматского времени (Мошкова, 2004). Одно из погребений в кургане 15 было совершено в подбое, другие – в могильных ямах с заплечиками вдоль длинных бортов ям и деревянными перекрытиями. Серия захоронений в могильных ямах с подбоями была исследована в кургане 29.

Длинные оси могильных ям дополнительных захоронений были направлены параллельно краю насыпи кургана в данном секторе. При этом погребенные всегда ориентированы в южный сек-

тор (обычай, характерный для раннесарматского населения Волго-Уральского региона, который распространялся здесь в постсавроматское время).

Были найдены погребенные в «позе всадника» и в «атакующей позе», т.е. в положениях, хорошо известных по материалам раннесарматской культуры.

3.1. Супруги или воежд с наложницей?

Одно дополнительное захоронение в кургане 4 оказалось парным одновременным. Оно совершено в широкой прямоугольной яме с заплечиками и деревянным бревенчатым перекрытием. Здесь были похоронены молодые мужчина и женщина, оба – с литыми золотыми шейными гривнами и браслетами. При мужском скелете были найдены железный меч-акинак и бронзовые наконечники стрел. У женщины между берцовыми костями находился музыкальный инструмент, от которого остались бронзовые бубенчики (12 экз.) и бронзовый молоточек-ударник в виде объемной литой фигурки уточки. Такой инструмент и сегодня можно встретить в традиционных обществах Казахстана (Джанибеков, 1990. С. 264)⁴. Металлографическое исследование показало (Равич, Яблонский, 2008), что некоторые зеркала из Филипповки сделаны из горячекованной закаленной бронзы, которая обладает замечательными акустическими свойствами, в связи с чем эту бронзу и изделия из нее называют музыкальными. Нельзя исключить, что такие зеркала в ходе погребального обряда могли служить музыкальными инструментами.

Оба погребенных были накрыты общим покрывалом, нижний край которого украшен большими мраморными и глазчатой пастовой бусиной. Женщина лежала на плаще, борта которого украшены большими золотыми с эмалевыми вставками нашивками в виде тигров (38 экз.). Парное захоронение, по всей вероятности, свидетельствует об одновременности смерти и захоронения обоих субъектов. Остается лишь гадать о прижизненных взаимоотношениях этой пары.

4. Воины

Два боковых захоронения в царском кургане 4 принадлежали молодому и пожилому воинам. Сарматские военачальники располагали не только наступательным, но и защитным вооружением. На голове они носили железные шлемы с

⁴ Приношу благодарность Д.В. Мещерякову за указание на эту работу.

нащечниками⁵ и наносниками. Такой шлем найден в кургане 11 Филипповки. Торс защищался железным чешуйчатым доспехом на кожаной основе. Основное отличие доспеха из Филипповского 1 могильника от большинства известных доспехов – крупные наплечники, сочетание ламеллярных и чешуйчатых пластин и способов крепления у исследуемого доспеха. У большинства скифских или сарматских доспехов наплечники либо небольшого размера, либо отсутствуют вовсе (Рукавишников, Рукавишникова, 2008).

Справа носили короткий железный меч-акинак (для ближнего боя), на левом боку – горит (набор из зачехленного лука и колчана со стрелами). Количество стрел, от легких до бронебойных, иногда превышало 200 штук в одном колчане, который крепился к портупее посредством прекрасно оформленных в зверином стиле серебряных с золотом колчаных крюков. К гориту крепились золотые конусообразные предметы, которые, вероятно, служили умбонами-утяжелителями или составляли элемент крепления горита к портупее. Любопытно, что изображения точно таких предметов известны по каменным антропоморфным изваяниям скифской эпохи (Ольховский, Евдокимов, 1994. Илл. 62). На правом боку висел на ремне железный боевой топор-клевец. В карманах колчана находились ножи, шилья, кресала, дротики – необходимые воину предметы.

Точно (по положению наконечника и подтока *in situ*) установлена общая длина сарматского копья с железным наконечником – 3,2 м. Оно напоминает копья, которыми были вооружены фаланги Александра Македонского. Фиксированная длина большинства скифских копий, по данным Е.В. Черненко (1984. С. 233), не превышала 2,3 м. Однако, по мнению этого автора (Там же. С. 23), к IV в. до н.э. можно говорить о появлении у скифов длинных «штурмовых» копий-пик, подобных тем, которые обычно связывают с сарматским временем (Хазанов, 1971).

Клинки и рукояти парадных мечей украшались сюжетно и технически сложной золотой инкрустацией. На клинке одного из мечей золотом изображены сцены верховой охоты с копьем и жертвоприношения оленя.

Пояса и ремни скрепляли золотыми высокохудожественными портупейными пряжками, рас-

положенными в местах перекрестия поясных и портупейных ремней. Одна из таких пряжек выполнена из литого золота в виде фигуры лежащего тигра.

Возвращаясь к теме особенностей погребального обряда, отметим широкое использование в нем массивных железных втульчатых наконечников копий. Пара таких наконечников найдена в центральном погребении кургана 11, еще один – на поверхности заплечика могильной ямы погребения 4 кургана 4. Особенно интересный случай представляет наконечник копья из погребения 2 в этом кургане. Он был глубоко воткнут в пол в углу погребальной камеры, находясь в вертикальном положении. Копья из кургана 11 были также установлены вертикально, но не воткнуты в дно, а прислонены к стенке могилы.

В целом, вооружение сарматского знатного воина по своему разнообразию ничем не уступало оснащению средневекового западноевропейского рыцаря, но уральские рыцари на 2500 лет старше.

5. Женщины

Многие захоронения в могильнике принадлежали женщинам⁶. Поэтому нельзя говорить о том, что могильник Филипповка 1 предназначался только для мужских захоронений. Более того, установлено, что некоторые захоронения в центральной погребальной камере царского кургана 4 принадлежали именно женщинам. Все данные свидетельствуют о высоком социальном положении женщин в обществе ранних кочевников. По богатству инвентаря женские захоронения ничем не уступают мужским. Так, в погребении 3 кургана 16 захоронение женщины сопровождали находки из золота – накладки на пояс, навершия шпилек, золотой литой браслет. Особенно богатым выглядит захоронение женщины в погребении 4 кургана 4. Помимо упомянутых выше наборов из золотых накладок на плащ, отметим драгоценную серебряную амфору из этого же захоронения. Амфора вместе с железным мечом была установлена в головах погребенных, очевидно, в качестве жертвоприношения и имела, таким образом, отношение к обоим погребенным (Балахванцев, Яблонский, 2008). В женском захоронении кургана 15 найдена, помимо прочего, деревянная чаша, богато отделанная накладками из драгоценных металлов (Яблонский, Рукавишникова, 2006).

⁵ Этот шлем пока остается уникальным в сарматской археологии. Своим силуэтом он отдаленно напоминает бронзовые греческие шлемы, но, в отличие от них, выкован из железа. Находки железных шлемов в Восточном Средиземноморье, однако, не известны (Горелик, 1993), что делает вероятным предположение и его местном (приуральском) происхождении.

⁶ В период 2004–2007 гг. все определения пола и возраста погребенных по их скелетам были сделаны Л.Т. Яблонским.

Однако помимо драгоценных украшений, женские захоронения в Филипповке сопровождались и предметами конской упряжи, как в уже упомянутом погребении кургана 15, а также предметами вооружения. В кургане 11 на поверхности бронзового зеркала, которое сопровождало погребенную, лежало множество бронзовых наконечников стрел (более 40 экз.). Они находились в колчане, от которого сохранились лоскутки кожи. Здесь же – предметы конской упряжи (четыре набора удил и псалиев). Как известно, традиция сопровождать женские захоронения предметами вооружения и конской упряжи имеет древние традиции в Южном Приуралье и сохраняется в раннесарматскую эпоху (Стрижак, 2006).

Издrevле на женщин в раннекочевых сообществах возлагались и обязанности, связанные с отправлением культов. Эти традиции фиксировались еще для раннесакского времени (Яблонский, 1996), а в Илекском регионе и для савроматской эпохи (Davis-Kimball, Yablonsky, 1995/1996). Ярким примером продолжения этой традиции в группе, оставившей Филипповский могильник, является женское погребение в подбойной могиле кургана 16.

6. Татуировщицы

Здесь, помимо прочего, был найден комплекс предметов, который, вероятнее всего, принадлежал татуировщице и включал в себя бронзовое зеркало (на его поверхности сохранились остатки кожаного футляра) и ряд предметов под его диском. Среди них – 1) кожаный мешочек хорошей сохранности с костяной иглой, круглой в сечении, с утолщением на тупом конце в виде шляпки с семью кольцевидными насечками под ней; размеры: длина 10,3 см, диаметр до 0,5 см, диаметр шляпки 0,7 см; мешочек завязан кожаным же шнурком на узел (сначала три раза обмотан у горловины, затем завязан узел), его размеры: высота 5,1 см, ширина до 2,3 см; 2) каменная «палитра» для красок в виде плоской серовато-коричневого цвета песчаниковой плитки подквадратной формы со срезанными углами, в которых были сделаны круглые плоскодонные выемки диаметром 5,3 см, а в центре – выемка меньшего размера (2,4 см); глубина выемок 1,2–1,4 см; реконструируемые размеры плитки – 12,5×12 см; 3) костяная ложечка для размещения красок, изготовленная из ребра животного, с плоской ручкой, имеющей по три треугольных отростка с каждой стороны, направленных вершинами вверх (по направлению к черпачку каплевидной формы) и в стороны; 4) обломок белемнита; 5) железный нож с плос-

кой рукоятью и изогнутым клинком с загнутым сверху концом.

Подобный же комплекс орудий для нанесения татуировок был обнаружен в женском погребении 4 кургана 29. В его составе – каменная палитра (аргиллит). Она представляет собой шлифованный диск, одна сторона которого (дно) плоская, а на другой в центре выточена круглая плоскодонная выемка со скошенными стенками, вокруг которой сделано 8 аналогичных выемок меньшего размера. К палитре имел отношение пест-ступка, изготовленный из аргиллита. Он имел форму цилиндра с вогнутыми боковыми сторонами (катушкообразную). Нижняя торцовая часть выпуклая, верхняя вогнутая. Нижняя часть служила пестом, верхняя – ступкой. Пест-ступка использовался для растирания красок. Здесь же – бронзовое зеркало и раковины-grifea, которые являются частыми находками в женских захоронениях раннесарматской эпохи, а также костяная ложечка, железные игла и нож саблевидной формы.

Для сарматской эпохи татуировки давно и хорошо известны по алтайским мумиям, из могильников пазырыкской культуры (Руденко, 1953). В условиях сухих степей Оренбуржья органика в погребениях не сохраняется. Но теперь мы можем быть уверены, что традиция нанесения разноцветных татуировок не была чужда и местным кочевникам и что выполняли магические татуировки именно женщины.

7. Сокровища

Между гробовин в центральном погребении 5 кургана 4 был помещен жертвенный комплекс, который состоял из драгоценных предметов. Среди них – ритуальный сдвоенный деревянный сосуд, покрытый золотом и серебром в виде баранов, бронзовый масляный светильник в виде горбатого быка-зебу, нож с литой серебряной рукоятью в виде фигуры летящего оленя, золотые детали нагайки и др.

Особое место занимает в комплексе погребения 4 этого кургана уже упомянутая литая серебряная амфора со сливом в виде фигуры священного крылатого козла. Изображения аналогичных амфор известны на стене на рельефе дворца Дария Великого (V в. до н.э.). Их в виде даров подносят Дарию лидийцы (Балахванцев, Яблонский, 2008). Всемирно известны сокровища, найденные в кургане 1 Филипповки (The Golden Deers..., 2000) и других курганов могильника (Сокровища..., 2008).

Все данные говорят о том, что Филипповский могильник оставлен популяцией, которую типологически можно отнести к раннесарматским

(по традиционной терминологии). Что же касается известной специфики признаков погребального обряда, то ее легче всего связать с этнографическими особенностями данной популяции и ее, безусловно, высоким социальным статусом в орде кочевников, заселивших Южное Приуралье где-то в середине I тыс. до н.э.

8. Вопросы хронологии

Не имея возможности подробно останавливаться здесь на проблемах хронологии Филипповского могильника (см. об этом: Яблонский, 2007; 2008а; Мошкова, 2007), отметим, что для установления даты памятника огромное значение имеют находки импортного происхождения, имеющие аналогии в надежно датированных памятниках Среднего Востока, Средиземноморья и Предкавказья.

«Нижнюю» дату памятника определяют вещи ахеменидского круга или на ахеменидскую тему, найденные, в частности, в царских курганах 1 и 4 (Трейстер, 2008). Установлено, что серебряная амфора из погребения 4 кургана 4 датируется второй четвертью V в. до н.э. (Балахванцев, Яблонский, 2008) или серединой V – началом IV в. до н.э. Всего в могильнике найдены сотни предметов, сделанных только из золота и серебра. Большинство этих вещей выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля и представляют собой высокохудожественные образцы декоративно-прикладного искусства V–IV вв. до н.э. В целом для находок из Филипповки можно отметить, что серебряные сосуды ахеменидского стиля датируются в рамках середины V – первой половины IV в. до н.э. и могут быть в основной массе отнесены к изделиям малоазиатских и/или фракийских мастерских (Трейстер, 2008). По-видимому, именно в этот отрезок времени и укладывается «нижняя» дата Филипповского могильника. Надо только учитывать, что драгоценные вещи, которые датируются указанным периодом, могли попасть в приуральские погребения несколько позже времени их изготовления. Об этом могут свидетельствовать и следы длительного использования серебряной амфоры (утрата одной ручки и ремонт сосуда), и золотых накладок на плащ, а также литых браслетов из погребения 4 кургана 4 (утрата эмалевых вставок).

Сходной точки зрения на датировку памятника придерживается и А.Д. Таиров, который датирует комплексы кургана 1 могильника Филипповка в рамках конца V – начала IV в. до н.э. (Таиров и др., 2008).

Однако существует мнение и о более ранней дате кургана 1 Филипповки, а именно: вторая

половина VI – первая половина V в. до н.э. (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005. С. 75, 76). У меня не вызывает сомнений синхронность кургана 1 с остальными курганами памятника. Поэтому этот вывод можно было бы распространить и на весь могильник. Но другие материалы из Филипповки не только не подтверждают его, но предполагают и более позднюю датировку Филипповки. В эти материалы входят не только бронзовые наконечники стрел, которые не исключают дату IV в. до н.э. (Яблонский, 2008б, рис. 1), но и детали конской упряжи, которые имеют близкие аналогии в Предкавказье. К таким деталям относятся, например, двухплоскостные бронзовые псалии (ср.: *The Golden Deer of Eurasia... Cat. 102*; Золотые олени... С. 46; Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 118, 119).

В кургане 13 Филипповского могильника встречены железные мечи «переходного типа» и кинжал с зооморфным навершием и, скорее всего, бабочковидным перекрестием (Яблонский, 2008б. Рис. 2). Эта находка подтверждает как будто идею К.Ф. Смирнова (1964) о том, что мечи переходного типа могли бытовать в Южном Приуралье еще в V в. до н.э. Вместе с тем совместная находка меча этого типа с глиняной амфорой, датируемой III в. до н.э. (Васильев, Сиротин, 2004), может говорить и о более позднем времени употребления этих мечей.

Переволочанский могильник, обнаруживающий существенные параллели и в признаках погребального обряда, и в некоторых типах сопровождающего инвентаря, датировался авторами раскопок (Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2008) IV в. до н.э. без более подробного уточнения этой даты; в ранней публикации А.Х. Пшеничнюка (1983. С. 84, 85) приведена дата – V–IV вв. до н.э.

Мы все находимся в ожидании выхода в свет книги А.Х. Пшеничнюка, посвященной монографической публикации Филипповских курганов из его раскопок. Однако свое мнение по поводу их датировки он уже высказывал и вполне определенно (Pshenichnuk, 2001. P. 29, 30). Исследователь отмечает, что курганы были насыпаны в начале IV в. до н.э., причем в течение короткого отрезка времени – за 20 или 30 лет. Отмечая, что некоторые исследователи склонны датировать памятник V в. до н.э., он соглашается с тем, что некоторые драгоценные находки из кургана 1 действительно могли быть сделаны в V в., но в могилы попали позже. Аналогичное заключение, с учетом сохранности находок из кургана 4, было сделано и мною с А.С. Балахванцевым (2008).

Если следовать археологическому принципу «датируй по наиболее поздней находке», стоит, очевидно, присоединиться к мнению А.Х. Пше-

ничнюка о строительстве некрополя именно в IV в. до н.э..

Таким образом, на сегодняшний день датировка могильника в пределах второй половины V–IV в. до н.э. представляется наиболее предпочтительной. Филипповский могильник при всей его уникальности, справедливо подчеркнутой М.Г. Мошковой (2007. С. 106, 107; 2008), имеет очень близкие аналогии в Переволочанах, а отдельные находки и в других памятниках Приуралья, в том числе в Орских курганах (Савельева, Смирнов, 1972) и в упомянутых выше Кичигинских. Переволочанский могильник, для которого дата IV в. до н.э. не исключена (равно как и для Филипповского), относится, таким образом, к столетию, которое А.Х. Пшеничнюк (1983. С. 79) справедливо, с моей точки зрения, называет переходным для «савромато»-сарматских памятников.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что хронологическая позиция Филипповского могильника еще нуждается в уточнении на основе тщательного вещеведческого анализа всей совокупности сопровождающего инвентаря. Одним из главных направлений такого анализа должна стать работа с урало-кавказскими аналогиями, поскольку именно эти аналогии позволяют уточнить «верхнюю» дату памятника. Что касается «нижней» даты (вторая половина или конец V в. до н.э.), то, как кажется, все исследователи, за исключением алтайских коллег (Уманский и др., 2005), более или менее с ней согласны, но и последнюю гипотезу надо, конечно же, отрабатывать.

Литература

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
- Болтрик Ю.В., Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Гаврилюк А.Г. Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. М., 1993.
- Джанибеков У.Д. Эхо... По следам легенды о золотой домбре. Алма-Ата, 1990.
- Золотые олени Евразии. СПб., 2003.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н.э.) // ТХАЭЭ. 1977. Т. X.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006.
- Меццераков Д.В. История изучения курганного могильника у с. Филипповка // Сокровища сарматских вождей (новые раскопки Филипповских курганов). Каталог выставки. Оренбург, 2008.
- Мошкова М.Г. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004 (МИАР. № 6).
- Мошкова М.Г. По поводу статьи Л.Т.Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья)» // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.
- Мошкова М.Г. О научном значении работ Приуральской экспедиции в период 1990–2007 гг. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.А. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт доклада. Уфа, 1989.
- Пшеничнюк А.Х. «Царский» курган на Южном Урале // Наука в России. 1999. № 3.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. СПб., 2001а.
- Пшеничнюк А.Х. Погребальный обряд Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание: ТД МНК. Оренбург, 2001б.
- Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2003.
- Равич И.Г., Яблонский Л.Т. Химико-технологическое изучение сарматских зеркал, найденных в курганных могильниках Оренбургской области // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
- Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка-1 (интерпретация комплекса и реконструкции первоначального облика) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
- Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3.

Сиротин С.В. Исследования на курганном могильнике Переволочан в зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008.

Стрижак М.С. К вопросу о женских погребениях Приуралья и Поволжья VI–IV вв. до н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006.

Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Черненко Е.В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Юдин М. Л. Заметка о курганах // ТОУАК. 1898. Вып. 4.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приуралья. Археология и антропология могильников. М., 1996.

Яблонский Л.Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // УАС. 1998. Вып. 1.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по

результатам археологических раскопок) // Вестник РГНФ. 2004. № 4 (37).

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного. Уфа, 2006.

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.

Яблонский Л.Т. От редактора // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008а.

Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008б.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В. Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. М., 2006.

Davis-Kimball J., Yablonsky L. Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. Tokio, 1995/1996.

Korykova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2006.

Pshenichnuk A. The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. New York, 2001.

The Golden Deers of Eurasia. New York, 2000.

III. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.В.Бакин

Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене

Территория юга Вятско-Камского междуречья в пределах Татарстана, в соответствии с ландшафтным районированием, относится к Елабужско-Предкамскому возвышенному району подтаежной ландшафтной подзоны (Ландшафты..., 2007), или к зоне хвойно-широколиственных лесов. В административном отношении она расположена в пределах Елабужского, Менделеевского и южной половины Агрызского районов РТ.

Территория характеризуется пестрой литологией. Наиболее распространенными являются отложения верхнеказанского подъяруса верхней перми, представленные красноцветами белебеевской свиты. Они группируются в три ритма пород, в каждом из которых песчаники внизу сменяются алевролитами, глинами, а иногда и прослоями известняков сверху. Породами белебеевской свиты, перекрытыми суглинками, сложено более 70% территории. Наиболее высокие водоразделы обычно сложены породами первой свиты татарского яруса – коричневыми алевролито-песчаниковыми отложениями с мощными пачками песчаников, с прослоями мергелей, глин и доломитов. По обрывам склона долины Камы на дневную поверхность выходят породы нижнеказанского подъяруса, представленные песчано-глинистыми отложениями, чередующимися с органогенными известняками. Иногда ниже их, узкими полосами обнажаются красно-коричневые песчаники уфимской свиты, а для устьевого участка долины р. Иж известны выходы известняков сакмарского яруса нижней перми (Дуглав, 1964). Четвертичные отложения, помимо элювиальных и делювиально-солифлюкционных суглинков водоразделов, представлены песчано-суглинистыми отложениями пойм и надпойменных террас рек.

Самой низкой ступенью рельефа является Вятско-Камская пойма, лежащая на высоте 58–63 м. Выше ее поднимаются нерасчлененные низкие террасы, а затем – московская терраса,

высотой около 80 м, имеющая бугристо-донный рельеф. По левобережью Вятки и на отдельных участках правобережья камской долины развита днепровская терраса с отметками 95–105 м. В строении рельефа водоразделов также наблюдается ярусность. Нижний ярус лежит на высоте 150–160 м. Над ним уступом, в разной степени выраженным, прослеживается второй ярус высотой до 200–220 м. Однако на большей части территории абсолютные высоты лежат в интервале 80–140 м (Ландшафты..., 2007).

На западе территория расчленена долинами рек Танайка, Каринка, Умняк, Тойма, Юрашка, на востоке – долинами рек Иж и Бима. Густота речной сети в среднем составляет 0,6 км/км² (Ландшафты..., 2007). С поймами рек, особенно Камы, связано большое количество старичных озер.

Рельеф юга Вятско-Камского междуречья в своих основных чертах сформировался в позднем плейстоцене, и только морфогенез речных долин завершился в начале голоцена (Бутаков, 1986). Заметная трансформация рельефа относится к последним столетиям и связана с антропогенными факторами.

В почвенном покрове района преобладают подзолистые и серые лесные почвы на элювиальных и лессовидных суглинках с выщелоченными карбонатами, слагающие выровненные водоразделы и пологие склоны. На них приходится более 75% площади. Более 15% территории занимают аллювиальные почвы. На лугово-черноземные и лугово-болотные почвы приходится 2,5%. Остальные типы почв имеют еще меньшее распространение (Ландшафты..., 2007). Из них выделяются выщелоченные и оподзоленные рендзины (дерново-карбонатные почвы), с мощностью карбонатного горизонта до 25 см (карбонатный горизонт часто сразу переходит в материнскую породу).

В целом почвенный покров характеризует Вятско-Камское междуречье как лесную стра-

ну. В настоящее время леса занимают менее 19% территории, большая их часть приходится на производные мелколиственные леса и культуры. Еще в конце XVIII в. лесистость составляла почти 80%, при этом преобладали леса таежного облика. Н.П. Рычков (1770) указывал на обилие лесов между Вяткой и Камой с преобладанием сосны, лиственницы и ели. Основные типы природных экосистем района, определяемые рельефом и литологией, представлены в таблице 1. Они сформировались в субатлантическое время и преобладали на территории до начала интенсивного воздействия человека на природу.

По археологическим материалам, человек на территории Вятско-Камского междуречья известен с неолита, что, конечно, не исключает возможности его появления здесь и в более раннее время. Особенно много выявлено археологических памятников бронзового и раннего железного веков (большая часть последних представлена ананьинской культурой). Так, на территории Елабужского района из 49 известных памятников 37 (75,5%) относится к эпохе бронзы и к ананьинскому времени, в т.ч. знаменитый Ананьинский могильник¹ (Археологическая карта..., 1981). В связи с этим представляет интерес ха-

¹ Ананьинский могильник находится в устьевом участке долины р. Тойма. Долина здесь очень широкая, в нее заходят основные террасы камской долины. Днище долины Тоймы сложено нерасчлененными аллювиальными отложениями мончаловского и осташковского времени; собственно пойма практически не выражена. Позднеосташковский возраст имеют и встречающиеся по левому берегу реки песчаные гривы. Высокие склоны долины образуют бортовые террасы среднечетвертичного возраста. На гриве, расположенной у границы долин Тоймы и Камы, где русло Тоймы круто поворачивает с юго-западного направления на северо-западное, находится Ананьинский могильник. Грива также вытянута в направлении север-запад – юго-восток; ее образование связано со смещением русла Тоймы от восточного края своей долины на северо-запад. В прошлом, как и сейчас, подойдя к пойме Камы почти под прямым углом, Тойма меняла свое направление на северо-западное, используя притеррасное понижение камской поймы. Прямому слиянию с Камой всегда мешало половодье последней, которое проходит гораздо позднее, чем у Тоймы, и своими наносами перекрывает прямой путь притока. В настоящее время Тойма протекает северо-западнее гривы с могильником, также по притеррасному понижению, и лишь у Елабуги, зажатая коренным берегом и руслом Камы, сливается с Камой. В ананьинское время грива была покрыта лесом. В камский разлив более чем на месяц она становилась островом, а в остальную безморозную часть года подходы к ней большей частью были заболочены. Произшедший позднее глубокий эрозионный врез Тоймы повлек за собой понижение уровня грунтовых вод в долине и ее осушение.

рактеристика природной среды Вятско-Камского междуречья всей второй половины голоцена. Однако возможности такой реконструкции весьма ограничены.

Известно, что большой информативностью обладает растительный покров, определяющий в наибольшей степени структуру и функционирование экосистем; сами растения являются чувствительными индикаторами экологических условий местообитания. Знание современного распространения видов растений и их экологии, закономерностей экогенетических и демутиационных сукцессий растительных сообществ позволяет точно реконструировать облик ландшафтов относительно недалекого прошлого (табл. 1). Более древние биоценозы голоцена и условия, в которых они существовали, восстанавливаются с использованием спорово-пыльцевого анализа, структурного анализа почв и других методов (Общие методы..., 1979; Частные методы..., 1979). Для описываемой территории опубликованы данные спорово-пыльцевого анализа отложений торфяника в Елабужском районе у с. Танайка (Ятайкин, Шаландина, 1975) и разрезов, содержащих археологические находки на берегу Камы в Удмуртии, – городище Зуевы Ключи (Немкова, 1978). Однако спорово-пыльцевые спектры из Елабужского района не имеют абсолютных датировок; не велико количество дат по C^{14} и для голоцена территорий, прилегающих к Татарстану. Это может приводить к ошибкам², или делает исторические реконструкции столь общими, что их нельзя использовать для изучения закономерностей развития природы и общества хоть сколько-нибудь подробно. Так, например, исследования Предкамья Л.М. Ятайкина и В.Т. Шаландиной (1975, с. 171) показали, что здесь «в позднем голоцене в основном сохраняются климатические условия среднего голоцена. Во всяком случае, похолодания не наблюдаются <...>. Растительный покров среднего и позднего голоцена весьма сходен и образует один этап развития». А ведь, протяженность позднего и среднего голоцена по М.И. Нейштадту (1957) составляет 7700 лет.

² У В.К. Немковой (1978) приведен пример, когда Т.П. Рябова (1965), изучавшая историю растительности Башкирского Предуралья в голоцене, установила, что уже в древнем голоцене эта территория была покрыта лесами; по материалам же В.Т. Шаландиной (1971), в древнем и даже в среднем голоцене к северу от Башкирии – в Татарии – преобладали лесостепи. Оба исследователя пользовались схемой голоцена М.И. Нейштадта (1952), но отсутствие абсолютных датировок лишило их четких критериев для расчленения изучаемых осадков и привело к противоположным выводам.

Таблица 1

Основные типы природных экосистем юга Вятско-Камского междуречья

№	Элементы рельефа	Литология	Экосистемы
1	Высшие точки водоразделов и крутые склоны	Элювиальные пески	Сосновые и сосново-широколиственные леса
2	Выровненные водоразделы нижнего яруса и верхние части их пологих склонов	Элювиальные и лессовидные суглинки	Темнохвойно-широколиственные леса с доминированием ели и липы, в меньшей степени – дуба
3	Нижние части пологих склонов нижнего яруса водоразделов	Более увлажненные суглинки	Темнохвойно-широколиственные леса с доминированием ели, в меньшей степени – пихты
4	Склоны водоразделов и высоких террас рек южной экспозиции	Элювиальные карбонатные суглинки и элювиальные и древнеаллювиальные пески	Элементы лесостепных сообществ
5	Высокие террасы рек: а) возвышенные элементы рельефа б) пониженные участки	Древнеаллювиальные пески Древнеаллювиальные супеси и легкие суглинки	Хвойные леса с доминированием сосны Хвойные леса с доминированием ели и пихты, хвойно-широколиственные леса на суглинистых почвах
6	Поймы и низкие террасы малых и средних рек	Аллювиальные суглинки и пески	Ивняки и ольшаники, у средних рек – с включением сосняков по песчаным гривам
7	Поймы и низкие террасы Камы и Вятки: а) прирусловая пойма б) центральная пойма в) притеррасная пойма г) низкие террасы	Аллювиальные пески Аллювиальные суглинки Переувлажненные суглинки Древнеаллювиальные суглинки и пески	Осокорники Дубравы и вязовники Ольшаники и ивняки Темнохвойно-широколиственные леса с включением сосняков по песчаным гривам
8	Депрессии, занятые болотами		Экосистемы низинных и переходных болот
9	Депрессии, занятые водоемами и водотоками		Водные и околотоводные экосистемы

Широкое использование датировок по C^{14} в настоящее время является неотъемлемой частью исследований голоцена. С другой стороны, компьютерные технологии позволили применять информационно-статистические методы. Так, для палеоклиматических реконструкций голоцена используется метод, в основе которого лежит статистическая связь современных спорово-пыльцевых спектров с современными климатическими условиями (средние температуры июля, января, года, годовая сумма осадков). Точность определения средних температур июля и года оценивается в $\pm 0,6^\circ C$, января – $\pm 1^\circ C$, годовой суммы осадков – ± 25 мм (Клименко и др., 1996). Информационно-статистические подходы используются и для реконструкции более ранних эпох (Маркова и др., 2002). Все это привело к созданию подробных, качественно новых

реконструкций позднеледникового – голоцена для целого ряда регионов России, например, из числа наиболее близких к Татарстану географических точек, – для Бузулукского бора (Кременецкий и др., 2000). Сравнение палеоклиматических реконструкций для разных регионов показало, что динамика климата имеет региональные особенности; для разных регионов выявляется и датируется разное количество периодов потеплений и похолоданий (Таиров, 2003). Вместе с тем, считается, что крупномасштабные колебания климата (изменения температуры порядка 1°) в позднеледниковье – голоцене носили глобальный характер (Клименко и др., 1996).

Данные по крупномасштабным колебаниям климата можно взять за основу при реконструкции исторической динамики природы юга Вятско-Камского междуречья (табл. 2). Для кли-

матических экстремумов имеются абсолютные датировки, что позволяет выделить важнейшие рубежи голоцена. Построенная таким образом хронологическая шкала не будет очень подробной. Но в настоящее время в большой подробности нет необходимости, поскольку палеобиологические и археологические материалы, собранные на территории Татарстана, в т.ч. Вятско-Камского междуречья, не имеют абсолютных датировок. Они датированы на уровне экспертных оценок, их нельзя с необходимой точностью разместить на шкале палеоклиматической хронологии, провести сопряженный анализ. Любые сопоставления здесь также возможны только на уровне экспертных оценок, при этом сама историческая реконструкция является интерпретацией, версией. Однако она все же должна быть более информативной, чем исторические реконструкции на основе схемы М.И. Нейштадта, которые для Татарстана остаются единственными опубликованными (Ятайкин, Шаландина, 1975; История..., 1980).

В Вятско-Камском междуречье непрерывное замещение перигляциальных экосистем лесными началось в предбореальный период, когда потепление около 10000 л.н. охватило всю Северную Евразию (Спиридонова, Алешинская, 1996; 1999; Кременицкий и др., 2000; Алешинская, 2001). Основой развития лесного покрова были островные березовые леса перигляциальной лесостепи. Известно, что с начала предбореала в их состав также входили сосна, ель, режа – лиственница, пихта, ольха, липа и орешник. К середине предбореального периода (9500-9300 л.н.) леса, в составе которых большую роль стала играть сосна, заняли основную часть территории Вятско-Камского междуречья. В первую очередь сосняки распространились по песчаным террасам рек, на которых относительно незадолго до этого завершилось формирование эолового рельефа. Ареносоли (слаборазвитые почвы на песках) в этом экотопе сосновые леса занимали на протяжении всего голоцена (табл. 1, № 5а), законсервировав до наших дней древнеголоценовый рельеф.

Отрезок 9500-9300 л.н. рассматривается для центральных районов европейской части России как климатический оптимум предбореала, когда средние температуры воздуха были ниже современных всего на 1° (Спиридонова, Алешинская, 1996; 1999). Очевидно, в это время в Вятско-Камском междуречье могли встречаться участки чистых ельников.

Самый нижний слой исследованных торфяных отложений у с. Танайка отнесен к раннему голоцену, но в общей таблице голоценовых отложений Л.М. Ятайкин и В.Т. Шаландина (1975. С. 164) указывают для древнего голоцена Пред-

камья максимальный процент пыльцы ели (15% – «нижний максимум ели»), интерпретируя его как доминирование этой породы в островных лесах холодной лесостепи. Однако ни к западу (Жилин, 2004), ни к востоку (Немкова, 1978) от территории Татарстана такого не отмечено – везде финал плейстоцена – начало голоцена известно как время максимума березы. Ель могла доминировать на отдельных участках с благоприятными условиями гораздо позднее.

В конце предбореального периода (9300–9000 л.н.), с ухудшением климата, отмечается деградация хвойных и вновь возрастание роли березовых лесов (Немкова, 1978). Температурные характеристики этого времени для разных регионов очень разнятся. Очевидно, концом предбореала нужно датировать обнаруженную в торфянике у с. Танайка пыльцу эфедры (Ятайкин, Шаландина, 1975) – характерного кустарничка перигляциальной степи, указывающего на распространение в районе открытых ландшафтов.

Присутствие в Вятско-Камском междуречье уже в древнем голоцене широколиственных пород указывает на близкое расположение к району их рефугиумов – убежищ, в которых они пережили ледниковую эпоху. Не вызывает сомнений существование в Валдайское время Южноуральского рефугиума (Горчаковский, 1969). В древнем голоцене на территории Татарстана к югу от Камы широколиственные породы, в т.ч. вяз и дуб, были более обильны в лесах Восточного, нежели Западного Закамья (Ятайкин, Шаландина, 1975), т.е. распространялись с востока. Несколько рефугиумов лесной биоты в Валдайское время имелось и к западу от Татарстана (Маркова и др., 2002). Таким образом, формирование экосистем Татарстана происходило из элементов биоты, распространявшихся и с востока и с запада.

Ситуация голоцена, когда территория Татарстана оказывалась в центре перекрытия миграций западных (преимущественно европейских) и восточных (преимущественно сибирских) видов растений и животных, не является уникальной. Ряд произрастающих на территории республики древних гибридогенных видов растений³ указывает на то, что подобные явления происходили и

³ Речь идет о видах, возникших путем так называемой интрогрессивной гибридизации, которая происходит между близкородственными видами на обширных территориях. В результате создается зона промежуточных форм, со смешанными родительскими признаками; характерно, что у таких гибридов выраженность признаков родительских видов закономерно увеличивается в направлении ареалов последних. Само возникновение близкородственных европейских и сибирских видов связывается с разделением единого ареала их предка и изоляцией в ледниковые эпохи.

Таблица 2

Вторая половина голоцена на юге Вятско-Камского междуречья

Время тыс.л.н.	Века	Периоды голоцена	Изменения температуры		Засушливые периоды	Экстремумы похолоданий, л.н.	Экстремумы потеплений, л.н.	Археологические эпохи	Археологические культуры	Преобладание типов растительных покровов
			-	+						
1	XV	Sa ₃			150	250	Современность		Трансформированные леса и антропогенные сообщества	
	X				1000	Среднековье	Волжская Булгария	Темнохвойно-широколиственные леса		
	V	Sa ₂			1600	Ранний железный век	Им.	Темнохвойно-широколиственные леса		
	0				1800		Аз.			
	2	0				1900	Ранний железный век	Пб.	Липовые леса с сосной и елью	
					Sa ₁	2000				
						2200		Ан.		Липовые леса с березой и сосной
		V				2300				
	3	X			Sb ₃	2500	Эпоха бронзы	Мк.	Темнохвойно-широколиственные леса	
						2900		А-р.	Липовые леса с сосной и елью и открытые травянистые сообщества	
XV		Sb ₂	3200							
4	XX		3840	Энеолит	Вл.	Сосново-широколиственные леса и открытые остепненные травянистые сообщества				
		Sb ₁	4500	Неолит			Липовые и березовые леса с сосной и открытые травянистые сообщества			
	XXV							Липовые леса с сосной с березой, сосной и елью		
	XXX								Темнохвойно-широколиственные леса	
5	XXXV	At ₃	5500		ВК.	Темнохвойно-широколиственные и широколиственные леса				

Археологические культуры: Им. – именьковская, Аз. – азелинская, Пб. – пьяноборская, Ан. – ананьинская, Мк. – маклашеевская, А-р. – андроновидные культуры, Вл. – волосовская, ВК – волго-камская.

раньше. Так, например, важнейшая лесообразующая (ценозообразующая) порода – ель представлена в Татарстане гибридным видом – *Picea fennica*, возникшим в один из межстадиалов плейстоцена, при перекрытии ареалов европейской *Picea abies* и сибирской *Picea obovata*. Оба родительских вида в настоящее время в Татарстане не встречаются. У ели произрастающей в Казанском Заволжье признаки родительских видов выражены в относительно равной степени, ель Вятско-Камского междуречья ближе к сибирскому виду (Бакин и др., 2000). В один из ксеротермических периодов плейстоцена на запад, до берегов Балтийского моря, распространился североазиатский желто-цветковый прострел *Pulsatilla angustifolia*. Позднее, в результате его гибридизации с европейской фиолетово-цветковой сон-травой (*Pulsatilla patens*), сформировался новый вид с желтыми цветками – *Pulsatilla uralensis*. При возвратном скрещивании с гибридами европейский вид почти вытеснил желто-цветковые формы из Европы, *Pulsatilla uralensis* сохранился лишь в Предуралье. Встречается он и в Вятско-Камском междуречье, являясь дифференциальным (показательным) видом этого географического района. На всей остальной территории Татарстана произрастает *Pulsatilla patens*, однако, в сухих борах часто встречаются растения с белыми цветками (*Pulsatilla patens* var. *albo-lutea*), указывающие на наличие в своем геноме «слабых» генов восточного вида (Бакин, 2005). Число таких примеров можно было бы продолжить.

В целом европейская биота в настоящее время преобладает в экосистемах Татарстана. При этом Вятско-Камское междуречье характеризуется как район, в биоте которого влияние восточных лесов выражено в наибольшей степени. Виды растений и животных уральского и сибирского происхождения проникали в Вятско-Камское междуречье на протяжении всего голоцена; число их достаточно велико (например, виды растений, пришедшие с широколиственными лесами – *Anemoides altaica*, *Carex arnellii*, *Cicerbita uralensis*, *Knautia tatarica*, *Pleurospermum uralense* и др.; с таежными – *Agrostis korczaginii*, *Cypripedium guttatum*, *Sambucus sibirica*, *Schizachne callosa* и др.; сибирские фаунистические элементы, обитающие, или обитавшие здесь недавно – бурундук, соболь, колонок (*Mustela sibirica*) и т.д.).

Точно датировать начало бореального периода в Вятско-Камском междуречье затруднительно. Для Предуралья наименьший возраст изученных образцов со спорово-пыльцевыми комплексами предбореала датирован в 9620±50 лет (БашГИ-76), а наибольший возраст образ-

цов бореала – 8880±60 (БашГИ-32). В.К. Немкова (1978) начало бореала определяет по увеличению в спектрах пыльцы сосны и широколиственных пород и уменьшению пыльцы березы. Граница между предбореалом и бореалом датируется ею в 9000–9500 л.н. Для территорий к западу от Татарстана начало бореала относят к 9000 л.н. и связывают его для одних районов с экстремумом похолодания, для других – с экстремумом потепления (Жилин, 2004). Для нашего региона, очевидно, нужно принять последнее.

Потепление в бореальном периоде привело к полному господству в Вятско-Камском междуречье лесной растительности. В лесах доминировала сосна, в меньшей степени – береза, постоянно возрастала роль широколиственных пород. На территории закрепились вяз и дуб (по видимому, первый вид проник в район еще в предбореале). Около 8500 л.н. фиксируется глобальный климатический оптимум бореала (Клименко и др., 1996). Средняя температура июля была выше современной почти на 1°, января и года – на 0,5°, количество осадков почти равнялось современному. Климат на востоке европейской части России был теплее, чем в ее северо-западных и центральных областях. В это время в районе левобережья нижнего течения р. Белая появился граб (Немкова, 1979) – еще одно подтверждение существования лесного Южно-уральского рефугиума (в суббореале эта порода средиземноморского происхождения в Предуралье вымерла). В лесах Вятско-Камского междуречья, наряду с широколиственными породами, возросла роль ели, особенно к концу периода. Более активно шли процессы почвообразования; главным образом формировались подзолистые почвы. Глобальное похолодание около 8000 л.н., возвестившее об окончании бореального периода, на востоке европейской части России было не очень заметным. Средние температуры и количество осадков здесь были близки современным.

После этого похолодания началось наиболее крупное в голоцене потепление – климатический оптимум голоцена – достигнувшее максимума около 5500 л.н. (Клименко и др., 1996; Кременицкий и др., 2000) и захватившее почти весь атлантический период. Средние температуры июля и года были выше современных до 1–1,5°, января – примерно на 1°, количество осадков на протяжении большей части периода примерно равнялось современному. Около 7200–7100 л.н. выявлена заметная аридизация климата, когда осадков выпадало в среднем на 25 мм меньше по сравнению с современными, а в похолодание около 6400 л.н. – гумидизация, когда осадков выпадало на 25 мм больше. В целом темпера-

туры и осадки в атлантическом периоде практически не коррелируют. Между 8000 и 4500 л.н. выделяется до 6 потеплений, при которых средние температуры не превышали названные значения. При похолоданиях в атлантическом периоде температуры воздуха не опускались ниже современных. В Вятско-Камском междуречье более 3000 лет основным направлением развития экосистем было все большее доминирование в лесном покрове широколиственных пород (прежде всего, дуба и липы) и ели. Большая волна видов европейского неморального комплекса пришла с юго-запада. Возросла роль ольхи и пихты. К пику оптимума темнохвойно-широколиственные и широколиственные леса стали в районе господствующими, захватив водораздельные территории и, отчасти, древнеаллювиальные террасы рек. Наряду с подзолистыми (дерново-подзолистыми) почвами, формировались серые лесные почвы. Дуб и вяз также распространились и в поймах (табл. 1, № 7б). Сосянки сохранились только на песчаных почвах (табл. 1, №1, 5а). Березняки перестали быть зональным типом леса, стали производными сообществами, лишь временно занимая территории коренных лесов, погибших в результате пожаров или ураганов. По переувлажненным участкам широко распространились ольховые леса. Резко увеличилась скорость болотообразовательного процесса. В район вернулись теплолюбивые виды растений, которые произрастали здесь только в наиболее теплые эпохи плейстоцена и в плиоцене. Видовой состав флоры и фауны был самым богатым за весь голоцен. В спорово-пыльцевых спектрах из торфяника у с. Танайка это время, по-видимому, фиксируется по максимуму пыльцы вяза и ольхи, а из травянистых растений – осоковых на глубине 2,4-3 м.

Предполагается, что в оптимальных условиях атлантического периода происходило широкое расселение в Волжско-Камском крае охотников неолита. В Вятско-Камском междуречье археологические памятники неолита приурочены преимущественно к надпойменным террасам Вятки, но относятся они, очевидно, уже к следующему периоду (Археологическая карта..., 1981).

Около 5000 л.н. фиксируется неуклонное понижение температур, а вместе с этим, и начало суббореального периода. Глобальный экстремум похолодания датируется около 4500 л.н. Средние температуры января и года были ниже современных примерно на 1°, июля – примерно на 0,5°, количество осадков было близким современному. В спорово-пыльцевых спектрах из торфяника у с. Танайка это время, по-видимому, фиксируется по резкому уменьшению пыльцы вяза и дуба на глубине 2,2–2,4 м. На водо-

разделах Вятско-Камского междуречья ведущей широколиственной породой стала липа. Дуб произрастал, в основном, в долинах рек. Возросла роль сосны и открытых ландшафтов.

Очередное потепление в Восточной Европе и Западной Сибири датируется 4200–3300 л.н. (Клименко и др., 1996), а около 4100–3500 л.н. для многих регионов установлена аридизация климата. Средние температуры воздуха были выше современных менее чем на 1°. Для района Бузулукского бора в это время фиксируется уменьшение площади лесов и увеличение площади степей (Кременицкий и др., 2000). Выявить это время по спорово-пыльцевым спектрам из торфяника у с. Танайка затруднительно. В.К. Немкова (1978) для Низового Прикамья указывает на преобладание березовых лесов с елями, соснами и большим количеством липы и на увеличение площадей безлесных ландшафтов ранее 3210±150 л.н. (БашГИ-57), но это, очевидно, уже не относится к экстремуму потепления.

Учитывая, что эта аридизация считается одной из наиболее крупных за весь голоцен, можно предположить, что она все же имела место и в Вятско-Камском междуречье. С ней можно связать расселение в районе степных форм растений, частью сохранившихся до наших дней по карбонатным обнажениям коренного берега Камы, в частности, у Елабуги и того же с. Танайка (Баранова, 2000); остатки лесостепной растительности сохранились по склонам южной экспозиции и в других местах – например, дубравы коренного берега Камы в Агрызском районе, с кустарниковой вишней, терном, *Anemone sylvestris* и другими видами (табл. 1, № 4).

Около 3500 л.н. началась очередная глобальная гумидизация климата; благоприятный для лесов режим увлажнения сохранялся, в общем, до конца суббореала. За это время на болотах накопились самые мощные за весь голоцен отложения торфа. Около 3300 л.н. фиксируется начало похолодания – окончание суббореального оптимума.

Вместе с этим, засушливые периоды, когда могло происходить расселение в Вятско-Камском междуречье лесостепных видов растений, в суббореале, по-видимому, случались и после 3500 л.н. Так, по спорово-пыльцевым спектрам из осадков поселения бронзового века Гулюково III, расположенного на противоположенном берегу Камы, экстремум потепления предполагается около 3400–3300 л.н. (Алешинская и др., 2008); в отложениях этого возраста обнаружена пыльца кермека (*Limonium*) – ксерофита и галофита, встречающегося на территории Татарстана в настоящее время в более южных районах.

В суббореальный период в регионе происходил переход от эпохи неолита к энеолиту и бронзе. Так, на левобережье Камы были изучены спорово-пыльцевые комплексы из разрезов, содержащих археологические находки неолитической культуры – Татарский Азибей, Золотая Падь, Дубовая Грива (Немкова, 1978). В отложениях, к которым приурочены находки, преобладает пыльца древесных, фиксируется максимум березы (также присутствует липа, орешник, совсем мало ели и дуба), довольно много спор плаунов, в т.ч. такого северного вида, как *Lycopodium alpestre*. В отложениях, залегающих ниже них, значительно количество пыльцы трав (более 40% – Дубовая Грива), а выше – увеличивается доля ели и липы, т.е., археологические находки относятся ко времени начавшегося потепления, после глобального похолодания около 4500 л.н. – второй половины SB₁ (около XXIII в. до н.э.).

Для неолитической стоянки Игим увязки со спорово-пыльцевыми спектрами нет, но очевидно, что она связана с другими поздне-неолитическими стоянками района. На ней, в разрезе выше слоев с неолитическими находками, найдены остатки гаринской культуры эпохи энеолита, датируемые археологами не позднее начала II тыс. до н.э., а выше них – материалы культуры эпохи поздней бронзы – срубной, массовое распространение которой в крае относится ко 2-й четверти II тыс. до н.э. Археологические памятники эпох неолита и раннего металла известны и для Вятско-Камского междуречья.

Первое похолодание после суббореального оптимума в районе Бузулукского бора датируется 3253±70 л.н. (Кременицкий и др., 2000), а 3210±150 л.н. датируется городище бронзовой культуры Зуевы Ключи, расположенное на правом берегу Камы в 2 км от восточной границы Агрызского района (Немкова, 1978). Находки из этого городища археологи относят к 14–10 вв. до н.э. Дата по C¹⁴ получена из верхней половины вмещающих их отложений. В спорово-пыльцевом спектре преобладает пыльца липы (более 50%), хвойных мало, до 20% приходится на пыльцу разнотравья. Господство липняков указывает на достаточно теплый, но не очень влажный климат. Должно быть, похолодание 3300–3200 л.н. в Вятско-Камском междуречье было не сильным и коротким, и в целом климат района отличался, опять же, большей стабильностью, по сравнению с западными и южными территориями. Отложения в поселении бронзового века Гулюково III, датированные 2950±160 л.н., характеризуются как наиболее холодный этап, в котором господствовали разреженные широколиственно-сосновые леса с небольшим участием березы и, возможно, ели (Алешинская

и др., 2008). К концу SB₂ и к SB₃ относится, очевидно, большинство археологических памятников бронзы Вятско-Камского междуречья, представленное черкаскульской и маклашеевской культурами.

В конце суббореала отмечается повышение температуры и влажности, и возрастание в связи с этим в лесах роли темнохвойных пород. Так, на городище Зуевы Ключи, выше слоев с находками поздней бронзы, найдены остатки раннеананьинской культуры (раннего железного века), датируемой археологами 8–7 вв. до н.э. Из спорово-пыльцевых спектров этого слоя следует, что при доминировании липы возросла роль хвойных, а также таких широколиственных пород, как вяз и орешник.

Около 2500 л.н. наступает глобальное похолодание, известное как неогляциал; он считается началом субатлантического периода. Согласно опубликованным В.А. Климановым (2002) картам, в Вятско-Камском междуречье в пик похолодания средние температуры июля и года были ниже климатической нормы 1951–1980 гг. до 1,5°, а января – примерно на 1,2°; годовая сумма осадков почти равнялась современному. Интересно, что и к югу, и к северу от района осадков выпадало меньше. В спорово-пыльцевых спектрах из торфяника у с. Танайка это время, очевидно, фиксируется по резкому уменьшению количества пыльцы ели и широколиственных пород и увеличению пыльцы березы на глубине 1,0–1,2 м.

Климат субатлантического периода характеризуется как очень изменчивый. Так, экстремумы похолоданий в Северной Евразии устанавливаются для 2500, 2200, 1900, 1700 л.н., экстремумы потепления – 2300, 2000, 1800, 1600 л.н.; для района Бузулукского бора указывается еще 8 потеплений и 5 похолоданий позднее (Кременицкий и др., 2000), но почти все они были, должно быть, не очень большими.

На городище Зуевы Ключи, выше слоев с остатками раннеананьинской культуры, сделаны находки позднеананьинского времени, датированные археологами 4–3 вв. до н.э. По-видимому, в неогляциале городище не было заселено. Из спорово-пыльцевых спектров слоя, включающего эти находки, следует, что в районе, как и в раннеананьинское время, произрастали леса с доминированием липы, хвойных и березы было меньше. В более верхних слоях количество пыльцы хвойных увеличивается, особенно сосны (Немкова, 1978). По-видимому, для этого времени высокий процент сосны указан и в разрезе торфяника у с. Танайка на глубине 0,8–1,0 м. С этого же слоя начинается заметное увеличение в спорово-пыльцевых спектрах пыльцы

ели. Темнохвойно-широколиственные леса вновь становятся господствующими на юге Вятско-Камского междуречья.

Известные археологические памятники ананьинского времени в Вятско-Камском междуречье приурочены в основном к коренному берегу Камы и высоким надпойменным террасам Камы и Тоймы. С ананьинского времени в районе начинается строительство городищ и селищ. Достаточно развитым у ананьинцев было скотоводство – на стоянках обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади, а также собаки (Археологическая карта..., 1981). Выпас скота проводился в лесах. В лесах же осуществлялась и заготовка веточного корма для скота на зиму (заготавливать в нужных количествах сено не умели; по-видимому, на зиму оставляли главным образом маточное поголовье). Большую роль в жизни ананьинцев продолжала играть охота – на стоянках обнаружены многочисленные кости лося, северного оленя, медведя, зайца, бобра, лисицы, волка, выдры, куницы, рыси и др. (Археологическая карта..., 1981). Выявленный видовой состав охотничьей фауны имеет подтаежный характер. Все виды обитают в районе и в настоящее время, за исключением северного оленя. Однако, согласно Л. Круликовскому, еще во второй половине XIX в. северный олень был нередок на юге Вятской губернии, хотя уступал по численности лосю. И.С. Башкиров и Н.Д. Григорьев (1931, с. 39) писали, что «старые охотники помнят его в Шаршадинской даче Красноборского лесничества (Елабужский кантон), в Лубяньском лесничестве <...> во всех этих местах последние олени были убиты сравнительно недавно – 30-40 лет назад».

На смену ананьинской культуре в Нижнем Прикамье пришла пьяноборская культура (2 в. до н.э. – 3 в. н.э.). Археологические памятники этого времени также приурочены преимущественно к берегам рек (Археологическая карта..., 1981). Главным богатством пьяноборцев являлся скот; охота отошла на второй план. Выпас скота продолжал осуществляться в лесах. Вокруг городищ и селищ, которые располагались обычно группами, леса были значительно трансформированы; увеличились площади открытых участков. По-видимому, в это время начинается локальное, но заметное обезлесевание пойм рек, в т.ч. и Камы, и формирование заливных лугов.

В спорово-пыльцевых спектрах торфяного разреза у с. Танайка на глубине 0,6–0,8 м фиксируется увеличение количества пыльцы маревых и полыней, что можно было бы связать с антропогенным фактором. Однако на противо-

положенном берегу Камы на этой же глубине в отложениях археологического памятника Гулюково III фиксируется в очень большом количестве пыльца кермека (до 20%!) (Алешинская и др., 2008), что, очевидно, нужно интерпретировать как аридизацию климата. К сожалению, слои эти не имеют каких-либо датировок, хотя возможно, что именно этот период определил современное распространение в Вятско-Камском междуречье лесостепных форм растений.

Новый этап трансформации природных экосистем района связан с началом земледелия. Возделывать небольшие огороды на лесных полянах могли еще люди эпохи бронзы. Но выращивать хлеб в Вятско-Камском междуречье начали, по-видимому, только племена мазунинской, азелинской и особенно верхнеутчанской культур. Судя по всему, навыки собственно пахотного земледелия они переняли у протославян (именьковская культура), которые в 4–7 вв. занимали все черноземные районы в Лесостепном Заволжье и Предволжье современного Татарстана.

В 11–13 вв., в средневековый климатический оптимум, когда средние температуры воздуха превышали современные почти на 1°, а осадков выпадало больше в среднем на 25 мм, в составе лесов района широколиственные породы значительно укрепили свои позиции. В благоприятных условиях могли произрастать чистые широколиственные леса. Надо полагать, в торфяном разрезе у с. Танайка это время фиксируется спорово-пыльцевыми спектрами на глубине 0,2–0,4 м.

Со второй половины XIII в., с началом так называемого малого ледникового периода, в Вятско-Камском междуречье усилилась экспансия ели, что также хорошо видно по спорово-пыльцевым спектрам – горизонт 0–0,2 м – «верхний максимум ели» (Ятайкин, Шаландина, 1975). С елью в районе распространялись ее спутники; леса приняли более таежный облик, особенно в супесчаных и суглинистых экотопах надпойменных террас рек. Остатки этих лесов и застал во время своего знаменитого путешествия Н.П. Рычков (1770).

С приходом в район русских начинается изменение породного состава лесов – распространение получили береза и осина, – а затем и резкое снижение лесистости. На водоразделах образуются обширные поля, а в поймах Камы и Вятки – современные заливные луга, большие площади которых были уничтожены во второй половине XX в. водохранилищами. В настоящее время, в связи с понижением базиса эрозии, в результате сведения лесов для района стали характерны процессы остепнения открытых растительных сообществ и неморализации лесных.

Литература

- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В.* и др. Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки) // Труды (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3.
- Алешинская А.С.* Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным): Автореф. дисс... канд. географ. наук. М., 2001.
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В.* и др. Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки) // Труды (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3.
- Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье.* М., 1981.
- Бакин О.В.* О роде *Pulsatilla* Mill. (*Ranunculaceae*) во флоре Татарстана // Труды Волжско-Камского государственного природного заповедника. Казань, 2005. Вып. 6.
- Бакин О.В., Рогова Т.В., Ситников А.П.* Сосудистые растения Татарстана. Казань, 2000.
- Баранова О.Г.* Картограммы распространения редких растений в Вятско-Камском междуречье. Ижевск, 2000.
- Башкиров И.С., Григорьев Н.Д.* Очерк охотничьего промысла Татарии // Работы Волж.-Камск. краев. промысл. биол. станции. Казань, 1931. Вып. 1.
- Бутаков Г.П.* Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. Казань, 1986.
- Горчаковский П.Л.* Основные проблемы исторической фитогеографии Урала. Свердловск, 1969.
- Дуглав В.А.* Елабужско-Предкамский эрозивно-равнинный район сосновых лесов // Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. Казань, 1964.
- Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.
- История растительного покрова северной части Среднего Поволжья в плиоцене и антропогене.* Казань, 1980.
- Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в неогляциале (около 2500 лет назад) // ДАН. 2002. Т. 386. № 5.
- Клименко В.В., Климанов В.А., Федоров М.В.* История средней температуры Северного полушария за последние 11000 лет // Докл. АН. 1996. Т. 348. № 1.
- Кременецкий К.В., Климанов В.А., Беттгер Т., Юнге Ф.* Климат Среднего Поволжья в позднеледниковье и голоцене // ДАН. 2000. Т. 370. № 2.
- Ландшафты Республики Татарстан.* Региональный ландшафтно-экологический анализ. Казань, 2007.
- Маркова А.К., Симакова А.Н., Пузаченко А.Ю.* Экосистемы Восточной Европы в эпоху максимального похолодания Валдайского оледенения (24-18 тысяч лет назад) по флористическим и териологическим данным // ДАН. 2002. Т. 386. № 5.
- Нейштадт М.И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
- Немкова В.К.* Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978.
- Общие методы изучения истории современных экосистем.* М., 1979.
- Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по различным провинциям Российского государства: в 2-х т. СПб., 1770. Т. 1.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь. 1996.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Труды ГИМ. Вып. 103. Забелинские научные чтения – 1995–1996 гг. М., 1999.
- Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
- Частные методы изучения истории современных экосистем.* М., 1979.
- Ятайкин Л.М., Шаландина В.Т.* История растительного покрова в районе Нижней Камы с третичного времени до современности. Казань, 1975.

А.Г.Петренко

Взаимовлияния природно-климатических и антропогенных факторов на изменения типов ведения хозяйства в эпоху поздней бронзы – раннего железа у населения Среднего Поволжья и Предуралья*

Исследование вопросов истории хозяйства возможно лишь в рамках интеграции методов естественных наук с археологией. Несмотря на специфику предметов познания в отдельных разделах наук, разные пути решения теоретических и экспериментальных проблем в естественно-научной и гуманитарной сферах, характер исследования остается – это «природа и человек», и взаимодействия между отдельными направлениями становятся все теснее.

Изучение археологических источников с широким применением современных методов естественных и технических наук, в том числе техники и технологии древнего производства, не является самоцелью, ибо конечным результатом археологических изысканий независимо от предмета и методики исследования является историзм данного явления. Именно подлинный историзм, которым должны быть пронизаны наши исследования, раскроет картины истории древнего хозяйства, сложное многообразие действительности древних эпох, их территориальные и хронологические этапы. Изучение взаимоотношений человека и природы – одна из актуальных проблем как в прошлом, так и в настоящее время.

В процессе исследований археологических материалов из памятников Волго-Уральского региона эпохи поздней бронзы и раннего железа мы попытались представить историю и динамику заселения территории разными народами и развития природных особенностей этого времени.

На протяжении голоцена экологическая ландшафтная обстановка периодически изменялась. В лесостепных районах Среднего Поволжья и Приуралья на протяжении почти 400 лет (3,6–3,2 т.л.н.) обитали срубные племена в районах с благоприятными условиями для комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства.

О цикличности распространения животноводческих форм, особенностей их на территории Восточной Европы, о связи этих фактов с перио-

дичностью экокризисов в голоцене писали многие исследователи (Таиров, 2003; Хотинский, 1985).

По всей этой территории население периодически меняло места поселений. Связь экологических кризисов рядом исследователей ставилась в зависимость с регрессией Каспийского водоема. Заключительным периодом голоцена, продолжающимся и по настоящее время, является субатлантический период (SA). При изучении палинологических спектров преимущественно болотных отложений, а также и других природных объектов он разделяется, по данным Н.А. Хотинского, на три подпериода, из которых раннесубатлантический (SA¹), 2,5–2,0 т.л.н., связан с похолоданием. Колебания атмосферной увлажненности даже при различном их рассмотрении имели явно выраженный региональный характер.

В этом плане представляются интересными исследования археологических материалов по лесостепным археологическим памятникам Среднего Поволжья и Предуралья эпох поздней бронзы и раннего железа. За последние десятилетия активно велись работы башкирских и самарских археологов. Остеологические материалы из ряда памятников срубной, межовской, черкаскульской, абашевской культур этого региона диагностированы автором. Данные по раскопкам казанских исследователей с поселений лесных территорий края, к сожалению, изучены недостаточно (Петренко, 2007).

Палеозоологические материалы из абашевских поселений получены в ходе раскопок К.В. Сальникова, В.С. Горбунова, А.Д. Пряхина, А.Х. Пшеничнюка, М.Ф. Обыденнова, Ю.А. Морозова и других исследователей, а остеологические материалы диагностированы В.И. Цалкиным, П.А. Косинцевым и автором (Обыденнов и др., 1994; Цалкин, 1965).

Сравнительно большое число фрагментов костей было диагностировано из поселений I Береговское (1618 экз.) и Аитово (821 экз.) (табл. 1). Изученные археозоологические материалы свидетельствуют о наличии у абашевцев развитого скотоводства с преимуществен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 07-06-00169а) в 2008 г.

ным разведением крупного рогатого скота. В предуральских памятниках I Береговское и Аитово диагностировано 34,8 и 35,5% особей крупного рогатого скота, а по числу костей – соответственно 51,6 и 47,7%.

Поштыковая диагностика археозоологического материала из поселения Аитово позволяет считать, что большая часть материала по крупному рогатому скоту была оставлена от животных, у которых на нижних челюстях и на фрагментах зубных рядов от черепов был сформирован последний коренной зуб M_3^3 . Это позволяет предполагать, что преобладающая масса скота (60%) забивалась на мясо в возрасте старше 3 лет, а особи до 6 месяцев составляли около 40% (штык III). Приведенные данные свидетельствуют о том, что значительная часть животных использовалась в пищу лишь в возрасте после 3,5 лет. Меньшая часть молодняка забивалась перед зимой. Большая раздробленность костного материала в момент приготовления пищи из поселения Аитово не позволила получить желаемые морфологические данные для определения породных особенностей скота, что удалось зафиксировать лишь на селище Баланбаш, остеологический материал с которого был исследован В.И. Громовой (1940) и С.Н. Боголюбским (1959). По их данным, преобладающая часть скота была мелкой, с высотой в холке не более 106 см. Однако в трудах В.И. Цалкина (1965), который занимался исследованием остеологического материала из абашевских памятников I Береговское, Урняк, Баланбаш, мы находим свидетельства широких вариаций по показателям высоты в холке у коров (от 106 до 131 см) и у быков (120–131 см). Хотя, как пишет В.И. Цалкин, «попытка обнаружить какие-либо различия в строении костей скота из раскопок поселений различных культур поздней бронзы от Днестра до Приуралья, Западного Казахстана не привели к положительным результатам».

Судя по остеологическим данным I Береговского поселения, конское мясо по значимости в питании занимало второе место после говядины. А вот на поселении Аитово по числу костей и особей на втором месте мелкий рогатый скот (со значительным присутствием в остатках фрагментов костей коз). В процентных показателях это соответствует 33,6 и 33,3%. Лошади и свиньи в «кухонных» остатках присутствуют в значительно меньших количествах. По числу особей они составляют 14,5 и 16,7%, а по числу костей – 13,6 и даже 5,0%. Хотя по удельному потреблению мяса населением этого исследованного памятника говядина и конина преобладали. Свиное мясо употреблялось весьма редко.

Археозоологические материалы поселения Аитово позволили провести более детальные исследования возрастного морфологического анализа на костях лошадей, овец и свиней по штыкам, что позволило засвидетельствовать преобладание в «кухонных» остатках лошадей двух групп: до 3,5 лет и в возрасте 5–6 лет. Кости овец преимущественно трех возрастных групп, причем на втором штыке преобладают остатки (60%) до 9-месячного возраста и лишь 40% – до 1,5 лет. Старых особей нет. В коллекциях со штыка III были диагностированы остатки овец от возрастной группы до 1,5 лет (50%), менее – 9 месяцев (33,3%), особи старше 2 лет редки. На костях свиней от десяти животных удалось диагностировать следующие возрастные группы: на штыке II – 60% до одного года и 40% – до 1,5 лет. На штыке III 66,6% – старше 2 лет и 33,3% – до 1,5 лет. А на штыке IV – две особи от 2 лет. Преимущественно в пищу шли животные, перезимовавшие зиму, что может предполагать наличие элементов придомного животноводства с нежилой частью для скота в домах.

Материалы «кухонных» остатков абашевских памятников региона в целом позволяют предполагать незначительную роль охоты в хозяйстве на том основании, что анализы остеологических материалов показывают часто единичные находки диких охотничье-промысловых животных при подавляющем большинстве костей домашних видов. Несмотря на находки медных рыболовных крючков в поселениях I Береговское и Баланбаш, а также на местонахождение большинства абашевских поселений по берегам рек, число костей рыб в остеологических остатках незначительно, хотя в археологических материалах имеются хорошо известные свидетельства использования абашевским населением не только рыболовных крючков, но и сетей для добычи рыбы.

Найденные на I Береговском поселении 67 костей от 9 особей косули, 24 кости от 3 особей лося и 12 костей от 3 особей бобра в «кухонных» остатках свидетельствуют о том, что охота в основном шла на те виды, которые давали не только пушнину (бобры), но и надежные мясные запасы (табл. 1).

Дальнейшая судьба абашевских племен, обитавших на территории Куйбышевской области и Предуралья, связана с историей срубного населения, археологические памятники которого датируются многими археологами серединой II тыс. до н.э. Археозоологические коллекции из них являются наиболее представительными среди памятников поздней бронзы региона. Наиболее объемный остеологический материал получен из поселений Мурадымовское (раскопки

Г.Т. Обыденновой, 1995–2000 гг.), Покровское (раскопки О.И. Пороховой) и Моечное озеро I. Было диагностировано соответственно 12995/278, 2330/123 и 4692/384 костей и особей (Петренко, 2007). Археозоологический материал из первых двух поселений определен мною, из Моечного озера I – В.И. Цалкиным. Срубная культура, по данным археологических исследований, – одно из наиболее мощных культурных образований на территории нашей страны.

Мурадымовское поселение расположено в лесостепи (Башкортостан, Аургазинский р-н), отнесено авторами работ к срубной культуре эпохи поздней бронзы (XVI–XV вв. до н.э.). Кости животных представляют собой «кухонные» остатки, которые в течение всех шести сезонов тщательно отбирались по штыкам I–VI. Коллекции из раскопов I, II, V–VII были обработаны отдельно по штыкам, а также из шурфов, сооружений и траншей.

Занимаясь осмыслением истории животноводческой и охотничье-промысловой деятельности у населения Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху бронзы, мы еще ранее выделили для себя из числа археозоологических комплексов по многим поселениям края так называемые «руководящие» или «эталонные» памятники по ряду культурных данных. Чем остеологический материал из Мурадымовского поселения, который был диагностирован автором и Г.Ш. Асылгараевой, привлек наше внимание, и мы причислили его к ряду этих памятников и рассматриваем более подробно? Во-первых, тем, что археозоологические коллекции диагностированного материала очень объемны. Во-вторых, этот материал был рассмотрен по штыкам раздельно, в результате чего появилась возможность представить историю хозяйственной жизни древнего населения в развитии. И, наконец, сравнительно удовлетворительная сохранность материала, небольшая раздробленность (1/3, 1/4), что для памятников эпохи бронзы – редкость. А это дало возможность получить результаты в плане породной морфологии.

Одной из особенностей остеологического материала из Мурадымовского поселения является сравнительная малочисленность остатков от охотничье-промысловой фауны (табл. 1). Из числа диагностированных диких видов встречаются кости исключительно от тех животных, которые добывались, в первую очередь, для получения дополнительного мясного продукта. То есть охота имела не «пушное», а «мясное» направление. Охотились на таких животных, как кабан, медведь, косуля, лось, северный олень, кулан. В материалах всех шести штыков в большинстве своем диагностированы остатки от

домашних сельскохозяйственных животных.

Штык VI: наименьшее число костных остатков. Наличие единичных костей домашних свиней. В то время за Уралом этого вида домашних животных еще не было (Потемкина, 1985). Преобладание как по удельному потреблению в питании, так и поголовью в стадах крупного рогатого скота и лошадей. Овец меньше. Из диких видов животных – 3 кости кабана. В общем, из слоя диагностировано 789 костей, оставленных минимально от 18 особей (Петренко, 2007).

Штык V: зафиксировано наибольшее число диагностированных костей по сравнению с материалами из других пяти штыков, что позволяет предполагать значительное увеличение или приток населения скорее с северных территорий в этот исторический отрезок времени. На поселении обращает на себя внимание увеличение числа диких видов – волка, кабана, кулана. Видовой состав домашних животных в остатках, как и в нижнем штыке VI, свидетельствует о преобладании крупного рогатого скота, лошадей. Диагностирована 3871 кость от 55 особей.

Штык IV: почти втрое уменьшается численность костных остатков по сравнению с материалами из V штыка, что, возможно, свидетельствует либо об уменьшении численности населения, либо о снижении жизненного достатка, об ухудшении мясного питания. Видовой состав тот же, с преобладанием лошадей. Всего диагностировано 1179 костей от 29 особей.

Штык III: вдвое увеличивается количество костей по сравнению с остеологическими материалами в штыке IV. Увеличение поголовья мелкого рогатого скота, мало свиней. Хотя по удельному потреблению в питании стабильно преобладает говяжье и конское мясо. Диагностировано 36689 костей от 107 особей.

Штык II: близкие показатели в соотношениях костей и особей со штыком IV.

Штыки I и II: заметное увеличение занятости охотой. В остатках – медведь, заяц, кабан, северный олень, косуля, лось. Уменьшение в хозяйстве овец при значительном увеличении поголовья крупного рогатого скота. Можно предполагать по специфике остеологических материалов активное включение каких-то более северных прикамских групп населения на срубную территорию.

Представленные по штыкам для диагностики костные остатки животных из траншеи 2000 г. составляют сравнительно меньшее число костей (10% от общего объема материала на поселении). И как результат – нет ни одной кости от диких видов, ни одной кости домашней свиньи, но зато в значительном преобладании на большинстве штыков остатки от крупного ро-

гатого скота и лошадей. Поскольку сохранность костей, как было отмечено выше, сравнительно удовлетворительная, нам удалось получить, кроме данных по видовой морфологии, некоторые результаты в плане возрастной и породной морфологии. Костных остатков различных частей скелета от крупного рогатого скота, несмотря на значительную массовость в коллекции, недостаточно для полной реконструкции типа и величины животных, т.к. в коллекциях отсутствуют не только целые черепа, но даже и их более или менее необходимые фрагменты. Также нет необходимого ряда костей конечностей.

Тем не менее, группировка материала по возрастному признаку свидетельствует о том, что крупный рогатый скот в остатках представлен преимущественно взрослыми особями (штык III) старше 4 лет, до 3,5 лет – в меньшинстве и совсем единичны остатки от животных до 2 лет. Преобладание взрослых особей после 4 лет является свидетельством сохранения поголовья для его воспроизводства. Наличие всех остальных возрастных групп от года до 3-х – факт интенсивного разведения скота на месте, причем с разносторонним использованием. Единичные находки небольших стержней рогов, промеры на зубах нижних челюстей черепа, исследования на лопаточных костях и метаподиях, пяточных костях и фалангах позволяют предполагать наличие в стаде крупного рогатого скота сравнительно крупных, комолых животных «южного» типа с высотой в холке 124–129–133 см и более мелко-го местного метисной группы – 112–117 см.

В остатках костей мелкого рогатого скота также фиксируется наличие двух породных групп: мелкой с высотой в холке 53 см и более крупной с высотой в холке 68,3 см. Определение возрастных групп овец проводилось по анализу зубных резцов верхних и нижних челюстей, а также фрагментов трубчатых костей. Выделены три группы: до года, около 2-х и старше 2 лет. Более дробное определение оказалось затруднительным. В материалах из штыков III и V преобладают животные до года (57 и 60%).

Что касается остатков лошадей, то взятые промеры на лопаточных костях, костях скакательного сустава, метаподиях и фалангах свидетельствуют о наличии в хозяйствах срубного предуральского населения популяций лошадей категорий «средних» и вышесредних («рослых») с высотой в холке 141–152 см (Витт, 1952), по индексу тонкокости «полутонконогих» (14,8%). Подобного типа лошадей в более поздних материалах (ранний железный век) мы уже не фиксируем ни в одном памятнике Среднего Поволжья. Это тип лошадей более раннего неолитического и энеолитического комплекса коней

из Муллино, Давлеканово, Ивановской стоянок. Большинство лошадей забивалось на мясо в возрасте старше 7 лет, либо до 2–3 лет.

На левобережье р. Самары, у села Покровка (Новосергиевский р-н Оренбургской области) О.И. Пороховой было раскопано Покровское поселение, материалы которого отражают контакты срубной и алакульской культур. Полученный остеологический материал диагностирован в количестве 2330 костей, принадлежавших минимально 123 особям животных; 96,9% из всех костей было оставлено от домашних животных, среди них 48,9% принадлежало крупному рогатому скоту (по числу особей), 38,8% – овцам и козам. Число особей лошадей и свиней – по 6,15%. Диагностированные три резцовых зуба черепа и одна первая фаланга от верблюда являются свидетельством редкого употребления мяса этого домашнего вида в питании населения Южного Предуралья (Петренко, 2007).

Костные остатки от диких охотничье-промысловых животных как по числу особей, так и по числу костей представлены в сравнительном меньшинстве и составляют 14,6 и 3,1%. В их числе преобладают остатки от таких животных, как лось, олень, кабан, сайга, добыча которых велась с главной целью, а именно для получения значительного пополнения мясных продуктов питания. Меньшим числом представлены особи бобра, лисы и волка.

Определяя хозяйственное значение отдельных домашних сельскохозяйственных животных по числу особей, полученных из «кухонных» остатков, мы пришли к выводу, что крупный рогатый скот, несомненно, играл главную роль в мясном питании населения, что было характерным для всех хозяйств средневожского и предуральского населения эпохи поздней бронзы. По частоте находок костям крупного рогатого скота принадлежит первое место, на втором – остатки овец и коз. Причем часты находки стержней рогов коз значительной длины, саблеобразного типа «aegagrus», загнутые назад и с острой передней и тупой задней гранями, а также с выпуклой внешней и плоской внутренней сторонами при наибольшей длине стержня рога, равной 146–201 мм и с наибольшим диаметром рога 45–51 мм.

Особь лошадей и свиней занимают третье место (по 6,15%). А вот в удельном потреблении мяса в питании наблюдалась большая разница. Учитывая этот фактор, а также коэффициенты веса и плодовитости животных, следует считать, что большую часть мяса, после говядины, употребляемого в пищу покровским населением, составляла конина, затем баранина и на последнем месте – свинина.

Компоновка остеологического материала по возрастным признакам в момент убоя скота свидетельствует, что крупный рогатый скот в «кухонных» остатках представлен взрослыми животными (45,7%) с M_3 , т.е. возраста старше 4 лет, и почти взрослыми (45,7%) с M_2 – до 3,5 лет. Остатки от годовалых особей (8,6%) с M_1 – в меньшинстве. Большинство остатков от взрослых животных крупного рогатого скота является свидетельством того, что такое ведение хозяйства обеспечивало сохранение поголовья и его рост.

Проводился и возрастной анализ коз и овец, в результате чего получены следующие данные: особи до года составляли 42%, двух и старше – 57,9%. Взрослых животных больше, чем молодых, что позволяет считать, что в хозяйстве значительное внимание уделялось не только стабильному содержанию и разведению овец и коз. Значительным было использование этих животных для получения шерсти и пуха.

Возрастное распределение в остатках особей лошадей следующее: особи до 2–3 лет составляли около 40%, 5–7 лет – 40% и около 10 лет – 20%. Эти результаты позволяют свидетельствовать о достаточно разнообразном использовании лошадей южноуральским населением срубной культуры: на мясо, для верховой езды, в качестве рабочих и для воспроизводства поголовья.

Большинство костей домашних свиней происходит от особей возраста до года (83,3%) и лишь 16,7% – около 2 лет, оставленных для репродукции вида.

Взятые промеры наибольшей длины на 15 третьих коренных зубах M_3 нижней челюсти крупного рогатого скота свидетельствуют об изменчивости этой величины в пределах 35–40 мм со средней арифметической величиной, равной 37,4 мм. На семи пяточных костях была промерена наибольшая длина, составляющая 119–137 мм. Известную вариабельность обнаруживают измерения наибольшей длины 21 экземпляра больших фаланг с изменчивостью 55–69 мм.

Полные промеры обычных в «кухонных» остатках метаподий удалось взять лишь на одной пястной кости коровы с наибольшей длиной 181 мм и одной плюсневой с наибольшей длиной 222 мм. Эти промеры при пересчете указанных данных на высоту в холке животных, которым принадлежали при жизни эти остатки, свидетельствуют о довольно существенных отличиях коров по размерам: 108 и 118 см. При сравнении этих данных с имеющимися в публикациях идентичными по крупному рогатому скоту промерами следует, что вышеотмеченных находок по данному виду из Покровского поселения явно

недостаточно для восстановления его внешних особенностей. Однако приближенные морфологические характеристики позволяют свидетельствовать о некоторых соответствиях с известным древним скотом. Так, промеры на плюсневой кости животного этого вида близки к вышеописанной группе коров из Мурадымского поселения, имевших в целом высоту в холке по метаподиям 118 см. Половая диагностика по костям метаподий крупного рогатого скота проводилась по предложенной нами методике (Беговатов, 1994).

Остатки овец и коз, диагностированные в количестве 581 кости, оставленные предположительно от 38 особей, имеют исключительно сильную раздробленность (примерно j). И этот факт лишает нас возможности получения желаемых промеров для восстановления внешних породных особенностей вида животных. Из краниологических остатков удалось взять некоторые промеры нижней челюсти, наибольшая длина которой без резцов составила 164 мм при наибольшей длине альвеолярного ряда коренных зубов (Pm_2 – M_3), равной 78 мм, и на второй разрушенной челюсти – 71 мм. Наибольшая длина последнего коренного зуба на них оказалась равной 25 и 27 мм. Сохранившаяся целиком одна лопатка с наибольшей длиной 164 мм и наибольшей шириной 113 мм при наименьшей ширине 33 мм представляет нам особи овец, близких по крупности животных вида с высотой в холке 70–75 см. Первая величина получена по пересчету пяточной кости с наибольшей длиной 67 мм, а вторая – по наибольшей длине лопатки, равной 164 мм.

Из костей лошадей диагностировано 490 фрагментов, возможно, оставленных от шести особей. Их сохранность, как и у вышеописанных видов, чрезвычайно плохая при очень высоких коэффициентах раздробленности (примерно 1/10). Это не дает возможности получить желаемые промеры для вывода о морфологических и породных особенностях данного вида в хозяйстве населения Покровского поселения. Исключение – лопатка удовлетворительной сохранности с наибольшей длиной, равной 377 мм, при наименьшей ширине 69 мм и ширине суставного конца 93 мм. На трех фрагментах других лопаток взяты промеры, близкие данным по целой кости.

Шесть таранных костей обнаружили наибольшую длину 56–63 мм при минимальном расстоянии между гребнями 27–32 мм, что свидетельствует о разностороннем использовании лошадей, а именно как верховых, так и тягловых. Из костей нижнего отдела конечностей дополнительно удалось взять промеры лишь на четырех передних первых фалангах, наибольшая длина которых составляет 84–90 мм, а на вто-

рых – 44–53 мм из числа 12 фрагментов. Наибольшая длина четырех пяточных костей равна промерам 104, 110, 114, 121 мм.

Эти (хотя и малочисленные) данные позволяют сделать некоторые заключения о росте домашних лошадей Покровского поселения. В.И. Цалкин отмечал, что «одной из наиболее характерных особенностей скелета дикой лошади (тарпана) являются небольшие и очень массивные первые фаланги». Среди исследованного им материала из срубных памятников Среднего Поволжья экземпляров, подобных покровским фалангам, не встречено. «Как по абсолютным, так и по относительным пропорциям путовые кости тарпанов находятся за пределами изменчивости, констатированной у лошадей из памятников срубной культуры» (Цалкин, 1962).

То же можно утверждать и по отношению к исследованным нами передним большим фалангам лошади, диагностированным в остеологической коллекции из Покровского поселения. Средние значения их длины заметно превышают максимальные размеры других диких лошадей, а именно лошадей Пржевальского. Таким образом, какие-либо объективные данные о существовании тарпанов в Среднем Поволжье в эпоху поздней бронзы отсутствуют, и, как верно отмечал В.И. Цалкин (1970), «нет оснований связывать с тарпаном происхождение древних лошадей этой части страны».

Поскольку промеры целых лопаточных костей в археозоологических материалах, и особенно из древнейших памятников Восточной Европы, представляют исключительную редкость, мы для выяснения внешних особенностей покровских лошадей воспользовались данными И.Е. Кузьминой (1997) по промерам домашних лошадей из энеолитического поселения Ботай в Северном Казахстане, раскопанного В.Ф. Зайбертом. На основании морфологии сопоставлений и совпадения с данными по промерам костей покровских и ботайских лошадей можно считать, что лошади Покровского поселения имели высоту в холке около 140 см. И.Е. Кузьмина (1997) убедительно заключает, что в IV–III тыс. до н.э. на значительном протяжении от Карпат до Северного Казахстана и между 48° и 53° с.ш. находилась область распространения древнейших домашних лошадей, что не противоречит, а только подтверждается нашими более ранними материалами.

В правобережье р. Большой Ирғиз, притока Волги, в южных степных районах Среднего Поволжья расположены два поселения срубной культуры – Кировское и Михайло-Овсянское, раскопанные самарскими археологами и давшие значительные остеологические коллекции. По

Кировскому поселению диагностировано 982 кости от 78 особей, а на Михайло-Овсянском – 874 кости от 41 особи. Однотипные природные условия, близкие процентные показатели как по числу особей домашних видов (89,7 и 95,1%), так и по числу диких охотничье-промысловых видов (10,2 и 4,9%), с преобладанием костей бобра, зайца, выдры. Среди домашних сельскохозяйственных видов стандартно преобладают особи крупного рогатого скота. Остальные виды распределяются следующим образом: в Кировском особи лошади составляют 17%, а овцы – 24,3%. В Михайло-Овсянском поселении значительно преобладают по поголовью овцы (50%), тогда как лошадей всего 5,3% (Петренко, 1984). Костные остатки домашних свиней составляют в Кировском поселении 8,6%, а в Михайло-Овсянском – 5,3%.

Взятые промеры на отдельных костях из этих поселений представляют нам три основных сельскохозяйственных вида следующим образом. Наиболее часты в коллекциях крупного рогатого скота таранные кости. В Михайло-Овсянском поселении их зафиксировано 42 экземпляра с наибольшей длиной 53–72 мм при средней величине 62,1 мм, а на Кировском поселении одноименные промеры на основе 12 номеров составляют 55–67 мм при средней величине 61,2 мм. Те же близкие данные засвидетельствованы и на промерах пяточных костей. Наибольшая длина шести из них из Михайло-Овсянского составляет 123,16 мм при интервале 117–128 мм, а по четырем из Кировского поселения средняя одноименная величина равна 118–143 мм. Не исключено, что две пяточные кости по 118 мм принадлежали коровам, а две по 142 и 143 мм – быкам. Зафиксированная в Михайло-Овсянском поселении лопатка овцы была по наибольшей длине равна 173 мм, что при пересчете соответствует животному с высотой в холке 73 см, а по данным промеров наибольшей длины пяточных костей – 71,8 см.

На пяточных и таранных костях лошадей получены близкие промеры наибольшей длины, соответственно равные 115–118 и 62 мм.

Археозоологические материалы из памятников эпохи поздней бронзы северных лесных районов Волго-Камья весьма немногочисленны. Наиболее представительные коллекции происходят из Заюрчимского поселения в Пермском Прикамье (диагностировано 869 костей от 53 особей), а также Балымского и Атабаевского в устье Камы (соответственно с числом костей 854 от 21 особи и 1032 кости от 39 особей) (Цалкин, 1965; Петренко, 2007).

Для поселения «Заюрчим» весьма характерно преобладание в остатках фрагментов костей

крупного рогатого скота и лошадей. Эта же особенность присуща и для материалов Балымского поселения лесной широколиственной подзоны.

Для этих памятников не характерны остатки овец. Они либо отсутствуют, либо малочисленны. Столь же редки кости собаки. Их единичные фрагменты встречены только на Балымском и Гулькинском поселениях (Петренко, 2007, с.56-57).

Существенных различий по строению костей посткраниального скелета лошадей в археологических материалах срубной культуры лесостепи Среднего Поволжья не выявлено. Не исключено, что крупный рогатый скот был по внешним признакам очень близок и имел сравнительно крупные размеры с высотой в холке 114–134 см при наличии в хозяйствах коров и волов с преобладающей массой комолых популяций.

Обзор археозоологических материалов из памятников развитой и поздней бронзы в крае дает возможность представить удельный вес диких животных по общему количеству ископаемых костей, свидетельствующих о значении охоты в жизни племен различных археологических культур на те промысловые виды, добыча на которые велась для получения дополнительных запасов мясной продукции. Среди этих видов доминируют лось, северный олень, косуля, кабан, медведь, бобр, заяц.

Итоги изучения удельного потребления мясной продукции населением эпох развитой и поздней бронзы в крае свидетельствуют о том, что как по числу костей, особей, так и по значимости в хозяйстве крупный рогатый скот и лошади имели первостепенное значение для населения всех культур бронзового века Поволжья и Предуралья.

Наиболее варьируют остеологические показатели по мелкому рогатому скоту и свиньям, что дает большие возможности для характеристики локальных особенностей животноводства у племен различных культур. Так, если свиньи полностью отсутствуют у андроновцев Предуралья, то в лесных районах региона они весьма многочисленны. В то же время овца наиболее значима в хозяйстве андроновцев, а в лесном Поволжье ее значение весьма невелико. Относительная многочисленность свиней и лошадей при малочисленности овец характеризует хозяйства лесных племен края позднебронзовой эпохи, а большие показатели находок костей овец и лошадей при незначительности, а порой и полном отсутствии свиней более соответствуют хозяйствам степных и предгорных районов края.

Само по себе появление хозяйства с животноводческими основами было обусловлено крупнейшим экологическим кризисом на рубеже го-

лоцена. Однако в эпоху поздней бронзы эти же животноводческие навыки создавали сильную защищенность населения от неожиданностей природы. Люди сравнительно легко переносили экокризисы, ибо само появление производящего хозяйства было адаптацией к кризисам. Так, обозначенный в ряде работ (Хогинский, 1985) V экологический кризис, связанный с понижением влажности и регрессией Каспия, длившейся около 600 лет (4000–1225 гг. до н.э.), не произвел в культурах Евразии резких смен в животноводческой деятельности и не выглядит столь очевидно. В то же время в культурах Евразии во время этого кризиса происходят существенные изменения: бронзовый век сменяется ранним железным, на смену огромным общностям типа срубной и абашевской приходит ананьинская в Волго-Камье, савроматская и скифская в степях Восточной Европы. И если в первобытности связь смены культур с экологическими кризисами выглядит очевидной, то в более поздние эпохи, когда в основе хозяйства лежат производящие формы, такую связь проследить труднее.

И если со сменой культур менялся этнос, владеющий навыками производящего хозяйства, то, попадая в другие природные условия, ассимилируя местное население, он адаптировался к новым условиям с сохранением условий функционирования основ системы производящего хозяйства, т.е. антропогенный фактор влияния на животноводческую деятельность и особенности охоты имели в более поздние эпохи намного более значительное воздействие, чем природный. В этом плане определенный научный интерес представляют данные по сравнению археозоологических материалов из рассмотренных выше памятников эпохи поздней бронзы в лесном Прикамье, Среднем Поволжье и Предуралье (табл. 2,3) с остеологическими материалами из ананьинских памятников эпохи раннего железа, в эпоху сравнительного понижения средних температур и повышения влажности. Эти природные изменения по сравнению с ранее описанной эпохой поздней бронзы проявились в крае значительной залесенностью и активизацией охотничье-промысловой деятельности местного населения.

В финале позднего бронзового века северная часть лесостепи и юг лесной зоны входят в лесной ареал многоотраслевой экономики с динамичным сочетанием производящих и присваивающих занятий с основой придомного скотоводства, но отнюдь не земледелия. В южно-таежном и таежном Прикамье, на Вятке, Ветлуге и Белой главная роль в хозяйственной деятельности по-прежнему принадлежит животноводству, но явно заметна роль «пушной охоты»

(Андреева, 1976). Подсечно-огневое земледелие стало играть важную роль в системе жизнеобеспечения в Прикамье только к концу раннего железного века (мазунинская культура).

Ананьинские памятники Среднего Поволжья и Предуралья располагались частично в подзоне смешанных лесов (Буйское, Васильсурское, Ардинское, Малахайское, Ройский Шихан), а также в широколиственной подзоне (Антоновское, Гремячий Ключ, Свиногорское, Биктимировское). Среди остеологических остатков этих памятников преобладающими по численности были остатки лошадей, коров и свиней (табл. 3), свидетельствуя тем самым о значительности поголовья этих видов сельскохозяйственных животных (Андреева, 1976). Обращают на себя внимание значительные процентные показатели по количеству находок костей домашних свиней в таких городищах, как Васильсурское (50,5%), Ройский Шихан (65,9%), Свиногорское (92,4%) и Малахайское (41,6%). Вероятно, причиной тому исключительно благоприятные природно-экономические условия для разведения этого домашнего вида в то время.

Костные остатки овец по количеству диагностированных фрагментов менее многочисленны. Главная роль в мясном питании по-прежнему принадлежит конине и говядине. Костные остатки овец и коз заметны лишь в Биктимировском городище (34,9%), расположенном в Башкирии, на р. Белой (табл. 5). Объяснение этому можно видеть в природно-географических особенностях Предуралья, а также в большей близости и контактах с южным степным населением (Петренко, 1984). Из общей массы остеологического материала ананьинских памятников по количеству найденных фрагментов костей преобладают обломки нижних челюстей, отдельные разрозненные зубы, выпавшие из черепов, реже кости нижнего отдела конечностей (фаланги I, II), пяточные и таранные. Сильная раздробленность трубчатых костей, особенно таких крупных видов, как лошади и коровы, значительно затрудняет проведение породно-морфологических исследований «кухонных» остатков этих памятников.

По обломкам проксимальных и дистальных частей трубчатых костей, а также по отдельным разрозненным зубам, реже по остаткам зубных рядов нижних челюстей, получены наблюдения за возрастными показателями, свидетельствующие о содержании и забое скота. Основное поголовье свиней забивалось до 9-месячного возраста (69,5%). И только 92,0% костей особей свиней Малахайского поселения принадлежало животным второго года, либо чуть старше 2 лет, тогда как кости более старых животных не встречены

вовсе. Результаты исследований на отдельных целых костях свидетельствуют о наличии крупных животных этого вида, сходных с крупными особями из лесостепных регионов Восточной Европы. Это объясняется не столько вниманием к содержанию и культуре разведения домашних свиней оседлым ананьинским населением, сколько более благоприятными природными условиями для выращивания и прокорма свиней в богатых широколиственных смешанных лесах Волго-Камья в I тыс. до н.э., в период повышенной увлажненности.

В хозяйстве ананьинского населения южных лесных и лесостепных территорий региона уделялось значительное внимание содержанию и разведению лошадей. На мясо забивались в большинстве животные в возрасте от 3 до 9 лет, реже – до 2,5 либо старше 9 лет. Это свидетельствует о разностороннем использовании вида в эпоху раннего железа. Уже тогда существовала сравнительно древняя традиция содержания лошадей исключительно с целью получения мясных продуктов. Однако поголовье верховых коней возраста 5–10 лет было более значительным. Реже встречены в остатках следы от забитых на мясо лошадей в возрасте старше 10 лет. Промеры, проведенные на костях нижнего отдела конечностей животных этого вида, несмотря на раздробленность частей туш, позволили провести возможные пересчеты, свидетельствующие о сравнительных внешних данных лошадей ананьинского населения Среднего Поволжья с высотой в холке в среднем 132–137 см, но не превышающей 144 см. Представляется, что они несколько отличались от лошадей сравнительно более мелких из таежных районов Волго-Камья.

Важную информацию несут ритуальные остатки животных из могильников ананьинской культурной общности. В грунтовых захоронениях Старшего Ахмыловского могильника зафиксированы ритуальные приношения, в большинстве представленные плечевыми костями и черепами лошадей сравнительно удовлетворительной сохранности. Основные промеры, взятые на плечевых костях лошадей из Тетюшского и II Ново-Мордовского могильников, свидетельствуют о том, что в конских табунах раннеананьинского населения бытовали неоднородные животные этого вида с высотой в холке, равной 122–129–138 см. Эти промеры соответствуют категориям «средних» по росту «степных» лошадей (138 см), «мелких» «лесного» типа (122 см), «крайнетонконогих» (138 см) и «средненогих» (122–126 см) (Петренко, 2000).

Эти данные удачно перекликаются с представленными В.И. Цалкиным (1962) материалами,

свидетельствующими о том, что среди лошадей дяковской культуры из памятников Московской и Ярославской областей встречены в большом разнообразии почти все категории коней согласно существующей классификации древних лошадей, за исключением «тонконогих».

Из костных остатков крупного рогатого скота ананьинских городищ не встречено ни одного рогового стержня, а из большинства костных фрагментов сохранились лишь отдельные разрозненные зубы черепов и нижних челюстей. Трубочатые кости сильно разрушены, редкие промеры удалось взять на костях метаподий, среди которых встречены пястные кости длиной 180 см, что позволяет реконструировать у ананьинцев крупный рогатый скот с высотой в холке 113 см. Макроморфологические наблюдения костей нижнего отдела конечностей, отсутствие каких-либо патологических изменений на них не дают оснований говорить о существовании среди этого вида животных рабочего скота.

Среди охотничье-промысловых видов чаще представлены остатки бобров, куниц, лисиц, бурых медведей, лосей и северных оленей. Причем по числу костей преобладают фрагменты бурых медведей, лосей и бобров (табл. 2,3). Характер раздробленности костей медведя свидетельствует об использовании этого охотничье-промыслового вида как в пищу, так и для совершения ритуальных обрядов (целые челюсти из Буйского городища). Промеры на костях указывают на большие вариации в размерах животных, а, следовательно, и их росте. Так, средняя арифметическая величина наибольшей ширины нижнего эпифиза плечевой кости составляет в среднем 99 мм и изменяется в пределах 89–111 мм. Кости медведей особенно часты в коллекциях Малахайского и Буйского городищ (Петренко, 1984; 2000). Численность костей бобров составляет около 22,0% от выборки диких видов. Среди диагностированных остатков этого важного для ананьинского населения пушного вида наиболее часты находки плечевых и бедренных костей, а также выпавшие из зубных альвеол резцы бобра. Большинство костей либо лишено эпифизов, либо разрушено при разделке мяса в пищу.

В коллекциях Биктимировского, Васильсурского и Буйского городищ заметны костные остатки куниц, представленные в основном черепами, сильно разрушенными в области затылка, скорее всего, ловушками – соответственно в среднем 27,2–18,7–23,72% от общего количества костей охотничье-промысловых животных. На городищах Ройский Шихан, Буйское, Сорочьи Горы многочисленны находки костей лося (табл. 3).

Определенный научный интерес для исследования производящих основ населения Волго-Камья в эпоху раннего железа имеют ананьинско-гляденовские археозоологические материалы. Гляденовская культура Пермского Прикамья является прямым продолжением ананьинской. Некоторые памятники, основанные в ананьинскую эпоху, продолжали свое существование и в гляденовское время; ряд изученных нами памятников относится только к гляденовской культуре, в том числе костища, которые, по мнению археологов, являются местами жертвоприношений. Костища дали огромное количество остеологических остатков животных, особенно домашних (до 99,9% от общего количества жертвенных костей). Это явно свидетельствует о том, что наряду с земледелием в хозяйстве гляденовской культуры Верхнего Прикамья существовало и хорошо развитое животноводство.

Среди археозоологических материалов гляденовского Юго-Камского костища, где Е.Г. Андреевой (1976) диагностировано 62047 костей (табл. 6), 44,5% принадлежало лошадям и 46,8% – крупному рогатому скоту. В меньшинстве здесь кости свиней (5,5%) и овец (3,2%) (табл. 7). Близкая картина выявлена и в коллекции Усть-Туйского костища (38260 фрагментов, где доминируют остатки лошадей и крупного рогатого скота). На долю свиней и овец приходится около 18% выборки. Среди изученных материалов трех костищ зафиксировано всего три кости собаки. Остатки охотничье-промысловых животных здесь крайне редки. Среди них диагностированы фрагменты лишь тех видов, мясо которых широко использовалось как ананьинским, так и гляденовским населением (табл. 5). К ним относятся остатки медведя, лося и бобра.

Несмотря на огромные коллекции костей животных из «костеносных» археологических памятников раннего железного века, получение желаемых данных по размерам пропорций особей крупного рогатого скота и лошадей не представлялось возможным. Это связано с тем, что во время жертвоприношений туши животных подвергались заметному разрушению в ходе тризн. Е.Г. Андреева, обобщая макроморфологические данные, отмечала, что основная масса костей с костищ – будь то лошади, коровы либо свиньи и овцы – принадлежала мелким животным, из чего был сделан вывод о том, что в жертву приносился не лучший скот.

Итак, основная масса коров у населения ананьинской культурной общности имела высоту в холке около 105–111 см. Поголовье быков было незначительным, а высота их не превышала 114 см. Это был в основном грацильный скот с небольшими размерами рогов, сопоставимый в

большей степени с лесным скотом более поздних эпох, зафиксированным по материалам таких древнерусских городов, как Старая Рязань и Новгород, а также городов Прибалтики.

Остеологические материалы по крупному рогатому скоту из дьяковских и верхнеокских городищ V в. до н.э. – начала I тыс. н.э., исследованные В.И. Цалкиным, позволили ему сделать важный вывод: скот из дьяковских и верхнеокских городищ был, по сравнению с древнерусским лесным, более рослым, относительно длиннорогим и ширококостным; по внешнему виду близок к «степному», разводившемуся в ту эпоху в Северном Причерноморье. Причем в популяциях крупного рогатого скота дьяковских и верхнеокских городищ имелись волы, чего не зафиксировано в ананьинских памятниках Волго-Камья.

Остеологические коллекции лошадей в большинстве диагностированы из «кухонных» остатков городищ и селищ раннего железного века, реже – из ритуальных комплексов могильников. Сильная раздробленность костей животных из «кухонных» остатков затрудняет краниологические исследования. Основные промеры позволяют утверждать, что в табунах раннеананьинского населения южных районов Среднего Поволжья бытовали кони с высотой в холке, равной 122–138 см, что является свидетельством некоторой породной неоднородности. Действительно, наибольшая длина двух плечевых костей из Тетюшского могильника была равна 295 мм, что соответствовало лошади с высотой в холке около 138 см «средней» категории, по существующей схеме В.О. Витта (1952), и с индексом «крайней» тонконогости, по А.А. Браунеру (1916). Плечевая кость из II Ново-Мордовского могильника с наибольшей длиной, равной 280 мм, засвидетельствовала факт бытования лошадей с высотой в холке не более 132 см. И, наконец, две плечевые кости из обоих могильников принадлежали к группе «мелких» лошадей и с индексом «средненогих» и «полутонконогих» животных. Идентичные данные были получены в свое время и В.И. Цалкиным.

Пястные и плюсневые кости из «кухонных» остатков городищ также свидетельствуют о значительном разнообразии вида по величине. Так, самая крупная из плюсневых костей с наибольшей длиной 273 мм встречена в материалах городища Гремячий Ключ, а наименьшая – из Харинского городища – 241 мм. Обе кости принадлежали особям с высотой в холке 143 и 126 см, что также свидетельствует о существовании различных лошадей по породным особенностям (в географическом понимании этого термина) – «лесных» и «степных». Остатки от ко-

ней с высотой в холке, равной 140 см, или «тонконогих», диагностированы в коллекциях городищ Гремячий Ключ и Антоновское. Возраст животных, которым принадлежали эти кости, равнялся 6–9 годам. Найденные здесь же два фрагмента от черепа лошади имели индивидуальный возраст 7 и 8 лет. Наибольшая длина лопаточных костей с Буйского городища варьирует в пределах 258–350 мм с преобладанием экземпляров с промерами 312 и 350 мм.

Таким образом, материалы промеров на трубчатых и лопаточных костях лошадей подтверждают факт наличия в лесных и лесостепных районах Среднего Поволжья и Прикамья различных групп этого вида домашних животных с высотой в холке от 120 до 144 см с преобладанием категорий «полутонконогих» и «средненогих» коней. Близкая картина разнообразия археозоологических данных по породным морфологическим показателям на костях лошадей подмечена при исследовании материалов юхновских, дьяковских и верхнеокских лесных городищ Восточной Европы. Сравнительный анализ археозоологических материалов из городищ эпохи раннего железа Волго-Камья свидетельствует о сходстве средневожских раннеананьинских лошадей с лесостепными и степными из памятников скифского времени юга Восточной Европы с одной стороны, и с другой – об отличии их от лесных лошадей Прикамья.

Сравнение исследованных величин индексов диафизов на путовых передних и задних костях указывает на их очень близкие пропорции в памятниках как лесостепных, так и лесных регионов и не проявляет столь явных различий, которые были выявлены на трубчатых костях скелета лошадей. И потому вряд ли подобного рода сопоставления по одноименным фалангам нижнего отдела конечностей могут служить серьезным признаком для восстановления породных категорий древних лошадей, т.к. именно эти кости сильно подвержены природным изменениям.

Костные остатки свиней из археологических памятников эпохи раннего железа в Среднем Поволжье представлены в «кухонных» остатках фрагментами от молодых особей животных при существенной неравномерности преобладания в остеологических коллекциях различных костей скелета вида. Так, из Малахайского поселения, при многочисленности обломков черепов и выпавших зубов, наблюдается весьма незначительное количество, а порой и полное отсутствие таких костей нижнего отдела конечностей, как метаподии, фаланги I, фаланги II. А плечевые кости свиней в большинстве своем на нижних концах плечевых костей имеют foramen (отверстие), которое характерно для костей обычного

дикого кабана, что является весьма интересным при исследовании вопросов одомашнивания вида в крае.

Наиболее часто диагностированы кости свиней от особей до 2-летнего возраста. Некоторым исключением являются материалы Малахайского поселения, где преобладали фрагменты от животных старше 2 лет. Промеренные на нижних челюстях третьи моляры обнаружили интервал изменчивости наибольшей длины в пределах 33–42 мм при среднеарифметической величине, равной 35,6 мм. Промеры наибольшей длины таранных костей равны в среднем 44 мм при минимальных размерах 39 мм и максимальных – 49 мм. Сопоставления с одноименным морфологическими исследованиями позволяют говорить о весьма значительных крупных экземплярах домашних свиней с высотой в холке, равной 69,8–87,7 см, что было характерно для этого домашнего вида лесных и лесостепных территорий как бронзового, так и раннего железного веков – и так вплоть до раннего средневековья, когда на значительных территориях лесной и лесостепной зон наблюдается измельчание вида, что ранее было свойственно лишь для степных памятников Восточной Европы.

Повышенная фрагментарность и сравнительная малочисленность костей мелкого рогатого скота в ананьинских материалах не позволяют судить о породных особенностях. Исследования В.И. Цалкиным материалов дяковских и верхнеокских городищ говорят о мелких размерах как пястей, так и плюсен мелкого рогатого скота лесной полосы центра Русской равнины, а следовательно об их небольшой высоте в холке.

Исследования костных остатков из материалов памятников обширной ананьинской культурно-исторической области засвидетельствовали относительные различия в животноводческой и охотно-промысловой деятельности.

Очень значительной по сравнению с животноводством была занятость охотой у населения Верхнего Прикамья лишь в районах Концеворского городища. В остеологической коллекции этого памятника остатки охотничье-промысловой фауны составляют 46,7% от общего числа костей. В остальных городищах (Галкинском и Гремячанском) эти данные по охотничье-промысловым видам сравнительно меньше (18,5–12,2%). В археозоологических коллекциях городищ Среднего Поволжья и Предуралья (Буйское, «Ройский Шихан», Биктимировское) более южных лесостепных территорий данные по костным остаткам диких видов составляют 28,2–16,8–10% (табл. 4). И тем не менее, большая занятость животноводческой деятельностью

ананьинского населения не вызывает сомнений (Петренко, 2007).

Количественные соотношения между различными видами основных домашних животных в рассмотренных памятниках позволяют говорить о сравнительно значительной роли лошадей, коров, свиней. Своеобразный «коневоодческий» характер у северных лесных племен эпохи раннего железа, а вместе с этим и значительная роль конины в питании населения определялась способностью животных этого вида иногда самостоятельно добывать себе корм в зимние месяцы и тем самым уменьшать проблемы запаса кормов. Весьма ограниченное число костей овец и коз в памятниках лесных районах ананьинской области свидетельствует о их незначительном разведении и содержании овец и коз в этих районах. Свиноводство было развито в широколиственной зоне. На некоторых городищах кости домашней свиньи составляли 92–65,9–50,5%.

Представленные выше археозоологические материалы характеризуют животноводческую занятость ананьинского населения. И, конечно, хорошо известной пластичностью крупного рогатого скота к бытованию в различных природных условиях объясняется приоритетное содержание по поголовью в хозяйствах быков и коров у населения края с древнейших времен и до средневековья.

Представленные в сравнении археозоологические материалы, вне всякого сомнения, позволяют говорить, что даже незначительные изменения природной среды оказывали влияние на хозяйственную деятельность человека. Однако климатические изменения в условиях различных ландшафтов отражались на социумах неодинаково. Это были либо частичные изменения хозяйственно-культурных типов ведения хозяйства, либо они были существенными и связаны с миграционным притоком или оттоком населения с тех или иных природных территорий, с адаптацией хозяйственной деятельности к изменившимся экологическим условиям.

Литература

Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по остеологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. – С.137–189.

Беговатов Е.А., Петренко А.Г. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии // Естественнонаучные методы в археологии для студентов исторического факультета: Учебное пособие. Казань, 1994. – 51 с.

Боголюбский С.Н. Происхождение и породообразование домашних животных. М., 1959. – 594 с.

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, кн.1. – 49 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. – 230 с.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI. – С.163-205.

Громова В.И. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940. Т. 1. – С.63-113.

Иванов И.В., Луковская Т.С. Роль пространственно-временных изменений экологических условий евразийских степей в развитии древних культурно-исторических обществ (эпоха бронзы и раннего железа). Саратов, 1997. – 85 с.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности // ТЗИН. 1997. Т. 273. – 221 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998. – 206 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.А., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Екатеринбург, 1994. – 113 с.

Петренко А.Г. Остеологический комплекс Малахайского поселения // АЭМК. 1977. Вып. 2. – С.167-174.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. – 173 с.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000. – 156 с.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам. // Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань, 2007. – 142 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. – 375 с.

Таиров А.Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: // Материалы к истории реконструкций. Челябинск, 2003. – С.3-67

Хотинский Н.А., Савина С.С. Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена. // ИАН. Сер. географическая. 1985. № 4.

Цалкин В.И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // МИА. 1962. № 107. – С.5-96.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. 1970. № 161. – 279 с.

Цалкин В.И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века // КСИА. 1965. Вып. 101. – С.24-30.

Таблица 1

Количественные данные по числу костей и особей домашних и диких видов животных из археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья эпохи поздней бронзы

Виды животных	Названия поселений				
	Заюрчим	Мурадымово	Аитово	Казангулово I	I Береговское
Всего костей/особей	869/53	12995/278	821/99	1186/148	1618/81
КРС	228/13	5857/102	382/32	705/54	781/23
МРС	44/4	2767/74	269/30	268/51	153/13
Свинья	86/6	57/13	40/15	43/16	97/13
Лошадь	423/16	4278/68	109/13	169/26	484/17
Собака	–	12/3	6/2	–	–
Кабан	–	7/4	–	–	–
Заяц	1/1	1/1	–	1/1	–
Бобр	24/4	–	10/4	–	12/3
Медведь	1/1	1/1	–	–	–
Волк	–	4/3	3/2	–	–
Северный олень	3/2	1/1	–	–	–
Лось	59/6	5/3	2/1	–	24/3
Косуля	–	2/2	–	–	67/9
Кулан	–	3/3	–	–	–

Таблица 2

Количественный состав костей и особей животных с памятников ананьинской культурно- исторической области Верхнего Прикамья

Виды животных	Археологический памятник			
	Гремячанское поселение	I Половинное селище	Галкинское городище	Конецгорское городище
Домашние виды				
КРС	3827/133	335/45	396/16	366/8
МРС	1618/95	98/27	18/2	123/6
Свинья	2072/131	76/22	22/4	64/4
Лошадь	6038/201	956/37	260/8	247/10
Собака	82/23	2/1	–	2/1
Дикие виды				
Мелкие грызуны	280/14	–	–	–
Заяц	917/108	3/3	1/1	170/14
Белка	3/2	–	–	153/27
Бобр	831/82	29/16	8/1	51/7
Выдра	5/2	–	–	3/2
Куньи	154/49	4/3	–	3/1
Росомаха	–	1/1	–	–
Лисица	218/30	3/3	–	3/1
Медведь	411/55	19/11	1/1	1/1
Косуля	2/2	–	–	–
Северный олень	105/34	24/8	7/4	39/3
Лось	168/20	114/25	18/3	281/8
Всего костей/особей	16731/981	1664/202	731/40	1506/93

В числителе – количество костей, в знаменателе – число особей.

Таблица 3

Количественный состав костей и особей животных из городищ ананьинской культурно-исторической области Среднего Поволжья и Предуралья

Виды животных	Городища				
	Буйское	Васильсурское (слой II)	Ардинское	«Ройский Шихан»	Малахайское
Крупный рогатый скот	206/18	174/9	251/17	145/–	185/26
Мелкий рогатый скот	28/3	11/2	5/2	7/–	9/4
Свинья	850/182	330/58	159/23	517/–	383/74
Лошадь	2437/69	139/4	331/11	110/–	339/40
Собака	9/4	0/0	4/1	5/–	5/1
Бобр	169/82	34/6	27/6	45/–	14/4
Заяц	5/2	4/2	–	–	1/1
Выдра	–	2/1	–	–	1/1
Куны	9/6	12/4	–	6/–	6/5
Волк	9/3	0/0	–	–	–
Медведь	281/34	62/6	1/1	29/–	82/26
Лисица	14/8	13/4	1/1	–	–
Рысь	–	0/0	–	–	–
Кабан	–	0/0	–	3/–	–
Косуля	5/1	61/3	–	–	2/1
Северный олень	34/11	0/0	–	–	7/7
Лось	861/24	78/6	54/4	68/–	2/1
Всего костей/особей	4917/447	920/105	833/66	935/–	1036/191

Продолжение Таблицы 3

Виды животных	Городища			
	Антоновское	«Гремячий Ключ»	Свиногорское	Биктимировское (слой II)
Крупный рогатый скот	72/3	59/6	22/7	41/10
Мелкий рогатый скот	5/2	8/2	3/1	143/18
Свинья	6/2	118/46	1240/20	118/17
Лошадь	64/10	119/7	76/20	108/13
Собака	1/1	1/1	–	–
Бобр	1/1	7/2	6/2	19/6
Заяц	–	–	–	–
Выдра	–	–	1/1	–
Куны	–	–	2/2	–
Волк	–	–	–	–
Медведь	–	5/2	2/2	3/3
Лисица	–	3/2	22/7	3/3
Рысь	–	–	–	3/2
Кабан	–	2/1	–	3/1
Косуля	1/1	–	–	7/3
Северный олень	–	1/1	1/1	5/4
Лось	3/1	4/1	1/1	–
Всего костей/особей	153/21	327/71	1376/66	453/80

Таблица 4

Соотношение между домашними и дикими видами животных по числу костей в археологических памятниках ананьинской культурной исторической области Среднего Поволжья и Предуралья (в %)

Городища	Домашние виды		Дикие виды		Всего костей
	Число костей	Кости в %	Число костей	Кости в %	
Буйское	3530	71,8	1388	28,2	4918
Васильсурское (слой II)	654	71,1	266	28,9	920
Ардинское	750	90,1	83	9,9	833
Ройский Шихан	784	83,2	151	16,8	935
Малахайское	921	88,9	115	11,1	1036
Антоновское	148	96,7	5	3,3	153
Гремячий Ключ	305	93,3	22	6,7	327
Свиногорское	1341	97,4	35	2,6	1376
Биктимировское (слой II)	410	90,5	43	9,5	453
	8843	80,7	2108	19,2	10951

Таблица 5

Количественный состав костей и особей животных из материалов ананьинско-гляденовских памятников Верхнего Прикамья

Виды животных	Костища		
	Юго-Камское	Горюхалихинское	Усть-Гуйское
Домашние виды			
КРС	29000/718	683/38	15743/419
МРС	2012/59	87/18	2214/32
Свинья	3382/213	141/27	4927/192
Лошадь	27575/606	1213/53	15173/379
Собака	–	3/3	–
Дикие виды			
Бобр	–	71/18	10/7
Кабан	–	1/1	–
Медведь	13/5	11/2	11/5
Волк	5/1	–	–
Косуля	4/2	–	–
Северный олень	2/1	–	–
Лось	54/7	44/14	182/16
Всего костей/особей	62047/1612	2254/174	38260/1050

Таблица 6

Соотношение между домашними и дикими видами животных по числу костей
в ананьинско-гляденовских памятниках Верхнего Прикамья

Археологический памятник	Домашние виды		Дикие виды		Всего костей
	Число костей	% костей	Число костей	% костей	
Юго-Камское	61969	99,9	78	0,1	62047
Горюхалихинское	2127	94,3	127	5,7	2254
Усть-Туйское	38057	99,5	203	0,5	38260

Таблица 7

Соотношение между видами домашних животных по числу костей
в ананьинско-гляденовских памятниках Верхнего Прикамья

Виды животных	Костища		
	Юго-Камское	Горюхалихинское	Усть-Туйское
Всего костей	61969	2127	38057
Крупный рогатый скот	46,8	32,1	41,3
Мелкий рогатый скот	3,2	4,2	5,8
Свинья	5,5	6,6	12,91
Лошадь	44,5	57,0	39,9
Собака	–	0,1	–

Реконструкция этногенетических процессов на Средней Волге в конце эпохи поздней бронзы и раннего железа по данным антропологии

Ананьинская культура, или ананьинская культурно-историческая общность (область), существовала на довольно обширной территории востока и севера Европейской части России в I тыс. до н.э. Большая территория и длительное время существования этой культуры порождает ряд вопросов этногенетического характера об истоках ананьинского населения, его развития и дальнейшей судьбе. Многие вопросы остаются дискуссионными, и не последнюю роль в их разрешении играют палеоантропологические материалы. В разные годы к ним обращались многие исследователи: Т.А. Трофимова (1941, 1954, 1968), Г.Ф. Дебец (1948), М.С. Акимова (1968), В.П. Алексеев (1980), С.Г. Ефимова (1991) и др. Основным выводом их работ являлся тезис о сложном и неоднородном антропологическом составе населения Среднего Поволжья в эпоху раннего железа.

За последние два десятилетия, благодаря ширококомасштабным раскопкам могильников ананьинского и предананьинского времени в Нижнем Прикамье, свод палеоантропологических материалов эпохи поздней бронзы и раннего железа увеличился почти в два раза, что позволяет более аргументированно реконструировать ход этногенетических процессов в регионе.

Ниже представлены краткие результаты краниологического анализа новых серийных материалов из Мурзихинского II (маклашеевского и раннеананьинского времени, раскопки А.А. Чижевского), Измерского VII (раннеананьинского времени, раскопки Е.П. Казакова) и Луговского (раннеананьинского времени, раскопки К.И. Корепанова) могильников¹.

Мурзихинский II могильник

Краниологическая серия некрополя состоит из 13 мужских черепов различной степени сохранности². Она хронологически делится на две

группы: первая характеризует антропологический состав населения маклашеевской культуры финала бронзового века (XI – IX вв. до н.э.), или маклашеевского этапа приказанской (по А.Х. Халикову); вторая – начала эпохи раннего железа (VIII – VI вв. до н.э.) – принадлежала раннеананьинским популяциям (постмаклашеевская культура).

Мужские черепа из маклашеевских погребений в среднем имеют мезокранную форму головы со средней высотой свода, широкий лоб со слабым наклоном и умеренно развитым рельефом в области надпереносья (табл. 1).

Лицевой скелет по ширине большой, а по высоте – средний, по пропорциям попадает в категорию широколицых. Орбиты широкие, но низкие, хамеконхные. Нос средней высоты, мезоринный. Сильная уплощенность лица на всех уровнях сочетается с низким и слабовыступающим переносьем. В целом, черепа относятся к одному из монголоидных типов, а именно: к низколициему.

Мужские черепа из погребений РЖВ, по сравнению с вышеописанными, имели более удлиненную форму головы и более высокий свод. Лицевой отдел был менее широким и в то же время был более высоким. В горизонтальной плоскости он умеренно уплощен на уровне орбит. Последние характеризуются мезоконхной формой. Переносье более высокое и более профилированное.

Таким образом, можно отметить, что раннеананьинские черепа выглядели более грацильными и более европеоидными, чем маклашеевские. Правда, при этом следует сказать, что из-за плохой сохранности черепов второй группы не удалось измерить признаки, которые хорошо разграничивают монголоидные и европеоидные антропологические комплексы (зигмаксиллярный угол, угол выступления носа, глубина кльковой ямки и т.д.). Поэтому вопрос о более европеоидном облике раннеананьинского населения, оставившего позднюю часть Мурзихинского II могильника, остается открытым.

Измерский VII могильник

Изученная серия представлена 18 мужскими и 11 женскими черепами разной степени сохранности раннеананьинского времени.

¹ Автор искренне благодарен руководителям раскопок за возможность работать с их материалом, а также за консультации по определению их хронологии.

² Большая часть палеоантропологической коллекции находится в обработке, поэтому все выводы носят предварительный характер и только по мужским выборкам.

Таблица 1

**Средние краниометрические параметры мужских черепов
Музыхинского II могильника (XI-IX вв. до н.э. и VIII-VI вв. до н.э.)**

Признаки (по Мартину)	XI – IX вв. до н.э.		VIII – VI вв. до н.э.	
	N	M(N)	N	M(N)
1. Продольный диаметр	6	188.8	6	189.8
8. Поперечный диаметр	6	144.7	5	143.2
8:1. Черепной указатель	6	76.6	5	75.4
17. Высотный диаметр	2	135.0	2	138.5
9. Наименьшая ширина лба	6	99.5	5	99.9
45. Скуловой диаметр	5	141.6	4	138.5
48. Верхняя высота лица	6	70.3	1	75.0
48:45. Верх.-лицевой ук-ль	5	49.6	1	45.6
55. Высота носа	5	52.1	1	57.0
54. Ширина носа	6	26.6	3	25.0
54:55. Носовой указатель	5	49.4	1	45.6
51. Ширина орбиты	5	44.4	1	46.0
52. Высота орбиты	5	32.5	1	35.0
52:51. Орбитный указатель	5	73.0	1	76.1
SS. Симотическая высота	3	3.33	3	4.23
SS: SC. Симотический ук-ль	3	41.7	3	49.9
DS. Дакриальная высота	2	9.25	–	–
DS:DC. Дакриальный ук-ль	2	39.8	–	–
Глубина клыковой ямки	3	3.26	–	–
77. Назомаллярный угол	5	145.0	2	142.8
Zm. Зигомаксиллярный угол	4	136.4	–	–
75(1). Угол выступания носа	3	22.3	–	–
20. Ушная высота	5	110.5	6	116.0
Надпереносье (1-6)	6	3.67	7	3.29

Мужские черепа суммарно описываются как мезо-брахикранные со средней высотой свода (табл. 2). Лоб, как правило, средней ширины и умеренно наклонный. Микрорельеф лобной и затылочной областей выражен достаточно отчетливо. Скуловой диаметр большой, верхняя высота лица средняя. По указателю, черепа попадают в категорию широколицых. Орбиты низкие, хамеконхные. Носовое отверстие среднее по ширине, но по пропорциям серия относится к широконосным. В более половины случаев (около 60%) отмечается антропинная форма в строении нижнего края грушевидного отверстия. Клыковая ямка небольшой глубины. В горизонтальной плоскости лицо умеренно профилировано на уровне передне-скуловых точек. Переносье высокое и довольно выступающее. В вертикальной проекции черепа умеренно ортогнатны.

Данный краниокомплекс, несомненно, отражает в целом европеоидный облик населения, оставившего Измерский VII могильник. Этому выводу не противоречит и краниотип женских черепов, который во многом совпадает с муж-

ким (существенным отличием можно считать лишь угол выступания носа – у женщин он меньше). Вместе с тем, следует отметить, что в серии визуально выделяются черепа с монголоидными признаками (альвеолярный прогнатизм, ослабленная горизонтальная профилировка лица, несильное выступание носовых костей и т.д.) Количество черепов с монголоидными чертами в серии невелико, что может указывать на небольшую долю монголоидного компонента в антропологической структуре данной группы. Таким образом, в серии преобладают черепа европеоидного типа, для которых характерна: мезобрахикранная форма головы, широкое и низкое лицо в сочетании с сильным выступанием носа.

Луговской могильник

Серия состоит из шести мужских и пяти женских черепов различной сохранности. После реставрации удалось измерить пять мужских и четыре женских черепа (табл. 3).

Мужские черепа довольно крупные, матуризованные и имели долихо-мезокранную форму головы и высокий свод. Лобная кость средней

Таблица 2

Средние краниометрические параметры серии Измерского VII могильника

Признаки	Мужские			Женские		
	N	M(N)	S	N	M(N)	S
1. Продольный диаметр	14	183.6	5.73	11	173.3	5.06
8. Поперечный диаметр	14	144.6	6.25	11	138.9	5.65
17. Высотный диаметр	12	136.0	4.20	7	131.9	2.79
5. Длина основ. черепа	12	103.6	5.12	7	99.6	3.87
9. Наим. ширина лба	16	98.4	4.94	9	94.4	4.10
11. Шир. основ. черепа	14	131.6	5.64	10	123.6	5.99
45. Скуловой диаметр	14	139.1	3.98	10	129.3	7.57
40. Длина основ. лица	11	100.8	4.21	7	95.3	5.44
48. Верх. высота лица	14	69.4	4.60	10	67.3	4.97
43. Верх. ширина лица	15	108.6	4.36	9	104.0	5.29
46. Сред. ширина лица	11	99.2	3.74	9	94.8	6.42
55. Высота носа	13	50.2	2.55	10	48.7	2.75
54. Ширина носа	15	25.7	1.91	10	24.6	1.96
51. Ширина орбиты	14	42.3	1.93	11	41.9	1.59
52. Высота орбиты	13	31.9	2.14	11	33.2	1.66
20. Ушная высота	14	114.3	3.38	10	108.2	6.23
77. Назомалярный угол	15	139.8	6.87	9	141.0	2.76
Zm. Зигомаксиллярный угол	10	129.1	4.61	9	129.6	4.68
SS. Симотич. высота	11	5.02	1.39	9	3.87	1.20
SC. Симотич. ширина	11	9.15	1.99	9	8.64	1.91
DS. Дакриальная высота	10	12.5	1.47	8	11.1	1.67
DC. Дакр. ширина	10	23.2	2.08	8	21.2	2.27
Глубина клыковой ямки	12	4.17	1.63	10	3.27	1.23
32. Угол профиля лба	12	83.3	4.35	10	83.4	3.20
72. Общий лицевой угол	12	85.8	3.66	10	83.5	2.68
73. Сред. лицевой угол	12	87.7	2.90	10	85.6	3.44
74. Угол альвеолярной части лица	11	75.9	6.83	10	74.3	4.60
75 (1). Угол носа	11	28.8	5.93	9	22.9	4.31
8:1. Черепной указатель	14	78.8	3.88	11	80.2	3.35
17:1. Высотно-продольный указатель	12	73.9	2.37	7	75.5	1.68
17:8. Высотно-поперечный указатель	12	94.5	4.41	7	93.7	4.03
9:8. Лобно-поперечный указатель	14	67.9	3.51	9	67.9	2.00
40:5. Указатель выступания лица	11	97.0	3.88	7	95.6	3.89
48:45. Верхне-лицевой указатель	12	49.5	3.40	10	52.0	2.93
54:55. Носовой ук-ль	13	51.3	4.32	10	50.5	3.11
52:51. Орбитный ук-ль	13	74.3	5.00	11	78.8	3.05
SS:SC. Симотический указатель	11	54.7	8.05	9	44.2	5.42
DS:DC. Дакриальный указатель	10	54.3	8.50	8	52.3	5.08
Надпереносье (1-6)	18	3.67	–	12	1.75	–
Надбровные дуги (1-3)	18	2.06	–	12	1.42	–
Затылочный бугор (0-5)	16	2.41	–	10	1.50	–
Сосцевидный отр-к(1-3)	18	2.58	–	12	1.75	–
Передне-носовая кость (1-5)	13	2.81	–	10	2.50	–
Нижний край грушевидного отверстия (Antr. %)	16	62.5	–	12	74.9	–

Таблица 3

Средние краниометрические параметры серии черепов Луговского ананьинского могильника из раскопок К.И. Корепанова и А.В. Збруевой

Признаки (по Мартину)	N	M(N) муж- ские (Газим- зянов, 2003)	M(N) муж- ские (Тро- фимова, 1941; 1968)	N	M(N) жен- ские (Газим- зянов, 2003)	M(N) женские (Трофимова, 1941, 1968)
1. Продольный диаметр	5	193.2	185.2 (13)	4	181.8	175.9 (9)
8. Поперечный диаметр	5	145.7	146.8 (14)	4	145.7	142.0 (9)
17. Высотный диаметр	1	144.0	135.0 (7)	3	133.0	130.6 (5)
20. Ушная высота	2	123.8	113.1 (14)	3	117.3	108.9 (7)
9. Наим. ширина лба	4	95.6	94.9 (14)	4	96.3	92.1 (9)
11. Ширина основ. черепа	4	131.5	130.3 (12)	4	128.3	127.3 (7)
40. Длина основ. лица	1	104.0	98.0 (5)	3	99.2	88.7 (3)
5. Длина основ. черепа	1	105.0	100.3 (7)	3	98.7	96.0 (5)
45. Скуловой диаметр	5	141.5	140.5 (9)	4	131.8	133.6 (5)
48. Верхняя высота лица	3	77.3	72.0 (3)	3	69.2	66.9 (7)
55. Высота носа	3	56.8	54.3 (13)	3	50.7	50.6 (7)
54. Ширина носа	3	26.5	27.1 (12)	4	26.0	25.5 (7)
51. Шир. орбиты	3	44.5	43.3 (11)	3	42.8	42.0 (7)
52. Высота орбиты	3	33.7	34.1 (11)	3	33.3	33.3 (7)
77. Назомалярный угол	4	144.6	145.3 (12)	4	143.8	144.4 (7)
Zm. Зигомаксиллярный угол	2	132.5	129.7 (9)	3	130.0	137.8 (5)
SS. Симолическая высота	4	3.8	3.14 (13)	3	2.6	2.93 (8)
SC. Симолическая ширина	4	8.8	7.56 (13)	3	8.5	8.84 (8)
DS. Дакриальная высота	2	10.5	10.42 (8)	2	9.7	10.40 (7)
DC. Дакриальная ширина	2	21.0	21.12 (8)	2	21.5	20.10 (7)
32. Угол профиля лба	2	83.0	77.6 (10)	3	81.7	79.8 (5)
72. Общий лицевой угол	2	86.0	84.1 (11)	3	83.0	84.0 (5)
74. Угол альвеолярной части	2	76.5	72.1 (11)	3	72.0	71.2 (5)
75(1). Угол носа	3	18.7	25.6 (9)	3	14.3	19.2 (6)
8:1. Черепной указатель	5	75.3	78.9 (12)	4	80.2	80.9 (9)
9:8. Лобный указатель	4	64.7	65.2 (11)	4	64.8	64.9 (9)
48:45. Верхне-лицевой указатель	3	54.7	50.8 (9)	3	51.8	50.0 (5)
54:55. Носовой указатель	3	46.6	50.1 (12)	3	52.0	50.2 (6)
52:51. Орбитный указатель	3	75.6	78.8 (11)	3	77.8	79.3 (7)
SS:SC. Симолич. указатель	4	43.3	41.2 (13)	3	31.3	33.6 (8)
DS:DC. Дакр. указатель	2	50.1	50.4 (8)	2	45.1	52.3 (7)
Глубина клыковой ямки	2	3.30	2.31 (12)	3	3.30	3.80 (8)
Надпереносье (1-6)	4	3.00	3.78 (18)	4	2.13	2.00 (6)
Надбровные дуги (1-3)	5	2.00	2.12 (13)	4	1.25	1.70 (5)
Передне-носовая кость (1-5)	3	3.00	3.3 (3)	3	2.66	3.00 (1)
Нижн. край грушевидного отв-ия (Antr. %)	4	50.0	—	3	33.3	—

ширины и средненаклонная, рельеф в области надпереносья выражен слабо. Лицевой скелет широкий и высокий, по пропорциям – мезенный. Орбиты широкие, умеренной высоты, по указателю – хаменкохные. Высота и ширина носа попадают в категорию больших величин, по пропорциям нос лепторинной формы. В горизонтальной плоскости лицо профилировано слабо на всех уровнях. В вертикальной просматривается ярко

выраженный альвеолярный прогнатизм. Умеренно широкое переносье, при средней его высоте, сочетается с ослабленным выступанием носовых костей. В целом, мужские черепа из раскопок К.И. Корепанова могут быть определены как монголоидные, с большой высотой лицевого скелета, но с удлинённой и высокой черепной коробкой.

Таблица 4

**Средние краниометрические параметры объединенной серии черепов
Луговского и Ананьинского могильников**

Признаки	Мужские			Женские		
	N	M(N)	S	N	M(N)	S
1. Прод. диаметр	18	187.5	5.42	13	177.7	6.70
8. Попер. диаметр	19	146.5	5.03	13	143.2	6.89
17. Высот. диаметр	8	136.1	5.98	8	131.5	4.93
20. Ушная высота	16	114.4	5.21	10	111.4	6.71
9. Наим. ширина лба	18	95.0	4.15	13	92.8	5.85
5. Длина основ. черепа	8	100.9	3.94	8	97.0	3.25
45. Скуловой диаметр	14	140.9	5.05	9	132.8	2.78
48. Верхн. высота лица	16	73.0	3.81	10	67.6	5.17
55. Высота носа	16	54.8	2.80	10	50.6	2.88
54. Ширина носа	15	26.9	1.88	10	25.7	1.49
52. Высота орбиты	14	34.0	1.66	10	25.7	1.49
77. Назомалярный угол	16	145.1	4.68	11	144.2	4.22
Zm. Зигомаксиллярный угол	11	130.2	4.64	8	134.8	7.02
SS. Симотич. высота	17	3.30	1.22	11	2.85	1.02
SC. Симотич. ширина	17	7.76	1.63	11	8.75	1.63
DS. Дакриальная высота	10	10.4	1.76	9	10.2	1.55
DC. Дакр. ширина	10	21.1	2.58	9	20.4	2.56
32. Угол профиля лба	12	78.2	4.37	8	80.5	3.38
72. Общий лицевой угол	13	84.0	4.47	8	83.6	3.96
74. Угол альвеол. части	9	73.1	5.28	8	71.5	7.41
75(1). Угол носа	12	23.9	7.91	9	18.4	5.10
8:1. Черепной указатель	17	77.9	3.90	13	80.4	4.34
9:8. Лобный указатель	15	65.0	3.13	13	64.8	3.13
48:45. Верхне-лицевой указатель	12	51.8	2.57	8	50.7	4.45
54:55. Носовой ук-ль	15	49.4	4.07	9	50.8	2.61
52:51. Орбитный ук-ль	14	78.1	4.96	10	78.9	3.95
SS:SC. Симотич. ук-ль	17	41.7	12.5	11	33.0	10.7
DS:DC. Дакр. указатель	10	50.4	12.2	9	50.7	9.47
Глубина клыковой ямки	13	2.56	1.01	11	3.66	1.54
Надпереносье (1-6)	23	3.61	0.78	10	2.05	1.12
Надбровные дуги (1-3)	18	2.08	0.35	9	1.5	0.56
Передне-носовая кость (1-5)	6	3.17	0.68	4	2.75	0.50
Нижн. край грушевид. отверстия (%)	21	47.5	–	9	55.5	–

Женские черепа, при сравнении с мужскими, более короткоголовы, широколицы и широконосы, лицевой скелет мезогнатный, с выраженным альвеолярным прогнатизмом. По другим признакам, с учетом полового диморфизма, они сходны с мужскими черепами и характеризуются монголоидным обликом.

При сопоставлении данных материалов с краниологической серией, изученной Т.А. Трофимовой, обнаруживается большое сходство между ними по многим признакам. Однако при общем сходстве намечаются и различия, кото-

рые больше всего выявляются при сравнении мужских черепов (табл. 3). Мужские черепа, измеренные мною, имеют более длинную и более высокую черепную коробку, а также более высокое лицо и менее выступающее переносье. Приведенные различия говорят о более монголоидном облике нашей серии. Это подтвердилось и при определении условной доли монголоидного элемента по формулам, предложенным Г.Ф. Дебецом (1961; 1968). Так, индекс уплощенности лицевого скелета (УЛС) составил на мужских черепах из раскопок К.И. Корепанова

Таблица 5

Средние параметры сборных краниологических серий финала поздней бронзы и раннего железа с территории Волго-Камья (мужские)

Признаки (по Мартину)	Череп из маклашеевских могильников		Череп из постмаклашеевских (раннеананьинских) могильников		Череп из раннеананьинских могильников со сложнотруровой керамикой	
	Число	Среднее значение	Число	Среднее значение	Число	Среднее значение
1. Прод. диаметр	22	185.9	33	182.9	19	187.4
8. Попер. диаметр	24	143.8	31	143.4	20	146.4
8:1. Череп. указ-ль	22	77.1	30	78.7	18	77.8
17. Высот. диметр	19	134.2	23	134.6	9	136.4
9. Наим. шир. лба	22	96.8	36	97.9	19	95.4
45. Скул. диаметр	20	137.9	29	137.5	15	141.1
48. Верх. высота лица	21	69.9	25	68.9	17	72.6
48:45. Верхне-лицевой указ-ль	19	50.8	21	49.9	13	51.3
55. Высота носа	20	51.4	25	50.9	17	54.6
54. Ширина носа	20	25.5	28	25.3	16	26.9
54:55. Носовой указатель	18	49.9	24	50.3	16	49.6
51. Шир. орбиты	21	32.0	24	32.2	15	33.8
52. Высота орбиты	19	42.8	26	42.9	15	43.4
52:51. Орбитный указатель	19	74.1	23	74.7	15	78.0
SS. Симот. высота	11	4.1	23	4.3	17	3.3
SS: SC. Симотич. указатель	11	45.0	23	50.5	17	41.8
32. Угол перегиба лба	17	83.3	21	83.1	13	78.9
Гл-на клыковой ямки	13	3.76	23	4.46	14	2.69
77. Назомалярный угол	14	143.5	29	141.8	17	145.1
Zm. Зигомаксиллярный угол	13	133.8	18	130.7	12	130.8
75(1). Угол носа	18	26.1	20	27.7	13	23.6
Надпереносье (1-6)	22	2.77	42	3.27	24	3.54

67,1%, а удельная доля монголоидного элемента (УДМЭ) – почти 70%, что на 13-14% выше тех же показателей на мужских черепах из раскопок А.В. Збруевой, где наряду с преобладанием низколицевого монголоидного типа имелись долихокранные европеоидные черепа и черепа с европеоидной примесью. Таким образом, краниологическая серия Луговского могильника неоднородна как в пределах рас первого порядка (монголоидного и европеоидного), так и в пределах расовых типов. На основании новых антропологических материалов можно наметить два основных монголоидных типа при наличии промежуточных: высоколицей с удлиненной и высокой черепной коробкой и низколицей, который преобладает в луговской серии.

Тем не менее, несмотря на отмеченные различия, суммарная характеристика объединенной серии остается прежней как среди мужских, так и среди женских черепов (табл. 4). Повы-

шенная вариабельность отдельных признаков (высотный диаметр, черепной указатель, угол носа и др.) лишней раз статистически подтверждает морфологическую неоднородность серии и указывает на наличие в ней двух монголоидных расовых типов, описанных выше.

Интересны результаты сравнительного анализа сборных мужских краниологических серий, составленных по культурно-хронологическому принципу (табл. 5). Исходя из суммарных краниометрических показателей, наиболее европеоидной является серия, характеризующая раннеананьинское (постмаклашеевское) население Нижнего Прикамья, наиболее монголоидной выглядит серия, составленная из мужских черепов из могильников так называемого «классического» ананьино (Ананьинский, Луговской и др.). Серия из маклашеевских могильников по своим морфологическим показателям занимает в основном промежуточное положение.

Таким образом, анализ антропологической структуры населения Нижнего Прикамья предананьинского и ананьинского времени выявил ее неоднородность как на уровне рас первого порядка (монголоидная и европеоидная), так и на уровне расовых типов (монголоидный с относительно низким лицом и монголоидный с относительно высоким лицом). В конце II тыс. до н. э. в составе населения Среднего Поволжья преобладали следующие антропологические типы: низколиций монголоидный и долихокраний европеоидный. В начале I тыс. до н. э. увеличивается доля широколицых европеоидных форм с низким лицом и умеренно выступающим переносом, при этом сохраняются – но незначительно – низколицие монголоидные типы и грацильные европеоидные. К середине I тыс. до н. э. происходит усиление монголоидного компонента, который характеризуется как низколицие, так и высоколицие варианты. В географическом плане увеличение монголоидного градиента в это время шло с запада на восток.

Выявленная антропологическая неоднородность населения Нижнего Прикамья эпох финальной бронзы и раннего железа на межгрупповом (межпопуляционном) уровне еще более усложняется и внутригрупповой (внутрипопуляционной) неоднородностью. Действительно, при рассмотрении краниометрических индивидуальных данных в пределах одной серии (палеопопуляции) можно выделить сильно различающиеся расовые типы, которые, возможно, маркируют механическое смешение групп населения, имеющих разные генетические истоки. Все это может свидетельствовать о сложных этно – и культуругенетических процессах на Средней Волге и Нижней Каме в конце II – начале I тыс. до н.э., которые реконструируются и на археологических материалах этого времени с территории Волго-Камья (Кузьминых, 2000; 2006; Марков, 2007; Чижевский, 2008).

Для определения генетических истоков антропологической неоднородности предананьинского и ананьинского населения был проведен межгрупповой анализ с использованием краниологических серий эпох неолита, поздней бронзы и раннего железа с территории Восточной Европы и Западной Сибири (см. легенду к рис. 1, 2). Вычислительную основу исследования составил метод канонического анализа. Этим методом было извлечено три первых вектора, отражающих в сумме около 90% от всей межгрупповой изменчивости (табл. 6).

Первый канонический вектор (более 60% от всей вариативности) выявляет следующую корреляцию признаков: с уменьшением угла выступления носа увеличивается ширина черепа и,

соответственно, уменьшается ширина лба. То есть этот вектор разделяет монголоидные или смешанные группы от европеоидных, которые характеризуются более сильным углом выступления носа, более удлиненной формой черепа и более широким лбом.

Второй канонический вектор (более 19% от всей изменчивости) также выявляет коррелятивную связь, которая позволяет разделить монголоидов и европеоидов по степени профилированности переноса и высоты носа. Данная взаимосвязь предполагает, что монголоидные группы должны обладать более высоким лицом (соответственно и более высоким носом) и иметь более уплощенное переносье и наоборот.

Третий канонический вектор (более 8% от всей дисперсии), возможно, определяет, в какой-то степени, «уралоидный» компонент, т. к. показывает взаимосвязь между шириной лица и высотой орбит, а для древних уральских групп как раз характерна следующая комбинация признаков: широкое лицо в сочетании с низкими орбитами.

На графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, в левой его половине, четко выделяются резко европеоидные группы, характеризующие морфологический облик населения срубной культуры лесостепи и степи Волго-Уралья на раннем и развитом этапе их генезиса (рис. 1). Они по комплексу признаков (длинная и высокая черепная коробка, относительно узкое и резко профилированное лицо, сильное выступание носа) наиболее сопоставимы, по мнению А.А. Хохлова, с сериями средиземноморского типа (1998). Учитывая морфотип срубного населения и хронологический разрыв срубных памятников с маклашеевскими в несколько столетий, можем предположить, что участие срубных групп населения в формировании антропологического облика волго-камского населения финала бронзового века маловероятно.

В правом верхнем углу графика расположились наиболее монголоидные серии, характеризующие морфотип «классических» ананьинцев. Их расогенез и роль в сложении населения ананьинской культурно-исторической общности (области) довольно подробно изложена автором (Газимзянов, 2003) и Т.А. Трофимовой (Трофимова, 1941; 1968). Здесь только отмечу, что своеобразный низколиций монголоидный тип (по Т.А. Трофимовой – катангский или среднесибирский палеомонголоидный, по В.П. Алексееву – вариант уральской расы) был распространен в Прикамье еще в предананьинское время (вспомним материалы Мурзихинского II могильника), но его массовое проявление имело место лишь в середине I тыс. до н.э. и было связано с притоком нового

Таблица 6

Элементы трех канонических векторов (I-III) для 17 мужских серий эпох неолита, поздней бронзы и раннего железа с территории Восточной Европы и Западной Сибири

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.358	0.358	-0.114
8. Поперечный диаметр	0.534	-0.247	0.291
17. Высотный диаметр	-0.334	0.304	0.083
9. Наим. ширина лба	-0.492	-0.420	0.074
45. Скуловой диаметр	0.289	0.159	-0.963
48. Высота лица	-0.010	-0.352	0.281
55. Высота носа	0.012	0.663	0.183
54. Ширина носа	0.126	0.077	0.244
51. Ширина орбиты	0.203	-0.218	0.010
52. Высота орбиты	0.002	0.133	0.533
77. Назомалярный угол	0.270	0.264	0.036
Zm. Зигомаксиллярный угол	0.275	-0.094	0.017
SS:SC. Симотический ук-ль	0.178	-0.668	-0.023
75(1). Угол выступания носа	-0.633	0.031	-0.086
Собственные числа	47.19	14.92	6.35
Доля в общей дисперсии (в %)	61.28	19.38	8.24

населения с характерной для него традицией изготовления керамики со сложношнуровым орнаментом (Марков, 2007). Это может свидетельствовать о неоднократной на протяжении длительного отрезка времени миграции монголоидных групп населения с Востока на Запад. Эти группы населения, судя по археологическим данным, могли иметь различные генетические и культурные истоки (Марков, 2007).

Второй монголоидный тип с высоким лицом, с высокой и удлинённой формой черепной коробки, выделенный в луговской серии, вероятно, также имеет восточные (сибирские) истоки, которые достаточно сложно локализовать из-за отсутствия антропологических материалов с территории лесной (таежной) и лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири от неолита до раннего железного века.

Более европеоидными на этом монголоидном фоне выглядят серии маклашеевского и раннеананьинского времени с территории Нижнего Прикамья. К ним примыкают сборные серии еловской, черкаскульской и ирменской культур. Их объединяет относительно широкое и относительно уплощенное, низкое лицо с достаточно выступающим переносьем, то есть европеоидный в целом тип в сочетании с небольшой монголоидной примесью. Наиболее наглядно это отражено на дендрограмме, где в один кластер вошли сборная серия черкаскульской культуры и серии маклашеевского времени с территории Нижнего Прикамья (рис. 2). Другой клас-

тер объединил сборные серии еловской и ирменской культуры с территории Томского Приобья и Барабы и раннеананьинские серии с территории Нижнего Прикамья, что может говорить либо об общих моментах в их расогенезе, либо в какой-то мере об их генетической близости.

Здесь следует сказать, что ряд авторов, анализируя антропологический состав населения черкаскульской (Шевченко, 1980; Рудь, 1981), еловской и ирменской культур (Дремов, 1997), отмечали их морфологическое сходство. Н.М. Рудь и В.А. Дремов видели в этом результат смешения северных андроновских (федоровских) групп населения (европеоидного, мезо-брахикранного с широким и низким лицом, с хорошо выступающим носом) с местными подтаежными группами населения Зауралья и Западной Сибири, носителями, в целом, низкоголицего монголоидного типа. На это в какой-то мере указывают материалы Такталачукского могильника черкаскульской культуры, проанализированные Н.М. Рудь (1981). По ее мнению, население эпохи бронзы с территории восточных районов Татарии было морфологически смешанным и по своему антропологическому типу близко к андроновцам Казахстана, карасукцам Минусинской котловины и позднебронзовым группам населения Приобья. Однако, не отрицая такой возможности биологической метисации местного приуральского населения эпохи поздней бронзы с какими-то степными европеоидными группами, я все же склонен предположить, что и в макла-

шеевское время в Волго-Камье проникали группы населения, морфологически и, скорее всего, генетически связанные с зауральским и западносибирским лесостепным населением эпохи поздней бронзы. Предложенный тезис основан на двух моментах. Во-первых, новые палеоантропологические материалы маклашеевского и раннеаньинского времени с территории Нижнего Прикамья (прежде всего Мурзихинского II и Измерского VII могильников) отражают процесс не биологического, а, скорее всего, механического смешения европеоидных и монголоидных групп населения. Связывать монголоидный низколицый компонент с местным поволжско-приуральским населением эпохи поздней бронзы мы не можем, так как практически не знаем палеоантропологических материалов этого времени с территории Среднего Поволжья и прилегающих областей (за исключением ряда небольших серий черепов черкаскульской культуры и собственно маклашеевских). Предполагать в качестве местного компонента антропологический тип неолитического населения лесной полосы Восточной Европы можно, но только в качестве его европеоидного варианта. Действительно, по результатам межгруппового анализа сборная серия неолита по своим морфологическим характеристикам (широкое и низкое лицо в сочетании с сильно выступающим носом) стоит несколько особняком среди всех остальных групп (рис. 1, 2). Во-вторых, генетическая связь населения (или его части) Нижнего Прикамья в маклашеевское время с зауральскими и западносибирскими группами находит в какой-то мере подтверждение и в археологических материалах. Так, по мнению А.А. Чижевского, наиболее близкими аналогиями маклашеевским длинным курганам являются овалы (длинные) курганы ирменской культуры, в которых погребали умерших в 1–2 ряда; также интересно, что вторым типом курганных насыпей ирменской культуры были небольшие круглые курганы, встречающиеся и на маклашеевских могильниках (2008. С. 20).

Таким образом, новые палеоантропологические материалы в совокупности с предыдущими данными отражают сложный и неоднородный антропологический состав населения Волго-Камья финала позднего бронзового и раннего железного веков. В основе этой неоднородности лежат метисационные процессы различных групп населения, имеющих, на мой взгляд, разные генетические истоки. Смешение (механическое и биологическое) могло происходить как на территории Среднего Поволжья и Приуралья, так и за их пределами.

Литература

Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР // КСИЭ. 1953. Вып. 18.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Алексеев В.П. К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. 1980. № 3.

Алексеева Т.И. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы: (Сравнительный антропологический аспект) // Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология Сахтышских стоянок). М., 1997.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993.

Газимзянов И.Р. Новые антропологические материалы из Луговского могильника ананьинского времени // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М., 2003.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ, нов. серия. 1948. Т. 4.

Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. // СЭ. 1961. № 6.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы эпохи неолита с территории Русской равнины // Антропология и история культуры. М., 1993.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: МНК «75 лет со дня рождения В.Ф.Генинга». Ижевск, 2000.

Кузьминых С.В. Финал бронзового и ранний железный век севера Европейской России // II Се-

верный Археологический Конгресс: Доклады. Екатеринбург, 2006.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007 (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 4).

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988.

Рудь Н.М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Трофимова Т.А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры // УЗ МГУ. 1941. Вып. 63.

Трофимова Т.А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры // МИА. 1954. № 42.

Трофимова Т.А. Еще раз о черепах из Луговского могильника // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика черкаскульской культуры и вопросы ее расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: АКД. М., 1998.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 5. Казань, 2008.

Легенда к рис.1, 2

Краниологические серии, используемые при межгрупповом анализе материалов эпох неолита, поздней бронзы и раннего железа с территории Восточной Европы и Западной Сибири:

1 – маклашеевская культура (сборная) (Дебец, 1948; Акимова, 1968; Алексеев, 1980; Газимзянов, 2009);

2 – раннее ананьино (сборная) (Трофимова, 1954; Акимова, 1968; Алексеев, 1980; Ефимова, 1991; Газимзянов, 2009);

3 – «классическое» ананьино (сборная) (Трофимова, 1941, 1968; Акимова, 1968; Газимзянов, 2009).

4 – Мурзихинский II могильник (Газимзянов, 2009);

5 – Измерский VII могильник (Газимзянов, 2009);

6 – Луговской могильник (Трофимова, 1941; 1968);

7 – Луговской могильник (Газимзянов, 2003);

8 – еловская культура (сборная) (Дремов, 1990, 1997);

9 – черкаскульская культура (сборная) (Акимова, 1968; Шевченко, 1980; Рудь, 1981; Дремов, 1997);

10 – ирменская культура – Кузнецкая котловина (сборная) (Бобров и др., 1993);

11 – ирменская культура – Верхнее Приобье (сборная) (Дремов, 1997);

12 – ирменская культура – Томское Приобье (сборная) (Дремов, 1997);

13 – ирменская культура – Бараба (сборная) (Молодин, Чикишева, 1988);

14 – неолит лесной полосы Восточной Европы (сборная) (Акимова, 1953; Ефимова, Кондукторова, 1993; Алексеева, 1997);

15 – срубная культура раннего этапа – лесостепь и степь Волго-Уралья (сборная) (Хохлов, 1998);

16 – срубная культура развитого этапа – лесостепь и степь Волго-Уралья (сборная) (Хохлов, 1998);

17 – савроматская археологическая культура (сборная) (Балабанова, 2000).

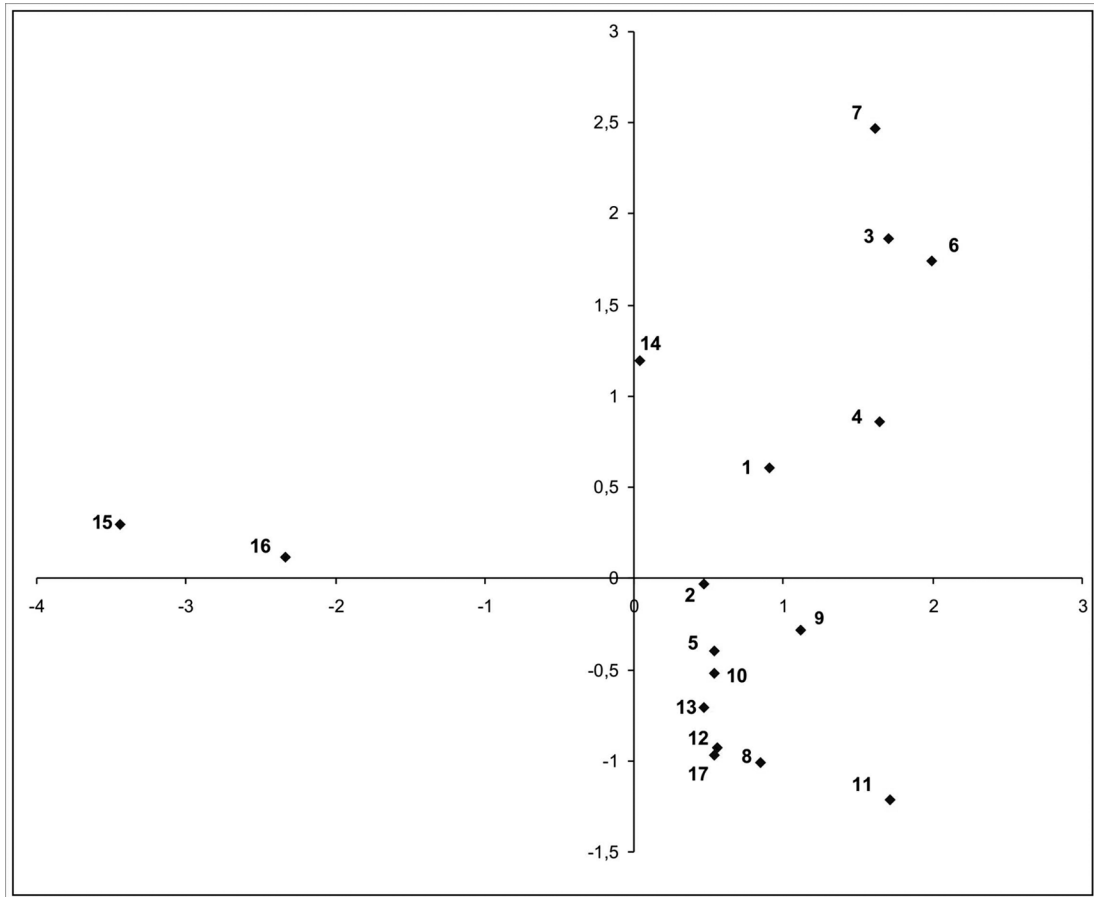

Рис.1. Положение мужских краниологических серий эпох неолита, поздней бронзы и раннего железа с территории Восточной Европы и Западной Сибири в пространстве первых двух канонических векторов

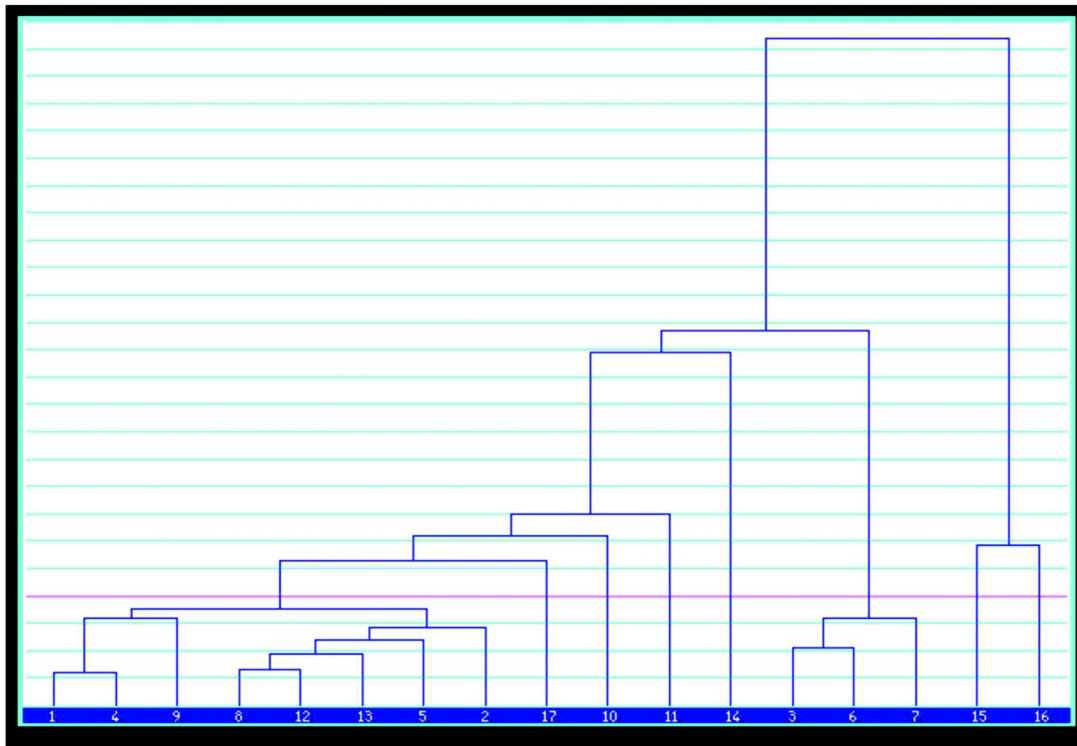

Рис.2. Дендрограмма кластерного анализа по обобщенным расстояниям Махаланобиса (D^2) мужских краниологических серий эпох неолита, поздней бронзы и раннего железа с территории Восточной Европы и Западной Сибири

Н.Н.Терехова, Л.С.Розанова

Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий)*

История финно-угорских племен на начальных этапах раннего железного века документируется археологическими материалами, относящимися к ананьинской культурно-исторической общности. Эта общность занимала огромную территорию Северо-Восточной части Восточной Европы – от Среднего Поволжья на юге до бассейна Вычегды на севере. Со времени открытия в 1856 г. Ананьинского могильника, давшего название целой археологической культуре, интерес к ее древностям не ослабевает. Несмотря на более чем полуторавековой период работы нескольких поколений археологов, многие вопросы истории ананьинских племен еще ждут своего решения. Целый ряд проблем, даже таких принципиальных, как происхождение культуры, хронология отдельных памятников, носят дискуссионный характер, что нашло отражение в многочисленных публикациях.

Одной из наиболее ярких особенностей ананьинской культуры является наличие в памятниках разнообразного металлического инвентаря, как из цветного, так и из черного металлов. Внимание специалистов первоначально привлек цветной металл (Черных, 1962; 1970; Кузьминых, 1983). Спектрально-аналитические исследования изделий позволили выделить основные химические и металлургические группы меди и бронз, определить районы их концентрации, наметить очаги цветной металлургии и металлообработки в Волго-Камском бассейне.

Особый интерес представляют изделия из черного металла, поскольку их появление в финно-угорской среде связано именно с ананьинскими памятниками. Типологические ряды железных предметов из памятников Волго-Камья подробно разработаны А.Х. Халиковым (1977) и В.С. Патрушевым (1984). Показано, что большинство типов имеет аналогии среди кавказских железных изделий киммерийской и скифской эпох. Эти аналогии являются наглядным отражением интенсивных связей ананьинского населения с южным миром.

Актуален вопрос о характере связей – попадали ли первые железные вещи в результате торгового обмена, изготавливались ли они на месте в подражание импортным образцам или проникали на север вместе с их носителями.

Использование методов металлографии при исследовании железных изделий из памятников ананьинской культуры позволяет решить многие вопросы, связанные как с технологией их изготовления, так и с чисто историческими проблемами.

Древнейшие изделия из черного металла появляются у ананьинских племен на Средней Волге в конце VIII–VII в. до н.э. Уже в это время они представлены большим количеством, имеют развитые и разнообразные формы. Но самое примечательное, что они демонстрируют, как показал металлографический анализ, высокие для своего времени технологии – приемы химико-термической обработки черного металла, получение разных сортов качественной стали (средне- и высокоуглеродистой).

В Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН авторами проведено микроскопическое исследование коллекции железных предметов (252 экз.) из таких ананьинских памятников, как Старший Ахмыловский, Акозинский, Тетюшский, II Полянский, Пустоморквашинский могильники. Учтены все категории изделий (табл. 1).

Обобщение технико-технологических характеристик (табл. 2) показало абсолютное преобладание в исследованной коллекции изделий из сырцово- и цементированной стали (87,3%). Причем 41,3% от общего числа стальных составляют изделия, изготовленные из стали, полученной специально путем использования разнообразных приемов цементации: сквозной (рис. 1, 2), поверхностной двусторонней, поверхностной односторонней (рис. 3). Велика доля предметов, подвергнутых термической обработке. Причем использовался только один вид термической обработки – мягкая закалка (рис. 4).

Особенностью металла ананьинских изделий является низкое содержание фосфора. Это подтверждается результатами травления металла

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 08-06-00103).

Таблица 1

**Распределение по памятникам категорий железных предметов,
прошедших металлографическое исследование**

Категории	Могильники					Всего
	Старший Ахмыловский	Акозинский	Тетюшский	II Полянский	Пустоморквашинский	
ножи	83	12			3	98
наконечники копий и дротиков	59	6	5	2	4	76
наконечники стрел	1	5				6
проушные топоры	10	2			6	18
кинжалы	8		1	1	1	11
стилеты	1	2				3
конское снаряжение	11	6				17
«мотыгообразные орудия»	9		1			10
шилья	2					2
шейные гривны	3					3
пластинчатые височные кольца	5	2				7
браслет	1					1
Всего	193	35	7	3	14	252

Таблица 2

**Технологическая характеристика кузнечных изделий
из ананьинских памятников VIII–VII вв. до н.э.**

Категория	Распределение изделий по технологическим схемам				Всего	% термообработанных
	целиком из железа	целиком из сырцово-й стали	целиком из цементированной стали	пакетирование		
ножи	7	45/8	42/23	4	98/31	34,1
наконечники копий и дротиков	4	49/2	21/12	2	76/14	19,4
наконечники стрел		2	4/3		6/3	50,0
проушные топоры	2	7/3	8/6	1/1	18/10	62,5
кинжалы	1	3	7/4		11/4	40,0
стилеты		2/1	1		3/1	33,3
предметы конского снаряжения	1	12/7	3/3	1/1	17/11	68,8
«мотыгообразные орудия»	3	4		3	10	
шилья	1		1		2	
шейные гривны	1		2/1		3/1	33,3
пластинчатые височные кольца	1	5/1	2/2		8/3	42,9
Всего	21	129/22	91/54	11/2	252/78	33,8
%%	8,3	51,2	36,1	4,4	100	

% термически обработанных изделий вычислялся без учета железных предметов.

Таблица 3

**Технологическая характеристика кузнечных изделий VIII–VI вв. до н.э.
из памятников Волго-Камья, Кавказа и Скифии**

Регион	Распределение изделий по технологическим схемам				Всего	Термо-обработано
	целиком из железа	целиком из сырцово-й стали	целиком из цементированной стали	пакетирование		
Волго-Камье	21	129	91	11	252	78
Северный Кавказ	6	39	59	14	118	35
Центральный Кавказ (северный склон)	4	22	34	2	62	16
Центральный Кавказ (южный склон)	5	14	10		29	9
Западное Закавказье	4	23	20	1	48	9
Лесостепное и степное Поднепровье	11	26	19	19	75	

специальными реактивами (Стэда, Оберхоффера). Об этом же косвенным образом могут свидетельствовать и некоторые микроструктурные показатели, такие как низкая микротвердость феррита, присутствие соединений железа с азотом (нитриды железа).

По мнению польского исследователя-металловеда Е. Пясковского, существует корреляция между содержанием фосфора в сырцудутном железе и типом используемой руды (Piaskowski 1963; 1984). Низкофосфористые железные изделия исследователь связывает с металлом, полученным из гематитовых руд.

Не исключено, что для изготовления железных предметов из раннеананьинских памятников также использовались руды типа гематита.

Приведенные выше технологические характеристики раннеананьинских изделий из черного металла свидетельствуют о том, что они являются продукцией развитого железообрабатывающего ремесла с устойчивыми производственными традициями.

Все исследователи ананьинских древностей обращали внимание на сходство форм железных изделий из ананьинских и кавказских памятников. По поводу появления изделий кавказского типа в ананьинской среде существуют различные мнения. Некоторые исследователи считали, что вещи попадали с Кавказа на территорию Волго-Камья в результате торгового обмена (Збруева, 1952; Крупнов, 1960). Другие рассматривают отдельные железные изделия как продукцию местного производства (Халиков, 1977; Патрушев, 1984). С.В. Кузьминых допускает, что наряду с импортом с Кавказа часть изделий изготавливалась местными мастерами по привозным образцам (1983). Наконец, Н.Л. Членова, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский связывают попадание в Волго-Камский регион изде-

лий кавказского типа с приходом их носителей (Членова, 1988; Погребова, Раевский, 1992).

Данные, полученные нами на основании представительной серии металлографических анализов из памятников Волго-Камья, дают возможность провести сравнительный технико-технологический анализ с материалами синхронных памятников Кавказа и другого региона Восточной Европы – лесостепного и степного Поднепровья, где также рано появляются изделия из черного металла.

В настоящее время накоплен достаточно обширный аналитический материал из памятников раннего железного века с Северного Кавказа, Центрального Кавказа, Закавказья, с территории Скифии (Терехова и др., 1997) (табл. 3).

При сравнении обобщенных технологических характеристик ананьинских изделий с характеристиками изделий из различных регионов Кавказа хорошо выявляется принципиальное сходство по следующим параметрам: материал, соотношение технологических схем, использование определенных приемов термообработки (мягкая закалка).

Подделочным материалом как для кавказских изделий, так и для ананьинских служили железо, сырцовая сталь, полученная в ходе металлургического процесса, цементированная сталь. Доля изделий, изготовленных целиком из железа, невелика как в кавказских, так и в ананьинских материалах (соответственно 5,1 и 8,3%). Значительный процент приходится на изделия из сырцовой стали (33–47,9% на Кавказе, 51,2% – на Средней Волге), а также цементированной стали (39,4–54,8% – на Кавказе, 36,1% – на Средней Волге). В большинстве случаев исходное сырье – железо и сырцовая сталь – имеет низкие показатели микротвердости феррита (110–143 кг/мм²), в феррите фиксируются включения нитридов железа.

При сравнении технологических характеристик ананьинских железных изделий с данными металлографических исследований кузнечного инвентаря с территории Скифии выявляются определенные различия, свидетельствующие о разных производственных традициях.

Хотя на территории Скифии также широко использовалась сырцовая и цементированная сталь, доля железных изделий выше (14,7%), чем в кавказских и ананьинских материалах. Еще более четким разграничительным показателем в материалах Кавказа и Средней Волги, с одной стороны, и степного и лесостепного Поднепровья, – с другой, является отсутствие приемов термообработки на территории Скифии.

По данным И.Б. Шрамко, исследовавшей значительное количество железных предметов лесостепной Скифии, технику закалки скифские мастера начинают использовать лишь в V–IV вв. до н.э., причем применяется только твердая закалка (1994. С. 54). Отметим, что данное наблюдение подтверждается и материалами из памятников скифского круга: на поселениях Курского Посеймья VI–V вв. до н.э. термическая обработка и только в виде твердой закалки фиксируется крайне редко (обнаружена на трех предметах из 100 исследованных) (Розанова, Терехова, 1988. С. 30–36).

Сопоставление технологических характеристик железных изделий из трех историко-географических регионов дает право говорить о том, что кавказские изделия и большинство ананьинских выполнены в единой производственной традиции. Истоки ее складываются в Закавказье еще во второй половине II тысячелетия до н.э., о чем можно судить по материалам с территории Грузии (Бешташени, Самтавро, Удэ) (Абрамишвили, 1961; Тавадзе и др., 1977).

Заметим, что металл, из которого откованы и кавказские, и ананьинские изделия, имеет близкие химические характеристики – это низкофосфористое железо, получаемое из низкофосфористых руд типа гематита. Подобные руды очень рано начинают разрабатываться в некоторых местах на Кавказе. Например, в Восточной Грузии у с. Квемо Болниси в одной из ранних железоплавильных мастерских (конец II тыс. до н.э.) обнаружено нескольких сот килограммов гематитовой руды, месторождение которой находилось в этом же районе (Гзелишвили, 1964. С. 33). По данным грузинских исследователей, большинство изделий из Восточной Грузии не содержит заметных примесей фосфора (Тавадзе и др., 1977. Табл. 1).

Помимо изделий, выполненных с использованием высоких технологий, среди ананьинских материалов выявлен ряд изделий, которые от-

личаются простотой технологических решений в сочетании с неоправданно сложной конструктивной техникой. В этой связи хотелось бы обратить внимание на такую категорию железных изделий, как наконечники копий типа I (по А.Х. Халикову и В.С. Патрушеву) из ананьинских погребальных комплексов. Оба исследователя предполагают их местное развитие на основе местных же бронзовых прототипов. К этому типу они относят наконечники с продолжением втулки по центральной оси пера, считая, что на всем своем протяжении она была полой. Проведенное нами металлографическое исследование с отбором образцов с полного поперечного сечения пера показало, что конструкция была иной. Наконечники копий были изготовлены с помощью кузнечной сварки нескольких конструктивных деталей: основу пера составляла раскованная пластина соответствующей формы, на которую с двух сторон были наварены ребра жесткости, имитирующие продолжение втулки (рис. 5, 6). Конструктивная сварка не была качественно выполнена: в ряде случаев хорошо видно, как по сварному шву раскололись основа пера и ребра жесткости.

Конструктивная схема этих наконечников сложна, трудоемка, и ее применение находит объяснение лишь в попытке местных мастеров воспроизвести привычные бронзовые образцы, распространенные в ананьинской среде.

Конструктивные особенности наконечников копий указанного типа – способы соединения основы пера с ребрами жесткости и втулкой – выделяют их в оригинальную группу, не имеющую аналогий в других регионах. Есть все основания относить их к продукции местных мастеров. С технологической точки зрения наконечники копий типа I изготовлены в простых технологических схемах: целиком из железа или неравномерно науглероженной стали. Приемы цементации и термообработки не зафиксированы, то есть использовался обычный металлургический артефакт. В то же время приемы изготовления пера очень трудоемки. Этому факту можно найти следующее объяснение. Обычно кузнецы по черному металлу при изготовлении изделий сложного профиля используют специализированный инструментарий (например, обжимки, матрицы и т.д.). Местные мастера, по-видимому, не располагали подобными приспособлениями. Понятно, что в бронзолитейном производстве любая сложная форма наконечника копья достигалась отливкой. Пытаясь повторить привычную форму изделия в новом металле без специального инструментария, мастера по черному металлу вынуждены были прибегать к трудоемким конструктивным решениям.

Еще одна группа изделий местных форм, изготовленных в черном металле, появляется в ананьинской среде в VI в. до н.э. Исследователи называют их по-разному: А.Х. Халиков – мотыгообразными орудиями (1977. С. 137–138), В.С. Патрушев – пешнями (1984. С. 101). По форме всех их объединяет наличие вертикальной втулки и трапециевидного лезвия. Проведенное нами микроскопическое исследование этих изделий показало, что при их изготовлении использованы простые технологии: они откованы либо целиком из железа, либо из сырцово-стали, либо из пакетированной заготовки, сваренной из этих же металлов.

Итак, большинство изделий, как было отмечено, изготовлено с использованием высоких для ранних этапов развития железообрабатывающего производства технологий, таких как искусственное получение стали и термическая обработка. И типологические, и технологические характеристики таких изделий имеют аналогии в кавказских древностях. Ряд же изделий имеет местную форму и простую технологию. Но при этом и в том и другом случае использовалось металлургическое сырье одного вида – низкофосфористое железо.

Из полученных данных следует: либо с Кавказа поступали не только вещи, но и сырьевой полуфабрикат, либо в ананьинскую среду были привнесены знания о возможности получения такого сырья. Но в этом случае логично предположить, что здесь находились ремесленники с соответствующими навыками – выходцы с Кавказа.

Кавказские мастера, владевшие навыками получения и обработки черных металлов, могли попасть сюда во время походов на Среднюю Волгу киммерийцев или ранних скифов с Северного Кавказа (Членова, 1988. С. 3–5). Доказательством того, что с Кавказа на Среднюю Волгу попадали не только вещи, но приходили и люди, являются, как показала Н.Л. Членова, надгробные памятники (новомордовские стелы), на которых изображено типичное северокавказское оружие (Там же. С. 5). Со временем местные мастера перенимают приемы пластической обработки черного металла и начинают создавать новые формы железных изделий, отвечающие требованиям местных условий. Однако такие высокие для своего времени технологии как искусственное получение стали путем цементации и приемы ее термообработки – одно из главных открытий в области железообрабатывающего производства – относились, безусловно, к производственным секретам, которые строго охранялись и не могли быть переданы в чужую этнокультурную среду.

Литература

Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // Вестник Государственного музея Грузии. Т. XXII-13. Тбилиси, 1961.

Гзелишвили И.А. Железоплавильное производство в древней Грузии. Тбилиси, 1964.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Технологическая характеристика железных изделий из памятников Курского Посеймья // КСИА. 1988. Вып. 194.

Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Абесадзе Ц.Н., Двали Т.А. К истории железного производства в древней Грузии // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Т. 2. Тбилиси, 1977.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Черных Е.Н. Спектральное исследование цветного металла Аозинского могильника // ТМАЭ. 1962. Т. II.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172.

Членова Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1988. Вып. 194.

Шрамко И.Б. Развитие кузнечного ремесла у племен бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1994.

Piaskowski J. Cechy charakterystyczne wyrobów żelaznych produkowanych przez starożytnych hutników w Gorach Świętokrzyskich w okresie wpływów rzymskich (I–IV w. n.e.) // Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa. №. VI. Wrocław, 1963.

Piaskowski J. Koncepcja starożytnego żelaza «świętokrzyskiego» w swięte nowych badan // Studia i materiały z dziejów nauki Polskie. Seria D. Warszawa, 1984. Z. 10.

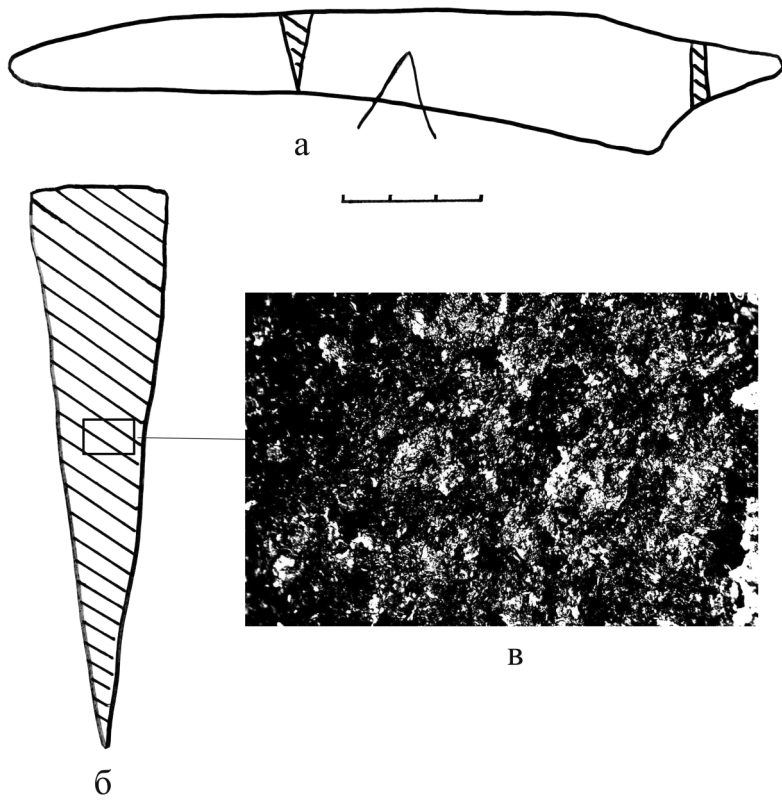

Рис.1. Ст. Ахмыловский могильник, п. 743. Ан. 1089: а – нож, VI в. до н.э.; б – технологическая схема изготовления – целиком из стали с последующей мягкой закалкой; в – фотография микроструктуры – сорбит, ув.70

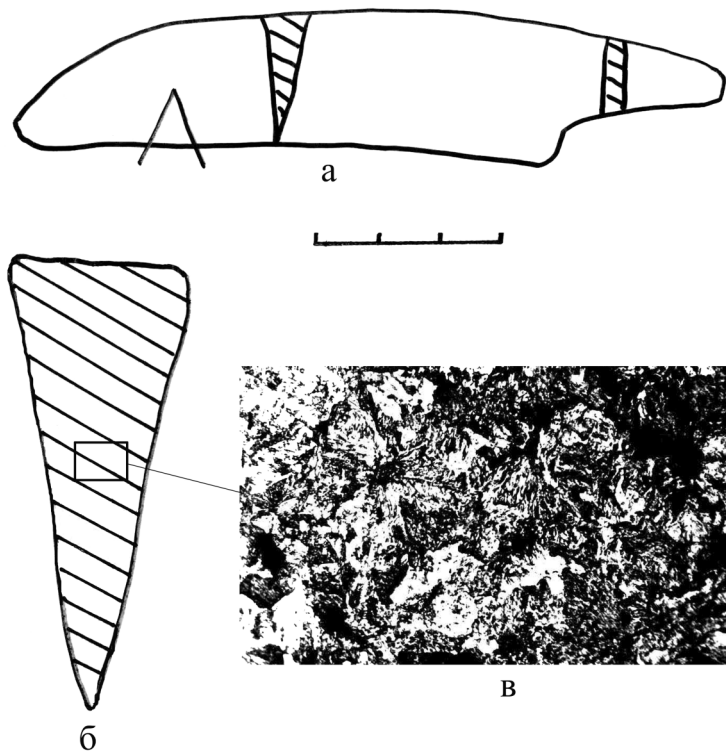

Рис.2. Ст. Ахмыловский могильник, п. 766. Ан. 1139: а – нож, VII в. до н.э.; б – технологическая схема изготовления – целиком из стали с последующей мягкой закалкой; в – фотография микроструктуры – сорбит, ув. 70

Рис.3. Ст. Ахмыловский могильник, п. 336. Ан. 1112: а – кинжал, VI в. до н.э.; б – технологическая схема изготовления – из железной заготовки с последующей односторонней цементацией; в – фотография микроструктуры – феррит с перлитом, ув. 70

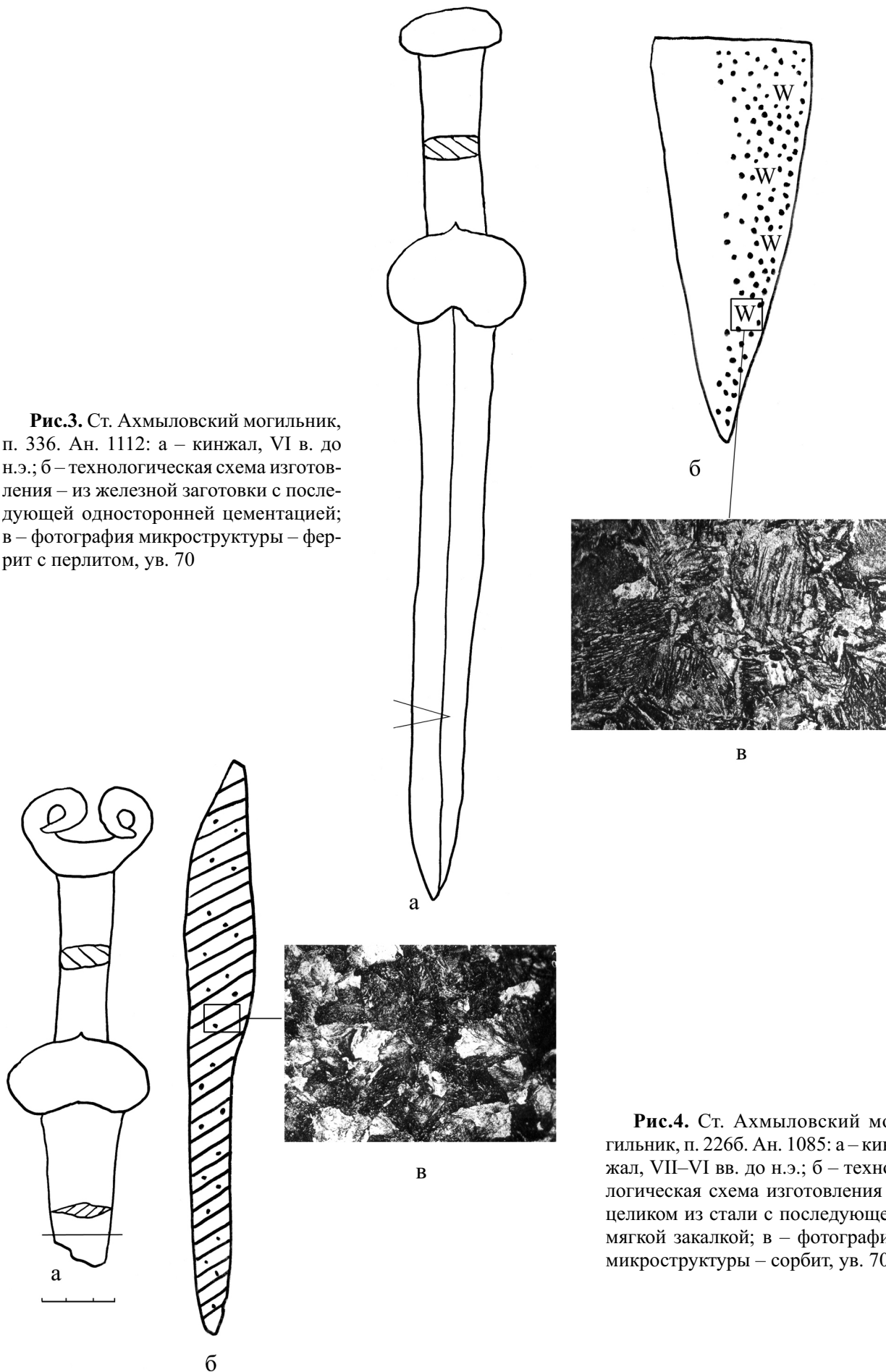

Рис.4. Ст. Ахмыловский могильник, п. 226б. Ан. 1085: а – кинжал, VII–VI вв. до н.э.; б – технологическая схема изготовления – целиком из стали с последующей мягкой закалкой; в – фотография микроструктуры – сорбит, ув. 70

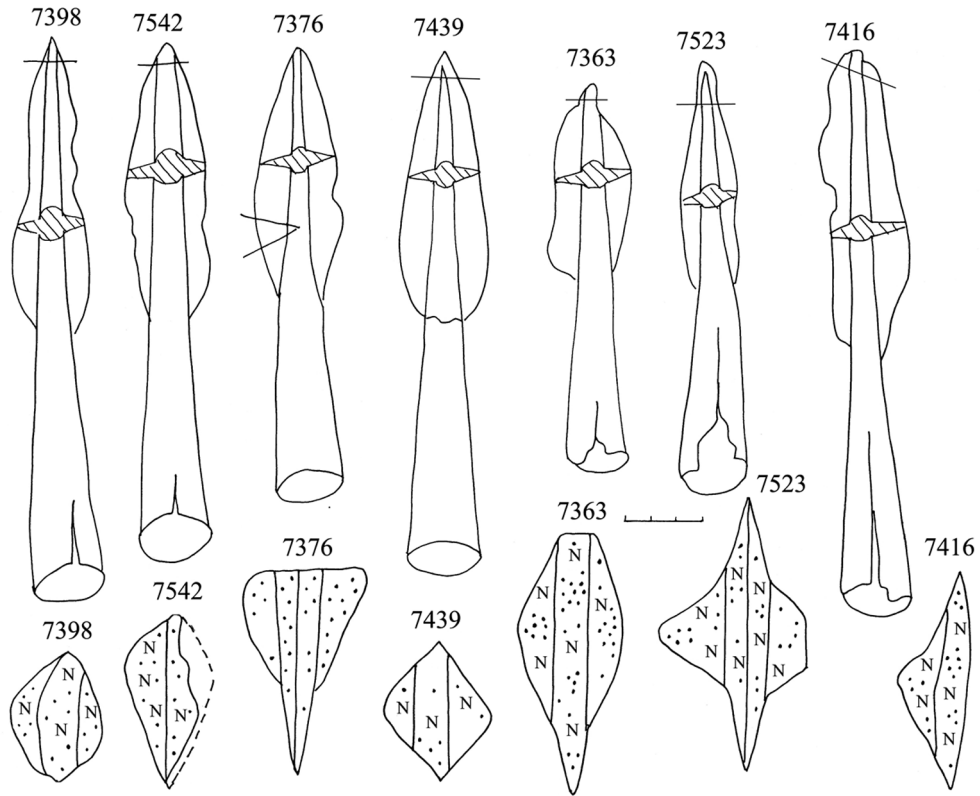

Рис.5. Наконечники копий типа I из средневожских ананьинских памятников (цифры соответствуют номерам анализа)

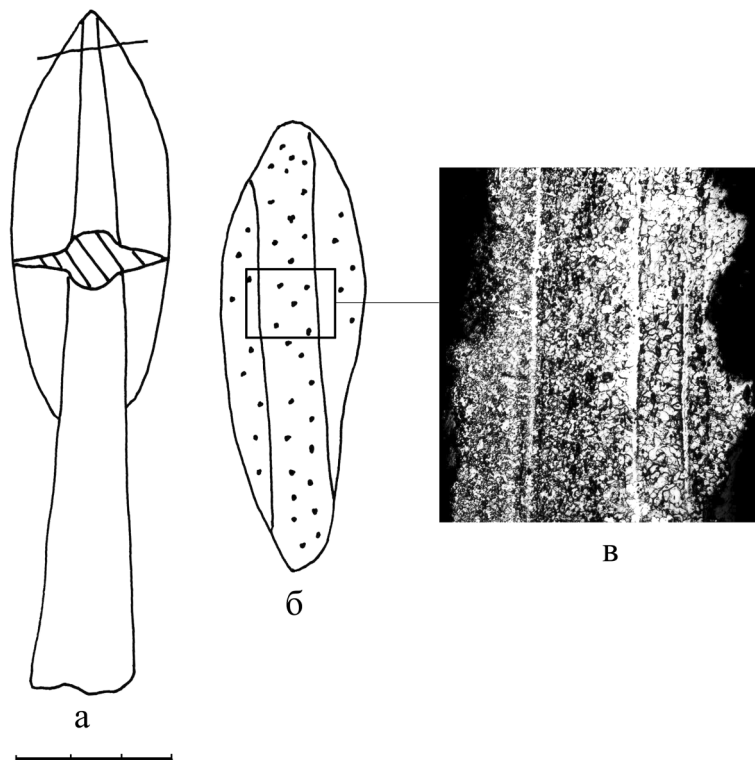

Рис.6. Ст. Ахмыловский могильник, п. 247. Ан. 1103: а – наконечник копья типа I, VI в. до н.э.; б – технологическая схема изготовления – сварка; в – фотография микроструктуры – феррит с перлитом, сварочные швы, ув. 70

О.А.Лопатина

Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков (на примере дяковской керамики)

Статья посвящена проблеме происхождения «текстильных» отпечатков на поверхности дяковской керамики и нацелена на выяснение тех *технологических операций*, в результате которых они появлялись. Так называемая «текстильная» керамика является одним из важнейших культурно-хронологических индикаторов как для Дяковской культуры, так и для целого ряда древних культур. Нет необходимости еще раз подчеркивать актуальность вопросов, связанных с ее изучением.

Обозначенная проблема давно и активно обсуждается в научной литературе. Исследование «текстильных» отпечатков на дяковской керамике использовалось для решения различных проблем. Они рассматривались как источник для реконструкции древнего прядения и ткачества (Брюсов, 1950; Чернай, 1981; 1993.). На основе сопоставлений разных видов отпечатков решались вопросы о культурных взаимодействиях и о хронологических закономерностях (Фоломеев, 1975; Смирнов, 1991; Сыроватко, 2000). Как правило, «текстильные» отпечатки изучались с точки зрения их морфологии, были предложены варианты их классификации (Фоломеев, 1998; Чернай, 1981). Рассматривались «текстильные» отпечатки и с точки зрения изучения приемов древнего гончарства – конструирования в емкости (Городцов, 1922), декорирования (Семенов, 1955), декорирования с помощью выбивания (Арзютов, 1926). Однако это носило выборочный характер, исследовалась сама возможность связи «текстильных» отпечатков с теми или иными технологическими приемами. Наиболее подробным на сегодняшний день исследованием по изучению технологических приемов, связанных с происхождением «текстильных» отпечатков, остается работа И.Г. Глушкова и Т.Н. Глушковой (1992), которая касается текстильной керамики Западной Сибири. Применительно же к дяковской керамике, чаще всего вопрос о способах нанесения отпечатков рассматривался в литературе в русле того, какой материал оставил следы на поверхности – ткань или штампы, имитирующие ткань (например, Смирнов, 1993. С. 53; Розенфельдт, 1974. С. 151, 152; Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1963. С. 213), хотя таким образом по-

ставленный вопрос не вполне корректен – ведь сама ткань может являться штампом.

Действительно, реконструкция материала, который оставил следы в виде «текстильных» отпечатков – наиболее очевидная задача, возникающая в связи с изучением «текстильной» керамики, однако ее решение не снимает вопроса о том, в результате каких технологических операций, производимых гончарами, подобные отпечатки появлялись. Вместе с тем, именно эта последняя задача является наиболее актуальной для изучения «текстильных» отпечатков в русле историко-культурного подхода, предусматривающего выявление и учет навыков труда гончаров (Бобринский, 1999. С. 5–7). Но прежде чем перейти к анализу навыков труда, имеющих отношение к происхождению отпечатков, важно определить, **в связи с решением какой технологической задачи возникали «текстильные» отпечатки на дяковских сосудах.** В исследовательской литературе по Дяковской культуре таким образом проблема специально не ставилась.

При решении этой проблемы целесообразно исходить из общей структуры гончарного производства, предложенной А.А. Бобринским. Эта структура подразумевает десять обязательных ступеней, с помощью которых решались определенные узко технологические задачи при изготовлении керамики в рамках любых гончарных производств (1999. С. 8–11). Очевидно, что происхождение «текстильных» отпечатков может иметь отношение только к одной из четырех ступеней – **конструированию, формообразованию, обработке поверхности или декорированию.** В работе ставилась задача выяснить, при решении какой из этих четырех узко технологических задач появлялись «текстильные» отпечатки на исследованной дяковской керамике.

В соответствии с решением этой задачи строилась система наблюдений, которая была ориентирована на то, чтобы попытаться установить связь «текстильных» отпечатков со следами, которые могли бы указывать на конкретные технологические операции, связанные с конструированием, формообразованием, обработкой поверхности, декорированием. Здесь

были важны не только морфологические особенности самих «текстильных» отпечатков, которые касались места их расположения на сосуде, наклона, степени рельефности, наложений, плотности расположения и т.д., но и другие технологические особенности, которые не имеют прямого отношения к текстильным отпечаткам, а касаются, например, деталей конструирования.

В ходе исследования проводился эксперимент по: 1) изготовлению сосудов в рельефной форме-емкости; 2) формообразованию сосудов с помощью рельефной колотушки; 3) обработке поверхности рельефной колотушкой и с помощью прокатывания.

Источники. Источником для изучения отпечатков послужила керамика из коллекций нескольких городищ Дьяковской культуры бассейна Москвы-реки (Боровский курган, Барвихинское, Кузнечики, Настасьино) и каширских городищ Среднего Поочья (Мутёнковское, Старшее Каширское). Следует отметить, что далеко не все фрагменты «текстильной» керамики несут отпечатки, пригодные для определений, т.е., одиночные отпечатки, не нарушенные наложением друг на друга. Поэтому использованы только те фрагменты, которые содержали явные указания на ту или иную технологическую операцию.

«Текстильные» отпечатки на керамике дьяковской культуры обычно расположены только на внешней поверхности сосуда и очень редко на внутренней. В последнем случае они наблюдаются в виде узкой полосы на внутренней поверхности отогнутого наружу венчика, либо на внутренней поверхности днища, но никогда на внутренней поверхности стенок. Плотность расположения отпечатков бывает различной – она может различаться не только на разных сосудах, но и на одном и том же сосуде. Как правило, отпечатки покрывают всю внешнюю поверхность от края венчика до днища. В основном, отпечатки на поверхности сосудов расположены не хаотично, а в определенном направлении, с наклоном влево от вертикальной оси.

Из всего многообразия «текстильных» отпечатков считаю целесообразным различать две самые общие группы – ниточных (Рис. 1, 1) и рябчатых (Рис. 1, 2), которые впервые начал широко использовать Б.А.Фоломеев (1975). Первые – в виде отпечатков витых нитей, вторые – в форме тонких, слегка дуговидных или овальных чечек (Кренке, Лопатина, 2008. Рис. 11).

Конструирование. Можно допустить, что «текстильные» отпечатки на внешней поверхности дьяковских сосудов связаны с конструированием в формах-емкостях. Такие предположения высказывались ранее в исследователь-

ской литературе (Городцов, 1922). В случае конструирования сосуда в форме-емкости «текстильные» отпечатки связаны либо с отпечатыванием рельефной прокладки между твердой формой-емкостью и сосудом, либо с отпечатками самой формы-емкости с рельефной поверхностью.

Выявить особенности следов указывающих на изготовление сосудов в формах-емкостях позволяет экспериментальное моделирование. Основываясь на данных эксперимента, А.А. Бобринский приводил диагностические признаки форм-емкостей в связи с керамикой железного века, в том числе дьяковской (1978. С. 196–198). Это: 1) следы складок от стягивания формы, на придонных боковых участках и под венчиком, а также отпечатки формы на поверхности складок (1978. С. 193–198); 2) следы бечевки в виде пунктирной линии, если мягкая форма-емкость была стянута сверху или снизу бечевкой (1978. С. 196–198).

Действительно, следы бечевки (в виде довольно грубых неровных отпечатков часто не перевитой бечевки) были неоднократно отмечены под венчиком ряда дьяковских сосудов, в том числе «текстильных» (Рис. 3, 2б). Однако эти следы не были пунктирными, как в экспериментальных сосудах, приведенных А.А. Бобринским (Рис. 3, 1), а являлись непрерывными и часто заканчивались отпечатками узлов. Т.е. наблюдаемые нами следы не имеют отношения к стягиванию формы-емкости, а возникли в связи с обвязыванием самого сосуда. Такая технологическая операция могла производиться для фиксации сосуда, чтобы он не деформировался под своей тяжестью. Неслучайно подобные отпечатки зачастую отмечены на крупных сосудах.

Отмеченные на просмотренном материале волнообразные следы в верхних частях сосудов не являются складками глины и не связаны со стягиванием рельефной формы-емкости. Они образовались в результате пальцевых вдавлений при формовке венчика и часто несут следы пальцевых линий (Рис. 3, 2а). Подобные следы возникали при налепной технологии в процессе изготовления сосуда на плоскости.

Перечисленные особенности, приведенные А.А. Бобринским, которые можно было бы уверенно связать с конструированием сосудов в емкости, в исследованной керамике не были отмечены.

В рамках данного исследования проводились дополнительные эксперименты, направленные на выявление следов, связанных с изготовлением сосудов в форме-емкости, при этом исследовались разные способы воздействия на глину –

выбивание и выдавливание стенок внутри рельефной формы. Установлено, что при конструировании внутри формы всегда остаются следы соединений строительных элементов на внешней поверхности сосудов в виде достаточно ровных линий. Следы соединений оставались хорошо заметными при выдавливании в рельефной форме (Рис. 2, 2). При выбивании в твердой форме через рельефную прокладку, т.е. при более интенсивном воздействии на глину, следы соединений частично исчезают, но также остаются на поверхности (Рис. 2, 1).

Именно такие следы отсутствуют на дьяковской керамике, хотя следы соединений строительных элементов действительно имеются, но выглядят они по-другому. В отличие от эксперимента, они сопровождаются следами примазывания и заглаживания, имеющими неровные очертания (Рис. 2, 3). Причем «текстильные» отпечатки фиксируются поверх следов примазывания. Если бы после извлечения из формы следы соединений заглаживались, это привело бы к частичному уничтожению «текстильных» отпечатков, чего, однако, не наблюдается. Хотя надо отметить, что И.Г. Розенфельдт упоминала «заглаживание сетки перед обжигом» (1974. С. 151), однако при отсутствии фотографий и более подробного описания не ясно, о чем идет речь. Скорее всего, имеются в виду следы редких незначительных нарушений отпечатков, которые могут образовываться в процессе неаккуратного прокатывания рельефным штампом поверхности (см. ниже). Такие следы будут сильно отличаться от следов специального заглаживания швов.

Связь «текстильных» отпечатков с отпечатками тканей и плетений, из которых могли быть изготовлены формы, не находит достаточных подтверждений. В этом убеждают наблюдения за особенностями одной из двух рассматриваемых здесь морфологических групп отпечатков – ниточных, именно тех, происхождение которых в литературе нередко связывали с тканями (Смирнов, 1993. С. 53; Розенфельдт, 1974. С. 151). Ниже приведены эти наблюдения.

1. Часто наблюдались фрагменты керамики, на которых продольные отпечатки отдельных нитей расположены не вплотную друг к другу, а с отступом, причем пространство между ними оставалось незаполненным другими отпечатками, т.о. система соединений отдельных нитей в полотно, которая указывала бы на плетение, не прослеживается. Следы поперечных нитей (нитей утка), обязательно присутствующих в тканях, также не отмечены (Рис. 6).

2. Плотное расположение ниточных отпечатков на поверхности сосудов может ошибочно

быть принято за следы тканей или плетений. Вначале следует установить, не является ли плотное расположение отпечатков следствием их наложения друг на друга. В этом случае любые реконструкции, основанные на учете взаиморасположения элементов отпечатка (например, расположение элементов «по порядку узлов сетки с ячейкой в форме параллелограмма» (Черная, 1993. С. 36), будут ошибочными. Вместе с тем, действительно, отпечаток материала, сплетенный по схеме, изображенной на рис. 4, 1, на первый взгляд, похож на плотные ниточные отпечатки на дьяковской керамике. Однако, это сходство лишь поверхностное. В сплетенном по такой схеме материале отчетливо прослеживаются регулярные горизонтальные ряды витков (Рис. 4, 2), которые отсутствуют в отпечатках на керамике.

3. В пользу использования отдельных нитей, а не плетеных материалов, говорит также сочетание на одном сосуде плотно прилегающих друг к другу и разреженных отпечатков нитей. Как правило, плетеные материалы, а тем более ткани, имеют регулярную плотность переплетений.

4. Дуговидные или непараллельные следы отдельных нитей (Рис. 6), возникающие в связи с разным их натяжением, легко объяснимо в случае использования гончарами инструмента, обмотанного нитями (см. ниже), но не согласуется с использованием тканей или плетений.

Таким образом, «текстильные» ниточные отпечатки на поверхности рассмотренной дьяковской керамики оставлены отдельными нитями, а не тканями или плетениями. Это является дополнительным доказательством того, что рассмотренная дьяковская керамика не производилась в плетеных формах или формах-емкостях с использованием рельефной прокладки, для изготовления которых использовались плетения или ткани. Эти данные вместе с данными об отсутствии специфических следов конструирования, которые указывали бы на изготовление сосудов в форме, не позволяют связывать возникновение «текстильных» отпечатков на поверхности дьяковских сосудов со стадией конструирования. Предварительные наблюдения показывают, что оно осуществлялось на плоскости методом скульптурной лепки. «Текстильные» отпечатки возникали уже после завершения конструирования посуды.

Формообразование. Состав навыков формообразования при скульптурной лепке сосуда на плоскости включает в себя способы 1) выбивания, 2) налепливания, 3) выдавливания (Бобринский, 1978. С. 190). Возникновение «текстильных» отпечатков при формообразовании возможно в связи с выбиванием. При этом «тек-

стильные» отпечатки могли быть следствием выбивания внешней поверхности гладкой колотушкой через рельефную прокладку либо воздействия на стенки сосуда непосредственно рельефной колотушкой. Рельеф на колотушке мог быть получен в результате резьбы или наматывания нитей или каких-либо иных материалов на инструмент.

Подтверждается ли такое допущение? Действительно, в рассматриваемой керамике встречаются следы выбивания в виде 1) плоских площадок на поверхности, 2) следов наложений отпечатков, когда предыдущие отпечатки деформируются последующими (Рис. 8). Но, скорее всего, эти следы не связаны с выбиванием с целью формообразования. Выбивание для придания сосуду определенной формы предполагает достаточно активное воздействие колотушки на поверхность сосуда, которое ведет к изменению формы сосуда. Эта процедура, скорее всего, не связана с теми единичными следами выбивания в виде плоских площадок на поверхности сосудов, которые фиксируются на дьяковской «текстильной» керамике.

Кроме того, отмечены сосуды, на поверхности которых отпечатки расположены разрежено, а участки поверхности остаются незаполненными. При этом в местах, свободных от «текстильных» отпечатков, фиксируются плоские площадки, оставленные гладкой колотушкой (Рис. 5). Сочетание следов выбивания гладкой колотушкой и «текстильных» отпечатков заставляет говорить о том, что выбивание гладкой колотушкой должно было бы предшествовать возникновению «текстильных» отпечатков.

Расположение «текстильных» отпечатков в местах наибольшего изгиба контура сосуда, под венчиком или в придонной части (Рис. 1, 2) заставляет исключить возможность ударных воздействий колотушки именно в этих местах.

Скорее всего, происхождение «текстильных» отпечатков на поверхности сосудов не связано с процессом формообразования. Они возникали уже после конструирования и придания сосуду формы.

Обработка поверхности. При обработке поверхности ««текстильные»» отпечатки могли возникнуть как в процессе выбивания, так и в результате прокатывания круглым в сечении штампом с рельефной поверхностью. Прием выбивания решает задачу не только формообразования, но и обработки поверхности сосудов. Выбивание с целью обработки поверхностей производилось для уплотнения глины, при котором улучшалось соединение строительных элементов. Технологическая функция прокатыва-

ния для обработки поверхности менее очевидна. Вместе с тем, и оно могло использоваться для некоторого выравнивания поверхности и уничтожения бугристого рельефа.

Дифференциация разных способов воздействия на поверхность сосудов, прокатывания и выбивания, является наиболее сложной задачей при визуальном изучении «текстильных» отпечатков на дьяковской керамике. Какие их особенности могут указывать на каждую из этих операций и различать их? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим *ниточные* отпечатки – наиболее понятные для интерпретаций на сегодняшний день.

Общий отличительный признак и для прокатывания, и для выбивания – наложение отпечатков, при котором происходит нарушение одних отпечатков другими. Их первоначальные очертания искажаются в большей или меньшей степени, в зависимости от интенсивности этих нарушений. Это наиболее явная особенность, хорошо различимая на «текстильных» сосудах с ниточной поверхностью (Рис. 8). Вместе с тем, она не позволяет дифференцировать выбивание и прокатывание, поскольку обе эти операции предполагают наличие подобных следов. Возможность различать признаки выбивания и прокатывания дают отдельные, не нарушенные наложением отпечатки.

Поскольку выбивание предполагает воздействие на стенки сосуда твердым плоским инструментом, отличить его позволяет наличие плоских площадок на поверхности сосудов. Однако мелкая рельефность поверхности, образованная «текстильными» отпечатками, снижает четкость очертаний таких площадок, а их связь именно с «текстильными» отпечатками не находит веских доказательств. Кроме того, как говорилось выше, на поверхности дьяковских «текстильных» сосудов встречаются следы выбивания гладкой колотушки, которые предшествовали возникновению «текстильных» отпечатков.

На выбивание могут указывать специфические очертания следов рельефной колотушки: 1) разная глубина рельефа следа, обусловленная выпуклостью стенок сосуда, – рельеф более глубокий в середине и мелкий по краям, 2) сравнительно небольшая площадь отпечатка колотушки, причем, чем заметнее изгиб контура сосуда, тем меньше площадь отпечатка колотушки и наоборот. Однако эти признаки, хорошо заметные в одиночных отпечатках на поверхности экспериментальных сосудов, довольно плохо диагностируются при плотном расположении отпечатков. «Текстильные» отпечатки с разной по глубине передачей рельефа встречаются на

дьяковской керамике постоянно, однако системы в распределении отпечатков разной глубины проследить не удастся. Неравномерность глубины рельефа могла быть не только следствием выбивания, но и неравномерного нажатия на инструмент при прокатывании.

В целом, внешние признаки выбивания на дьяковской «текстильной» керамике не так очевидны, как признаки прокатывания, которые проявляются в следующем.

1. Значительная протяженность отдельных ниточных отпечатков, которая не зависит от степени выпуклости и рельефности поверхности сосуда. Подобные следы неоднократно встречались на дьяковской керамике (Рис. 6).

2. Индивидуальные особенности признаков прокатывания зависят от разных способов наматывания нити на основу инструмента. При неравномерной намотке нити на мягкую основу с разным ее натяжением на поверхности сосуда остаются в основном непараллельные следы дуговидных очертаний, часто имеющие разную длину (Рис. 6; 7, 1). Ровно и плотно намотанная на твердую основу нить (Рис. 7, 2; 8) оставляет параллельные следы в основном прямых очертаний. Часто по отпечаткам можно фиксировать начало или конец движения инструмента.

Наблюдения показали, что большинство диагностированных «текстильных» отпечатков группы ниточных на поверхности дьяковских сосудов получены в результате прокатывания. Специфические признаки отпечатков нитей и их многообразие (дуговидные или прямые очертания, параллельность, плотность или разреженность) связаны со способами наматывания нитей на основу инструмента, а также твердости или мягкости основы инструмента. Именно прокатывание дает возможность обработки поверхности сосудов в местах сильного изгиба их профиля – под венчиком и в придонной части.

Есть основания полагать, что и не только ниточные, но и рябчатые «текстильные» отпечатки возникали в результате решения одной и той же технологической задачи – обработки поверхности сосуда в результате прокатывания. Это предположение основывается пока на наблюдениях за наклоном, ориентировкой рябчатых отпечатков, их наложением друг на друга и других признаках, имеющих с ниточными определенное сходство.

Декорирование. Воздействие инструментов с рельефной поверхностью на поверхность дьяковских сосудов прокатыванием и выбиванием было связано не только с технологической задачей обработки поверхности, но и служило для

придания сосуду определенного внешнего облика, т.е. декорирования. В целях обработки поверхности для уплотнения глины выбивание производилось обычно гладкой колотушкой. Применение же рельефной колотушки связано с решением, как минимум, двух задач: уплотнения глины и декорирования. Рельефное прокатывание не осуществляет четкой технологической функции. Как уже говорилось выше, оно могло использоваться для некоторого выравнивания поверхности и уничтожения бугристого рельефа. Вместе с тем, подобная задача обычно решалась гончарами при помощи более естественных операций, например, заглаживания.

Можно полагать, что именно с декорированием связан определенный порядок в расположении «текстильных» отпечатков на поверхности сосудов. Они расположены наклонно, причем одинаковый, обычно левый, наклон, как правило, выдерживался на поверхности всего сосуда. Правый наклон отпечатков, редко встречающийся в рассмотренной керамике, скорее всего, связан с работой левши. «Текстильные» отпечатки на поверхности некоторых сосудов расположены зонально, когда определенные участки поверхности, ограниченные по горизонтали, несут следы отпечатков с разным наклоном. Часто такие сосуды в верхней части покрыты отпечатками, ориентированными вертикально, а на тулове (от перегиба профиля) – наклонно (Рис. 1: 1), что имеет непосредственное отношение к декорированию поверхности.

Заключение. В работе проанализированы возможные варианты происхождения «текстильных» отпечатков на поверхности дьяковской керамики, связанные с различными степенями гончарного производства – конструированием, формообразованием, обработкой поверхности и декорированием. Предложены подходы для определения того, при решении какой из этих четырех технологических задач могли возникать подобные отпечатки. Источником для исследования послужила одна из морфологических групп дьяковской «текстильной» керамики – группа ниточных отпечатков. Выдвинуто предположение, что подобные «текстильные» отпечатки появлялись при обработке поверхности в основном в процессе прокатывания, а также выбивания. Эти операции несли двойную функцию: технологическую и декоративную. Можно полагать, что разные по морфологии «текстильные» отпечатки, и ниточные, и рябчатые, возникали в результате решения одной и той же недифференцированной задачи – обработки поверхности и декорирования сосуда.

Литература

Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // ТННОК. 1926. Вып. 35. Ч. 1.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара, 1999.

Брюсов А.Я. Сетчатая керамика // СА. 1950. Т. XIV

Городцов В.А. К выявлению древних технических приемов гончарного дела // КМВ. 1922. № 2.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск, 1992.

Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья: МНС. М., 2008. Вып. 4.

Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки // СА. 1963. № 1.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. 1955. Вып. 57.

Смирнов К.А. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.

Смирнов К.А. Сетчатая керамика с городища Дьяков Лоб // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993.

Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. 2000. № 4.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4.

Чернай И.Л. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993.

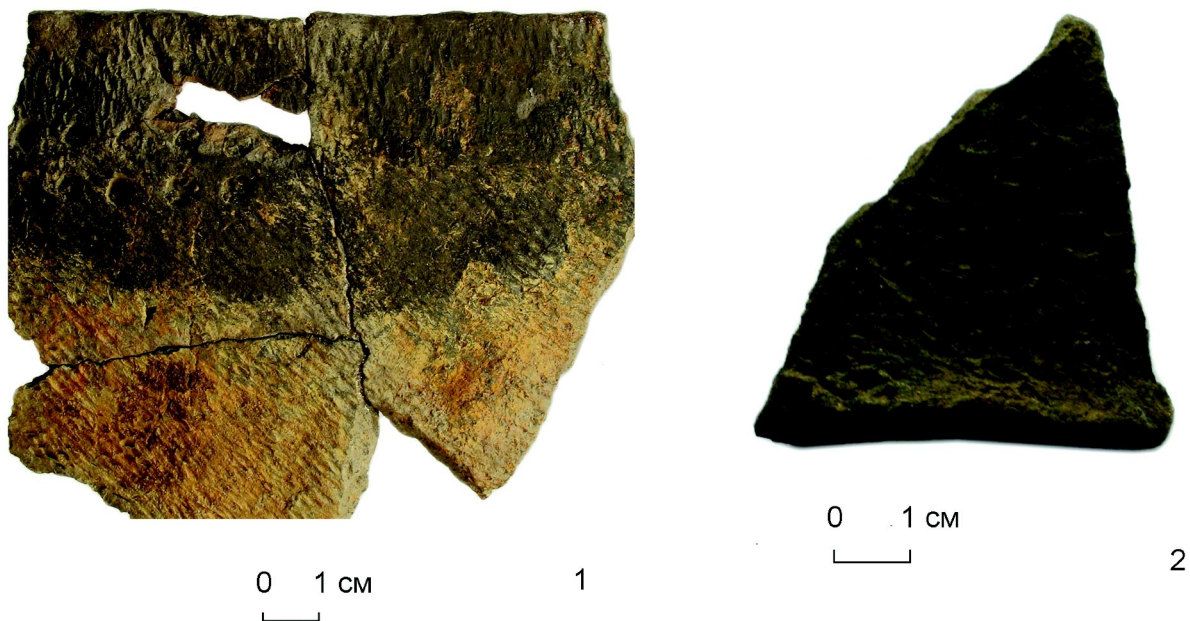

Рис.1. Разные группы «текстильных» отпечатков: 1 – ниточные (Мутенковское городище), 2 – рябчатые (Боровский курган)

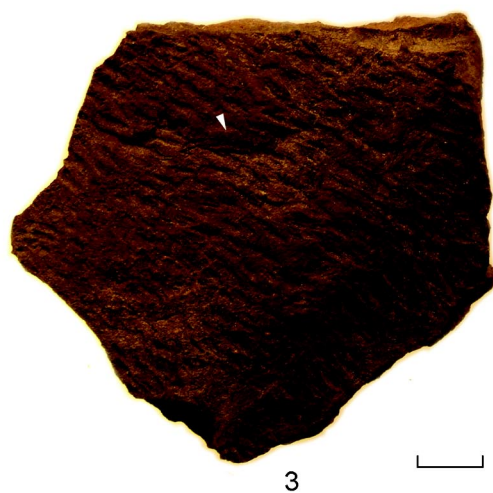

Рис.2. Следы соединений строительных элементов на внешней поверхности сосудов: 1 – выбивание внутри твердой формы-емкости отделенной рельефной прокладкой (эксперимент), 2 – выдавливание внутри плетеной емкости (эксперимент), 3 – следы примазывания строительных элементов (городище Боровский курган)

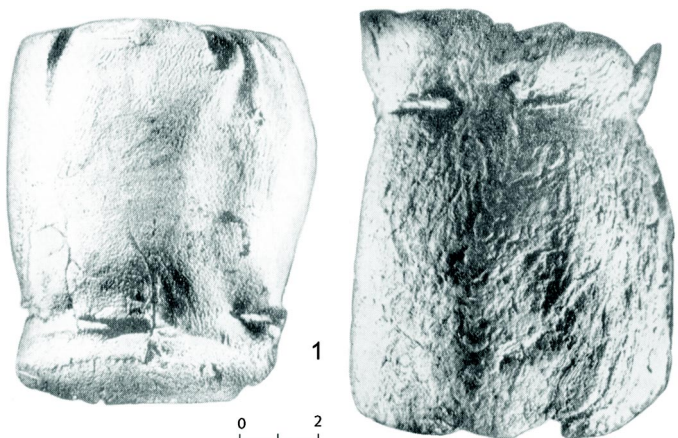
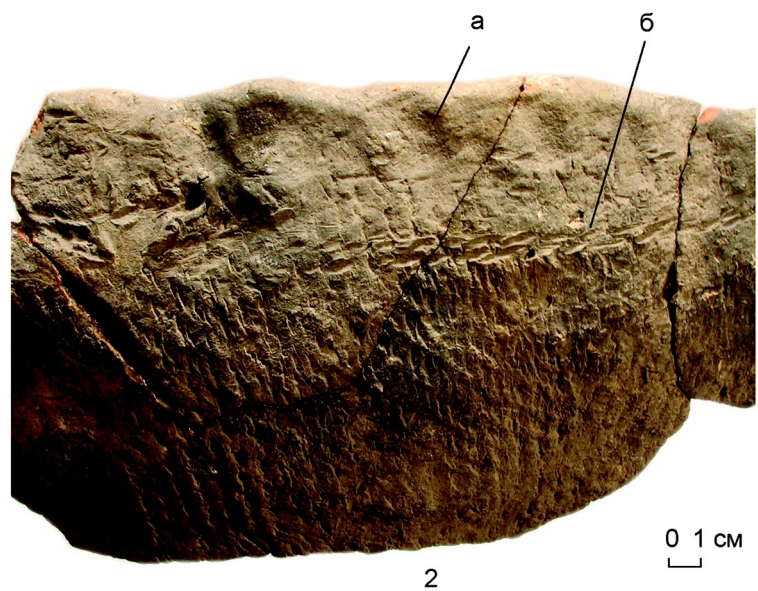

Рис.3. Следы бечевки и волнистые следы складок на поверхности сосудов: 1 – экспериментальные сосуды, изготовленные в форме-емкости стянутой бечевкой (по А.А.Бобринскому, 1978. С. 196, 198), 2 – выдавливание пальцами по венчику (а) и следы бечевки (б) (Мутенковское городище)

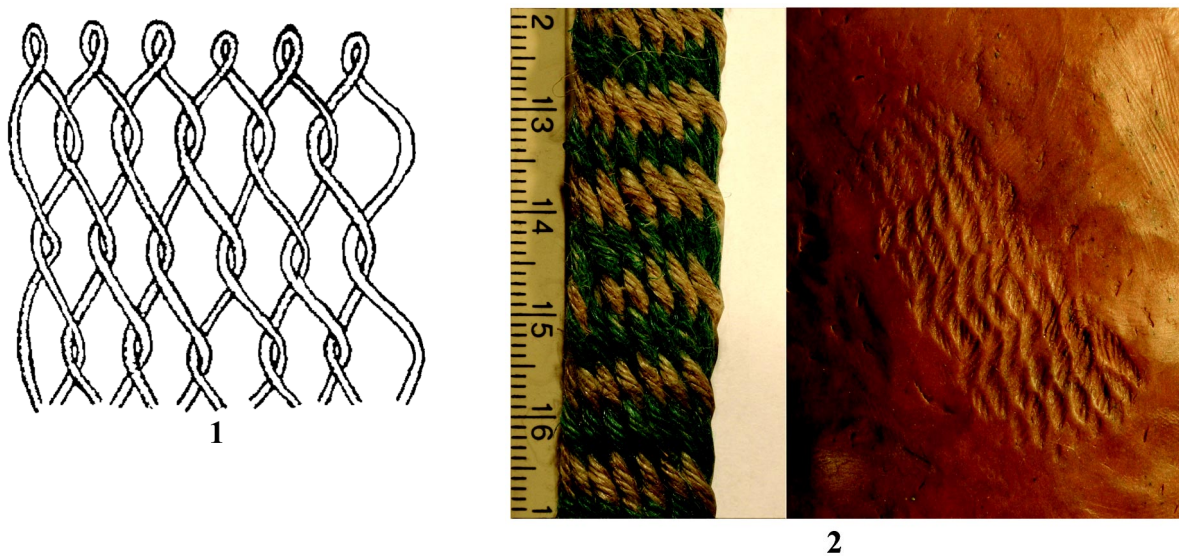

Рис.4. Безузловое плетение: 1 – схема, 2 – экспериментальный образец и его отпечаток

Рис.5. След выбивания гладкой колотушки на фрагменте керамики с ниточными отпечатками (Мутенковское городище)

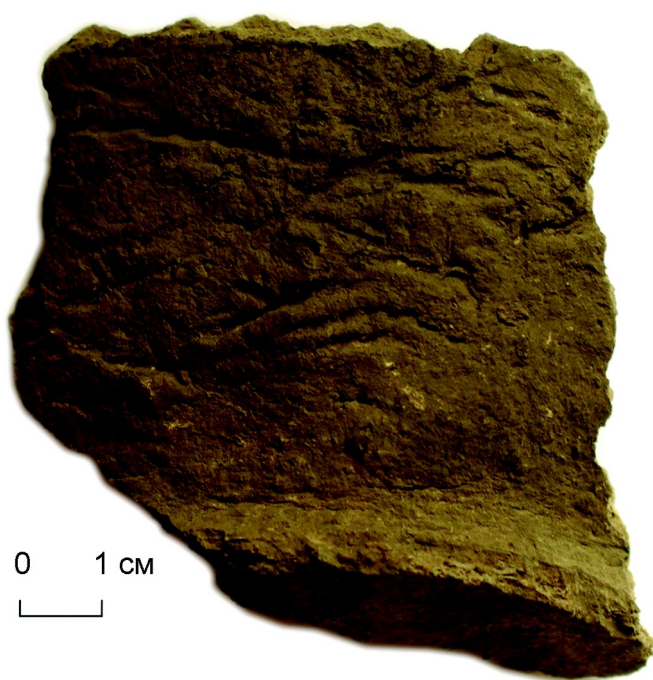

Рис.6. Протяженность непрерывного отпечатка при прокатывании выпуклой поверхности придонной части сосуда (Барвихинское городище)

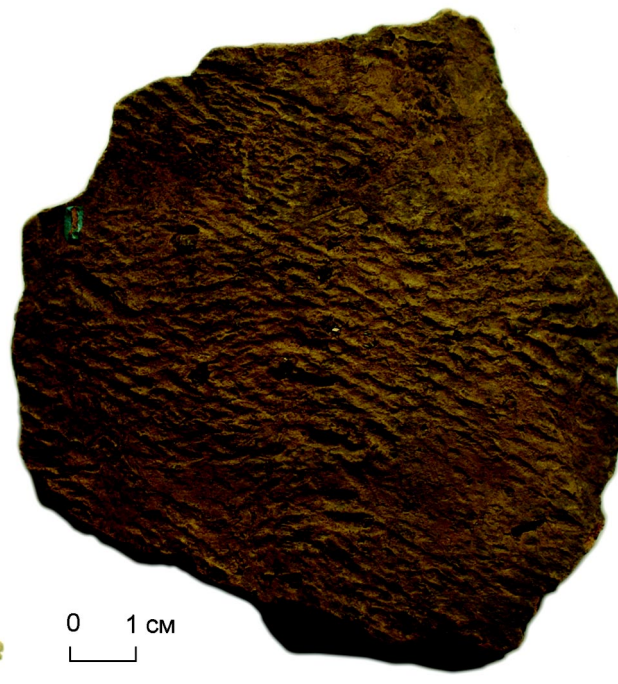

Рис.8. Параллельные отпечатки нитей и следы наложений отпечатков (городище Кузнечики)

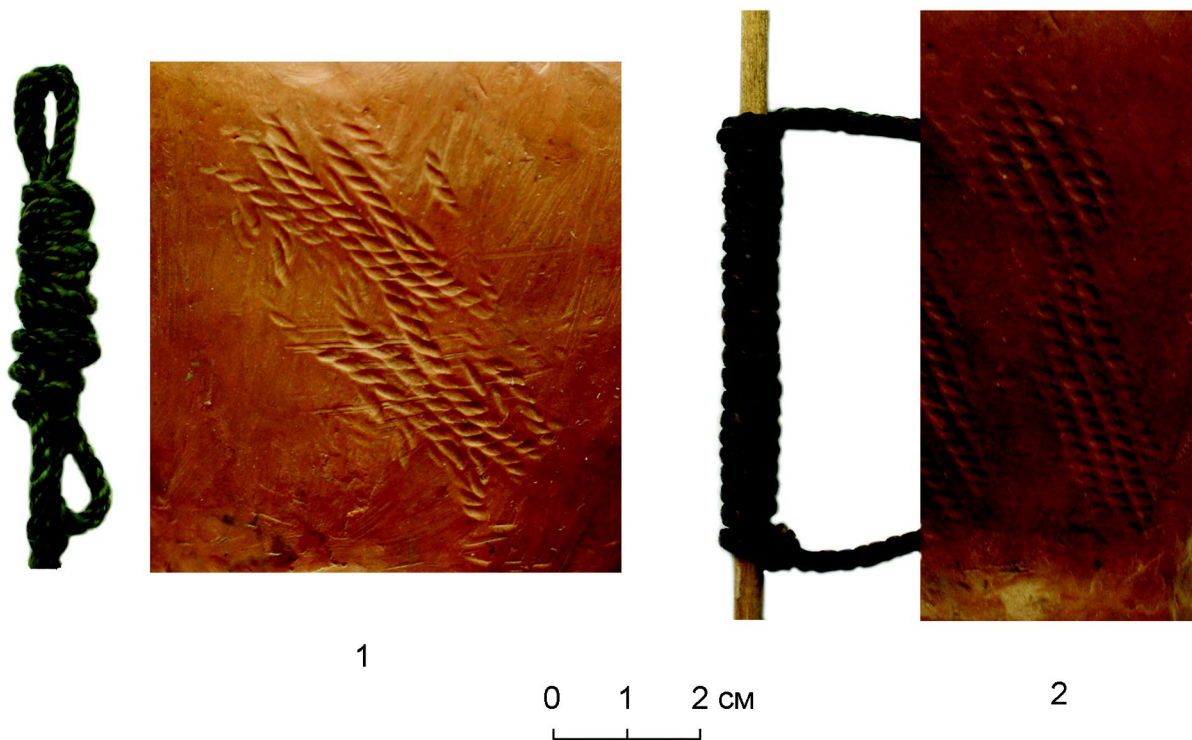

Рис.7. Прокатывание инструментами обмотанными нитями, экспериментальные образцы: 1 – инструмент с мягкой основой неравномерно обмотанный нитью и его отпечаток, 2 – инструмент с твердой основой плотно и равномерно обмотанный той же нитью и его отпечаток

IV. ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

К.И.Корепанов, М.Ф.Обыденнов

Художественные стили в искусстве ананьинской эпохи

В истории искусства Урала и Прикамья художественные стили ананьинской эпохи проявляются достаточно отчетливо. Это четвертый период эпохи древних художественных стилей. Он делится на два подпериода. Первый из них – древние художественные стили раннего железного века (РЖВ–1) – относится к ананьинской эпохе (VIII–III вв. до н.э.). В искусстве этой эпохи выделяются: ананьинский звериный стиль, ананьинский антропоморфный стиль, ананьинский орнаментальный стиль, ананьинский астральный стиль, ананьинский растительный стиль и синкретический стиль.

В ананьинском зверином стиле определены следующие главные направления развития: а) обобщенно-натуралистическое направление раннего периода (VII–VI вв. до н.э.), художественно обобщающее реальный образ (прототип); б) классическое направление (V – 1 пол. IV в. до н.э.); в) упрощенно-натуралистическое направление позднего периода (IV–III вв. до н.э.); г) орнаментально-схематизирующее направление (течение) позднего периода (IV–III вв. до н.э.), схематизирующее реальный прототип и в орнаментально стилизованном виде его передающее (Корепанов, 2000. С. 44–49).

Эти направления согласуются с периодами и направлениями скифского искусства. В развитии искусства данной эпохи ярко выражен ананьинский антропоморфный стиль. Образ человека занимал достаточно заметное место в изобразительном искусстве ананьинской эпохи и представлен различными вариантами воплощения в виде как целых фигур, так и отдельных его частей: двух соединенных вместе фигур, одиночных изображений человека, всадников, зооантропоморфных существ, изображений шаманов, символов материнской груди как питающей основы жизни, фаллических изображений, ноги человека, сапожковидных (в виде как одиночных, так и парных подвесок), эмбриона, изображениями зародившейся новой жизни в лоне матери и женских фигур в позе роженицы.

В ананьинском искусстве антропоморфные образы схематичны, условны. Человек как индивидуальность еще не замечен в его целом, но грудь и родящая часть тела женщины, родящий орган мужчины уже осознаются и получили отражение в искусстве.

Изображение одиночно стоящей фигуры человека VIII–VI вв. до н.э. из Среднего Поволжья и Прикамья делятся на пять групп. Среди них значительную группу составляют глиняные статуэтки. Их появление в искусстве относится к VI – началу V в. до н.э. В культовой практике они чаще использовались в IV–III вв. до н.э.

Важным для создателей статуэток V–IV вв. до н.э. является включение в композиционную структуру солярных символов, чаще на груди, горизонтальных зигзагов на груди – графемы дождя, отдельно вылепленных и соединенных с туловищем больших грудей с сосками, отражающими представление о дождевом облаке как о женской груди, голов животных с рогами и отметками годичных колец на них (символ изобилия), растительной символики в соединении с треугольным знаком и спускающимися вниз по телу волнообразными линиями – потоками дождя.

Эти традиции в изготовлении глиняной пластики продолжают в IV–III вв. до н.э. Целью художников являлось условное обозначение фигуры Небесной богини без выделения индивидуальных черт, т.е. стремление показать общий образ, олицетворяющейся с нею как носительницей благодатной влаги, тепла и произрастания. Изображения рассматриваются в качестве двойного значения их восприятия – как орнамента платья и как идеограммы дождя и воды. Обрядовое действие с фигурой богини, часть которой помещалась в землю, было призвано магически притягивать на землю солнечное тепло и благодатную влагу с небес. Нахождение статуэток Небесной богини, преимущественно у очагов, связано с представлением о достатке питания, приходящем к людям благодаря воздействию Небесной богини, своевременной

подаче ею тепла и влаги, а обрядовые действия были призваны усилить ее воспроизводящие функции. Часть статуэток связана с мужским божеством (Корепанов, 2000. С. 39–41; Обыденнов, Корепанов, 2001).

Ярко и своеобразно выражен в искусстве ананьинский орнаментальный стиль (Збруева, 1952).

Ананьинский астральный стиль тесно связан с отражением космологических символов. Они маркируют верхний мир и представлены в искусстве VIII–III вв. до н.э. изображениями небесной сферы, солнца, луны, облаков, дождя, отражены в различных образах, символах и знаках. Они показывают высокое мастерство и изобретательность создателей художественных изделий ананьинской эпохи.

Изображение символа небесного свода в виде полуовального бордюрного выступа представлено на ряде стел VIII–VII вв. до н.э. в показе дождя, идущего из облаков, содержащих небесную влагу, применены различные знаки, параллельные линии и др.

На некоторых пряслицах ананьинской эпохи символика весеннего облака с накопившейся долгожданной влагой для всей природы отражена в сочетании с зооморфными и растительными символами. В искусстве представлены композиции, в которых от небесной полусферы прочерчены линии идущего дождя, соединенные с растительной символикой. Небесная сфера изображается также в виде двойного кольца с зигзагом накопившейся влаги внутри колец.

В ряде случаев в качестве символа верхнего мира и небесной сферы выступают зооморфные образы: головы грифонов на секирах – символах власти военных вождей, голова грифона на культовой мотыге IV–III вв. до н.э. из городища Тра-тау, фигуры животных на культовой пластине из Куганакского клада, культовых изделий с изображением птиц.

Изображение небесной сферы и четырех стадий прохождения за сутки солнца: утреннего, полуденного, вечернего и в период заката показаны на накладке из Гремячанского поселения (Корепанов, 2000. С. 31).

Отдельное изображение падающей капли дождя в искусстве ананьинской эпохи встречается единично. Изображения мотива каплевидных форм встречаются на шейных и височных подвесках, т.е. связаны с головой и грудью – верхней частью фигур потребителей этих украшений. Подвески каплевидных форм символизировали воображаемый падающий дождь с небес, соответственно были расположены в верхней части тела человека, особенно женщины, знаменуя ее плодородящую силу в социуме.

Солярная символика в сочетании с его производными (круги, кресты, лучи и др.) преобладает над другими космологическими символами. В астральном стиле выделяются 7 групп изображений солярной символики и ряд вариантов в понимании роли солнца в эпоху раннего железа: солнце как светило, дающее свет и тепло; как сконцентрированная энергия; как подаватель жизненной силы и энергии производства; солнечный символ в виде цветка, дающего активный рост всему растительному миру; в смысловой связи блях с солярной символикой, с рождением и развитием жизни в социуме; связи солнца и плодородия; солнце-мать-кормилица; связи солнца со звездным небом; в смысловом значении благотворного влияния солнца на жизнь и урожай; в смысловом значении годичного цикла движения солнца, дающего возрождение брачных пар в социуме; в смысловом значении связи солнца со строением мира; в значении дневного и суточного движения солнца по небосклону и в нижнем мире; связи культа солнца с животным (образом медведя) и др.); отражение солнечных фаз весеннего и осеннего равенства и связи с годичными циклами хозяйственных работ; в смысловом значении образа птицы, связанной с культом солнца; связи солнца с мужским божеством. Только одна группа изображений отражает не благоприятное влияние солнца на живой мир в засушливые годы.

Синкретический стиль. Украшения с селенской символикой значительно уступают по частоте предметам с солярными изображениями. В них отражены наблюдения за луной и ее фазами. Мотив луны изображается в нескольких смысловых значениях: как отражение полного лунного цикла; как небесного объекта, связанного с накоплением небесной влаги в виде капель и зигзагов по краю луны; в смысловом значении луны в качестве обозначения месяца, связанного с осенью; в качестве обозначения мужского начала; луны и солнца – покровителей браков; в смысловом значении отражения мифа о поедании луны змеем как противопоставление понятий «жизнь-смерть» в ходе прохождения луной своего цикла, новой, нарождающейся луны; в смысловом значении отражения синкретической идеи «луны-птицы», показанной на подвесках-лунницах.

Представление о солнце и луне отражены в этнографии у финно-пермских народов. В религиозно-мифологических воззрениях удмуртов существовало представление о Толэзь-муму-матери Луны; солнце и луна у удмуртов и коми были включены в систему родственных отношений; лунный орнамент в удмуртском изобра-

зительном искусстве сохраняет магическое значение и эстетическое содержание.

Таким образом, ананьинский астральный стиль хорошо выражен в искусстве. Космологические символы получали яркое отражение в искусстве Среднего Поволжья и Прикамья ананьинской эпохи и связаны с системой представлений о роли объектов небесной сферы на процессы развития жизни в мире людей, их влияния на годовые хозяйственные циклы и результаты хозяйственных занятий воспроизводства в мире растений и животном мире.

С самого начала эпохи раннего железа появляются композиции с синкретичным соединением солярной, растительной символики и соско-видным выступом – элементом антропоморфности, обозначающие благотворное действие солнца на все формы жизни, включая растительный мир и социум. Объединение солярной символики с зооморфной является также отражением общего процесса усиления одного символа путем добавления, соединения его с другим символом. Эти традиции получают дальнейшее развитие в искусстве пьяноборской эпохи.

Таким образом, в искусстве и мировоззрении населения Среднего Поволжья и Прикамья в ананьинскую эпоху наиболее важным космологическим символом являлось солнце. Многообразие вариантов его воплощения свидетельствует о роли солнца как глобального символа, влиявшего на все жизненные процессы в природе, животном мире и социуме (Корепанов, 2000. С. 34).

Итак, по сравнению с предшествующими эпохами, древние художественные стили представлены в ананьинскую эпоху выразительно, документируются массовым археологическим материалом. Этот выразительный материал является относительно лучше сохранившимся в искусстве ананьинской эпохи. Это часть громадного и богатого мира представлений, выраженного через художественное творчество. В мировоззрении населения этого времени существовали две картины мира и формы освоения пространства. В первой, у северных племен,

сохранилась линейная картина мира с динамической формой освоения пространства. Во второй, у южных племен, сформировалось статическое или радиально освоенное пространство с трехчленной структурой по вертикали и четырехчленной – по горизонтали. В последней картине мира в качестве символа центра, соединяющего между собой три космические зоны и отраженного в искусстве, выступало чаще Древо Мировое, реже – Мировой Столб и Мировая Гора. В ананьинскую эпоху складывается растительная символика, которая позволяет говорить о формирующемся ананьинском растительном стиле.

Материалы искусства ананьинской эпохи позволяют выделить культово-мифологический комплекс эпохи раннего железа и архаический культово-мифологический комплекс. Основные символы архаичного мироощущения (Мировая Гора, Древо Мировое, водоплавающая птица, творящая мир и др.), связанные с прауральской и урало-алтайской мифологией, продолжали функционировать в общественном сознании эпохи раннего железа, полнее раскрывая качества и состояния мира в новых условиях производящей экономики.

В произведениях искусства отразилась духовная культура населения Среднего Поволжья и Прикамья, в которой прослеживаются магия, календарная символика, шаманство и зооморфные культы, связанные с ведущими идеями ананьинской эпохи и органически введенные в общую духовную культуру.

Литература

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Корепанов К.И. Искусство населения Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху раннего железа (VIII в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2000.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Уфа, 2001.

Ю.П. Чемякин, С.В. Кузьминых

Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала

Настоящая работа является вводной частью к давно задуманному авторами своду культовых птицевидных изображений раннего железного века Северной Евразии. Сам свод мы постарались в полном объеме представить в рисунках, опустив при этом в легенде к ним всю справочную информацию (литература, место хранения, датировка и др.) из-за ее весьма значительного объема. Надеемся, что эта информация будет более уместной в сводной работе. Актуальность создания самого свода выявилась уже в ходе каталогизации находок. Выяснилось, что одни и те же изделия в разных работах имеют разную атрибуцию и датировку. Попытка привести их к одному масштабу показала, что размеры у них в разных источниках тоже не совпадают. Поэтому в ряде случаев мы не уверены, что истинные размеры некоторых поделок на рисунках соответствуют приведенному масштабу. Мы включили в каталог также несколько вещей, добытых, судя по всему, «черными археологами», информацию о которых нашли в Интернете. Эти вещи были масштабированы по косвенным признакам.

Комментарий к своду касается лишь материалов начала эпохи раннего железа, которые являлись базовыми при обсуждении на Елабужской конференции, посвященной 150-летию открытия Ананьинского могильника и составляют основу настоящего сборника.

Культовое литье: проблемы интерпретации. Переход к раннему железному веку (РЖВ) на широкой территории Северной Евразии сопровождался расцветом бронзовой металлопластики. Специалисты выделяют несколько стилей, распространенных как в степной и лесостепной, так и в лесной (таежной) и тундровой зонах. Наиболее известен скифский, или скифо-сибирский, звериный стиль. Среди сюжетов этого стиля действительно преобладали образы как реальных, так и фантастических животных.

Понятие «пермский звериный стиль»¹ возникло в конце XIX в., хотя объектом научного изучения многочисленные и разнообразные изделия древней металлопластики, найденные на

территории бывшей Пермской губернии, стали еще в середине этого века (Игнатъева, 2005). Позднее, с накоплением похожего материала в Западной Сибири, данный термин нередко стал применяться и к нему (Грибова, 1975. С. 4, 5). В то же время различия между приуральскими и сибирскими находками послужили основанием обособления последних от восточноевропейских материалов: для них были предложены понятия «сибирский звериный стиль», «западносибирское культовое литье», «плоское литье усть-полуйского типа», «ажурное литье кулайского типа» и др. Иную точку зрения отстаивала Л.В. Чижова (1983. С. 4), предложившая объединить приуральские и западносибирские изделия металлопластики РЖВ в рамках «урало-сибирского культового литья». Ранее близкая точка зрения была высказана К.И. Корепановым и В.А. Обориным (1978. С. 177), которые оперируют понятием «уральский звериный стиль», различая в нем, вслед за А.В. Шмидтом (1927. С. 153, 154), два варианта – «приуральский (пермский) и зауральский». Г.М. Буров, изучая северные «клады», пришел к заключению о существовании трех «звериных» стилей: пермского, печорского и западносибирского (1984. С. 32).

Не вдаваясь в дискуссию о количестве северных «звериных стилей» и различиях между ними, заметим, что сам термин «звериный» по отношению к культовому литью – и, шире, бронзовой металлопластике, бытовавшей в лесной зоне Северной Евразии, – весьма условен. Антропоморфные образы всегда занимали здесь значительное место, начиная с позднего бронзового века: вспомним о фигурках знаменитого Галичского «клада» (Студзицкая, Кузьминых, 2001), а зооморфные поделки нередко соединялись с антропоморфными отдельными признаками и деталями. Не являются исключением и т.н. «птицевидные идолы», или орнитоморфные изделия, образующие значительную группу среди культового литья по обе стороны Урала, обзору которых и посвящена настоящая статья. Они различны по иконографии и времени бытования, но наиболее ранние относятся к началу железного века и связаны, в первую очередь, с иткульской культурой Среднего Зауралья, ананьинской – Волго-Камья и белоярской – Западной Сибири.

¹ См. обзор проблемы: (Игнатъева, 2007).

Заметим, что столь же условно и понятие «культовое литье». Среди зооморфных, в том числе орнитоморфных, бронзовых поделок нередко выделяются «культовые изделия» и украшения, но часто без указания различия между ними. К примеру, Л.В. Чижова выделила 6 признаков культового литья: плоское литье в односторонних формах; единичные зоо-, орнито- и антропоморфные образы или они же в несложных композициях; статичное изображение всех фигур; относительный реализм антропоморфных изображений, в то время как животные, реже птицы даны в виде фантастических фигур; небольшие размеры; территория распространения (1983. С. 3, 4). Однако визуальный анализ изделий и литейных форм показывает, что «плоское» литье в односторонних формах практически не осуществлялось. Речь может идти о литье в двусторонних формах, одна из створок которых была матрицей (на ней был сформован негатив), а другая – крышкой (с гладкой или плоской поверхностью) или второй матрицей (с негативом ушка). Также условным можно считать статичность фигур – некоторые из них даны в движении. А «геральдическую» позу орнитоморфов многие исследователи трактуют как изображение птиц в полете. Вряд ли можно считать признаком «урало-сибирского культового литья» территорию распространения поделок, тем более что они встречаются шире указанного Л.В. Чижовой региона.

На наш взгляд, ранние культовые изделия позднего бронзового и начала железного веков лишены специальных деталей для крепления к костюму (ушек, петелек с обратной стороны), часто плохого качества, с грубой вторичной обработкой или даже без нее, с остатками литников, литейных швов, заусенцами по краям и т.п. По всей видимости, они использовались в ритуалах или обрядовых действиях, и не исключено, что их специально отливали для разового использования. Об этом косвенно свидетельствуют находки фигурок в погребениях и т.н. кладах или святилищах. Однако позже, ближе к концу эпохи раннего железа и в раннем средневековье, типологически близкие поделки нередко подвергались тщательной вторичной обработке, вплоть до полировки, и снабжались ушками или петельками. Учитывая, что находки таких вещей по-прежнему единичны в погребениях и сосредоточены в основном в культовых комплексах, мы предполагаем их ритуальное назначение, в том числе и как украшение костюма шамана. Именно так (набор из кожаного пояса и богато украшенного нагрудника) трактуется клад с городища Барсов городок I/20, в котором найдена орнитоморфная фигурка в виде совы (Бельтикова, 2002. С. 206).

Возможно, погребениями шаманов являлись могилы 3 и 6 в Барсовском VII могильнике: в погребальном инвентаре каждой из них, наряду с другими предметами металлопластики, присутствовали орнитоморфы (рис. 14, 4, 7).

Украшения и амулеты часто отличались типологически и имели детали для крепления, производство их было достаточно массовым. Среди них различаются бляшки, подвески, пронизки и другие категории. Подобные предметы не являются редкостью в могильниках, входят в состав сложных (наборных) украшений, встречаются и на поселениях. С другой стороны, их практически нет в культовых памятниках.

Ранние орнитоморфы Среднего Поволжья и Приуралья. Самые ранние бронзовые орнитоморфные изделия, найденные к западу от Урала, связаны с культурами ананьинского мира (7 экз.) (см. подробнее: Васильев, 2002; 2004). Все они, кроме бляшки с Заюрчимского 1 селища (Васильев, 2002. С. 202, № 41), снабжены ушками. Три из них – украшения или амулеты из Старшего Ахмыловского (рис. 1, 8) (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 123, 3а) и Котловского (рис. 1, 11) (Анучин, 1899. Рис. 14; Tallgren, 1919. Fig. 120, 6; Збруева, 1952. Табл. IV, 8) могильников, Скородумского «клада» (рис. 1, 12) (Васильев, 2004. Рис. 21, 13) – могут рассматриваться как привозные изделия с Северного Кавказа и Закавказья, европейских и азиатских степей или копии и подражания им, остальные – из Старшего Ахмыловского (рис. 1, 9) (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 1, 22), Луговского (рис. 1, 7) (Збруева, 1952. Табл. II, 14) и Зуевского (рис. 1, 6) (Tallgren, 1919. Fig. 104, 5; Худяков, 1933. Табл. VI, 8; Збруева, 1952. Табл. IV, 6) могильников, а также Заюрчимского 1 селища – принадлежат, как мы полагаем, к числу местных изделий.

В каноне скифского звериного стиля выполнены котловская и скородумская бляшки. Изображение сокола на бляхе из Старшего Ахмыловского могильника расположено в центре лицевой стороны и окаймлено двумя концентрическими кругами. Своими очертаниями оно напоминает, с одной стороны, орнитоморфные фигурки летящих птиц не хищной породы из Зуевского и Луговского могильников, а с другой – передачей головки хищника, повернутой вправо, выступающей над распластанными крыльями, с острым клювом и выпуклиной вместо глаза, – изображения и фигуры, выполненные в «геральдической позе» (столь характерной для древневосточной изобразительной манеры) и известные на Кавказе (Трапш, 1969. Рис. 29; Галанина, 2006. Ил. 20).

Изделия, характеризующие собственно ананьинскую художественную традицию VII – V/IV вв. до н.э., отчасти «перекликаются» с иткульскими орнитоморфами общей манерой передачи ластообразных крыльев и хвостового оперенья и в то же время заметно отличаются от них (разве что кроме заюрчимской): все они миниатюрные (будучи украшениями костюма и, возможно, амулетами), с обычными (не «глухими») ушками, с отчетливо выраженной головкой, без рельефных валиков на оперенье крыльев, хвоста и тулове, столь характерных для иткульской серии фигурок.

К несколько иным типам принадлежат бронзовые орнитоморфные фигурки из Шиховского могильника (рис. 1, 1, 2), расположенного на стыке двух культурных миров – ананьинского (в его крайнем северо-восточном варианте) и таежного уральского и обь-иртышского. Они относятся уже к позднеананьинской эпохе.

Ранние орнитоморфы горно-лесного Урала. Иной тип и у орнитоморфов, связываемых с иткульской культурой и бытовавших по обе стороны Урала, но преимущественно на его восточном склоне. На территории этой культуры известно свыше 130 фигурок (Чемякин, 2006). При этом многие дореволуционные находки пропали, будучи неучтенными. Изделия входили в состав святилищных комплексов или кладов, либо представляли собой отдельные (случайные) находки. Как правило, клады и отдельные фигурки находили на вершинах гор, в скалах или у их подножия (Викторова, 2004. С. 166). Однако в тех случаях, когда нам известно что-либо об условиях залегания и расположении находок в «кладах», кажется логичнее трактовать их не как клады, а как жертвенные (святилищные) комплексы. Примером могут служить находки на Азов-горе и на горе Караульной (Бортвин, 1949; Берс, 1951. С. 228, 229).

В ряде случаев зафиксированы 2-х, 3-х и более кратные отливки в одних матрицах (Азов-гора, гора Караульная, село Огневское у оз. Куяш, поселения Аятское 1, Палатки I). Комплексы содержат от 2–3 до нескольких десятков отливок. Исследователи акцентируют внимание на том, что, кроме изображений «хищных птиц», в них всегда присутствуют круглые предметы и нередко предметы вооружения (наконечники стрел и копий) и антропоморфные фигурки (Смирнов и др., 1992. С. 39; Викторова, 2004. С. 166, 168).

В.Д. Викторова провела анализ иконографии иткульских орнитоморфов и выделила их характерные черты или признаки: голова птиц передана в высоком рельефе; слегка выступающая грудная часть; ластообразные, опущенные вниз крылья; глаза и лапки моделированы полугорошина-

ми, оперенье крыльев – узкими валиками или имитацией перьев в виде выступающих зубцов; на туловище нередко поперечные валики – имитация ребер и др. (2004. С. 168; см. также: Федорова, 1994. С. 36). Добавим, что эти признаки отличают их, с одной стороны, от аналогичных волго-камских ананьинских и западносибирских белоярско-кулайских изделий, а с другой – они присущи не всем иткульским поделкам. Так, на многих из них вообще отсутствует голова или она замещается литниковым наплывом, лапки не выделены, нет выступающего киля, а сами изделия гладкие, без узких валиков на крыльях, хвосте и тулове (см. рис. 3–8). Интересна фигурка с изображением наконечника стрелы скифского типа на груди (рис. 4, 15). К сожалению, она происходит из грабительских раскопок и ее местонахождение неизвестно.

В культовых комплексах (или «кладах») иткульской культуры, содержащих несколько (до 20 и более) орнитоморфных фигурок, среди «поделок грубого литья», по выражению А.А. Спицына (1906), встречаются хорошо выделанные изделия, в том числе с ушком на обратной стороне. Отмечая этот факт, мы тем самым признаем, что данные признаки нельзя абсолютизировать при делении бронзовой металлопластики на «культовую» и украшения. Есть сложности в датировке иткульской металлопластики: как правило, изделия датируют в рамках существования культуры в целом, то есть VII–III вв. до н.э. (Бельтикова, 1977), что вряд ли оправданно. Единичные фигурки, найденные в комплексах, относят к V–IV вв. до н.э. (Бельтикова, Стоянов, 1984. С. 141, 142).

Мир образов иткульского культового литья. В литературе сложился устойчивый стереотип, что в основе иткульских орнитоморфов лежат образы хищных птиц, главным образом дневных (орел, ястреб, коршун, сокол); лишь одно изображение с Азов-горы сравнивают с совой (рис. 6, 1). Сходство с этим ночным хищником можно отметить еще у фигурки, найденной в окрестностях с. Верхнеярского и находящейся в экспозиции СОКМ (рис. 3, 1) (Берс 1959. Табл. IV, б/№). В то же время практически ни на одной фигурке не выделен крючковатый клюв (исключая находки на р. Линевке у Алапаевского завода и из горно-лесной Башкирии – рис. 3, 6; 8, 21, 22; см. также: Tallgren, 1928. Abb. 16), не показаны и когти на лапах.

Силуэты многих орнитоморфов действительно напоминают силуэты хищных птиц, в первую очередь, различных ястребов и соколов. Особенно похожи на соколов находки у Ревдинского завода (рис. 7, 18) и на поселении Палатки I (рис. 4, 8, 9). «Рыбообразный» хвост, отмечаемый у ряда

изображений, в том числе у фигурок из «Куяш-Огневского клада» (рис. 8, 18, 19), характерен для коршунов. Такой же хвост с вырезом у фигурок со стоянки Боровая 1, р. Адуй и из коллекции УрГУ (рис. 3, 3, 4; 4, 14). Зато ряд изделий – с Азов-горы, горы Караульной – имеют длинный прямой или чуть изогнутый клюв, характерный, например, для дятлов и воронов (рис. 6, 2; 7, 1–8). Обе птицы присутствуют в уральской мифологии, и вполне могли быть отражены в культовых отливках. Трудно разглядеть какую-то хищную птицу в поделках с поселения Ботники 1в (рис. 3, 1, 2) в Тюменской области (Матвеев, Чикунова, 1999. Рис. 2) и ряда других. В ранней кулайской (белоярско-васюганской?) металлопластике известны явно не хищные орнитоморфные фигурки. Среди них и изображения дятлов или дятлообразных фигур (рис. 9, 15; 10, 8) (Полосьмак, Шумакова, 1991. Рис. 41; Яковлев, 2001. С. 80. Фото 25). Образу дятла соответствует и короткий хвост у фигурок. В то же время мы считаем, что не вполне корректно отождествлять орнитоморфные изображения с конкретными видами птиц. В этнографии известны случаи, когда интерпретация зооморфных (орнитоморфных) поделок исследователями, основанная на их восприятии, отличалась от интерпретации создателей этих изделий.

Горно-металлургическое производство и культовая практика населения иткульской культуры. Существует гипотеза, что птицевидные идолы в иткульской культуре олицетворяли души металлургов (Викторова, 2002. С. 42). В пользу этого якобы свидетельствуют условия находок и состав «кладов». Заметим, что в культурах ананьинского мира, для которых также характерны развитая цветная металлургия и металлообработка, количество орнитоморфов несравнимо меньше иткульских. Не исключая связи идолов с представлениями о душах металлургов, думаем, что это не единственная версия. Иткульские птицевидные идолы могли быть связаны непосредственно с магическими обрядами и ритуалами, сопровождавшими потаенную (сакральную) жизнь архаических горняков и металлургов (Черных, 2007. С. 134–173). Именно об этом свидетельствует, на наш взгляд, информация, собранная в свое время В.Я. Толмачевым и Е.М. Берс.

Находки птицевидных идолов, в том числе поставленных вертикально, нередко фиксируются поблизости от производственных площадок, связанных с выплавкой и плавкой металла, вместе с медной рудой, шлаками, керамикой, литейными формами и другими медными изделиями (Берс, 1951. С. 228, 229; Чаиркин, Чемякин, 2002; и др.). На Караульной горе у Северского завода

(рис. 7) они в массе известны не только в числе случайных находок, но и выявлены при раскопках Д.Н. Анучина и Ф.А. Уварова близ подобных объектов (Берс, 1951. С. 229). Орнитоморфная фигурка найдена на металлургическом комплексе на острове Малый Вишневый (рис. 8, 9) (Бельтикова, 1988. Рис. 6, 15), а литейная форма для подобных изделий (рис. 4, 16) – на специализированном месте металлургического производства на городище Думной горы (Бельтикова, Стоянов, 1984. Рис. 4, 11).

Кроме того, Ю.Б. Сериковым выявлен новый тип иткульских святилищ, характерной особенностью которых являются человеческие жертвоприношения. На одном из них найден птицевидный идол (рис. 3, 16) (Сериков, 2008. С. 291). Возможно, подобная культовая площадка была исследована Н.М. Чаиркиной (2005) на Скворцовской горе². Вместе с кальцинированными костями там обнаружены круглые бляхи и 10 целых и во фрагментах орнитоморфов из цветного металла.

Вряд ли корректно и соотнесение районов (гнезд) внутри иткульского металлургического очага с количеством культовых мест (Викторова и др., 1999. С. 99). Многие из последних были разграблены еще в XVIII–XIX вв., если не раньше, что отмечает и сама В.Д. Викторова (2002. С. 40), какие-то еще не выявлены.

Ранние орнитоморфы Западно-Сибирского региона. Птицевидные изображения в Западной Сибири стали известны с конца XIX в. Это находки в Айдашинской пещере, Томских курганах, из Истяцкого клада и др. Полная сводка сибирских орнитоморфов, известных к середине XX в., приведена в двух работах В.Н. Чернецова (1953, 1957). В основном это случайные находки, меньшая часть – из кладов, и, соответственно, их датировка основывалась на круге аналогий. В ходе раскопок последних десятилетий получены серии бронзовых орнитоморфов в датированных комплексах (памятники Барсовой Горы, Холмогорская коллекция, Саровское культовое место, Усть-Полуйское городище, могильники Окунево III, Рёлка и др.). Эти находки позволяют пересмотреть датировки некоторых типов птицевидных изделий, в первую очередь относящихся к случайным находкам, уточнить время их появления.

Самые ранние орнитоморфы, датированные серединой I тыс. до н.э. (Борзунов, 2004), проис-

² Авторы благодарны Н.М. Чаиркиной за информацию о памятнике, а А.Н. Башенькину, С.Н. Кореньку, Е.М. Беспрозванному, Е.М. Данченко, К.Г. Карачарову, А.А. Погдину и Ю.Б. Серикову – за возможность публикации изображений вещей из их раскопок и архивов.

ходят из жилищ белоярской культуры на Барсовой Горе (селища Барсова гора III/49 и III/72) (рис. 14, 1, 2). Небольшие по размерам, с опущенными вниз крыльями, они напоминают подобные изделия иткульской культуры и синхронны им. Близки иткульским и поделки с Красноярского городища в Омской области, однако пока неясно, к какому керамическому комплексу в рамках раннего железного века они относятся (Dančenko, 2000. Abb. 8, 3) (рис. 13, 12, 13). С начальным этапом кулайской культуры в Сургутском Приобье связана находка на городище Барсов городок III/6 (рис. 14, 9). Интересно, что на груди этой поделки изображена личина. Памятник предварительно датирован III–II вв. до н.э. (Чемякин, 2008. С. 90, 91). Видимо, в рамках последней трети I тыс. до н.э. следует определять время изготовления орнитоморфа с городища Неушья 1.1, связанного с кулайским комплексом памятника (раскопки Е.М. Беспрозванного и А.А. Погодина, 2005 г.) (рис. 14, 16). «Зубчатыми» крыльями, оформлением хвоста, выделенным «килем» на груди он чрезвычайно напоминает иткульские. Однако на груди фигурки помещена личина, а «киль» выступает в роли ее носа.

Таким образом, следует признать, что появление птицевидных изображений на Урале (иткульская культура) и в Западной Сибири (памятники белоярско-васюганского этапа РЖВ) произошло одновременно, примерно в V–IV вв. до н.э. или, быть может, чуть раньше. Но в среде уральских металлургов этот образ занял доминирующее место (как уже отмечалось, известно более 130 находок), в то время как в западносибирской тайге в это время, судя по имеющимся материалам, культовое литье в целом не было так распространено. На памятниках белоярско-васюганского этапа пока обнаружено всего 20 изделий, из них только два представляют собой орнитоморфов. Ситуация в регионе меняется на втором (кулайском) этапе раннего железного века. В этот период в западносибирской тайге наблюдается расцвет культового литья, происходит формирование первого общезападносибирского стиля, или общерегиональной концепции (Федорова, 1994. С. 37, 38). То же самое происходит и в Приуралье: большое число культовых изделий из цветного металла найдено на костяках постананьинского времени. На территории же, занятой в предшествующее время населением иткульской культуры, культовое литье почти исчезает. Однако вряд ли это связано с массовой миграцией населения. Не исключая определенной роли потомков иткульских металлургов в культуругенезе народов Западной Сибири в саровский (позднекулайский) период (Викторова 2002а. С. 84), отметим, что

кулайская металлообработка, судя по археологическим данным, в большей степени была ориентирована на алтайские рудные источники (Кузьминых, Чемякин, 1998; 2005).

До недавнего времени кулайское литье рассматривалось, как правило, широко, в рамках существования всей культуры, в пределах V в. до н.э. – IV в. н.э. (Чиндина, 1984. С. 110). При этом Л.А. Чиндина предполагала, что «плоское орнитоморфное литье» зарождается во II в. до н.э. и представлено в основном II типом (сплошным) (Там же. С. 106, 107). Хотя, судя по ее классификации, существуют и ажурные орнитоморфы – I типа, то есть более ранние (Там же. С. 41. Рис. 16, 4–6), а ближе к концу кулайской культуры появляются рельефные сложные орнито-антропоморфные образы III типа. Удачную, на наш взгляд, попытку пересмотреть датировку находок кулайской металлопластики (из т.н. кладов и культовых мест) в сторону сужения их хронологических рамок предпринял Я.А. Яковлев (2001. С. 243–257). Сделанный им анализ показывает, что собственно кулайское литье вряд ли появляется ранее III в. до н.э., с чем мы полностью согласны. Рубежом эр могут датироваться трехголовые фигурки типа найденных на святилищах Барсов городок I/9 (рис. 14, 5) и Соровское 22-23с (рис. 14, 13, 14) (Кардаш, 2008), могильниках Барсовском III (Борзунов, Зыков, 2003) и VII, на Усть-Полуйском городище, рубежом III/IV – IV вв. н.э. – изображения, входящие в Холмогорский клад (рис. 15, 19, 20, 22) (Зыков, Федорова, 2001).

Вопросам классификации и типологии, а также семантики западносибирского культового литья посвящен ряд работ, как специальных, так и в рамках более широких исследований. Первую группировку кулайского литья по сюжетно-видовому составу провел М.Ф. Косарев (1974. С. 133–135). Среди выделенных им категорий были фигурки птиц. Свои классификации культового литья предложила Л.А. Чиндина (1984. С. 39–44, 72–76; 1991. С. 54–65). В основу первой, вобравшей в себя изделия раннего железного века, она положила технологические признаки (плоское или рельефное, ажурное или сплошное, одностороннее или объемное (полое) литье); дальнейшее членение (на уровне групп, подгрупп и вариантов) проводилось по сюжетным и видовым особенностям изображений. Во всех типах были выделены группы орнитоморфов, различающиеся наличием ажурности, личин на груди, лап, а также количеством голов и их видовой принадлежностью.

Специальные работы, посвященные классификации и семантике орнитоморфов Западной Сибири, принадлежат Я.А. Яковлеву (1996; 2001.

С. 159–161, 174–184). В ранней работе, посвященной орнитоморфной металлопластике железного века в целом, он выделил две категории изделий – статичные и динамичные сюжеты. Первую составили средневековые украшения (подвески, пронизки, бляхи), вторую – преимущественно поделки, относимые нами к культовому литью. В ней различаются две группы – одиночные орнитоморфные сюжеты и сложные (комбинированные) сюжеты с орнитоморфными персонажами, в рамках которых выделены варианты в зависимости от позы фигуры, наличия на ней личины, количества голов, а также характера доминирования орнитоморфа. Во второй работе в главе, посвященной классификации кулайской металлопластики, он, опираясь на классификацию Л.А. Чиндиной, значительно увеличил количество вариантов, добавив на уровне группы диадемы с орнитоморфами и выделив «изображения хищных птиц в геральдической позе с раскрытыми крыльями и с фасовой рельефной головкой, выполненные в плоской сплошной фигурной технике литья» в отдельный III тип (2001. С. 160, 161).

Геральдическая поза трактуется Я.А. Яковлевым как динамичная – изображение птицы в полете, вид снизу. Нам кажется, что эта поза может иметь и другую трактовку. Хорошо известно, что «геральдическую» позу крупные хищные (и не только) птицы иногда принимают по утрам, греясь на солнце, или просушивая крылья после дождя, также обращаясь грудью к солнцу. При этом голова их может быть повернута в профиль, что практически исключено в полете. Таким образом, древний человек вполне мог связать «геральдическую» позу крупных птиц с солнцем, солярным культом. Но тогда этот сюжет следует рассматривать как статичный.

Наконец, нельзя не упомянуть диссертационную работу Ж.Н. Труфановой (2003), посвященную стилистико-иконографическому анализу плоского ажурного литья кулайской культуры. В ней дан обзор исследований кулайской металлопластики, в том числе критический анализ имеющихся классификаций (Труфанова, 2003. С. 12). В основе ее собственной классификации лежит деление всех изделий на два основных класса в соответствии с тем, что положено в основу формы изображения («фигуры», моно- и полиморфные, и «геометрические композиции»). В обоих классах присутствуют птицевидные фигурки (Там же. С. 14). Иконография орнитоморфных изображений в данном исследовании чрезвычайно разнообразна: выделены 4 подгруппы в зависимости от ракурса фигуры (анфас, сверху, в профиль, «вполоборота»). Ж.Н. Труфанова не исключает, что в раннеку-

лайское время фиксируется начало формирования традиции сочетания на одном изображении антропоморфных и орнитоморфных образов, что в раннем средневековье будет во многом определять специфику бронзовой металлопластики всей Западной Сибири, Урала и Приуралья (Там же. С. 18, 19). Она также считает, что происхождение орнитоморфных образов в западносибирском (кулайском) культовом литье во многом неясно, однако роль южного (скифо-сибирского и хуннского) влияния ее предшественниками явно преувеличена. По мнению Ж.Н. Труфановой, южный импульс, повлиявший на стилистику и иконографию кулайских изображений, фиксируется на территории Томско-Нарымского Приобья еще в бронзовом веке и связан с южным компонентом самусьской культуры (Там же. С. 22, 23).

Действительно, на территории Томско-Нарымского Приобья в раннекулайское время наблюдается разнообразие птицевидных изображений и различных сочетаний орнитоморфов с другими образами. К сожалению, датировка их до сих пор достаточно широкая, но, как предполагает Я.А. Яковлев, вряд ли уходит глубже III в. до н.э. В Сургутском Приобье самые ранние бронзовые орнитоморфы имеют геральдическую позу, близки иткульским и синхронны им (вероятно, появились не позже V в. до н.э.). Среди поделок белоярско-васюганского и раннекулайского времени немало таких, голова которых передана условно, выступами разной формы. Силуэты многих изделий напоминают хищных птиц, хотя среди ранних встречаются фигурки, похожие на дятлообразных, водоплавающих и иных птиц. Кулайские изделия в Сургутском Приобье, по нашим представлениям, распространяются с III в. до н.э., как и в Нижнем Прииртышье и бассейне Конды. В Нижнем Приобье известные птицевидные фигурки связаны с усть-полуйской культурой и вряд ли датируются ранее II в. до н.э. Следует отметить, что на груди кулайских (и усть-полуйских) поделок рано появляются изображения личин, и этот образ к рубежу эр уже достаточно устойчив. Немногочисленны, но характерны для этого времени и трехголовые фигурки, встречаются поделки с антропо- и зооморфными головами. Большинство изделий передают образ хищных птиц, главным образом дневных, но есть и ночные (совы и филины). Эволюции образа филина в металлопластике посвящена статья Н.В. Федоровой (1999).

Итоги. Сравнение орнитоморфов раннего железного века из различных регионов лесной зоны Северной Евразии показывает, что этот образ появляется в металлопластике Волго-

Камья, Урала и Западной Сибири практически одновременно, не позже VI–V вв. до н.э., и связан с культурами ананьинского мира, иткульской, белоярской и, возможно, богочановской и гороховской. Здесь абсолютно доминирует сюжет «геральдическая поза с головой анфас или в профиль», без личин на груди. Исключение – фигурка с Богочановского городища, представляющая орнитоморфа в профиль (рис. 12, 21). Наибольшее распространение в первой половине раннего железного века птицевидные идолы получают в иткульской культуре, на территории горно-лесного Урала.

Причины синхронного возникновения культовой металлопластики в Волго-Уральском и Урало-Сибирском регионах могут быть одни и те же, и связаны они, по всей вероятности, с близкими культовой практикой, верованиями и магическими обрядами, обусловленными дальнейшей социальной дифференциацией общества в эпоху раннего железа, его милитаризацией (военизацией), усилением роли вождей, шаманов, важной ролью горно-металлургического и металлообрабатывающего производств для носителей культур того времени. Сходство же образов может объясняться этнокультурной близостью (уходящей корнями в глубь веков) и, соответственно, сходной мифологической картиной мира (имеющей общие прауральские истоки), а также средней обитания и обусловленного ею хозяйства.

Литература

Анучин Д.Н. К истории искусства и верований приуральской чуди // МАВГР. 1899. Вып. III.
Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневы // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы – место специализированного металлургического производства (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. (ВАУ. Вып. 17).
Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21.
Берс Е.М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959.
Борзунов В.А. Раскопки на Барсовой Горе // АО–2003. М., 2004.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.

Бортвин Н.Н. Находка на горе Азов на Урале // КСИИМК. 1949. Вып. XXV.

Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском Северо-Востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Рукопись дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. 2004. № 11.

Викторова В.Д. Клады древних металлургов Урала // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Викторова В.Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // УИВ. 2002а. № 8.

Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

Викторова В.Д., Непомнящих В.В., Непомнящих О.З. Находки на горе Азов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.

Галанина Л.К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа: Келермесские курганы. СПб., 2006.

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль: (Проблемы семантики). М., 1975.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.

Игнатьева О.В. История собирания и изучения археологических коллекций пермского звериного стиля: АКД. Пермь, 2005.

Игнатьева О.В. Термин «Пермский звериный стиль» в историографическом аспекте // Finno-Ugrica (Казань). 2007. № 1.7.

Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соревских озёрах // Барсова Гора: Древности таёжного Приобья. Екатеринбург–Сургут, 2008.

Корепанов К.И., Оборин В.А. Рец.: Грибова Л.С. Пермский звериный стиль: (Проблемы семантики) // СЭ. 1978. № 6.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. (Мат-лы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.). Томск, 1998.

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тысячелетия до н. э. (предварительные результаты) // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2005. Вып. 1.

Матвеев А.В., Чукунова И.Ю. Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991.

Сериков Ю.Б. Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Смирнов Н.Г., Ерохин Н.Г., Быкова Г.В., Лобанова А.В., Корона О.М., Широков В.Н., Некрасов А.Е., Ражева М.В. Грот Сухореченский – памятник истории природы и культуры в Красноуфимской лесостепи // История современной фауны Южного Урала. Свердловск, 1992.

Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА. 1906. Т. VIII, вып. 1.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Трапи М.М. Древний Сухуми. Сухуми, 1969 (Труды. Т. 2).

Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистика-иконографический анализ): АКД. Ижевск, 2003.

Федорова Н.В. Бронзовая художественная пластика // Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). Екатеринбург, 1994.

Федорова Н.В. «Филин с человеческим лицом» или забытый сюжет в культуре обских угров // Обские угры: Материалы II-го Сибирско-

го симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 1999.

Худяков М.Г. Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. Л., 1933 (МГАИМК. Вып. 2).

Чауркин С.Е., Чемякин Ю.П. Скалистый мыс I, II, стоянка и жертвенное место // Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Чауркина Н.М. Археологические исследования культовой площадки Скворцовская гора V в 2004 г. Екатеринбург, 2005 // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. II. Д. 177.

Чемякин Ю.П. Случайная находка в окрестностях Коркино // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск, 2008.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полууйского времени // МИА. 1953. № 35.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов). М., 2007 (Каргалы. Т. V).

Чиждова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири (по материалам культового литья): АКД. Л., 1983.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // СМАЭ. 1927. Т. VI.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001.

Dančenko E.M. Die Besiedlungsabfolge des Gorodišče Krasnojarka und seine kulturellen Kontakte // EA. 2000. В. 6.

Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. Т. 31:1.

Tallgren A.M. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // ESA. 1928. Т. III.

Рис.1. Север и северо-восток Восточной Европы: 1, 2 – Шиховской м-к; 3 – Пожегдин II, пос.; 4 – Новый Бор I, м-к; 5 – Ягкодж I, стоянка; 6 – Зуевский м-к; 7 – Луговской м-к; 8, 9 – Старший Ахмыловский м-к; 10 – Галинское селище; 11 – Котловский м-к; 12, 13 – Скородум, «клад»; 14 – Сумозеро XV, пос.; 15 – Пижемское г-ще; 16 – Куреваниха XVII, м-к; 17 – Никольское XVII, м-к; 18, 21-23 – Усть-Белая I, м-к; 19, 20 – Куреваниха XIVa, м-к; 24 – Куреваниха XXVI, м-к; 25, 26 – Чагода I, м-к; 27 – Куреваниха III, м-к; 28-39 – Гляденовское костыще; 40-42 – Юго-Камское костыще

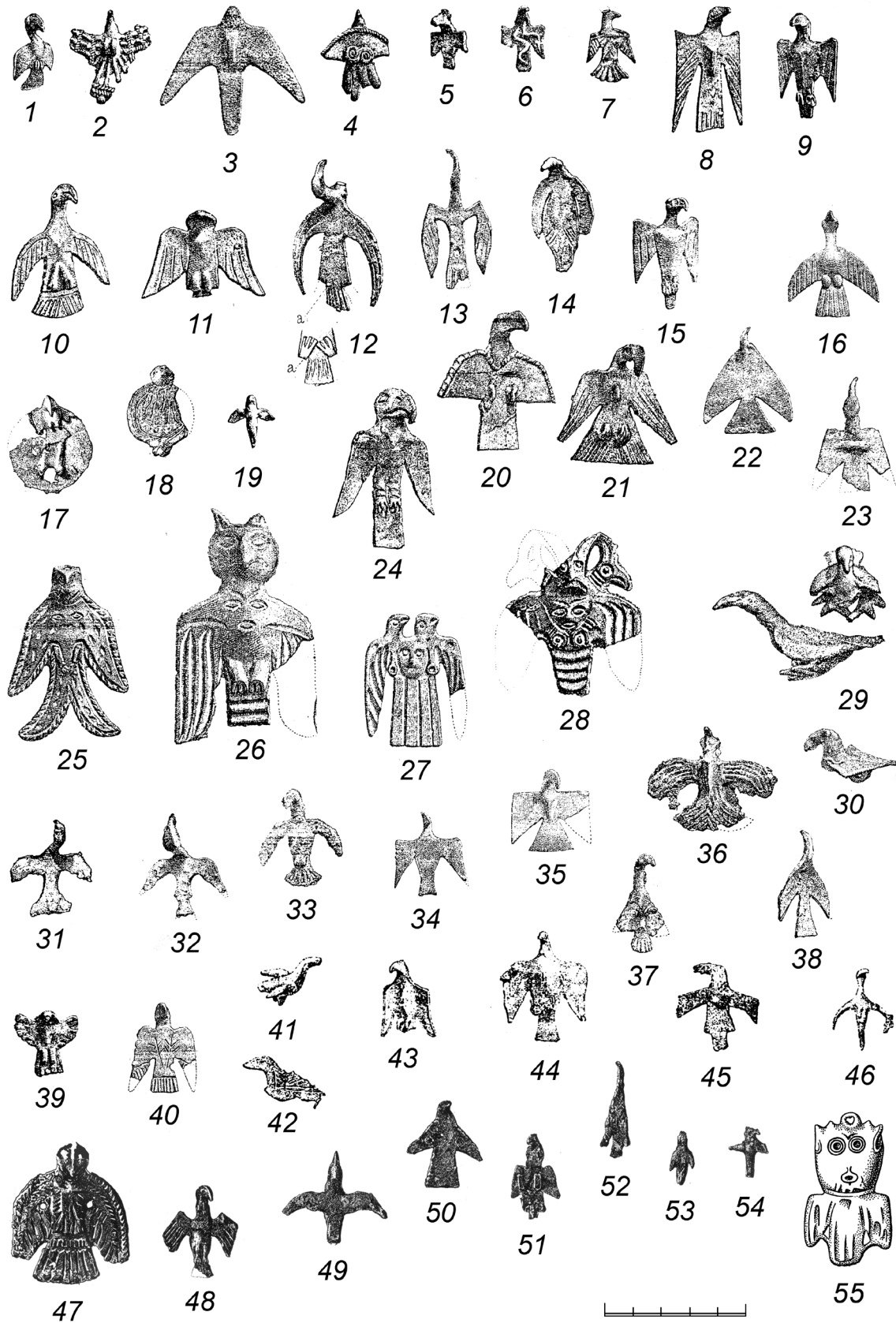

Рис.2. Среднее и Верхнее Прикамье: 1-54 – Гляденовское костыще; 55 – д. Варыш (р. Сиа, б. Чердын-ский у. Пермской губ.)

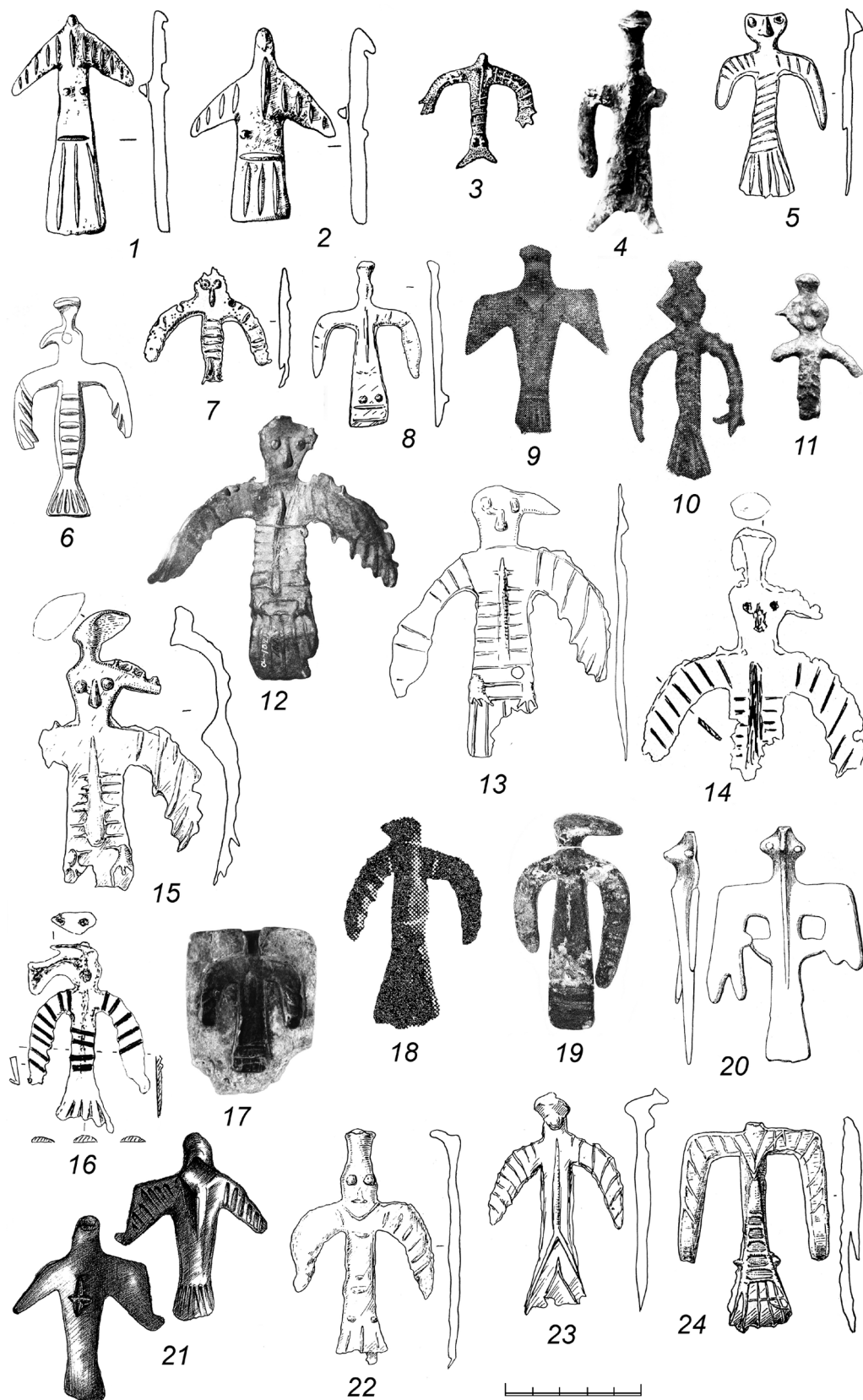

Рис. 3. Горно-лесной Урал: 1, 2 – Ботники 1в, пос.; 3 – Боровая 1, стоянка; 4 – гора Адуй; 5 – окрестности с. Верхнеярское; 6 – р. Линевка; 7-8, 22-24 – случайные находки (СОКМ); 9-11, 15 – святилище у селища Аятское I; 12 – оз. Аятское (рч. Шайдуриха); 13, 14 – оз. Таватуй; 16 – Шайтанское озеро II, южное святилище (Южный Шихан); 17 – рч. Шигирский исток; 18 – б. музей ОАИЭ, «корочки» А.А. Спицына; 19 – б. Пермская губ. (СОКМ); 20 – рч. Шурала (Шигирский торфяник); 21 – Шайтанское озеро II, святилище за лагерем (Средний Шихан)

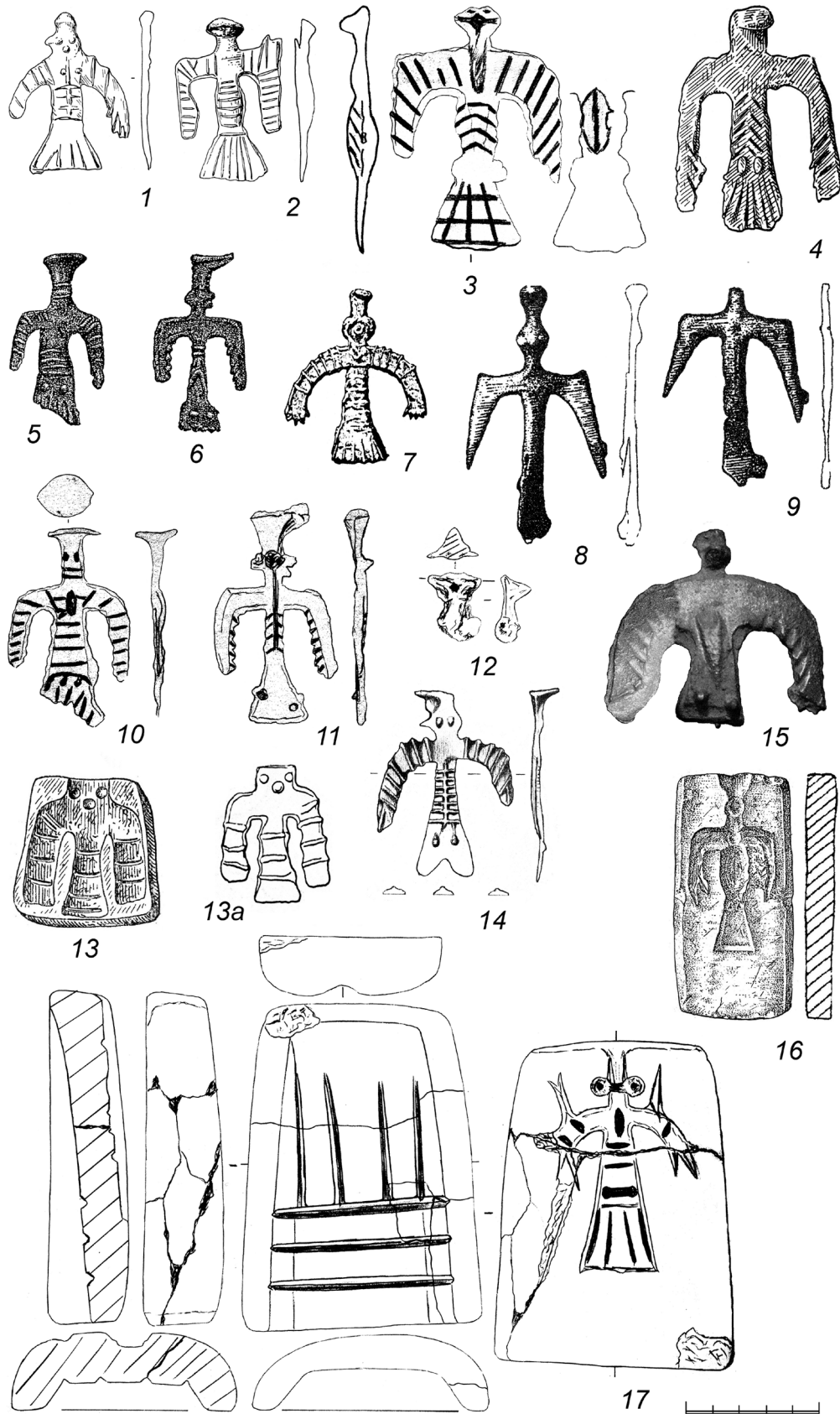

Рис. 4. Горно-лесной Урал (окрестности Екатеринбурга): 1 – гора Старики (Матаиха); 2 – оз. Мелкое (Романовские палатки, стоянка на Малых Палатках); 3 – мыс Толстик, пос. (Исетское оз.); 4 – оз. Шарташ; 5, 6 – гора Малая (д. Палкино, находки Сигова); 7 – д. Палкино (коллекция Ешевского); 8-12 – Палатки I, пос.; 13 – 2-е Карасье оз., валы на восточном берегу; 14 – место находки неизвестно, УрГУ; 15 – место находки неизвестно, из Интернета; 16 – г-ще на горе Думной; 17 – Прыговское г-ще

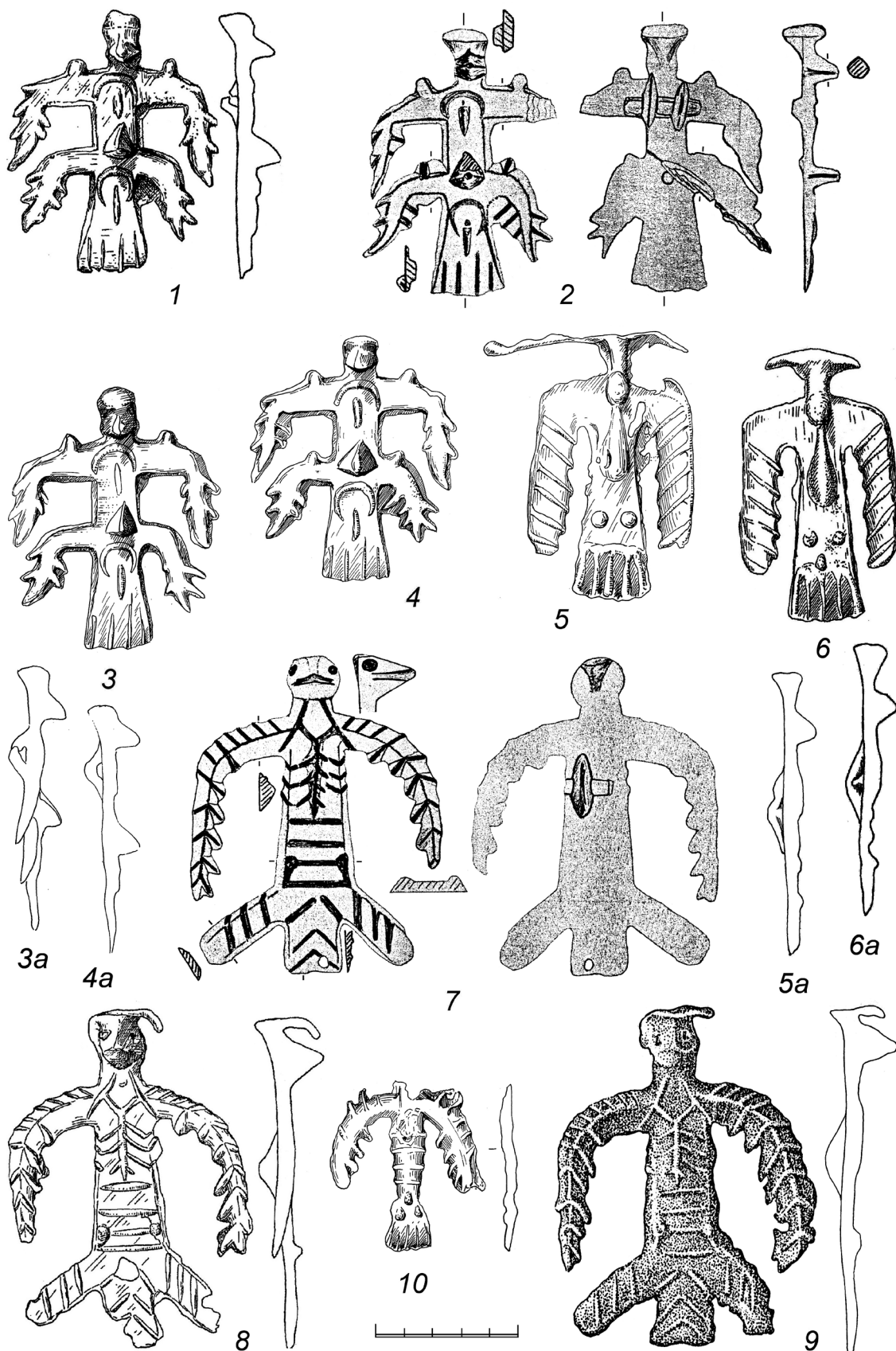

Рис. 5. Горно-лесной Урал (Азов-гора): 1, 3-6, 8-10 – СОКМ; 2, 7 – музей г. Полевского

Рис. 6. Горно-лесной Урал (Азов-гора): 1-5, 8-14 – СОКМ; 6 – ГЭ; 7 – музей г. Полевского

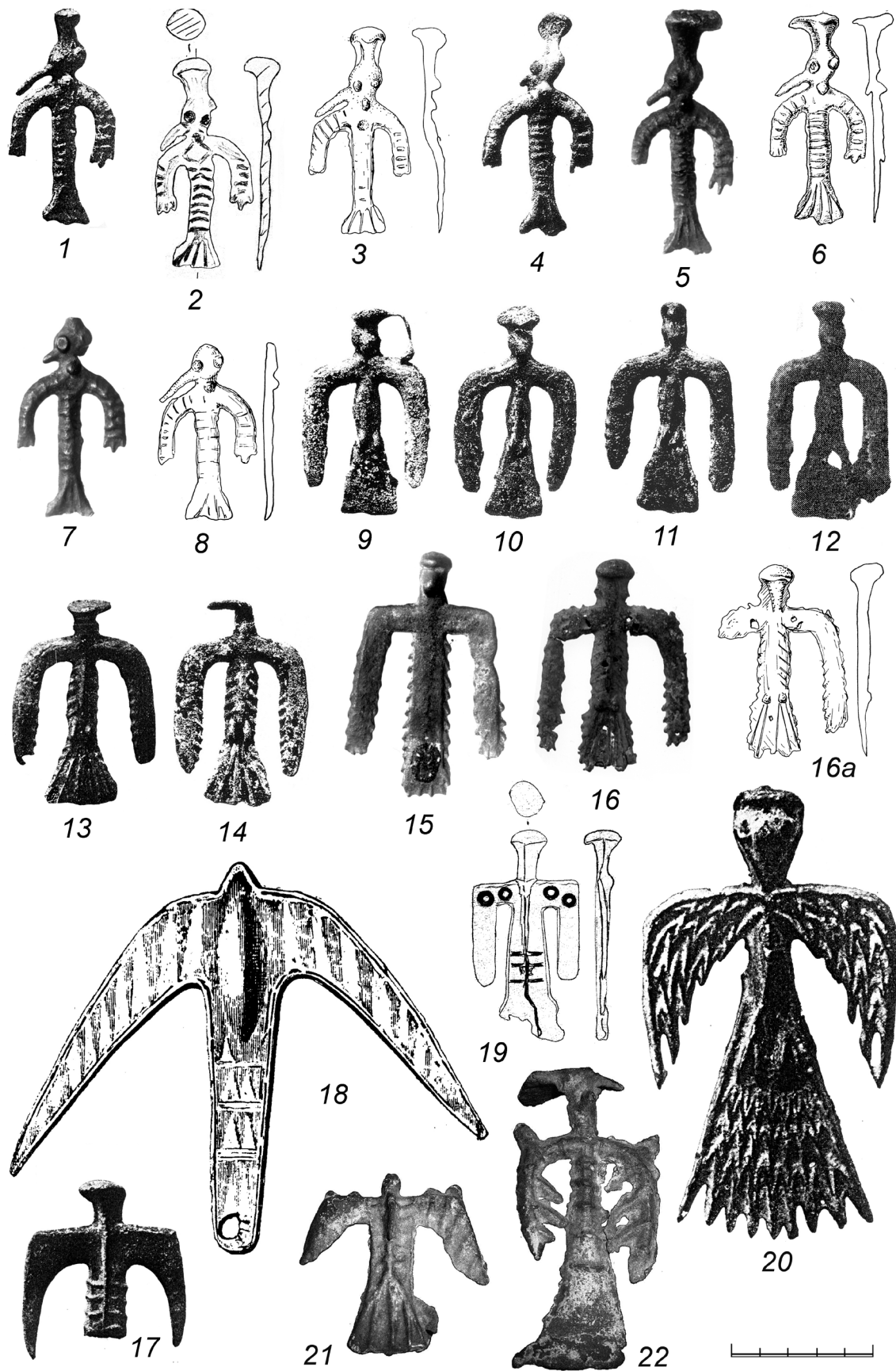

Рис. 7. Горно-лесной Урал: 1-11, 13-17, 20 – гора Караульная; 12, 19 – Сысертский завод (ГЭ); 18 – Ревдинский завод; 21, 22 – место находки неизвестно, из Интернета

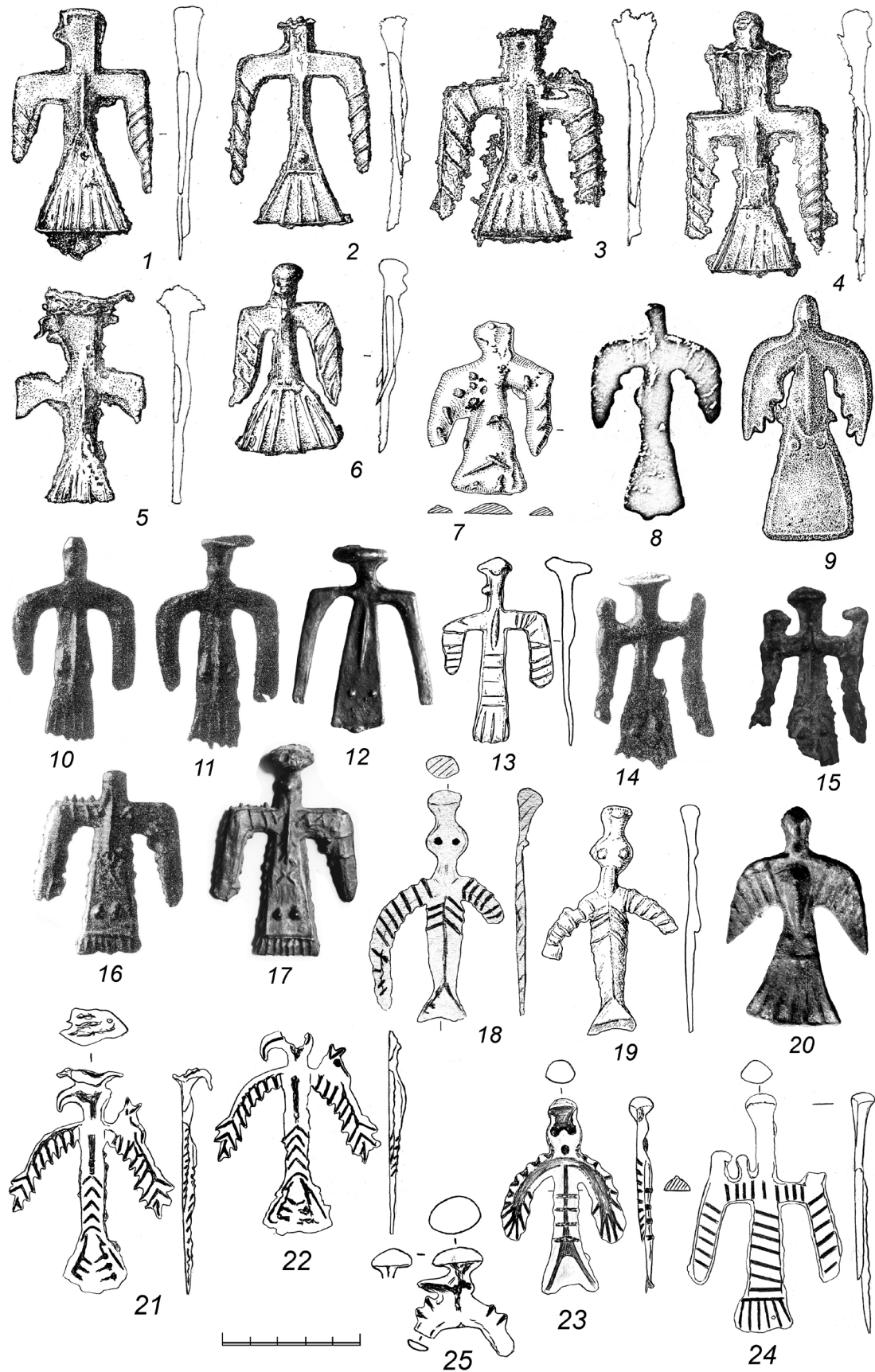

Рис. 8. Горно-лесной Урал: 1-6 – Сухореченский грот; 7 – Коркино IV, местонахождение; 8 – Кыштым; 9 – Малый Вишневый, пос. (производственный комплекс на Малом Вишневом острове, оз. Аргази); 10-19 – клад у с. Огневского (Куяш-Огневского); 20 – Бакланское; 21-25 – Башкирия

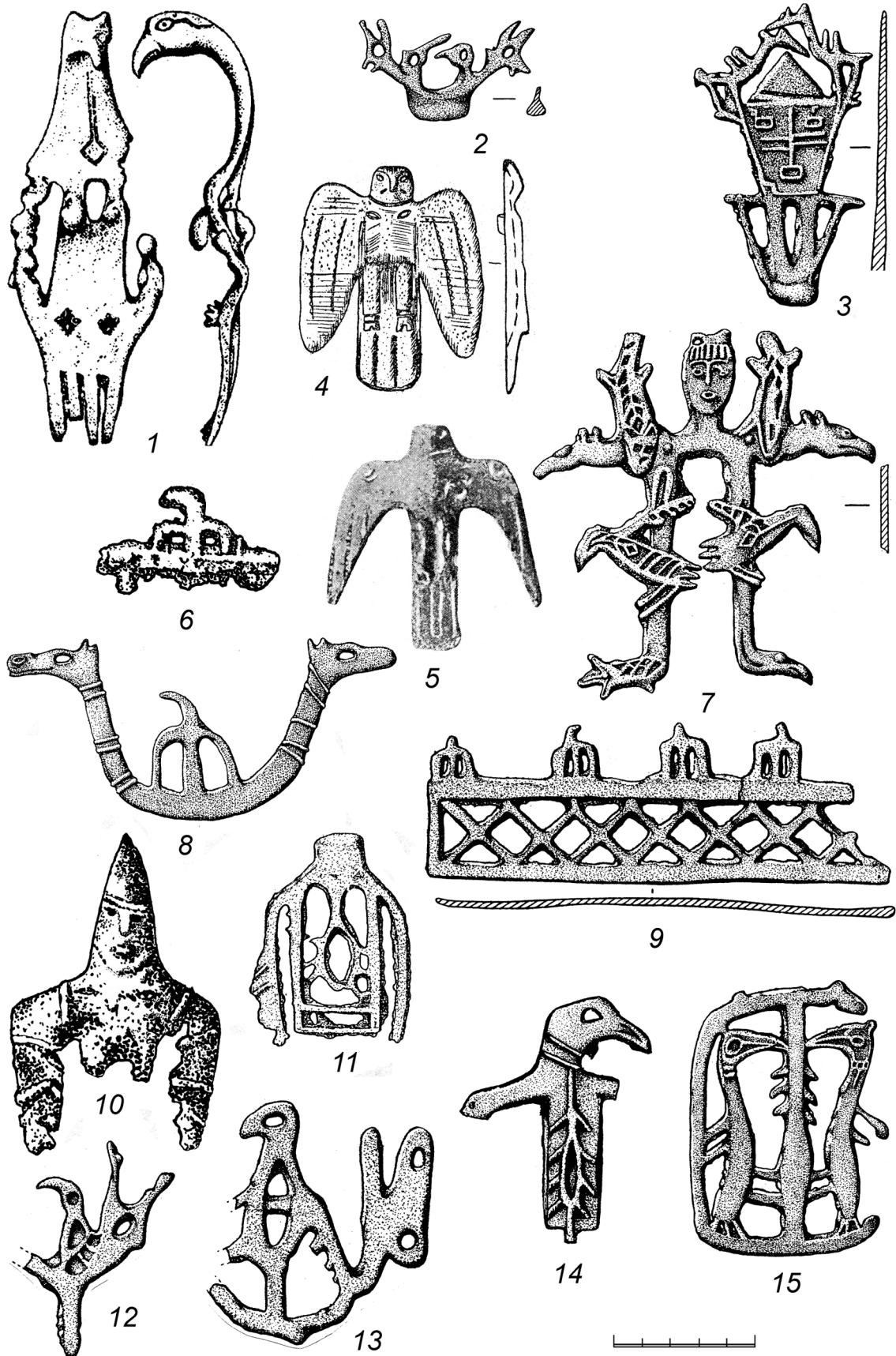

Рис. 9. Среднее (Нарымское) Приобье: 1, 2 – Бокчарские (Бакчарские) находки; 3 – Рыбинские находки; 4, 5 – находки на р. Чижанка; 6-15 – Кулайское культовое место

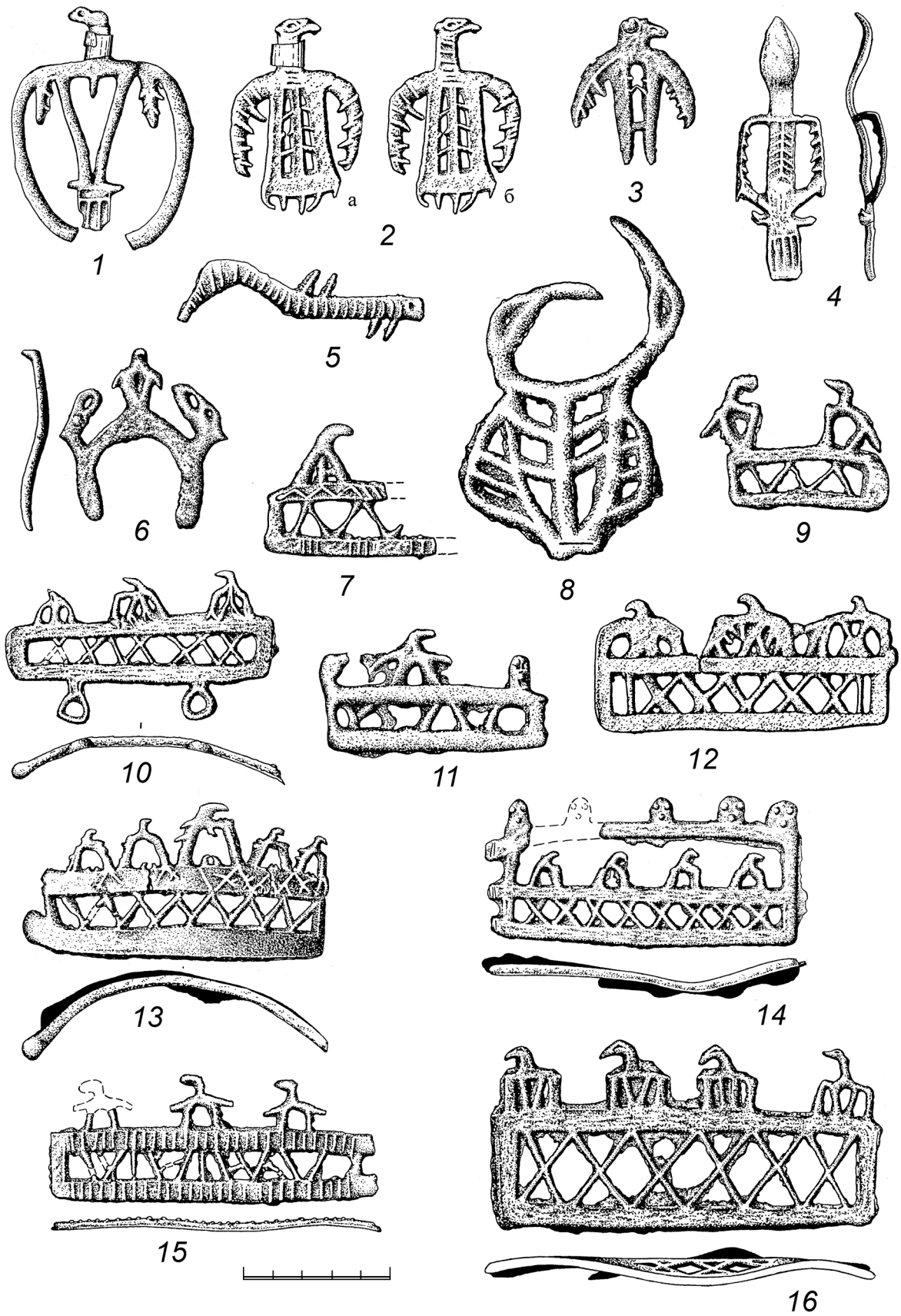

Рис. 10. Среднее (Нарымское) Приобье: 1-16 – Саровское культовое место

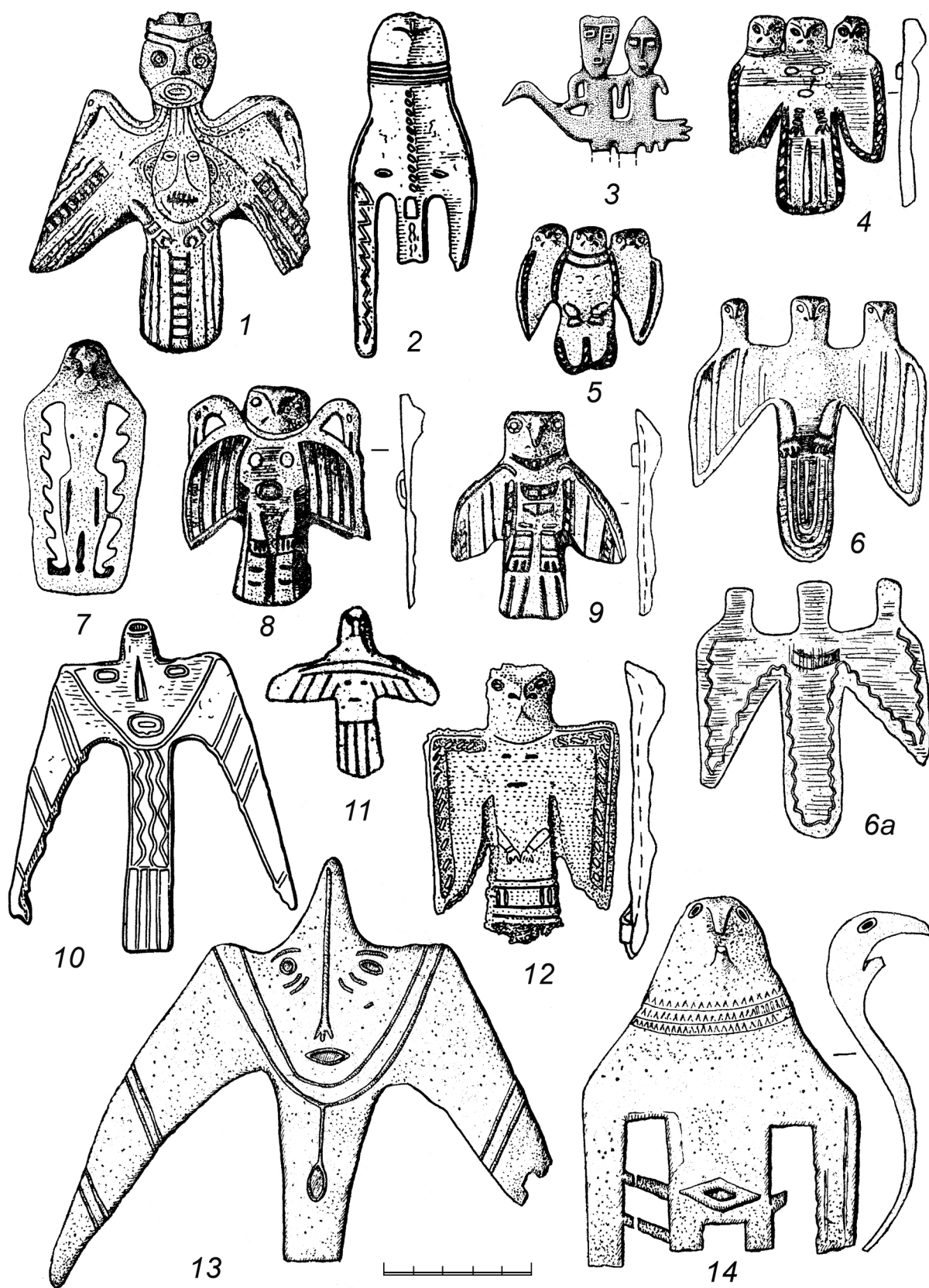

Рис. 11. Среднее (Нарымское) Приобье: 1, 2 – Пиковка; 3 – находка на р. Васюган; 4-14 – Парабельское культовое место

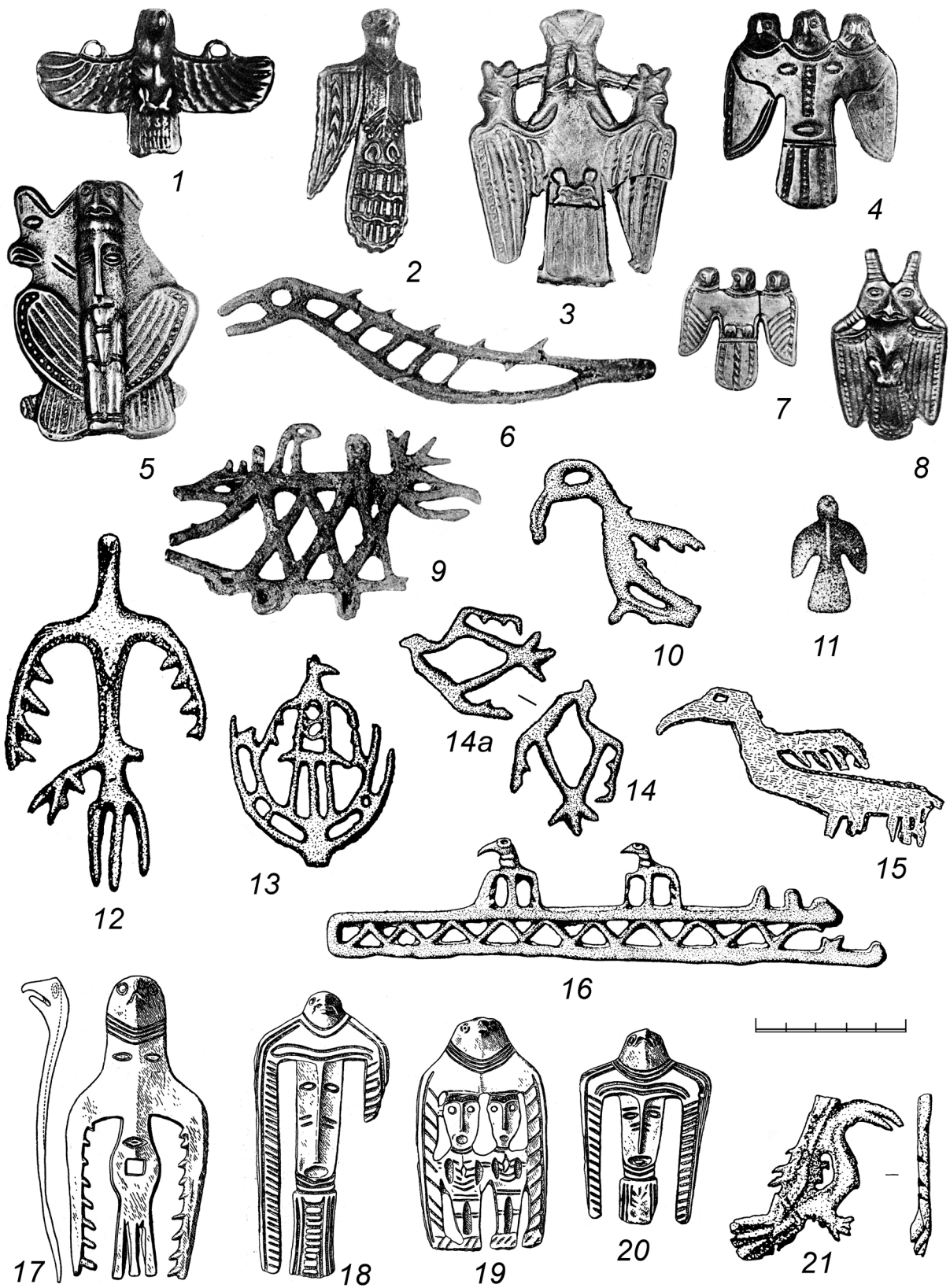

Рис. 12. Томско-Нарымское Приобье, междуречье Оби и Енисея, Прииртышье: 1-10 – Ишимское культовое место; 11 – Айдашинская пещера; 12, 13 – Кривошеинское культовое место; 14 – находка на р. Васюган; 15 – Самусь IV, пос.; 16 – находка на р. Нюrsa; 17-20 – Мурлинский клад; 21 – Богочановское г-ще

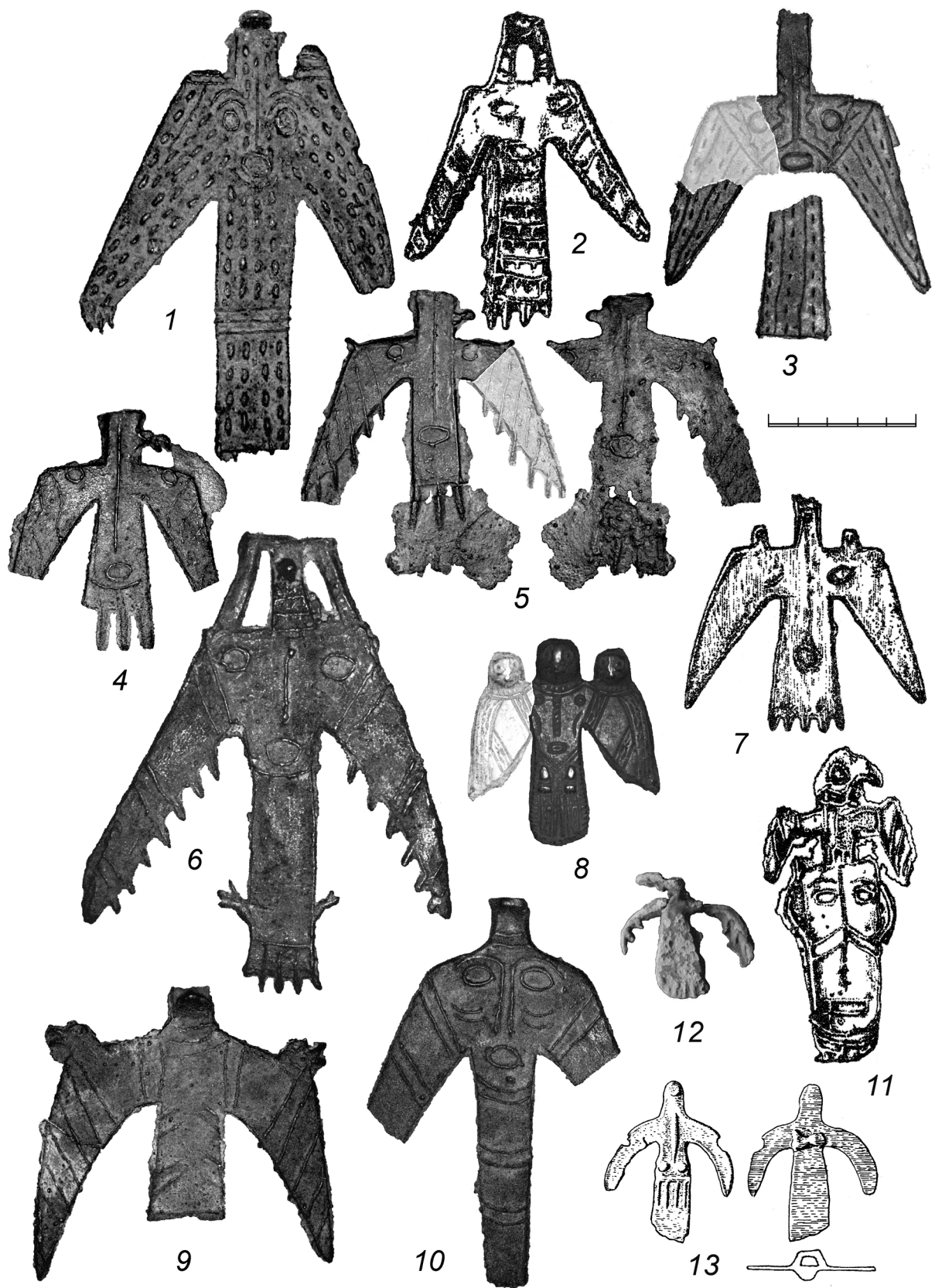

Рис. 13. Прииртышье: 1-10 – Роголихинский клад (с. Усольцево); 11 – Тюменская обл.; 12-13 – Красноярское г-ще

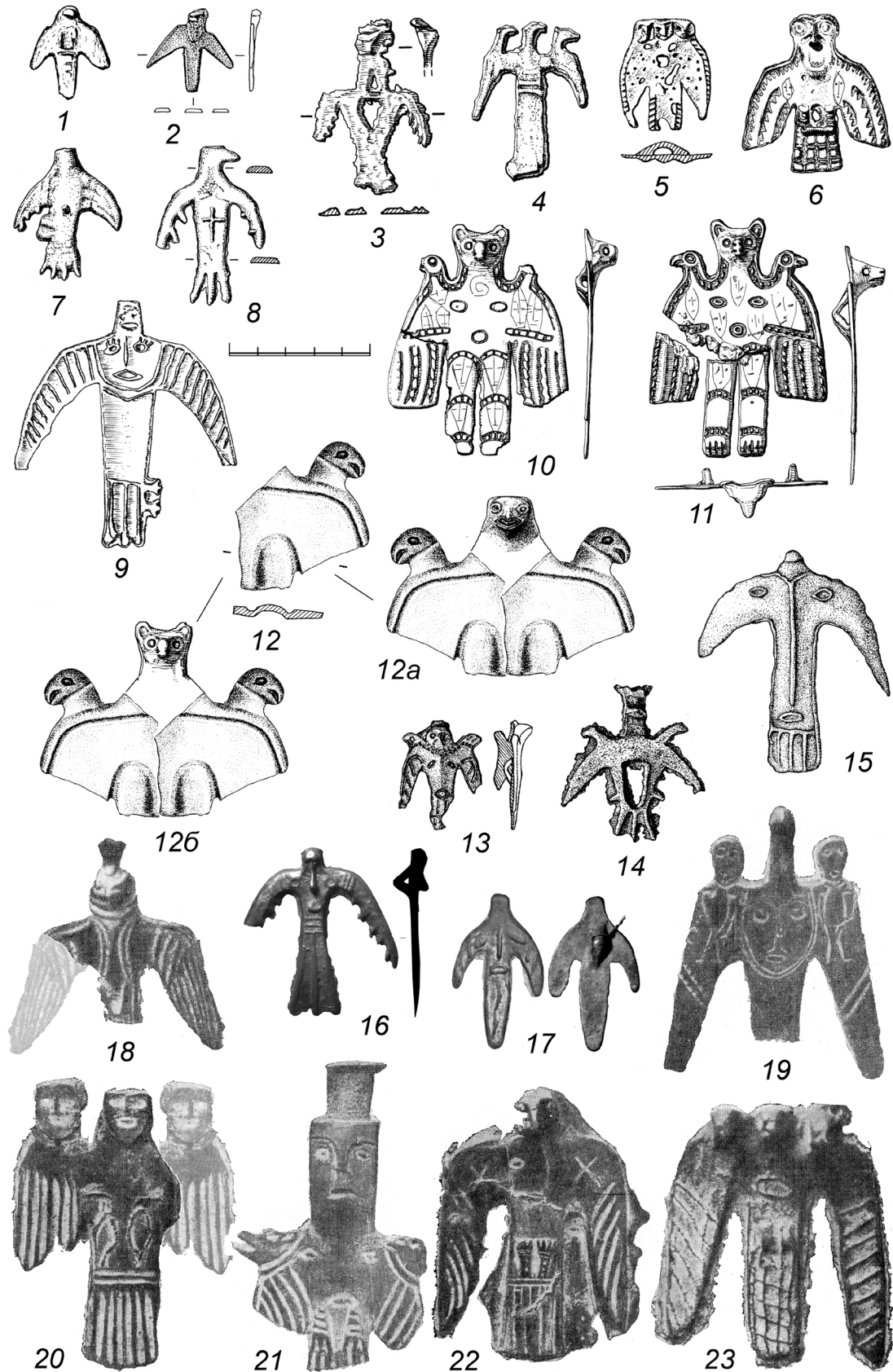

Рис. 14. Сургутское Приобье, бассейн Конды, Нижнее Прииртышье: 1 – Барсова гора III/49, селище (объект 161); 2 – Барсова гора III/72, селище; 3, 11 – Барсовский III м-к; 4, 7 – Барсовский VII м-к; 5 – Барсов городок I/9, святилище; 6 – Барсов городок I/20, клад на г-ще; 8 – Барсов городок I/8, г-ще; 9 – Барсов городок III/6, г-ще; 10 – Барсов городок I/20, г-ще; 12 – Барсова гора I/40, селище; 13-15 – Соровское 22-23с, культовое место; 16 – Неушья I.1, г-ще; 17 – Неушья I.2, м-к; 18-23 – Истяцкий клад

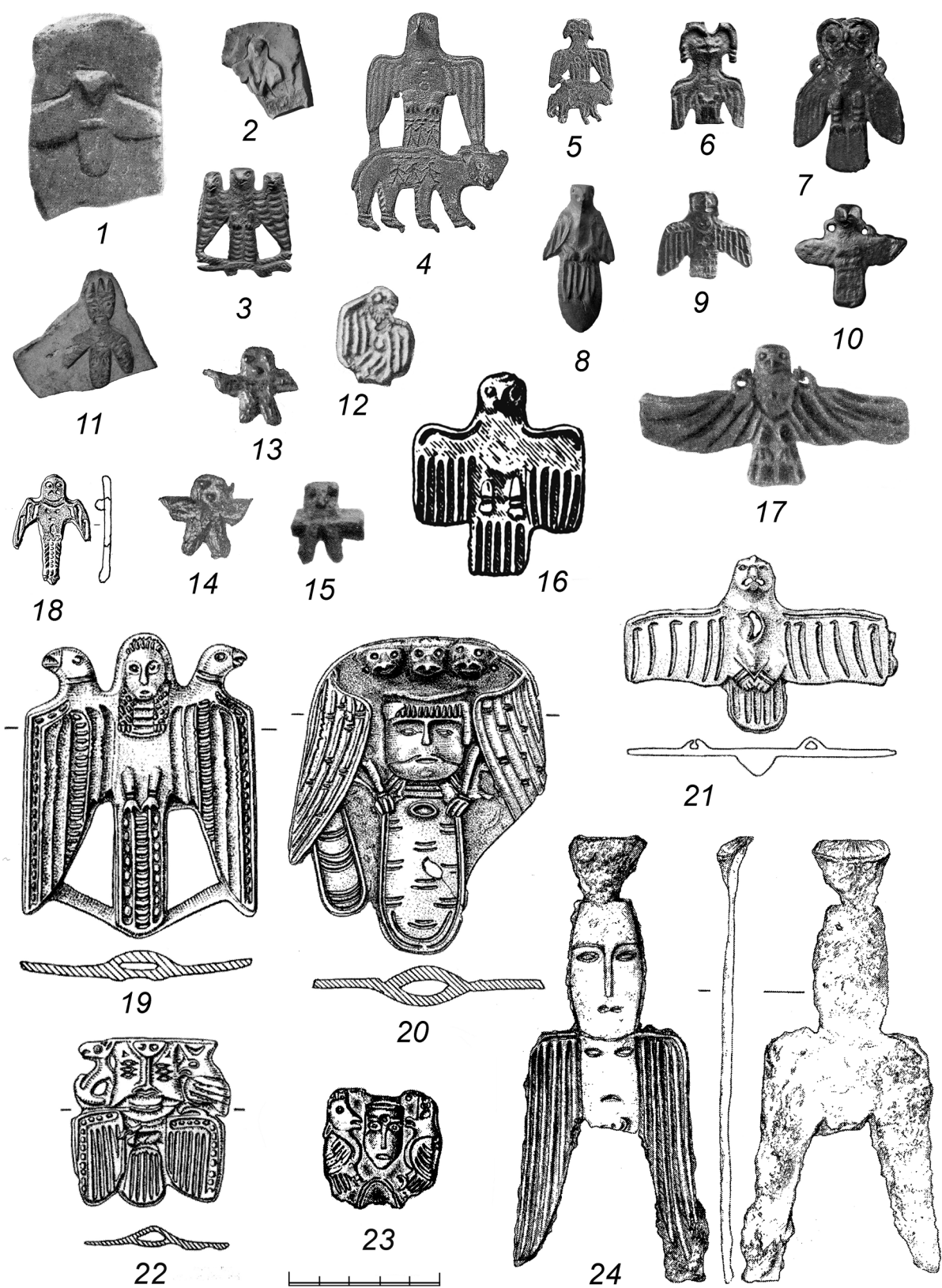

Рис. 15. Нижнее Приобье: 1-12 – Усть-Полуй, г-ще; 13 – сборы Н.Л. Гондатти; 14, 15 – Лозьвинский клад; 16 – г-ще на Соровском мысу; 17 – Катра-Вож, пос.; 18 – находки на оз. Кислоры; 19-22 – Холмогорский клад; 23 – Янычково, г-ще; 24 – случайная находка (СОКМ)

Ю.Б.Полидович

Рукояти с изображением хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного стиля»

Изобразительное искусство Волго-Камского региона ананьинской эпохи в целом достаточно детально охарактеризовано в обобщающих работах А.В. Збруевой, К.И. Корепанова и Ст.А. Васильева, а также в ряде публикаций и обзорах других авторов. Однако ряд вопросов, связанных с изучением феномена этого искусства, по-прежнему остаются дискуссионными и открытыми. В частности, это касается общего подхода к ананьинскому искусству – от выделения единого понятия «ананьинский звериный стиль» и изучения его специфики как оригинального историко-культурного явления (историографию вопроса см.: Васильев, 2000) до отрицания существования «стилистически и хронологически единого ананьинского звериного стиля» (Васильев, 2002. С. 7).

Большинство ананьинских изделий в «зверином стиле» было выполнено из бронзы. Это было связано, в первую очередь, с мощным развитием бронзолитейного производства в Волго-Камском регионе в ананьинское время (Кузьминых, 1983). Однако не менее показательными были роговые и костяные изделия. Согласно общим подсчетам К.И. Корепанова, они были менее распространены, но в то же время «достаточно показательны, поскольку немногие регионы скифского мира могут быть представлены столь обширными коллекциями костяных изделий в зверином стиле» (1985. С. 48). Тем более что «кость является традиционным и одним из основных сырьевых материалов для Волго-Камья и всей лесной полосы Евразии» (Васильев, 2004. С. 282).

Широкое использование кости в качестве материала для изготовления предметов в «зверином стиле» началось в V в. до н.э. и наиболее популярным стало в IV–III вв. до н.э. (Корепанов, 1985. С. 45; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006).

В кости преимущественно воспроизводились образы местной фауны: лось, медведь, волк и другие. При этом, отдельные образы были связаны преимущественно с определенными категориями костяных изделий: мотив головы хищника (кошачьего, волка или медведя) – с рукоятками ножей и оружия, мотив головы медведя – с костяными псалями (Корепанов, 1985. С. 45).

Возможно, одной из наиболее оригинальных категорий ананьинских костяных и роговых изделий, связанных со «звериным стилем», являются рукояти орудий (Васильев, 2001; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 54–57) (рис. 1). Эти изделия являются самыми распространенными среди ананьинских изделий из кости и рога. Вырезаны рукояти в основном из роговых отростков лося, олени или косули и подразделяются на рукояти шильев и ножей (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 55).

В целом подобные изделия были характерны для самых разных регионов скифского мира, однако только для ананьинских памятников характерно столь большое количество рукоятей орудий, украшенных резными изображениями животных. Это могли быть разные животные: лось, медведь, волк, кошачий хищник (Корепанов, 1987. С. 69; Васильев, 2001. С. 78; Коренюк, 2004; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 54–57; др.). Изображения хищников преобладали на данной категории изделий. При этом если лось и кабан были представлены только в виде головы, то хищники изображались либо в виде головы, либо в виде протомы (передней части тела), воспринимаемой как изображение «крадущегося или затаившегося хищника» (Шаталов, 2006. С. 102; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 57). Как уникальный мотив многими исследователями отмечается изображение так называемого «взнузданного» медведя (рис. 1, 13) (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 57).

Но во всех случаях характерно, что изображение на рукояти является органической частью изделия. Голова или протома животного как бы вырастает из рукояти. Подобное органическое сочетание изделия и зооморфного образа характерно для роговых или металлических зооморфно оформленных псалив, распространенных во многих регионах скифского мира, для металлических крючков, распространенных преимущественно в Волго-Камском регионе и Подонье в IV в. до н.э., для ананьинских бронзовых парадных секир и ряда других изделий. Однако же для большинства изделий скифского мира характерно либо «присоединение» изображения к изделию (к примеру, большая часть чеканов и ножей, происходящих из восточных

регионов скифского мира), либо вписывание изображения в плоскость на изделии (см. зооморфное оформление перекрестий, рукоятей и ножен мечей и кинжалов, рукоятей ножей и т.д.). Животные воспроизводились на рукоятях, как правило, в виде объемных (скульптурных) изображений, часто дополненных рельефной резьбой (Шаталов, 2006. С. 101; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 80 и след.)

Еще одной особенностью зооморфно оформленных рукоятей является их индивидуальность. При определенной общности образов и композиций, изображенных на этих изделиях, стилистическое воплощение животных в каждом случае было достаточно оригинальным. На наш взгляд, это говорит о достаточно развитом мастерстве ананьинских резчиков, работавших в пределах определенной изобразительной традиции.

Понять сущность этой традиции может, по нашему мнению, один достаточно яркий стилистический прием – акцентированное выделение щеки (скулы) хищника при помощи какого-то дополнительного изображения. Этим, прежде всего, отличается серия рукоятей V в. до н.э. из Буйского городища. В нескольких случаях скула изображена в виде спирального завитка (рис. 1, 1, 4, 10), в одном – в виде кольца (рис. 1, 2), еще в одном – в виде стилизованной птичьей головки (рис. 1, 9).

Выделение скульных дуг является одной из характерных черт экстерьера реальных хищников. Это связано с особым развитием мышц головы, в частности жевательных, произошедшего вследствие питания животной пищей (Биология..., 1966. С. 258, 259, 267). И хотя на большинстве изображений хищников скифского времени акцент на этой части головы не делался, в некоторых регионах скифского мира изображения хищников с акцентированной щекой были достаточно распространены. Это, прежде всего, характерно для изображений из Нижнего Поволжья (около 30%) и Центральной Азии (менее 50%). Также на большинстве алтайских изображений щека или выделялась каким-то образом, или же рельефно очерчивалась.

Акцентирование щеки спиральным завитком можно считать достаточно ярким стилистическим признаком, бытовавшим в конце VI–IV вв. до н.э. Этот прием свойственен для единичных изображений, происходящих из разных регионов скифского мира: Северного Причерноморья (Золото степу, 1991. Кат. 120, f), Днепровской лесостепи (Ильинская, 1968. Табл. 21, 4; Яковенко, 1969. Рис. 1, 6), Кавказского региона (Шамба, 1983. Рис. 1, 21), Горного Алтая (Руденко, 1953. Табл. 80, 2; Кубарев, 1991. Табл. 38, 26), Тувы (Маннай-Оол, 1970. Рис. 19, 4). Применялся этот

прием и при изображении иных животных, особенно «ушастой птицы» (например: Максимов, 1976. Рис. 3, 11).

В определенной степени спиральный завиток можно считать стилизацией иного приема: расположения на щеке или на заднем контуре головы, т.е. «от угла нижней челюсти к уху» (Переводчикова, 1984. С. 8, 9), дополнительного изображения головки хищной птицы¹. Этот прием является одной из разновидностей характерного признака скифского «звериного стиля»: зооморфного превращения. В разных регионах скифского мира было принято изображать самые разные части головы и тела хищников, оленей и других животных в виде голов или целых фигур тех или иных животных, чаще всего головки хищной птицы (Канторович, 2002). Размещение головы хищной птицы на контуре щеки или на ней самой характерно, прежде всего, для Прикубанья (Смирнов, 1964. Рис. 81, 2; Переводчикова, 1984. Рис. 2, 14, 15, 16; Островерхов, 1994. Рис. 1, 8; Очир-Горяева, 2001. Рис. 1, 2) (рис. 2, 4–10) и Нижнего Поволжья (Смирнов, 1964. Рис. 78, 7; Очир-Горяева, 1988. Рис. 1; Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. Рис. 1, 31) (рис. 2, 15–17), единичные изображения происходят из Южного Приуралья (Стоколос, 1962. Рис. 7, 1) (рис. 2, 13), Северного Причерноморья (Гайдукевич, Капошина, 1951. Рис. 4а; Лесков, 1968; Канторович, 2002. С. 93) (рис. 2, 2, 18), Правобережной (Галанина, 1977. С. 29, табл. 13, 1; Капошина, 1950. Рис. 13) (рис. 2, 12, 19) и Левобережной Днепровской лесостепи (Ильинская, 1965. С. 94, рис. 4, 3; Радзиевская, 1979. Рис. 1, 2) (рис. 2, 3, 20). А на поволжском изображении из кургана А-12 у с. Блюменфельд использована стилизованная головка копытного животного (Смирнов, 1964. С. 234, рис. 78, 11) (рис. 2, 11). Еще на одном нижеволжском изделии – «малом» клык из разрушенных курганов у с. Ново-Привольное (Максимов, 1976. Рис. 1, 3) в изображении головы хищника вписана голова какого-то животного (лося?: Максимов, 1976. С. 213), размещенная в пределах нижней челюсти и внешнего контура головы (рис. 1, 14). В более редких случаях прием зооморфного замещения внешнего контура щеки (головы) применялся в изображениях оленей, лося, грифона (Максимов, 1976. С. 214, рис. 3, 7; Канторович, 2002. С. 93).

Для изображений хищников на рукоятях из Буйского городища характерна еще одна стилистическая деталь: завиток на щеке является продолжением ленты губ. Изображать губы хищника в виде рельефной ленты также являлось од-

¹ По А.Р. Канторовичу (2002): «трансформация кожно-шерстной складки в основании головы».

ной из характерных черт скифского «звериного стиля». Однако то, что эта лента перерастает в завиток на щеке, кроме вятских изображений характерно еще для нижневолжского изображения на «малом» кабаньем клыке из разрушенных погребений у с. Ново-Привольное (рис. 2, 14).

На наш взгляд, данная небольшая серия вятских рукоятей с изображениями хищников достаточно наглядно высвечивает целый ряд основных особенностей всего ананьинского зооморфного искусства. А именно:

- изделия, выполненные в «зверином стиле», являются продуктом творчества местных мастеров; это оригинальные авторские произведения, которые ни в коей мере не копируют импортные образцы или же им подражают (об этом см.: Васильев, 2004. С. 276, 279, 281 и др.);

- ананьинские изделия творчески сочетают в себе стилистические приемы как общескифского плана, так и собственные наработки;

- ананьинские изделия, являясь оригинальными произведениями зооморфного искусства, полностью соответствуют общим принципам скифского (в широком смысле понимания этого термина) «звериного стиля», всему его художественному строю.

Подобный вывод можно сделать при анализе и других серий изделий, которые также характеризуются исследователями как собственно ананьинские: бронзовых парадных секир (Кузьминых, 1983. С. 143–145; Васильев, 2004. С. 279), каменных пряслиц, костяных псалиев с головами медведей на концах (Корепанов, 1981. С. 131), костяных гребней (Шаталов, 2002; Васильев, 2004. С. 279) и т.д.

Следовательно, можно сказать, что ананьинский «звериный стиль» представлял собой самостоятельный локальный вариант скифского «звериного стиля», каковым в настоящее время рассматривают также зооморфное искусство скифского времени Северного Причерноморья, Левобережной и Правобережной Днепровской лесостепи, Среднего Дона, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и т.д. Несмотря на значительные локально-хронологические особенности бытования ананьинского искусства, которые отмечаются исследователями (Корепанов, 1980; Васильев, 2002; 2004), зооморфные образы были органичной частью художественного мира населения Волго-Камского региона в VII–IV вв. до н.э. Определенные хронологические ритмы развития волго-камского искусства ананьинского времени, отмеченные всеми исследователями как дискретные, были столь же характерны для всех западных регионов скифского мира – от Северного Причерноморья до Южного Приуралья (Полидович, 2001).

Конечно же, ананьинский мир был в первую очередь связан с соседними регионами: Нижним Поволжьем, Южным Приуральем и Средним Доном, – что очень наглядно иллюстрируют изделия в «зверином стиле», в том числе и проанализированные выше. Вместе с тем, преобладание тех или иных образов в изобразительной системе, их конкретное стилистическое воплощение можно считать сугубо местной спецификой, отражающей собственные вкусы и представления пользователей продукции изобразительного творчества. Это обусловлено тем, что в древности изобразительное искусство всегда было неразрывно связано с мифологией и ритуальной практикой и не могло функционировать вне конкретного заданного контекста (Полидович, 2007). То, что изображения, бытовавшие в Волго-Камском регионе, одновременно сохраняли основные черты скифского «звериного стиля» и являлись оригинальными местными произведениями, может свидетельствовать о становлении собственной этнической традиции изобразительного творчества, связанной с мощным южным иранским влиянием.

Литература

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск, 2006.

Биология лесных птиц и зверей / Доппельмайр Г.Г., Мальчевский А.С., Новиков Г.А., Фалькенштейн Б.Ю. М., 1966.

Васильев Ст.А. История изучения искусства ананьинской культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2000. № 4.

Васильев Ст.А. Предмет неизвестного назначения из фондов Казанского музея // Евразия сквозь века: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб., 2001.

Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): АКД. СПб., 2002.

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. 2004. № 11.

Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. XV.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья: (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып. Д1-33.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сар-

маты и Скифия. Азов, 1997 (Донские древности. Вып. 5).

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Золото степу. Археологія України. Київ-Шлезвіг, 1991.

Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Канторович А.Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк, 2002.

Капошина С.И. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. 1950. Вып. 34.

Коренюк С.Н. Образ волка-собаки в идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Оборинские чтения. Мат-лы региональных археологических конференций. Пермь, 2004. Вып.3.

Корепанов К.И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. Вып. 15.

Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII-III вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

Корепанов К.И. О материале и технологии изготовления предметов в зверином стиле ананьинской культуры // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985.

Корепанов К.И. О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля (к постановке проблемы) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.

Корепанов К.И. Особенности генезиса звериного стиля в прикладном искусстве Среднего Поволжья и Прикамья в VII-III вв. до н.э. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Лесков А.М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. № 1.

Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время. М., 1970.

Острроверхов А.С. Звериний стиль у культуры Ольвії // Археологія. Київ, 1994. № 2.

Очир-Горяева М.А. Клык кабана с зооморфными изображениями из могильника Заханата Калмыцкой АССР // СА. 1988. № 4.

Очир-Горяева М.А. Предметы конской узды из Майкопа // Третья Кубанская археологическая конференция: ТД МНАК. Краснодар-Анапа, 2001.

Переводчикова Е.В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4.

Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии. Донецк, 2004 (Археологический альманах. Вып. 15).

Полидович Ю.Б. Этнокультурная ситуация в Евразийских степях в раннем железном веке по данным скифского «звериного стиля» // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография / Чтения памяти К.В. Сальникова: ММНК. Уфа, 2007.

Полидович Ю.Б. Образ хижака у мистецтві народів скіфського світу (за археологічними пам'ятками VII-IV ст. до н.э.): АКД. Київ, 2001.

Радзиевская В.Е. Новые находки предметов скифского звериного стиля // СА. 1979. № 4.

Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Стоколос В.С. Археологические исследования Челябинского областного музея // ВАУ. 1962. Вып. 2.

Чежина Е.Ф. Орнаментированные кабаньи кльки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. 1991. Вып. 31.

Шамба Г.К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми // КСИА. 1983. Вып. 174.

Шаталов В.А. Костяные гребни Прикамья эпохи раннего железного века // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск, 2002.

Шаталов В.А. Технологические характеристики и декор изделий из кости и рога населения Вятского края в ананьинскую эпоху // Известия ЧНЦ. 2006. Вып. 2 (32).

Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. 1969. № 4.

Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919.

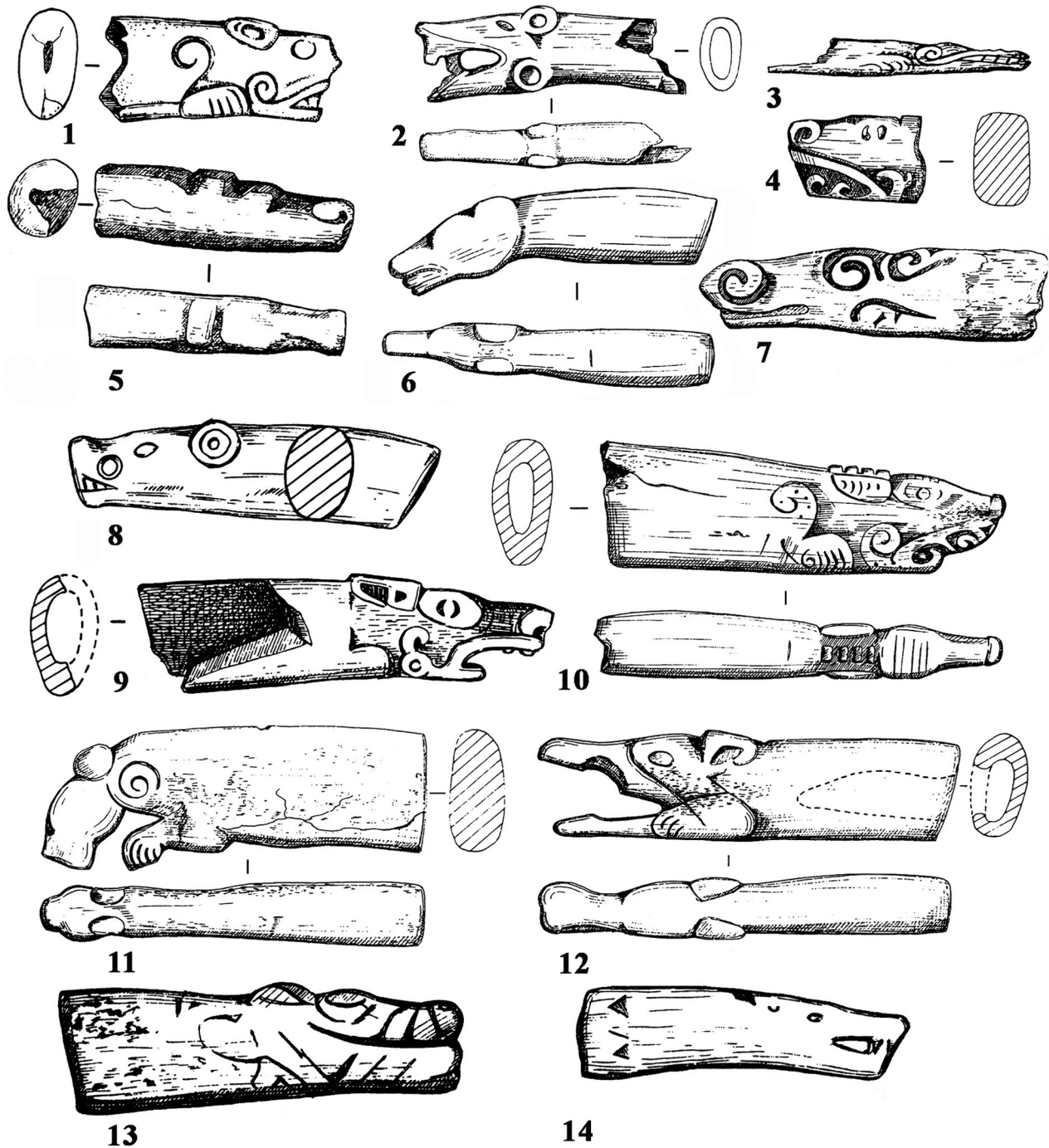

Рис.1. Ананьинские роговые рукояти с изображением хищника: 1–4, 6, 7, 9–12 – Буйское городище, Волго-Камье; 5, 13, 14 – Пижемское городище; 8 – Ройское городище (по: Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006)

Рис.2. Прием зооморфной трансформации в скифском «зверином стиле»: 1 – Буйское городище, Волго-Камье (по: Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006); 2 – Ольвия, находка 1946 г. (по: Гайдукевич, Капошина, 1951); 3 – городище Полковая Никитовка, Днепров. Левобережье (по: Радзиевская, 1979); 4, 6 – ст. Елизаветинская (Эрмитаж), Прикубанье (по: Смирнов, 1964); 5 – ст. Елизаветинская (Краснодар. музей), Прикубанье (по: Переводчикова, 1984); 7, 10 – Прикубанье (по: Переводчикова, 1984); 8 – Прикубанье (по: Островерхов, 1994); 9 – Майкоп, приобр. 1903 г., Прикубанье (по: Очир-Горяева, 2001); 11, 15 – Блюменфельд, кург. А-12, Нижнее Поволжье (по: Смирнов, 1964); 12 – Макеевка, кург. 491, Днепров. Правобережье (по: Галанина, 1977); 13 – Варна, кург. 2, Южное Приуралье (по: Стоколос, 1962); 14 – Ново-Привольное, из разруш. погребений, Нижнее Поволжье (по: Максимов, 1976); 16 – м-к Хошеутово, яма-комплекс, Нижнее Поволжье (по: Дворниченко, Очир-Горяева, 1998); 17 – м-к Заханата, кург. 5, п. 22, Калмыкия (по: Очир-Горяева, 1988); 18 – Ильичево, кург. 1, п. 6, Крым (по: Канторович, 2002); 19 – ур-ще Холодный Яр (г. Смела), кург. 20, сев. погр., Днепров. Правобережье (по: Капошина, 1950); 20 – Витова Могила, Днепров. Левобережье (по: Ильинская, 1965)

А.Р.Канторович

Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абызской культур

Более 40 лет назад К.Ф. Смирнов, характеризуя савроматский вариант скифо-сибирского звериного стиля, обратил внимание на то, что «на савроматской территории ... не известны изображения оленя в спокойно стоящей позе» (1964. С. 240). Исследователь сделал исключение для бронзовой бляхи в виде стоящего оленя – случайной находки у пос. Бульчевка на р. Уфимке, относимой им к «кругу савроматских изделий этого рода» (см. также: Смирнов, 1976. С. 75). При этом район местонахождения этой бляхи К.Ф. Смирнов характеризовал как «южную пограничную зону ананьинской культуры» (1964. С. 240), поскольку рассматривал, как и ряд других исследователей, ранние памятники кара-абызской культуры в качестве варианта ананьинской; иное мнение, предполагающее своеобразие кара-абызского стиля, отличного как от савроматского, так и от ананьинского, было обосновано А.Х. Пшеничнюком (1973. С. 238). Еще ранее Н.Л. Членова, осуществившая первую всеобъемлющую классификацию оленей в скифо-сибирском искусстве звериного стиля от Северного Причерноморья до Ордоса, отнесла изображение из Бульчевки к выделенной ею третьей группе (или типу) в рамках сюжета стоящего оленя. В ту же группу она включила еще три изображения, помещенные на бронзовых уздечных бляхах и происходящие из иных, диаметрально противоположных зон скифо-сибирского мира: два (с элементами иконографии лося) – случайные находки из зоны тагарской культуры и одно – из Крыма (некрополь Нимфея) (1962. С. 186, 187, 191, рис. 1, табл. IV, 21–23). Несмотря на то, что исследовательница не привела список отличительных признаков данного иконографического типа, ее вывод о значительном сходстве этих изображений абсолютно справедлив. Изображения этой группы были датированы Н.Л. Членовой в рамках V–IV вв. до н.э. на основании параллелей с определенными тагарскими изображениями оленей с подогнутыми ногами и аналогично трактованными туловищем и рогами.

Раскопки А.Х. Пшеничнюком знаменитого Филипповского I кургана выявили значительно более широкое присутствие сюжета стоящего/

идущего оленя в «савроматском» искусстве. Это и знаменитые статичные олени, оформляющие 26 штандартов, и непосредственно связанные с темой данной статьи шагающие олени на золотых обивках деревянных чаш (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 28, 30; Пшеничнюк, 2006. Рис. 4–7, 8, 2, 9, 7, 8). После целого ряда работ, посвященных полностью или частично ананьинскому и кара-абызскому зооморфному искусству (Корепанов, 1987. Рис. 5, 9; Овсянников, 2006; Савельев, 2008а; 2008б), появилась возможность говорить о реализации данного сюжета и в искусстве этих культур (рис. 1)¹.

Вместе с тем исследователи по-прежнему обращают внимание на определенную нетипичность этого сюжета для ананьинского и кара-абызского искусства. В частности, Л.И. Липина, справедливо указав, что бронзовые кара-абызские наконечники и поясные накладки являются первыми предметами бронзовой костюмной гарнитуры с образом лося/оленя (изображенного здесь именно стоящим/идущим), подчеркнула, что «специфичность, временная и территориальная ограниченность использования этих изделий выявляет их чужеродность в прикавказских культурах» (2006. С. 19).

В последних работах на эту тему были предприняты усилия по выявлению иконографических истоков данного сюжета. Так, В.В. Овсянников, разделивший массив кара-абызской металлопластики на 5 стилистических групп, отнес изображения стоящего/идущего оленя на бронзовых бляхах женских поясных наборов и вышеупомянутую бляху из Бульчевки, являющуюся поясным крючком, к I стилистической группе (наряду с изображениями льва и львиноголового грифона), объединив эти весьма разнородные мотивы по принципу «реалистичности изображений». При этом исследователь затруднился в выявлении точных аналогий сюжету стоящего/идущего оленя за пределами Южного Приуралья и, в конечном счете, объяснил его

¹ Ссылки на источники иллюстраций в основном содержатся в тексте статьи, в отдельных случаях – в подрисовочных подписях, исключая часто публикуемые типы изображений.

появление в кара-абызской культуре влиянием южносибирского (конкретно – тагарского) искусства скифо-сибирского звериного стиля (2006. С. 171, 172). Симптоматично, однако, что для изображений головы льва, включенных в ту же I стилистическую группу, В.В. Овсянников совершенно обоснованно выявил аналогии в зоне скифской культуры – в Приднепровье, а также в зоне ананьинской культуры; их появление в бассейне р. Белой справедливо объяснено опосредованным воздействием восточноевропейского скифского звериного стиля (2006. С. 172)².

Н.С. Савельев, анализируя материалы Шиповских курганов и Шиповского бескурганного могильника, высказал сходное мнение о степном истоке сюжета стоящего/идущего оленя, справедливо определив в качестве ближайшей аналогии некоторым из кара-абызских бронзовых блях изображения оленей «в шаге» на золотых обивках деревянной чаши из Филипповки (курган 1, тайник 1) (рис. 7, 3) (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 30; Савельев, 2008б. Рис. 6, 1, 4–9). Еще ранее на то, что данное изображение из Филипповки могло быть образцом для искажающего копирования в кара-абызском искусстве, указала Е.Ф. Королькова (2006. С. 41, 42, табл. 8). Примечательно, что Н.С. Савельев привел свои выводы о степном влиянии на искусство кара-абызской культуры в контексте иных выявленных им заимствований из кочевнического мира – в сфере вооружения и конского снаряжения (2008б. С. 119–127). В другой работе, посвященной стилистическому анализу изображений стоящего/идущего оленя на кара-абызских бляхах, Н.С. Савельев, подтвердив свою позицию о распространении изображений оленя в кара-абызской среде в результате прихода в приуральскую лесостепь «носителей гафурийского комплекса материальной культуры» (2008а. С. 69), выделил два типа таких изображений («реалистичный» и «схематичный») и представил эволюционный ряд, демонстрирующий подражание в кара-абызской среде иконографии упомянутых изображений оленя из Филипповки с последующим искажением канона, деградацией и трансформацией образного содержания в процессе многократного копирования. При этом прототипы самим Филипповским изобра-

² В.В. Овсянников пришел к ошибочному заключению, полагая, что все кара-абызские стоящие олени показаны «с обращенной назад головой» (2006. С. 171). Вероятно, в силу крайнего схематизма изображений исследователь принял длинное ухо за противоположно направленную морду оленя, и наоборот. На самом деле данные олени показаны с головой впрямь, на что указывает позиция переднего, «глазного» отростка рогов.

жениям (и опосредованно кара-абызским) автор усматривает в южносибирских трактовках оленей и лосей VII–V вв. до н.э. – в саяно-алтайских изображениях аржано-майэмирского и пазырыкского этапов и в тагарских изображениях (Савельев, 2008а. С. 70–72, рис. 1).

Безусловно, композиция рогов оленей на обивках деревянной чаши из Филипповки и, соответственно, кара-абызских оленей воспроизводит традиционную структуру рогов «классического скифского оленя» в виде горизонтальной ветви с отходящими вверх S-видными отростками. Трактовка лопатки и бедра с помощью S-видных завитков также, скорее всего, связана с влиянием пазырыкского искусства, где существует стойкая традиция оформления туловища животных с помощью такого рода фигур. Однако в целом олени в искусстве сако-сибирского региона «скифского мира», длинноногие и грациозные, чаще всего представленные «на пуантах» (со свисающими длинными ногами или идущие) (рис. 4, 4–7, 14), контрастируют с приземистыми, тяжеловесными оленями из Филипповки³ и кара-абызскими оленями-лосями, опирающимися на землю не только копытами, но и рудиментарными пальцами-«шпорами», что абсолютно не соответствует натуре⁴. Таким образом, «выводить» филипповских и кара-абызских оленей напрямую из южносибирского контекста неправомерно, а в «савроматском» зверином стиле более раннего времени какие-либо прототипы им неизвестны.

Пытаясь объяснить данные особенности филипповских и кара-абызских изображений, Е.Ф. Королькова соотнесла эти черты, как и строго горизонтальную позицию головы, а также трактовку шерстной складки на шее в виде мощного «подвеса», с характерными признаками верблюда в «савроматском» искусстве, очевидно, подразумевая влияние стилистики данного образа на иконографию оленьих образов из Филипповки и в кара-абызском искусстве (2006. С. 41, 42). Возможно, такое воздействие, наряду с влиянием местной иконографии лося («серь-

³ «Пропорции фигурки отличаются тяжеловесностью и отсутствием природного изящества и грациозности оленя, как правило, подчеркиваемых в художественных образах» (Королькова, 2006. С. 41).

⁴ В данном контексте «копытами» именуется два средних, опорных пальца, гипертрофированность которых определяет принадлежность того или иного природного копытного к отряду парнокопытных; под условным названием «шпор» подразумеваются два атрофированных боковых пальца, располагающихся выше средних. Реально же в природе копытами одеты концевые фаланги всех пальцев (Жизнь животных... С. 437).

га» – кожно-шерстная складка под подбородком, мощная носовая часть), могло действительно привести к отклонениям от иконографии оленя. Однако нельзя не видеть, что приземистость, тяжеловесность, вписанность в прямоугольный контур и некоторые другие черты, отличающие данные филипповские и кара-абызские изображения, присущи ряду изображений стоящего оленя в скифском зверином стиле с территории Прикубанья и Подонья. Изучение вопроса об этих стилистических параллелях требует предварительного анализа развития данного сюжета в рамках восточноевропейского скифского звериного стиля (в степной и лесостепной Скифии и на Северном Кавказе).

В целом многочисленные полнофигурные изображения оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и шире – в скифо-сибирском искусстве звериного стиля можно разделить на три сюжетных группы, исходя из важнейшего сюжетно-композиционного критерия – позиции ног оленя относительно оси его туловища (табл. 1)⁵. **Первую сюжетную группу** составляют изображения оленей, в которых ноги животного полностью или ниже сгибов запястья (передняя нога) и сустава заплюсны (задняя нога) находятся под прямым или близким к прямому углом к продольной оси его туловища. Это изображения **оленей стоящих или идущих**, являющиеся непосредственным предметом данного исследования. Двойное название сюжетной группы вызвано тем, что в скифском искусстве не всегда возможно четко дифференцировать положение статичное (однозначно диагностируемое лишь при строго профильном ракурсе) и положение в шаге, в движении. **Вторую сюжетную группу** составляют изображения, в которых ноги оленей (по крайней мере, одна передняя и одна задняя) параллельны оси туловища ниже колен или по всей длине. Это **лежащие олени**. В восточноевропейском скифском зверином стиле в рамках этой группы выявляются две сюжетные подгруппы – «спокойно лежащие» олени и олени «летающие», представленные в напряженной позе («классический скифский олень»). Наконец, **третью сюжетную группу** составляют изображения, в которых положение одной (как правило, задней) пары ног оленя соответствует первой из вышеназванных сюжетных групп оленей, положение другой пары

ног – второй группе. Это **полулежащие-полустоящие олени**⁶.

В рамках каждой сюжетной группы (а для второй группы в рамках вышеупомянутых подгрупп) изображения следует дифференцировать по сюжетным отделам на основании такого композиционного показателя, как положение головы относительно туловища, учитывая, что скифское анималистическое искусство, как правило, предполагает отображение животного в профильном ракурсе (даже при скульптурном исполнении). **К I отделу** следует относить изображения животных **с головой, однонаправленной с туловищем** (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена), **ко II отделу – с повернутой головой** (либо назад, либо вполборота, либо анфас и т.д.).

В восточноевропейском скифском зверином стиле в рамках **I сюжетного отдела изображений стоящего/идущего оленя** выявляются пять сюжетно-стилистических типов (рис. 2, 3).

Нимфейско-уляпский тип (рис. 2, 1, 2; 3) составляют изображения оленей, датируемые в совокупности в рамках середины V – конца IV в. до н.э. Это олени, представленные в нешироком шаге (копыта соприкасаются) и наделенные горизонтально направленными рогами, выполненными в виде пальметки или с пальметовидным завершением: фигура, оформляющая бронзовую уздечную бляху 2-ой четверти – середины V в. до н.э. из Нимфейского некрополя (кург. 17, гробница 8) в Крыму (ОАК за 1877. С. 239, 240; Силантьева, 1959. Рис. 40, 3), изображения на золотых нашивных бляшках из «Майкопского клада» 2-ой половины V – начала IV в. до н.э. (Rostovtzeff, 1929. P. 31, pl. IX, 1; Фаркаш, 1992. С. 199, 200, рис. 6, 4, 6; 7, 4, 5)⁷ и

⁶ Частный случай в рамках данной сюжетной группы составляют изображения оленей, у которых по крайней мере одна передняя и одна задняя нога даны по схеме спокойно лежащего оленя, но при этом другая передняя или другая задняя нога, либо обе этих ноги согнуты в колене и поставлены на копыто соответственно перед грудью и за крупом. Такие изображения в собственно скифском зверином стиле достаточно редки и связаны более с греко-скифским искусством, со сценами нападения хищника на оленя, в которых художник стремился показать терзаемого оленя то ли пытающимся привстать (после того как на него, лежащего, набросился хищник), то ли, что менее вероятно, рухнувшим на живот с двумя подломленными ногами и двумя согнутыми (после того как он, стоящий, был атакован).

⁷ По справедливому замечанию Э. Фаркаш, термин «Майкопский клад», введенный М.И. Ростовцевым, условен, поскольку не доказано, что эти разнообразные древности относятся к определенному скифскому кладу или погребению на Кубани. Их с равным

⁵ Ср. классификацию Н.Л. Членовой, разделившей весь массив полнофигурных изображений оленей в скифо-сибирском зверином стиле на группу оленей с подогнутыми ногами и группу стоящих оленей (1962. С. 167).

на аналогичных предметах начала – 1-ой пол. IV в. до н.э. из Уляпского курганного могильника (курган 5) в Прикубанье (Сокровища..., табл. VIII, 318), а также фигура на золотой обкладке деревянного сосуда конца IV – начала III в. до н.э. из кургана 11/2 группы Частых курганов на Среднем Дону (Либеров, 1965. Табл. 28, 9).

Акимовско-пятибратний тип (рис. 2, 3; 3) составляют изображения IV в. до н.э., заключенные в прямоугольную рифленую рамку и представляющие пятнистых оленей или, скорее, ланей в широком шаге (копыта разделены пространством) с древовидными горизонтально направленными рогами с лопатообразным завершением (достаточно точно передающими природную форму рогов самца лани)⁸. Это фигуры на золотых нашивных бляшках из курганной группы у пгт Акимовка (кург. 2, погр. 2) из Нижнего Поднепровья (Фиалко, 1991. С. 6–7, 9, рис. 5; *Gold der Steppe...*, 1991. S. 309, abb. 100c) и из кургана 8 группы Пять братьев Елизаветовского могильника на Нижнем Дону (Шилов, 1962. С. 55, рис. 34, 13).

Отдельный **уляпский тип** (рис. 2, 4, 5; 3) формируют изображения из вышеупомянутого Уляпского могильника на крупных золотых пластинах из кургана 1 (нач. IV в. до н.э.) и на золотых нашивных бляшках из кургана 5 (1 пол. IV в. до н.э.) (Сокровища..., №№ 267, 319, табл. VIII, рис. 54; Шедевры..., №№ 43, 68, рис. 32, 33). Олени уляпского типа изображены с выпяченной грудью, с далеко отставленной вперед одной из передних ног, с двумя вертикальными ветвями рогов, показанными в развертке и составленными из отростков в виде птичьих голов. При этом налицо определенное композиционное сходство между данными уляпскими оленями на золотых ажурных нашивных бляшках из кургана 5 и оленями на сплошных золотых

нашивных бляшках акимовско-пятибратнего типа. И все же, поскольку первые значительно отклонены назад, ноги их даны в менее широкой постановке (они не идут, как акимовско-пятибратние, а как бы остановились в движении) и, кроме того, здесь принципиально иная трактовка рогов, представляется возможным отнести их к иному сюжетно-стилистическому типу.

К елизаветинско-дуровскому типу (рис. 2, 6; 3) 2-ой половины IV в. до н.э. (рис. 1, 5) относятся фигуры шагающих оленей, вписанных в круг, с лаповидными окончаниями ног на бронзовых уздечных бляхах из Елизаветинских курганов (кург. 7, раскопки 1917 г.) в Прикубанье (*The Golden Deer of Eurasia... Cat. 149*; Переводчикова, 1980. №№ 145–147; ГЭ, Ку 1917, I/67, I/224, I/225; КМ, 2776) и из кургана 14 у с. Дуровка в Среднем Подонье (Пузикова, 2001. Рис. 42, 4, 5).

Наконец, **аксютинецко-волковецкий тип** V–IV вв. до н.э. (рис. 2, 7; 3) представлен фигурами стоящих оленей с плотно сдвинутыми ногами V в. до н.э. из кургана у с. Асютинцы (раскопки В.В. Хвойки 1897–1899 гг.) (Древности Приднепровья, VI, табл. VI, 436; Ильинская, 1968. Табл. XXVI, 12–16) и 2-ой половины IV в. до н.э. из кургана 1 у с. Волковцы (раскопки С.А. Мазараки 1897–1898 гг.) (Древности Приднепровья, II, табл. XI, 224; Іллінська, 1963. С. 37, рис. 4, 5, 6; Ильинская, 1968. С. 48, 49, 79).

В рамках **II сюжетного отдела изображений стоящего/идущего оленя** выявляются два типа, каждый из которых представлен единственным изображением. **К константиновскому типу** конца VII – начала VI в. до н.э. (рис. 2, 8; 3) относится самое нижнее изображение на знаменитой костяной пластине из погребения на энеолитическом поселении у г. Константиновска-на-Дону (Кияшко, Коренько, 1976. С. 174, рис. 3), а именно протома оленя с единственной «висающей ногой» («на пуантах») и отходящей вверх ветвью рогов с тремя последовательно соединяющимися сигмавидными отростками-завитками⁹. **К типу «Дубовая»** (рис. 2, 9; 3) относится фигура на золотой пластине – обивке сосуда 1-ой половины V в. до н.э. из д. Дубовой в Приднепровье (ГИМ, № 38157)¹⁰. Здесь олень

основанием можно считать происходящими из разных комплексов, причем находившихся не только на Кубани, но и под Никополем (Фаркаш, 1992. С. 199, 200). И все же большинство предметов «Майкопского клада» тяготеют к территории Прикубанья – см. недавнюю полную публикацию «клада» (Leskov, 2008).

⁸ Представляется возможным не выделять специально образ лани в скифском искусстве и относить единичные изображения оленеподобных копытных с рогами лани к образу оленя. Природное сходство благородных оленей и ланей могло обусловить их семантическое отождествление скифскими мастерами и уподобление ланей оленям, поскольку непосредственно лань в природе скифы теоретически могли наблюдать только в Южной Европе, Передней Азии и Северо-Западной Африке, ибо вторичный завоз лани в Европу, вызвавший ее широкое распространение в этой зоне (включая Северное Причерноморье), состоялся не ранее 2000 лет тому назад (Жизнь животных... С. 455).

⁹ Пользуюсь случаем выразить благодарность В.И. Перевозчикову и М.Е. Филимоновой за предоставленную возможность детально изучить данную вещь.

¹⁰ К сожалению, данное изображение воспроизводится в литературе, начиная с первой публикации, в зеркальном отображении как на фото, так и в рисунках (см.: Borovka, 1928. Pl. 3A; Ebert, 1929. Taf. 35B, abb. b; Членова, 1962. Табл. IV, 5; 1967, табл. 32, 12; Potratz, 1963. Taf. 39; Королькова, 2006. Табл. 7, 3); исключение

представлен в узком шаге «на пуантах», с двумя относительно натуралистичными ветвями рогов, показанными в развертке, и с лопаткой, трансформированной в лосиную голову.

Синтез данных, полученных в результате классифицирования и с учетом объективных хронологических показателей, позволяет воссоздать эволюцию сюжета стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле (рис. 4, 5). Наиболее ранними в рамках данного сюжета являются единичные изображения конца VII – начала V в. до н.э., представляющие статичного оленя, стоящего на относительно прямых ногах, с опорой на кончики копыт или на полукопыта (так называемая позиция «на пуантах» или «на свисающих ногах»), с повернутой головой – константиновский тип (ср. фигуры безрогих лосей с головой назад и свисающими ногами на жаботинских пластинах) и тип «Дубовая»¹¹. Изначальные истоки традиции трактовки оленя и иных копытных со свисающими ногами на «пуантах» могут связываться как со звериным стилем сако-сибирских культур «скифского мира» (начиная с «оленного камня» из кургана Аржан 1), так и с переднеазиатским, закавказским и древнегреческим искусством (см., например: Членова, 1967. С. 125, табл. 32, 8, 9; Марсаолов, 2001. С. 44, 45, рис. 22). Фигуры оленей и лосей с прямыми ногами «на цыпочках» на константиновской и жаботинских пластинах по композиции и оформлению деталей ближе именно к сако-сибирскому решению (рис. 4, 4–8). Изображение из д. Дубовой представляется результатом слияния данной традиции с иконографией лежащего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле, представляемого с повернутой назад головой, уложенной на спину, и с развернутыми рогами аналогичных очертаний (рис. 4, 10, 13)¹².

см.: Манцевич, 1967. Рис. 4, 19; На краю Ойкумены, 2002. № 456, фото на с. 102). В картотеке ГИМ эта обкладка характеризуется как «дар Войновича Л.В.», и неясно, что именно здесь указано – местонахождение вещи или место жительства дарителя: «Екатеринославская губерния, Верхнеднепровский уезд, д. Дубовая» (благодарю Е.Ю. Новикову за предоставленную возможность детального ознакомления с вещью и документацией).

¹¹ Идентификация позиции «на пуантах» с той или иной природной позой оленя, равно как и семантический анализ этого сюжета в рамках данной работы представляются неуместными. О различных вариантах трактовки данного сюжета см.: (Савинов, 1987. С. 114; Шер, 2006. С. 220, 221).

¹² Изображения с территории Прикубанья – олени на бронзовых бляхах середины V в. до н.э. из Семибратнего 4 кургана (Scythian Art, 1986. Tabl. 90, 93, 98), а также из Поднепровья – олени на золотой обивке

Позиция «на цыпочках» сохраняется в восточноевропейском скифском зверином стиле в V в. до н.э. в качестве реликта в изображениях обособленной ноги оленя (рис. 4, 11, 12). Напротив, полнофигурные изображения стоящих/идущих оленей в восточноевропейском скифском зверином стиле не позднее середины – 2-ой половины V в. до н.э. получают иную композиционную трактовку – их персонажи опираются не на пуанты, а на всю плоскость копыта, тогда как голова показана в одном направлении с туловищем. Характерно, что для наиболее раннего изображения нимфейско-уляпского типа – оленя на бляхе из Нимфея – еще свойственны реликты иконографии оленей со «свисающими ногами»: ноги сближены и персонаж как бы скован, копыта нимфейского оленя не находятся на одном уровне и плоскости их подошв не горизонтальны, т.е. ноги еще не вполне опущены на землю (рис. 5, 1)¹³. Но другие персонажи данного типа, равно как и остальных типов I отдела опираются не на пуанты, а на всю плоскость копыта. Они прочно стоят (аксютинецко-волковецкий тип) или, чаще, идут, шествуют на коротких ногах, контрастирующих с удлинненными конечностями оленей «на пуантах» (изображения нимфейско-уляпского, исключая собственно нимфейское, акимовско-пятибратнего, елизаветинско-дуровского типов) (рис. 2, 2–7; 5, 2–4). С точки зрения трактовки анатомических деталей, изображения шествующих оленей этих типов вполне самобытны и имеют, очевидно, местную подоснову (в частности, по форме рогов, превращению их отростков в птичьи головы, по композиции шеи и туловища основную стилистическую параллель им составляют северопричерноморские изображения «спокойно лежащих» оленей (рис. 5, 5, 6); обнаруживается и влияние греческой традиции (моделирование рогов с помощью пальметки и волют) (рис. 5, 2–4).

В IV в. до н.э. иконография стоящих оленей в Северном Причерноморье не только по трактовке анатомических деталей, но и по композиционным признакам связана исключительно с местными традициями и влиянием греческого искусства. При этом в композиции «шествующего» оленя еще во 2-ой половине V – начале IV в. до

сосуда из погребения середины V в. до н.э. из г. Днепрорудного (Мурзин, 1977. С. 60–67, рис. 4, 5) и на аналогичных предметах 1-ой половины (возможно, 1-ой четверти) V в. до н.э. из Журовки (курганы №№ 400, 403) (Петренко, 1967. С. 26, 92, табл. 16, 1, 3; см. о датировке комплексов Алексеев, 2003. С. 198, 199, 296).

¹³ Ср. изображение из д. Дубовой и более ранних оленей «на пуантах» (рис. 4, 5, 6, 9, 10).

н.э. появляются элементы иконографии хищника (изображения из «Майкопского клада» и из Уляпских курганов, относящиеся к нимфейско-уляпскому типу (рис. 5, 2–4), представляющие оленя стоящим на копытах так, как кошачий хищник стоял бы на лапах – его «шпоры» (рудиментарные пальцы) составляют одну линию с подошвой копыта и тем самым как бы касаются земли; елизаветинско-дуровский тип оленей (рис. 6, б) с лаповидным завершением ног).

Рассмотрим более детально нимфейско-уляпский тип оленей (рис. 5). Проведенный анализ, с учетом имеющихся объективных датировок, позволяет моделировать некий эволюционный ряд в рамках данного типа. Можно говорить об иконографической изначальности нимфейского изображения по отношению к остальным изображениям нимфейско-уляпского типа. Нимфейское изображение, при всей своей неизбежной условности, определяемой общими канонами стиля, все же натуралистичнее, нежели майкопские, уляпские и из Частых курганов. В пользу этого говорят и более близкое к природе соотношение длины ног и высоты всей фигуры нимфейского оленя, отсутствие зооморфной трансформации отростков рогов и превращения рогов в пальметку. Рога нимфейского оленя, очевидно, складываются из двух основных частей. Одна из них – это сочетание двух коротких противоположенных отростков, симметричных относительно корня рогов и, скорее всего, отображающих передний обособленный отросток рогов благородного оленя (традиционно выделяемый в скифском искусстве) и первый из задних отростков. Другая составная часть, имитирующая задние ветви природных рогов, представляет собой идущий из той же точки длинный стержневой отросток, от которого примерно посередине его длины отходят вверх и вниз два ответвления, затем смыкающиеся с ним над крупом, образуя конгломерат из трех загнутых вверх дуг. А.И. Шкурко, рассматривая данное изображение в качестве аналогий лесостепным, справедливо отмечал, что в основе этой геометрической фигуры лежит реальный гребевидный пучок задних отростков благородного оленя¹⁴, однако непонятно, почему он счел такое окончание «необычным» (1975. С. 39). Напротив, как видно на примере изображений «спокойно лежащего» оленя из Завадской 1 могилы (Мозолевский, 1980. С. 105–107, рис. 44, б, 9; 47, 3),

¹⁴ Природная схема рогов благородного оленя (*Cervus elaphus*) представляет собой либо стержень с отходящими вверх отростками, которыми он может «поглощаться», либо ветвь с отростками, отходящими от нее вверх и вниз и иногда образующими пучок на ее конце.

Ак-Мечети (ОАК за 1882–1888 гг. С. ХСІ; Толстой, Кондаков, 1889. С. 126, рис. 107; Артамонов, 1966. Табл. 72), Солохи (Манцевич, 1987. С. 67, 68), Мастюгино (ОАК за 1905 г. Рис. 97, 5) и т.д., в период середины V–IV в. до н.э. эта деталь вполне привычна как для искусства Степи, так и Лесостепи и находит себе оптимальное оформление в виде пальметки – мотива, активно проникавшего в это время в скифский звериный стиль из греческого искусства (Канторович, 1997. С. 101–106, рис. 3–5). Этим же изображениям присуще свойственное всем оленям нимфейского типа вертикальное расположение прямой шеи копытного и горизонтальная постановка головы. Но примечательно, что в схеме рогов нимфейского оленя мотив пальметки как таковой еще не присутствует. Обращаясь же к изображениям «майкопских» и уляпских оленей данного типа, а также вышеупомянутых лежащих оленей из Ак-Мечети, Завадской могилы и т.д. мы можем наблюдать, как с укорачиванием основного стержня рогов и с увеличением числа задних отростков нимфейская схема рогов в дальнейшем приобретает вид пальметки.

В «майкопских» изображениях, в сравнении с нимфейским, налицо общее усиление декоративности и ослабление некоторых элементов натурализма, неизменно присущих звериному стилю скифской архаики при всей условности этого искусства (исключение – более естественная по сравнению с нимфейской форма глаза «майкопского оленя», но здесь уже, видимо, сказывается влияние греческой стилистики). В целях придания «майкопским» фигурам-бляшкам квадратных очертаний, их создатель меняет пропорции (ноги оленя укорачиваются, а туловище удлиняется), что делает изображения более далекими от природы, чем нимфейские. Рога, как уже сказано, уподобляются пальметке между волютами, для чего увеличивается количество отростков в пучке, завершающем рога, и создается еще один отросток у основания этого пучка, симметричный верхнему; используется прием зооморфной трансформации частей тела – три отростка рогов преобразуются в головки хищных птиц. В результате мы видим, что схема рогов оленей из «Майкопского клада» оказывается тождественной схеме рогов «спокойно лежащего» оленя из Ак-Мечети (то же можно сказать и о позиции головы).

Как уже отмечалось, майкопские и уляпские олени изображены опирающимися на всю плоскость плюсны, включая рудиментарные пальцы, что напоминает опору хищника на всю плоскость лапы. Это неестественно для оленя и других копытных в природе и нетипично для традиционного скифо-сибирского искусства, причем от-

нести это на счет схематизма или низкого качества нельзя: и копыта, и «шпоры» четко и тонко проработаны.

В результате, оставаясь копытным, «майкопский» олень стоит на копытах, как кошачий хищник стоял бы на лапах¹⁵. Соответственно и сустав заплюсны задних ног «майкопских» оленей располагается ниже, чем у нимфейского. Здесь очевидно влияние иконографии хищника, о чем свидетельствует явное композиционно-стилистическое сходство «майкопских» оленей с грифонами из того же клада (Фаркаш, 1992. Рис. 6, 1, 3; 7, 1, 2). Такая контаминация иконографии оленя и хищника проявляется и во встречной тенденции изображения кошачьего хищника с видовыми элементами оленей и других копытных¹⁶. Этому процессу имеется параллель в пазырыкском искусстве¹⁷.

Указанные различия между изображениями в рамках нимфейско-уляпского типа корреспондируют с более ранней датировкой соответствующих погребальных комплексов. К. Шефольд датировал весь комплекс гробницы 8 Нимфейского кургана 17 2-ой четвертью V в. до н.э.¹⁸, Л.Ф. Силантьева – 2-ой половиной V в., в том числе на основании даты чернолаковых чаш (3 четв. V в. до н.э.), но сам уздечный набор, включающий бляху с оленем, она отнесла к середине V в. до н.э. (1959. С. 75, 76, 106); наконец, А.Ю. Алексеев, исходя в первую очередь из тех же импортов, отнес комплекс опять-таки ко 2-ой четверти V в. до н.э. (1991. С. 50, 51, рис. 2, 20). При этом «майкопские» олени, как мы видели, занимают среднюю позицию в эволюционном ряду между нимфейским и уляпским изображениями данного типа, и, соответственно, их датировка может быть уточнена до рамок середины V – начала IV в. до н.э., учитывая, что упомянутые уляпские бляшки из ритуального комплекса кургана 5 относятся к началу 1-ой половины IV в. до н.э. (Сокровища..., 1985. С. 36, 111).

¹⁵ В скифском зверином стиле его показывают чаще опирающимися на все четыре пальца, составляющих в природе лапу любого кошачьего хищника (Жизнь животных... С. 301).

¹⁶ Ср., например, изображение льва с оленьими рогами на золотой обивке чаши из Елизаветовского могильника (Ворова, 1928. Pl. 20, B).

¹⁷ Ср. кошачьего хищника с оленьими рогами, оформляющего кожаную аппликацию на седло из Туэктинского 1 кургана (Руденко, 1960. Рис. 87) (рис. 6).

¹⁸ Точнее, К.Шефольд помещал данный комплекс во временной промежуток между Семибратними 4 и 2 курганами, датированными им на основании импортов соответственно 470 и 450–440 гг. до н.э. (Schefold, 1938. S. 16–19).

Как мы видели, такая же «аномальность» в постановке копыт, приземистость, тяжеловесность свойственны и вышеуказанным изображениям стоящего оленя на обивках чаши из Филипповского 1 кургана и на кара-абызских бляхах¹⁹. Представляется, что именно изображения оленей типа «Майкопского клада» или вторичные по отношению к ним (такие как изображение из Частых курганов) послужили прототипами для фигур приземистых оленей из Филипповского 1 кургана, которые, в свою очередь, стали образцом для кара-абызских блях (рис. 7, 1–5).

Такое воздействие находится в русле иных фиксируемых влияний северопричерноморского и прикубанского скифского звериного стиля на звериный стиль Филипповки. В частности, под насыпью Филипповского 3 кургана на поверхности погребенной почвы были расчищены скелеты лошадей, среди которых были обнаружены бронзовые предметы конской упряжи, оформленные в зверином стиле в духе скифо-меотской прикубанской традиции. Это уздечные бляхи-подвески в виде головы оленя с пальметовидными симметричными рогами, преобразованными в головы птиц (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 104)²⁰; псалии с щитком в виде зооморфной пальметки – стилизованной лапы птицы, когти которой трансформированы в одном случае в головы птиц, в другом – в шеи и головы зверей (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 102, 103)²¹; бронзовый налобник «елизаветинского стиля» в виде фигуры копытного (оленья?) с подогнутой задней ногой и вывернутой передней ногой (ноги трансформированы в головы птиц), в другом ракурсе представ-

¹⁹ Интересно, что в еще одном изображении стоящего оленя на золотых обивках из того же 1-го тайника Филипповского 1 кургана мастер, отобразив копыта точно таким же образом – подобно лапам хищника – все же показал и «шпоры» (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 28). Однако этот олень, как и олени-«штандарты», и по остальным композиционно-стилистическим признакам существенно отличается от скифских стоящих оленей.

²⁰ Ср. головы оленей, в виде фигур которых выполнены бронзовые псалии 1-ой половины IV в. до н.э. из Уляпского 2 кургана (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 67), а также обособленные головы оленей на бронзовых конских наносниках IV в. до н.э. из Уляпского 8 кургана (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 72), у станицы Вознесенской (случайная находка) (На краю Ойкумены, 2002. № 486) и в районе Майкопа (случайная находка, сделанная до 1917 г., хранящаяся в Краснодарском музее) (L'Or des Amazones, 2001. P. 88–89, fig. 23).

²¹ Ср. псалии «елизаветинского стиля» 2-ой половины IV в. до н.э. из 1-го кургана у станицы Кужорской (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 93, 94) и из Краснодарского музея (случайная находка в районе Майкопа до 1917 г.) (L'Or des Amazones, 2001. P. 88–89, fig. 21).

ляющий обособленную ногу со свисающим копытом (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 107)²²; бронзовый наносник в виде головы «оленекозла» (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 105)²³ (о синтетическом образе «оленекозла» и об аналогиях данным филипповским находкам в других памятниках восточноевропейского скифского звериного стиля см.: Канторович, Эрлих, 2006. С. 75–77, 123, 124, 130).

Кроме того, из того же 1-го тайника Филипповского 1 кургана, что и рассматриваемые фигуры стоящих оленей на обивках чаши, происходит ручка деревянной чаши в виде золотой фигурки «взнузданного» лежащего оленя (со стержнем во рту и округлыми подвесками на концах стержня) (The Golden Deer of Eurasia... Cat. 75; Пшеничнюк, 2006. С. 29, 30, рис. 9, 2). Хотя заполнение поверхности туловища данного оленя S-видно-каплевидными фигурами в духе пазырыкской традиции вполне вписывается в стиль филипповских образов, в композиционном отношении и по трактовке рогов это изображение существенно отличается от других фигур оленей из Филипповского 1 кургана, равно как и от изображений в манере «классического скифского оленя» с приподнятой головой, вытянутой вперед шеей и рогами в виде мощной горизонтальной ветви с отходящими вверх S-видными отростками. Ближайшую аналогию ему в этом отношении составляют олени завадско-акмечетского типа подгруппы «спокойно лежащих» группы **лежащих** оленей в восточноевропейском скифском зверином стиле (Канторович, 1996), в том числе наиболее ранние из них – вышеупомянутые олени на аналогичных золотых обивках деревянных чаш из 1-ой Завадской могилы в Нижнем Поднепровье, датируемых 3-ей четвертью V в. до н.э. (Мозолевский, 1980. С. 105–107, рис. 44, 6, 9; 45; 46; 47, 3). При этом в «савроматском» и сако-сибирском искусстве звериного стиля аналогии оленям завадско-акмечетского типа практически неизвестны, что заставляет предполагать формирование общей композиции и схемы рогов данного филипповского оленя под влиянием оленей завадско-акмечетского типа и вторичных по отношению к ним обособленных оленьих голов с задней частью рогов в виде пучка дуговидных отростков (подробнее см.: Канторович, 1996), оформляющих бронзовые бляхи из Семибратних курганов, Уляп-

ских курганов и территориально более близкой к Филипповке Кривой Луки (рис. 7, 6–8).

Итак, вырисовываются определенные векторы влияния восточноевропейского звериного стиля на стиль Филипповских курганов и опосредованно на кара-абызское искусство. Обращаясь к проблеме исторического контекста проникновения сюжета стоящего/идущего оленя в кара-абызский репертуар, вернемся к одной из недавних работ Н.С. Савельева. Проследивая воздействие степняков на формирование кара-абызского комплекса конского снаряжения, автор в качестве изначальных импульсов указывал, в одних случаях, непосредственно на Южное Приуралье, в других – совершенно однозначно на более западные районы скифо-сибирского мира: Поволжье (удила с ромбовидным оформлением восьмерковидных утолщений), Подонье (удила указанного типа и удила с дополнительным кольцом в петле), Поднепровье (удила с ромбовидным оформлением восьмерковидных утолщений) и Прикубанье (удила с крестовидными псалями) (Савельев, 2008б. С. 123–127).

Таким образом, следуя схеме Н.С. Савельева, мы сталкиваемся с усвоением (чаще непрямой) кочевыми группами Южного Приуралья передовых элементов конского снаряжения с территории степей Подонья, Поднепровья и Прикубанья до и в процессе миграции этих южноуральских племен в зону лесостепной кара-абызской культуры. Возможно, аналогичным образом происходило и продвижение в кара-абызское искусство сюжета стоящего/идущего оленя.

Литература

Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, 1966.

Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. 2005. Вып. 37.

Древности Приднепровья..., II – Б.Н. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. II. Киев, 1899.

Древности Приднепровья..., VI – Б.Н. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев, 1907.

Жизнь животных. Т. 6. М., 1971.

Іллінська В.А. Про скіфські наверхники // Археологія. Т. XV. Київ, 1963.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

²² Ср. композиционно аналогичные конские налочки IV в. до н.э. в виде крылатого хищника с рогами лани из Южного Елизаветинского кургана (кург. 4 раскопок 1913 г.) (Галанина, 2005. Табл. 1, 1) и в виде хищника с пышными оленьими рогами из Елизаветинского кургана раскопок 1917 г. (Яценко, 1971. С. 121, илл. 143).

²³ Ср., в частности, бронзовые наносники 2-ой половины IV в. до н.э. из Тенгинского 1 кургана (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 125).

Канторович А.Р. «Летающие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир-М., 1996.

Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997 (МИАР. Вып. 1).

Кияшко В.Я., Кореняко В.А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.

Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII–III вв. до н. э. // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.

Литина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.): АКД. Ижевск, 2006.

Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1967. Вып. 8.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.

Марсадалов Л.С. Образ оленя на заре скифской истории // Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб., 2001.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Мурзин В.Ю. Два раннескифских комплекса из Запорожской области // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.

ОАК за 1877 г. СПб., 1880.

ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891.

ОАК за 1905 г. СПб., 1908.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа, 2006.

Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля: АКД. М., 1980.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д1-4.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация

памятников). М., 2001.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура: (Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т. V.

Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа, 2006.

Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Редуцированные изображения конечностей хищников в восточноевропейском скифском зверином стиле // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда (Суздаль, 20–24 октября 2008 г.). Т. III. М., 2008а.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н.э. // Ранние коченики Волго-Уральского региона: ММНК «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008б.

Савинов Д.Г. Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889.

Фаркаш Э. Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. 1992. № 4.

Фиалко Е.С. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Членова Н.Л. Скифский олень // МИА. 1962. № 115.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.

Шер Я.А. Первобытное искусство. Учебное пособие. Кемерово, 2006.

Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.

Шкурко А.И. Искусство звериного стиля лесостепной Скифии VII–III вв. до н.э.: Диссертация... канд. ист. наук. М., 1975.

Яценко И.В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР. Т. 1. Искусство первобытно-

го общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1971.

Borovka G. Scythian Art. London, 1928.

Ebert M. Südrussland: Skytho-Sarmatische Periode // Reallexicon der Vorgeschichte. B. XIII. Berlin, 1928.

Leskov A.M. The Maykop Treasure. Philadelphia, 2008.

L'Or des Amazones. Peuples nomads entre Asie et Europe. VI siècle av. J.-C. IV siècle apr. J.-C. Paris, 2001.

The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. New York, 2000.

Potratz J. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963.

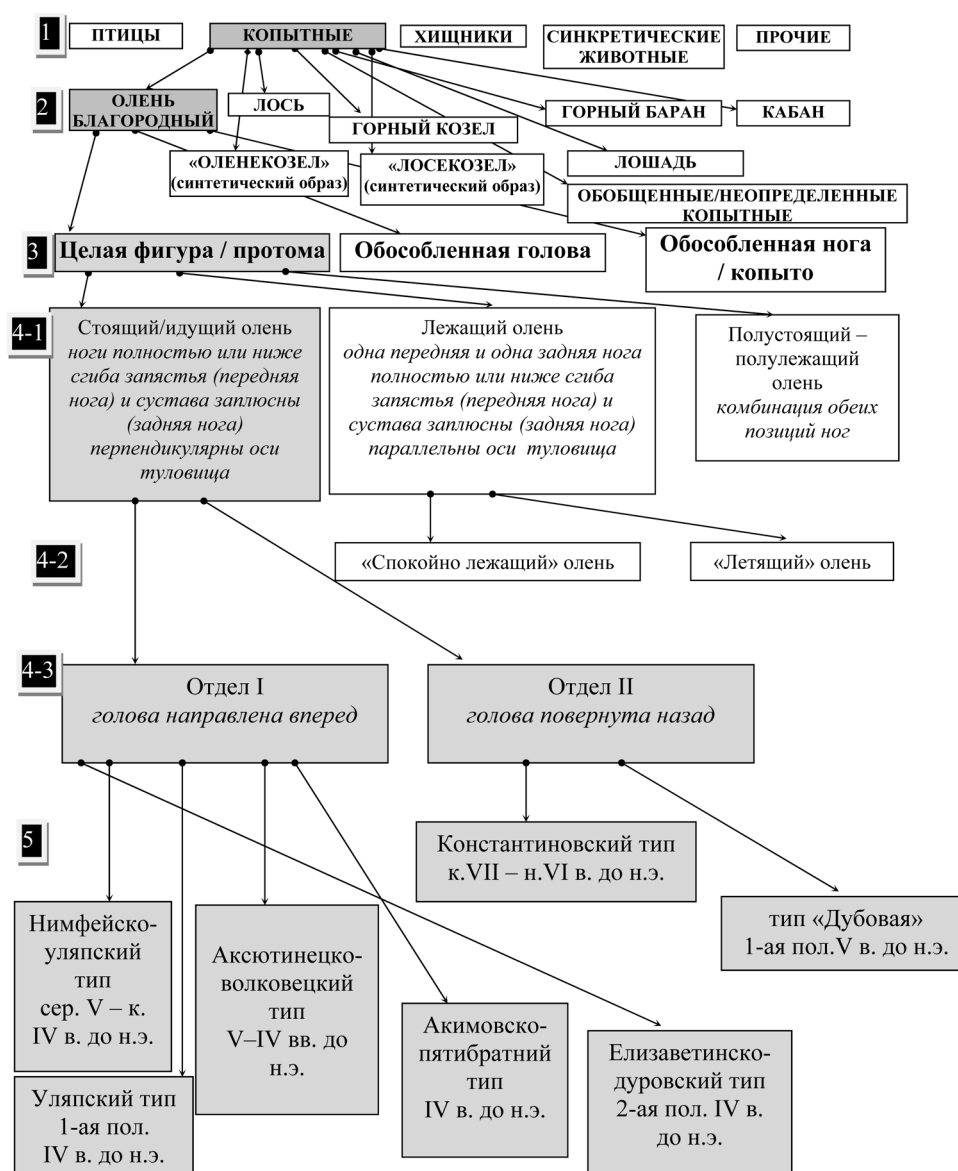
Rostovtzeff M. The animal style in South Russia and China. Princeton–New York, 1929.

Schefold K. Der Skythische Tierstil in Südrussland // ESA. 1938. T. XII.

Scythian Art. Leningrad, 1986.

Таблица 1

Классификация изображений стоящего оленя в контексте образов восточноевропейского скифского звериного стиля

Таксономические уровни и критерии дифференцирования:

1) семантическая группа образов (критерий – биологические признаки надвидовых уровней); 2) образ (критерий – биологические признаки видовых уровней); 3) степень воспроизведения образа (полностью или *pars pro toto*); 4) сюжет (для полнофигурных изображений и протом), в том числе: 4-1) сюжетные группы (критерий – позиция ног относительно туловища); 4-2) сюжетные подгруппы (критерий – взаиморасположение передних и задних ног); 4-3) сюжетные отделы (критерий – позиция головы относительно туловища); 5) сюжетно-стилистические типы (критерий – остальные композиционные особенности, пропорции и морфологические особенности анатомических деталей).

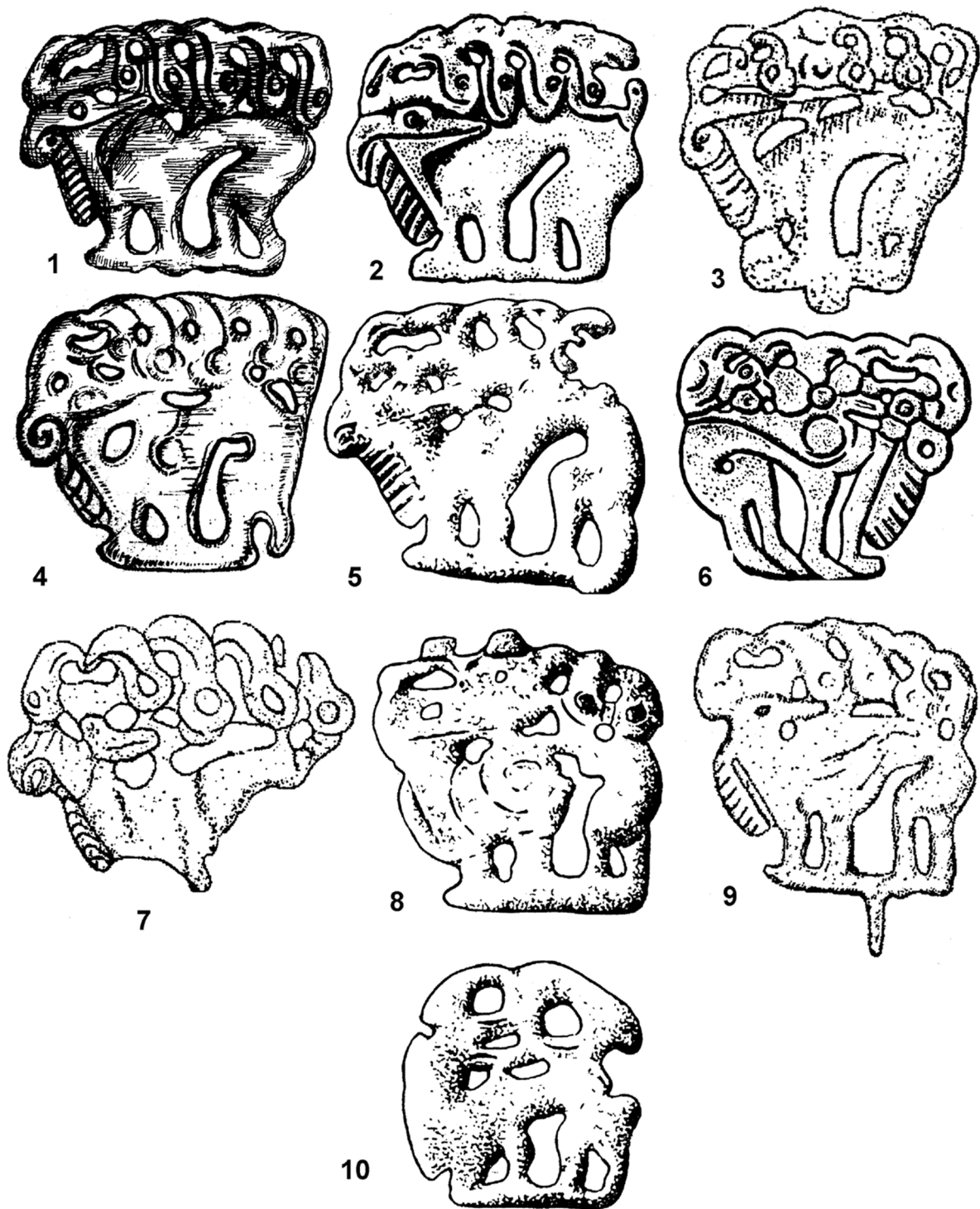

Рис.1. Изображения стоящего оленя в кара-абызской культуре, выстроенные по мере усиления схематичности (по: Овсянников, 2006. Рис. 1, 1–10; Савельев, 2008б. Рис. 6, 4–9): 1, 7 – Шиповский м-к (подъемный материал); 2 – Биктимировский III м-к; 3 – Уфимский м-к; 4 – Охлебининский м-к; 5 – Шиповские курганы, группа II; 6 – Биктимировский III м-к; 8, 10 – Шиповские курганы, группа I; 9 – Булычевка (сборы)

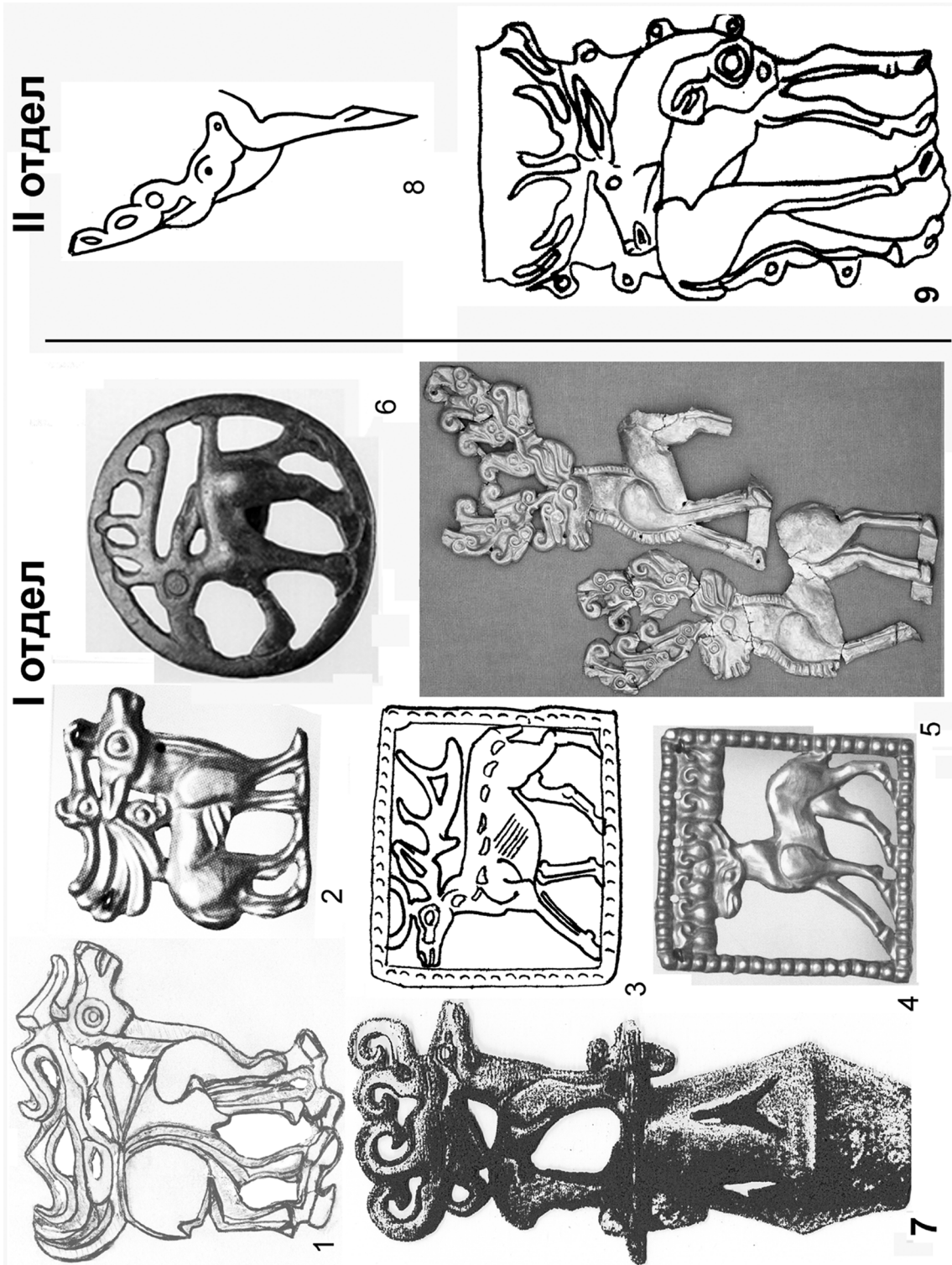

Рис.2. Эталонные изображения сюжетно-стилистических типов стоящих/идущих оленей в восточноевропейском скифском зверином стиле: 1-7 – типы I сюжетного отдела; 8, 9 – типы II сюжетного отдела; 1, 2 – нимфейско-уляпский тип (1 – Нимфейский некрополь, к. 17, гробн. 8; 2 – Уляпский м-к, к. 5); 3, 4 – акимовско-пятибратный тип (3 – Акимовка, к. 2, п.2); 4, 5 – уляпский тип (4 – Уляпский м-к, к. 5 и 1); 6 – елизаветинско-дуровский тип (Елизаветинская, к. 7, раскопки 1917 г.); 7 – акютинецко-волковецкий тип (Акютинцы, раскопки В.В. Хвойки, комплекс невестен); 8 – константиновский тип (погребение у г. Константиновска-на-Дону); 9 – тип «Дубовая» (д. Дубовая, сборы)

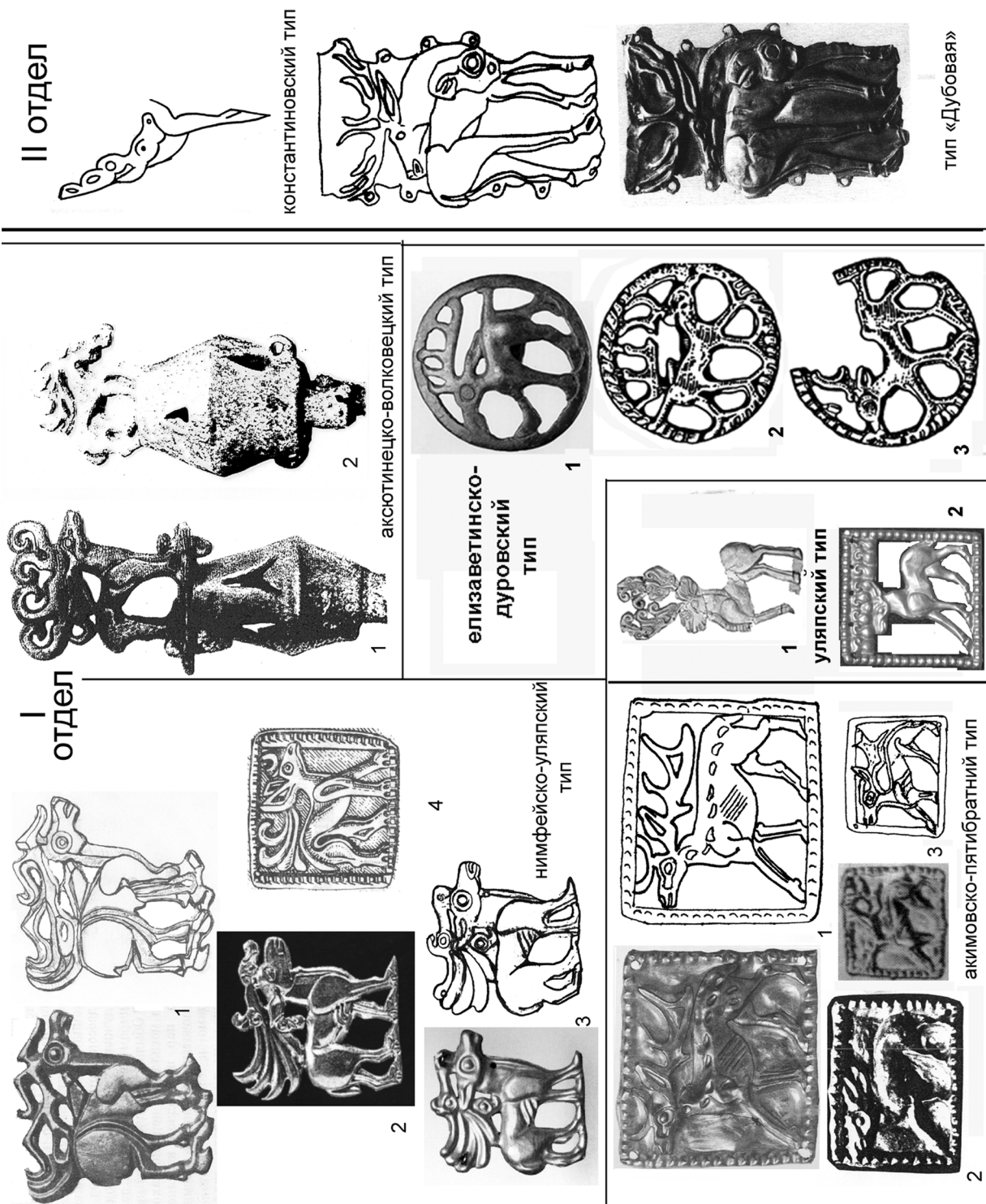

Рис.3. Изображения стоящих/идущих оленей в восточноевропейском скифском зверином стиле: нимфейско-уляпский тип (1 – Нимфейский некрополь, к. 17, гробн. 8, фото и рисунок; 2 – «Майкопский клад»; 3 – Уляпский м-к, к. 5, фото и рисунок; 4 – Частые курганы); акимовско-пятибратный тип (1, 2 – Акимовка, к. 2, п.2, фото и рисунок; 3 – Пятибратные курганы, к. 8, фото и рисунок); уляпский тип (1, 2 – Уляпский м-к, к. 1 и 5); елизаветинско-дуровский тип (1 – Елизаветинская, к. 7, раскопки 1917 г.; 2, 3 – Дуровка, к. 14); аксютинецко-волковецкий тип (1 – Аксютинцы, раскопки В.В. Хвойки, комплекс неизвестен; 2 – Волковцы, к. 1, раскопки С.А. Мазараки); константиновский тип (фрагмент изображения на костяной пластине из погребения у г. Константиновска-на-Дону); тип «Дубовая» (д. Дубовая, сборы), фото и рисунок

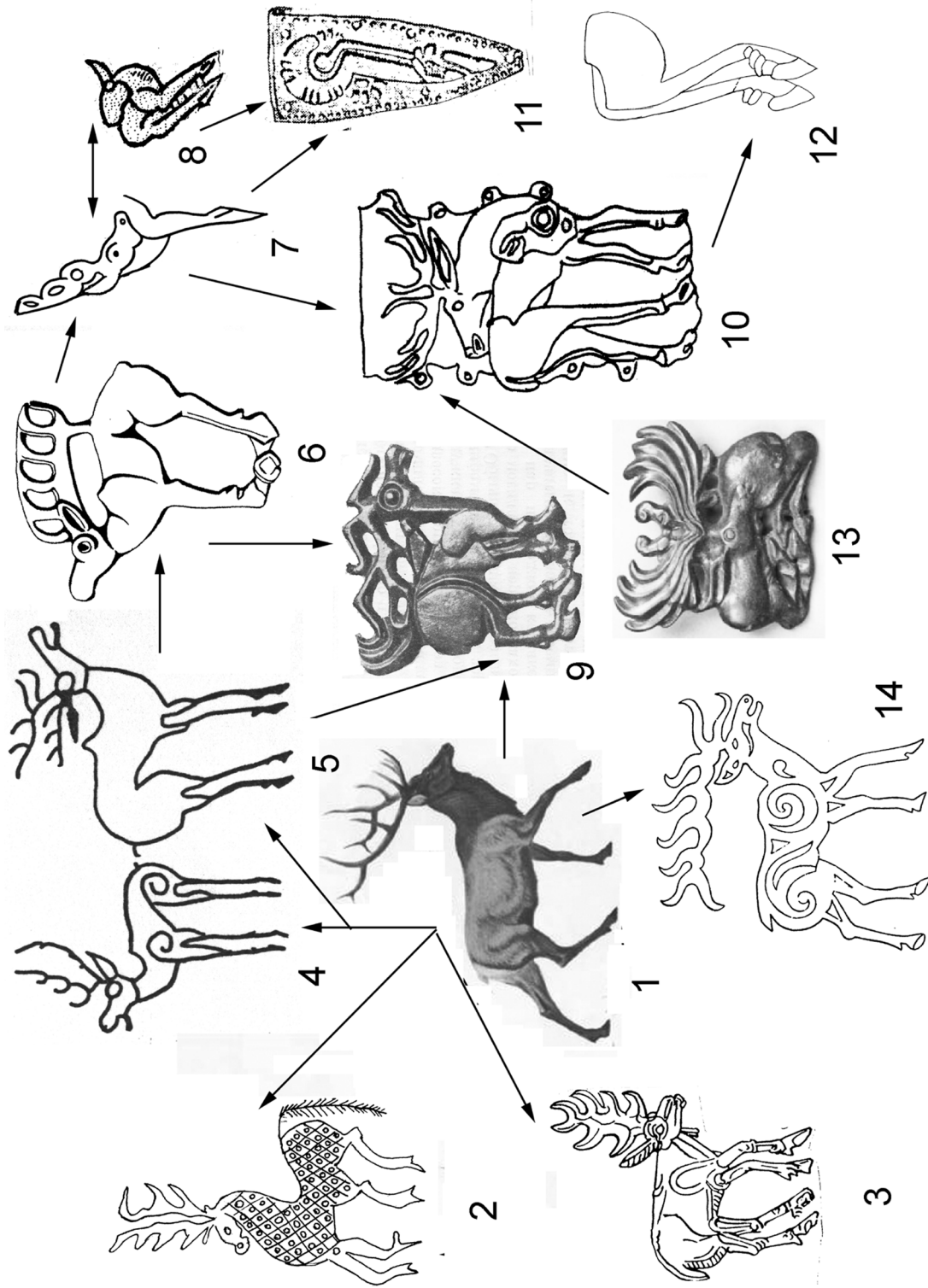

Рис.4. Вероятные истоки изображений стоящих/иду-щих оленей константиновско-го типа, типа «Дубовая» и нимфейско-уляпского типа, а также редуцированных изображений конечностей оленей на фоне развития сюжета в скифо-сибирском зверином стиле и в кобанском искусстве: 1 – природный прототип; 2 – изображение на толпоре из Кобанского м-ка; 3 – изображение на Келермесской секире; 4, 5 – изображение на оленем камне из кургана Аржан-1; 6 – Уйгарак, подпружная пряжка; 7 – константиновский тип; 8 – жаботинская пластина; 9 – нимфейский тип; 10 – тип «Дубовая»; 11 – курган Бабы, золотая обкладка деревянного сосуда; 12 – Галуцино, к. 3, бронзовая бляха; 13 – Семибратний 4 курган, бронзовая бляха; 14 – Туэктинский 2 курган, резная фигура на саркофаге-колоде

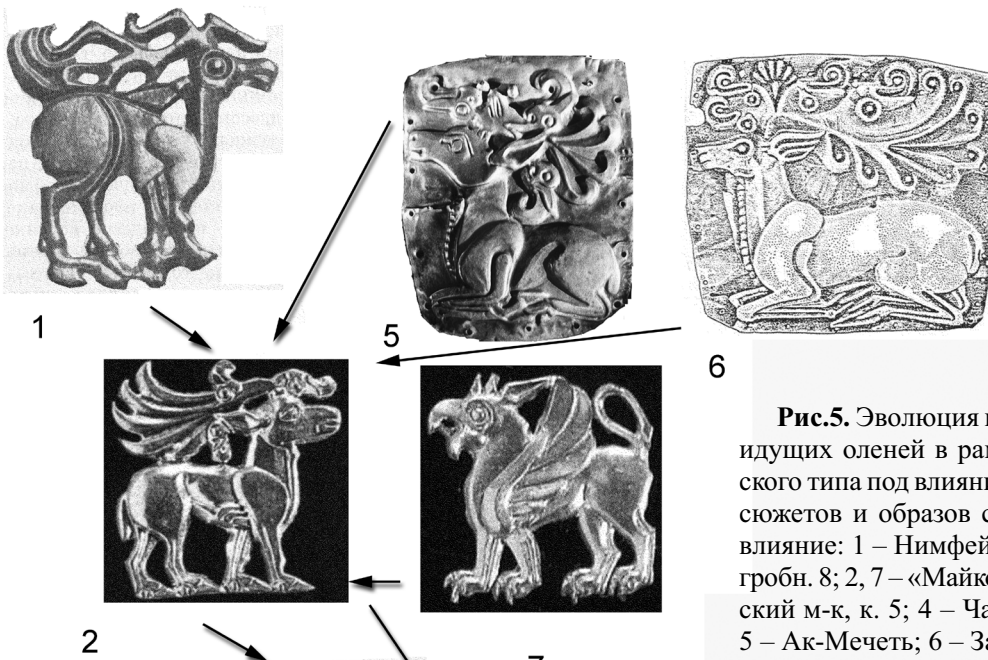

Рис.5. Эволюция изображений стоящих/идущих оленей в рамках нимфейско-уляпского типа под влиянием иконографии иных сюжетов и образов скифского искусства и влияние: 1 – Нимфейский некрополь, к. 17, гробн. 8; 2, 7 – «Майкопский клад»; 3 – Уляпский м-к, к. 5; 4 – Частые курганы, к. 11/2; 5 – Ак-Мечеть; 6 – Завадская 1 могила

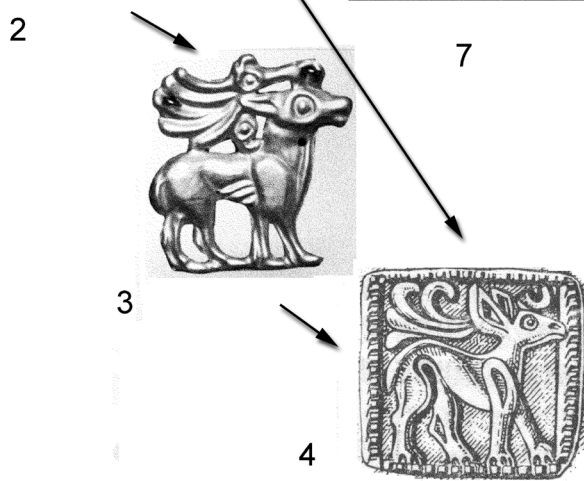
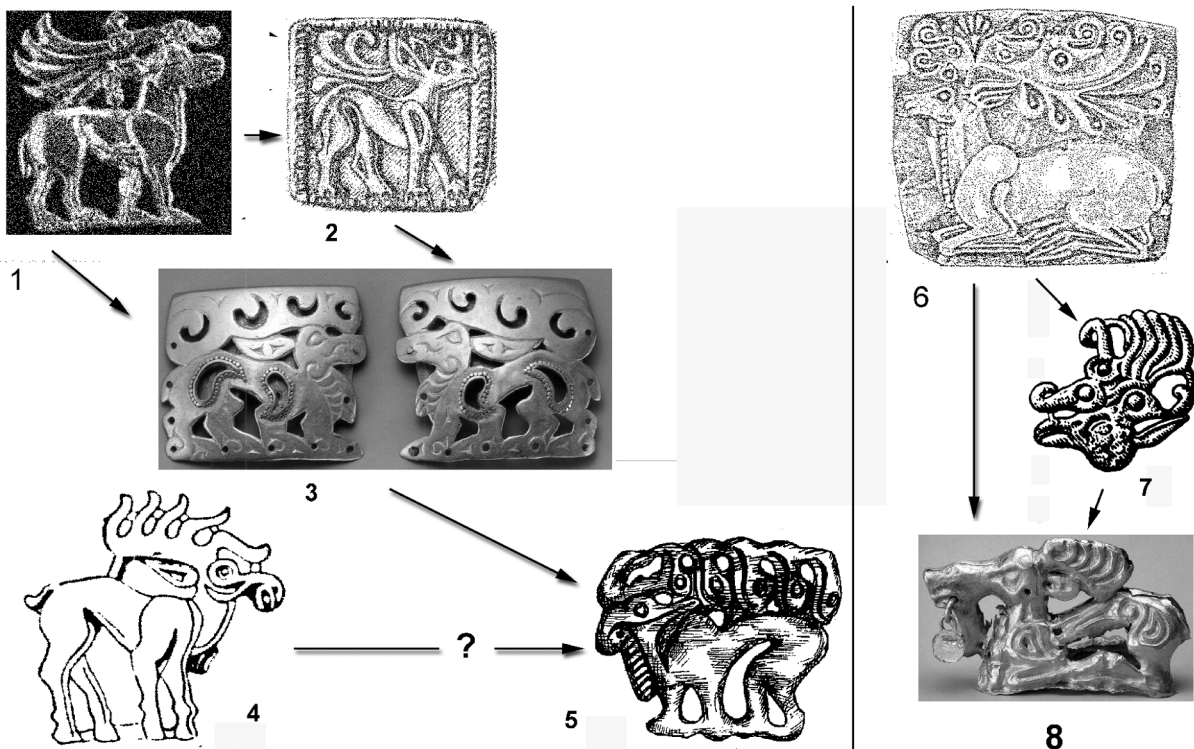

Рис.7. Возможные истоки ряда изображений стоящих и лежащих оленей из Филипповского 1 кургана и пути формирования кара-абызского иконографического типа оленей: 1 – «Майкопский клад», 2 – Частые курганы, к. 11/2; 3, 8 – Филипповский 1 курган, тайник 1; 4 – тагарская культура (по: Членова, 1962. Табл. IV, 22); 5 – Шиповский м-к (сборы); 6 – Завадская 1 могила; 7 – Кривая Лука

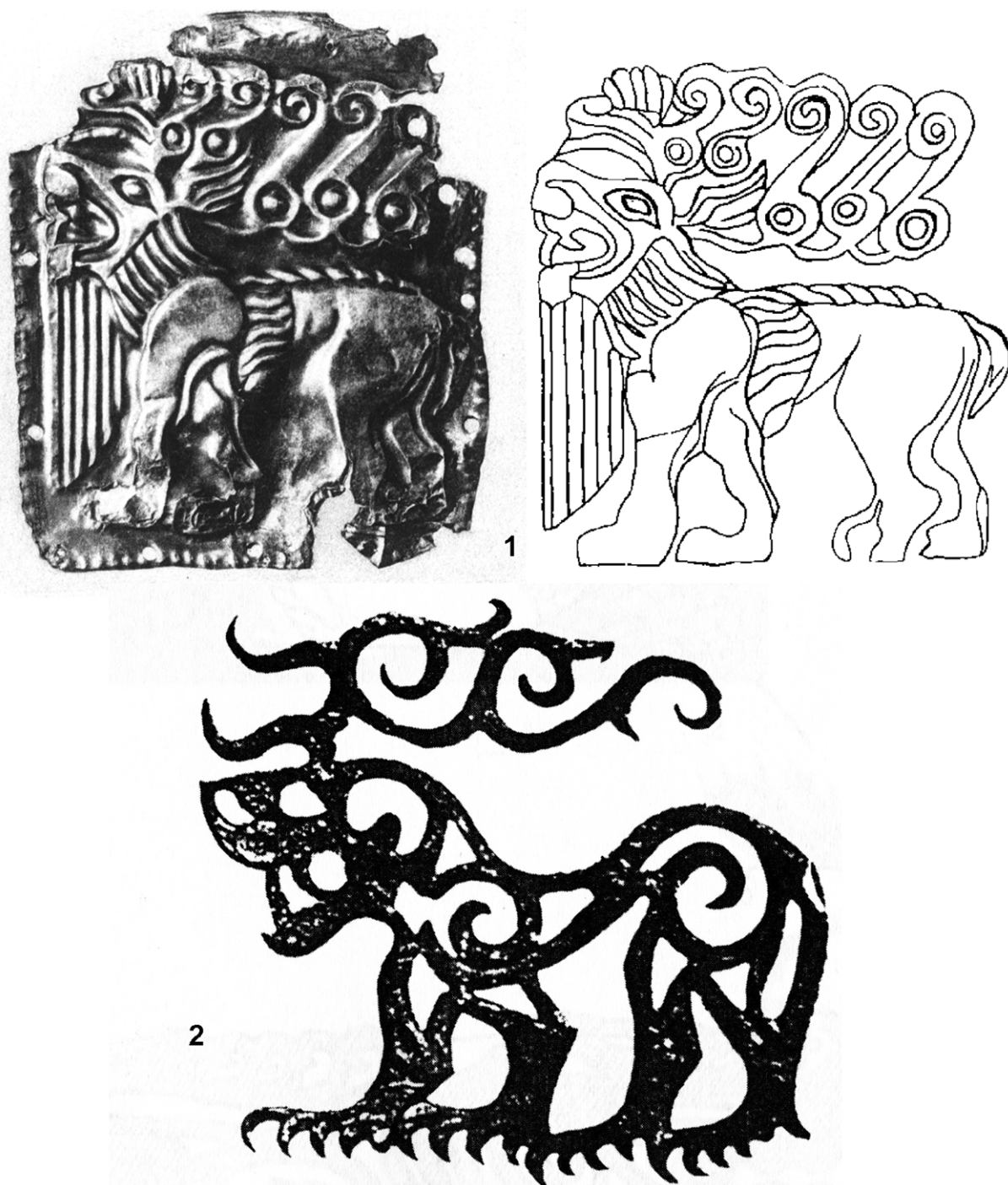

Рис.6. Кошачьи хищники с оленьими рогами: 1 – золотая обивка чаши из Елизаветовского м-ка (фото по: Воговка, 1928. Т. 20, В; рисунок сделан автором с натуры); 2 – Туэктинский 1 курган, кожаная аппликация на седло (по: Руденко, 1960. Рис. 87)

Г.Н.Вольная (Керцева)

К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур

Культурные взаимосвязи местного населения Северного Кавказа с жителями Нижнего Поволжья и Южного Приуралья неоднократно отмечались исследователями. Многие из них отмечают сходство предметов зооморфного искусства, наличие кавказских импортов с зооморфными сюжетами на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья и наоборот. А.В. Збруева (1952) выявила импортные кавказские вещи в памятниках ананьинской культуры. В.И. Козенкова отмечает, что за пределами севернее Кавказа кобанские древности засвидетельствованы в бассейне Волги. Они, как правило, включены в памятники местной культуры и в ряде случаев представляют довольно заметное явление. Это главным образом бронзовые изделия (оружие, украшения, сосуды, конское снаряжение). Это могут быть не собственно кобанские вещи, а местные изделия, но изготовленные в подражание кобанским. Она указывает, что контакты с носителями кобанской культуры маркируются в восточном и северо-восточном направлениях в Подонье, Поволжье, Прикамье. Одним из центров тяготения кобанской культуры является район Волго-Камья. Миграционные процессы на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в раннем железном веке связаны с передвижением первых всадников евразийских степей с конца X – начала IX вв. до н.э. и в VIII в. до н.э., что проявилось в появлении «киммерийской» окраски кобанской культуры (Козенкова, 1996. С.141–144).

В инвентаре ананьинской культуры встречаются топоры кавказского типа, характерные для кобано-колхидских памятников Кавказа начала эпохи раннего железа (Халиков, 1977; Мартынов, 2000. С. 251), бронзовые и биметаллические булавы (Патрушев, Халиков, 1982; Чижевский, 2008. С. 80).

М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, сопоставляя средневожжский и закавказский гетерогенные культурные комплексы VII в. до н.э., констатировали, с одной стороны, идентичность характеризующего их сложного набора составляющих компонентов – скифского, центральнокавказского, урартского и колхидо-кобанского (естественно, что в Среднем Поволжье к ним добавляется местный – ананьинский), а с другой – исключительный характер этого сочетания, не

представленного более ни в одном культурном ареале. Независимое формирование такого комплекса в каждой из столь далеко отстоящих друг от друга областей древней ойкумены в результате самостоятельного распространения отдельных вещей, по нашему мнению, исключено, и потому указанное сходство можно удовлетворительно объяснить лишь имевшей место не позже рубежа VII–VI вв. до н.э. миграцией какой-то группы населения, причем направление этой миграции (с юга на север, а не наоборот) неопровержимо определяется культурной принадлежностью составляющих этот комплекс элементов. Для средневожжских ананьинцев, по их мнению, он оказался весьма ограниченным: проанализированная выше миграция из Закавказья не имела здесь долговременных культурных последствий, и довольно быстро скифо-кавказские черты были почти полностью поглощены автохтонным элементом (Погребова, Раевский, 1992. С. 221).

Н.Н. Терехова и Л.С. Хомутова отмечают единство технологии обработки железа в этот период в ареалах кобанской и ананьинской культур, при явном приоритете первых, и приходят к выводу о проникновении в ананьинскую культуру кобанских ремесленников и соответствующих производственных навыков и даже секретов (1985. С. 152–154).

А.А. Чижевский отмечает значительное кавказское влияние на маклашевскую (XI – 1 пол. IX вв. до н.э.), а затем и постмаклашевскую культуры (2 пол. IX – VI вв. до н.э.). Анализ погребального инвентаря постмаклашевской культуры свидетельствует об усилении социальной дифференциации и внешнего товарного обмена, в том числе и с Северным Кавказом (Чижевский, 2008. С. 60, 61). Инвентарь погребений АКГШК содержит меньшее количество категорий погребального инвентаря, чем захоронения других культур ананьинской КИО, что свидетельствует о менее интенсивных торговых отношениях и социальном развитии населения этой культуры (Там же).

По зооморфному материалу можно проследить этапы взаимодействия между Волго-Камьем и Северным Кавказом. В истории культурного взаимодействия населения Северного Кавказа с населением Нижнего Поволжья и

Южного Приуралья можно выделить несколько направлений, которые прослеживаются в зооморфном материале.

1 этап: в доскифский и ранний скифский периоды отмечается взаимодействие представителей кобанской культуры с носителями традиций ананьинской культуры. Зооморфное оружие, найденное в закрытых погребальных комплексах ананьинской культуры, всегда встречается вместе с богатым сопровождающим инвентарем. Очень часто в комплексах имеются вещи, импортные с Кавказа или Передней Азии. Носители ананьинской культуры имели устойчивые торговые связи с Кавказом. Многочисленные вещи из данных регионов и стилистические заимствования не оставляют сомнений в этом факте (Мингалев, 2007).

Среди находок, иллюстрирующих направления связей с юго-запада на северо-восток, важное место занимают бронзовые орнаментированные пояса.

В VII–VI вв. до н.э. на Средней Волге и Нижней Каме (Пустоморквашинский, Старший Ахмыловский, Мурзихинский I (IV) могильники) отмечается наличие импортных зооморфных предметов, в том числе с Кавказа. Доминирующее положение занимают украшения в виде налобных венчиков, сделанных из фрагментов гравированных пластин бронзовых поясов с изображениями скачущих лошадей, собак, львов и рыб (Васильев, 2002; Чижевский, 2008. С. 51). В 25 погребениях ананьинской культуры гребенчатощнуровой керамики были выявлены налобные венчики из кожи, покрытые бронзовыми накладками. В погр. 13 Мурзихинского I (IV) могильника, относящегося к постмаклашевской культуре, обнаружены фрагменты кавказских поясов с гравировкой (Чижевский, 2008. С. 51, рис. 35, 2–4, 6, 8, 10, 11). В погр. 840 Старшего Ахмыловского могильника, материал которого также относится к АКГШК, обнаружены бронзовые накладки на налобные венчики из кожи. Они были вырезаны из кобанского боевого пояса с изображением двойной спирали. В этот период погребения данной культуры содержат меньшее количество инвентаря, чем захоронения других культур ананьинской КИО, что свидетельствует о менее интенсивных торговых связях (Там же. С. 51, 74, 76, 77).

Связать эти пластины с какой-то конкретной территорией Кавказа достаточно сложно. Бронзовые орнаментированные пояса – явление надкультурное. мода на бронзовые пояса распространяется в раннем железном веке по Передней Азии и всему Кавказу, начиная от Урарту на юге и заканчивая бронзовыми тлийскими поясами. Б.В. Фармаковский, основываясь на определен-

ном сходстве изображений закавказских бронзовых поясов с монументальной хеттской скульптурой, полагал, что «пояса эти появились под воздействием малоазиатского хеттского стиля X в. до н.э.» (1914. С. 44). Бронзовые пояса вошли в употребление не позднее начала I тыс. до н.э. Исследуя изображения на налобных венчиках, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский среди аналогий называют изображения на поясах из Тли, Самтавро, Маралын-Дереси, Сагареджо, Чабарухи, Пасанаури, Нареквави (1992. С. 209). Они справедливо отмечают, что находки с Кавказа не ограничиваются вещами кобанского круга. Поэтому при анализе кавказских вещей из памятников Волго-Камья в качестве аналогий мы используем изображения животных на бронзовых топорах, поясных пряжках.

Кавказские бронзовые пояса используются населением Волго-Камья, согласно их положению в погребениях, в качестве поясов или накладок налобных повязок. А.В. Збруева совершенно справедливо отметила, что налобник из погр. 7 Пустоморквашинского могильника сделан из части какого-то более крупного предмета (1952. С. 167). Действительно, фрагмент кавказского бронзового пояса в виде туловища змеи с заполнением пуансонным орнаментом из этого погребения (Рис. 2, 17) сделан из пластинчатого пояса. Он находит множественные аналогии на бронзовых поясах из погребений эпохи поздней бронзы – раннего железа (2 пол. II тыс. до н.э.) Тлийского могильника (Техов, 1977. Рис. 97, 6, 8, 10, 12, 14, 98, 4, 5, 8, 9; 2001. Табл. 7–12; Погребова, Раевский, 1992. Рис. 34, а, б), из «Цоисской коллекции» в Южной Осетии (Техов, 2006. С. 258, рис. 3) (Рис. 2, 18–22).

Изображения извивающейся змеи встречаются на Кавказе, начиная с III тыс. до н.э., но наибольшее распространение они получают в XI–X вв. до н.э. на бронзовых топорах, кинжалах, пряжках, пинцетах и бронзовых сосудах среди находок в Кобанском и Тлийском могильниках (Техов, 2006. С. 196).

А.В. Збруева отмечала, что изображения змеи на Пустоморквашинском могильнике имеют аналогии на кобанских топорах (1952. С. 318). Самая ранняя подгруппа топоров 1/1 (по Скакову, 1997) с изображением змей, переползающих с лопасти на лопасть, происходит из памятников Центрального Кавказа: Тлийского (погр. 18, 23, 39, 208, 215а), Кобанского (4 экз.) могильников, Бзит-кау (Южная Осетия; 1 экз.). Другая подгруппа 1/2 (по Скакову) – топоры с изображением змей в подтреугольных рамках – известна в Кобанском могильнике, Пседахе (Ингушетия), Тлийском могильнике (погр. 202 и 385), Цагери (Западная Грузия), Ачандары (Абхазия),

на обухе топора из «Цоисской коллекции» (Техов, 2006. Рис. 3). Это свидетельствует о начале процесса распространения центральнокавказского графического искусства (Скаков, 1997. С. 73).

В памятниках поздней бронзы и раннего железного века Центрального Кавказа изображение змеи встречается достаточно часто на бронзовых поясных пряжках из Тлийского (Техов, 2007. Рис. 37, 8) и Кобанского могильников (Сен-Жерменский музей), на приемнике фибулы из Тлийского могильника (Техов, 1977. Рис. 104, 5), пинцетах того же могильника (Техов, 2006. Рис. 46, 1, 5), на ритоне VIII в. до н.э. с Бомборской поляны у Гудауты (Абхазия) (Доманский, 1984. Рис. 1), привеске в виде ритона из Казбекского клада (Коллекции... 1902. Табл. 12, с. 14, № 212). Зигзагами в виде ползущей змеи изображались фибулы 2 четверти I тыс. до н.э. из Кобанского могильника (Доманский, 1984. Рис. 57), поясные пряжки из Тлийского могильника (Рис. 64, 5), Рутхи (Берлинский музей до- и протоистории. Кат. № III-d-3949, 3950), Кумбулты и др.

Таким образом, изображение змеи в XII–X вв. до н.э. было характерно для прикладного искусства Центрального Кавказа. Этот образ встречается и в более поздний период, но гораздо меньше. Бронзовый пластинчатый пояс из погр. 7 Пустоморквашинского могильника с изображением ползущей змеи является импортом с Центрального Кавказа.

Интересны фрагменты другого пояса с изображением части головы с ухом и рогами одного животного (№ 1) и задней части другого животного (№ 2) из погр. 7 Пустоморквашинского могильника (Рис. 1, 15). Тела животных покрыты полосами орнамента из елочного и дуговидного орнамента и продольных линий. Туловище животного слева выполнено в виде «песочных часов»: узкая средняя часть и утрированно широкие бедра и передняя часть – черта, характерная для искусства кобанской культуры. Д.С. Раевский и М.Н. Погребова реконструировали это изображение (1992. Рис. 33, з). Хотелось бы добавить, что голова изображенного животного повернута назад и изо рта простирается колосовидный элемент, который помещен над спиной животного. Такая же поза и «колос» наблюдаются у животного на поясе из Пасанурского клада (Рис. 1, 18). Поза животного с повернутой назад головой широко известна на Центральном Кавказе, иногда она встречается и в Восточной Грузии. Таковы изображения копытного с открытым ртом из погр. 350 Тлийского могильника, олень на поясе из Гантиадского могильника (VIII–VII вв. до н.э.), олень из бронзовой пластины из Лизгора (VII–V вв. до н.э.)

(Доманский, 1984. Рис. 162), на бронзовых топорах из Цхинвальского клада и «Цоисской коллекции» (Рис. 1, 19), на дугообразных фибулах из Тлийского могильника (Рис. 1, 21). С таким длинным гладким хвостом, опущенным вертикально вниз, покрытым пуансоном, в раннем железном веке на Кавказе обычно изображались хищники (например, на поясе из Самтаврского могильника) (Рис. 1, 16). Судя по аналогиям (Рис. 1, 17–24), такие изображения характерны для памятников Центрального Кавказа и Восточной Грузии.

Другое животное с рогами на этом поясе – бык. Для него характерна вытянутая морда, что находит аналогии среди изображений Кобанского и Тлийского могильников VII–V вв. до н.э. (Рис. 1, 22, 2, б).

Три фрагмента пояса из погр. 218 Старшего Ахмыловского могильника (Рис. 1, 1–3) являются практически идентичными. Создается впечатление, что мастером уже копировался фрагмент пояса, ставший накладкой на венчик. Об этом свидетельствует сочетание двух видов орнамента в виде «бегущей волны» и «плетенки», которые находятся над изображением; фрагменты орнамента «бегущая волна» совпадают по своим пропорциям и размерам. Орнамент является фрагментом рамки, обычно окаймляющим композиции сцен охоты, «шестивия животных», помещаемых на бронзовых поясах. Орнамент «бегущая волна» встречается на бронзовых и керамических предметах Кавказа повсеместно. Орнамент в виде «плетенки» характерен для памятников ходжалы-кедабекской культуры Восточного Закавказья (Ашурова, 2007. Рис. 62, 63) (Рис. 2, 2–4), в том числе и в сочетании с «бегущей волной».

Здесь также помещено изображение рыб (одно целиком и другое фрагментировано). Первая рыба изображена сильно стилизованной, в виде двух линзовидных фигур, на одной из них помещен глаз, а другая «линза» представляет собой хвост. Подобным образом рыба изображена на поясе из Самтаврского могильника (Рис. 1, 4). К ее хвосту примыкает хвост другой рыбы, хвост – усеченный треугольник с продольными штрихами, туловище, судя по всему, линзовидное, на туловище штрихами изображены плавники. Изображения рыб встречаются на бронзовых топориках, фибулах, поясных пряжках, булавах, поясах центрального варианта кобанской (Кобанский и Тлийский могильники) и так называемой «самтаврской культуры» Восточного Закавказья (Самтаврский могильник) (Рис. 1, 5–9). Слева от фигурок рыб помещено изображение, напоминающее рог (безоарового козла) с верхним волнистым краем, край голо-

вы и ухо. Рог и край головы заштрихованы. Такая трактовка рогов встречается на поясах X–VII вв. до н.э. в Восточном Закавказье, в памятниках ходжалы-кедабекской культуры (Ашурова, 2007. Рис. 61, 1, 37, 5), на поясе из погр. 419 Тлийского могильника (Рис. 2, 2), по стилистике этот элемент скорее напоминает изображения Восточного Закавказья, а не центрально-кавказские образцы (Техов, 2001. С. 271).

Другой фрагмент бронзового пояса из погр. 13 Мурзихинского I (IV) могильника (Рис. 2, 1) – с фрагментированным изображением копытного животного с туловищем «песочные часы», длинным хвостом; на конце хвоста утолщение, напоминающее стилизованную кисточку; заброшенным за спину хвостом, согнутыми под прямым углом ногами; опущенной вниз головой; вытянутым носом с утолщением на конце; по краю изображения идет двойная линия с пуансоном; туловище, члененное на плоскости пуансонным орнаментом, дуговидной прямой штриховкой и поясками с пуансоном. Рамка из многочисленных рядов мелкого орнамента «бегущая волна» встречается также на поясе из Самтаврского могильника (Рис. 1, 8–9), в памятниках ходжалы-кедабекской культуры (Рис. 2, 2–4), но близких аналогий рамки нами не встречено.

Для контура изображения характерны плавные закругленные линии, в большей степени присущие закавказским изображениям животных, например, на бронзовых поясах из Ходжалы (Virchov, 1895. Taf. IV), Калакента (Ашурова, 2007. Рис. 38, 1–2, 39, 1–2, 61, 1) (Рис. 2, 3–4), погр. 3 Гантиадского могильника (Картли) с достаточно сильным ахеминидским влиянием (Unterwegs... 1995. S. 286, 287), погр. 419 Тлийского могильника (Техов, 2001. Табл. 68–70) (Рис. 2, 2), которые напоминают восточнокавказские образцы. Складывается впечатление, что изображение животного на фрагменте пояса из погр. 13 Мурзихинского I (IV) могильника своими художественно-стилистическими корнями связано с поясами ходжалы-кедабекской культуры, которые появились и получили распространение в X–VII вв. до н.э.

Декоративная рамка фрагментов поясных пряжек из погр. 218 Старшего Ахмыловского могильника составлена из трех рядов орнамента «бегущая волна», по краям которого идут полосы пуансона; по краю пластины и ближе к изображению проходят полосы дуговидного орнамента. В целом эти художественно-стилистические особенности характерны для центральнокавказских образцов. По художественно-стилистическим особенностям близки к ним два фрагмента пояса (Рис. 1, 10–11) из погр. 840 Старшего Ахмыловского могильника, но вместо сочетания

«плетенки» и «бегущей волны» представлен пуансонный орнамент и «бегущая волна». Изображения хвоста с треугольным элементом на конце, концентрических кругов, расходящихся радиально лучей в сочетании с пуансонным орнаментом широко известны в памятниках Центрального Кавказа, например, в погр. 74, 76, 350 Тлийского могильника (Техов, 2001. Табл. 58–62), Маралын-дерси (Южная Осетия) и Пасанаурского могильника (Восточная Грузия) (Рис. 1, 12–14, 17, 18). На аналогии фрагмента бронзового пояса из погр. 840 Старшего Ахмыловского могильника указывал В.С. Патрушев (Цит. по: Погребова, Раевский, 1992. С. 209). Животное стоит не на копытах, а на нижних суставах конечностей. Так изображено и животное на поясе из погр. 350 Тлийского могильника (Рис. 1, 23) и Пасанаурского могила (Рис. 1, 18).

Интересен фрагмент пояса из погр. 363 (Рис. 2, 13) Старшего Ахмыловского могильника, обрамленный двойной рамкой с рядами штрихов и лаконичной стилистикой изображения фигур животных (Патрушев, 1984). Переданы лишь контур фигуры в профиль и две ноги – передняя и задняя, согнутые под тупым углом; голова, устремлена вперед; хвост поднят, на его конце треугольная кисточка. Скорее всего, здесь изображена фигура хищного животного в прыжке. Такие стилизованные изображения животных встречаются в Самтаврском могильнике (Хидашели, 1982. Табл. IV) (Рис. 2, 15). В целом же они характерны для одного из направлений стилизации в изображении животных на поясах начала I тыс. до н.э. Южного Закавказья из Степанавана, Кармир-берда (Тазекенда), Бджни (Рис. 2, 16) (Есаян, 1978. С. 106–111, рис. 16–18). Однако рамка из рядов штрихов характерна для поясов Южного Закавказья (Хртаноцкий м-к, Тигранокерт, Малишки, Эребуни (Есаян, 1983. С. 32–38, табл. V, 1–3, VI, 1–3, VII, VIII, 2). Необходимо отметить, что этот же фрагмент пояса, но в зеркальном отражении (Рис. 2, 14) дан в работе М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского Д.С. (1992), где ошибочно указано его происхождение из погр. 362 Старшего Ахмыловского могильника.

Три фрагмента другого пояса из погр. 800 Старшего Ахмыловского могильника (Рис. 2, 7–9) с изображением древа жизни и крылатого льва с человеческой головой находят явственные аналогии в памятниках Южного Кавказа из Мецамора (погр. 4), Ани-Пемза, Закини, Малишки (Есаян, 1983. Табл. IX, 2, X, 1–3) (Рис. 2, 1–12). Урартийские пояса с подобной композицией и изображениями встречаются также в Тлийском могильнике в погр. 40–б (Рис. 2, 11), 215, 425. Б.В. Техов датирует эти пояса VII в. до н.э.

По мнению С.А. Есаяна, такие рисунки на урартских бронзовых поясах выполнены штампом и затем дополнительно обработаны чеканом и резцом (1983. С. 38).

Таким образом, можно проследить пути проникновения бронзовых парадно-боевых поясов с территории Восточного и Южного Закавказья через Восточную Грузию на Центральный Кавказ и через перевалы Северного Кавказа на территорию Волго-Камья. На территории Закавказья пояса распространялись в культурно однородной среде, о чем свидетельствуют сюжеты (сцены охоты, шествия животных), использование круга животных, схожие стилистические приемы (орнаментальные рамки, позы животных, фигура животных «песочные часы», оформление двойной линией, заполнение поверхности тела животного орнаментальными рядами и др.). В Закавказье и на Центральном Кавказе в воинской среде существовала мода на такие пояса. Судя по стилистическим отличиям, существовало несколько центров их производства (восточнозакавказский, южнозакавказский и центральнокавказский). Иногда изображения на поясах носят смешанный характер. На территории Волго-Камья эти пояса распространились благодаря представителям воинской среды, среди которых они использовались. Сюжеты, помещенные на них, попав в иную культурную среду, не «читались». Об этом свидетельствует использование изображений разрезанных на части, поворот на прямой угол, по отношению к первоначальному положению пояса.

По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, полное совпадение набора различных по происхождению культурных признаков (характеризующего как выявленных нами мигрантов, проникших в Среднее Поволжье, так и обитателей Центрального Закавказья, где, как мы убедились, присутствовал внедрившийся в местную среду скифский этнический компонент) свидетельствует, что какая-то группа именно этого населения не позднее рубежа VII–VI вв. до н.э. совершила далекий рейд на север (Погрובה, Раевский, 1992. С. 215–216). Однако, на наш взгляд, зооморфные пояса не несут скифской культурной окраски. Скорее всего, бронзовые пластинчатые пояса с зооморфными мотивами появились на территории Волго-Камского региона в результате миграции с Кавказа на северо-восток представителей кобанской культуры в X–VII вв. до н.э.

М.Н. Погрובה и Д.С. Раевский совершенно справедливо отмечают ту же модель взаимоотношений пришельцев и аборигенов, которая ранее была реализована этими же скифами в Закавказье и в значительной мере обусловила само формирование привнесенного ими в Повол-

жье гетерогенного комплекса: иноэтничные воины вступали в брак с местными женщинами и селились в автохтонной среде. В этом смысле небезынтересно, что принесенные с далекого юга бронзовые пояса послужили в Среднем Поволжье как раз для изготовления женских головных уборов местного типа. По существу, именно различием погребенных по полу в известной мере и обусловлено то достаточно частое в поволжских могильниках разведение по разным комплексам вещей скифского облика и принесенных вместе с ними кавказских древностей, которое послужило одним из главных оснований процитированного суждения об их несинхронном появлении в ананьинском ареале. В тех же случаях, когда те и другие функционально однородны, они, как мы уже видели, порой оказываются в одной могиле, иногда к тому же вообще лишенной черт местной культуры (например, погр. 336 Ст. Ахмыловского м-ка).

По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, в этом сказалось влияние как ландшафтно-географического, так и культурно-исторического фактора. Прежде всего, сыграло роль существование чисто сухопутного пути из степей Предкавказья на север, пролегающего по водоразделу бассейнов Дона и Волги и выводящего как раз к тому участку Среднего Поволжья между устьями Свияги и Суры, где расположены рассмотренные ананьинские могильники. Наши переселенцы, перевалив через Кавказский хребет в непосредственной близости от мест формирования присущего им смешанного культурного комплекса, пройдя между верховьями Кубани и Терека и миновав долину Кумы в ее верхней части, могли совершить весь дальнейший маршрут, не встретив на пути ни одной речной преграды. От группы всадников осуществление такого рейда не потребовало бы длительного времени (Погрובה, Раевский, 1992. С. 219).

Другим показателем контактов населения кобанской и ананьинской культур в скифскую эпоху являются **бронзовые зооморфно оформленные наконечники ножен** (Рис. 3). Шесть экземпляров происходит из грунтовых могильников центрального варианта кобанской культуры: Фаскау, Кобанского, у с. Верхний аул, Белореченского (Вольная, 2000. Рис. 3) и Дванского могильника в Закавказье (Погрובה, Раевский, 1992. Рис. 19, в). На наконечниках ножен в виде усеченного конуса – плоское изображение головы хищной птицы с круглым глазом или без него. Клюв загнут в кольцо, в ряде случаев изображен язык, глаз. Для северокавказских образцов характерна ажурность. Этот тип иконографии хищной птицы относится к концу VII–VI в. до н.э. Данные изображения находят аналогии в скифском искусстве других терри-

торий Северного Кавказа, однако в иной стилистической трактовке. Близкими аналогиями являются наконечники ножен из погр. 336 Старшего Ахмыловского и Скородумского могильников (Рис. 3, 1, 2). Первый из них по стилистике близок кавказским образцам: лаконичное изображение кольцевидного клюва и языка, шея в виде уплощенного цилиндра – и создается впечатление, что он изготовлен кобанским мастером.

Наконечник ножен из Скородумского могильника повторяет схему изображения центрально-кобанских образцов: выступающий относительно шеи клюв хищной птицы с языком, круглый глаз. Голова отделяется от шеи рифленой полосой, клюв – продольными полосами от головы. Шея в виде усеченного конуса, которую мы видим на кавказских образцах, предельно уплощается, почти исчезает ажурность. На шее появляются профильное изображение фигуры хищного животного с повернутой назад удлинённой головой и оскаленной пастью, на согнутых когтистых лапах, с круглым ухом в виде спирали, с небольшим хвостом также в виде спирали. На туловище хищного животного изображена оскаленная голова еще одного хищника с круглым ухом в виде спирали. На шее птицы помещены наклонные дуговидные линии и колосовидная линия, которая может трактоваться как хвост (?) хищного животного. Стилистика изображения хищника на наконечнике ножен из Скородумского могильника близка звериному стилю волго-камского региона.

Таким образом, в доскифский и раннескифский периоды наблюдается проникновение кавказского импульса в Волго-Камский регион. Он проходил через перевалы Главного Кавказского хребта. Путь по побережью Каспийского моря, судя по находкам, не использовался. Достаточно большую роль в культурных контактах играла территория Центрального Кавказа. Скорее всего, именно отсюда начинались миграции в Среднее Поволжье.

2 этап: связан с изменением направления миграционных потоков в евразийских степях и на Кавказе. Кавказоведы и археологи, исследующие степную и лесостепную зону Европейской части России, отмечают, начиная с VI в. до н.э., восточные и северо-восточные культурные влияния на Кавказ.

По мнению В.И. Козенковой, в скифский период, с VII в. до н.э., интенсивность функционирования путей сношения северокавказцев с юго-восточными и западными соседями заметно падает, но основные миграционные потоки позднекобанского общества переориентируются на связи вовнутрь ареала или в южную сторону, в Закавказье, через перевалы в верховьях Бакса-

на, Терека и Кубани (1996. С. 143).

С.Л. Дударев считает, что, начиная с рубежа VI–V вв. до н.э. и вплоть до конца IV в. до н.э., через савроматов северного Азово-Каспийского междуморья, а также номадов, кочевавших в Предкавказье, осуществлялись транзитные связи между коренными жителями территории Чечено-Ингушетии и оседлым и кочевым населением, в частности Волго-Камья, которое, в свою очередь, поддерживало взаимоотношения с Южной Сибирью. По этой сложной цепочке в Среднее Притеречье попадали вещи из области распространения ананьинской культуры (Волго-Камье), по образцам которых создавались их местные подражания (бронзовая секира с головой хищного зверя из Новогрозненского могильника, железные топоры-клевцы из Лугового могильника и др.). Роль савроматов как передаточного звена в распространении элементов культуры их северо-западных соседей и более удаленных восточных племен в кавказскую среду нужно осмысливать с учетом занимаемого им географического положения и уровня их хозяйственно-экономического развития (Дударев, 1991. С. 57, 58).

С.В. Кузьминых указывает, что с VIII в. до н.э. до последней трети VI в. до н.э. главное направление контактов населения Волго-Камья связано с Кавказом в целом и ранними скифами, а с VI в. до н.э. – с савроматами. С конца VI в. до н.э. связи с первыми двумя идут резко на убыль, но уже заканчивается становление ананьинско-савроматских контактов и начинается их расцвет вплоть до IV–III вв. до н.э. Именно благодаря последнему стало, очевидно, возможным установление торговых и культурных связей ананьинского мира с сакским и тагарским, особенно с первым (Кузьминых, 1983).

С.А. Васильев полагает, что с VI – начала V в. до н.э. в регионе Южного Поволжья и Южного Приуралья преобладает влияние с востока (2002. С. 16). В этот период также наблюдается довольно сильное савроматское, сибирское и поволжское влияние в скифо-сибирском зверином стиле Кавказа.

С ананьинской культурой шнуровой керамики VIII–VII вв. до н.э. связаны, вероятно, ананьинские **«парадные» секиры**, территория распространения которых совпадает с ареалом распространения этой культуры. Аналогия подобным топорам встречена в Сержень-Юртовском могильнике. (Чижевский, 2008. С. 65). В период распространения ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики VII–VI вв. до н.э. находят железные топоры-секиры с молотковидным обухом в Старшем Ахмыловском (погр. 71, 508) и Акозинском (погр. 73) могиль-

никах, которые находят аналогии среди материалов погребальных комплексов VII–VI вв. до н.э. Северного Кавказа (Чижевский, 2008. С. 73).

Топорики-секиры достаточно широко представлены в позднекобанских памятниках Центрального Предкавказья. Они датируются VI–V вв. до н.э. Учкеевский топорик-секира не имеет известных аналогий в кавказском материале, но он обнаруживает единственную параллель в Волго-Камье (погр. 183 Ст. Ахмыловского м-ка), в одном из тех захоронений, которые рассматриваются исследователями как свидетельство переселения в этот район мигрантов с Кавказа, «отложившихся от царских скифов» (по Погребовой, Раевскому) или северокавказских скифов (по Членовой).

С.Л. Дударев высказал предположение относительно того, что «отложившиеся скифы», оказавшиеся на Волге, еще до переселения сюда, возможно, вступили в стадию миксации с кавказцами. Не потому ли они легко усвоили ананьинский погребальный обряд, мало чем отличавшийся от обряда плоскостных (равнинных) кобанцев, – захоронения в неглубокой яме? (Дударев, 1991. С. 105).

Железные боевые топоры, в том числе и топоры-чеканы, в отличие от бронзовых чеканов, более характерны для западных пределов Евразии. Они широко распространены в Закавказье, на Северном Кавказе, в Скифии, Среднем Поволжье и Приуралье. Втульчатые топоры на востоке – у тагарцев и саков – заметно отличались от них.

Н.Л. Членова, в отличие от упомянутых исследователей, полагает, что центральноазиатские топоры-секиры – лишь веха на пути распространения секир и чеканов с их родины, Ближнего Востока, откуда они растекаются в различных направлениях, начиная со II тыс. до н.э. Здесь же она находит прототипы будущим скифским топорам и секирам. Исследовательница полагает, что нельзя выводить от тагарских те формы чеканов, секир и боевых топоров Алтая, Западной Сибири, Прикамья, Поволжья и Северного Кавказа, которые сходны с тагарскими и наоборот, вследствие наличия в этих районах своих архаичных форм. В отношении ананьинских бронзовых и биметаллических чеканов этот взгляд противоречит ранее высказанным.

Очевидно, устоялось мнение, что железные боевые топоры, столь известные скифам, ананьинцам, племенам Северного Кавказа главным образом с VI в., обязаны своим происхождением Закавказью (наиболее ранние образцы датированы VIII–VII вв. до н.э.). Их появление у ананьинцев объясняется заимствованием с юга. Появление железных боевых топоров в Среднем

Поволжье и Прикамье является заимствованием с Кавказа и из ранней Скифии вместе с формами архаичных акинаков и савроматскими наборами стрел VI в. до н.э. (Кузьминых, 1983).

По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, определенный интерес в этом плане представляет, впрочем, наличие в ананьинском ареале кобанских бронзовых топоров. Их появление здесь было выше поставлено нами в связь с проникновением в Поволжье других вещей скифокавказского круга. Но учитывая достаточно длительное бытование подобных топоров, нельзя исключить, что по крайней мере некоторые из них относятся к более раннему времени. В таком случае следовало бы считать наиболее вероятным южным партнером ананьинцев в контактах предскифской эпохи именно обитателей Северного Кавказа и приписать влиянию традиционных для них связей выбор того маршрута, по которому проследовали «отложившиеся скифы».

Такое объяснение тем более правомерно, что некоторые факты как будто указывают на прямое участие в этой скифской миграции определенного кобано-колхидского контингента. Помимо приведенных выше данных о возможной причастности представителей этих племен к перемещениям скифов еще по территории Закавказья и о наличии кобанского элемента в принесенном в Среднее Поволжье с юга поликультурном комплексе, весьма показательным единством технологии обработки железа в ареалах кобанской и ананьинской культур при явном приоритете первой (Погрובה, Раевский, 1992. С. 221–223). Топорики-секиры с изображением хищника на бойке являются характерной особенностью памятников Волго-Камского региона. На бойке перпендикулярно втулке профильное изображение головы хищного животного (волка) с оскаленной лотосовидной пастью, по краю пасти проходит валик, переходящий в волуты, круглым глазом и торчащими ушами, выделяются клыки и зубы, шея и переход от втулки к лезвию секиры обозначены рифлением. Сверху втулки изображена хищная птица. Зооморфные изображения на них связаны с савроматским воздействием. Топорики-секиры украшались орнаментальными мотивами: зигзагами, штриховкой, рядами валиков. Они происходят из окрестностей Воткинского завода, из-под Елабуги, из Сарапульского р-на Удмуртии (Рис. 4, 1–3). Достаточно близкой аналогией этим находкам является зооморфная секира из Новогрозненского могильника середины VI–V в. до н.э. (Рис. 4, 4) с изображением головы оскалившегося хищника, однако голова хищника изображена параллельно втулке, отсутствует изображение хищной птицы на верхней части втулки. Изображение хищника выполнено также под воздей-

ствием савроматского звериного стиля: лотосовидная оскаленная пасть, каплевидный глаз и каплевидный элемент на нижней челюсти. Однако оно имеет особенности, характерные для кобанского зооморфного искусства: рифленый валик, зубы изображены более схематично, приподнятый сверху нос, выделение выступом нижней челюсти, изображены два уха, т.е. изображение подразумевает объемность. Схема орнамента Новогрозненского топорика-секиры схожа с волго-камскими топориками-секирами: валиками с елочным и поперечным линейным орнаментом оформлена шея животного, а также переход к лезвию, втулка. Однако он сильнее орнаментирован: зигзагообразный и пуансонный орнамент покрывает лезвие, втулка украшена не только в поперечном, но и в продольном направлении. Этот топорик-секира является единственной, уникальной находкой, не характерной для памятников Северного Кавказа, но имеющей аналогии в Поволжье и Прикамье.

Учитывая кавказское влияние на формирование топориков-секир в Волго-Камском регионе, все же необходимо признать, что топорик из Новогрозненского могильника выполнен кобанским мастером под влиянием топориков-секир, характерных для ананьинской культуры. В данном случае вполне логично предположить, что мигранты с Северного Кавказа в Волго-Камский регион могли и реэмигрировать, принеся с собой образцы ананьинской культуры.

Механизм распространения зооморфных мотивов с одной территории на другую в скифскую эпоху часто был связан с проникновением предметов различного функционального назначения, на которых были представлены зооморфные мотивы. Таким типом предметов являются **зооморфные (так называемые колчанные) крючки**. Эти предметы распространились в среде различных культур. Благодаря моде на крючки, вместе с ними распространяются и сюжеты, помещенные на них. Так, на территорию Кавказа попадает бронзовая привеска с изображением удвоенной головы хищника, которая была найдена в могильнике Бамутские сады II/1, погр. 1 (Рис. 5, 8). Наибольшее число изображений удвоенных голов хищника, которые расположены симметрично относительно горизонтальной оси, встречается на колчанных крючках с территории Волго-Камья (г-ще Грохань, бывш. с. Новомордово) и Среднего Подонья (м-к Мастюгино, кург. 32/32 (2 экз.), Частые курганы, кург. 3 и 10) (Васильев, 2002. С. 22, рис. 2) (Рис. 5, 1–7). Однако такие удвоенные изображения на бронзовых привесках встречаются также в Волго-Камье – в Котловском могильнике (Рис. 5, 9), в Нижнем Поволжье –

в могильнике Кривая Лука, в Южном Приуралье – в кург. 5 Новоорского II могильника, в Подонье – на железном крючке из Мастюгино, кург. 11/16.

Местом происхождения колчанных крючков называются Средний Дон и Прикамье. Е.Е. Васильева полагает, что прототипами прикамских крючков, по-видимому, были костяные застежки, которые появляются в памятниках ананьинской культуры примерно в начале V в. до н.э., а в конце этого столетия они получают зооморфное оформление. Примерно в это же время в кобанской культуре появляются металлические крючки, также с зооморфным оформлением, сформировавшиеся под влиянием скифо-савроматских элементов (Васильева, 2004. С. 34–35). Вслед за В.С. Ольховским (1999), Васильева полагает, что кобанские крючки можно связывать с группой зооморфных крючков восточных регионов Евразии. По мнению Ольховского, родиной крючков можно считать восток Евразии, откуда они распространились на запад и на север. Для VI–V вв. до н.э. они известны в Туве, Семиречье, Алтае, Тянь-Шане, проникая далее в Азово-Каспийский регион.

Немногочисленность крючков в материальной культуре кобанских племен указывает на то, что этот тип предмета был пришлым, заимствованным, но зооморфные изображения выполнены кобанскими мастерами (Васильева, 2005. С. 33, 34). «Головы-перевертыши», которые были помещены на крючках, были использованы и кобанскими мастерами на бронзовых привесках.

Исходя из материалов скифо-сибирского звериного стиля X – нач. VI вв. до н.э., в истории взаимодействия кобанской и ананьинской культур прослеживается период кавказских культурных импульсов на северо-восток, появление кавказского импорта в памятниках ананьинской культуры, без заметного влияния на зооморфное искусство ананьинцев. Затем, начиная с VI в. до н.э., территория Волго-Камского региона попадает в полосу миграционных потоков номадов и является одним из передаточных звеньев в распространении скифо-сибирского звериного стиля между территорией Сибири, Алтая, Центральной Азии и Северным Кавказом. На территорию Северного Кавказа попадают зооморфные предметы, характерные для территории распространения ананьинской культуры, такие как клевцы, а также характерные сюжеты с изображением удвоенной головы хищника.

Литература

Ашурова И.Н. Художественная бронза племен Ходжалы-Кедабекской культуры (XIV–VII вв. до н.э.). Баку, 2007.

Васильев С.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): АКД. СПб., 2002.

Васильева Е.Е. К проблеме интерпретации бронзовых зооморфных крючков кобанской культуры // 23 Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004.

Васильева Е.Е. Бронзовые зооморфные крючки кобанской культуры в собрании Государственного Эрмитажа.// АСГЭ. 2005. Вып. 37.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Виноградов В.Б. Кобанский вариант скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984.

Дударев С.Л. Очерк древней истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991

Есаян С.А. Искусство гравировки древней Армении по изображениям на бронзовых поясах II–I тыс. до н.э. // Второй симпозиум по армянскому искусству. Т. I. Ереван, 1978.

Есаян С.А. Об урартских поясах, найденных на территории советской Армении // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток. М., 1983.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Коллекции Кавказского музея. Т. V. Археология. Тифлис, 1902.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья

в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Мартынов А.И. Археология. М., 2000.

Мингалев В. Зооморфные изображения на оружии и деталях конской сбруи ананьинской эпохи (X–II вв. до н.э.) // Древности. 2007. № 4.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Старший Ахмыловский могильник. Йошкар-Ола, 1984.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Техов Б.В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тыс. до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал, 2001.

Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006.

Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железного века (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008.

Virchow R. Über die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, unter besonderer Berücksichtigung der ornamentierten Bronzegürtel aus transkaukasischen Gräbern // Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1895.

Unterwegs zum goldenen Olies. Archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken, 1995.

Рис.1. Бронзовые орнаментированные пояса. 1 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 218 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, в); 2 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 218 (по: Чижевский, 2008. Рис. 35, б); 3 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 218 (по: Чижевский, 2008. Рис. 35, 8); 4 – Самтаврский м-к (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, з); 5 – Кобанский м-к (по: Доманский, 1984. Рис. 1); 6 – Тлийский м-к (по: Техов, 1977. Рис. 90, 2); 7 – Тлийский м-к (по: Техов, 1977. Рис. 97, 7); 8 – Самтаврский м-к (по: Unterwegs zum Goldenen Olies. Archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken, 1995. Abb. 109); 9 – Самтаврский м-к (по: Хидашели, 1982. Таб. IV); 10 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 840 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, в); 11 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 840 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, б); 12 – Тлийский м-к, погр. 350 (по: Техов, 2001. Табл. 60); 13 – Маралын-дерси (по: Техов, 2001. Табл. 64, 3); 14 – Тлийский м-к, погр. 74 (по: Техов, 2001. Табл. 38, 39); 15 – Пустоморквашинский м-к, погр. 7 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, з); 16 – Самтаврский м-к (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, ж); 17 – Тлийский м-к, погр. 76 (по: Техов, 1977. Рис. 99); 18 – Пасанаурский клад (по: Лэнг, 2006. Рис. 5); 19 – «Цоисская коллекция» (по: Техов, 2006. Рис. 3); 20 – Тлийский м-к, погр. 271 (по: Техов, 1977. Рис. 68); 21 – Тлийский м-к (по: Техов, 2006. Рис. 42, 8); 22 – Тлийский м-к, погр. 350 (по: Техов, 2006. Табл. 54); 23 – Тлийский м-к, погр. 350 (по: Техов, 2001. Табл. 59); 24 – Тлийский м-к (по: Техов, 2006. Рис. 38, б)

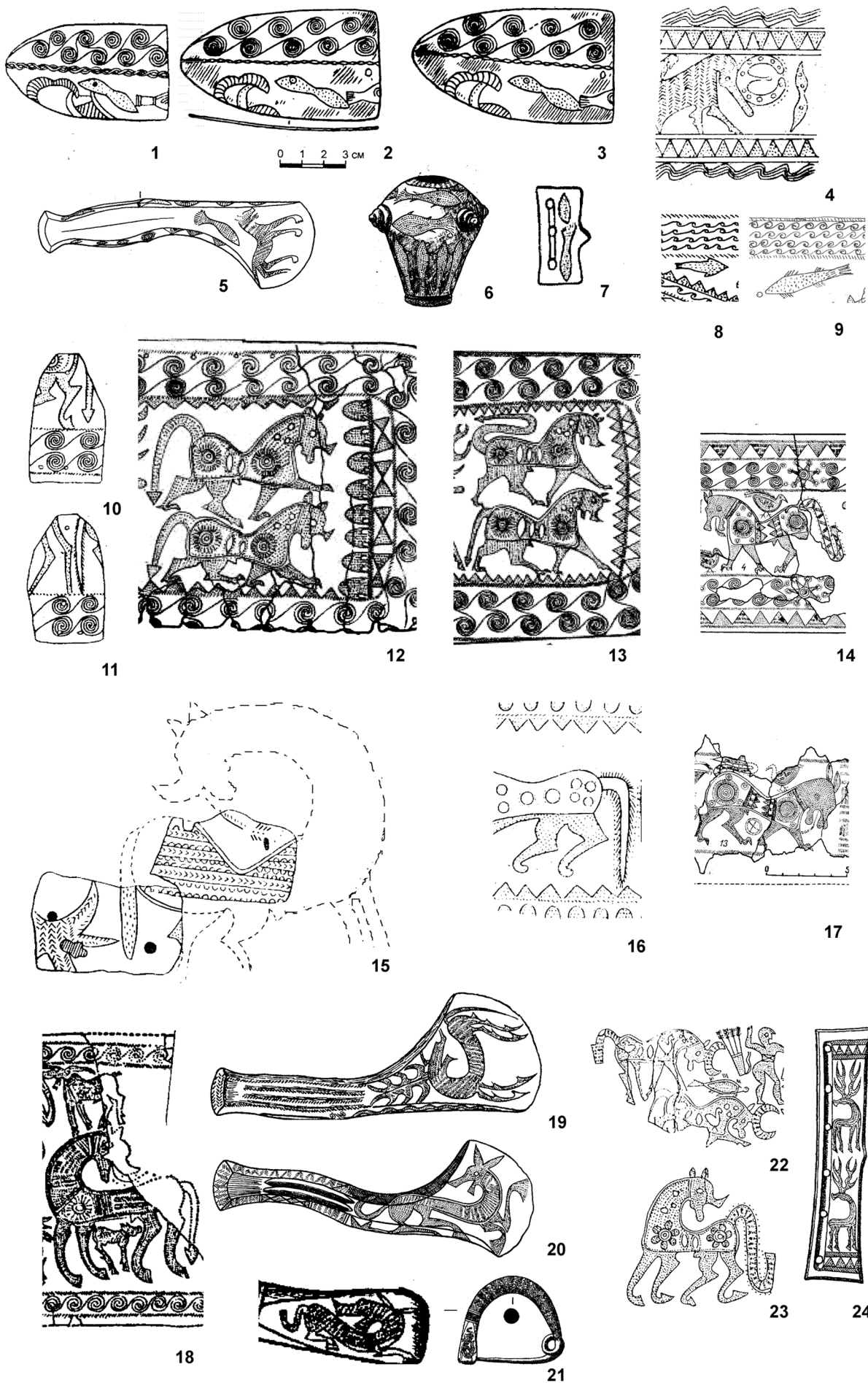

Рис.1

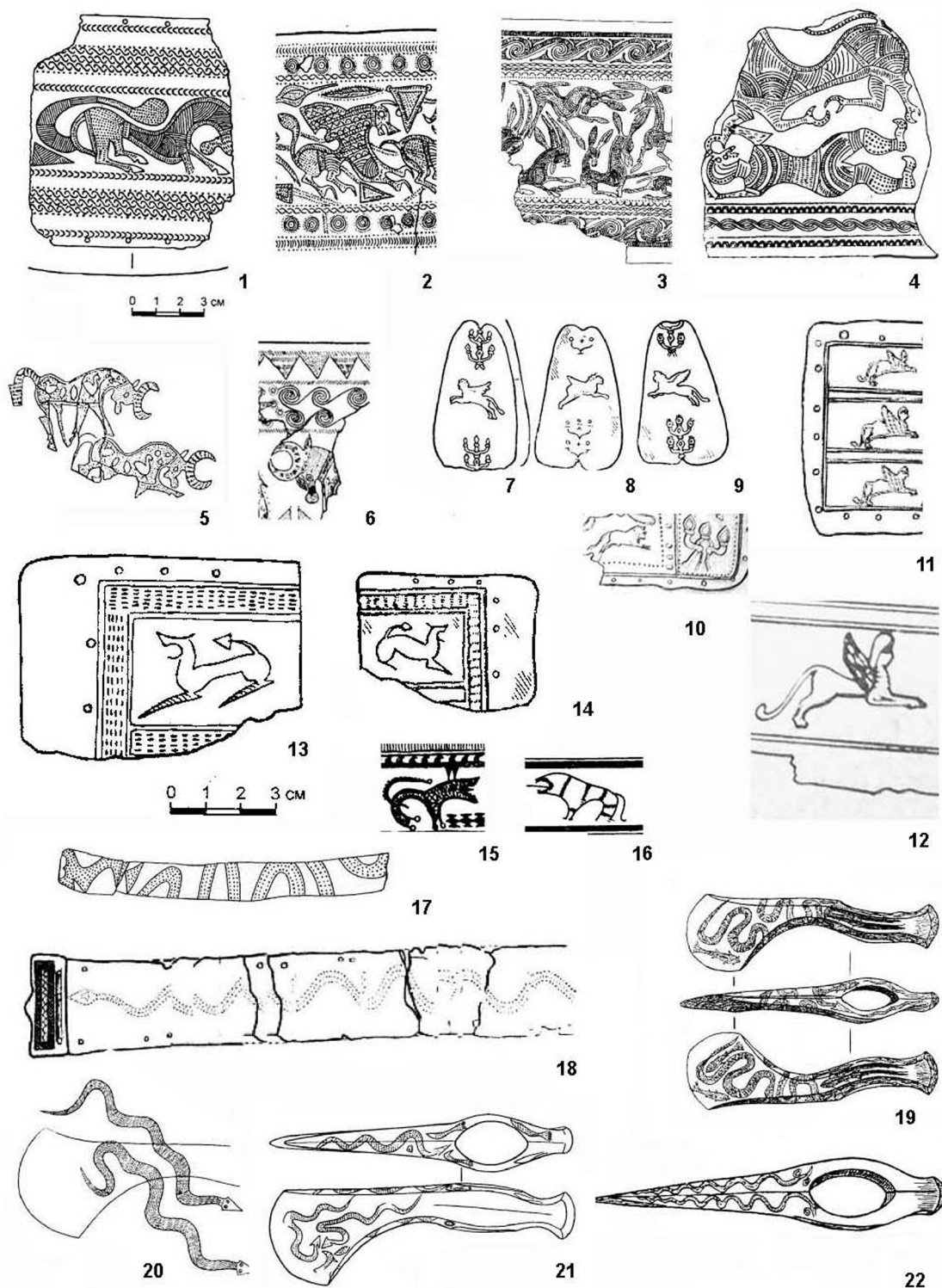

Рис.2. Бронзовые орнаментированные пояса. 1 – Мурзихинский I (IV) м-к, погр. 13 (по: Чижевский, 2008. Рис. 35, 11); 2 – Тлийский м-к, погр. 419 (по: Техов, 2001. Табл. 70); 3 – м-к Калакент, погр. 47 (по: Virchov, 1895. Taf. III); 4 – м-к Калакент, погр. 47 (по: Хидашели, 1982. № 39. Табл. 33); 5 – Тлийский м-к, погр. 350 (по: Техов, 2001. Рис. 54); 6 – Тлийский м-к, погр. 74 (по: Техов, 1977. Рис. 100); 7–9 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 800 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 33, а, б, в); 10 – Закима (по: Халилов, 1962. Табл. X. С. 107); 11 – Тлийский м-к, погр. 40-6 (по: Техов, 2001. Табл. 73); 12 – м-к Мецамора, погр. 4 (по: Есяян, 1983. Табл. IX); 13 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 363 (по: Чижевский, 2008. Рис. 35, 2); 14 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 362 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 35, з); 15 – Самтаврский м-к (по: Хидашели, 1982. Таб. IV); 16 – Бджни (по: Есяян, 1978. Рис. 18); 17 – Пустоморквашинский м-к, погр. 7 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 34, а); 18 – Тлийский м-к, погр. 104 (по: Техов, 2001. Табл. 5, 3); 19 – Тлийский м-к (по: Техов, 2006. Рис. 35, 2); 20 – Бзит-Кау (по: Доманский, 1984. Илл. III); 21 – Кобанский м-к (по: Доманский, 1984. Рис. 1); 22 – Тлийский м-к, погр. 234 (по: Техов, 1977. Рис. 72)

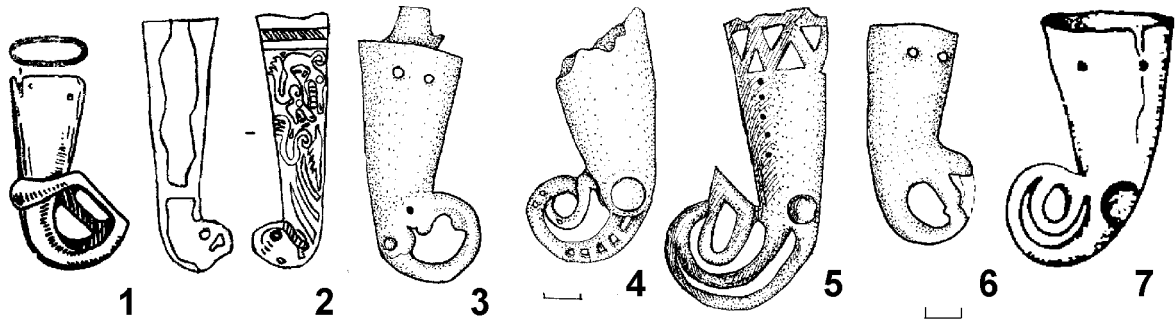

Рис.3. Бронзовые наконечники ножен. 1 – Старший Ахмыловский м-к, погр. 336 (по: Чижевский, 2008. Рис. 33, 7); 2 – Скородумский м-к (по: Мингалев, 2007. Рис. 3, 4); 3, 6 – м-к Фаскау (по: Вольная, 2002. Рис. 3, 3, 4); 4, 5 – Кобанский м-к (по: Вольная, 2002. Рис. 3, 1, 2); 7 – Дванский м-к, погр. 4 (по: Погребова, Раевский, 1992. Рис. 19, в)

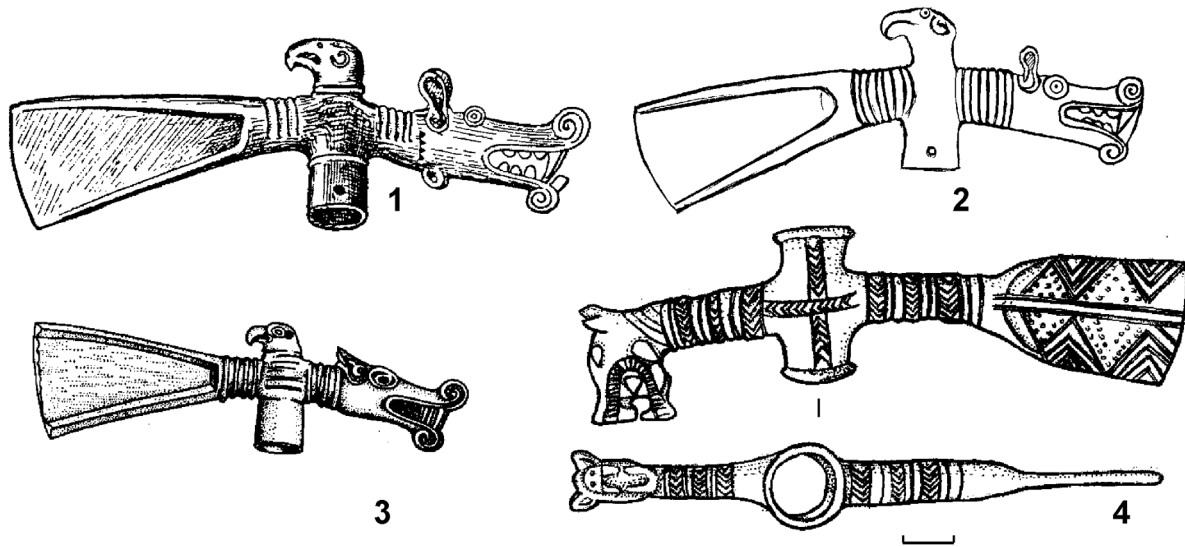

Рис.4. Бронзовые секиры. 1 – Сарапульский район Удмуртии (по: Tallgren, 1937. P. 4, 5, fig. 4; Збруева, 1952, с. 140, табл. 32, 2); 2 – Случайная находка в районе Воткинского завода; 3 – Случайная находка из-под Елабуги (по: Збруева, 1952. С. 140, рис. 14; 1954. С. 124); 4 – Новогрозненский могильник (по: Виноградов, 1979. Рис. 1)

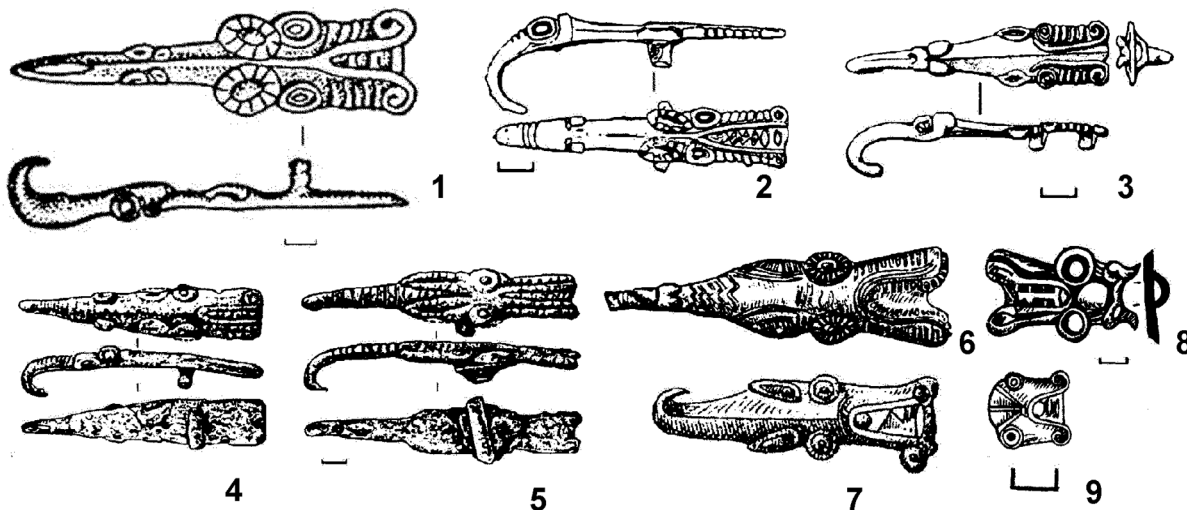

Рис.5. Бронзовые крючки и привески. 1 – г-ще Грохань (по: Васильев, 2002. Рис. 2, 1); 2 – Новомордово (по: Васильев, 2002. Рис. 2, 2); 3 – Частые курганы, к. 10 (по: Васильев, 2002. Рис. 2, 15); 4, 5 – Мاستюгино, к. 32/32 (по: Васильев, 2002. Рис. 2, 11); 6 – Частые курганы, к. 3 (по: Васильев, 2002. Рис. 2, 16); 7 – Ананьинский м-к (по: Васильев, 2004. Рис. 7, 1); 8 – м-к Бамутские сады (по: Вольная, 2002. Рис. 7, 10); 9 – Котловский м-к (по: Овсянников, 2006. Рис. 3, 9)

Резолюция Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию открытия Ананьинского могильника в Елабуге 8–12 сентября 2008 г.

1. Запланировать издание материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию открытия Ананьинского могильника. Срок окончательного предоставления статей ограничить 15 декабря 2008 г.

2. Проводить международную научно-практическую ананьинскую конференцию с периодичностью 2–4 года.

3. Организовать в рамках конференции семинар по унификации терминологического аппарата, а также описания и обработки керамики Ананьинского мира.

4. Рассмотреть на ближайших конференциях вопросы унификации терминологического аппарата Ананьинского мира.

5. Обратиться к министерству культуры Республики Татарстан с ходатайством об усоре-

нии процесса передачи территории Ананьинского могильника, памятника федерального значения, в ведение Елабужского государственного музея-заповедника.

6. Организовать в рамках одной из следующих конференций выставку археологических коллекций, характеризующих культуры Ананьинского мира.

7. Поддержать инициативу Елабужского государственного музея-заповедника о создании действующей на постоянной основе экспедиции на базе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ по изучению ананьинских древностей в Елабужском районе.

8. Организовать периодическую конференцию (семинар) «Степь и лес в раннем железном веке».

Список сокращений

АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург

АИА – Архив Института археологии РАН

АКА УрГУ – Археологический кабинет Уральского государственного университета

АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

АКИО – Ананьинская культурно-историческая общность / область

АС – Археологический съезд

АСГЭ – Археологический сборник. СПб.

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск

АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа

АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола

БашГИ – Башкирский геологический институт

БНЦ – Башкирский научный центр УрО РАН

ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск

ВДИ – Вестник древней истории

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГИН – Геологический институт РАН

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДАН – Доклады Академии наук СССР / Российской Академии наук. М.

ЗОРСА – Записки Отделения русско-славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. СПб.

ИАК – Императорская Археологическая комиссия

ИАН – Известия АН СССР. М.

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.

ИИиА – Институт истории и археологии УрО РАН

ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

КИО – культурно-историческая общность / область

КМВ – Казанский музейный вестник. Казань

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.

МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар

МАР – Материалы по археологии России. СПб., Пг.

МВФ – Музейное ведомство Финляндии

МГАИМК – Материалы Государственной Академии истории материальной культуры. Л.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.

ММНК – Материалы международной научной конференции

МНК – Материалы научной конференции

МНИК – Материалы научно-исследовательской конференции

МНС – Материалы научного семинара

ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.

РА – Российская археология

РАН – Российская Академия наук

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников. М.

СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.

СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей

СЭ – Советская этнография

ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.

ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.

ТЗИН – Труды Зоологического института РАН. СПб.

ТВКГПЗ – Труды Волжско-Камского государственного природного заповедника. Казань

ТД – Тезисы докладов

Т.л.н. – тысяч лет назад

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.

ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола

ТННОК – Труды Нижневолжского научного общества краеведения. Саратов

ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург

ТТОКМ – Труды Томского областного краеведческого музея. Томск

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

ТЧувНИИ – Труды Чувашского научно-исследовательского института гуманитарных исследований. Чебоксары

УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа

УЗ МГУ – Ученые записки Московского государственного университета. М.

УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь

УИВ – Уральский исторический вестник. Екатеринбург

УР – Удмуртская Республика

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ФУ – Финно-угроведение. Йошкар-Ола

ФЦП – Федеральная целевая программа

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики

ЧНЦ – Челябинский научный центр УрО РАН

EA – Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasien. Berlin

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

FA – Fennoscandia Archaeologica. Helsinki

FM – Finskt Museum. Helsingfors

FU – Finno-Ugrica. Казань

SM – Suomen Museo. Helsinki

SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

Содержание

Предисловие	4
I. Ананьинский могильник: сквозь призму историографии	
С.В.Кузьминых, А.А.Чижевский Ананьинский могильник: основные вехи исследований, коллекции и характер памятника	6
Кристиан Карпелан, Пирьё Уйно Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном Музее Финляндии	13
О.М.Мельникова Из истории дореволюционных коллекций ананьинских древностей (по материалам ЦГА УР).....	24
II. Ананьинский мир и его окружение	
С.В.Кузьминых, А.А.Чижевский Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы	29
В.А.Иванов Сравнительно-типологическая характеристика керамики локальных вариантов ананьинской историко-культурной общности Прикамья и Приуралья	56
В.С.Патрушев Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени	64
Е.М.Черных Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье	76
В.П.Мокрушин Изучение городища Ермаша на территории г. Перми	98
М.Г.Косменко Древности железного века с ананьинскими элементами в Карелии	108
М.Г.Гусаков, Г.К.Патрик Погребения на городищах лесной полосы раннего железного века (по материалам дьяковской, милоградской и юхновской культур).....	122
Л.Н.Корякова, С.Е.Пантелеева, А.А.Ковригин, С.В.Шарапова «История жизни» Павлинова городища	137
Л.Т.Яблонский Новые сенсационные находки в Филипповке (к дискуссионным вопросам о хронологии памятника, особенностях его погребального обряда и типологии)	150
III. Естественнонаучные и экспериментальные методы исследования	
О.В.Бакин Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене	159
А.Г.Петренко Взаимовлияния природно-климатических и антропогенных факторов на изменения типов ведения хозяйства в эпоху поздней бронзы – раннего железа у населения Среднего Поволжья и Предуралья	169
И.Р.Газимзянов Реконструкция этногенетических процессов на Средней Волге в конце эпохи поздней бронзы и раннего железа по данным антропологии	185

Н.Н.Терехова, Л.С.Розанова

Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) 196

О.А.Лопатина

Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков (на примере дьяковской керамики) 204

IV. Звериный стиль раннего железного века**К.И.Корепанов, М.Ф.Обыденнов**

Художественные стили в искусстве ананьинской эпохи 213

Ю.П.Чемякин, С.В.Кузьминых

Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала 216

Ю.Б.Полидович

Рукояти с изображением хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного стиля» 239

А.Р.Канторович

Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абызской культур 245

Г.Н.Вольная (Керцева)

К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур 261

Резолюция Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию открытия Ананьинского могильника в Елабуге 8–12 сентября 2008 г. 273

Список сокращений 273

**У истоков археологии Волго-Камья
(к 150-летию открытия Ананьинского могильника)**

Научное издание

Корректоры – С.В.Кузьминых, Т.Е.Чижевская

Оригинал-макет – Л.М.Зигангареева

Подписано в печать 12.08.2009 г.

Усл.п.л. 34,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

420014, г.Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09